ИСТОРІЯ НАРОДА РИМСКАГО,

СОЧИНЕНІЕ

ТИТА ЛИВІЯ

УРОЖЕНЦА ПАДУИ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

(Книга тридцать первая — тридцать восьмая.)

Войны съ Филиппомъ Македонскимъ и Антіохомъ Сирійскимъ.

ПЕРЕВЕЛЪ

А. Клевановъ,

Кандидатъ Московскаго Университета и Членъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. Траншеля, на углу Невскаго и Владимірскаго проспектовъ, домъ № 15—1.

1867.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Шесть лѣтъ прошло съ появленія въ свѣтъ третьяго тома Тита Ливія въ моемъ переводѣ (въ 1861 г.). Различныя занятія служебныя*) и хозяйственныя отвлекли мое вниманіе отъ этого труда до такой степени, что, начавъ переводъ четвертаго тома Тита Ливія въ Москвѣ, въ апрѣлѣ 1861 года, я окончилъ его только въ январѣ 1865 года. Съ того времени почти два года лежитъ онъ у меня въ портфелѣ, Мои труды**) представляя чисто научный характеръ, расходясь тихо, доставляютъ мнѣ процентъ на затраченный капиталъ (тысячь до пяти р. сер.), но о возвратѣ самаго капитала не можетъ быть и рѣчи. И теперь издаю четвертый и пятый томы Тита Ливія изъ любви къ наукѣ, насчетъ моего небольшаго состоянія, безо всякой мысли о вознагражденіи или даже объ извѣстности, хотя совершеніе такого огромнаго, какъ переводъ всего Тита Ливія, труда однимъ человѣкомъ по справедливости должно было бы обратить на себя вниманіе всѣхъ людей просвѣщенныхъ и любознательныхъ.

А. Клевановъ.

Новоселки. (Ряз. Губ.)
1866 г. октября 7-го.

---

*) Въ 1862 г. я былъ приглашенъ г. Министромъ Вн. Дѣлъ П. А. Валуевымъ для участія въ *Сѣверной Почтѣ*, и съ тѣхъ поръ нахожусь въ Петербургѣ, хотя съ 1865 г. и безъ служебныхъ занятій

**) Переводъ Тита Ливія 3 т. — Саллюстій и рѣчи Цицерона противъ Катилины. — Юлія Цезаря записки о походахъ въ двухъ частяхъ — Бесѣды Платона философскія (Евтифронъ, Критонъ, Апологія, Федонъ) — Обозрѣніе философской дѣятельности Платона и Сократа — Разсказы Римской Исторіи Ѵ вѣка, соч. Тьерри, переводъ съ Французскаго. — Аделунга — Историко-критическое обозрѣніе всѣхъ иностранныхъ путешественниковъ по Россіи въ 2 томахъ, переводъ съ Нѣмецкаго. — Исторія Юго-Западной Руси — изслѣдованіе приготовленное было на степень Магистра Русской Исторіи. Кромѣ того нѣсколько статей и писемъ моихъ было напечатано въ повременныхъ изданіяхъ: Чтеніяхъ Моск. Общ. Исторіи и Др. Россійскихъ, въ ‹Сѣверной Почтѣ, Сѣверной Пчелѣ, Петерб. Вѣд. и другихъ.

КНИГА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

I. И мнѣ пріятно, такъ какъ будто я самъ раздѣлялъ труды и опасности, достигнуть конца Пунической войны. Хотя мнѣ, имѣвшему смѣлость объявить, что я опишу всѣ дѣянія Римлянъ, менѣе всего прилично было бы утомляться отдѣльными частями такого труда. Впрочемъ, когда приходитъ на память что шестьдесятъ три года (именно столько прошло отъ начала первой до конца второй Пунической войны) потребовали отъ меня столько же книгъ, сколько заняли четыреста восемьдесятъ восемь лѣтъ отъ построенія Рима до консула Ап. Клавдія, который первый началъ военныя дѣйствія противъ Карѳагенянъ. Такимъ образомъ я уже въ умѣ своемъ предвижу, подобно тѣмъ, которые, войдя въ мѣлководныя мѣста, находящіяся у берега, идутъ въ глубь моря, что съ дальнѣйшимъ движеніемъ впередъ я погружаюсь все въ большую и большую глубину, и что трудъ, который убавился повидимому отъ первыхъ работъ, все ростетъ. За Пуническимъ миромъ послѣдовала война съ Македонянами: съ Пуническою сравниться она никакъ не могла ни степенью опасности, ни доблестью вождя, ни храбростью воиновъ. Но знаменитостью древнихъ царей, старинною славою народа и пространствомъ владѣній его (онъ подчинилъ себѣ силою оружія значительную часть Европы и большую часть Азіи), Македонская война почти превосходила Пуническую. Впрочемъ война съ Филиппомъ начатая было уже за десять лѣтъ передъ тѣмъ, три года тому назадъ окончена; тутъ Этолы были виновниками и войны и мира. Вслѣдствіе мира съ Карѳагенянами у Римлянъ руки были развязаны они негодовали противъ Филиппа какъ за не вѣрное соблюденіе обязательствъ

мира въ отношеніи къ Этоламъ и другимъ союзникамъ, находившимся въ той же странѣ, такъ и за вспоможеніе людьми и деньгами, присланное незадолго передъ тѣмъ Аннибалу и Карѳагенянамъ. Вслѣдствіе этого просьбамъ Аѳинянъ, которыхъ Филиппъ вогналъ въ городъ, опустошивъ ихъ область, не трудно было склонить Римлянъ къ возобновленію военныхъ дѣйствій.

2. Въ тоже почти время пришли послы отъ Царя Аттала и Родосцевъ съ извѣстіемъ, что Филиппъ склоняетъ на свою сторону и разные города Азійскіе. Этимъ посольствамъ данъ отвѣтъ, что Сенатъ озаботится дѣлами Азійскими. Всѣ мѣры относительно войны съ Македонянами предоставлены консуламъ, которые въ то время находились въ провинціяхъ. Между тѣмъ къ Птоломею царю Египта отправлены три посла: К. Клавдій Неронъ, М. Эмилій Лепидъ, П. Семпроній Тудитанъ; они должны были извѣстить Птоломея, что Аннибалъ и Карѳагеняне побѣждены и благодарить царя за то, что онъ, въ обстоятельствахъ сомнительныхъ, когда и ближайшіе союзники оставляли Римлянъ, былъ вѣренъ ихъ союзу; а также просить Птоломея оставаться въ томъ же расположеніи къ Римскому народу, если онъ, вынужденный оскорбленіями Филиппа, долженъ будетъ начать противъ него войну. Почти въ тоже время въ Галліи консулъ П. Элій, услыхавъ, что Боіи еще до его прибытія сдѣлали набѣги на поля союзниковъ, съ двумя легіонами, собранными на скорую руку по случаю этой тревоги, присоединивъ къ нимъ четыре когорты изъ своего войска, велѣлъ К. Оппію, префекту союзниковъ, съ этимъ сборнымъ войскомъ черезъ Имбрію (участокъ ея называемый Сапинійскимъ) напасть на область Боіевъ; а самъ тудаже повелъ войско по прямой дорогѣ черезъ горы. Оппій, войдя въ предѣлы непріятелей, сначала довольно удачно и безопасно производилъ опустошенія. Потомъ онъ, выбравъ у Мутильскаго лагеря довольно удобное мѣсто, отправился собирать хлѣбъ съ поля (жатва уже поспѣла) не произведя ни предварительныхъ розысковъ и не имѣя довольно сильныхъ сторожевыхъ отрядовъ, которые бы прикрывали безоружныхъ и занятыхъ работою людей; внезапнымъ нападеніемъ Галловъ окруженъ съ своими людьми, занимавшимися уборкою хлѣба. Робость овладѣла даже вооруженными и они бросились бѣжать. До семи тысячъ Римлянъ, разсѣявшихся по нивамъ, убито, и въ числѣ ихъ самъ префектъ К. Оппій. Остальныхъ страхъ заставилъ искать убѣжища въ лагерѣ; оттуда они, не имѣя опредѣленнаго вождя, по взаимному соглашенію войновъ выступили въ слѣдующую ночь, бросивъ большую часть своихъ пожитковъ и по дебрямъ, почти непроходимымъ, дошли до консула. И онъ, ничего не совершивъ замѣчательнаго во время управленія имъ этою провинціею кромѣ развѣ того, что опустошилъ предѣлы Боіевъ и заключилъ союзъ съ Ингавнами Лигурійцами, возвратился въ Римъ.

3. Какъ только онъ созвалъ сенатъ, то всѣ стали требовать, чтобы онъ ни о чемъ прежде не говорилъ, какъ о жалобахъ Филиппа и союзниковъ немедленно по этому дѣлу послѣдовалъ докладъ. Сенатъ, находившійся въ полномъ сборѣ, опредѣлилъ — консулу послать кого ему заблагоразсудится облекши властью съ тѣмъ, чтобы этотъ человѣкъ, по принятіи флота, который Кн. Октавій долженъ былъ привести изъ Сициліи, переправился въ Македонію. М. Валерій Левинъ, посланный въ должности пропретора, принявъ у Вибона отъ Октавія 38 кораблей, переправился въ Македонію. Когда къ нему пришелъ легатъ М. Аврелій, то сообщилъ ему извѣстіе о томъ, сколько войскъ и сколько судовъ собралъ царь Македонскій, а равно и о томъ, что не только всѣ города твердой земли, но даже острова онъ или самъ посѣтилъ или черезъ пословъ, и склонилъ жителей ихъ взяться за оружіе. Римлянамъ же надобно приняться за эту войну съ большимъ стараніемъ и напряженіемъ силъ, для того чтобы Филиппъ, въ случаѣ медленности съ ихъ стороны не рѣшился на тотъ поступокъ, на который дерзнулъ Пирръ, владѣя царствомъ менѣе Филиппова. Положено, чтобы Аврелій написалъ это самое консуламъ и сенату.

4. Въ концѣ этого года, когда сенату было доложено о земляхъ заслуженныхъ воиновъ, которые подъ начальствомъ П. Сципіона и его счастіемъ привели войну въ Африкѣ къ окончанію, сенаторы опредѣлили — М. Юнію, городскому претору, по своему усмотрѣнію, назначить десять сановниковъ для измѣренія и раздѣленія поля Самнитскаго и Аппульскаго, такъ какъ и то и другое составляло общественную собственность народа Римскаго. Выбраны П. Сервилій, К. Цецилій Метеллъ, (К. и М. Сервиліи (оба носили прозваніе близнецовъ) Л. и А. Гостиліи Катоны, П. Виллій Таппулъ, М. Фульвій Флаккъ, П. Элій Пэтъ, Т. Квинкцій Фламининъ. Въ тоже время состоялись и большіе выборы подъ предсѣдательствомъ консула П. Элія, и консулами назначены: П. Сульпицій Гальба, К. Аврелій Котта. Вслѣдъ за тѣмъ выбраны преторами: К. Минуцій Руфъ, Л. Фурій Пурпурео, К. Фульвій Гилло, Кн. Сергій Планкъ. Сценическія игры Римскія въ этомъ году пышно и торжественно исполнены эдилями курульными Л. Валеріемъ Флаккомъ и Л. Квинкціемъ Фламининомъ; они продолжались два дни. Большое количество хлѣба, которое П. Сципіонъ прислалъ изъ Африки, раздѣлили они бѣднымъ гражданамъ съ большею добросовѣстностью по четыре асса за мѣру къ великому довѣрію и благодарности народа. Плебейскія игры даны въ полномъ составѣ три раза плебейскими эдилями Л. Апустіемъ Фуллономъ и К. Минуціемъ Руфомъ, который изъ эдилей сдѣланъ преторомъ. По случаю игръ было пиршество Юпитера.

5. Въ пятьсотъ пятьдесятъ второмъ году отъ построенія Рима, въ консульство П. Сульпиція Гальбы и К. Аврелія, началась война съ царемъ Филиппомъ, только спустя нѣсколько мѣсяцевъ по заключеніи мира съ Карѳагенянами. Консулъ П. Сульпицій прежде всего доложилъ объ этомъ дѣлѣ въ Мартовскія Иды — въ этотъ день тогда новые консулы вступали въ отправленіе должности. Сенатъ опредѣлилъ: консуламъ божественное дѣло справить большими жертвами, такими, какія будутъ угодны самимъ божествамъ съ такою мольбою: то, что

сенатъ и народъ Римскій задумалъ о своемъ общественномъ дѣлѣ и о началѣ новой войны, народу Римскому, союзникамъ его и имени Латинскому пусть исполнится хорошо и благополучно.» По совершеніи же божественнаго дѣла и молитвъ, они должны были посовѣтоваться съ сенатомъ объ общественномъ дѣлѣ и о провинціяхъ. Въ это же время весьма кстати для обращенія умовъ къ войнѣ, принесены письма отъ М. Аврелія легата, и отъ пропретора М. Валерія Левина, и пришло новое посольство Аѳинянъ, давая знать что царь приближается къ ихъ предѣламъ, и что въ самое короткое время не только городъ, но и область будетъ во власти Филиппа, если только Римляне не поспѣшатъ подать помощь. Когда консулы объявили, что божественное дѣло исправлено по уставу: боги благосклонно вняли мольбамъ, а гадатели дали отвѣтъ, что внутренности жертвъ благопріятны и предвѣщаютъ расширеніе границъ, побѣду и тріумфъ, тогда прочитаны письма Валерія и Аврелія и выслушаны послы Аѳинянъ. Тутъ состоялось сенатское опредѣленіе — благодарить союзниковъ за то, что они не смотря на долговременныя убѣжденія непріятеля остались вѣрными и передъ страхомъ осады. Относительно же посылки вспоможенія они заблагоразсудили отвѣтъ дать тогда, когда консулы бросятъ жеребій о провинціяхъ: тотъ консулъ, на долю котораго прійдется Македонія, долженъ былъ предложить народному собранію — объявить войну Филиппу, царю Македонянъ.

6. По жеребію Македонія досталась провинціею П. Сульпицію и онъ сдѣлалъ предложеніе народному собранію — благоугодно ли будетъ гражданамъ приказать объявить войну Филиппу царю и Македонянамъ, которые находятся подъ его царскою властью за оскорбленія и непріязненныя дѣйствія, причиненныя союзникамъ народа Римскаго. Другому консулу Аврелію провинціею досталась Италія. Потомъ преторы бросили между собою жеребій: Кн. Сергію Планку досталось управленіе городомъ, К. Фульвію Гилло — Сицилія, К. Минуцію Руфу-Бруттіи, Л. Фурію Пурпурео — Галлія. Предложеніе о войнѣ Македон-

ской въ первомъ же народномъ собраніи отвергнуто почти всѣми сотнями. Отчасти такъ поступили граждане по собственному побужденію, утомленные продолжительностью и тягостью войны, не желая болѣе подвергаться опасностямъ и трудамъ. Съ другой стороны народный трибунъ К. Бебій возобновилъ старинную привычку во всемъ винить патриціевъ и на этотъ разъ онъ ихъ упрекалъ, что у нихъ одна война влечетъ за собою другую, а все для того, чтобы чернь никогда не могла наслаждаться миромъ. Съ негодованіемъ приняли такое обвиненіе патриціи; трибунъ народный въ сенатѣ подвергся сильнымъ упрекамъ. Сенаторы каждый отъ себя, просили консула снова назначить народное собраніе и вторично предложивъ вопросъ о войнѣ, упрекнуть гражданъ въ лѣности и доказать имъ, съ какимъ вредомъ и безчестіемъ сопряжена будетъ отсрочка военныхъ дѣйствій.

7. Консулъ, созвавъ на Марсовомъ полѣ гражданъ, прежде чѣмъ собирать голоса по сотнямъ, подозвалъ ихъ къ себѣ и сталъ имъ говорить слѣдующее: Мнѣ кажется, квириты, вамъ неизвѣстно то обстоятельство, что вопросъ, вамъ предложенный, заключается не въ томъ—будете ли вы имѣть войну или миръ (да свободу этого выбора и не предоставляетъ вамъ Филиппъ, дѣлая большія приготовленія къ войнѣ на морѣ и на сушѣ), но въ томъ: вы ли переведете ваши легіоны въ Македонію, или должны будете принять непріятеля въ Италіи. Какая разница между тѣмъ и другимъ, если не прежде когда нибудь, то по крайней мѣрѣ въ послѣднюю Пуническую войну вы испытали. Можно ли сомнѣваться въ томъ, что если бы мы столь же дѣйствительно оказали помощь Сагунтинцамъ осажденнымъ и усердно прибѣгавшихъ къ нашей защитѣ, какъ наши предки Мамертинцамъ, то мы отбросили бы на Испанію всю тягость той войны, которая, вслѣдствіе нашей медлительности, обрушилась въ послѣдствіи всею тяжестью на Италію. Да и то не подвержено сомнѣнію, что мы этого самаго Филиппа, который уже уговорился съ Аннибаломъ чрезъ пословъ и письма переправиться въ Италію, отправивъ съ флотомъ Левина для веденія съ нимъ наступательной войны, удержали въ Македоніи. И что мы сдѣлали тогда, когда въ Италіи имѣли себѣ врагомъ Аннибала, то теперь, изгнавъ его изъ Италіи и побѣдивъ Карѳагенянъ, неужели задумаемся сдѣлать? Неужели мы допустимъ, чтобы царь, завоевавъ Аѳины, какъ мы нѣкогда допустили Аннибала овладѣть Сагунтомъ, убѣдился въ нашей лѣности. Не на пятый мѣсяцъ какъ Аннибалъ отъ стѣнъ Сагунта, но на пятый день снявшись съ якорей у Коринѳа, царь пристанетъ къ берегамъ Италіи. Но вы не станете равнять съ Аннибаломъ Филиппа и съ Карѳагенянами Македонянъ; ну, хоть сравняйте ихъ съ Пирромъ. Можно ли сравнить? Насколько и вождь стоитъ выше вождя и народъ народа! Епиръ всегда прежде составлялъ, и теперь составляетъ малѣйшую часть Македоніи. Филиппъ имѣетъ подъ своею властью весь Пелопонесъ и самихъ Аргосцевъ, которые извѣстны не столько старинною славою своею, сколько убійствомъ Пирра. Теперь сравнимъ наше положеніе: Италія была тогда въ гораздо болѣе цвѣтущемъ видѣ, да и силы наши не были потрясены: еще цѣло были столько вождей и столько войскъ, которыхъ въ послѣдствіи поглотила Пуническая война и тогда нападеніе Пирра нанесло намъ чувствительный ударъ, и онъ побѣдителемъ почти подступалъ къ самому Риму! И не только Тарентинцы и тѣ жители приморской Италіи, которая зовется Великою Греціею послѣдовали за Пирромъ (тутъ по крайней мѣрѣ можно указать на единство языка и происхожденія), но и Луканцы и Брутіи и Самниты намъ измѣнили. Неужели вы полагаете, что эти народы въ случаѣ, если Филиппъ переправится въ Италію, останутся въ покоѣ или пребудутъ вамъ вѣрными. Да вѣдь они и оставались такими въ послѣдствіи во время Карѳагенской войны. Всегда эти народы не перестанутъ измѣнять намъ, если только не будетъ недостатка въ томъ, на чью сторону имъ переходить. Если бы вы затруднились переправиться въ Африку, то вы имѣли бы теперь въ Италіи врагами Аннибала и Карѳагенянъ. Но пусть же лучше Македонія, а не Италія будетъ театромъ военныхъ дѣйствій; пусть города и поля враговъ опу-

стошаются огнемъ и мечемъ. Мы уже испытали на дѣлѣ, что и счастливѣе и сильнѣе дѣйствуемъ на войнѣ внѣ отечества, чѣмъ въ отечествѣ. Идите на подачу голосовъ при благословеніи боговъ безсмертныхъ и утвердите вашими голосами мнѣніе сенаторовъ. Не только консулъ, но и боги безсмертные внушаютъ вамъ такое мнѣніе, потому что они мнѣ, когда я приносилъ жертвы съ мольбою о томъ, чтобы эта война окончилась благополучно для меня, сената, васъ и союзниковъ племени Латинскаго, и для флотовъ и войскъ нашихъ, предвозвѣстили все самое благополучное и счастливое.

8. Послѣ этой рѣчи, отправившись подавать голоса граждане, согласно предложенію консула, опредѣлили войну. Потомъ консулы, вслѣдствіе сенатскаго декрета, назначили молебствіе на три дни и у всѣхъ капищъ возносили мольбы къ богамъ, да приведутъ они къ счастливому и благополучному концу войну, которую народъ опредѣлилъ вести съ царемъ Филиппомъ. Консулъ Сульпицій спросилъ феціаловъ: войну, которая имѣетъ быть объявлена царю Филиппу прикажутъ ли они объявить ему самому или достаточно будетъ повѣстить о ней въ предѣлахъ царства, гдѣ встрѣтится первый вооруженный отрядъ? Феціалы опредѣлили, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ будетъ правильно поступлено. Сенаторы дозволили консулу — кого ему угодно изъ тѣхъ, которые находятся внѣ сената, отправить посломъ къ царю для объявленія войны. Потомъ приступили къ разсужденію о войскахъ консуловъ и преторовъ. Консуламъ приказано набрать по два легіона, а прежніе распустить. Сульпицію, которому назначено веденіе новой и значительной войны, дозволено: взять съ собою волонтеровъ сколько будетъ возможно изъ того войска, которое П. Сципіонъ вывелъ изъ Африки; противъ воли же недозволено брать никого изъ старыхъ воиновъ. Преторамъ Л. Фурію Пурпуреону и К. Минуцію Руфу консулы должны были дать по пяти тысячъ союзниковъ Латинскаго имени; этими отрядами одинъ долженъ былъ охранять Галлію, а другой землю Бруттіевъ. К. Фульвію Гилло приказано самому выбрать изъ того войска, что было у консула П. Элія, вои-

новъ, которые служили менѣе другихъ и такимъ образомъ составить себѣ отрядъ въ пять тысячъ союзниковъ и воиновъ племени Латинскаго; этотъ отрядъ долженъ былъ оберегать провинцію Сицилію. М. Валерію Фальтону, который въ прошломъ году въ качествѣ претора управлялъ провинціею Кампаніею, продолжена власть на годъ; въ качествѣ пропретора долженъ былъ онъ отправиться въ Сардинію, и изъ находившагося тамъ войска выбрать пять тысячъ человѣкъ тѣхъ союзниковъ имени Латинскаго, которые служили менѣе лѣтъ чѣмъ другіе. И консуламъ приказано набрать два городскихъ легіона, которые по требованію обстоятельствъ могли быть посылаемы, такъ какъ многіе народы Италіи были замѣшаны въ войнѣ Пунической и вслѣдствіе того кипѣли раздраженіемъ. Въ этомъ году государство Римское должно было употребить въ дѣло шесть легіоновъ изъ Римлянъ.

9. Среди самыхъ военныхъ приготовленій пришли послы отъ царя Птоломея, и объявили: Аѳиняне просили у царя помощи противъ Филиппа. Не смотря на то, что они общіе союзники, однако царь безъ вѣдома и дозволенія народа Римскаго, не пошлетъ ни войска, ни флота въ Грецію ни въ защиту, ни для непріязненныхъ дѣйствій противъ кого бы то ни было. Или онъ останется спокойно въ предѣлахъ своего царства, если народу Римскому есть досугъ защищать своихъ союзниковъ, или если Римляне заблагоразсудятъ оставаться въ покоѣ, то онъ отправитъ такое вспоможеніе, которое безъ труда защититъ Аѳины отъ Филиппа. Сенатъ высказалъ царю свою благодарность и далъ отвѣтъ: «народъ Римскій намѣренъ защищать своихъ союзниковъ; если онъ для этой войны будетъ имѣть въ чемъ либо нужду, то онъ дастъ знать царю, и убѣжденъ въ томъ, что силы его царства будутъ вѣрною и твердою опорою государства Римскаго». Потомъ, по сенатскому декрету, отправлены посламъ подарки--каждому по пяти тысячъ ассовъ. Между тѣмъ какъ консулы производили наборъ и приготовляли все, что нужно для войны, государство набожное, особенно при началѣ новыхъ войнъ, хотя уже были опредѣлены молебствія и мольбы со-

вершены у всѣхъ капищъ, но чтобы не пропустить ничего изъ прежде когда либо совершеннаго, повелѣло консулу, которому провинціею достанется Македонія, дать обѣтъ относительно игръ Юпитеру и подарка. Задержку общественному обѣту произвелъ было Лициній великій первосвященникъ; онъ говорилъ: «что изъ неопредѣленной суммы не можетъ быть исполненъ обѣтъ. Если эти деньги и могутъ быть полезны для веденія войны, то во всякомъ случаѣ они должны быть тотчасъ положены и несмѣшиваемы съ другими суммами. Если же это не будетъ исполнено, то обѣтъ не можетъ быть совершенъ правильно». Не смотря на то, что и предметъ и лицо заслуживали вниманія, консулу приказано доложить коллегію первосвященниковъ — можетъ ли быть данъ правильно обѣтъ на счетъ неопредѣленной суммы. Можетъ и даже правильнѣе — такъ опредѣлили первосвященники. Консулъ, вслѣдъ за великимъ первосвященникомъ, далъ обѣтъ тѣми же самыми словами, которыми и прежде обыкновенно давались пятилѣтніе обѣты, кромѣ того, что было прибавлено: обѣтъ относительно игръ и подарка будетъ исполненъ на такую сумму, какую опредѣлитъ сенатъ, когда пріидетъ время его совершенія. Прежде много разъ большія игры были обѣщаны на счетъ извѣстной суммы; эти первыя на счетъ неопредѣленной.

10. Когда общее вниманіе было обращено на войну съ Македонянами, вдругъ, чего менѣе всего опасались, получено извѣстіе о возстаніи Галловъ. Инсубры, Ценоманы и Боіи возбудивъ Саліевъ, Ильватовъ и другіе Лигустинскіе народы, подъ предводительствомъ Карѳагенянина Амилькара, который остался въ тѣхъ мѣстахъ изъ войска Аздрубалова, напали на Плаценцію. Тутъ разграбивъ городъ и въ раздраженіи предавъ огню большую часть — такъ что среди пламени и развалинъ едва уцѣлѣло тысячи двѣ человѣкъ, Галлы переправились черезъ По, и отправились на разграбленіе Кремоны. Слухъ о несчастіи, постигшемъ сосѣдственный городъ, далъ возможность жителямъ Кремоны запереть ворота и поставить по стѣнамъ вооруженные отряды, такъ что непріятелю, прежде чѣмъ овладѣть

городомъ нужно было его осаждать; жители отправили гонцовъ къ претору Римскому. Л. Фурій Пурпуреонъ, который тогда начальствовалъ этою провинціею, вслѣдствіе сенатскаго декрета распустилъ войско, кромѣ пяти тысячь союзниковъ и Латинянъ; съ этими войсками онъ расположился въ ближайшей части провинціи около Аримина. Тогда онъ написалъ сенату въ какомъ волненіи находится провинція: изъ двухъ поселеній, которыя уцѣлѣли и среди страшной грозы Пунической войны, одно взято и разграблено непріятелемъ, а другое подверглось нападенію; войска же, у него находящагося, недостаточно для оказанія помощи поселенцамъ нуждающимся въ защитѣ, развѣ захочетъ онъ пять тысячь союзниковъ подставить на избіеніе сорока тысячамъ (ихъ столько было подъ оружіемъ) и такимъ урономъ придать еще духу непріятелю, который и то уже возгордился разрушеніемъ Римскаго поселенія».

11. По прочтеніи этого письма сенаторы опредѣлили: чтобы консулъ К. Аврелій войску, которому онъ назначилъ явиться въ Этрурію въ положенный день, приказалъ въ тотъ же самый день собраться въ Аримінѣ, и чтобы оттуда или онъ самъ, если это будетъ совмѣстно съ выгодою государства, отправился на усмиреніе Галльскаго возстанія или написалъ претору Л. Фурію, чтобы онъ, когда къ нему придутъ легіоны изъ Этруріи, отправивъ вмѣсто ихъ пять тысячь союзниковъ, которые между тѣмъ служили бы защитою Этруріи, двинулся самъ для освобожденія колоніи отъ осады. Они положили также отправить пословъ въ Африку однихъ и тѣхъ же и въ Карѳагенъ и въ Нумидію къ Массиниссѣ. Въ Карѳагенѣ они должны были возвѣстить: «гражданинъ Карѳагенскій Амилькаръ, оставшись въ Галліи, хорошенько неизвѣстно, изъ прежняго ли Аздрубалова или изъ бывшаго въ послѣдствіи Магонова войска, ведетъ войну вопреки заключеннаго мирнаго союза. Войска Галловъ и Лигуровъ онъ возбудилъ къ оружію противъ народа Римскаго; его, если имъ угоденъ миръ, должны они вызвать и выдать народу Римскому.» Вмѣстѣ съ тѣмъ посламъ приказано сказать: «не всѣ перебѣжчики имъ возвращены и большая часть ихъ,

какъ говорятъ, ходятъ явно по Кареагену; ихъ нужно отыскать, схватить и выдать Римлянамъ въ силу союзнаго договора.» Вотъ какія порученія даны относительно Кареагенянъ. Масиниссу приказано поздравить: «что онъ не только возвратилъ себѣ отеческое царство, но и увеличилъ его присоединеніемъ лучшей части владѣній Сифакса.» Потомъ послы должны были сообщить Масиниссѣ: «начата война съ царемъ Филиппомъ за то, что онъ оказывалъ помощь Кареагенянамъ; нанося оскорбленія союзникамъ народа Римскаго, между тѣмъ какъ война свирѣпствовала въ Италіи, онъ принудилъ отправить въ Грецію и войско и флотъ и, отвлекши часть войскъ Римскихъ, онъ былъ главною причиною позднаго переправленія въ Африку.» Послы должны были просить царя прислать для этой войны на помощь Нумидскихъ всадниковъ. Посламъ даны богатые подарки, которые они должны были отнести къ царю: сосуды золотые и серебряные, порфиру и шитую рубашку съ скипетромъ изъ слоновой кости; а также вышитую тогу и Курульное кресло. Приказано посламъ обѣщать царю: когда бы ни оказалась нужною ему помощь для утвержденія и усиленія его власти царской, народъ Римскій тщательно окажетъ ему ее за его заслуги.» — Около этого же времени явились въ Сенатъ послы Вермины, Сифаксова сына, прося прощенія въ заблужденіяхъ его молодости и сваливая всю вину на коварство Кареагенянъ: «И Массинисса сталъ другомъ Римлянъ, бывъ прежде ихъ непріятелемъ: и Вермина приложитъ стараніе, чтобы его не побѣдилъ въ услужливости народу Римскому ни Масинисса и никто другой. Просить, чтобы сенатъ далъ ему названіе царя союзника и друга.» Посламъ данъ отвѣтъ: «и отецъ его Сифаксъ безъ причины сдѣлался вдругъ изъ союзника и друга врагомъ народа Римскаго; да и онъ (Вермина) самъ ознаменовалъ свою молодость наступательнымъ образомъ дѣйствуя противъ Римлянъ. А потому ему слѣдуетъ еще прежде просить мира у народа Римскаго, чѣмъ названія царя союзника и друга. Это почетное титло народъ Римскій привыкъ давать только царямъ, пріобрѣтшимъ на это право своими заслугами. Послы

Римскіе будутъ въ Африкѣ и имъ сенатъ поручитъ — назначить Верминѣ условія мира, предоставивъ имъ на это полномочіе отъ народа Римскаго. Если же онъ захочетъ эти условія измѣнить, въ чемъ нибудь прибавить или убавить, то онъ долженъ этого снова требовать отъ сената.» Послы съ этими порученіями отправлены въ Африку К. Теренцій Варронъ, Сп. Лукреціи, Кн. Октавій; каждому дано по квинкверемѣ (судну о пяти рядахъ веселъ).

12. Потомъ прочитаны письма въ сенатѣ: претора К. Минуція, котораго провинціею была земля Бруттіевъ: «въ землѣ Локровъ, изъ сокровищницъ Прозерпины, тайно ночью унесены деньги и нѣтъ слѣдовъ кто совершилъ преступленіе!» Сенатъ съ негодованіемъ узналъ, что святотатства не прекращаются и что даже Племиній, который показалъ такъ недавно блистательный примѣръ и вины и наказанія, не послужилъ урокомъ для людей. Консулу К. Аврелію поручено, написать къ претору въ землю Бруттіевъ: «сенату угодно, чтобы изслѣдованіе о похищенныхъ сокровищахъ произведено было по тому же примѣру, какъ за три года передъ тѣмъ сдѣлано преторомъ М. Помпоніемъ. Деньги, какія будутъ отысканы, положить назадъ: а что не будетъ найдено, то дополнить и если нужно будетъ, какъ прежде опредѣлили первосвященники, принесть въ очищеніе насилія, причиненнаго храму, искупительныя жертвы.» — Случились въ то же время разныя чудесныя явленія, извѣстія о которыхъ пришли изъ многихъ мѣстъ. Въ землѣ Луканцевъ, какъ говорили, горѣло небо; въ Привернѣ при ясномъ небѣ солнце весь день казалось краснымъ; въ Ланувіѣ въ храмѣ Венеры Спасительницы ночью былъ слышанъ страшный шумъ. Уже изъ многихъ мѣстъ получены извѣстія о чудовищныхъ порожденіяхъ животныхъ. Въ землѣ Сабинцевъ родился ребенокъ, о которомъ нельзя было сказать мужескаго ли онъ пола или женскаго; другой найденъ уже шестнадцати лѣтъ также неопредѣленнаго пола. Въ Фрузинонѣ родился ягненокъ съ свинною головою, въ Синуессѣ — родилась свинья съ человѣческою головою; въ землѣ Луканцевъ на обществен-

номъ полѣ родился жеребенокъ о пяти ногахъ. Все это порожденія гнусныя и безобразныя уклоненія природы на порожденія чуждыя. Болѣе всего возбудили отвращеніе полусамцы, ихъ велѣно тотчасъ отвезти въ море, такъ какъ недавно при консулахъ К. Клавдіѣ и М. Ливіѣ отвезено было въ море подобное чудовищное порожденіе. Тѣмъ не менѣе сенатъ приказалъ децемвирамъ относительно этого чудеснаго явленія посовѣтоваться съ священными книгами. Децемвиры, на основаніи священныхъ книгъ, предписали совершеніе тѣхъ же богослужебныхъ обрядовъ, которые недавно произведены вслѣдствіе этихъ же самыхъ чудесныхъ явленій. Кромѣ того они приказали пѣть по городу священное стихотвореніе тремъ хорамъ дѣвицъ по девяти въ каждомъ и отнесть подарокъ Юнонѣ Царицѣ. Консулъ К. Аврелій принялъ на себя заботу о томъ, чтобы все было исполнено согласно съ отвѣтомъ децемвировъ. Стихотвореніе какъ за память отцовъ Ливій, такъ въ то время сложилъ П. Лициній Тегула.

13. Когда всѣ требованія религіи были исполнены (въ Локрахъ изслѣдованіе о святотатствѣ произведено К. Минуціемъ и деньги изъ имущества виновныхъ положены въ священную сокровищницу), когда уже консулы собирались отправиться каждый въ свою провинцію, то явились въ сенатъ въ большемъ числѣ граждане, которымъ слѣдовалъ въ этомъ году третій платежъ въ счетъ той суммы денегъ, которую они дали взаймы консуламъ М. Валерію и М. Клавдію: потому что консулы, вслѣдствіе издержекъ на новую войну, которую нужно было вести съ большимъ флотомъ и значительными арміями, (а на эти издержки едва достаточно было средствъ казначейства), говорили, что въ настоящемъ нѣтъ источниковъ, изъ которыхъ можно было бы удовлетворить просителей. Сенатъ не могъ устоять противъ жалобъ этихъ послѣднихъ: «если деньгами, данными на Пуническую войну, государство намѣрено воспользоваться и для Македонской, то вслѣдствіе возникновенія одной войны изъ другой, не сдѣлаются ли ихъ деньги достояніемъ государства за ихъ услугу, точно такъ какъ будтобы за вину?» Требованіе частныхъ лицъ было вполнѣ справедливо, да и государство не въ состояніи было отдать занятыхъ имъ денегъ. Въ такой крайности сенаторы составили опредѣленіе стольже полезное, сколько и справедливое: такъ какъ большинство кредиторовъ государства указываетъ на то, что оно имѣетъ много продажныхъ полей, а они нуждались бы въ ихъ покупкѣ; то имъ предоставляется общественное поле, которое находится по сю сторону пятидесятаго милеваго камня. Консулы должны оцѣнить поле и на десятины наложить пошлину одинъ ассъ во свидѣтельство, что это поле общественное и для того чтобы тотъ, кто въ случаѣ состоятельности правительства къ платежу, предпочтетъ имѣть деньги, а не землю, могъ возвратить народу взятой имъ участокъ поля. Частные люди согласились съ удовольствіемъ на это условіе. Это поле получило названіе Тріентскаго и Табулійскаго, такъ какъ оно дано за третью часть денегъ.

14. Тогда П. Сульпицій, по произнесеніи обѣтовъ, данныхъ въ Капитоліѣ, облеченный въ мантію, съ ликторами отправился изъ города, прибылъ въ Брундизій и росписавъ по легіонамъ старыхъ воиновъ волонтеровъ изъ африканскаго войска и отобравъ суда изъ флота консула Корнелія, на другой день по выходѣ изъ Брундизія, переправился въ Македонію. Тамъ встрѣтили его послы Аѳинянъ, прося избавить ихъ отъ осады. Тотчасъ посланъ въ Аѳины К. Клавдій Центо съ двадцатью длинными судами и отрядомъ войска. Аѳины осаждалъ не самъ царь. Въ это самое время все вниманіе его было обращено на осаду Абидоса, уже онъ испыталъ силы, въ морскихъ сраженіяхъ съ Атталомъ и Родосцами и оба раза неудачно. Но ему придавалъ духу, кромѣ врожденной смѣлости, союзъ, заключенный съ Антіохомъ, царемъ Сиріи, и уже раздѣленныя съ нимъ богатства Египта, которому, они оба угрожали, услыхавъ о смерти Птоломея царя. Затѣяли же войну съ царемъ Филиппомъ Аѳиняне по причинѣ не весьма основательной: отъ прежде счастливаго ихъ времени осталось у нихъ только высокое мнѣніе о себѣ. Два молодыхъ Акарнанца въ день посвященія, сами

не будучи посвящены, вошли, не уважая вѣрованія, вмѣстѣ съ другими въ храмъ Цереры. Безъ труда измѣнила имъ самая рѣчь ихъ, когда они стали о чемъ то спрашивать совсѣмъ не кстати. Они были отведены къ жрецамъ храма и несмотря на то, что ясно было — вошли они въ храмъ по ошибкѣ — они, какъ будто за страшное преступленіе, умерщвлены. О такомъ гнусномъ и враждебномъ поступкѣ Аѳинянъ Акарнанцы дали знать Филиппу; и они настояли у него, что онъ, давъ имъ вспомогательный отрядъ Македонянъ, позволилъ имъ начать войну съ Аѳинянами. Войско Акарнанцевъ сначала опустошило огнемъ и мечемъ Аттику и возвратилось въ Акарнанію съ добычею всякаго рода. Но это было только начало раздраженію умовъ; въ послѣдствіи началась правильная война, которая и объявлена съ обѣихъ сторонъ опредѣленіями правительствъ. Атталъ царь и Родосцы, преслѣдуя Филиппа, отступавшаго въ Македонію, прибыли къ Эгинѣ; а царь отправился въ Пирей для возобновленія и укрѣпленія дружественнаго союза съ Аѳинянами. Все государство вышло на встрѣчу съ женами и дѣтьми, священники со всѣми знаками своего достоинства и почти самые боги, оставивъ свои привычныя мѣста, встрѣтили царя.

15. Немедленно созвано собраніе народное съ тѣмъ, чтобы царь лично объяснилъ то, чего онъ желаетъ. Потомъ показалось болѣе сообразнымъ съ его достоинствомъ изложить письменно то, что ему заблагоразсудится, чѣмъ явясь лично краснѣть или излагая свои благодѣянія относительно государства (Аттическаго) или отъ восторженныхъ кликовъ народа, которые неумѣреннымъ выраженіемъ служили бы въ тягость его скромности. А въ письмѣ, которое послано въ собраніе и тамъ прочитано, заключалось сначала изложеніе услугъ, оказанныхъ союзному городу, потомъ военныхъ дѣйствій Аттала противъ Филиппа и наконецъ увѣщаніе: «всѣми силами вести войну, пока они имѣютъ подлѣ себя какъ его царя, такъ и Родосцевъ и самихъ наконецъ Римлянъ; никогда въ послѣдствіи не найдутъ они болѣе благопріятнаго случая дѣйствовать если только пропустятъ этотъ.» Потомъ выслушаны Родоскіе послы: была еще въ свѣжей

мяти ихъ услуга, что они недавно прислали въ Аѳины четыре линейныхъ корабля Аѳинскихъ, которые передъ тѣмъ были захвачены Македонянами, а ими Родосцами отняты назадъ. А потому единодушно народное собраніе опредѣлило — весть войну противъ Филиппа. Оказаны большія почести сначала Атталу, а потомъ и Родосцамъ; затѣмъ внесено предложеніе о присоединеніи къ старымъ десяти трибамъ новой, которую предположено назвать Атталовою. Граждане Родосскіе за свою доблесть пожалованы золотымъ вѣнкомъ и дано право гражданства Родосцамъ, такъ какъ еще прежде Родосцы дали Аѳинянамъ право гражданства. Послѣ всего этого царь Атталъ удалился въ Эгину къ своему флоту. Родосцы поплыли сначала отъ Эгины къ Цію, а потомъ отъ одного острова къ другому въ Родосъ; они приняли въ свой союзъ всѣ острова, кромѣ Андроса, Пароса и Цитна, которые были заняты гарнизонами Македонянъ. Атталъ въ Эгинѣ нѣсколько времени оставался въ бездѣйствіи, дожидаясь гонцовъ, посланныхъ въ Этолію и пословъ, которые оттуда должны были пріѣхать. Впрочемъ, онъ не могъ склонить ихъ на войну, такъ какъ они очень рады были миру, заключенному съ Филиппомъ. Притомъ, если бы онъ и Родосцы, не теряя времени, тѣснили Филиппа, то они легко заслужили бы прекрасное названіе освободителей Греціи; но они терпѣливо смотрѣли, что онъ переправился опять черезъ Геллеспонтъ и, занявъ удобнѣйшіе пункты Ѳракіи, собрался съ силами, — тѣмъ дали пищу войнѣ и уступили Римлянамъ честь привести ее къ концу.

16. Филиппъ дѣйствовалъ по образу мыслей, болѣе достойному царя. Не будучи въ состояніи выдержать непріязненныхъ дѣйствій Аттала и Родосцевъ, онъ не устрашился и того, что ему угрожала война съ Римлянами. Онъ отправилъ одного изъ своихъ полководцевъ Филокла съ двумя тысячами пѣхоты и двумя стами всадниковъ для опустошенія полей Аѳинскихъ, флотъ передалъ Гераклиду, съ тѣмъ чтобы онъ шелъ въ Маронею; а самъ сухимъ путемъ отправился туда же съ двумя тысячами человѣкъ легкой пѣхоты и двумя стами всадниковъ. Онъ взялъ Маронею при первомъ нападеніи, а потомъ взялъ

и Энъ, но только послѣ большихъ усилій, наконецъ вслѣдствіе измѣны Ганимеда, Птолемеева префекта; затѣмъ захватилъ онъ еще укрѣпленныя мѣста Кипселъ и Дорискъ и Серрей. Выступивъ оттуда къ Херсонесу, онъ взялъ Елеунтъ и Алопеконнезъ, жители которыхъ сами ему передались; сдались также Каллиполь и Мадитъ, и иныя, менѣе замѣчательныя, укрѣпленныя мѣста. Жители Абидена, не впустивъ даже къ себѣ пословъ царя, заперли передъ нимъ ворота. Эта осада задержала на долгое время Филиппа, и городъ этотъ могъ быть освобожденъ отъ осады, не оставайся только въ бездѣйствіи Атталъ и Родосцы. Атталъ послалъ для защиты города только триста человѣкъ, а Родосцы отправили одну квадрирему изъ флота, когда онъ стоялъ у Тенедоса. Только впослѣдствіи, когда уже жители Абидена съ трудомъ выдерживали осаду, самъ Атталъ туда переправился, и помянулъ только надеждою на близкую помощь, а на самомъ дѣлѣ ни съ моря, ни съ суши, не помогъ союзникамъ.

17. Сначала жители Абидена, поставивъ по стѣнамъ метательныя орудія, не только не подпускали непріятелей близко подойдти съ сухаго пути, но и на морѣ положеніе непріятельскихъ судовъ дѣлали не безопаснымъ. Впослѣдствіи, когда и часть стѣны обратилась въ развалины и уже подведены подкопы подъ внутреннюю стѣну, воздвигнутую на скорую руку, жители отправили къ царю пословъ переговорить объ условіяхъ сдачи. Они просили выпустить Родоскую квадрирему съ находившимися на ней матросами и гарнизонъ Атталовъ, а также чтобъ имъ жителямъ дозволено было выйдти изъ города съ одною одеждою. Когда Филиппъ далъ отвѣтъ, что онъ ни начто несоглашается и требуетъ безусловной покорности; то жители, получивъ это извѣстіе, пришли въ такое негодованіе и отчаяніе, что подражая неистовству Сагунтинцевъ, они распорядились всѣхъ матерей семейства запереть въ храмъ Діаны, а благородныхъ юношей и дѣвицъ, даже грудныхъ дѣтей съ ихъ кормилицами въ гимназію; все золото и серебро вынести на общественную площадь, а драгоцѣнныя одежды снести на корабли, Родоскій и Кизиценскій, которые находились въ пристани, позвать священниковъ, привесть жертвы и поставить по серединѣ площади олтари. Тутъ сначала выбраны тѣ, которые, когда увидятъ пораженіе своихъ согражданъ, имѣющихъ сражаться передъ разрушенною стѣною, тотчасъ должны умертвить женъ и дѣтей; золотыя, серебряныя вещи и драгоцѣнныя одежды, которыя собраны на судахъ, побросать въ море, зданія какъ общественныя, такъ и частныя, поджечь сколько возможно въ большемъ числѣ мѣстъ. Эти люди связаны клятвою, что они совершатъ возложенное на нихъ дѣло, причемъ священники, идя впередъ, повторяли слова проклятія. Потомъ всѣ граждане возраста, годнаго въ военную службу, поклялись — никому не возвращаться съ поля битвы, иначе какъ побѣдителемъ. Помня данное ими обѣщаніе, они сражались до того упорно, что когда наступавшая ночь должна была положить конецъ битвѣ, то царь первый, испуганный неистовствомъ осажденныхъ, прекратилъ ее. Старѣйшины, на которыхъ возложена была самая трудная часть этого ужаснаго дѣла, видя, что отъ сраженія осталось немного воиновъ, да и тѣ изнемогли отъ ранъ и усталости, на разсвѣтѣ отправили къ Филиппу для передачи города священниковъ съ священными повязками.

18. Прежде сдачи Абидена изъ тѣхъ пословъ Римскихъ, которые посланы были въ Александрію, М. Эмилій, самый младшій лѣтами по общему между ними соглашенію, прибылъ къ Филиппу, услыхавъ объ осадѣ Абидена. Онъ жаловался на то, что начаты непріязненныя дѣйствія противъ Аттала и Родосцевъ и особенно на то, что онъ тогда всѣми силами нападалъ на Абиденъ. Царь на это говорилъ: что Атталъ и Родосцы первые начали непріязненныя дѣйствія противъ него. На это посолъ Римскій отвѣчалъ: и жители Абидена не первые ли стали дѣйствовать противъ тебя? — Непривыкъ царь слышать правду и потому слова Римскаго посла показались ему дерзскими и неприличными въ отношеніи къ нему царю. «Лѣта твои—сказалъ онъ послу—наружность, а особенно названіе Римлянина дѣлаютъ тебя самонадѣяннымъ и дерзскимъ. Я болѣе всего хотѣлъ бы,

чтобы вы, Римляне, имѣя въ памяти союзный договоръ оставались въ мирѣ со мною. Но если вы затрогиваете меня неприязненно, то и я хочу дѣйствовать также и дамъ вамъ почувствовать, что названіе Македонянина стоитъ на войнѣ названія Римлянина.» Отпустивъ такимъ образомъ посла, Филиппъ принялъ золотыя и серебряныя вещи, которыя собраны были въ кучи, но плѣнныхъ ему не удалось получить. Такое неистовство овладѣло большинствомъ гражданъ, что они, считая жертвами измѣны тѣхъ, которые сражаясь за отечество лишились жизни, стали упрекать другъ друга въ клятвопреступленіи и особенно священниковъ за то, что они тѣхъ же, которыхъ сами обрекли смерти, живьемъ предали непріятелю, вдругъ всѣ разбѣжались избивать женъ и дѣтей и по всѣмъ улицамъ съ радостью убивали другъ друга. И царь удивился такому ослѣпленію, онъ сказалъ, что даетъ жителямъ Абидена три дня сроку для смерти. Въ продолженіи этого времени побѣжденные совершили другъ противъ друга болѣе злодѣйствъ, чѣмъ сколько можно было ожидать ихъ даже отъ раздраженнаго непріятеля; и ни одного человѣка, за исключеніемъ тѣхъ, которыхъ удержали отъ смерти оковы или другая необходимость, не попалось живаго въ плѣнъ. Филиппъ, оставивъ въ Абиденѣ гарнизонъ, возвратился въ свое царство. И между тѣмъ какъ Филиппу взятіе Абидена придало духу для веденія войны съ Римлянами, точно также какъ Аннибалу разрушеніе Сагунта, прискакали гонцы съ извѣстіемъ, что консулъ уже находится въ Эпирѣ, и что онъ для зимовки отвелъ сухопутныя войска въ Аполлонію, а флотъ въ Корциру.

19. Между тѣмъ посламъ, которые были отправлены въ Африку насчетъ Амилькара, вождя Галльскаго войска, Карѳагеняне дали отвѣтъ, что они болѣе сдѣлать ничего не въ состояніи, кромѣ присудить его къ ссылкѣ и имѣніе его продать съ публичнаго торгу; перебѣжчиковъ и бѣглецовъ, которыхъ только найдутъ по тщательному розыску, они выдадутъ, и объ этомъ они отправятъ въ Римъ пословъ для сдѣланія Сенату удовлетворенія. Они послали въ Римъ двѣсти тысячъ мѣръ пшеницы

и столько же войску, находившемуся въ Македоніи. Изъ Карѳагена послы Римскіе отправились въ Нумидію къ царю; они передали Массиниссѣ какъ подарки сената, такъ и его порученія. Принята тысяча всадниковъ Нумидскихъ изъ двухъ тысячъ, которыя давалъ царь; самъ онъ озаботился посадить ихъ на суда и послалъ въ Македонію съ двумя стами тысячъ мѣръ пшеницы и двумяже стами ячменя. Третье посольство отправилось къ Верминѣ; онъ вышелъ на встрѣчу посламъ къ самымъ крайнимъ предѣламъ царства и предоставилъ имъ самимъ написать такія условія мира, какія они захотятъ; для него какой бы ни былъ миръ съ народомъ Римскимъ, будетъ хорошъ и справедливъ. Условія мира назначены и царю велѣно отправить пословъ въ Римъ для скрѣпленія этого мирнаго союза.

20. Въ это же время вернулся изъ Испаніи проконсулъ Л. Корнелій Лентуллъ. Когда онъ изложилъ въ сенатѣ свои храбрыя и счастливыя дѣйствія въ продолженіи длиннаго ряда годовъ и требовалъ, чтобы ему позволили въѣхать въ городъ съ почестями тріумфа, то сенатъ былъ того мнѣнія: что подвиги его заслуживали бы тріумфа, но предки ихъ не завѣщали имъ примѣра, чтобы получалъ почести тріумфа тотъ, который начальствовалъ войскомъ, не облеченный званіемъ диктатора, консула и претора. Управлялъ онъ, Лентуллъ, Испаніею какъ проконсулъ, а не какъ консулъ или преторъ. Впрочемъ большинство сенаторовъ соглашалось--дозволить Лентуллу войдти въ городъ съ почестями оваціи (малаго тріумфа); но вступился Т. Семпроній Лонгъ, трибунъ народный, который говорилъ, что и это не будетъ согласно съ обычаемъ предковъ и послужитъ дурнымъ примѣромъ на будущее время. Наконецъ, уступая единодушному желанію сенаторовъ, трибунъ перестал сопротивляться, и Л. Лентуллъ, вслѣдствіе сенатскаго декрета, вошелъ въ городъ съ почестями оваціи. Онъ внесъ изъ добычи сорокъ четыре тысячи фунтовъ серебра, а золота двѣ тысячи четыреста пятьдесятъ фунтовъ. На каждаго воина онъ роздалъ изъ добычи по сту двадцати ассъ.

21. Уже войско консульское было переведено изъ Арре-

ція въ Ариминъ, и пять тысячь союзниковъ Латинскаго имени изъ Галліи перешли въ Этрурію. Вслѣдствіе этого Л. Фурій большими переходами двинулся изъ Аримина противъ Галловъ, въ то время осаждавшихъ Кремону, и сталъ лагеремъ въ разстояніи тысячи пятисотъ шаговъ отъ непріятеля. Представлялся случай къ весьма удачному военному дѣлу, поведи только Фурій воиновъ тотчасъ же изъ похода на аттаку непріятельскаго лагеря. Галлы въ безпорядкѣ блуждали по полямъ и въ лагерѣ не оставалось довольно сильнаго охранительнаго отряда. Фурій боялся утомленія воиновъ, шедшихъ весьма поспѣшно. Галлы криками своихъ соотечественниковъ были созваны съ полей; бросивъ добычу, находившуюся у нихъ въ рукахъ, они поспѣшили въ лагерь и на другой день выступили въ поле; И Римляне не оказали ни какой медленности явиться на бой. Впрочемъ для нихъ едва оставалось довольно мѣста выстроиться; такъ быстро двинулись непріятели на сраженіе. Правое крыло, состоявшее изъ союзниковъ, раздѣленныхъ на батальоны, поставлено въ первой линіи, а въ резервѣ два Римскихъ легіона. М. Фурію ввѣрено начальство надъ правымъ крыломъ, надъ легіонами М. Цецилію, а надъ всадниками Л. Валерію Флакку; всѣ они были легатами. Преторъ имѣлъ при себѣ двухъ легатовъ К. Леторія и П. Тицинія; съ ними то онъ долженъ былъ наблюдать за ходомъ дѣла и принимать мѣры противъ какихъ нибудь нечаянныхъ дѣйствій непріятеля. Сначала Галлы, сосредоточивъ всѣ силы въ одно мѣсто, надѣялись подавить массою правое крыло, которое было ближе къ нимъ. Видя, что это намѣреніе имъ плохо удается, они попытались обойдти съ фланговъ и окружить Римскій строй (при многочисленности Галловъ и малочисленности ихъ непріятеля имъ казалось это сдѣлать легко). Увидавъ это преторъ для того, чтобы дать большее растяженіе своему строю, вывелъ два легіона изъ резерва и поставилъ одинъ на правомъ, а другой на лѣвомъ флангѣ того крыла, которое сражалось въ первой линіи. Тутъ же онъ далъ обѣтъ Юпитеру, въ случаѣ пораженія непріятелей, воздвигнуть храмъ. Л. Валерію онъ

отдалъ приказаніе, чтобы онъ выслалъ съ одной стороны всадниковъ обоихъ легіоновъ, а съ другой союзную конницу на фланги непріятеля, и не допускалъ бы его обойдти строй. А вмѣстѣ онъ и самъ, видя, что средина боевой линіи Галловъ ослабѣла, вслѣдствіе того, что усилены фланги, приказалъ воинамъ, свернувшись въ колонну, двинуться съ знаменами впередъ и прорвать ряды непріятелей. Конница сбила непріятельскіе фланги, а пѣхота центръ. На всѣхъ пунктахъ испытывая страшное пораженіе, Галлы вдругъ обратили тылъ и въ безпорядочномъ бѣгствѣ устремились въ лагерь. Конница бросилась преслѣдовать бѣгущихъ; за нею вслѣдъ двигались легіоны и напали на лагерь. Оттуда убѣжало менѣе шести тысячь человѣкъ; убито же и взято въ плѣнъ болѣе 35 тысячь и захвачено семьдесятъ военныхъ значковъ, и болѣе двухсотъ Галльскихъ телѣгъ, нагруженныхъ добычею. Въ этомъ сраженіи палъ Карѳагенскій вождь Амилькаръ и три знатныхъ вождя Галльскихъ; освобождено до 2 тысячь свободныхъ Плацентинцевъ, взятыхъ было въ плѣнъ Галлами; они возвращены въ колонію.

22. Въ Римѣ эта побѣда показалась весьма важною и причинила большую радость. По полученіи донесенія опредѣлено молебствіе на три дня. Римлянъ и союзниковъ пало въ этомъ сраженіи до 2 тысячь; болѣе всего понесло потерь правое крыло, на которое первымъ натискомъ бросилась огромная масса непріятелей. Несмотря на, то, что преторъ почти привелъ войну къ концу, однако консулъ К. Аврелій, по окончаніи того, что ему надлежало сдѣлать въ Римѣ, отправился въ Галлію и принялъ отъ претора войско, увѣнчанное побѣдою. — Другой консулъ, явясь въ свою провинцію почти уже въ концѣ осени, зимовалъ около Аполлоніи. Отправленныя въ Аѳины подъ начальствомъ К. Клавдія, триремы Римскія изъ того флота, который отведенъ былъ на стоянку въ Корциру, о чемъ сказано выше, прибыли въ Пирей, и весьма ободрили духъ союзниковъ, начавшихъ было уже терять надежду. Прекратились и набѣги на поля, которые часто дѣлались сухимъ путемъ черезъ Мегару; а суда морскихъ разбойниковъ изъ Халкида, ко-

торые дѣлали не безопасными не только воды Аѳинскія, но и самый берегъ приморскій, не осмѣливались уже не только являться по сю сторону Сунія, но и показываться въ открытомъ морѣ за предѣлами Еврипскаго пролива. Присоединились къ Римлянамъ три Родосскихъ квадриремы и три собственно Аѳинскихъ судна, безъ палубъ, изготовленныя для прикрытія морскихъ береговъ. Клавдію казалось достаточнымъ теперь съ этимъ флотомъ защищать городъ и поля Аѳинскія; но судьба дала ему случай къ болѣе славному дѣлу.

23. Изгнанники Халкидскіе, оставивъ свой городъ вслѣдствіе притѣсненія приверженцевъ царскихъ, принесли извѣстіе, что Халкиду можно занять безъ всякаго сопротивленія, что Македоняне, не опасаясь ни откуда непріятелей, блуждаютъ гдѣ попало, а жители, надѣясь на защиту ихъ, не стали заботиться обереженіемъ города. Клавдій выступилъ въ походъ вслѣдствіе этихъ показаній; хотя онъ прибылъ въ Суній довольно рано и могъ бы тутъ же подойдти къ началу Евбейскаго пролива; но онъ до ночи стоялъ съ флотомъ на якоряхъ для того, чтобы его не увидали, какъ онъ станетъ обходить мысъ. Онъ двинулся далѣе при первыхъ сумеркахъ и преспокойно достигъ Халкиды передъ разсвѣтомъ въ самое спокойное время; съ немногими воинами онъ, при помощи лѣстницъ, занялъ башню и прилежащую часть стѣны; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сторожа спали, а въ другихъ ихъ и совсѣмъ не было, Дошедъ потомъ до мѣстъ, гдѣ строенія были чаще, Римляне убили сторожей, взламали ворота и впустили остальную часть своего войска. Тутъ воины разбѣжались по всему городу; смятеніе увеличилось, когда начался пожаръ на общественной площади вслѣдствіе поджога. Сгорѣли царскіе хлѣбные магазины и арсеналъ съ большимъ запасомъ оружія и военныхъ машинъ. Тутъ началось избіеніе какъ бѣгущихъ, такъ и тѣхъ, которые пытались сопротивляться. Не осталось ни одного изъ способныхъ носить оружіе гражданъ, который или не былъ бы убитъ, или не убѣжалъ бы. Палъ и Сопатръ Акарнанецъ, начальникъ гарнизона. Добыча вся сначала снесена на площадь, а потомъ нагружена на суда. Даже тюрьма разломана Родосцами и выпущены плѣнные, которыхъ царь Филиппъ отправилъ сюда для сбереженія, какъ въ самое безопасное мѣсто. Статуи царя сброшены и обезображены, по данному къ отступленію знаку, воины сѣли на суда и отправились въ Пирей, откуда они выступили. Будь у Римлянъ воиновъ столько, что они были бы въ состояніи удержать Халкиду и не оставить беззащитными Аѳины, то весьма важное дѣло совершено было бы въ самомъ началѣ кампаніи: царь потерялъ бы Халкиду и Еврипъ, потому что какъ Ѳермопилы съ сухаго пути ворота Греціи, такъ Еврипъ служитъ ея ключемъ со стороны моря.

24. Филиппъ находился въ это время въ Деметріадѣ. Когда получено тамъ извѣстіе о несчастіи, постигшемъ союзный городъ, то хотя поздно было уже оказать помощь погубленнымъ, однако Филиппъ, думая о мщеніи, которое одно только теперь оставалось, тотчасъ выступилъ съ пятью тысячами легкой пѣхоты и тремястами всадниковъ; онъ поспѣшно устремился въ Халкиду, расчитывая, что безъ сомнѣнія успѣетъ подавить тамъ Римлянъ. Но онъ былъ обманутъ въ этой надеждѣ и прибылъ только къ грустному и непріятному зрѣлищу полуразрушеннаго, еще дымящагося союзнаго города. Оставивъ тамъ немногихъ воиновъ похоронить тѣла убитыхъ на войнѣ, Филиппъ съ тою же поспѣшностью, съ какою пришелъ въ Халкиду, перешелъ по мосту Еврипъ и черезъ Беотію двинулся къ Аѳинамъ, надѣясь, что успѣхъ увѣнчаетъ смѣлость предпріятія. И такъ бы случилось, если бы не сторожъ (такихъ людей Греки называютъ гемеродромами; они въ продолженіи одного дня пробѣгаютъ большія пространства) увидавъ царское войско съ какой то подзорной башни, побѣжалъ впередъ и среди ночи поспѣлъ въ Аѳины. Тамъ господствовали тотъ же сонъ и беззаботность, которые за нѣсколько дней передъ тѣмъ были причиною погибели Халкиды. Пробужденные тревожною вѣстью, и преторъ Аѳинянъ и Діоксиппъ, префектъ когорты наемныхъ союзныхъ воиновъ, созвали на площадь всѣхъ воиновъ и приказали изъ крѣпости подать сигналъ трубою для того, чтобы всѣхъ извѣстить о при-

ближеніи непріятеля, а потому граждане, сбѣжавшись со всѣхъ сторонъ, заняли ворота и стѣны. Черезъ нѣсколько часовъ, но все еще до наступленія дня, подошелъ Филиппъ; видя частые огни и слыша говоръ людской, неизбѣжный въ такой суматохѣ, Филиппъ велѣлъ воинамъ остановиться; онъ приказалъ имъ отдохнуть, располагая употребить открытую силу тамъ, гдѣ не удалось схитрить. Подступилъ къ городу онъ со стороны Дипила; здѣсь городскія ворота, стоя на краю города, нѣсколько шире и просторнѣе другихъ. Дороги, которыя вели къ воротамъ и за ворота были очень широки, такъ что и горожане могли идти строемъ отъ общественной площади къ воротамъ, и за воротами разстилалась обширная площадь почти въ тысячу шаговъ длины, которая вела въ гимназію и академію и на которой свободно могла дѣйствовать не только пѣхота, но и конница непріятельская. На эту площадь появились съ своими знаменами Аѳиняне вмѣстѣ съ вспомогательнымъ отрядомъ Аттала и когорта Діоксиппа, выстроившись въ боевой порядокъ по ту сторону воротъ. Филиппъ, видя это, счелъ непріятелей въ своей власти и думалъ видѣть давно желанное пораженіе Аѳинянъ (ненавистныхъ болѣе кого либо изъ Грековъ). Онъ увѣщевалъ воиновъ: чтобы они сражались смотря на него и чтобы знали, что тамъ надобно быть знаменамъ и строю, гдѣ находится царь. За тѣмъ онъ бросился на конѣ противъ непріятелей, подъ вліяніемъ нетолько раздраженія гнѣва, но и желанія славы. Стѣны были покрыты множествомъ гражданъ, собравшихся посмотрѣть, и онъ желалъ показать имъ какъ будетъ отлично сражаться. Съ немногими всадниками царь опередилъ ряды своихъ воиновъ и врѣзался въ середину непріятелей, придавая тѣмъ много мужества своимъ и страху непріятелямъ. Многихъ онъ ранилъ своею рукою и вблизи и издали и сбилъ непріятелей къ воротамъ; преслѣдуя ихъ онъ, по тѣснотѣ мѣста нанесъ имъ страшную потерю и несмотря на дерзость своего предпріятія безопасно вернулся къ своимъ. Воины, находившіеся на башняхъ воротъ, не стрѣляли, боясь бить своихъ вмѣстѣ съ непріятелями. Съ тѣхъ поръ Аѳиняне держали своихъ воиновъ за

стѣнами: Филиппъ, давъ знакъ къ отступленію, сталъ лагеремъ у Киносарга (тамъ былъ храмъ Геркулеса, гимназія и кругомъ находилась роща); но и киносаргъ и роща и все, что было около города священнаго и увеселительнаго, предано огню; не только разрушены строенія, но и гробницы не пощажены. Въ безсильномъ гнѣвѣ царь Филиппъ попралъ и божественные и человѣческіе законы.

25. На другой день вдругъ отворились ворота прежде запертыя: въ городъ вошли вспомогательный отрядъ Аттала и Римляне отъ Пирея. Царь отнесъ лагерь отъ города на разстояніе почти трехъ тысячъ шаговъ. Отсюда онъ двинулся къ Елевзину, надѣясь нечаяннымъ нападеніемъ овладѣть храмомъ и крѣпостью, которая господствуетъ надъ храмомъ и окружаетъ его. Видя, что городъ хорошо охраняется и что для защиты подходитъ флотъ отъ Пирея, царь, оставивъ свое прежнее намѣреніе, повелъ войска въ Мегару и оттуда въ Коринѳъ. Когда онъ услыхалъ, что въ Аргосѣ сеймъ Ахейцевъ, то совершенно неожиданно для нихъ, явился на совѣщаніе. Тамъ разсуждали о войнѣ противъ Набиса, державца Лакедемонскаго. Тотъ видя, что власть послѣ Филопемена досталась Цикліаду, вождю далеко не столь способному, и что распались тѣ вспомогательныя средства, которыми располагали Ахейцы, возобновилъ войну и опустошилъ прилежащія поля; уже онъ начиналъ угрожать и самимъ городамъ. А потому Ахейцы совѣтовались когда и сколько въ какомъ городѣ набрать воиновъ противъ этого непріятеля. Филиппъ обѣщалъ Ахейцамъ, что онъ сниметъ съ нихъ заботу относительно Набиса и Лакедемонцевъ, и не только защититъ отъ опустошеній поля союзниковъ, но и весь ужасъ войны перенесетъ въ область Лаконскую, куда тотчасъ же поведетъ войска. Эта рѣчь царя была принята съ большимъ восторгомъ: впрочемъ — продолжалъ царь — справедливость требуетъ, что пока я буду защищать ваше моимъ оружіемъ, мои собственныя владѣнія не оставались бы безъ защиты. И потому буде вамъ угодно, приготовьте столько воиновъ, сколько нужно будетъ для защиты Орея, Халкиды и Коринѳа съ тѣмъ чтобы

я. обезопасивъ себя стылу, могъ спокойнѣе вести войну съ Набисомъ и Лакедемонцами.» Ахейцы поняли, къ чему клонится такое ласковое обѣщаніе и помощь, предложенная противъ Лакедемонянъ. Царь того хотѣлъ, чтобы увлечь Ахейцевъ въ войну съ Римлянами, и вывести изъ Пелопонеса ихъ молодежь, которая была бы для него залогомъ ихъ вѣрности. Цикліадъ, преторъ Ахейцевъ, не счелъ нужнымъ обличать такое намѣреніе царя, а только сказалъ, что, по законамъ Ахейцевъ, можно разсуждать только о томъ предметѣ, на каковый они собраны. По сдѣланіи опредѣленія о заготовленіи войска противъ Набиса, Цикліадъ распустилъ собраніе, въ которомъ онъ предсѣдательствовалъ умно и рѣшительно; до той поры его считали въ числѣ приверженцевъ царя. Филиппъ, обманутый въ надеждѣ, весьма для него важной, набралъ немногихъ волонтеровъ и вернулся въ Коринѳъ и Аттическую область.

26. Почти въ то же самое время, когда Филиппъ пробылъ въ Ахаіѣ, Филоклесъ, его намѣстникъ, двинулся изъ Евбеи съ двумя тысячами Ѳракійцевъ и Македонянъ для опустошенія Аѳинскихъ предѣловъ. Онъ перешелъ возвышенія Киѳерона со стороны Елевзина. Тамъ онъ, разославъ половину воиновъ для опустошенія полей въ разныхъ мѣстахъ, самъ съ остальною частью войска остановился въ мѣстѣ скрытомъ и удобномъ для засады — чтобы, если отъ Елевзина изъ укрѣпленія будетъ сдѣлана вылазка на его воиновъ занятыхъ грабежомъ, произвести нечаянное нападеніе на непріятеля, который будетъ дѣйствовать въ разсыпную. Впрочемъ, ему неудалось никого обмануть засадою; а потому отозвавъ воиновъ, которые разбѣжались было для грабежа и устроивъ ихъ въ боевой порядокъ, онъ двинулся къ Елевзинскому укрѣпленію и приступалъ къ нему; но долженъ былъ удалиться, имѣя много раненыхъ и присоединился къ Филиппу, который шелъ изъ Ахаіи. Царь самъ попытался напасть на это же укрѣпленіе, но суда Римскія пришли отъ Пирея и вошелъ гарнизонъ, что и заставило царя отказаться отъ своего намѣренія. Раздѣливъ войско, царь отправилъ часть подъ начальствомъ Филоклеса къ Аѳинамъ, а съ другою самъ

двинулся къ Пирею съ цѣлью, пока Филоклесъ, угрожая приступомъ къ стѣнамъ Аѳинскимъ, будетъ удерживать Аѳинянъ въ городѣ, овладѣть легче Піреемъ, гдѣ остался слабый гарнизонъ. Впрочемъ и попытка на Пирей была неудачнѣе нападенія на Елевзинъ и защитники даже были почти одни и тѣже. Отъ Пирея царь вдругъ повелъ войска къ Аѳинамъ, но нечаянною вылазкою пѣхоты и конницы, онъ отброшенъ въ тѣсное мѣсто между развалинъ полуразрушеной стѣны, которая двумя вѣтвями соединяетъ Пирей съ Аѳинами. Оставивъ мысль о приступѣ къ городу, царь снова отдѣлилъ Филоклесу часть войска и отправился опустошать поля; въ первое опустошеніе онъ занимался разореніемъ гробницъ около города; а теперь онъ, чтобы не оставить ничего невредимымъ, велѣлъ жечь и разрушать храмы боговъ, которые были чтимы каждый въ своемъ округѣ. Аттика, изобилуя изящными произведеніями въ этомъ родѣ, ее украшающими, вслѣдствіе избытка туземнаго мрамора и искусства ея художниковъ доставила богатую пищу неистовству царя. Для него недостаточно было разрушать храмы и ниспровергать статуи боговъ, но онъ даже камни велѣлъ разбивать, чтобы и самые развалины не представляли ничего цѣлаго. Когда царь нестолько удовлетворилъ своему раздраженію, сколько недоставало уже ему пищи, онъ вышелъ изъ земли непріятельской въ Беотію, и уже ничего болѣе не сдѣлалъ въ Греціи достойнаго памяти.

27. Консулъ Сульпицій въ это время стоялъ лагеремъ между Аполлоніею и Дирахіемъ у рѣки Апса. Призвавъ туда легата Л. Апустія, онъ его отправилъ съ частью войскъ для опустошенія непріятельскихъ предѣловъ. Апустій, опустошивъ крайніе предѣлы Македоніи, взялъ первымъ натискомъ укрѣпленія Коррагъ, Геруній и Оргесъ и пришелъ въ Антипатрію, городъ находившійся въ узкомъ ущельи. Сначала онъ вызвалъ старѣйшинъ на совѣщаніе и старался ихъ склонить ввѣриться святости Римскаго слова; но когда они, понадѣясь на обширность города, крѣпость его стѣнъ и мѣстности, пренебрегли его предложеніемъ, то онъ приступилъ къ городу и взялъ его силою

оружія; совершеннолѣтніе преданы смерти, добыча отдана воинамъ, стѣны разрушены и городъ сожженъ. Опасеніе такой же участи заставило Кодріонъ, городъ довольно крѣпкій и сильный, сдаться безъ сопротивленія Римлянамъ. Оставивъ тамъ гарнизонъ, Римскій военачальникъ взялъ приступомъ Книдъ, городъ нестолько самъ по себѣ замѣчательный, сколько потому, что онъ носитъ одно имя съ извѣстнымъ городомъ въ Азіи. Когда легатъ возвращался къ консулу съ довольно большою добычею: то, при переходѣ одной рѣки, префектъ царскій Атенагоръ напалъ на задніе ряды Римлянъ и внесъ было въ нихъ безпорядокъ. Но на крикъ и смятеніе немедленно поспѣшилъ легатъ; онъ тотчасъ устроилъ воиновъ въ боевой порядокъ, приказавъ тяжести сложить въ середину. Не вынесли воины царскіе натиска Римлянъ; много изъ нихъ убито, а еще болѣе взято въ плѣнъ. Легатъ отвелъ войско свое къ консулу невредимымъ и тотчасъ былъ отосланъ назадъ къ флоту.

28. Когда война началась такимъ, довольно удачнымъ походомъ, царьки и старѣйшины племенъ, сосѣдственныхъ Македоніи, пришли въ лагерь Римскій: Плевратъ, сынъ Сцердиледа, Аминандеръ, царь Атамановъ, и изъ земли Дарданъ Бато, сынъ Лонгара. Лонгаръ велъ отъ себя войну съ Дмитріемъ, отцомъ Филиппа. На обѣщанія помощи консулъ отвѣчалъ, что онъ воспользуется содѣйствіемъ Дардановъ и Плеврата, когда введетъ войска въ Македонію. Аминандру онъ поручилъ возбудить Этоловъ къ войнѣ. Посламъ Аттала (которые также пришли въ это время) онъ сказалъ, чтобы царь дождался въ Егинѣ, гдѣ зимовалъ, флота Римскаго и соединившись съ нимъ, тревожилъ по прежнему Филиппа военными дѣйствіями съ моря. И Филиппъ въ Македоніи, куда уже прибылъ, не менѣе дѣятельно готовился къ войнѣ. Сына своего Персея, еще весьма юнаго, послалъ онъ, придавъ ему изъ своихъ приближенныхъ, людей, которые управляли бы его молодостью, съ частью войска занять тѣснины, находящіеся у Пелагоніи. Сціатъ и Пепаретъ, города немаловажные, онъ разрушилъ для того, чтобы они не послужили флоту непріятельскому добычею или наградою. Къ

Этоламъ онъ отправилъ пословъ для того, чтобы этотъ безпокойный народъ, неизмѣнилъ ему въ вѣрности съ приближеніемъ Римлянъ.

29. Собраніе Этоловъ должно было имѣть мѣсто въ назначенный день; это собраніе называлось Панетолій. Чтобы поспѣть на него и послы царскіе ускорили путь, и прибылъ посолъ, отправленный отъ консула, Л. Фурій Пурпурео. Послы Аѳинянъ также поспѣшили на это собраніе. Первые выслушаны Македоняне, съ которыми недавно еще заключенъ союзъ; они сказали: такъ какъ обстоятельства всѣ тѣже, какія были, то они ничего новаго неимѣютъ сказать. Испытавъ уже безполезность союза съ Римлянами и заключивъ миръ съ Филиппомъ, Этолы должны его соблюдать по тѣмъ же причинамъ, по какимъ заключили. Или не хотите ли вы, сказалъ одинъ изъ пословъ, подражать дерзости Римлянъ или ихъ легкомыслію? Они приказали посламъ вашимъ въ Римѣ дать отвѣтъ: за чѣмъ явились вы къ тѣмъ, безъ согласія которыхъ заключили миръ съ Филиппомъ? Теперь тѣже Римляне требуютъ, чтобы вы вмѣстѣ съ ними вели войну противъ Филиппа. И прежде они притворялись будто изъ за васъ и въ вашу защиту они взялися за оружіе противъ Филиппа; а теперь они не даютъ намъ быть въ мирѣ съ Филиппомъ. Римляне сначала высадились въ Сицилію, чтобы оказать помощь Мессанѣ, а потомъ, чтобы возвратить свободу Сиракузамъ, утѣсненнымъ Карѳагенянами. Теперь же они сами владѣютъ и Мессаною и Сиракузами, и всею Сициліею, собираютъ дань и господствуютъ при помощи сѣкиръ и пуковъ. Напримѣръ теперь вы, собравшись въ Навпактѣ, по вашимъ законамъ черезъ людей, вами же избранныхъ, имѣете возможность выбрать союзника и врага свободно, кого хотите, того и выбираете; въ вашей волѣ вести войну или заключить миръ. Не также ли и въ городахъ Сицилійскихъ, въ Сиракузахъ, Мессанѣ или Лилибеѣ созывается собраніе? Тамъ предсѣдательствуетъ преторъ Римскій; по его повелѣнію сходятся граждане, съ высокихъ подмостокъ отдаетъ онъ гордыя приказанія; его видятъ окруженнымъ ликторами; розги угрожаютъ спинѣ, а

сѣкиры головамъ граждань. И каждый годъ жеребій даетъ имъ новаго повелителя. И не должны они, и не могутъ дивиться этому, когда они видятъ города Италіи — Регій, Тарентъ и Капуи — не буду именовать ближайшихъ, разореніемъ которыхъ разросся городъ Римъ покорными той же власти. Да и Капуя еще существуетъ, могила и надробный памятникъ Кампанскаго народа, который исторгнутъ и выброшенъ оттуда, городъ несчастный, безъ сената, безъ народа, безъ сановниковъ, явленіе удивительно грустное. Печальнѣе видѣть тамъ кой какіе признаки жизни, чѣмъ совершенное разореніе. Безумно было бы надѣяться въ случаѣ если чужеродные люди, нетолько пространствомъ земель и морей, сколько языкомъ и нравами и законами отдаленные, овладѣютъ этими мѣстами, что они оставятъ здѣсь все въ прежнемъ положеніи. Царская власть Филиппа повидимому нѣсколько опасна для вашей свободы, но онъ, и по заслугѣ вашей былъ вашимъ непріятелемъ, ничего отъ васъ не требовалъ другаго кромѣ мира, и теперь желаетъ чтобы вы вѣрно соблюдали заключенный договоръ. Приведите вы эти чужеземные легіоны и пріймите иго. Когда вы будете находиться подъ господствомъ Римлянъ, тогда поздно и безполезно будетъ вамъ искать помощи у Филиппа. Этолы, Акарнаны, Македонцы, люди, говорящіе однимъ языкомъ, и ссорятся и мирятся временно, вслѣдствіе маловажныхъ причинъ; а съ чужеродцами, съ варварами, у Грековъ постоянная вражда и есть и будетъ. Они отъ природы, которая вѣчна, а не вслѣдствіе причинъ отъ времени измѣняющихся, имѣюшъ вражду между собою; но чѣмъ я началъ рѣчь мою, тѣмъ и кончу. Въ этомъ самомъ мѣстѣ вы три года тому назадъ утвердили миръ съ Филиппомъ, и его не одобряли тѣ же Римляне, которые хотятъ его смутить и разрушить уже заключенный. Если въ этомъ дѣлѣ судьба не сдѣлала никакой перемѣны, то я не вижу причины, почему вамъ искать ее.

30. Послѣ Македонянъ, введены, по согласію и даже просьбѣ самихъ Римлянъ, Аѳиняне; претерпѣвъ недавно горькую участь они могли съ большею справедливостію изобразить жестокость и строгость царя. Они изобразили въ печальныхъ краскахъ опустошеніе и бѣдственное разореніе своихъ земель. «Не на то они жалуются, что они отъ непріятеля претерпѣли враждебныя дѣйствія, и въ войнѣ есть свои законы, что прилично дѣлать и что терпѣть. Истреблять жатву, разрушать строенія, отгонять въ добычу людей и скотъ, конечно жалко видѣть тому, кто это терпитъ, а сердиться нѣзачто. Но они жалуются что тотъ, кто называетъ Римлянъ чужеродцами, и варварами, до того попралъ всѣ божескія и человѣческія права, что онъ велъ нечестивую войну въ первый свой набѣгъ съ подземными богами, а во второй съ небесными. Неоставилъ онъ въ ихъ предѣлахъ ни одного цѣлаго памятника или гробницы; обнажены тѣни всѣхъ покойниковъ, кости ихъ уже не прикрываетъ земля. Были у нихъ храмы, посвященые еще тогда, когда они жили по полямъ въ маленькихъ деревняхъ и укрѣпленіяхъ, которые предки ихъ, и собравшись въ одинъ городъ, не оставляли своимъ попеченіемъ. Во всѣ эти храмы Филиппъ внесъ разрушительный огонь; полуобожженныя и изуродованныя изображенія боговъ лежатъ между ниспроверженными на землю столбами храмовъ. Какъ онъ поступилъ съ Аттикою, нѣкогда изукрашенною и богатою, такъ онъ поступитъ и съ Этоліею и со всею Греціею, если только будетъ имѣть возможность. Да и не будь помощь Римлянъ, та же плачевная участь ожидала бы и самый ихъ городъ. Такой же преступный умыселъ былъ на боговъ, живущихъ въ ихъ городѣ и на самую Минерву, покровительницу ихъ крѣпости. Тоже злодѣйство угрожало въ Елевзинѣ храму Цереры и въ Пиреѣ Юпитеру и Минервѣ. Но когда Филиппъ отбитъ былъ силою оружія не только отъ ихъ храмовъ, но и отъ стѣнъ, тогда излилъ онъ свою ярость на храмы, которыхъ единственною защитою была вѣра. А потому они умоляютъ и заклинаютъ Этолійцевъ, чтобы они, пожалѣвъ объ Аѳинянахъ, начали войну при содѣйствіи—вопервыхъ боговъ безсмертныхъ, а потомъ Римлянъ, которые послѣ боговъ имѣютъ наиболѣе силы.

31. Тогда Римскій посолъ сказалъ слѣдующее: меня весь

планъ моей рѣчи заставили измѣнить сначала Македоняне, а потомъ Аѳиняне. И Македоняне, между тѣмъ какъ и я явился жаловаться на обиды, нанесенныя Филиппомъ столькимъ союзнымъ городамъ, обвинивъ съ своей стороны Римлянъ, сдѣлали то, что я предпочитаю защищаться, чѣмъ обвинять. Аѳиняне же, описавъ нечестивыя и безчеловѣчныя злодѣйства Филиппа противъ боговъ небесныхъ и подземныхъ, оставилили мнѣ или кому либо другому, къ этому что либо прибавить? Повѣрьте такія же жалобы принесутъ жители Ціаны, Абидена, Энеи Маронеи, Тазоса, Пароса, Самоса, Лариссы и Мессены изъ Ахаіи. Даже еще хуже и жесточе поступилъ тамъ Филиппъ, такъ какъ ему тамъ представлялось на это болѣе возможности. Что же касается до того, въ чемъ онъ самъ упрекаетъ, то если бы мы не заслуживали за это славы, я, признаюсь, и защищаться бы не сталъ. Онъ попрекаетъ насъ Регіемъ, Капуею и Сиракузами. Въ Регіѣ, во время войны съ Пирромъ, легіонъ нашъ, посланный туда по просьбѣ самихъ Регинцевъ для ихъ защиты, преступно овладѣлъ тѣмъ же городомъ, который обязанъ былъ оберегать. Что же мы одобрили злодѣйство? Не преслѣдовали ли мы войною преступный легіонъ и, покоривъ его своей власти, не заставилили мы его заплатить союзникамъ достойное возмездіе ихъ спинами и головами, а Регинцамъ возвратили и городъ, и земли и всю ихъ собственность, а также вольность и ихъ законы? Что же было гнуснѣе поступка Сиракузанъ, которые послѣ того, что мы имъ, угнѣтеннымъ чужестранными властителями, подали помощь и послѣ большихъ усилій въ продолженіи трехъ лѣтъ осаждали и съ суши и съ моря городъ сильно укрѣпленный, предпочли служить тиранамъ, чѣмъ отдаться нашей власти и все таки мы, взявъ городъ оружіемъ, свободный возвратили имъ. Не станемъ ли мы отрицать того, что Сицилія наша провинція и что города, которые были на сторонѣ Карѳагенянъ, и за одно съ ними вели противъ насъ войну, платятъ намъ дань? Мы напротивъ хотимъ, чтобы и вы, и всѣ народы знали, что каждаго ждетъ участь по его заслугамъ въ отношеніи къ намъ. Можемъ ли мы раскаяваться въ наказаніи Кампанцевъ, на

которое они и сами жаловаться не могутъ? Они—между тѣмъ какъ мы за нихъ вели войну противъ Самнитовъ въ продолженіи почти 70 лѣтъ съ большими для насъ потерями, и ихъ самихъ сначала миромъ, а потомъ брачными связями и происшедшими вслѣдствіе того родственными отношеніями, наконецъ правомъ гражданства, хотѣли къ себѣ привязать, въ несчастное для насъ время, первые изъ народовъ Италіи, истребивъ преступнымъ образомъ нашъ гарнизонъ, перешли на сторону Аннибала. Потомъ, негодуя на то, что мы ихъ осаждаемъ, они послали Аннибала сдѣлать нападеніе на Римъ. Если бы послѣ этого нетолько городъ Кампанцевъ, но и ни одинъ изъ нихъ не уцѣлѣлъ бы, то кто бы могъ пріидти въ негодованіе и полагать что съ ними обошлись строже, чѣмъ они заслуживали? Впрочемъ изъ нихъ, больше сознавая свою преступность, лишили сами себя жизни, чѣмъ сколько мы казнили. У прочихъ мы такъ отняли городъ и поля, что дали имъ и мѣсто для жительства и нивы; а городу, который ни въ чемъ невиненъ, мы позволили стоять неприкосновеннымъ, и такъ, кто его увидитъ— не найдетъ теперь и признаковъ того, что онъ былъ осаждаемъ и взятъ силою. Но что же я говорю о Капуѣ? И Карѳагену побѣжденному мы дали миръ и свободу. Болѣе для насъ опасности, что, прощая слишкомъ легко побѣжденнымъ, мы можемъ поощрить многихъ попытать съ нами въ борьбѣ военное счастіе. Этого достаточно сказать, какъ въ нашу защиту такъ и противъ Филиппа: его семейныя преступленія, избіеніе родныхъ и друзей и похотливость, почти болѣе не человѣческую чѣмъ его жестокость, вы, живя ближе къ Македоніи, лучше меня знаете. Что же касается до васъ, Этолы, то мы за васъ начали войну противъ Филиппа, а вы безъ нашего вѣдома заключили съ нимъ миръ. Вы, можетъ быть, скажете, что такъ какъ мы заняты были Пуническою войною, то вы вынуждены были страхомъ принять условія мира отъ того, кто въ то время имѣлъ болѣе силы. И мы, имѣя другія болѣе важныя дѣла, и сами оставили войну, которую вы прекратили. Теперь и мы, окончивъ по милости боговъ безсмертныхъ Пуническую войну,

всѣми силами налегли на Македонію. И вамъ представился случай возвратиться къ нашей пріязни и союзу; развѣ можетъ быть вы предпочтете погибнуть вмѣстѣ съ Филиппомъ, чѣмъ побѣдить съ Римлянами?»

32. Когда сказалъ это Римскій посолъ, то умы всѣхъ были болѣе расположены въ пользу Римлянъ. Дамокритъ, преторъ Этолійцевъ, взявъ, какъ говорятъ, деньги отъ царя, не высказалъ своего согласія ни на то, ни на другое рѣшеніе: въ разсужденіяхъ о важныхъ дѣлахъ — сказалъ онъ — ничто такъ не вредно, какъ поспѣшность. Скоро бываетъ раскаяніе, но оно и позднее и безплодное, а рѣшенія, принятыя поспѣшно, не могутъ ни быть взяты назадъ, ни совершенно отмѣнены. Срокъ на обсужденіе этого рѣшенія, которое по его мнѣнію должно быть зрѣлымъ, нужно опредѣлить такъ: закономъ постановлено, что о мирѣ и войнѣ можетъ быть разсужденіе только на Панэтольскомъ и Пилейскомъ собраніяхъ, тотчасъ же предоставить право претору, не подвергаясь отвѣтственности созвать собраніе, какъ только онъ признаетъ своевременнымъ разсуждать о мирѣ или войнѣ, и рѣшеніе этого собранія, должно считаться столькоже твердымъ, какъ если бы оно состоялось на Панэтольскомъ и Пилейскомъ сеймахъ. Когда послы были такимъ образомъ отпущены безъ всякаго рѣшенія, то Дамокритъ полагалъ, что онъ поступилъ наилучше для своего народа; на чьей сторонѣ будетъ военное счастіе, туда онъ располагалъ пристать. Вотъ что произошло на сеймѣ Этолійскомъ.

33. Филиппъ дѣйствительно готовился къ войнѣ и на морѣ и на сушѣ; морскія силы онъ собиралъ въ Ѳессаліи въ Деметріадѣ. Полагая, что и Атталъ и Римскій флотъ въ началѣ весны двинутся отъ Эгины, онъ сдѣлалъ начальникомъ судовъ и морскаго берега Гераклида, который и прежде ими начальствовалъ. Онъ самъ собиралъ сухопутныя войска, полагая, что лишилъ Римлянъ двухъ значительныхъ вспомогательныхъ средствъ, съ одной стороны Этоловъ, съ другой Дардановъ, такъ какъ Пелагонскія тѣснины заняты были сыномъ его Персеемъ. Консулъ уже не готовилъ только, но и велъ войну. Онъ

повелъ войско по землѣ Дассаретіевъ и везъ цѣлымъ хлѣбъ, который взялъ съ собою съ зимнихъ квартиръ; поля же доставляли достаточно то, что нужно было воинамъ. Города и села сдавались частью добровольно, частью подъ вліяніемъ страха. Нѣкоторые взяты силою, а другіе найдены были опустѣвшими, такъ какъ дикіе жители ихъ оставили и бѣжали въ находившіяся по близости горы. Консулъ сталъ лагеремъ у Линка подлѣ рѣки Бева; оттуда онъ послалъ фуражировать около Дассаретскихъ житницъ. Филиппъ видѣлъ все около себя въ ужасѣ; всѣ были поражены сильнымъ страхомъ, но незная, въ какую сторону пошелъ консулъ, онъ отправилъ отрядъ конницы разузнать о движеніи непріятеля. Такая же неизвѣстность была и у консула. Онъ зналъ, что царь уже оставилъ зимнія квартиры но не зналъ, въ какую онъ пошелъ сторону. И онъ также послалъ всадниковъ для рекогносцировки. Эти два отряда съ двухъ разныхъ сторонъ блуждавъ долго по землѣ Дассаретовъ по малоизвѣстнымъ дорогамъ, наконецъ сошлись на одну. И тѣ и другіе, услыхавъ вдали говоръ людей и топотъ коней не могли ошибиться въ томъ, что это приближается непріятель, а потому, прежде чѣмъ сойтись ближе, обѣ стороны уже приготовили и коней и оружіе и какъ только увидали другъ друга, то тотчасъ же сразились; и съ той, и съ другой стороны были воины отборные и потому равны доблестью, да и числомъ тоже, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ они сражались съ равнымъ успѣхомъ. Утомленіе коней и людей положило конецъ сраженію при нерѣшительномъ для которой либо стороны успѣхѣ. Македонянъ пало сорокъ всадниковъ, а Римлянъ тридцать пять. Тѣмъ не менѣе ни тѣ ни другіе не могли принести, одни консулу, а другіе царю ничего вѣрнаго о томъ, въ какой сторонѣ находится лагерь непріятельскій. А свѣдѣніе объ этомъ получено отъ перебѣжчиковъ, легкомысліе характера которыхъ доставляетъ въ избыткѣ во всѣхъ войнахъ и которые служатъ для разузнанія положенія дѣлъ у непріятеля.

34. Филиппъ, полагая, что онъ и привяжетъ своихъ и

заставить ихъ охотнѣе подвергаться за него опасности, если позаботится о погребеніи всадниковъ, которые пали въ этомъ походѣ, приказалъ принесть тѣла ихъ въ лагерь для того, чтобы всѣ видѣли похоронныя почести. Но ничто такъ невѣрно и непонятно, какъ расположеніе умовъ многолюдства. То, что по видимому должно было сдѣлать воиновъ усерднѣе для понесенія всякихъ опасностей, нагнало на нихъ страхъ и лѣность. Видя дотолѣ раны нанесенныя стрѣлами, дротиками и рѣдко копьями, привыкнувъ сражаться съ Греками и Иллирами, они видя тѣла, обезглавленныя Испанскими мечами, съ отрубленными руками или съ головами пробитыми насквозь, обнаженныя внутренности и вообще другія гнусныя раны, съ ужасомъ воображали, противъ какихъ людей и какого оружія прійдется имъ бороться. Самимъ царемъ овладѣлъ страхъ, ему еще ни разу не приходилось имѣть дѣло съ Римлянами въ правильномъ сраженіи. А потому, отозвавъ съ цѣлью увеличить свои силы—сына и отрядъ, которые находились въ тѣснинахъ Пелагоніи и тѣмъ открывъ въ Македонію путь Плеврату и Дарданамъ, самъ съ двадцатью тысячами пѣхоты и четырьмя конницы, по указанію перебѣжчиковъ, двинулся къ непріятелю и, въ разстояніи нѣсколько болѣе тысячи шаговъ отъ лагеря Римскаго укрѣпилъ рвомъ и валомъ холмъ, ближайшій къ Аттаку. Смотря сверху на находившійся внизу Римскій лагерь, царь, говорятъ, подивился и его виду вообще и правильному распредѣленію частей, такъ какъ были и улицы и промежутки и сознавался, что никогда не можетъ быть такого порядка въ лагерѣ варварскомъ. Въ продолженіи двухъ дней и консулъ, и царь, поджидая дѣйствій одинъ другаго, удерживали воиновъ внутри окоповъ. На третій день Римлянинъ вывелъ всѣ войска въ боевомъ порядкѣ.

35. Царь, опасаясь такъ скоро отдать на рѣшеніе случая судьбу всей войны, послалъ впередъ затрогивать непріятельскую конницу — четыреста Тралловъ (это родъ Иллировъ, какъ мы сказали въ другомъ мѣстѣ) и триста Кретійцевъ; онъ къ этому числу пѣшихъ придалъ такое же число всадниковъ и вождемъ имъ назначилъ Атенагора, одного изъ придворныхъ своихъ. У Римлянъ боевой фронтъ находился на разстояніи немного болѣе пятисотъ шаговъ; онъ выслалъ почти два эскадрона велитовъ и всадниковъ для того, чтобы противустáвить непріятелю силы, ровныя его силамъ.—Воины царскіе полагали, что имъ прійдется сражаться такъ какъ они привыкли, что всадники, то набѣгая, то отступая, будутъ бросать стрѣлы и потомъ отбѣгать назадъ, въ такомъ случаѣ былабы очень полезна ловкость и быстрота Иллирійцевъ при набѣгахъ и внезапныхъ нападеніяхъ, а Кретійцы метали бы стрѣлы и дротики въ непріятеля, который бросался бы въ разсыпную. Но атака Римлянъ своею силою и упорствомъ разстроила планъ дѣйствія непріятелей: дѣйствуя какъ бы правильнымъ строемъ, и велиты, бросивъ дротики, вступили въ рукопашный бой мечами и всадники, разъ бросившись на непріятеля, остановили своихъ коней и сражались частью сидя на коняхъ, частью спѣшившись и перемѣшавшись съ пѣхотою. Такимъ образомъ всадники царскіе, непривыкшіе сражаться въ правильномъ бою, не могли равняться съ Римскими всадниками, да и пѣшіе воины, которые дѣйствовали въ разсыпную и по своему роду оружія были почти полуобнажены не могли равняться съ Римскимъ велитомъ, который, имѣя и мечь и щитъ, могъ дѣйствовать наступательно и оборонительно. А потому воины царскіе не вынесли борьбы, и находя свою безопасность только въ одной быстротѣ, бѣжали въ лагерь.

36. По прошествіи одного дня, царь, располагая ввесть въ дѣло всю свою конницу и легкую пѣхоту, ночью воиновъ цетратовъ, которыхъ Македоняне называютъ пельтастами, скрылъ въ засадѣ въ удобномъ мѣстѣ между обоими лагерями. Атенагору же и всадникамъ царь внушилъ, чтобы они, если дѣло будетъ идти удачно въ открытомъ бою, пользовались случаемъ, если же нѣтъ, то чтобы они, отступая мало по малу, непримѣтно завели непріятеля къ мѣсту засады. Конница отступила, но начальники когорты цетратовъ, недождавшись условленнаго сигнала, пустили преждевременно своихъ въ дѣло и тѣмъ упу-

стили случай къ удачному дѣйствію. Римляне побѣдили въ открытомъ бою, и не потерпѣвъ никакого вреда отъ устроенной было для нихъ засады, отступили въ лагерь. На другой день консулъ вывелъ въ поле всѣ свои войска, устроенныя въ боевомъ порядкѣ; слоновъ онъ поставилъ передъ линіею. Въ первый разъ Римляне прибѣгли къ помощи слоновъ, которыхъ нѣсколько они захватили во время послѣдней Пунической войны. Видя, что непріятель скрывается за окопами, консулъ поднялся на холмъ и подъ самый валъ, громко упрекая непріятеля въ трусости, но какъ непріятель все таки не принималъ боя и вслѣдствіе такой близости лагеря, фуражировка не могла быть безопасною, потому что всадники непріятельскіе могли во всякое время нечаянно броситься на воиновъ Римскихъ, когда они разсѣются по полямъ; то консулъ, полагая вслѣдствіе разстоянія сдѣлать фуражировку безопаснѣе, перенесъ лагерь на восемь миль оттуда въ мѣсто, называемое Ортолофъ. Когда Римляне занимались фуражировкою по ближайшимъ мѣстамъ, то царь сначала держалъ своихъ за окопами, для того чтобы увеличились и смѣлость и небреженіе непріятеля. Видя же, что воины Римскіе разсыпались по разнымъ мѣстамъ, онъ со всею конницею и вспомогательными Кретійцами, бросился такъ поспѣшно, какъ только быстро могли слѣдовать за конницею самые расторопные легко вооруженные воины и сталъ между лагеремъ Римскимъ и фуражировавшими воинами. Оттуда, раздѣливъ войска, онъ отправилъ часть воиновъ догонять разсѣявшихся фуражировъ, давъ знакъ, чтобы никого не оставлять въ живыхъ, а съ частью самъ остановился и занялъ всѣ пути, по которымъ только фуражиры могли бѣжать въ лагерь. Уже въ разныхъ мѣстахъ было убійство и бѣгство, а въ лагерь Римскій не пришелъ еще ни одинъ гонецъ объ этомъ несчастіи, потому что бѣглецы попадали на поставленные царемъ посты и болѣе воиновъ погибало отъ засѣвшихъ подорогамъ, чѣмъ отъ высланныхъ на убійство. Наконецъ нѣкоторые въ суматохѣ пробрались черезъ самые непріятельскіе ка-

раулы и принесли съ собою въ лагерь скорѣе смятеніе, чѣмъ вѣрное извѣстіе.

37. Консулъ, отдавъ приказаніе всадникамъ, чтобы они оказывали помощь тѣснимымъ гдѣ только могли, самъ вывелъ легіоны изъ лагеря и четыреугольнымъ строемъ (въ видѣ карре) повелъ противъ непріятеля. Всадники бросились въ разсыпную и нѣкоторые разбрелись по полямъ, будучи введены въ заблужденіе криками, которые раздавались разные изъ разныхъ мѣстъ. Впрочемъ часть всадниковъ встрѣтила непріятеля; сраженіе началось разомъ во многихъ мѣстахъ. Отрядъ, гдѣ находился царь, производилъ самую ожесточенную борьбу; и количествомъ пѣшихъ и всадниковъ этотъ отрядъ составлялъ почти ядро непріятельскихъ силъ и сюда же устремилась большая часть Римлянъ потому, что онъ стоялъ на срединѣ дороги. И въ этомъ мѣстѣ Македоняне имѣли верхъ, какъ потому что царь самъ ободрялъ своихъ и вспомогательный отрядъ Кретійцевъ переранилъ неожиданно многихъ Римскихъ всадниковъ, сражаясь сплошною и готовою массою противъ разсѣянныхъ и дѣйствовавшихъ отдѣльно. Знай только непріятель мѣру въ преслѣдованіи Римлянъ, то не только онъ пріобрѣлъ бы славу въ этомъ сраженіи, но и результатъ всей компаніи могъ быть другой. А тутъ увлеченный далеко желаніемъ убивать непріятелей онъ наткнулся на шедшія впереди съ трибунами когорты Римлянъ. Бѣжавшая дотолѣ ихъ конница, лишь только увидѣла значки ихъ, обратила коней назадъ противъ непріятелей, которые уже дѣйствовали въ разсыпную. Въ одну минуту участь сраженія перемѣнилась и обратили тылъ тѣ, которые только что передъ тѣмъ сами преслѣдовали. Многіе убиты въ происшедшей свалкѣ, а многіе во время бѣгства. И гибли не только отъ меча непріятельскаго, но нѣкоторые, отброшенные въ болота, потонули съ конями въ глубокой трясинѣ. Да и царь самъ находился въ опасности. Подъ нимъ упалъ раненый конь и онъ было свалился на землю и чуть было не былъ захваченъ такъ лежащимъ. Спасъ его одинъ всадникъ; поспѣшно соскочивъ съ коня, онъ подса-

дилъ на него оробѣвшаго царя; а самъ не будучи въ состояніи пѣшій догнать бѣжавшихъ всадниковъ, убитъ непріятелями, устремившимся на упавшаго царя. Царь въ поспѣшномъ бѣгствѣ миновалъ болота частью проходимыя, частью непроходимыя, достигъ благополучно лагеря, гдѣ уже многіе отчаивались въ томъ, что онъ уйдетъ невредимо. Двѣсти Македонскихъ всадниковъ погибло въ этомъ сраженіи, почти сто попалось въ плѣнъ; уведены восемьдесятъ коней богато убранныхъ и оружіе съ убитыхъ непріятелей снято какъ военная добыча.

38. Нашлись люди, которые обвиняли за этотъ день царя въ опрометчивости, а консула въ нерадѣніи. Филиппу слѣдовало оставаться въ покоѣ, такъ какъ онъ очень хорошо зналъ, что непріятель въ продолженіи немногихъ дней истощивъ занимаемую имъ мѣстность, будетъ испытывать во всемъ самый сильный недостатокъ. А консулъ, обративъ въ бѣгство конницу непріятеля и его легковооруженныхъ воиновъ и чуть незахвативъ и самого царя, долженъ былъ тотчасъ вести свое войско къ царскому лагерю. Непріятели до того оробѣли, что они бы тамъ неостались и война была бы окончена однимъ ударомъ. Но мнѣ кажется легче было, какъ часто случается, это сказать, чѣмъ исполнить. Если бы царь ввелъ въ дѣло всѣ свои и пѣшія войска, то можетъ статься, въ суматохѣ, когда всѣ, будучи побѣждены и подъ вліяніемъ ужаса бѣжали за окопы, если бы побѣдоносный непріятель тотчасъ приступилъ къ укрѣпленіямъ, то царь могъ бы потерять лагерь. Но когда въ лагерѣ оставались не бывшія еще въ дѣлѣ пѣшія войска, и у воротъ были расположены караулы и вооруженные отряды, то что же могъ сдѣлать полезнаго консулъ кромѣ подражать неосторожности царя, который опрометчиво въ разсыпную преслѣдовалъ бѣжавшихъ всадниковъ. Да и намѣреніе царя первоначальное—произвести нападеніе на фуражировъ разсѣянныхъ по полямъ, не заслуживало бы порицанія, во время только прекрати онъ удачное для себя сраженіе. Тѣмъ менѣе удивительно намѣреніе царя испробовать счастія, что до него дошелъ слухъ

о переходѣ уже въ Македонію Плеврата и Дардановъ, вышедшихъ изъ своихъ жилищъ съ огромными силами. Въ случаѣ еслибы царь далъ себя окружить всѣми этими войсками, то Римляне могли несходя съ мѣста привести войну къ концу. Вслѣдствіи этого, и послѣ двухъ неудачныхъ сраженій конницы, Филиппъ, считая уже нестоль безопаснымъ дальнѣйшее пребываніе въ этой позиціи, желая уйдти оттуда и при уходѣ обмануть непріятеля, послалъ къ консулу уже около захожденія солнца герольда просить перемирія для погребенія тѣлъ убитыхъ всадниковъ и такимъ ложнымъ предлогомъ занявъ непріятеля, во вторую стражу ночи, оставивъ по всему лагерю разведенные большіе огни, вышелъ оттуда съ войскомъ, соблюдая глубокую тишину.

39. Консулъ уже легъ отдыхать, когда ему сказали, что пришелъ отъ непріятеля гонецъ и зачѣмъ онъ пришелъ. Въ отвѣтъ только сказано, что и на другой день утромъ будетъ время поговорить, но цѣль была достигнута и Филиппъ имѣлъ передъ собою ночь и часть послѣдовавшаго за нею дня для того, чтобы уйдти впередъ. Онъ удалился въ горы, куда онъ зналъ, что не пойдутъ Римляне своимъ тяжелымъ строемъ. Консулъ на разсвѣтѣ отпустилъ герольда, давъ перемиріе, но когда вскорѣ послѣ того узналъ, что непріятель ушелъ, не зная по какой дорогѣ за нимъ слѣдовать, онъ провелъ нѣсколько дней на томъ же мѣстѣ, запасаясь провіантомъ. Оттуда онъ отправился въ Стуберу и изъ Пелагоніи свезъ хлѣбъ, который находился въ поляхъ. Оттуда онъ выступилъ къ Плювинѣ, все еще не зная, въ какую сторону двинулся непріятель. Филиппъ сначала остановился было у Бріанія, но потомъ двинулся впередъ поперечными дорогами и внезапнымъ появленіемъ привелъ непріятеля въ ужасъ. А потому Римляне выступили изъ Плювины и у рѣки Осфаги стали лагеремъ. Царь и самъ остановился неподалеку оттуда, проведя валъ по надъ берегомъ рѣки (жители называютъ Еригономъ). Узнавъ хорошенько, что Римляне отправятся въ Еордею, онъ выступилъ впередъ занять ущелье для того, чтобы непріятель не могъ овладѣть

дорогою, которая идетъ тутъ въ узкихъ тѣснинахъ. Здѣсь онъ наскоро сдѣлалъ укрѣпленія гдѣ валомъ, гдѣ рвомъ, гдѣ завалами изъ камней, которые должны были служить вмѣсто стѣны, гдѣ засѣками изъ деревьевъ, однимъ словомъ какъ только можно было по свойству мѣстности и находившагося подъ руками матеріалу. И какъ царь полагалъ самъ, онъ дорогу и само по себѣ едва проходимую, сдѣлалъ недоступною возведенными со всѣхъ сторонъ укрѣпленіями. Кругомъ были по большей части мѣста лѣсистыя, въ высшей степени неудобныя для дѣйствія Македонской фалангѣ. Она за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ выставляетъ впередъ щитовъ длинныя копья (а для этого необходимо нужно открытое мѣсто) оказывается совершенно безполезна. Ѳракійцамъ невозможно было за вѣтвями со всѣхъ сторонъ нависшими дѣйствовать свободно своими длинными мечами. Не безполезна была одна когорта Кретійцевъ, но и та, въ случаѣ нападенія непріятеля, пуская стрѣлы въ доступнаго для ранъ коня и всадника, не производила почти ни какого дѣйствія, такъ какъ стрѣлы ея не могли пронзить щитовъ Римскихъ и нигдѣ не находили не прикрытаго мѣста. А потому когда они узнали, что этотъ родъ оружія не приноситъ почти ни какой пользы, то они бросали въ непріятеля каменьями, которыхъ много лежало по всей долинѣ; но какъ они дѣлали больше стуку, ударяя въ щиты, чѣмъ наносили ранъ, всетаки они было пріостановили нѣсколько движеніе Римлянъ впередъ; но потомъ они и на это не посмотрѣли и частью прикрывшись щитами какъ черепахою идутъ прямо на встрѣчу непріятелей; частью сдѣлавъ небольшой обходъ и взойдя на вершину горъ, они сбиваютъ съ ихъ позицій пришедшихъ въ замѣшательство Македонянъ, и такъ какъ трудно было бѣжать въ мѣстахъ столь неудобныхъ, то потеря Македонянъ убитыми оказалась очень велика.

40. Такимъ образомъ ущелье взято съ меньшимъ сопротивленіемъ, какое они предполагали въ своихъ мысляхъ и пришли въ Еордею: опустошивъ тамъ часть полей, консулъ удалился въ Елимею. Оттуда онъ произвелъ нападеніе на Орестиду и напалъ на городъ Целетръ, находившійся на полуостровѣ. Воды озера омываютъ стѣны, единственная дорога съ твердой земли идетъ ущельемъ. Сначала жители, понадѣясь на крѣпость мѣстоположенія, заперли ворота города и отказали въ повиновеніи; потомъ когда они увидѣли, что непріятели несутъ знамена и подступаютъ къ воротамъ черепахою и что непріятельскія силы занимаютъ ущелье, они, не пробуя счастія въ сраженіи, подъ вліяніемъ одного страха, сдались. Отъ Целетра консулъ выступилъ въ землю Дассаретіевъ и взялъ силою городъ Пелій. Оттуда онъ увелъ рабовъ съ прочею добычею, а свободныхъ гражданъ отпустилъ безъ выкупа и возвратилъ имъ городъ, оставивъ сильный гарнизонъ. Городъ занималъ мѣстность весьма удобную для того, чтобы оттуда дѣлать набѣги на Македонію. Такимъ образомъ обойдя непріятельскія области, консулъ отвелъ войска въ мѣста уже умиренныя къ Аполлоніи, откуда началъ компанію. Филиппа отвели въ другую сторону Этолы, Атаманы и Дарданы и множество войнъ вспыхнувшихъ въ разныхъ мѣстахъ. Противъ Дардановъ, которые уже удалялись изъ Македоніи, онъ отправилъ Атенагора съ легкою пѣхотою и большою частью конницы; онъ отдалъ ему приказаніе тѣснить сзади удалявшихся и, нанося уронъ ихъ арріергарду, поотбить у нихъ нѣсколько охоту выводить войска въ поле. Преторъ Этоловъ Дамокритъ, тотъ самый, который замедлилъ было у Навпакта объявленіе войны, на слѣдующемъ же сеймѣ возбудилъ взяться за оружіе вслѣдствіе дошедшихъ слуховъ о сраженіи конницъ у Ортолоха, перехода въ Македонію Плеврата съ Иллирами; притомъ же прибытіе Римскаго флота въ Орей обѣщало и блокаду съ моря береговъ Македоніи, на которую напали со всѣхъ сторонъ столько народовъ.

41. Эти же причины возвратили опять на сторону Римлянъ Дамокрита и Этоловъ. Присоединивъ къ себѣ Аминандра, царя Атамановъ, они осадили Церциній. Заперли ворота, неизвѣстно по принужденію ли или по собственному желанію, такъ какъ у нихъ находился Царскій гарнизонъ. Впрочемъ, въ теченіи немногихъ дней, Церциній взятъ и сожженъ; а которые оста-

лись живыми послѣ такого большаго побоища, какъ свободные такъ и рабы, уведены вмѣстѣ съ прочею добычею. Вслѣдствіе этого страхъ заставилъ всѣхъ жившихъ около болота Бэбы, — отправиться въ горы. Этолы, не находя тамъ богатой добычи уходятъ въ Перребію. Они тамъ берутъ силою Циретію и подвергаютъ ее самому гнусному грабежу. Жители Маллеи добровольно отдались и приняты въ союзъ. Аминандеръ совѣтовалъ изъ Перребіи двинуться къ Гомфамъ. Атаманія прилежитъ къ этому городу и повидимому можно было взять его безъ большаго сопротивленія. Этолы отправились въ роскошныя поля Өессаліи, гдѣ ихъ ожидала богатая добыча. За ними, хотя и не совсѣмъ охотно, послѣдовалъ Аминандръ; онъ осуждалъ въ Этолахъ то, что они грабили въ разсыпную и ставили лагерь по указанію случая безо всякой заботы и не стараясь его укрѣплять. А потому опасался какъ бы нерадивость и опрометчивость Этоловъ не была причиною какого нибудь несчастія и для него и его войска, Аминандръ, видя, что они поставили лагерь свой подъ городомъ Фекадомъ на открытомъ мѣстѣ, самъ, нѣсколько подалѣе отъ нихъ, шаговъ на пятьсотъ разстояніемъ, занялъ холмъ и обнесъ его для безопасности хотя небольшими укрѣпленіями. Между тѣмъ Этолы только что грабили, а то повидимому и не думали, что они находятся въ непріятельской странѣ; одни изъ нихъ скитались по полямъ полувооруженные, другіе въ лагеряхъ безъ карауловъ проводили въ пьянствѣ и снѣ одинаково и дни и ночи. Вдругъ Филиппъ нагрянулъ на нихъ совершенно неожиданно. Когда нѣкоторые бѣглецы съ полей въ ужасѣ принесли извѣстіе о его приближеніи, то оробѣли Дамокритъ и прочіе вожди, притомъ время дня было полденное, когда большая часть воиновъ спала послѣ сытнаго обѣда. Они начали будить другъ друга, приказывали браться за оружіе, нѣкоторыхъ услали созывать тѣхъ, которые было разошлись по полямъ за добычею. Вообще смятеніе было такое, что нѣкоторые всадники вышли въ поле безъ мечей, а многіе не успѣли надѣть панцырей. На скорую руку такимъ образомъ собравшись въ количествѣ не болѣе шестисотъ какъ всадниковъ

такъ и пѣхотинцевъ и выйдя въ поле, они наткнулись на конницу царскую, которая много ихъ превосходила и численностью и храбростью и вооруженіемъ. А потому Этолы при первомъ натискѣ разбиты послѣ самаго незначительнаго съ ихъ стороны сопротивленія и въ постыдномъ бѣгствѣ устремляются въ лагерь. Убито и взято въ плѣнъ нѣсколько человѣкъ изъ нихъ, которыхъ всадникамъ удалось отрѣзать отъ толпы бѣжавшихъ.

42. Филиппъ, когда его воины подходили къ валу, велѣлъ играть отбой; такъ какъ и лошади его и кони были утомлены не столько сраженіемъ, сколько большимъ переходомъ и чрезвычайною поспѣшностью движенія. А потому онъ отдалъ приказаніе, чтобы эскадроны конницы, попеременно съ отрядами легкой пѣхоты, отправлялись за водою и потомъ обѣдали. Другихъ же онъ держитъ на караулѣ подъ оружіемъ, поджидая пѣшаго строя, который отсталъ вслѣдствіе тяжести вооруженія. Когда и тотъ пришелъ, то и пѣшимъ воинамъ отдано приказаніе, чтобы они, поставивъ передъ собою знамена и сложивъ оружіе, на скорую руку поѣли, а на большой конецъ по два и по три изъ каждаго отправили за водою. А между тѣмъ всадники и легковооруженные воины стояли уже совсѣмъ готовые на случай какого нибудь движенія непріятеля. Этолы (ихъ толпы, которыя были разсѣяны по полямъ, уже собрались въ лагерь) намѣреваясь защищать укрѣпленія около вала и воротъ, поставили вооруженныхъ воиновъ и были до тѣхъ поръ смѣлы, пока изъ безопаснаго мѣста смотрѣли на непріятелей остававшихся въ покоѣ. А когда тронулись съ мѣста знамена Македонянъ и они начали подходить совсѣмъ готовые и устроенные, то всѣ вдругъ, оставивъ свои посты, въ заднія ворота лагеря убѣжали на холмъ въ лагерь Атамановъ. Многіе изъ Этоловъ взяты въ плѣнъ и убиты въ этомъ столь поспѣшномъ сраженіи. Филиппъ, будь только достаточно дня для этого не сомнѣвался, что и Атаманы могли бы потерять свой лагерь; но какъ день весь прошелъ частію въ сраженіи, частью въ разграбленіи лагеря, то онъ остановился у подошвы холма въ

ближайшей равнинѣ, съ тѣмъ чтобы на разсвѣтѣ слѣдующаго дня аттаковать непріятеля; но Этолы, подъ вліяніемъ того же ужаса, въ какомъ они оставили свои лагерь, въ эту же ночь разбѣжались въ разныя стороны. Большую пользу имъ тутъ принесъ Аминандеръ; подъ его предводительствомъ Атаманы, которымъ хорошо были знакомы дороги, по верхамъ горъ тропинками, неизвѣстными преслѣдовавшимъ ихъ непріятелямъ, привели Этоловъ въ ихъ землю. Не такъ много ихъ въ безпорядочномъ бѣгствѣ ошибкою наткнулись на Македонскихъ всадниковъ, которыхъ Филиппъ на разсвѣтѣ, увидавъ холмъ опустѣвшимъ, послалъ преслѣдовать (собственно: пощипать) непріятельскій строй.

43. Въ это же время Атенагоръ, одинъ изъ полководцевъ царя Филиппа, нагналъ Дардановъ, которые шли назадъ въ свою землю и сначала было вбросилъ замѣшательство въ задніе ряды. Потомъ Дарданы обернули свои значки и вмѣстѣ весь строй и началось вполнѣ правильное сраженіе. Но когда Дарданы начали снова наступательное движеніе, то Македоняне конницею и легковооруженными воинами тѣснили сильно Дардановъ, обремененныхъ тяжелымъ вооруженіемъ и неимѣвшихъ у себя совершенно этого рода войскъ. Самая мѣстность помогала Македонянамъ. Убито весьма не много, а гораздо больше ранено; въ плѣнъ невзято ни одного, потому что они не выходятъ опрометчиво изъ своихъ рядовъ, но и сражаются и отступаютъ дружно всѣ вмѣстѣ. Такимъ образомъ Филиппъ вознаградилъ ущербъ, понесенный въ войнѣ съ Римлянами, весьма удачными походами усмиривъ два враждебныхъ себѣ народа и не только счастіе ему помогло, но и задуманы они были хорошо. Притомъ весьма удачный случай уменьшилъ число его враговъ Этолійцевъ. Скопасъ, старѣйшина этого народа, изъ Александріи отправленный отъ царя Птоломея съ большимъ количествомъ золота, нанялъ и увезъ въ Египетъ шесть тысячь пѣшихъ воиновъ и пять сотъ конныхъ. Да онъ и одного не оставилъ бы изъ молодыхъ Этолійцевъ, если бы не Дамокритъ, который напоминая то о войнѣ, то о могущемъ послѣдовать запустѣніи страны (впрочемъ неизвѣстно изъ заботливости ли о своемъ народѣ, или изъ противорѣчія Скопасу, получивъ отъ него мало даровъ) убѣдилъ часть молодежи остаться дома. Вотъ что этимъ лѣтомъ дѣлали Римляне и Филиппъ.

44. Флотъ изъ Корциры отплылъ вначалѣ того же лѣта подъ начальствомъ легата Л. Апустія и, обогнувъ Малею, около Скиллея, что на Герміонскомъ полѣ, соединился съ царемъ Атталомъ. Тутъ то Аѳиняне, которые свою давнишнюю ненависть къ Филиппу сдерживали еще отъ страха, видя близкую уже помощь высказали ее вполнѣ. Тамъ никогда небыло недостатка въ людяхъ, готовыхъ языкомъ своимъ возбуждать чернь. Въ такихъ людяхъ нѣтъ недостатка во всѣхъ свободныхъ государствахъ, а тѣмъ болѣе въ Аѳинахъ, гдѣ искуство говорить въ большомъ ходу и гдѣ ихъ поддерживаетъ благорасположеніе черни. Тотчасъ же сдѣлали они предложеніе, а народъ утвердилъ: чтобы статуи Филиппа и всѣ его изображенія, и надписи на нихъ, а также и всѣхъ его предковъ какъ мужескаго, такъ и женскаго поколѣнія были уничтожены всѣ безъ различія. Праздничные дни, святыня и жрецы, установленные въ честь самаго Филиппа или его предковъ, должны быть всѣ обруганы. Всѣ мѣста, въ которыхъ что либо было поставлено или надписано въ честь его, должны быть предметомъ общаго омерзѣнія, и на нихъ не дозволяется ни ставить, ни посвящать ничего изъ тѣхъ предметовъ, которые обыкновенно должны ставиться и посвящаться въ чистомъ мѣстѣ. Общественные жрецы всякой разъ какъ будутъ молиться за народъ Аѳинскій, за его союзниковъ и войско и флоты ихъ, должны тутъ же ругать и проклинать Филиппа, дѣтей его, царство, сухопутныя и морскія силы, весь родъ и племя Македонянъ. — Потомъ сдѣлано прибавленіе къ декрету: «Если кто либо впослѣдствіи предложитъ что нибудь служащее къ безчестію и поношенію Филиппа, то народъ Аѳинскій все заранѣе утверждаетъ. А если кто нибудь скажетъ или сдѣлаетъ что либо въ его честь, то кто этого человѣка убьетъ поступитъ законно». Наконецъ прибавлено еще: «Всѣ декреты, какіе когда либо были изданы противъ Пизистрати-

довъ, должны имѣть силу и противъ Филиппа». — Такимъ образомъ Аѳиняне вели войну съ Филиппомъ словами и письменами, одно, въ чемъ они остались еще сильны.

45. Атталъ и Римляне, отправившись сначала изъ Герміона въ Пирей, пробыли тамъ нѣсколько дней; они были осыпаны почетными для себя декретами Аѳинянъ, равно незнавшими мѣры какъ въ чествованіи союзниковъ, такъ и въ раздраженіи противъ непріятелей. Потомъ они изъ Пирея отплыли въ Андросъ. Остановясь въ пристани, которую называли Гаврилеонъ, они отправили людей изведать расположеніе умовъ гражданъ, предпочтутъ ли они добровольно сдать городъ или испытать силу. Тѣ отвѣчали, что крѣпость занята царскимъ гарнизономъ и потому они собою располагать не могутъ. Высадивъ войска и всѣ снаряды, нужные для осады городовъ, царь и легатъ Римскій съ разныхъ сторонъ подходятъ къ городу. Грековъ съ перваго раза устрашили Римскіе значки и вооруженіе, прежде не виданныя и самое воодушевленіе воиновъ, такъ быстро подходившихъ къ стѣнамъ. А потому тотчасъ же бросились бѣжать въ крѣпость, а союзники овладѣли городомъ. Въ крѣпости осажденные продержались два дня, и не столько въ надеждѣ на свою силу, сколько на крѣпость мѣстоположенія. На третій день они сдали и городъ и крѣпость, выговоривъ себѣ и гарнизону право съ одними одеждами быть перевезенными въ Делій въ Беотію. Городъ Римляне уступили царю Атталу, а добычу и украшенія города увезли сами. Атталъ, дабы невладѣть опустѣвшимъ островомъ, уговорилъ остаться почти всѣхъ Македонянъ и нѣкоторыхъ жителей Андроса. Да и остальные впослѣдствіи отозваны назадъ изъ Делія, куда переправлены по договору вслѣдствіе обѣщаній царя, да и тоска по родинѣ расположила ихъ умы къ довѣрію. Изъ Андроса союзники переправились въ Цитнъ. Здѣсь они провели нѣсколько дней безъ успѣха, осаждая городъ и отступили потому, что и дѣло самое не стоило усилій. У Празіаса (это мѣстечко находится на твердой землѣ Аттики) двадцать легкихъ судовъ Иссейскихъ присоединились къ флоту Римскому. Ихъ послали опустошать предѣлы Каристіевъ; остальной флотъ пробылъ у Гереста, въ извѣстной Евбейской пристани, до тѣхъ поръ пока Иссеи вернулись отъ Кариста. Оттуда всѣ суда, распустивъ паруса, отправились въ открытое море и мимо острова Скироса прибыли въ Икъ. Здѣсь они пробыли нѣсколько дней, такъ какъ свирѣпствовалъ сильный сѣверный вѣтеръ (Борей). Какъ только поутихъ вѣтеръ, союзники переправились въ Скіаѳъ городъ, только что передъ тѣмъ опустошенный и разграбленный Филиппомъ. Воины, разойдясь по полямъ, хлѣбъ и все, что нашли годное въ пищу, перенесли на суда. Добычи и небыло, да и Греки не заслужили того, чтобы ихъ грабить. Отправившись оттуда по направленію къ Кассандреи, они сначала остановились у Мендиса, приморское предмѣстіе этого города. А когда, обойдя мысъ, они хотѣли подойдти съ флотомъ къ самимъ стѣнамъ города, то началась страшная буря, которая разсѣяла и почти затопила волнами всѣ суда и потерявъ большую часть снастей, находившіеся на нихъ люди убѣжали на берегъ. Эта буря, случившаяся на морѣ, была указаніемъ судьбы, что военныя дѣйствія надобно было вести съ сухаго пути. Собравъ суда въ одно мѣсто и высадивъ войска, союзники аттаковали городъ, но будучи отбиты съ большою потерею раненными (тамъ находился сильный Македонскій гарнизонъ) и видя невозможность исполнить свое намѣреніе, они отступили къ Канастрею въ Паллены. Оттуда, обойдя Торонскій мысъ, они моремъ приплыли въ Акантъ. Тутъ опустошены сначала поля, потомъ самый городъ взятъ силою и разграбленъ. Не идя далѣе (суда были уже у нихъ обременены добычею) они пошли назадъ, оттуда пришли въ Скіатъ, а изъ Скіата въ Евбею.

46. Флотъ тамъ остался, а десять легкихъ судовъ вошли въ заливъ Маліакскій для переговоровъ съ Этолами о томъ какъ вести войну. Сипиррикасъ, Этоліецъ, былъ въ главѣ того посольства, которое прибыло въ Гераклею для общаго обсужденія дѣлъ съ царемъ и римскимъ легатомъ. Просили у Аттала въ силу союзнаго договора выставить вспомогательный отрядъ въ тысячу человѣкъ; такое число воиновъ обязался онъ выста-

вить имъ для веденія войны съ Филиппомъ. Въ этомъ отказано Этоламъ, такъ какъ и они потяготились прежде отправиться опустошать Македонію, въ то время, когда Филиппъ около Пергама предавалъ все священное и мірское огню, и они этимъ могли сдѣлать пользу, отведя отъ нихъ Филиппа заботливостью о собственномъ. Такимъ образомъ Этолы отпущены больше съ надеждами — такъ какъ Римляне все обѣщали, — чѣмъ съ дѣйствительною помощью. Апустій съ Атталомъ возвратились къ флоту; тутъ они задумали взять силою Орей. Городъ этотъ былъ сильно укрѣпленъ стѣнами, и такъ какъ онъ и прежде былъ предметомъ нападеній, то и въ немъ находился значительный гарнизонъ. Къ нимъ послѣ завоеванія Андроса присоединилось двадцать Родоскихъ судовъ, всѣ съ палубами подъ начальствомъ префекта Агезимброта. Этотъ флотъ они отправили на стоянку къ Зелазію (это мѣсто, повыше Деметріадскаго мыса, весьма удобно находится противъ Истміи), для того чтобы онъ служилъ защитою на случай движенія оттуда Македонскихъ судовъ. Гераклидъ, царскій префектъ, находился тамъ съ флотомъ, но онъ не рѣшился дѣйствовать открытою силою, а поджидалъ случая — не подастъ ли непріятель повода къ удачному дѣйствію. Орей аттаковали съ разныхъ сторонъ Римляне и царь Атталъ: Римляне отъ приморской крѣпости, а воины царя противъ вала, находившагося между двухъ крѣпостей, которымъ и стѣною раздѣленъ городъ пополамъ. Какъ самыя мѣста, такъ и способы нападенія, были различные. Римляне подвинули къ стѣнамъ террасы крытые ходы и стѣнобитныя орудія; воины же царскіе дѣйствовали машинами—баллистами и катапултами — бросавшими въ городъ множество стрѣлъ и каменья чрезвычайно тяжелые. Вели они и подкопы и вообще производили тѣ работы, успѣшность которыхъ испытали въ прежнюю осаду. Впрочемъ Македоняне, защищавшіе крѣпость и городъ, не только числомъ были больше прежняго, но и смѣлѣе духомъ; они помнили выговоръ царя за прежнюю вину и постоянно имѣли въ памяти какъ угрозы его, такъ и обѣщанія наградъ въ будущемъ. А потому когда дѣло затянулось сверхъ

ожиданія и болѣе было надежды на осадныя работы, чѣмъ на открытую силу; то легатъ Римскій полагая, что между прочимъ можно и другое дѣло сдѣлать, оставивъ столько воиновъ, сколько повидимому достаточно было для приведенія къ концу работъ, переправился на ближайшія мѣста твердой земли и взялъ нечаяннымъ нападеніемъ Лариссу (не тотъ извѣстный городъ этого имени въ Ѳессаліи, но другой прозываемый Кремасте) за исключеніемъ крѣпости. А Атталъ захватилъ Эгелеонъ, такъ какъ жители его всего менѣе ожидали нападенія, полагая, что все вниманіе непріятеля обращено на осаду другаго города. Между тѣмъ осадныя работы были покончены около Орея и гарнизонъ, въ немъ находившійся, обезсилѣлъ вслѣдствіе постояннаго утомленія, бодрствованія какъ днемъ, такъ и ночью, и множества полученныхъ ранъ. И часть стѣны была потрясена быками до того, что мѣстами упала; тутъ то посреди развалинъ ворвались ночью Римляне въ замокъ, находящійся надъ пристанью. На разсвѣтѣ Атталъ по сигналу, поданному Римлянами изъ замка, и самъ напалъ на городъ, котораго стѣны были большею частію въ развалинахъ. Гарнизонъ и жители города перебѣжали въ другую крѣпость, гдѣ они черезъ два часа спустя и сдались. Городъ уступленъ былъ царю, а плѣнные Римлянамъ.

47. Уже приближалось осеннее равноденствіе, а заливъ Евбейскій, называемый Цэла, для мореходовъ подозрителенъ. По тому желая оттуда выбраться прежде зимнихъ бурь, союзники пришли въ Пирей, откуда они выступили на войну. Апустій, оставивъ тамъ тридцать судовъ, обойдя Малею, поплылъ въ Корциру. Царя задержало празднованіе посвященія Церера, ему хотѣлось присутствовать при священно-дѣйствіяхъ; а послѣ этого праздника онъ и самъ удалился въ Азію, отославъ домой Агезимброта и Родосцевъ. Вотъ что въ продолженіи этого лѣта было совершено на морѣ и на сухомъ пути противъ Филиппа и его союзниковъ консуломъ и легатомъ Римскимъ, при содѣйствіи царя Аттала и Родосцевъ. Другой консулъ К Аврелій, когда прибылъ въ назначенную ему

провинцію къ окончанію военныхъ дѣйствій, не скрывалъ своей досады на претора за то, что тотъ дѣйствовалъ въ его отсутствіе. А потому, отправивъ его въ Этрурію, самъ ввелъ легіоны въ область непріятельскую; опустошивъ ее, онъ пріобрѣлъ болѣе добычи, чѣмъ славы. Л. Фурій, какъ потому что въ Этруріи нѣчего было дѣлать, какъ и имѣя въ виду тріумфъ надъ Галлами, который легче было получить пока находился въ отсутствіи раздраженный и завистливый консулъ, прибылъ неожиданно въ Римъ и собралъ сенатъ въ храмѣ Беллоны. Изложивъ свои дѣянія онъ просилъ, дабы ему было позволено войдти въ городъ съ почестями тріумфа.

48. На большую часть сенаторовъ имѣли вліяніе и важность совершенныхъ имъ дѣяній, и личное къ нему расположеніе. Старики отказывали въ тріумфѣ: «какъ потому, что онъ велъ дѣло съ чужимъ войскамъ, такъ и потому что онъ оставилъ провинцію, жадничая случая схватить тріумфъ; а врядъ ли онъ можетъ указать на примѣры подобныхъ дѣйствій!» Въ особенности бывшіе консулы утверждали: «что нужно подождать консула. Могъ бы онъ, расположившись лагеремъ подлѣ города прикрывать колонію и не приступая къ сраженію протянуть дѣло до прибытія консула. А что упустилъ изъ виду преторъ, то надобно сдѣлать сенату, а именно — подождать консула. Выслушавъ лицомъ къ лицу объясненія того и другаго,сенатъ можетъ тогда поставить болѣе правильное рѣшеніе.» Большая же часть сенаторовъ были того мнѣнія, что сенатъ долженъ имѣть въ виду только совершенныя дѣянія и то — исполнены ли они начальникомъ, законно состоявшимъ въ этой должности. «Когда изъ двухъ колоній, которыя считаются оплотомъ противъ всякаго движенія Галловъ, одна уже была предана пламени и разграбленію, и этотъ разрушительный пожаръ могъ, какъ по смежнымъ крышамъ, перейдти и на другую, находившуюся вблизи, колонію, что тутъ наконецъ оставалось дѣлать претору? Если же безъ консула не слѣдовало приступать ни къ какимъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, то виноватъ или сенатъ, который далъ войско претору (если бы сенатъ непремѣн-

но хотѣлъ, чтобы дѣйствовало войско не претора, но консула, то почему бы въ концѣ сенатскаго декрета не прибавить именно, что веденіе войны поручается не претору, а консулу?) или самъ консулъ, который, отдавъ приказаніе войску перейдти изъ Этруріи въ Галлію, не поспѣшилъ въ Ариминъ принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, если ихъ вести безъ него было не позволительно. Обстоятельства войны не допускаютъ медленности и проволочки со стороны вождей и сражаться приходится иногда не тогда, когда хочешь, но когда вынуждаетъ непріятель. Надобно обращать вниманіе на самое сраженіе и на результатъ его. Непріятель разбитъ и обращенъ въ бѣгство; лагерь взятъ и разграбленъ. Колонія освобождена отъ осады; плѣнные другой колоніи взяты и возвращены къ своимъ. Однимъ сраженіемъ компанія приведена къ концу. Не только люди возрадовались этой побѣдѣ, но и объявлено трехдневное молебствіе самимъ богамъ безсмертнымъ по тому поводу, что хорошо и благополучно, а не дурно и опрометчиво, ведено общее дѣло преторомъ Л. Фуріемъ. Самая судьба повидимому предала въ руки роду Фуріевъ войны съ Галлами.»

49. Такого рода рѣчи какъ самого Фурія, такъ и его благопріятелей и личное вліяніе претора восторжествовали надъ уваженіемъ къ званію отсутствующаго консула и значительнымъ большинствомъ сенатъ опредѣлилъ тріумфъ Л. Фурію. Торжествовалъ надъ Галлами въ отправленіи должности преторъ Л. Фурій. Въ казначейство внесъ онъ 320000 фунтовъ серебра, 170000 золота но не было ведено передъ колесницею ни одного плѣннаго, не было несено добычи и не шло воиновъ. Кромѣ одной чести побѣды — все повидимому принадлежало консулу. Потомъ съ большою пышностью отпразднованы игры, совершенныя П. Корнеліемъ Сципіономъ, на которые онъ далъ обѣтъ въ бытность свою консуломъ въ Африкѣ. Относительно земель воинамъ постановлено декретомъ, чтобы по числу лѣтъ службы каждаго изъ нихъ въ Испаніи и Африкѣ, давалось воину за каждый годъ по двѣ десятины, а для отвода этихъ земель назначены десять сановниковъ. Потомъ выбраны три сановника

для пополненія числа поселенцевъ въ Венузіи, такъ какъ въ войнѣ съ Аннибаломъ силы этой колоніи поистощились — К. Теренцій Варронъ, Т. Квинкцій Фламининъ, П. Корнелій Кн. Сынъ Сципіонъ. Они то составляли списокъ поселенцевъ въ Венузію. Въ томъ же году К. Корнелій Цетегъ въ должности проконсула владѣвшій Испаніею, большое войско непріятелей поразилъ въ Седетанской области. Въ этомъ сраженіи, какъ говорили, было убито 15000 Испанцевъ и захвачено военныхъ значковъ 78. Консулъ К. Аврелій, прибывъ изъ своей провинціи въ Римъ по случаю выборовъ, жаловался не на то, на что предполагали, — что его не подождалъ сенатъ и что не дано было возможности консулу лично возражать претору, но на то: «что сенатъ опредѣлилъ тріумфъ на основаніи одного показанія того, кто просилъ о немъ, не выслушавъ никого изъ тѣхъ, которые сами участвовали въ этихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Предки наши установили необходимымъ присутствіе на тріумфѣ легатовъ, военныхъ трибуновъ, сотниковъ, наконецъ и простыхъ воиновъ, для того чтобы народъ Римскій могъ удостовѣриться въ подлинности дѣяній того, кому оказывается такая честь. Но изъ того войска, которое сражалось съ Галлами, присутствовалъ ли тутъ не скажу воинъ, но хоть прислужникъ, отъ котораго сенатъ могъ бы узнать справедливость или несправедливость показаній претора?» — Потомъ онъ объявилъ день выборовъ и тутъ назначены консулами Л. Корнелій Лентулъ и П. Виллій Таппулъ. Потомъ избраны и преторы: Л. Квинкцій Фламининъ, Л. Валерій Флаккъ, Л. Виллій Таппулъ, Кн. Бэбій Тамфилъ.

50. Въ этомъ году хлѣбъ былъ предешевый. Большое количество пшеницы, привезенной изъ Африки, курульные эдили М. Клавдій Марцеллъ и Сек. Элій Петъ роздали народу мѣрками по два асса за мѣрку. Игры Римскія они отпраздновали съ большою торжественностью, назначивъ для этого одинъ день. Въ казначействѣ они поставили пять мѣдныхъ статуй насчетъ штрафныхъ денегъ. Плебейскія игры три раза вполнѣ отпразднованы эдилями Л. Теренціемъ Массиліотою и Кн. Бэбіемъ Тамфиломъ, тѣмъ самимъ, котораго выбрали въ преторы. Въ этомъ же году, въ продолженіи четырехъ дней, отпразднованы похоронныя игры на форумѣ по случаю смерти М. Валерія Левина сыновьями его, П. и М. Даны ими же гладіаторскія игры; двадцать пять паръ сражались. Умеръ Аврелій Котта децемвиръ священнодѣйствій; на его мѣсто назначенъ М. Ацилій Глабріонъ. На выборахъ назначены случайно два курульныхъ эдиля, которые тотчасъ не могли вступить въ должность. К. Корнелій Цетегъ выбранъ заочно, такъ какъ онъ въ то время управлялъ провинціею Испаніею. К. Валерій Флаккъ, котораго выбрали наличнымъ, не могъ дать установленную присягу потому что былъ Діальскимъ фламиномъ; а начальствующимъ лицамъ недозволялось болѣе пяти дней находиться въ должности если они не дали присяги. По просьбѣ Флакка уволить его отъ этого закона, сенатъ опредѣлилъ просить консула: незаблагоразсудитъ ли онъ, по совѣщаніи съ трибунами народными, предложить — нельзя ли эдилю представить за себя присягать другое лицо съ дозволенія консула. Дозволено присягнуть за брата Л. Валерію Флакку, только что назначенному претору. Трибуны предложили народу и народъ утвердилъ, чтобы это было все равно какъ еслибы и самъ эдиль присягнулъ. И относительно другаго эдиля состоялось народное опредѣленіе по предложенію трибуновъ народныхъ, чтобы изъ двухъ лицъ, которыхъ они посылали въ Испанію начальствовать надъ войскамъ, К. Корнелій, курульный эдиль прибылъ для вступленія въ должность, а Л. Манлій Ацидинъ оставилъ бы провинцію по прошествіи многихъ лѣтъ. Народъ положилъ отправить въ Испанію съ властью проконсульскою Кн. Корнелія Лентула и Л. Стертинія.

КНИГА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

1. Консулы и преторы, вступивъ въ должность въ Мартовскія иды, распредѣлили между собою провинціи. Л. Корнелію Лентулу досталась Италія, П. Виллію — Македонія; преторамъ Л. Квинкцію—городское управленіе, Кн. Бэбію—Ариминъ, Л. Валерію—Сицилія, Л. Виллію—Сардинія. Консулъ Лентулъ получилъ приказаніе составить новые легіоны, а Виллію принять войско отъ П. Сульпиція; на пополненіе его дозволено ему вновь набрать столько воиновъ, сколько заблагоразсудитъ. Претору Бэбію назначены тѣ легіоны, которые имѣлъ консулъ К. Аврелій съ тѣмъ, чтобы онъ удержалъ ихъ до тѣхъ поръ, пока заступитъ ихъ мѣсто консулъ съ новымъ войскомъ. Когда онъ прибудетъ въ Галлію, то онъ долженъ всѣхъ воиновъ, получившихъ отставку, отпустить домой, кромѣ пяти тысячь союзниковъ, которыхъ и достаточно для прикрытія области около Аримина. Прошлогоднимъ преторамъ продолжена еще власть (Кн. Сергію для того, чтобы онъ отвелъ земли воинамъ, которые въ продолженіи многихъ лѣтъ служили въ Испаніи, Сициліи и Сардиніи; Минуцію — чтобы привесть къ концу начатое тщательно и добросовѣстно изслѣдованіе о заговорахъ въ землѣ Бруттіевъ; тѣхъ, которыхъ онъ уличивъ препроводилъ въ оковахъ въ Римъ, долженъ былъ отправить въ Локры на казнь; а похищенное изъ храма Прозерпины онъ долженъ былъ возвратить туда съ умилостивительными жертвами. Потомъ объявлены Латинскія празднества по декрету первосвященниковъ, такъ какъ послы изъ Ардеи жаловались въ Сенатѣ, что имъ на горѣ Албанской, въ землѣ Латиновъ не дали какъ бы слѣдовало жертвеннаго мяса. Изъ Суессы получено извѣстіе, что въ двое го-

родскихъ воротъ и въ часть стѣны, между ними находящуюся, ударилъ громъ, а Форміанскіе послы сообщили тоже относительно храма Юпитера, и Остійскіе также относительно храма Юпитера, а Велитернскія — Аполлона и Санка и что въ храмѣ Геркулеса выросъ волосъ. Изъ Бруттій бывшій тамъ за претора К. Минуцій написалъ, что родился жеребенокъ о пяти ногахъ и три цыпленка о трехъ ногахъ. Потомъ принесены письма отъ проконсула П. Сульпиція изъ Македоніи, гдѣ онъ между прочимъ пишетъ, что на кормѣ одного длиннаго судна (галеры) выросло лавровое дерево. Сенатъ положилъ относительно всѣхъ прежнихъ чудесъ — консуламъ принести жертвы столь великія, какія укажутъ сами боги, а по поводу послѣдняго чудеснаго явленія гадатели приглашены въ сенатъ, и вслѣдствіе даннаго ими отвѣта объявлено молебствіе народу на одинъ день, и у всѣхъ постелей боговъ совершены священнодѣйствія.

2. Карѳагеняне въ первый разъ привезли въ Римъ серебро, съ нихъ положенное на жалованіе воинамъ; но такъ какъ квесторы объявили, что оно не надлежащей доброты и при пробѣ четвертая часть угорѣла, то въ Римѣ же взяты взаймы деньги и ими пополнено то, что недоставало серебра. Потомъ когда Карѳагеняне стали просить, не заблагоразсудитъ ли сенатъ возвратить имъ заложниковъ, сто изъ нихъ возвращены, да и относительно прочихъ подана надежда, если только они пребудутъ вѣрными. По просьбѣ же Карѳагенскихъ пословъ тѣхъ заложниковъ, которые еще не подлежатъ возвращенію, перевесть въ другое мѣсто изъ Норбы, гдѣ имъ несовсѣмъ удобно — дозволено имъ перейдти въ Сигнію и Ферентинъ. И просьба Гадитанъ исполнена — не посылать имъ въ Гадесъ префекта, такъ какъ это противно условію, заключенному съ ними Л. Марціемъ Сентимомъ, когда они отдавались въ распоряженіе народа Римскаго. А какъ послы Нарнійцевъ жаловались, что у нихъ нѣтъ полнаго числа поселенцевъ и что примѣшались къ нимъ нѣкоторые совсѣмъ чужіе люди, которые себя выдаютъ за колонистовъ, то поручено консулу Л. Корнелію для разсмотрѣнія этого

дѣла назначить трехъ сановниковъ. Выбраны П. и Секстъ Эліи (имъ обоимъ было прозваніе Пэтовъ) и К. Корнелій Лентулъ. Дозволенія, даннаго Нарнійцамъ, относительно прибавленія числа колонистовъ не дано жителямъ Козы, хотя они того же просили.

3. По приведеніи къ концу того, что слѣдовало сдѣлать въ Римѣ, консулы отправились по провинціямъ. П. Виллія при самомъ прибытіи въ Македонію, встрѣтило сильное возмущеніе воиновъ вслѣдствіе давно уже бывшаго, но нехорошо въ началѣ подавленнаго, раздраженія. То были тѣ двѣ тысячи воиновъ, которые послѣ пораженія Аннибала были привезены изъ Африки въ Сицилію, а оттуда почти черезъ годъ послѣ отправлены въ Македонію какъ волонтеры. Они говорили: что такъ съ ними поступлено безъ ихъ согласія, что трибуны посадили ихъ на суда противъ воли. Но какая бы ни была ихъ служба добровольная ли или навязанная, все же ей нужно когда нибудь имѣть конецъ. Много лѣтъ уже не видали они Италіи; состарѣлись они подъ оружіемъ въ Сициліи, Африкѣ, Македоніи. Изнемогли уже они отъ усилій и трудовъ, а множество полученныхъ ранъ истощили ихъ кровь.» Консулъ на это отвѣтилъ: «что поводъ со стороны воиновъ просить отставки могъ бы показаться и основательнымъ, еслибы только поскромнѣе они просили. Возмущеніе же не можетъ быть оправдано ни этимъ поводомъ, никакимъ либо другимъ. А потому если они останутся у своихъ знаменъ и будутъ послушны, то онъ напишетъ сенату съ просьбою объ ихъ увольненіи. Гораздо легче скромностью, чѣмъ упрямствомъ получать они то, чего желаютъ.»

4. Въ это время Филиппъ всѣми силами приступилъ къ Тавмаку, производя всякаго рода осадныя работы и уже онъ собирался придвинуть стѣнобитныя орудія; но долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія вслѣдствіе нечаяннаго прибытія Этоловъ. Они, подъ предводительствомъ Архидама, прошли въ городъ чрез сторожевые отряды Македонянъ и неперествали они днемъ, ни ночью дѣлать вылазки то на аванпосты Македонянъ, то на ихъ осадныя работы. Имъ помогло самое свой-

ство мѣстности. Тавмакъ находится на возвышеніи по дорогѣ отъ Пилъ и Маліакскаго залива черезъ Ламію и возвышается надъ самими тѣснинами, которыя носятъ названіе (Небо) Цэла Ѳессаліи. Путнику, послѣ переѣзда по крутымъ горамъ и тропинкамъ, извивающимся по горнымъ долинамъ, вдругъ открывается лишь только онъ приблизится къ этому городу (Тавмаку) необъятная какъ море равнина, гдѣ взоръ не можетъ достигнуть предѣла далеко тянущихся полей. Отъ этого чуднаго зрѣлища, и городъ получилъ названіе Тавмака (чудеснаго). И защитою города служитъ не только возвышенная мѣстность, но и то что онъ стоитъ на крутой скалѣ почти съ отвѣсными краями. Вслѣдствіе этихъ затрудненій и того, что самый успѣхъ дѣла не соотвѣтствовалъ бы трудамъ и опасностямъ, Филиппъ отказался отъ своего предпріятія. Зима уже наступила, когда онъ отступилъ отъ Тавмака и отвелъ войска въ Македонію на зимнія квартиры.

5. Между тѣмъ какъ прочіе воины пользовались предоставленнымъ имъ на нѣкоторое время покоемъ, и отдыхали и тѣломъ и духомъ, Филиппъ вслѣдствіе того, что время года дало ему роздыхъ отъ постоянныхъ переходовъ и сраженій, тѣмъ болѣе сосредоточилъ свое вниманіе на весь ходъ войны и озабоченъ былъ ею. Онъ не только опасался непріятелей, которые угрожали ему съ сухаго пути и съ моря, но и расположенія умовъ какъ его союзниковъ, такъ и соотечественниковъ. Онъ боялся, какъ бы и первые не измѣнили въ надеждѣ на дружбу Римлянъ, и какъ бы къ самимъ Македонянамъ не проникло желаніе перемѣны. А потому онъ отправилъ въ Ахеію пословъ, потребовать присяги (таково было между ними условіе, что ежегодно Ахейцы будутъ присягать Филиппу) и вмѣстѣ возвратить Ахейцамъ Орхоменонъ, Герею и Трифиллію, Елейцамъ—Алиферу, такъ какъ они утверждали, что никогда этотъ городъ не принадлежалъ къ Трифилліи, а что онъ долженъ быть имъ возвращенъ, какъ одинъ изъ тѣхъ, которые, по постановленію союза Аркадовъ, содѣйствовали къ построенію Мегалополиса. Такими мѣрами Филиппъ скрѣпилъ свои дружественныя отношенія

къ Ахейцамъ. Точно также расположилъ онъ въ свою пользу умы Македонянъ. Замѣчая, что пріятель его Гераклидъ навлекаетъ ему много осужденія, онъ его, обвинивъ въ разныхъ преступленіяхъ, посадилъ въ оковы къ большой радости своихъ соотечественниковъ. Къ войнѣ онъ приготовился съ большею чѣмъ когда либо заботливостью, занимая постоянно воинскими упражненіями и Македонянъ и наемныхъ воиновъ. Какъ только наступила весна, то онъ, подъ начальствомъ Атенагора, всѣ чужестранныя вспомогательныя войска и сколько было легковооруженныхъ воиновъ, отправилъ въ Хаонію черезъ Эпиръ для занятія тѣснинъ, находящихся у Антигонеи (Греки ихъ называютъ Стена). А самъ черезъ нѣсколько дней послѣдовалъ съ тяжелою пѣхотою и осмотрѣвъ мѣстность со всѣхъ сторонъ, онъ счелъ наиболѣе удобнымъ для укрѣпленія мѣсто позади рѣки Аоя. Она протекаетъ въ узкой долинѣ между двухъ горъ, изъ которыхъ одну жители называютъ Эропомъ, а другую Аснаемъ и по окраинѣ, весьма не широкой, берега идетъ тѣсный путь. Филиппъ приказалъ Атенагору съ легковооруженнымъ войскомъ занять Аснай и укрѣпиться тамъ, а самъ сталъ лагеремъ на Эропѣ. Гдѣ скалы были очень круты, поставилъ небольшие отряды воиновъ, а гдѣ болѣе угрожало опасности, тамъ укрѣпилъ рвомъ, валомъ и башнями. Поставлено въ мѣстахъ удобныхъ и большое количество стрѣлометныхъ машинъ для того, чтобы они градомъ стрѣлъ держали въ отдаленіи непріятеля. Царская палатка помѣщена передъ валомъ на самомъ видномъ холмѣ на страхъ непріятелямъ и для ободренія своихъ воиновъ такою увѣренностью.

6. Консулъ, узнавъ отъ Епирота Харопа, въ какой мѣстности царь расположился съ войскомъ, перезимовавъ въ Корцирѣ, съ наступленіемъ весны переправился на твердую землю, и повелъ войско противъ непріятеля. Не доходя миль съ пять отъ царскаго лагеря и оставивъ легіоны въ укрѣпленномъ мѣстѣ, консулъ самъ съ легкимъ отрядомъ выступилъ для осмотра мѣстности и на другой день предложилъ на обсужденіе совѣта— должно ли попробовать пробиться черезъ занятыя непріятелемъ

тѣснины, хотя это и сопряжено съ величайшими трудомъ и опасностью, или обвести войска тѣмъ же путемъ, которымъ за годъ передъ этимъ проникъ въ Македонію Сульпицій. Между тѣмъ какъ это дѣло обсуживали въ продолженіи многихъ дней, явился гонецъ съ извѣстіемъ, что назначенъ консуломъ Т. Квинкцій и ему провинціею Македонія и что ускоряя путь, ужъ онъ находится въ Корцирѣ. Валерій Антіасъ говоритъ, что Виллій проникъ въ ущелье и, по невозможности сдѣлать это прямымъ путемъ, такъ какъ всѣ мѣста были заняты царемъ, онъ слѣдовалъ по долинѣ, по срединѣ которой течетъ рѣка Аой. На скорую руку сдѣлавъ мостъ, онъ перешелъ на тотъ берегъ, гдѣ находился лагерь царя и сразился съ нимъ. Онъ его разбилъ, обратилъ въ бѣгство и взялъ лагерь. Двенадцать тысячь непріятелей убито въ этомъ сраженіи, взято въ плѣнъ двѣ тысячи двѣсти; военныхъ значковъ захвачено 132 и лошадей 230. Въ этомъ сраженіи данъ обѣтъ воздвигнуть храмъ Юпитеру въ случаѣ благополучнаго его окончанія. Прочіе же писатели Греческие и Латинскіе, лѣтописи которыхъ я читалъ, говорятъ, что Виллій не сдѣлалъ ничего замѣчательнаго и что, заступившій его мѣсто, консулъ принялъ и войну не початую.

7. Между тѣмъ какъ эти событія происходили въ Македоніи, другой консулъ, Л. Лентуллъ, оставшійся въ Римѣ, занялся производствомъ выборовъ въ цензоры. Этой должности домогались многіе извѣстные люди и цензорами выбраны П. Корнелій Сципіонъ Африканскій и П. Элій Петъ. Они дѣйствовали съ большимъ между собою согласіемъ и произвели пересмотръ сената никого не зачернивъ; они таможенную пошлину въ Капуѣ, Путеолахъ и Кастрахъ, портъ гдѣ нынѣ находится городъ, отдали на откупъ; туда они записали триста поселенцевъ (такое число было опредѣлено сенатомъ) и подъ горою Тифатомъ въ Капуѣ продали землю. Около того же времени Л. Манлію Ацидину, который только что оставилъ Испанію, Порцій Лэка, трибунъ народный, воспрепятствовалъ войдти въ городъ съ почестями оваціи (малаго тріумфа) и потому

Манлій, съ дозволенія сената частнымъ человѣкомъ вошелъ въ городъ, и внесъ въ казначейство тысячу двѣсти фунтовъ серебра и почти тридцать золота. Въ томъ же году Кн. Бэбій Тамфилъ, который въ прошломъ году принялъ отъ консула К. Аврелія провинцію Галлію, опрометчиво вошелъ въ предѣлы Галловъ Инсубровъ и тамъ почти со всѣмъ войскомъ попалъ въ засаду; онъ потерялъ до 6600 чел. воиновъ. Такой то значительный уронъ понесенъ на войнѣ, которая уже перестала быть предметомъ опасеній. Это обстоятельство вызвало изъ города Рима консула Л. Лентулла. Онъ прибылъ въ провинцію, полную тревоги, принялъ оробѣвшее войско, побранилъ сильно претора и велѣлъ ему оставить провинцію и удалиться въ Римъ. Впрочемъ и самъ консулъ не сдѣлалъ ничего замѣчательнаго, бывъ отозванъ выборами въ Римъ. Выборы задерживались вслѣдствіе противудѣйствія трибуновъ народныхъ М. Фульвія и М. Курія, такъ какъ они не допускали Т. Квинкція Фламинина домогаться консульства прямо изъ квестуры. Они говорили: «должности квесторская и эдильская впадаютъ уже въ пренебреженіе и не постепенно переходя отъ одной должности къ другой и показывая тѣмъ свои способности, благородные люди домогаются консульства, но перескакивая черезъ промежуточныя должности, хотятъ прямо съ низшихъ занять высшія.» Дѣло послѣ состязанія на общественной площади, перешло въ сенатъ. Сенаторы положили: «если кто либо домогается почести, дозволенной ему закономъ, то справедливость требуетъ предоставить народу полную свободу, въ избраніи таковаго. «Трибуны покорились рѣшенію сената. Консулами выбраны Сек. Элій Петъ и Т. Квинкцій Фламининъ. Потомъ были выборы преторовъ; избраны: Л. Корнелій Мерула, М. Клавдій Марцеллъ, М. Порцій Катонъ и К. Гельвій, которые были эдилями народными. Они дали плебейскія игры и по случаю игръ было пиршество Юпитеру. Курульные эдили — К. Валерій Флаккъ, Діальскій фламинъ (т. е. Юпитеровъ) и К. Корнелій Цетегъ — дали Римскія игры съ большою пышностью. Въ этомъ году умерли первосвященники Сер. и К. Сульпиціи

Гальбы; мѣсто ихъ заступили первосвященники М. Эмилій Лепидъ и Кн. Корнелій Сципіонъ.

8. Консулы Сек. Элій Петъ, Т. Квинкцій Фламининъ, вступивъ въ должность, собрали сенатъ въ Капитоліѣ и онъ тамъ опредѣлилъ: чтобы консулы провинціи Македонію и Италію распредѣлили между собою по жеребью. Тотъ, кому изъ нихъ достанется Македонія, пусть завербуетъ на пополненіе легіоновъ три тысячи воиновъ Римскихъ и триста всадниковъ; а изъ союзниковъ Латинскаго племени пять тысячъ пѣшихъ и пятьсотъ всадниковъ. Другому консулу опредѣлено войско совершенно новое. Л. Лентулу, консулу прошлаго года, власть продолжена и ему запрещено какъ самому оставлять провинцію, такъ и выводить оттуда старое войско, пока консулъ придетъ съ новыми легіонами. Консуламъ достались по жеребью провинціи: Элію — Италія, Квинкцію — Македонія. Преторамъ достались по жеребью Л. Корнелію Мерулѣ — управленіе городомъ (Римомъ), М. Клавдію — Сицилія, М. Порцію — Сардинія, К. Гельвію — Галлія. Потомъ начали производить наборъ: не говоря уже о консульскихъ войскахъ, и преторамъ приказано набрать воиновъ — Марцеллу въ Сицилію четыре тысячи пѣшихъ союзниковъ Латинскаго племени и триста всадниковъ. Катону въ Сардинію — того же рода воиновъ три тысячи пѣшихъ и двѣсти всадниковъ, съ тѣмъ чтобы эти преторы оба, по прибытіи въ провинцію, отпустили прежнихъ и пѣхотинцевъ и всадниковъ. Потомъ консулы ввели въ сенатъ пословъ царя Аттала. Объяснивъ, что царь флотомъ и всѣми войсками на морѣ и на сухомъ пути помогаетъ Римлянамъ и всѣ приказанія консуловъ исполнялъ до сего дня тщательно и послушно, они сказали: «опасаются впрочемъ они, что на будущее время такъ дѣйствовать Атталу воспрепятствуетъ царь Антіохъ, такъ какъ онъ напалъ на оставленное и морскими и сухопутными силами царство Аттала; а потому Атталъ проситъ почтенныхъ сенаторовъ, буде они хотятъ пользоваться его флотомъ и содѣйствіемъ на войнѣ съ Македонянами, то пусть они пошлютъ сами войско на защиту его царства; если же

этого они не захотятъ, то пусть позволятъ ему съ флотомъ и остальными войсками возвратиться защищать свое государство.» Сенатъ приказалъ такъ отвѣчать посламъ: сенатъ благодаритъ царя Аттала за то, что онъ флотомъ и прочими войсками помогалъ вождямъ Римскимъ. Но сенатъ не пошлетъ своихъ войскъ на вспоможеніе Атталу противъ Антіоха, союзника и друга народа Римскаго, и не будетъ задерживать вспомогательныхъ войскъ Аттала долѣе, сколько это будетъ согласно съ выгодами царя. Народъ Римскій, если когда либо пользовался чужимъ, то съ согласія владѣльца, предоставляя ему въ случаѣ, если онъ хочетъ оказать Римлянамъ вспоможеніе, и распоряжаться имъ. Теперь же Римляне пошлютъ пословъ къ Антіоху дать ему знать, что народъ Римскій въ настоящее время пользуется содѣйствіемъ Аттала, судовъ его и воиновъ противъ Филиппа общаго непріятеля, а потому онъ сдѣлаетъ большое одолженіе сенату, если оставитъ въ покоѣ Атталово царство и прекратитъ войну. Справедливо было бы и царямъ союзнымъ народу Римскому, имѣть между собою миръ и согласіе.»

9. Консулъ Т. Квинкцій произвелъ такъ наборъ, что завербовалъ почти всѣхъ тѣхъ заслуженной доблести воиновъ, которые уже служили въ Испаніи и Африкѣ. Онъ спѣшилъ было въ свою провинцію, какъ извѣстія о чудесныхъ явленіяхъ и очищеніе ихъ его позадержали. Громъ небесный ударилъ въ общественную дорогу въ Веяхъ, въ площадь и храмъ Юпитера Ланувійскаго, въ храмъ Геркулеса въ Ардеѣ, въ стѣны, башни и храмъ Капуи, прозываемой Альба. Въ Арреціи видѣли небо въ огнѣ; въ Велитрахъ земля на пространствѣ трехъ десятинъ осѣла въ видѣ огромной пещеры. Аврунки дали знать, что въ Суессахъ родился ягненокъ о двухъ головахъ, а въ Синуессѣ свинья съ человѣческою головою. По случаю этихъ чудесъ объявлено молебствіе на одинъ день и консулы занялись устройствомъ дѣлъ богослужебныхъ; умилостививъ боговъ, они отправились въ свои провинціи — Элій съ преторомъ К. Гельвіемъ въ Галлію; а войско, принятое отъ Л. Лентулла, которое онъ долженъ былъ отпустить, передалъ претору, намѣ-

реваясь вести войну самъ съ новыми легіонами, которые онъ привелъ съ собою, и всетаки онъ не сдѣлалъ ничего замѣчательнаго. Другой консулъ Т. Квинкцій поспѣшнѣе, чѣмъ то дѣлали прежніе консулы, отправился изъ Брундизія и занялъ Корциру съ восьмью тысячами пѣхоты и восемьюстами всадниковъ. Изъ Корциры онъ переправился на квинкверемѣ въ ближайшія мѣста Епира и поспѣшными переходами направился въ лагерь Римскій. Отпустивъ оттуда Виллія и пробывъ тамъ только нѣсколько дней, пока подошли войска изъ Корциры, онъ собралъ совѣтъ для обсужденія — проложить ли себѣ силою прямую дорогу черезъ лагерь непріятелей, или и не дѣлая попытокъ къ предпріятію столь трудному и опасному, скорѣе черезъ землю Дассаретіевъ и Ликъ безопаснымъ обходомъ проникнуть въ Македонію. И это послѣднее мнѣніе имѣло бы верхъ, не опасайся консулъ — отойдти далеко отъ моря и упустивъ изъ рукъ непріятеля, если царь, какъ и прежде дѣйствовалъ, захочетъ искать безопасности въ глухихъ и лѣсистыхъ мѣстахъ, провести безъ дѣйствія все лѣто; а потому консулъ рѣшился — во чтобы то ни стало напасть на непріятеля — не смотря на невыгоды мѣстности; но легче было это сказать чѣмъ придумать, какъ это привесть въ исполненіе.

10. Такимъ образомъ Римляне провели сорокъ дней ни къ чему не приступая, и спокойно оставаясь въ виду непріятелей. Вслѣдствіе этого Филиппъ возъимѣлъ надежду получить миръ черезъ посредство Епиротскаго народа. На бывшемъ по этому предмету совѣщаніи избраны для веденія этого дѣла — Павзаній преторъ и Александръ, начальникъ всадниковъ. Они привели для переговоровъ консула и царя въ то мѣсто, гдѣ Аой протекаетъ въ самихъ тѣсныхъ берегахъ. Сущность требованій консула заключалась — царю вывести свои войска изъ свободныхъ городовъ; а тѣмъ, которыхъ города и поля онъ разорилъ, пополнить убытки, какіе они покажутъ; остальныхъ же цѣнность опредѣлится избранными посредниками. Филиппъ отвѣчалъ: «относительно вольныхъ городовъ, не всѣ въ одинаковомъ положеніи; которые онъ самъ взялъ, тѣмъ онъ возвратитъ

свободу; но которые ему переданы предками, то отъ справедливаго наслѣдственнаго ими обладанія онъ отказаться не можетъ. Если тѣ города, съ которыми была ведена война, жалуются на потери свои, то онъ сошлется на приговоръ котораго угодно изъ тѣхъ народовъ, которые были въ мирѣ съ обѣими воевавшими сторонами.» Консулъ на это отвѣчалъ: «совсѣмъ не нужно на это ни посредника, ни судьи. Для кого не ясно, что виноватъ тотъ, кто первый началъ войну? Никто незатрогивалъ Филиппа войною, но онъ самъ первый всѣмъ дѣлалъ насиліе.» Когда дошла рѣчь до того, какіе города и народы освободить, то консулъ наименовалъ прежде всѣхъ Өессаловъ; на это царь пришелъ въ такое сильное негодованіе что воскликнулъ: «что же ты, Т. Кванкцій, найдешь тяжеле этого мнѣ приказать и въ случаѣ моего пораженія?» Съ этими словами онъ поспѣшно удалился съ совѣщанія, и чуть чуть было не завязалось сраженіе метаніемъ стрѣлъ, такъ какъ рѣка раздѣляла. На другой день происходили многія легкія стычки набѣгами передовыхъ отрядовъ другъ на друга въ равнинѣ довольно для этого просторной. А когда царскіе воины стали отступать въ мѣста узкія и гористыя, то въ пылу разгорѣвшейся воинской ревности, и Римляне туда проникли. Въ ихъ пользу былъ и порядокъ, и военная дисциплина и самое вооруженіе, весьма удобное для прикрытія тѣла; а за непріятеля была мѣстность, и катапульты и баллисты (стрѣлометныя орудія) поставленные по всѣмъ почти скаламъ, какъ по стѣнамъ. Съ обѣихъ сторонъ было много раненыхъ и, даже какъ въ правильномъ бою, нѣсколько человѣкъ убито, пока ночь не положила конца сраженію.

11. Между тѣмъ какъ дѣла находились въ этомъ положеніи, къ консулу привели одного пастуха, присланнаго Харопомъ, старѣйшиною Эпиротовъ. Этотъ пастухъ сказалъ: «что онъ нерѣдко пасъ стадо въ тѣхъ тѣснинахъ, которыя теперь заняты царскимъ лагеремъ, и знаетъ всѣ горныя тропинки и извилины. Если только консулъ захочетъ послать съ нимъ нѣкоторыхъ изъ своихъ людей, то онъ путемъ безопаснымъ и не труднымъ

приведетъ ихъ на головы непріятелямъ.» Услыхавъ это, консулъ послалъ спросить Харопа: «можно ли въ столь важномъ дѣлѣ повѣрить этому крестьянину?» Харопъ приказалъ сказать консулу, чтобы онъ ему такъ повѣрилъ, какъ бы все было въ рукахъ его самого, а не крестьянина. Консулъ и желалъ бы вѣрить и не рѣшался: въ душѣ его страхъ боролся съ радостью; но, полагаясь на слова Харопа, онъ рѣшился испробовать поданную ему надежду; а чтобы непріятель не имѣлъ никакого подозрѣнія, онъ въ слѣдующіе два дня не переставалъ тревожить непріятеля, двинувъ войска съ всѣхъ сторонъ и замѣняя утомленныхъ воиновъ свѣжими. Отобравъ четыре тысячи пѣшихъ и триста конныхъ воиновъ, онъ начальство надъ ними вручилъ военному трибуну. Всадниковъ онъ велѣлъ вести пока позволитъ мѣстность; а когда придутъ въ такія мѣста, гдѣ невозможно дѣйствовать всадникамъ, то поставить конницу на какой нибудь площадкѣ, а пѣшимъ идти туда, гдѣ проводникъ укажетъ дорогу; а когда онъ по обѣщанію придетъ надъ головы непріятелей, то дать дымомъ сигналъ и не прежде испустить воинскіе крики, какъ когда онъ, получивъ отъ него сигналъ, будетъ убѣжденъ, что онъ началъ сраженіе. Приказано идти и ночью (такъ какъ луна свѣтила во всю ночь), а днемъ заняться пищею и отдохновеніемъ. Проводнику даны великія обѣщанія въ случаѣ, если онъ вѣрно сдержитъ слово; впрочемъ его передали трибуну пока связаннымъ. Отправивъ такимъ образомъ этотъ отрядъ войска, Римскій вождь продолжаетъ тѣмъ усерднѣе на всѣхъ пунктахъ занимать позиціи.

12. Между тѣмъ, на третій день, когда Римляне заняли ту высоту, которой домогались и дали знать объ этомъ дымомъ, тогда консулъ, раздѣливъ войска на три части, серединою горной долины пошелъ съ главными силами; а лѣвое и правое крылья придвинулъ къ лагерю. Не съ меньшею готовностью выступили на встрѣчу и непріятели, и между тѣмъ какъ они, зашедъ далеко въ пылу борьбы, сражаются внѣ укрѣпленій, Римскіе воины обнаруживаютъ не мало превосходства и доблестью, и знаніемъ дѣла, и родомъ вооруженія. Послѣ того какъ съ обѣ-

ихъ сторонъ много было раненыхъ и убитыхъ, царскіе воины отступили въ мѣста, укрѣпленныя или природою, или искусствомъ, и тогда опасность была уже на сторонѣ Римлянъ, зашедшихъ необдуманно въ мѣста тѣсныя и неудобныя для отступленія. И смѣлость не осталась бы безъ наказанія при отступленіи оттуда, какъ вдругъ сначала услышанные сзади воинскіе крики, а потомъ и уже начавшаяся битва, привели царскихъ воиновъ неожиданностью тревоги въ великій страхъ. Часть бросилась бѣжать; часть оставалась на мѣстѣ не столько потому чтобы доставало у ней духу для борьбы, а по неимѣнію мѣста, куда бѣжать, такъ какъ непріятель окружилъ со всѣхъ сторонъ и тѣснилъ ихъ и спереди и сзади. Все войско царское могло быть истреблено, если бы побѣдители преслѣдовали бѣгущихъ; но всадникамъ мѣшали дѣйствовать крутизна мѣстоположенія и тѣснины, а пѣшимъ воинамъ тяжесть ихъ вооруженія. Царь сначала бѣжалъ куда пришлось и безъ оглядки; потомъ сдѣлавъ пять миль, онъ догадался какъ было и на дѣлѣ, что непріятелю преслѣдовать невозможно по случаю неровной мѣстности, и потому онъ остановился на одномъ холмѣ и послалъ сопровождавшихъ его людей по всѣмъ горамъ и долинамъ — собирать въ одно мѣсто разсѣявшихся его воиновъ. Потеря царя простиралась не болѣе какъ до двухъ тысячь воиновъ, остальное все множество, какъ бы по сигналу, собралось въ одну толпу и многолюднымъ строемъ пошло въ Ѳессалію. Римляне, преслѣдуя непріятеля до тѣхъ мѣстъ, пока это было для нихъ безопасно, убивали и оббирали непріятельскихъ воиновъ, разграбили непріятельскій лагерь, до котораго и безъ сопротивленія достигнуть было не легко, и эту ночь оставались въ своемъ лагерѣ.

13. На другой день консулъ черезъ самыя тѣснины, которыми рѣка пробирается по горнымъ долинамъ, послѣдовалъ за непріятелемъ. Царь въ первый день достигъ лагерей Пирра. Мѣсто, которое такъ называютъ, находится въ Трифилліи, землѣ Мелотиды. Оттуда, на другой день (переходъ для воиновъ былъ очень трудный, но ихъ подгонялъ страхъ) онъ достигъ

горы Лингона. Она принадлежитъ къ числу горъ Епира, находящихся между Македоніею и Ѳессаліею. Сторона, обращенная къ Ѳессаліи, смотритъ на Востокъ; Македонія же находится къ Сѣверу. Горы эти одѣты густыми лѣсами, и на самыхъ верхахъ ихъ находится обширныя долины и родники воды текучей. Царь пробылъ тамъ нѣкоторое время, оставаясь въ нерѣшительности, тотчасъ ли ему идти въ Македонію, или возвратиться въ Ѳессалію. Наконецъ онъ остановился на мысли — спуститься съ войскомъ въ Ѳессалію, и ближайшими дорогами идти въ Трикку. Оттуда онъ поспѣшно прошелъ всѣ города, которые встрѣтились по дорогѣ. Изъ жителей тѣхъ, которые въ состояніи были слѣдовать, онъ увлекалъ за собою, города предавалъ пламени. Позволялось каждому изъ домохозяевъ взять съ собою своихъ пожитковъ, сколько онъ былъ въ состояніи, остальное становилось добычею воиновъ. Врядъ ли можно было и отъ непріятелей потерпѣть больше зла, сколько жители Ѳессаліи понесли отъ своихъ союзниковъ. Прискорбно было и для самого Филиппа такъ дѣйствовать, но онъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ самихъ то союзниковъ исторгнуть изъ земли, которая вскорѣ должна была сдѣлаться непріятельскою. Такимъ образомъ опустошены города — Факій, Ирезіе, Евгидрій, Эретрія, Палефарсалъ. Хотѣлъ было войдти онъ и въ Феры, но не былъ впущенъ, взять его силою нужно было время, а обстоятельства этого недозволяли; а потому, оставивъ это намѣреніе, онъ перешолъ въ Македонію. Слухъ былъ, что Этолы приближаются. Они, услыхавъ о сраженіи, которое происходило около рѣки Аоя, опустошивъ ближайшія мѣста около Сперхія и такъ называемаго Макра Коме, перешли оттуда въ Ѳессалію, и при первомъ нападеніи взяли Киминъ и Ангею. Отъ Метрополя, гдѣ они опустошили поля, они отражены жителями, сбѣжавшимися для защиты стѣнъ города. Потомъ они приступили къ Каллитерѣ, гдѣ упорно выдержали подобное же нападеніе жителей города. Вогнавъ въ стѣны его жителей, сдѣлавшихъ вылазку, Этолійцы удовольствовались этою побѣдою, такъ какъ небыло никакой надежды овладѣть городомъ. Потомъ

они взяли силою села Тевму и Калатану и разграбили. Ахарръ достался имъ въ руки добровольною сдачею. Ксиній оставленъ жителями подъ вліяніемъ страха. Эта толпа жителей, покинувшихъ свой родной городъ, наткнулась на отрядъ войска, шедшій въ Тавмакъ, гдѣ фуражировка была безопаснѣе. Нестройная и безоружная толпа, въ которой много было людей неспособныхъ къ сраженію, истреблена вооруженными воинами. Ксиній опустѣвшій разграбленъ. Затѣмъ Этолы взяли Цифару, укрѣпленный городъ, который весьма кстати господствуетъ надъ Долопіею. Вотъ что въ нѣсколько дней совершили поспѣшно Этолы. Да и Аминандръ и Атаманосъ не оставались въ покоѣ, услыхавъ объ успѣшныхъ военныхъ дѣйствіяхъ Римлянъ.

14. Впрочемъ Аминандръ, мало довѣряя своимъ воинамъ, выпросилъ у консула небольшой вооруженный отрядъ и пошелъ въ Гомфы, а по дорогѣ тотчасъ взялъ силою городъ Феку, который находится между Гомфами и тѣснинами, которыя отдѣляютъ Θессалію отъ Атаманіи. Вслѣдъ за тѣмъ онъ напалъ на Гомфы; жители, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, защищались съ великимъ упорствомъ; но когда осаждающіе уже подняли лѣстницы къ стѣнамъ, то страхъ наконецъ заставилъ ихъ сдаться. Эта сдача Гомфовъ привела Θессалійцевъ въ неописанный ужасъ. Вслѣдъ за тѣмъ сдались тѣ, которые занимали города Аргентъ, Θеринъ, Тимаръ, Лизины, Стимонъ и Лампсъ и другія, находившіяся вблизи, укрѣпленныя мѣстечка менѣе значительныя. Между тѣмъ какъ Атаманы и Этолы, когда прошло опасеніе со стороны Македонянъ, пользуются военными успѣхами другихъ для обогащенія себя добычею, Θессалію опустошаютъ три войска, такъ что жители ея незнаютъ, кого считать непріятелемъ и кого союзникомъ. Консулъ черезъ ущелья, дорога въ которыя была открыта вслѣдствіе бѣгства непріятелей, перешелъ въ Эпиръ, хотя очень хорошо зналъ, чьей сторонѣ благопріятствовали Эпироты, за исключеніемъ старѣйшины Харопа, но, видя ихъ готовность и усердіе исполнять все, что имъ приказано, онъ ихъ цѣнитъ не по прошедшему, но по теперешнему поведенію и такою готовностью прощать

онъ пріобрѣтаетъ ихъ расположеніе на будущее время. Отправивъ потомъ гонцовъ въ Корциру съ приказаніемъ транспортнымъ судамъ прійдти въ Амбракійскій заливъ, консулъ выступилъ впередъ небольшими переходами, и на четвертый день онъ сталъ лагеремъ на горѣ Церцетіѣ, куда призвалъ и Аминандра съ его вспомогательными войсками, нестолько нуждаясь въ его силахъ, сколько для того, чтобы имѣть проводниковъ по Θессаліи. Вслѣдствіе этого же соображенія и многіе изъ Епиротовъ приняты охотниками во вспомогательный отрядъ.

15. Первый изъ городовъ Θессаліи, на который напалъ консулъ, былъ Фалорія. Тамъ въ горнизонѣ находились двѣ тысячи Македонянъ, которые сначала сопротивлялись весьма упорно, на сколько имъ могли служить защитою и оружіе и стѣны; но постоянное нападеніе, не прекращавшееся ни днемъ ни ночью, такъ какъ консулъ былъ убѣжденъ, что все вниманіе Θессалійцевъ обращено на то — устоятъ ли ихъ соотечественники противъ перваго нападенія Римлянъ, сломило упорство осажденныхъ. По взятіи Фалоріи, явились послы изъ городовъ Метрополя и Піэры съ изъявленіемъ покорности; по ихъ просьбѣ дано имъ прощеніе; а Фалорія предана пламени и разграбленію; оттуда онъ пошелъ въ Эгиній. Видя, что этотъ городъ и небольшимъ гарнизономъ хорошо защищенъ и почти неприступенъ, консулъ, пустивъ нѣсколько стрѣлъ на ближайшіе аванпосты, самъ повелъ войско къ сторонѣ Гомфовъ. Когда консулъ спустился въ равнины Θессаліи, то въ его войскѣ ощущались уже недостатки всякаго рода, такъ какъ онъ щадилъ поля Эпиротовъ; вслѣдствіе этого, онъ, пославъ узнать, гдѣ находились транспортныя (съ провіантомъ) суда у Левкада ли или въ Амбраційскомъ заливѣ, отправлялъ поочередно когорты въ Амбракію на фуражировку. Есть дорога отъ Гомфъ въ Амбракію хотя трудная и неудобная, но и прекороткая, а потому, въ продолженіи немногихъ дней, подвезены были съ моря съѣстные припасы и лагерь наполнился въ избыткѣ всѣмъ. Оттуда консулъ двинулся въ Антракъ; онъ находится на разстояніи почти 10 миль отъ Лариссы; жители его про-

исходятъ изъ Перребіи и городъ стоитъ надъ рѣкою Пенеемъ. Ѳессалійцы ни сколько не оробѣли при первомъ появленіи Римлянъ; а Филиппъ, хотя самъ не дерзалъ показаться въ Ѳессаліи, однако, расположившись лагеремъ у Темпе, онъ при случаѣ посылалъ подкрѣпленія въ тѣ города, которые были угрожаемы непріятелемъ.

16. Почти около того же времени, когда консулъ противъ Филиппа сталъ лагеремъ въ тѣснинахъ Эпира и Л. Квинкцій, братъ консула, которому поручено отъ сената попеченіе надъ флотомъ и начальство надъ морскимъ берегомъ, съ двумя квинкверемами переправился въ Корциру и услыхавъ, что флотъ вышелъ оттуда, не счелъ нужнымъ медлить, и достигнувъ острова Замы, отпустилъ Л. Апустія, котораго онъ былъ преемникомъ, и оттуда уже поздно прибылъ въ Малею, таща за собою на буксирѣ суда съ провіантомъ. Изъ Малеи онъ, отдавъ остальнымъ судамъ приказаніе слѣдовать за нимъ сколько возможно поспѣшнѣе, самъ съ тремя легкими квинкверемами поспѣшилъ захватить Пирей и принялъ суда, оставленныя тамъ Л. Апустіемъ на защиту Аѳинъ. Въ тоже время изъ Азіи выступили два флота — одинъ съ царемъ Атталомъ (онъ состоялъ изъ 24 квинкверемъ), другой Родоскій изъ двадцати крытыхъ (съ палубами) судовъ подъ начальствомъ Агезимброта. Эти флоты, соединясь около острова Андроса, переправились въ Евбею, отдѣленную отъ него узкимъ проливомъ. Сначала они опустошили поля Каристіевъ, потомъ, когда Каристъ, куда было послано на скорую руку вспоможеніе изъ Халкиды, оказался довольно крѣпокъ, они приступили къ Эретріи. Туда же, услыхавъ о прибытіи царя Аттала, прибылъ и Л. Квинкцій съ тѣми судами, которыя находились въ Піреѣ и отдалъ приказаніе, чтобы тѣ суда, которыя пришли изъ его флота, отправились въ Эвбею. На Эретрію нападали съ величайшею силою; такъ какъ на судахъ трехъ соединенныхъ флотовъ находились всякаго рода стѣнобитныя орудія и машины для разрушенія городовъ, да и окрестныя мѣста въ избыткѣ представляли матеріалъ для производства новыхъ работъ. Жители города защищали сначала стѣны его довольно дѣятельно; но потомъ тѣ изъ нихъ, которые были утомлены и переранены, склонили къ сдачѣ и остальныхъ, тѣмъ болѣе что они видѣли часть стѣны въ развалинахъ вслѣдствіе осадныхъ работъ непріятельскихъ. Впрочемъ тамъ находился гарнизонъ Македонянъ, которыхъ опасались жители не менѣе Римлянъ и Филоклъ, царскій префектъ, посылалъ изъ Халкиды гонцовъ о томъ, что онъ придетъ во время, если только они выдержатъ осаду. Такимъ образомъ эта надежда, вмѣстѣ съ опасеніями, заставила жителей продлить время долѣе, чѣмъ они могли или были въ состояніи. Потомъ, когда они узнали, что Филоклъ отраженъ, и въ смятеніи долженъ былъ удалиться въ Халкиду, то они тотчасъ отправили пословъ къ Атталу, прося у него прощенія и ручательства. Между тѣмъ какъ они, надѣясь на полученіе мира, лѣнивѣе исполняли обязанности войны, и вооруженные отряды поставили только съ той стороны, гдѣ была разрушена стѣна, пренебрегши прочими, то Квинкцій ночью съ той стороны, гдѣ жители имѣли менѣе всего опасеній, произвелъ нападеніе и взялъ городъ посредствомъ лѣстницъ. Все множество горожанъ съ женами и дѣтьми ушли въ замокъ; потомъ и тотъ сдался. Денегъ, золота и серебра, было конечно не много; статуи, картины стариннаго искусства и многія украшенія этого рода найдены въ такомъ количествѣ, какого трудно было бы ожидать, судя по величинѣ города и достатку его жителей.

17. Оттуда опять вернулись въ Каристъ, и тамъ прежде чѣмъ войска были высажены изъ судовъ, жители всею массою оставивъ городъ, убѣжали въ крѣпость. Оттуда они отправили пословъ къ Римлянамъ, отдаваясь вѣрности ихъ слова. Жителямъ города дана тотчасъ жизнь и свобода, для Македонянъ положенъ выкупъ по триста золотыхъ монетъ съ каждаго, и они должны были уйдти выдавъ оружіе. Заплативъ этотъ выкупъ они безоружные перевезены въ Бэотію. Морскія силы, овладѣвъ въ нѣсколько дней двумя знаменитыми городами Эвбеи, обогнули кругомъ Суній, мысъ Аттической земли, и отправились въ Кенхрей, Коринѳскую пристань. Между тѣмъ консулу

пришлось произвести нападеніе продолжительнѣе и упорнѣе, чѣмъ кто либо ожидалъ, и непріятель оказалъ ожесточенное сопротивленіе тамъ, гдѣ этого менѣе всего можно было ожидать. Онъ предполагалъ, что весь трудъ будетъ заключаться въ разрушеніи стѣны, какъ откроетъ онъ доступъ въ городъ вооруженнымъ, то послѣдуетъ бѣгство и истребленіе непріятелей, какое обыкновенно бываетъ при взятіи городовъ. Впрочемъ, и когда часть стѣны была сбита машинами и вооруженные воины проникли въ городъ по развалинамъ, тутъ то открылся новый и совершенно непочатый трудъ. Македоняне, которыхъ въ гарнизонѣ было много, и притомъ отборныхъ воиновъ, считали себѣ за высшую славу — защитить городъ лучше оружіемъ и доблестью, чѣмъ стѣнами, многими извнутри рядами подкрѣпили строй, и когда замѣтили, что Римляне проникли было въ городъ по развалинамъ, то они прогнали ихъ по мѣстности, не удобной и трудной для отступленія. Консулъ съ досадою перенесъ это и будучи убѣжденъ, что такое безславіе будетъ имѣть вліяніе не только на участь одного города, но и на судьбу всей кампаніи, такъ какъ иногда отъ ничтожныхъ обстоятельствъ зависитъ успѣхъ самихъ важныхъ дѣлъ, очистивъ мѣсто которое было завалено развалинами обрушившейся стѣны, выдвинулъ башню чрезвычайной высоты, на многихъ этажахъ которой находилось большое количество воиновъ и высылалъ поочередно въ бой когорты для того, чтобы сломить, если только они будутъ въ состояніи карре Македонянъ (оно у нихъ называется фалангою). Но самая тѣснота мѣста, такъ какъ промежутокъ разрушенной стѣны былъ не очень великъ, благопріятствовала непріятелю, его роду оружія и манерѣ сражаться. Такъ какъ Македоняне выставили впереди себя щетину копій чрезвычайно длинныхъ, то тщетно Римляне, выпустивъ безъ успѣха свои дротики, извлекали мечи на эту сплошную, какъ бы изъ щитовъ составленную, массу; немогли они ни схватиться съ непріятелемъ въ рукопашный бой, ни перерубить копій, но если даже какое и надламливали, то и надломленный конецъ какъ острый торчалъ впередъ и дополнялъ частоколъ копій. Притомъ

части стѣны, остававшейся по обѣ стороны нетронутою, дѣлали вполнѣ безопасными фланги непріятеля; нельзя было отступать на нѣкоторое разстояніе, и съ розмаху сдѣлать натискъ, чѣмъ обыкновенно приводятъ въ замѣшательство ратные строи. Одно совершенно случайное обстоятельство содѣйствовало къ тому, чтобы ободрить непріятелей. Такъ какъ башня двигалась по насыпи земли не слишкомъ хорошо убитой, то одно колесо ушло въ такую глубокую колею, что башня очень наклонилась и непріятели подумали, что она падаетъ, а стоявшие на ней воины пришли въ неописанный ужасъ.

18. Видя неудачу всѣхъ принятыхъ мѣръ, консулъ не равнодушно долженъ былъ выносить дѣлаемое сравненіе рода войскъ и оружія, но, будучи убѣжденъ, что въ короткое время взять городъ нельзя, и не видя возможности провести зиму далеко отъ моря и въ мѣстахъ, опустошенныхъ войною, онъ оставилъ осаду. А такъ какъ на берегахъ всей Акарнаніи и Эголіи не было пристани, которая могла бы вмѣстѣ и пріютить всѣ транспортыя суда, везшія провіантъ для войска, и представить жилища, въ которыхъ легіоны могли бы провести зиму, то всего лучше показалась для этого Антицира въ Фокидѣ, обращенная къ Коринѳскому заливу. Она находилась недалеко отъ Ѳессаліи и непріятельской страны, и напротивъ ея находился Пелопоннесъ, отдѣленный небольшимъ пространствомъ моря; сзади— Эголія и Акарнанія, а съ боковъ Локрида и Бэотія. Фанотею въ Фокидѣ консулъ взялъ при первомъ нападеніи безъ всякаго сопротивленія; да и Антицира неслишкомъ долго задержала при нападеніи на нее; потомъ взяты Амбрисъ и Гіамполисъ. Давлисъ, вслѣдствіе того, что находится на высокомъ холмѣ не могъ быть взятъ ни посредствомъ лѣстницъ, ни осадныхъ работъ. Тревожа метательными орудіями тѣхъ, которые находились въ гарнизонѣ и вызвавъ ихъ на вылазку, то отбѣгая назадъ, то преслѣдуя, Римляне проводили время въ ничтожныхъ схваткахъ безъ дѣйствія, и жители до того сдѣлались небрежны и такъ мало опасались Римлянъ, что дали имъ возможность при нападеніи проникнуть въ городские ворота, смѣшавшись съ

толпами бѣгущихъ. Шесть другихъ, менѣе значительныхъ, укрѣпленныхъ мѣстъ Фокиды достались во власть Римлянъ болѣе подъ вліяніемъ ужаса, чѣмъ силою оружія. Елація заперла ворота, и повидимому жители ея не соглашались принять въ свои стѣны или войско, или вождя Римскаго иначе, какъ принужденные силою.

19. Между тѣмъ какъ консулъ осаждалъ Елацію, ему блеснула надежда на успѣхъ дѣла болѣе важнаго, а именно отвлечь Ахейскій народъ отъ союза съ царемъ къ дружественнымъ связямъ съ Римлянами. Ахейцы прогнали Цикліада, начальника партіи, склонявшей народъ на сторону Филиппа. Преторомъ сдѣлался Аристенъ, который хотѣлъ своихъ соотечественниковъ вовлечь въ союзъ съ Римлянами. Флотъ Римскій съ Атталомъ и Родосцами стоялъ въ Кенхреяхъ, и всѣ съ общаго совѣта готовились напасть на Коринѳъ. А потому они сочли за лучшее, прежде чѣмъ приступить къ осуществленію своего предпріятія, отправить пословъ къ народу Ахейскому, обѣщая ему, если онъ отъ царя перейдетъ на сторону Римлянъ. Коринѳъ присоединить къ древнему сейму народному. По совѣту консула отправлены послы отъ брата его Л. Квинкція, Аттала, Родосцевъ и Аѳинянъ къ Ахейцамъ. Въ Сикіонѣ назначено съ ними совѣщаніе, но расположеніе умовъ у Ахейцевъ было не слишкомъ просто. Грозилъ Набисъ Лакедемонянинъ, непріятель опасный и безпокойный; страшило и оружіе Римлянъ; они были связаны благодѣяніями со стороны Македонянъ, и прежними и новыми. На самого же царя они подозрительно смотрѣли вслѣдствіе его жестокости и вѣроломства и судя о немъ не по тому, что онъ долженъ былъ дѣлать вынужденный обстоятельствами времени, они опасались въ немъ видѣть, по окончаніи войны, тяжкаго для себя повелителя. И не только они незнали, въ какомъ смыслѣ говорилось по этому предмету, какъ отдѣльно гражданами, такъ и на общихъ сеймахъ народа; но даже они какъ ни думали, сами хорошенько не знали — чего желать и чего требовать. Послы были введены въ собраніе людей, находившихся въ такомъ недоумѣніи, и имъ дано позволеніе говорить. Сначала говорилъ Римскій легатъ Л. Калпурній, потомъ послы царя Аттала, а послѣдніе Родосцы. За тѣмъ дано позволеніе говорить посламъ царя Филиппа. Наконецъ выслушаны Аѳиняне, говорившіе въ опроверженіе Македонянъ. Они съ ожесточеніемъ напали на царя, потому что врядъ ли кто болѣе или менѣе ихъ пострадалъ отъ его жестокости. Этотъ сеймъ распущенъ при заходѣ солнца, такъ какъ цѣлый день прошелъ въ выслушиваніи почти безпрерывныхъ рѣчей столькихъ посольствъ.

20. На другой день созвали сеймъ. Когда, по обычаю Грековъ, начальствующія лица объявили черезъ герольда, не желаетъ ли кто говорить, никто не выходилъ. Долго всѣ въ молчаніи посматривали другъ на друга. И ничего тутъ удивительнаго не было, и безъ того умы гражданъ, обдумывавшихъ предметы столь противуположные, находились въ какомъ то оцѣпененіи; но ихъ еще болѣе смутили тѣ рѣчи, которыя они выслушивали въ продолженіи предшествующаго дня, гдѣ передъ ними излагали и внушали имъ вещи самыя затруднительныя. Наконецъ Аристенъ, преторъ Ахейскій, опасаясь, какъ бы не пришлось распустить совѣтъ въ молчаніи, сталъ говорить слѣдующее: «Да куда же дѣвалось Ахейцы то воодушевленіе умовъ, съ какимъ вы въ вашихъ бесѣдахъ и кружкахъ, лишь только заходила рѣчь о Римлянахъ и Филиппѣ, едва удерживались отъ рукопашныхъ дѣйствій? А теперь на сеймѣ, который собранъ именно на этотъ предметъ, выслушавъ рѣчи пословъ и той и другой стороны, при докладѣ вамъ начальствующихъ лицъ, несмотря на приглашеніе черезъ герольда говорить, вы остаетесь нѣмы. Если не забота объ общемъ благѣ, то почему хоть не заговорятъ въ комъ нибудь изъ васъ страсти, которыя васъ склоняютъ къ той или другой сторонѣ? А врядъ ли кто изъ васъ такъ тупоуменъ, чтобы не знать, что именно теперь то, прежде чѣмъ состоялось наше опредѣленіе, есть случай для каждаго говорить и убѣждать въ томъ, чего каждый желаетъ или что онъ считаетъ за лучшее. А какъ только состоится опредѣленіе, тогда уже всѣ, хотя бы оно кому и не нравилось, обя-

заны будутъ защищать его единодушно, какъ благое и полезное.» Впрочемъ и это увѣщаніе претора не только не склонило никого говорить, но и не вызвало въ такомъ огромномъ собраніи людей разныхъ народовъ никакого голоса ни одобренія, ни порицанія.

21. Тогда преторъ Аристенъ началъ говорить снова: «Старѣйшины Ахейскіе, нѣтъ у васъ недостатка ни въ мнѣніи, ни въ выраженіи; но никто не хочетъ, цѣною собственной опасности, дать совѣтъ въ общемъ дѣлѣ. Да и я самъ можетъ быть также бы молчалъ, еслибъ былъ частнымъ человѣкомъ; а теперь, будучи преторомъ, я вижу, что или ненужно было приглашать пословъ на сеймъ, или не слѣдуетъ ихъ отпускать безъ отвѣта; а какъ же я могу иначе отвѣчать, какъ не по вашему опредѣленію? Когда же никто изъ васъ, приглашенныхъ на это совѣщаніе, или не хочетъ, или не дерзаетъ говорить объ этомъ дѣлѣ, то мы разсмотримъ мнѣнія, выраженныя въ рѣчахъ пословъ, вчера говоренныхъ, не въ томъ отношеніи, на сколько они высказывали свои требованія, условленныя ихъ интересами, но въ томъ, на сколько то, что они предлагали вамъ, полезно для васъ самихъ. Римляне, Родосцы и Атталъ просятъ нашего союза и дружбы и находятъ справедливымъ, чтобы мы имъ помогали въ войнѣ, которую они ведутъ съ царемъ Филиппомъ. Филиппъ напоминаетъ заключенный съ нами союзъ и клятвы, и то требуетъ, чтобы мы дѣйствовали съ нимъ за одно, то говоритъ, что съ него довольно, если мы не будемъ сражаться ни за ту, ни за другую сторону. Неужели никому не приходитъ на мысль, почему тѣ, которые еще и не союзники наши, домогаются отъ насъ большаго, чѣмъ нашъ союзникъ? Повѣрьте, Ахейцы, что виною тому не умѣренность Филиппа и не самонадѣянность Римлянъ. Счастіе и усиливаетъ мѣру требованій и уменьшаетъ ее. Отъ Филиппа мы видимъ здѣсь только одного посла. Между тѣмъ у Кенхрей стоитъ Римскій флотъ, нося на своихъ судахъ добычу городовъ Бэотіи. Мы видимъ, что консулъ съ своими полками свободно гуляетъ по Фокидѣ и Локридѣ, отдѣленныхъ узкимъ пространствомъ моря. Что же удивительнаго, если Клеомедонъ, посолъ Филиппа, весьма не смѣло просилъ насъ недавно дѣйствовать за одно оружіемъ противъ Римлянъ? А что же, ежели мы на основаніи того же союзнаго договора и клятвъ, святостью которыхъ онъ насъ хотѣлъ связать, попросимъ его, чтобы онъ защитилъ насъ и отъ Набиса, и отъ Лакедемонянъ и отъ Римлянъ. Врядъ ли онъ изыщетъ намъ не только войско для нашей защиты, но и даже придумаетъ какой намъ дать отвѣтъ? Конечно не болѣе, какъ и самъ Филиппъ въ прошломъ году. Обѣщаніемъ вести войну противъ Набиса пытался онъ нашу молодежь увлечь отсюда въ Евбею, а потомъ когда онъ увидалъ, что мы не даемъ ему этого вспоможенія и не хотимъ ввязаться въ войну съ Римлянами, то онъ, забывъ тотъ союзъ, которымъ нынѣ хвалится, предоставилъ Набису и Лакедемонянамъ насъ опустошать и грабить. Мнѣ показалось, что Клеомедонъ въ своей рѣчи нѣсколько самъ себѣ противурѣчитъ. Онъ старался войну съ Римлянами выставить маловажною и говорилъ, что результатъ ея будетъ тотъ же, что и прежней войны, которую они вели съ Филиппомъ. А почему же онъ предпочитаетъ заочно просить нашего вспоможенія, чѣмъ самъ на лицо защищать насъ старыхъ союзниковъ вмѣстѣ отъ Набиса и Римлянъ? Да что я говорю о насъ? Зачѣмъ допустилъ онъ взять Эретрію и Каристъ? Столько другихъ городовъ Өессаліи? Локриду и Фокиду? Зачѣмъ онъ позволяетъ теперь нападать на Елатію? Зачѣмъ онъ вышелъ изъ тѣснинъ Епира и неприступныхъ позицій надъ рѣкою Аоемъ и, оставивъ вслѣдствіе принужденія ли, робости ли или добровольно, горы, которыя онъ занималъ, удалился совсѣмъ въ свое царство? Если онъ охотно столько союзниковъ отдалъ на разграбленіе непріятелей, то можетъ ли онъ быть въ претензіи, если союзники сами о себѣ позаботятся хотя бы и подъ вліяніемъ робости, то, судя по себѣ, онъ долженъ и намъ простить. Если же онъ отступилъ, побѣжденный силою оружія, то, Клеомедонъ, неужели мы, Ахейцы, устоимъ противъ оружія Римлянъ, котораго вы Македоняне не могли выдержать? Неужели мы и въ томъ, что Римляне теперь ве-

дутъ войну не съ большими войсками и силами, какъ и прежде, повѣримъ тебѣ, Клеомедонъ, скорѣе чѣмъ тому, что мы видимъ въ дѣйствительности? Они тогда флотомъ помогли Этолійцамъ; не велъ войны тогда ни вождь консулъ, ни войско сухопутное. И тогда приморскіе города, союзные Филиппу, находились въ ужасѣ и въ смятеніи; а мѣста, находившіяся въ серединѣ твердой земли, были до такой степени безопасны отъ Римскаго оружія, что Филиппъ опустошалъ землю Этоловъ, тщетно взывавшихъ къ Римлянамъ о помощи. А теперь Римляне, отдѣлавшись отъ Пунической войны, которую они въ продолженіи шестнадцати лѣтъ должны были выносить въ самихъ нѣдрахъ Италіи, неудовольствовались послать вспоможеніе на войну Этолійцамъ, но сами съ своими военачальниками напали на Македонію вмѣстѣ съ моря, и съ сухаго пути. Уже третій консулъ ведетъ войну съ величайшею настойчивостью. Сульпицій, схватившись съ царемъ въ самой Македоніи, разбилъ его и обратилъ въ бѣгство, опустошивъ самую богатую часть его владѣній. Теперь Квинкцій у царя, захватившаго тѣснины Эпира, вполнѣ надѣявшагося на мѣстность, на укрѣпленія, на войско, отнялъ лагерь; бѣгущаго преслѣдовалъ до Ѳессаліи и почти въ глазахъ самаго царя, захватилъ силою царскіе гарнизоны и союзные ему города. Пусть даже неправда высказанное послами Аѳинскими только что передъ этимъ о жестокости, корыстолюбіи, любострастіи царя. Пусть до насъ нисколько не касаются тѣ преступныя дѣйствія, которыя на Аттической землѣ совершены противъ боговъ небесныхъ и подземныхъ. Еще мѣнѣе трогаетъ насъ то, что вытерпѣли жители Ціана и Абидоса, которые отъ насъ далеко; предадимъ забвенію, если хотите, и наши собственныя потери; убійства и разграбленія имуществъ, случившіяся въ Мессенѣ, среди Пелопонеса, и то, что въ Кипариссіи гость нашъ Гаритенъ вопреки всякаго закона и приличія, умерщвленъ почти на пиршествѣ, и что въ Сикіонахъ убиты Араты сынъ и отецъ, между тѣмъ какъ Филиппъ несчастнаго старика называлъ не разъ отцемъ, а жена сына увезена даже въ Македонію для удовлетворенія его похотливости. Предадимъ забвенію и другіе примѣры изнасилованныхъ женъ и дѣвицъ. Пусть у Филиппа не будетъ такой обстановки, въ ужасѣ отъ которой вы утратили голосъ! Иначе какая другая можетъ быть причина молчанія для васъ созванныхъ на это совѣщаніе? Положимъ, что у насъ теперь идетъ словопреніе съ Антигономъ, царемъ самымъ справедливымъ, кроткимъ и, въ отношеніи къ намъ, оказавшимъ большія услуги. Неужели онъ насъ станетъ требовать того, что немогло случиться и прежде? Пелопоннесъ—полуостровъ, узкимъ перешейкомъ Истма связанный съ твердою землею; онъ со всѣхъ сторонъ открытъ и удобенъ для нападенія на него съ моря. Если сто крытыхъ (палубныхъ) судовъ, и пятьдесятъ легкихъ открытыхъ, и тридцать Испанскихъ лодокъ начнутъ опустошать прибрежье и города, стоящіе почти у самаго моря, то удалимся ли мы въ города, находящіеся середи твердой земли? Какъ будто не терзаетъ насъ война внутренняя, находящаяся въ самихъ нѣдрахъ нашихъ? Съ сухаго пути будутъ насъ тѣснить Набисъ и Лакедемоняне, а съ моря Римскій флотъ, то гдѣ мы будемъ искать нашего союзника царя, и вспомогательное войско Македонянъ? Или мы собственнымъ оружіемъ будемъ защищать отъ враждебныхъ дѣйствій Римлянъ города, которые подвергнутся нападенію? Въ прежнюю войну мы прекрасно защитили Димасъ. Довольно примѣровъ представляютъ намъ чужія несчастія, а потому и намъ самимъ не прійдется жаловаться, если мы сами послужимъ примѣромъ для другихъ. Не пренебрегайте тѣмъ, что Римляне сами первые домогаются дружественнаго союза съ вами; этого вамъ самимъ нужно было желать и домогаться всѣми силами. Ужь не робость ли ихъ, загнанныхъ въ чужую землю и захваченныхъ тамъ въ расплохъ, заставляетъ скрыться подъ сѣнью вашего покровительства? Не за тѣмъ ли они прибѣгаютъ къ союзу вашему, чтобы быть принятыми въ ваши пристани, пользоваться вашими запасами? Море въ ихъ власти; земли, куда они ни придутъ, тотчасъ покоряютъ себѣ. Они въ состояніи заставить сдѣлать силою то, о чемъ теперь просятъ; желая васъ пощадить, они не хо-

тятъ допустить, чтобы вы вашими дѣйствіями навлекли на себя гибель. Хотя Клеомедонъ доказывалъ, что лучшій и безопаснѣйшій для васъ образъ дѣйствій оставаться въ покоѣ и не принимать участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Такъ поступить не значитъ избрать средину, а все равно что ничего. Не говоря уже о томъ, что союзъ съ Римлянами вы должны или принять или отвергнуть; но, не задобривъ никого хорошенько въ свою пользу и какъ бы поджидая на чью сторону склонится счастіе, для того чтобы сообразить съ этимъ наши намѣренія, мы сдѣлаемся готовою добычею побѣдителя? И такъ не пренебрегайте тѣмъ, что вамъ предлагаютъ, тогда какъ вамъ всѣмъ слѣдовало этого домогаться? Случай, который теперь вамъ представляется, не часто повторится, да онъ и не надолго. Давно уже вы отдѣлаться отъ Филиппа желаете болѣе, чѣмъ смѣете. Безъ всякаго какого либо для васъ труда и опасности, люди, желающіе возвратить вамъ свободу, явились изъ за моря съ большимъ флотомъ и войскомъ. Если вы такими союзниками пренебрежете, то врядъ ли вы въ здравомъ умѣ; а необходимо для васъ имѣть ихъ или союзниками, или врагами.

22. Вслѣдъ за рѣчью претора послѣдовалъ страшный шумъ: одни высказывали свое одобреніе, а другіе сильно бранили первыхъ. И уже не одни частныя лица, но и цѣлые народы между собою спорили; тутъ между начальствующими лицами племени (ихъ зовутъ даміургами и ихъ бываетъ счетомъ десять) началось состязаніе не менѣе сильное какъ и въ народѣ. Пять изъ нихъ говорили, что они сдѣлаютъ докладъ о союзѣ съ Римлянами и подадутъ голосъ; а пять подали отъ себя мнѣніе, что закономъ постановлено — начальствующія лица не имѣютъ право ничего докладывать, а собраніе опредѣлять противнаго дружественному союзу съ Филиппомъ. Такимъ образомъ весь этотъ день прошолъ въ перебранкѣ. Оставался только одинъ день настоящаго собранія (закономъ было постановлено дѣлать опредѣленіе на третій день), въ которомъ страсти разыгрались до того, что едва между отцами и дѣтьми не дошло до схватки. Ризіазій (онъ былъ изъ

Пеллены) имѣлъ сына даміурга, по имени Мемнона, изъ той партіи, которая препятствовала прочитать декретъ и отбирать голоса. Отецъ долго упрашивалъ сына, чтобы онъ позволилъ Ахейцамъ позаботиться объ общемъ благѣ и своимъ упорствомъ не губилъ бы цѣлаго племени, а когда онъ увидѣлъ, что его просьбы остаются почти безо всякаго дѣйствія, онъ поклялся, что убьетъ его изъ своихъ рукъ и будетъ считать его за врага, а не за сына, и такими угрозами склонилъ его наконецъ пристать на другой день къ тѣмъ, которые дѣлали докладъ. Такъ какъ на ихъ сторонѣ образовалось большинство и небыло сомнѣнія въ одобреніи почти всѣхъ народовъ, и въ томъ смыслѣ, въ какомъ состоится декретъ, Димеи, Мегалополитаны и нѣкоторые Аргивцы прежде чѣмъ состоялся декретъ, встали и оставили собраніе, при чемъ никто не удивлялся, и не высказывалъ своего неодобренія. Что касается Мегалополитанъ, то ихъ на памяти дѣдовъ изгнанныхъ Лакедемонцами, возвратилъ въ отечество Антигонъ. Димейцевъ, которыхъ городъ недавно былъ взятъ и разграбленъ Римскимъ войскомъ, Филиппъ приказалъ выкупить отовсюду, гдѣ они находились въ рабствѣ и возвратилъ имъ не только свободу, но и отечество. Аргивцы же, кромѣ того, что царей Македонскихъ считали отъ себя происходившими, многіе имѣли къ Филиппу отношенія дружественныя и пріятельскія; а потому они вышли изъ собранія, видя, что оно склоняется на сторону союза съ Римлянами; на такое удаленіе ихъ смотрѣли снисходительно, такъ какъ они получили отъ Филиппа недавно большія благодѣянія.

23. Прочіе народы Ахейцевъ, когда у нихъ спросили мнѣнія, скрѣпили немедленно декретомъ союзъ съ Атталомъ и Родосцами. Союзъ съ Римлянами, такъ какъ безъ утвержденія народа онъ не могъ быть дѣйствительнымъ, отложенъ до того времени, когда могли быть отправлены послы въ Римъ. А на первый разъ положено отправить къ Л. Квинкцію трехъ пословъ, и все войско Ахейское придвинуть къ Коринѳу, такъ какъ Квинкцій, взявъ Кенхреи, уже приступалъ къ этому го-

роду. Ахейцы стали лагеремъ со стороны воротъ, обращенныхъ къ Сикіону. Римляне нападали на часть города, обращенную къ Кенхреямъ, Атталъ, переведя войско черезъ Истмъ, приступалъ со стороны Лехея, другой приморской пристани. Сначала нападеніе производилось не слишкомъ дѣятельно, такъ какъ осаждающіе надѣялись на возмущеніе горожанъ противъ Македонскаго гарнизона. Но когда всѣ единодушно, и Македоняне защищали какъ общее отечество, и Коринѳяне исполняли приказанія, начальника гарнизона, Андросѳена съ такимъ усердіемъ, какъ если бы онъ былъ ихъ согражданинъ, назначенный начальникомъ по ихъ выбору; а потому вся надежда сражающихся была обращена на силу оружія и осадныя работы. Со всѣхъ сторонъ придвигались насыпи къ стѣнамъ, доступъ къ которымъ былъ не совсѣмъ легкій. Стѣнобитное орудіе съ той стороны, гдѣ нападали Римляне, разрушило часть стѣны; на это мѣсто, такъ какъ лишенное укрѣпленій, сбѣжались Македоняне для его защиты и тутъ произошелъ ожесточенный бой между ними и Римлянами. И сначала Римляне, уступая численности, были прогнаны, но потомъ, присоединивъ вспомогательное войско Ахейцевъ и Аттала, уровняли бой и нѣтъ сомнѣнія, что они безъ труда могли оттѣснить съ позиціи Македонянъ и Грековъ. Здѣсь находилось большое количество Италіянскихъ перебѣжчиковъ, частью перешедшихъ къ Филиппу изъ войска Аннибалова, изъ опасенія наказанія отъ Римлянъ, частью матросовъ, только что покинувшихъ свои суда въ надеждѣ службы болѣе почетной. Они не могли расчитывать на пощаду въ случаѣ побѣды Римлянъ, и потому ими овладѣло скорѣе бѣшенство, чѣмъ смѣлость. Есть мысъ противъ Сикіона—Юноны, которую называютъ Акрейскою, выдающійся далеко въ море; переѣздъ оттуда въ Коринѳъ почти на семь тысячь шаговъ. Туда Филоклесъ и самъ царскій префектъ, повелъ черезъ Беотію тысячу пять сотъ воиновъ. Тотчасъ поспѣли изъ Коринѳа лодки, которыя, посадивъ этотъ гарнизонъ, перевезли его въ Лехей. Атталъ, предавъ огню осадныя работы, подалъ знакъ къ снятію тотчасъ осады. Упорнѣе въ своемъ намѣреніи былъ Квинкцій; но и

тотъ, видя, что передъ каждыми воротами расположены царскіе отряды, и что не легко будетъ выдерживать въ случаѣ вылазки нападеніе осаждающихъ, согласился съ мнѣніемъ Аттала. Такимъ образомъ союзники возвратились въ Пирей, а Римляне въ Корциру.

24. Между тѣмъ какъ таковы были дѣйствія войска, находившагося на судахъ, консулъ, поставивъ лагерь у Елатіи въ Фокидѣ, сначала попытался было устроить дѣло переговорами черезъ старѣйшинъ Елатскихъ; но когда онъ получилъ въ отвѣтъ, что нѣтъ ничего въ ихъ власти и что царскіе воины находятся въ большемъ числѣ и силѣ, чѣмъ горожане, тогда вмѣстѣ со всѣхъ сторонъ онъ аттаковалъ городъ и силою оружія и осадными работами. Придвинутъ къ стѣнамъ быкъ (стѣнобитное орудіе) и когда часть стѣны, находившаяся между башнями обрушилась съ ужаснымъ шумомъ, то Римская когорта проникла въ отверстіе, открывшееся вслѣдствіе недавняго обвала и изо всѣхъ частей города, покинувъ свои посты, воины сбѣжались на то мѣсто, гдѣ тѣснилъ непріятель. Въ одно и тоже время Римляне всходили и по развалинамъ стѣны и приставляли лѣстницы къ еще устоявшей ея части, и между тѣмъ какъ бой сосредоточилъ въ одно мѣсто и глаза и вниманіе осажденныхъ, непріятели посредствомъ лѣстницъ заняли стѣну во многихъ мѣстахъ и вооруженные проникли въ городъ. Услыхавъ этотъ шумъ, осажденные пришли въ ужасъ и оставивъ мѣсто, которое они занимали густою толпою, всѣ подъ вліяніемъ страха убѣжали въ крѣпость, куда за ними послѣдовали и толпы безоружныхъ; такимъ образомъ консулъ овладѣлъ городомъ. Разграбивъ его, послалъ въ крѣпость съ обѣщаніемъ безопасности, для царскихъ воиновъ, если они хотятъ уйдти безоружными и свободы для Елатійцевъ; когда это обѣщаніе было обезпечено вѣрностью даннаго слова, то консулъ черезъ нѣсколько дней принялъ крѣпость въ свою власть.

25. Впрочемъ, съ прибытіемъ въ Ахею Филокла, царскаго префекта, не только Коринѳъ освободился отъ осады, но и городъ Аргивцевъ преданъ измѣною нѣкоторыхъ старѣйшинъ,

Филоклу, испытавшихъ прежде расположеніе умовъ черни. Былъ обычай во время народныхъ собраній, что преторы въ первый день какъ бы призывая благословеніе, провозглашали имена Юпитера, Аполлона и Геркулеса; закономъ было прибавлено поминать при этомъ случаѣ и Филиппа; но когда, вслѣдствіе союза, заключеннаго съ Римлянами, герольдъ пропустилъ это имя, то сначала поднялся въ толпѣ ропотъ, потомъ крикъ повторявшихъ имя Филиппа, и требовавшихъ для него установленной почести. Наконецъ имя его провозглашено при громкихъ крикахъ одобренія народнаго. Въ надеждѣ на столь благопріятное расположеніе умовъ призванъ Филоклъ, который занялъ ночью холмъ, возвышавшійся надъ городомъ (это укрѣпленіе называютъ Лариссою) и поставивъ тамъ гарнизонъ, онъ съ разсвѣтомъ дня двинулся съ войскомъ, готовымъ къ бою на форумъ, находившійся у подошвы замка; на встрѣчу ему выступилъ непріязненный строй. То былъ гарнизонъ Ахейцевъ, недавно поставленный, состоявшій почти изъ 500 отборныхъ молодыхъ людей всѣхъ городовъ; начальствовалъ ими Энезидемъ Димей. Къ нимъ былъ посланъ ораторъ отъ царскаго префекта съ приказаніемъ выйдти изъ города, такъ какъ они не равны силами и однимъ горожанамъ, которые думаютъ за одно съ Македонянами, а тѣмъ менѣе въ соединеніи съ тѣми, противъ которыхъ и Римляне не могли устоять у Коринѳа); сначала слова его не подѣйствовали ни на вождя, ни на воиновъ; но скоро, когда они увидали, что и Аргивцы съ оружіемъ въ рукахъ идутъ съ другой стороны огромною массою, видя вѣрную гибель, они повидимому готовы были подвергнуться какой бы то нибыло участи, если бы только вождь былъ упорнѣе. Енезидемъ, опасаясь, какъ бы не потерять вмѣстѣ съ городомъ и цвѣтъ Ахейской молодежи, заключилъ договоръ съ Филокломъ о томъ, чтобы имъ дозволено было уйдти, а самъ не оставлялъ мѣста, на которомъ стоялъ вооруженный съ нѣкоторыми приверженцами. Филоклъ послалъ спросить его: чего же онъ хочетъ для себя? Енезидемъ, выставивъ впередъ щитъ, отвѣчалъ только одно, что онъ умираетъ съ оружіемъ

въ рукахъ, защищая ввѣренный ему городъ. Тогда, по приказанію префекта, Ѳракійцы пустили стрѣлы и убили всѣхъ. По заключенію союза между Ахейцами и Римлянами, два знаменитыхъ города — Аргосъ и Коринѳъ находились во власти царя. Вотъ какъ этимъ лѣтомъ Римляне дѣйствовали въ Греціи на морѣ и на сухомъ пути.

26. Въ Галліи консулъ Секс. Элій не совершилъ ничего замѣчательнаго. У него въ провинціи было два войска, одно имъ задержанное, которое слѣдовало отпустить—оно было подъ начальствомъ проконсула Л. Корнелія, а консулъ ввѣрилъ начальство этимъ войскомъ претору К. Гельвію; другое, которое онъ съ собою привелъ. Цѣлый годъ провелъ онъ въ томъ, что заставлялъ жителей Кремоны и Плаценты возвращаться въ поселенія, откуда они были изгнаны случайностями войны. Между тѣмъ какъ Галлія въ этомъ году была покойна вопреки ожиданій, почти около самого Рима возникъ бунтъ рабовъ. Заложники Карѳагенянъ находились подъ стражею въ Сетіи; съ ними, такъ какъ то были дѣти знатныхъ лицъ, находилось множество рабовъ. Число ихъ было еще больше вслѣдствіе того, что, по недавности Африканской войны, сами Сетинцы накупили плѣнныхъ этого народа изъ числа добычи. Они составили заговоръ, и изъ среды себя послали людей въ Сетинскую область и въ окрестности Норбы и Цирцеіи — подговаривать рабовъ. Когда сдѣлано было уже достаточно приготовленій, то они положили напасть на народъ во время игръ, когда вниманіе его будетъ обращено на зрѣлище. Взявъ Сетію посредствомъ убійствъ и нечаяннаго нападенія, они должны были занять Норбу и Цирцеіи. Доносъ о столь гнусномъ замыслѣ принесенъ въ Римъ претору города Л. Корнелію Мерулѣ. Прежде разсвѣта пришли къ нему два раба и порядкомъ изложили все, что уже сдѣлано и что намѣревались сдѣлать. Приказавъ ихъ караулить дома, преторъ созвалъ сенатъ и сообщилъ показанія доносчиковъ. Получивъ порученіе отправиться для изслѣдованія этого заговора и его подавленія, онъ вышелъ изъ города съ пятью легатами и всѣхъ, кого встрѣчалъ въ поляхъ, заставлялъ давать военную

присягу, брать оружіе и слѣдовать за собою. Такимъ поголовнымъ наборомъ составилъ онъ отрядъ почти изъ двухъ тысячъ вооруженныхъ людей и прибылъ въ Сетію такъ, что никто изъ воиновъ не зналъ куда онъ идетъ. Тамъ немедленно схвачены были главные заговорщики, а прочіе рабы разбѣжались изъ города. Потомъ разосланы были люди по полямъ ихъ отыскивать. Такимъ образомъ двое рабовъ доносчиковъ и одинъ свободный оказали отличную услугу. Послѣднему сенатъ приказалъ дать сто тысячъ ассъ полновѣсныхъ, а рабамъ по двадцать пять тысячъ и свободу. Деньги за нихъ изъ казначейства заплачены ихъ владѣльцамъ. Скоро послѣ того получено извѣстіе, что рабы, остатки этого заговора, хотятъ занять Пренесте. Туда отправился преторъ Л. Корнелій и казнилъ до пятисотъ человѣкъ, участвовавшихъ въ этомъ вредномъ замыслѣ. Граждане возъимѣли подозрѣніе, что тутъ кроются усилія заложниковъ и плѣнныхъ Карѳагенянъ. А потому въ Римѣ ходили по улицамъ военные караулы и младшимъ сановникамъ велѣно обходить ихъ; тріумвирамъ темницы каменоломень приказано имѣть за нею болѣе строгій надзоръ; а преторъ послалъ письма по городамъ Латинскаго племени, чтобы заложники находились подъ строгимъ присмотромъ (въ секретѣ) и чтобы имъ не дозволялось выходить къ народу; чтобы плѣнные, имѣющіе оковы менѣе 10 фунтовъ, нигдѣ не содержались, кромѣ общественной тюрьмы.

27. Въ этомъ же году послы царя Аттала положили въ Капитолій золотую корону, вѣсомъ въ 246 фунтовъ, и изъявили благодарность Сенату за то, что Антіохъ, уважая заступничество пословъ Римскихъ, вывелъ войско изъ владѣній Аттала. Въ то же лѣто царемъ Масиниссою къ войску, находившемуся въ Греціи, доставлены двѣсти всадниковъ, десять слоновъ и двѣсти тысячъ мѣръ пшеницы. Также изъ Сициліи и Сардиніи присланы войску большіе запасы провіанту и одеждъ. Сициліею управлялъ М. Марцеллъ, Сардиніею — М. Порцій Катонъ, человѣкъ жизни святой и честной, но считавшійся слишкомъ строгимъ въ подавленіи ростовщичества. Ростовщики выгнаны съ

острова, а сборы, которые привыкли дѣлать союзники на угощеніе претора, совершенно уничтожены и отмѣнены. Консулъ Секс. Элій, возвратясь изъ Галліи въ Римъ для производства выборовъ, назвалъ консулами К. Корнелія Цетега и К. Минуція Руфа. Черезъ два дня спустя произведены выборы преторовъ. Въ первый разъ въ этомъ году выбраны шесть преторовъ, такъ какъ число провинцій увеличилось и границы государства расширились. Назначены: Л. Манлій Вульсо, К. Семпроній Тудитанъ, М. Сергій Силъ, М. Гельвій, М. Минуцій Руфъ, Л. Атилій. Изъ числа ихъ Семпроній и Гельвій были эдилями народными; курульными эдилями назначены К. Минуцій Термъ и Тиб. Семпроній Лонгъ. Игры Римскія были даны въ этомъ году четыре раза.

28. При консулахъ, К. Корнеліѣ и К. Минуціѣ, прежде всего было совѣщаніе о распредѣленіи провинцій между преторами и консулами. Прежде дѣло рѣшено относительно преторовъ и какъ всегда, посредствомъ жеребья, судъ и расправа въ городѣ достались Сергію, а надъ чужестранцами Минуцію. Сардинія досталась по жеребью Атилію, Сицилія — Манлію, Испанія ближняя — Семпронію, а дальняя — Гельвію. Когда консулы собирались метать жеребій относительно Италіи и Македоніи, Л. Оппій и К. Фульвій, народные трибуны, воспрепятствовали, говоря: «Македонія есть провинція весьма отдаленная и до сихъ поръ въ этой войнѣ главною помѣхою было то, что консулъ только что начиналъ дѣйствовать, какъ былъ отзываемъ среди своихъ усилій вести войну. Уже четвертый годъ, какъ Македонянамъ объявлена война. Сульпицій провелъ большую часть года въ поискахъ за царемъ и его войскомъ. Виллій отозванъ, ничего не сдѣлавъ въ ту минуту, когда готовъ былъ сразиться съ непріятелемъ. Квинкцій, задержанный въ Римѣ большую часть года священными дѣйствіями, велъ однако дѣла такъ, что или онъ раньше прійди въ провинцію, или зима будь позднѣе, война могла быть приведена къ концу. Теперь, когда онъ почти отправился на зимнія квартиры, онъ, какъ говорятъ, приготовился такъ хорошо дѣйствовать, что если ему преем-

никъ не воспрепятствуетъ, онъ повидимому въ слѣдующее лѣто окончитъ войну.» Такими рѣчами трибуны успѣли въ томъ, что консулы изъявили готовность, буде и трибуны на то же согласятся, — покориться рѣшенію сената. Такъ какъ обѣ стороны допустили свободу совѣщаній, то сенаторы опредѣлили обоимъ консуламъ провинціею Италію; а Квинкцію продлили власть до тѣхъ поръ, пока ему, по рѣшенію сената, будетъ данъ преемникъ. Консуламъ назначены два легіона, а поручено имъ вести войну съ Цизальпинскими Галлами, которые отпали отъ народа Римскаго. Квинкцію въ Македонію опредѣлено вспоможеніе, пѣшихъ пять тысячъ, триста всадниковъ и матросовъ три тысячи. Начальствовать надъ флотомъ поручено тому же, что и прежде — Л. Квинкцію Фламинину. Преторамъ въ обѣихъ Испаніяхъ дано по восьми тысячъ пѣшихъ воиновъ изъ союзниковъ и народовъ Латинскаго наименованія, и четыреста всадниковъ, а прежнихъ воиновъ велѣно распустить изъ Испаніи; предписано имъ также провесть границы между ближнею и дальнею провинціею. Въ Македонію прибавили легатовъ — П. Сульпиція и П. Виллія; они были консулами въ этой провинціи.

29. Прежде чѣмъ консулъ и преторы отправились по провинціямъ, положено позаботиться о чудесныхъ явленіяхъ: храмъ Вулкана и Суммана, въ Римѣ, и въ Фрегелахъ стѣна и вороты поражены громомъ; въ Фрузинонѣ ночью появился свѣтъ; въ Эзулахъ родился двуглавый ягненокъ о пяти ногахъ; въ Форміяхъ два волка, войдя въ городъ, разорвали нѣсколько людей, попавшихъ имъ на встрѣчу; въ Римъ не только въ городъ, но и въ Капитолій проникъ волкъ. К. Ацилій, трибунъ народный, предложилъ вывести пять поселеній на берегъ моря: два на устья рѣкъ Вултурна и Литерна, одно въ Путеолы и одно къ укрѣпленію Салерна. Къ нимъ прибавленъ Буксентъ. По триста семействъ положено послать въ каждую колонію. Назначены тріумвиры, съ правами власти на три года, для отвода колонистовъ—М. Сервилій Геминъ, К. Минуцій Термъ, Т. Семпроній Лонгъ. Окончивъ наборъ и другія заботы о дѣлахъ божественныхъ и человѣческихъ, которыя имъ нужно было исполнить, оба консула отправились въ Галлію: Корнелій прямою дорогою къ Инсубрамъ, которые тогда были съ оружіемъ въ рукахъ, взявъ съ собою Ценомановъ; К. Минуцій пошелъ въ лѣвую сторону Италіи къ Нижнему морю и отведя войско въ Геную, началъ войну съ Лигуровъ. Оба города Лигурскіе — Кластидій и Литубій, и два народа этого племени, Целелаты и Цердиціаты, отдались добровольно. Вся земля по сю сторону Пада (По) кромѣ Галловъ Боіевъ и Лигуровъ Ильватовъ, была во власти Римлянъ. Говорили, что пятнадцать городовъ, и въ нихъ двадцать тысячъ жителей мужескаго пола, покорились. Оттуда онъ повелъ легіоны въ землю Боіевъ.

30. Войско Боіевъ незадолго передъ тѣмъ перешло Падъ и соединилось съ Инсубрами и Ценоманами; слыша, что консулы будутъ вести войну соединивъ легіоны, они хотѣли и сами упрочить свои силы соединеніемъ ихъ вмѣстѣ. А когда пришелъ слухъ, что другой консулъ предаетъ огню поля Боіевъ, тотчасъ произошло возмущеніе. Боіи требовали, чтобы всѣ подавали помощь тѣмъ, которые подверглись нападенію; Инсубры же говорили, что они не покинутъ своей области. Такимъ образомъ войска раздѣлились: Боіи отправились для защиты своихъ земель, а Инсубры съ Ценоманами остановились на берегахъ рѣки Минчіо. Пониже этого мѣста въ пяти тысячахъ шагахъ, консулъ Корнелій сталъ лагеремъ у той же рѣки. Оттуда онъ, посылая въ деревни Ценомановъ и Бриксію, столицу этого племени, узналъ хорошенько, что молодежь взялась за оружіе не по убѣжденію старѣйшинъ, и что Инсубры присоединились къ отпавшимъ Ценоманамъ не по общему совѣту всего народа. Вызвавъ къ себѣ старѣйшинъ, онъ началъ о томъ хлопотать и стараться, чтобы Ценоманы отдѣлились отъ Инсубровъ и, взявъ свои военные значки или возвратились домой, или перешли бы къ Римлянамъ. Добиться этого онъ не успѣлъ, а дано слово консулу въ томъ, что при борьбѣ они будутъ оставаться въ бездѣйствіи или даже, если представится случай, помогать Римлянамъ. Инсубры не знали о такомъ договорѣ; было у нихъ

какое то подозрѣніе, что вѣрность союзниковъ становится шаткою. А потому когда они вышли въ бой, не рѣшаясь имъ ввѣрить ни одного фланга для того, что если они изъ коварства уступятъ, то испортятъ все дѣло, поставили ихъ въ резервѣ позади значковъ. Консулъ, въ началѣ сраженія, далъ обѣтъ Юнонѣ Спасительницѣ построить храмъ, если въ этотъ день непріятель будетъ разбитъ и обращенъ въ бѣгство. Воины подняли крики, что они осуществятъ обѣтъ консула и произвели нападеніе на непріятелей. Инсубры не выдержали перваго натиска. Нѣкоторые писатели утверждаютъ, что Ценоманы напали на нихъ вдругъ стылу во время самаго сраженія и такимъ образомъ причинили тревогу съ двухъ сторонъ и среди этого смятенія убиты тридцать тысячь непріятелей и пять тысячь семьсотъ взято въ плѣнъ живыхъ; въ томъ числѣ находился Гамилькаръ, вождь Карѳагенянъ, который былъ причиною войны; захвачено значковъ военныхъ стотридцать и телѣгъ болѣе двухсотъ. Города Галловъ, послѣдовавшіе за отпаденіемъ Инсубровъ, сдались Римлянамъ.

31. Консулъ Минуцій сначала прошелъ земли Боіевъ, опустошая ихъ на далекое пространство; а потомъ когда они, оставивъ Инсубровъ, вернулись для защиты своихъ предѣловъ, консулъ оставался въ лагерѣ, полагая, что ему прійдется сразиться съ непріятелемъ въ строю. И Боіи не отказались бы отъ сраженія, еслибы дошедшій до нихъ слухъ, что Инсубры побѣждены, не сокрушилъ ихъ мужества. Такимъ образомъ покинувъ вождя и лагерь, разсѣялись по деревнямъ защищать каждый свое, и заставили и непріятеля перемѣнить образъ веденія войны. Оставивъ надежду рѣшить дѣло судьбою одного сраженія, консулъ началъ опять опустошать поля, жечь дома и брать силою селенія. Въ это же время преданъ пламени Кластидій. Оттуда легіоны отведены къ Лигустинамъ Илватамъ, которые одни не изъявили еще покорности, но и это племя, узнавъ, что Инсубры побѣждены въ сраженіи, а Боіи до того приведены въ ужасъ, что даже не осмѣлились испытать надежду на бой, покорилось. Письма обоихъ консуловъ о дѣлахъ, въ Галліи удачно

веденныхъ, принесены въ Римъ въ одно и тоже время. М. Сергій, городской преторъ, прочиталъ ихъ сначала въ сенатѣ, а потомъ, по приказанію сената, народу; объявлено благодарственное молебствіе на 4 дни.

32. Уже въ то время наступила зима, и между тѣмъ какъ Квинкцій, взявъ Элатію, расположился на зимнихъ квартирахъ въ Локридѣ и Фокидѣ, произошло возмущеніе въ Опунтѣ. Одна партія призывала Этоловъ, которые были ближе, а другая Римлянъ. Этолы пришли первые: но партія людей болѣе богатыхъ, не впустивъ Этоловъ, послала гонца къ вождю Римскому и до прибытія его держалась въ городѣ. Въ крѣпости находился царскій гарнизонъ, и заставить его уйдти оттуда не могли ни угрозы Опунтіевъ, ни повелительныя требованія консула Римскаго. Замедленіе, почему не тотчасъ сдѣлано нападеніе, произошло оттого, что герольдъ пришелъ отъ царя, прося назначить мѣсто и время для свиданія. Неохотно сдѣлана царю эта уступка. И не потому, чтобы Квинкцій желалъ непремѣнно самъ частью оружіемъ, частью переговорами окончить войну; онъ даже еще не зналъ, будетъ ли ему присланъ преемникъ изъ вновь выбранныхъ консуловъ или власть его будетъ продолжена, о чемъ всѣми силами стараться поручилъ онъ друзьямъ и роднымъ; но личное свиданіе съ Филиппомъ, какъ онъ полагалъ, давало ему свободу выбора—въ случаѣ если останется, продолжать войну, и если будетъ отозванъ, то заключить миръ. Въ заливѣ Маліакскомъ подлѣ Никеи они выбрали берегъ. Туда царь изъ Деметріады прибылъ съ пятью лодками и однимъ военнымъ судномъ; съ нимъ были старѣйшины Македонянъ и изгнанникъ Ахейскій знаменитый Цикліадъ. Съ вождемъ Римскимъ былъ царь Аминандръ, Діонисодоръ, посолъ Аттала, Агезимбротъ, префектъ Родосскаго флота и Фенеасъ, старѣйшина Этоловъ и два Ахейца — Аристенъ и Ксенофонъ. Вмѣстѣ съ этими лицами Римскій консулъ выступилъ на край берега, а царь вышелъ на переднюю часть судна, стоявшаго на якорѣ. Консулъ сказалъ царю: «удобнѣе было бы тебѣ сойдти на берегъ; тогда мы вблизи поговорили бы и выслушали другъ друга.» Но царь

отказался такъ поступить: «кого же ты боишься?» спросилъ консулъ. На это съ гордымъ и истинно царскимъ духомъ Филиппъ отвѣчалъ: «никого я не боюсь развѣ боговъ безсмертныхъ; но вѣрю чести не всѣхъ тѣхъ, кого около тебя вижу, а всего менѣе Этоловъ. — Въ этомъ отношеніи, отвѣчалъ Римскій консулъ, опасность одинакова для всѣхъ, которые являются на совѣщаніе съ непріятелемъ, если только не будетъ довѣрія. Впрочемъ — скажу тебѣ, Квинкцій, замѣтилъ на это царь, что въ случаѣ вѣроломства не равная за него награда будетъ Филиппъ и Фенеасъ; гораздо легче будетъ для Этоловъ замѣнить претора, чѣмъ Македонянамъ найдти царя на мое мѣсто.» Вслѣдъ за этимъ водворилось общее молчаніе.

33. Когда Римскій консулъ считалъ справедливымъ начать говорить тому первому, кто просилъ о переговорахъ, царь утверждалъ, что первому надобно говорить тому, кто предписываетъ законы мира, а не тому, кто ихъ принимаетъ. Тогда сталъ говорить Римлянинъ: «его рѣчь очень проста: онъ скажетъ то, что если не случится, то миръ невозможенъ ни въ какомъ случаѣ. Царь долженъ вывести гарнизоны изо всѣхъ городовъ Греціи Плѣнныхъ и перебѣжчиковъ нужно возвратить союзникамъ народа Римскаго. Римлянамъ возвратить тѣ мѣста Иллирика, которыя Филиппъ занялъ по заключеніи мира въ Епирѣ; Птолемею, царю Египта, возвратить города, которые онъ занялъ послѣ смерти Птолемея Филапотора. Вотъ каковы условія его и народа Римскаго; впрочемъ справедливо будетъ выслушать и требованія союзниковъ.» Посолъ царя Аттала сказалъ: «суда и плѣнныхъ, взятыхъ у Хіоса въ морскомъ сраженіи возвратить и Ницефорій и храмъ Венеры, ограбленные и опустошенные возстановить въ первобытномъ видѣ.» Родосцы просили назадъ Перею (это участокъ твердой земли противъ острова, бывшій когда то въ ихъ владѣніи) и требовали: «гарнизоны вывести изъ Ясса и Баргилій и города Евроменсовъ, а въ Геллеспонтѣ изъ Сестоса и Абидоса, и Перинѳъ возвратить Византійцамъ на основаніи стариннаго права и освободить всѣ пристани и порты Азіи». Ахейцы просили себѣ назадъ Коринѳъ и Аргосъ. Преторъ Этоловъ, Фенеасъ, требовалъ почти того же, что и Римляне, а именно — очистить Грецію и возвратить Этолійцамъ города, которые когда нибудь находились въ ихъ власти и завѣдываніи. Послѣ него тотчасъ сталъ говорить, старѣйшина Этолійцевъ, Александръ, человѣкъ считавшійся между Этолійцами весьма краснорѣчивымъ: «Давно уже онъ молчалъ, но не вслѣдствіе убѣжденія, что этими переговорами ничего не достигнешь, а для того чтобы не перебить кого либо изъ союзниковъ въ ихъ рѣчахъ. И, толкуя о мирѣ, Филиппъ не дѣйствуетъ чистосердечно, и войну ведетъ не съ истинною доблестью. При переговорахъ онъ коварствуетъ и обманываетъ; на войнѣ онъ несходится на ровномъ полѣ и не вступаетъ въ рукопашный бой; но, отступая поспѣшно, онъ грабитъ и сожигаетъ города, и побѣжденный лишаетъ побѣдителя справедливой добычи. Не такъ поступали древніе Македонскіе цари; они сражались въ открытомъ полѣ и щадили города, сколько могли для того, чтобы имѣть царство богаче. Потому что какой же расчетъ — уничтожая тѣхъ, за обладаніе которыми идетъ борьба, не оставлять для себя ничего, кромѣ войны? Въ предшествующемъ году Филиппъ опустошилъ гораздо болѣе союзныхъ городовъ въ Ѳессаліи, чѣмъ всѣ непріятели, какіе когда либо были въ Ѳессаліи. Да и у самихъ Этолійцевъ онъ отнялъ болѣе союзникомъ, чѣмъ врагомъ. Онъ занялъ Лизимахію, прогнавъ претора и гарнизонъ Этолійцевъ. А также, Цій, городъ своей области, разрушилъ до основанія и уничтожилъ. Съ такимъ же коварствомъ владѣетъ онъ Ѳивами, Ѳтіею, Ехиномъ, Лариссою, и Ѳарсаломъ».

34. Взволнованный рѣчью Александра, Филиппъ приказалъ пододвинуть судно къ твердой землѣ для того, чтобы его лучше слышали. Такъ какъ онъ началъ рѣзко выражаться, особенно относительно Этолійцевъ, то Фенеасъ ему замѣтилъ: «Дѣло не въ словахъ; надобно или быть побѣдителемъ на войнѣ, или повиноваться тѣмъ, которые лучше». — Конечно, это ясно даже и для слѣпаго, отвѣчалъ Филиппъ, намекая на то, что Фенеасъ былъ боленъ глазами. Филиппъ отъ природы былъ болт-

ливѣе, чѣмъ на сколько это прилично царю, и даже въ предметахъ серьозныхъ, онъ часто не могъ удержаться отъ смѣха. Потомъ онъ высказалъ свое негодованіе: «что Этолійцы, какъ и Римляне, приказываютъ Македонянамъ оставить Грецію, не будучи въ состояніи указать, гдѣ именно ея предѣлы. Большая часть жителей Этоліи — Агреи, Аподоты и Амфилохи не принадлежатъ къ Греціи. Основательно ли жалуются, что я не пощадилъ ихъ союзниковъ, тѣ у кого вмѣсто закона служитъ давнишній обычай, что они сами противъ своихъ союзниковъ, только повидимому безъ участія своего правительства, позволяютъ сражаться своей молодежи, и нерѣдко случается, что обѣ воюющія стороны, сходясь на полѣ сраженія, имѣютъ у себя вспомогательные отряды Этолійцевъ? Да и не я взялъ Цій, но я только помогъ союзнику и другу Прузію въ его нападеніи; Лизимахію я отбилъ отъ Ѳессалійцевъ, но Ѳракійцы ею владѣютъ, потому что меня отвлекли обстоятельства къ военнымъ дѣйствіямъ отъ защиты этого города. Вотъ мой отвѣтъ Этолійцамъ. Что касается до Аттала и Родосцевъ, то я законно имъ ничего не долженъ; они начали войну, а не я. Но въ честь Римлянъ я возвращу Перею Родосцамъ, а суда Атталу съ плѣнными, которые будутъ найдены. Чтоже касается до возстановленія Ницефорія и храма Венеры, то что же я буду отвѣчать тѣмъ, которые требуютъ этого? Такъ какъ только однимъ средствомъ могутъ быть возобновлены срубленные лѣса и рощи, то пожалуй я возьму на себя и заботу и издержки разведенія ихъ. Вотъ какія возникаютъ требованія между царями!» Конецъ его рѣчи былъ обращенъ противъ Ахейцевъ: тутъ онъ, начавъ съ Антигона и потомъ перейдя къ своимъ собственнымъ заслугамъ въ отношеніи этого народа, приказалъ прочитать ихъ декреты, которыми ему присуждены всѣ божественныя и человѣческія почести. Послѣ всего этого былъ прочтенъ недавній декретъ, которымъ они отъ него отпали, сильно нападалъ онъ на ихъ вѣроломство, но говорилъ: «что Аргосъ онъ имъ возвратитъ. Относительно же Коринѳа, онъ переговоритъ съ вождемъ Римскимъ, и вмѣстѣ спроситъ у него: считаетъ ли онъ справедливымъ, чтобы онъ очистилъ только тѣ города, которые онъ взялъ силою по праву войны, или и тѣ, которые онъ получилъ отъ своихъ предковъ.

35. Этолійцы и Ахейцы готовы были на это отвѣчать, но какъ солнце было уже близко къ закату, то совѣщаніе отложено до другаго дня, и Филиппъ возвратился на свою стоянку, откуда прибылъ, а Римляне и союзники ушли въ свои лагери. Квинкцій на другой день прибылъ къ Никеи (это мѣсто было назначено) въ условленное время. Въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ не было ни Филиппа самого, и никакого отъ него посланнаго. Уже всѣ полагали, что его не будетъ, какъ вдругъ показались суда. Царь это объяснилъ тѣмъ, что «какъ отъ него требовались условія тяжелыя и невыносимыя, то онъ, не зная какъ поступить, провелъ цѣлый день обдумывая». Но большинство было того мнѣнія, что дѣло затянуто нарочно до позда съ цѣлью не дать Ахейцамъ и Этолійцамъ времени на отвѣтъ, и царь самъ подтвердилъ это мнѣніе, прося, отстранивъ другихъ съ цѣлью не тратить безполезно времени въ ни къ чему не ведущихъ спорахъ, и привести къ какому либо концу дѣло, переговорами съ самимъ главнымъ вождемъ Римскимъ. Сначала это не принято, чтобы не подать виду, будто союзники устранены отъ участія въ переговорахъ. Потомъ такъ какъ царь не переставалъ просить, то по совѣту всѣхъ Римскій вождь вмѣстѣ съ Ап. Клавдіемъ, трибуномъ военнымъ, удаливъ другихъ, выступилъ на край берега. Царь вышелъ на берегъ въ сопровожденіи двухъ лицъ, которыхъ онъ бралъ съ собою и наканунѣ. Тутъ они нѣсколько времени поговорили тайно, и что объ этомъ свиданіи Филиппъ сказалъ своимъ, то осталось неизвѣстнымъ. Квинкцій же объявилъ союзникамъ: «Филиппъ уступаетъ Римлянамъ весь берегъ Иллирика, выдаетъ перебѣжчиковъ и всѣхъ плѣнныхъ, какіе найдутся. Атталу отдаетъ суда и съ ними взятыхъ въ плѣнъ матросовъ; Родосцамъ возвращаетъ землю, называемую Перея; Ясса и Баргилій онъ не соглашается уступить. Этоламъ онъ возвращаетъ Фарсалъ и Лариссу; Ѳивы не возвращаетъ. Ахейцамъ онъ уступаетъ не только Аргосъ, но и Коринѳъ.» Никому

не понравилось такое назначеніе мѣстъ, которыя царь уступаетъ и не уступаетъ. «При этомъ — говорили - больше потерь, чѣмъ пріобрѣтеній; и если только царь не очиститъ совершенно Грецію отъ своихъ войскъ на будущее время, то никогда не будетъ недостатка въ поводахъ къ войнѣ.

36. Когда это изо всего собранія, на перерывъ другъ передъ другомъ, всѣ кричали, то какъ ни далеко стоялъ Филиппъ, однако и до него достигли голоса. А потому онъ просилъ Квинкція — все это дѣло отложить до слѣдующаго дня, когда онъ или убѣдитъ самъ, или позволитъ себя убѣдить. Берегъ у Тронія назначенъ для переговоровъ; туда сошлись рано. Тамъ Филиппъ просилъ сначала и Квинкція и всѣхъ присутствовавшихъ, чтобы они не уничтожали надежду на миръ. Наконецъ онъ просилъ времени отправить пословъ въ Римъ къ сенату. «Или на этихъ условіяхъ онъ получитъ миръ, или приметъ условія, какія бы назначилъ сенатъ». Прочимъ это нисколько не нравилось; они въ этомъ только видѣли желаніе протянуть время и получить отсрочку для того, чтобы собраться съ силами. Квинкцій возразилъ: «справедливо было бы это опасеніе будь теперь лѣто и время военныхъ дѣйствій; но какъ наступаетъ зима, то и не можетъ быть никакихъ потерь, если дать время для отправленія пословъ. При томъ безъ утвержденія сената не будетъ дѣйствительно ничто, въ чемъ бы они ни условились съ царемъ; и мнѣніе сената узнается въ то время, которое, вслѣдствіе наступленія зимы, по необходимости должно быть посвящено отдохновенію.» На это мнѣніе согласились и другіе старѣйшины союзниковъ: дано перемиріе на два мѣсяца и положено отправить по одному послу отъ каждаго народа, съ цѣлью предостеречь сенатъ, какъ бы онъ не былъ обманутъ коварствомъ царя. Къ перемирію прибавлено условіе—чтобы царскіе гарнизоны были тотчасъ выведены изъ Фокиды и Локриды. И самъ Квинкцій, вмѣстѣ съ послами союзниковъ, отправилъ Аминандра, царя Атамановъ, съ цѣлью придать посольству болѣе блеска, а отъ себя К. Фабія (онъ былъ сынъ сестры жены Квинкція) К. Фульвія и Ап. Клавдія.

37 По прибытіи въ Римъ, прежде выслушаны послы союзниковъ, чѣмъ царя. Остальная ихъ рѣчь была вся посвящена нападкамъ на царя. Болѣе всего подѣйствовали на сенатъ послы, ознакомивъ его съ мѣстностью и положеніемъ моря и земель той страны. Всѣмъ сдѣлалось ясно, что если царь удержитъ Деметріаду въ Ѳессаліи, Халкиду въ Евбеи и Коринѳъ въ Ахаіѣ, то Греція не можетъ быть свободною и самъ Филиппъ не столько ругательно, сколько справедливо, называлъ эти мѣста — оковами Греціи. Потомъ впущены въ сенатъ послы царя. Когда они начали было длинную рѣчь, то ихъ прервали короткимъ вопросомъ: намѣренъ ли царь уступить эти три города? Послы сказали, что они именно на этотъ предметъ не имѣютъ никакого полномочія. Тогда они отправлены, не успѣвъ ничего относительно мира. Квинкцію сенатъ далъ полномочіе относительно веденія войны и заключенія мира Это показало ясно, что сенатъ нисколько не скучаетъ войною; а потому и консулъ съ тѣхъ поръ желалъ лучше имѣть побѣду, чѣмъ миръ и объявилъ, что онъ не приметъ отъ Филиппа ни какого посольства иначе, какъ съ условіемъ очиститъ всю Грецію.

38. Филиппъ, видя, что дѣло остается рѣшить оружіемъ и что надобно собрать отвсюду силы, озабоченный особенно городами Ахеи, страны отъ него отдаленной и именно болѣе объ Аргосѣ, чѣмъ о Коринѳѣ, считалъ за лучшее отдать этотъ городъ, какъ бы въ залогъ, Набису, Лакедемонскому тирану, съ тѣмъ, чтобы онъ возвратилъ ему, когда онъ будетъ побѣдителемъ; а если случится какое либо несчастіе, то пусть Набисъ оставитъ его у себя, а Филоклу, который начальствовалъ въ Коринѳѣ и въ Аргосѣ, написалъ, чтобы онъ самъ повидался съ тиранномъ. Филоклесъ, не говоря уже о томъ, что и безъ того пришелъ съ подаркомъ, присоединилъ въ залогъ будущей пріязни царя съ тиранномъ, что царь своихъ дочерей хочетъ отдать въ замужество за сыновей Набиса. Сначала тираннъ отказывался - принять этотъ городъ иначе, какъ когда онъ будетъ призванъ на вспоможеніе ему декретомъ

самихъ Аргивцевъ. Потомъ, когда онъ услыхалъ, что они въ многолюдномъ собранiи не только съ презрѣнiемъ, но и съ отвращенiемъ вспоминали объ имени тиранна, счелъ этотъ случай удобнымъ для того, чтобы ихъ обобрать и приказалъ Филоклесу передать городъ, когда онъ захочетъ. Ночью такъ, что никто не зналъ, тиранъ принятъ въ городъ. На разсвѣтѣ заняты всѣ возвышенныя мѣста и ворота заперты. Не многiе старѣйшины ушли въ началѣ суматохи и, по ихъ удаленiи, имущества ихъ разграблены: да и у тѣхъ, которые оставались на лицо, отнято золото и серебро; денежный штрафъ наложенъ огромный. Тѣ, которые внесли немедля, отпущены безъ оскорбленiй и тѣлесныхъ страданiй; а тѣ, относительно которыхъ было подозрѣнiе, что они скрываютъ или стараются удержать, были преданы тѣлеснымъ истязанiямъ и мученiямъ такимъ, какимъ подвергаются рабы. Созвавъ потомъ собранiе, онъ объявилъ ему проэкты законовъ: одинъ относительно новыхъ таблицъ, (т. е. отмѣны долговъ) другой о раздѣлѣ земли поголовномъ — для нововводителей два самихъ вѣрныхъ средства вооружить простой народъ противъ людей достаточныхъ.

39. Получивъ такимъ образомъ городъ Аргивцевъ въ свое владѣнiе, тираннъ, совершенно забывъ о томъ, отъ кого онъ получилъ этотъ городъ и на какомъ условiи, отправилъ пословъ въ Елацiю къ Квинкцiю и къ Атталу, зимовавшему въ Эгинѣ, давая имъ знать: «что Аргосъ находится въ его власти; если туда Квинкцiй прiѣдетъ на совѣщанiе, то онъ Набисъ несомнѣвается, что они оба все вмѣстѣ уладятъ.» Квинкцiй для того, чтобы Филиппа лишить вспоможенiя и съ этой стороны, согласился явиться на совѣщанiе и послалъ къ Атталу, сказать, чтобы онъ прiѣхалъ изъ Эгины къ нему въ Сикiонъ, а самъ изъ Антициры на десяти квинкверемахъ, которыя случайно въ то время Л. Квинкцiй, братъ его, привелъ изъ зимовки въ Корцирѣ, переправился въ Сикiонъ. Тамъ уже находился Атталъ; тотъ говорилъ ему, что тиранну надобно явиться къ Римскому вождю, а не на оборотъ, и убѣдилъ въ этомъ мнѣнiи Квинкцiя, который раздумалъ идти въ Аргосъ. Не далеко отъ города есть мѣсто, называемое Миценика; условились сойдтись на этомъ мѣстѣ. — Квинкцiй съ братомъ и немногими военными трибунами, Атталъ съ царскою свитою; Никостратъ, преторъ Ахейскiй, съ немногими вспомогательными воинами. Они нашли тамъ тиранна, дожидавшагося со всѣми войсками. Онъ выступилъ впередъ вооруженный, въ сопровожденiи вооруженной свиты почти на средину, находившагося между обѣими сторонами, поля. Квинкцiй безоружный съ братомъ и двумя военными трибунами: по сторонамъ царя (Аттала) также безоружнаго, находился преторъ Ахейцевъ и одинъ изъ его придворныхъ. Совѣщанiе началось словами тиранна, который извинялся въ томъ: «что самъ вооруженный, и окруженный вооруженными людьми, явился на совѣщанiе, тогда какъ онъ видитъ безоружныхъ и Римскаго полководца и царя. Не ихъ онъ опасался — присовокупилъ Набисъ — но изгнанниковъ Аргивскихъ.» Потомъ когда начали говорить объ условiяхъ прiязни, Римлянинъ сталъ требовать двухъ предмстовъ: первое — чтобы тираннъ окончилъ войну съ Ахейцами, а второе, чтобы отправилъ съ нимъ вспоможенiе противъ царя Филиппа. Тотъ отвѣчалъ, что такъ и поступитъ; вмѣсто мира съ Ахейцами получено перемирiе, пока война съ Филиппомъ будетъ приведена къ концу.

40. Относительно Аргоса также начато пренiе царемъ Атталомъ. Онъ обличалъ Набиса, что онъ городъ, преданный ему измѣною Филокломъ, удерживаетъ силою въ своей власти; а тотъ возражалъ, что онъ приглашенъ самими Аргивцами для ихъ защиты. Царь требовалъ созвать собранiе Аргивцевъ для рѣшенiя этого вопроса; да и тираннъ съ своей стороны согласился на это. Но царь требовалъ, чтобы выведены были войска изъ города и чтобы собранiе, пользуясь совершенною свободою, безъ участiя Лакедемонянъ, высказало желанiя Аргивцевъ. Тираннъ отказывался вывести войска. Такой споръ не имѣлъ никакого результата. Разошлись съ совѣщанiя; тираннъ далъ на помощь Римлянамъ шестьсотъ Кретiйцевъ, и заключено перемирiе на четыре мѣсяца между Никостратомъ прето-

ромъ Ахейцевъ и Лакедемонскимъ тиранномъ. Оттуда Квинкцій отправился въ Коринѳъ, и къ воротамъ онъ подошелъ вмѣстѣ съ когортою Кретійцевъ съ цѣлью - показать Ѳилоклу, начальнику города, что тираннъ отпалъ отъ Филиппа. Ѳилоклесъ и самъ прибылъ на совѣщаніе къ вождю Римскому, и на его убѣжденія тотчасъ перейдти и предать городъ — далъ такой отвѣтъ, что скорѣе онъ отсрочивалъ это дѣло, чѣмъ совершенно отказывалъ. Изъ Коринѳа Квинкцій переправился въ Антициру: оттуда онъ отправилъ брата для узнанія расположенія умовъ Акарнанцевъ. Атталъ изъ Аргоса отправился въ Сикіонъ. Здѣсь граждане къ прежнимъ почестямъ царя присоединили новыя, такъ какъ царь за нѣкоторое время прежде выкупилъ за большую сумму денегъ священное поле Аполлона. Да и тутъ онъ, чтобы не оставить городъ союзный и дружественный безъ доказательствъ своей щедрости, подарилъ десять талантовъ серебра и десять тысячъ мѣръ пшеницы и затѣмъ вернулся въ Кенхреасъ къ своимъ судамъ; а Набисъ, оставивъ гарнизонъ въ Аргосѣ, возвратился въ Лакедемонъ и обобравъ самъ мущинъ, отправилъ въ Аргосъ жену обирать женщинъ. Она призывала къ себѣ въ домъ знатнѣйшихъ изъ нихъ то по одиночкѣ, то по нѣскольку, связанныхъ между собою родственными узами, и дѣйствуя то ласками, то угрозами, она отняла у нихъ не только золото, но наконецъ и платья и всѣ женскія украшенія.

КНИГА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

1. Вотъ что происходило зимою. Въ началѣ весны Квинкцій, вызвавъ Аттала въ Елатію, пожелалъ подчинить своей власти Бэотійскій народъ, до сихъ поръ оставшійся нейтральнымъ. Онъ двинулся черезъ Фокиду и въ пяти миляхъ отъ Ѳивъ, столицы Бэотіи, поставилъ лагерь. Оттуда на другой день съ воинами одного значка, въ сопровожденіи Аттала и посольствъ, собравшихся во множествѣ съ всѣхъ сторонъ, продолжалъ идти къ городу, приказавъ гастатамъ легіоновъ (ихъ было двѣ тысячи воиновъ) слѣдовать за собою на разстояніи тысячи шаговъ (одной мили). Почти на половинѣ дороги встрѣтилъ его, преторъ Бэотовъ, Антифилъ; остальные граждане во множествѣ смотрѣли со стѣнъ на прибытіе вождя Римскаго и царя: немного оружія и небольшое количество воиновъ виднѣлись около нихъ; гастатовъ, слѣдовавшихъ издали, невидно было за извилинами дороги и углубленіями почвы. Приближаясь къ городу, Квинкцій сталъ идти медленнѣе, какъ бы для того, чтобы привѣтствовать толпу, выходившую къ нему на встрѣчу; а причина замедленія была дать подоспѣть гастатамъ. Жители города, такъ какъ ликторы двигали впередъ толпу, не прежде увидали, слѣдовавшій за ними, строй вооруженныхъ воиновъ, какъ по прибытіи къ квартирѣ Римскаго вождя. Тутъ всѣ были поражены, какъ бы городъ былъ преданъ коварствомъ Антифила, городскаго претора и взятъ непріятелемъ. Ясно было, что нисколько свободы не предстояло совѣщаніямъ въ собраніи, которое было назначено для Бэотійцевъ на слѣдующій день. Они скрыли скорбь, которую обнаружили бы для себя безъ пользы, но не безъ опасности.

2. На совѣщаніи Атталъ сталъ говорить первый. Онъ началъ изложеніемъ заслугъ какъ собственныхъ и предковъ своихъ, такъ и вообще союзниковъ въ отношеніи ко всей Греціи, и въ особенности къ племени Бэотійцевъ; но будучи старъ и слабъ силами, онъ не вынесъ усилія говорить, замолчалъ и упалъ. Пока подняли и унесли изъ собранія царя, часть тѣла котораго поразилъ ударъ, на нѣкоторое время совѣщаніе было остановлено. Потомъ выслушанъ Аристенъ, преторъ Ахейцевъ, и слова его имѣли тѣмъ болѣе вѣсу, что онъ внушалъ Бэотійцамъ тоже самое, что и Ахейцамъ. И Квинкцій присоединилъ къ этому отъ себя не многое, болѣе выхваляя на словахъ вѣрность Римлянъ, чѣмъ ихъ силы оружія и средства. Потомъ Дикеархъ Платейскій предложилъ проэктъ закона о заключеніи тѣснаго союза съ Римлянами; никто не дерзнулъ сказать ни слова противъ этого, и проэктъ принятъ и облеченъ въ форму закона голосами всѣхъ городовъ Бэотійскихъ. Распустивъ собраніе, Квинкцій оставался въ Ѳивахъ столько времени, сколько потребовалъ внезапный случай, приключившійся съ Атталомъ; удостовѣрившись, что болѣзнь не столько опасна для его жизни въ настоящемъ, сколько обнаружила въ немъ слабость членовъ, Квинкцій оставилъ Аттала тамъ для необходимаго лѣченія, а самъ возвратился въ Элатію, откуда было выступилъ. Такимъ образомъ и Бэотійцы, какъ прежде Ахейцы, приняты въ число союзниковъ, и потому Квинкцій теперь, когда въ тылу все было замирено и безопасно, обратилъ все вниманіе на Филиппа и остальную войну.

3. И Филиппъ, съ первымъ наступленіемъ весны, когда послы не принесли изъ Рима ничего миролюбиваго, положилъ — произвести наборъ по всѣмъ городамъ царства, при большемъ недостаткѣ молодежи. Постоянныя, въ продолженіи многихъ поколѣній, войны истощили населеніе Македоніи; да и въ царствованіе его (Филиппа) во время морскихъ войнъ противъ Родосцевъ и Аттала, и сухопутныхъ противъ Римлянъ, пало большое число воиновъ. А потому записывали въ число воиновъ и учениковъ отъ 16 лѣтняго возраста, и выслужившихъ

уже свой срокъ службы, если только у нихъ оставалось еще довольно силъ, вновь призывали на службу. Пополнивъ такимъ образомъ войско, царь, вскорѣ послѣ весенняго равноденствія, собралъ всѣ войска въ Дій и тамъ, расположившись постояннымъ лагеремъ, поджидалъ непріятеля, занимая воиновъ каждый день воинскими упражненіями. И Квинкцій, почти въ тоже время выступилъ изъ Елаціи, и мимо Тронія и Скарфеи, прибылъ къ Термопиламъ. Здѣсь онъ присутствовалъ на собраніи Этолійцевъ, назначенномъ въ Гераклеи, гдѣ было разсуждаемо о томъ, какъ велико вспомогательное войско они должны выставить Римлянамъ на эту войну. Узнавъ декретъ союзниковъ, Квинкцій на третій день выступилъ изъ Гераклеи въ Ксинію и, расположившись лагеремъ на границѣ Эніановъ и Ѳессалійцевъ, дожидался вспомогательнаго войска Этолійцевъ; они не замедлили: подъ предводительствомъ Фенея пришли въ количествѣ 600 чел. пѣхоты и 400 всадниковъ. Дабы не сомнѣвались, чего онъ ожидалъ, Квинкцій немедленно снялъ лагерь. Когда онъ пришелъ на Фтіотійское поле, то къ нему присоединились пять сотъ Кретійцевъ изъ Гортинія, подъ предводительствомъ Циданта и триста Аполлоніатовъ; вооруженіе ихъ представляло мало разницы. Не много спустя пришелъ Аминандеръ съ 1200 пѣшихъ Атамановъ. Филиппъ, узнавъ о выходѣ Римлянъ изъ Елатіи, и сознавая, что приходитъ для него рѣшительная минута борьбы, счелъ нужнымъ сказать воинамъ увѣщаніе. Изложивъ подробно, что уже неразъ повторялъ, относительно доблестей ихъ предковъ и военной славы Македонянъ, онъ перешелъ наконецъ и къ тому, что тогда служило главною грозою для умовъ; при этомъ онъ старался ободрить ихъ какою либо надеждою.

4. Пораженію, полученному Македонянами въ тѣснинахъ у рѣки Аоя, онъ противупоставлялъ то, что у Атрака три раза Римляне должны были уступить фалангѣ Македонянъ: «да тамъ, гдѣ они, Македоняне, не удержали за собою занятаго ими прохода въ Епиръ, первая вина была тѣхъ, которые небрежно содержали стражу, вторая въ самой борьбѣ, легко-

вооруженныхъ и наемныхъ воиновъ. Македонская фаланга и тутъ устояла, и на ровномъ мѣстѣ, и въ правильномъ сраженіи, она всегда будетъ непобѣдима». Тутъ было шестнадцать тысячь воиновъ, все въ чемъ еще заключалась сила и крѣпость царства. Къ этому присоединились двѣ тысячи цетратовъ, которыхъ называютъ пельтастами, Траковъ и Иллирійцевъ (то былъ народъ Траллы) одинаковое число по 2 тысячи и, смѣсь разныхъ народовъ, наемныя вспомогательныя войска, въ количествѣ 1500 человѣкъ пѣхоты и 2000 конницы. Съ этими войсками царь поджидалъ непріятеля. Численность Римлянъ была почти такая же; только конницы было больше на столько, на сколько присоединилось Этолійцевъ.

5. Квинкцій подвинулъ лагерь къ Фтіотійскимъ Ѳивамъ, возъимѣвъ надежду получить измѣною городъ черезъ посредство Тимона, одного изъ первыхъ лицъ, и съ немногими всадниками и легко вооруженными воинами подошелъ къ стѣнамъ. Тутъ онъ до того обманулся въ надеждѣ, что не только пришлось выдержать сраженіе съ гражданами, сдѣлавшими вылазку, но и подвергнуться великой опасности, не подоспѣй только во время вызванные поспѣшно изъ лагерей пѣшіе и конные воины. Когда ничто не оправдало разсчетовъ, столь легкомысленно задуманныхъ, Квинкцій отказался на этотъ разъ отъ дальнѣйшихъ покушеній на городъ; впрочемъ, вѣрно зная, что царь уже въ Ѳессаліи, не получивъ однако свѣдѣній въ какой именно ея части находится, разослалъ воиновъ по полямъ, приказавъ имъ рубить деревья на валъ и приготовлять его. Валъ былъ въ употребленіи и у Македонянъ и Грековъ; но они его не приспособили ни къ удобству переноски, ни къ прочности укрѣпленія. Они рубили деревья большія и преимущественно много вѣтвистыя, которыя не возможно было нести воину съ оружіемъ, и огородивъ лагерь этими деревьями, положенными впереди, они дѣлали легкимъ его разрушеніе. И стволы большихъ деревьевъ лежали рѣдко и было у нихъ много толстыхъ сучьевъ, за которые очень удобно было взяться рукою и достаточно было двухъ или, что самое большое, трехъ молодыхъ людей

для того, чтобы сдвинуть дерево съ мѣста; а когда оно было принято, то открывались какъ бы ворота, и нѣчѣмъ было завалить на скорую руку этотъ проломъ. Римляне же рубятъ для вала легкія бревна о двухъ и трехъ или, что самое большое, о четырехъ сукахъ для того, чтобы и удобнѣе было вооруженному воину тащить нѣсколько такихъ бревенъ за спиною, и до того складываютъ эти бревна тѣсно и съ перепутанными вѣтвями, что трудно бываетъ разобрать, какому стволу принадлежитъ какая вѣтвь; притомъ острые, и одинъ подлѣ другаго торчащіе, суки не оставляютъ мѣста просунуть руку и невозможно ни схватить за что тащить, ни потащить, потому что сплетшіяся вѣтви служатъ одна другой связью. Если же и удается одно бревно принять, то немного открывается мѣста и весьма легко бываетъ замѣнить его другимъ.

6. Квинкцій на другой день двинулся впередъ съ воинами, несшими съ собою бревна для вала, чтобы быть готовыми во всякомъ мѣстѣ поставить лагерь. Пройдя немного, онъ остановился почти въ 6 миляхъ отъ Феръ и послалъ развѣдать, въ какой части Ѳессаліи находится непріятель и что онъ готовитъ. Царь находился около Ларисы, и уже зналъ, что Римляне изъ Ѳивъ двинулись въ Ѳеры. Желая самъ какъ можно скорѣе окончить борьбу, онъ повелъ свои войска на встрѣчу непріятелю и сталъ лагеремъ въ четырехъ почти миляхъ отъ Ѳеръ. Когда на другой день легковооруженные воины выступили оттуда, и съ той и съ другой стороны, для занятія возвышенностей надъ городомъ, увидавъ другъ друга, они и остановились почти на ровномъ разстояніи отъ вершинъ, которыя имъ надлежало занять, спокойно дожидаясь возвращенія гонцевъ, посланныхъ назадъ въ лагерь за приказаніями, какъ поступить, когда встрѣтился непріятель ранѣе, чѣмъ его ожидали. Въ этотъ день они отозваны въ лагерь безъ боя. На другой день, около этихъ самыхъ возвышенностей, произошло сраженіе конницы и въ немъ, главное при содѣйствіи Этолійцевъ, воины царскіе обращены въ бѣгство и сбиты въ лагерь. Большимъ препятствіемъ и для той и другой стороны во время

военныхъ дѣйствій было поле, покрытое частыми деревьями и сады, какъ обыкновенно въ подгородныхъ мѣстахъ и дороги, съуженныя плетнями, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и перегороженныя. А потому вождямъ вмѣстѣ заблагоразсудилось выйдти изъ этой стороны и, какъ бы ранѣе условясь, они оба удалились въ Скотуссу: Филиппъ въ надеждѣ тамъ пофуражировать, а Римскій военачальникъ спѣшилъ предупредить его и истребить хлѣбъ, чтобы онъ не достался непріятелю. Въ продолженіи цѣлаго дня, такъ какъ возвышенности непрерывною цѣпью тянулись между ними, оба войска шли не видя другъ друга. Римляне стали лагеремъ у Еретріи, на Фтіотійскомъ полѣ, а Филиппъ надъ рѣкою Онхестомъ. Да и на слѣдующій день, когда Филиппъ сталъ лагеремъ у Меламбія, на, такъ называемомъ, Скотуссейскомъ полѣ, а Квинкцій около Ѳетидія въ Фарсалійской области; ни тѣ, ни другіе незнали хорошенько, гдѣ находится непріятель. На третій день сначала полился дождь; потомъ туманъ, походившій совершенно на ночь, удержалъ Римлянъ на мѣстѣ изъ опасенія засады.

7. Филиппъ для ускоренія пути велѣлъ нести впередъ знамена, нисколько не оставивъ своего намѣренія вслѣдствіе дождя, пролившагося изъ облаковъ на землю. Но густой туманъ до того помрачилъ день, что ни значконосцы дороги, ни воины не видали значковъ; двигаясь по неясному указанію голосовъ, строй воиновъ пришелъ въ разстройство, какъ бы въ ночной тревогѣ. Перейдя холмы, называемые Киноскефальскими и оставивъ тамъ сильный сторожевой отрядъ, пѣшій и конный, они расположились лагеремъ. Римскій вождь оставался въ прежнихъ лагеряхъ у Ѳетидія; узнавъ впрочемъ, гдѣ находится непріятель, онъ выслалъ десять эскадроновъ конницы и тысячу пѣшихъ воиновъ, давъ имъ наставленіе, чтобы они береглись засады, которая при темнотѣ дня была весьма удобна и въ открытомъ мѣстѣ. Когда они пришли къ занятымъ непріятелемъ холмамъ, то, причинивъ другъ другу страхъ, они оставались нѣкоторое время какъ бы въ онѣмѣніи; потомъ, отправивъ назадъ въ лагерь гонцовъ къ вождямъ, когда прошелъ страхъ

возникшій отъ нечаянности, неудержались долѣе отъ сраженія. Сначало его завязали отъ немногіе воины выбѣжавшіе впередъ, но потомъ оно приняло большій размѣръ вслѣдствіе того, что воины стали помогать своимъ товарищамъ, находившимся въ затрудненіи. Римляне въ этомъ бою были тѣснимы, и посылали гонца за гонцомъ въ своему вождю съ извѣстіемъ. Пятьсотъ всадниковъ и двѣ тысячи пѣшихъ воиновъ, преимущественно Этолійцевъ, отправлены поспѣшно съ двумя трибунами военными и поправили дѣло Римлянъ. Счастіе обернулось, и Македоняне, прійдя въ затрудненіе, умоляли царя о помощи черезъ гонцовъ. Царь въ этотъ день менѣе всего ожидалъ сраженія вслѣдствіе густаго тумана; и услалъ большую часть людей на фуражировку разнаго рода, нѣсколько времени онъ оставался въ смущеніи, не зная какъ поступить. Потомъ, когда гонцы продолжали настаивать и уже туманъ открылъ верхи горъ и видны были Македоняне, сбитые въ кучу на вершинѣ самаго высокаго холма, гдѣ мѣстность служила имъ болѣе защитою, чѣмъ оружіе; то онъ счелъ нужнымъ во всякомъ случаѣ дать дѣлу рѣшительный оборотъ для того чтобы не потерять незащищенную часть, отправилъ Атенагора, вождя наемныхъ воиновъ со всѣми, кромѣ Ѳракійцевъ, вспомогательными войсками и конницею Македонянъ и Ѳессалійцевъ. Съ прибытіемъ ихъ Римляне, сброшенные съ высотъ, остановились не прежде, какъ достигши болѣе ровныхъ мѣстъ. Много помогли Этолійскіе всадники въ томъ, чтобы Римляне не предались безпорядочному бѣгству. То была лучшая конница въ Греціи; что же касается пѣхоты, то они уступали своихъ сосѣдямъ.

8. Обстоятельство это передано въ болѣе благопріятномъ видѣ, чѣмъ оно на самомъ дѣлѣ было по ходу сраженія. Воины, одинъ за другимъ прибѣгая съ поля сраженія, возвѣщали съ громкимъ крикомъ, будто Римляне бѣгутъ въ страхѣ. Неохотно, медленно, говоря, что это сдѣлано необдуманно и что ему не нравится ни мѣсто, ни время, царь вынужденъ былъ вывести всѣ войска въ поле. Также поступилъ и Римлянинъ, подъ

вліяніемъ болѣе необходимости, чѣмъ удобнаго случая. Правое крыло, расположивъ слоновъ впереди знаменъ, консулъ оставилъ въ резервѣ, а съ лѣвымъ и со всѣми легкими войсками онъ двинулся на непріятеля. При этомъ онъ имъ внушалъ:» что они будутъ сражаться съ тѣми же Македонянами, которыхъ они вытѣснили изъ ущельевъ Эпира, огражденныхъ рѣками и горами, побѣдивъ природныя затрудненія мѣстности, и разбивъ ихъ въ бою. Съ тѣми же Македонянами, которыхъ они еще прежде побѣдили подъ начальствомъ П. Сульпиція, когда они встрѣтили ихъ при входѣ въ Еордею. Царство Македонянъ держалось славою, а не силами, но и самая эта слава теперь исчезла.» Уже подошелъ консулъ къ своимъ, стоявшимъ въ низу долины, и тѣ, съ прибытіемъ войска и главнаго вождя, возобновляютъ бой и перейдя къ наступательному движенію, съ своей стороны отражаютъ непріятеля. Филиппъ съ цетратами и правымъ крыломъ пѣхоты, гдѣ находилась фаланга, главная сила Македонскаго войска, ускореннымъ шагомъ пошелъ къ непріятелю. Онъ приказалъ Никанору, одному изъ придворныхъ, слѣдовать за собою немедленно съ остальными войсками. Сначала, какъ только онъ вышелъ на вершину холма, то, видя тамъ въ небольшомъ количествѣ лежащія тѣла и оружіе непріятелей, онъ заключилъ, что въ этомъ мѣстѣ было сраженіе, что Римляне оттуда прогнаны, и что бой происходитъ подлѣ лагеря непріятельскаго, и поддался сильному чувству радости; но скоро замѣтивъ, что его воины бѣгутъ назадъ и что страхъ овладѣлъ ими теперь, царь пришелъ въ смущеніе и нѣсколько времени оставался въ нерѣшимости, незная не отозвать ли ему войска въ лагерь. Потомъ, по мѣрѣ приближенія непріятеля, видя, что его воиновъ поражаютъ сзади, что они погибнутъ, если имъ не подать помощи, да и для него самого отступленіе будетъ несовершенно безопасно, царь былъ вынужденъ, не дождавшись части своихъ воиновъ, попытать счастія въ рѣшительномъ бою: всадниковъ и легко вооруженныхъ воиновъ, находившихся въ сраженіи, поставилъ на правомъ крылѣ, а центратамъ и македонской фалангѣ велѣлъ положить копья;

длина которыхъ только служила помѣхою, и дѣйствовать мечами. Вмѣстѣ съ тѣмъ для того, чтобы строй не легко могъ быть прорванъ, половину воиновъ, взявъ съ фронта, поставилъ внутри, протянувъ и удвоивъ ряды для того, чтобы боевая линія была болѣе длинна, чѣмъ широка. При этомъ онъ велѣлъ также сплотить ряды такъ, чтобы воинъ находился подлѣ воина и оружіе подлѣ оружія.

9. Квинкцій, принявъ тѣхъ, которые уже были въ дѣлѣ внутрь рядовъ и значковъ, подалъ сигналъ трубою. Говорятъ, что, при началѣ этого сраженія, раздались такіе громкіе клики, какіе рѣдко бываютъ въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Пришлось такъ, что оба войска испустили крики вмѣстѣ и не только сражающіеся, но и тѣ, которые стояли въ резервѣ и тѣ, которые только тутъ подходили принять участіе въ сраженіи. На правомъ крылѣ имѣлъ верхъ царь, главное при помощи мѣстности, такъ какъ его воины сражались съ возвышенныхъ холмовъ. На лѣвомъ же было отсутствіе всякаго порядка и смятеніе, особенно съ приближеніемъ части фаланги, которая составляла самый тылъ войска. Средина его, находясь ближе къ правому крылу, стояла зрительницею, такъ какъ будто бы сраженіе нисколько до нея не относилось. Пришедшая фаланга представляла скорѣе толпу воиновъ, чѣмъ ихъ правильный строй и способнѣе была къ движенію, чѣмъ къ сраженію; она только что выступила на вершину холма. На эту то нестройную толпу ударилъ Квинкцій, не смотря на то, что онъ замѣчалъ отступленіе своихъ воиновъ на правомъ крылѣ. Онъ двинулъ прежде противъ непріятеля слоновъ, расчитывая пораженіемъ части войска, увлечь все. Расчетъ оказался тотчасъ же вѣренъ; Македоняне немедленно обратили тылъ, уже отступая подъ вліяніемъ ужаса, внушеннаго слонами Прочіе воины преслѣдовали пораженныхъ, а одинъ изъ военныхъ трибуновъ вдругъ задумалъ важное намѣреніе; съ воинами двадцати значковъ, покинувъ ту часть своихъ, которая уже безовсякаго сомнѣнія имѣла верхъ, и сдѣлавъ небольшой обходъ напала, на правое крыло непріятельское. Ни одинъ строй не спасется отъ

замѣшательства, если на него нападутъ сзади; но къ обыкновенному, въ подобномъ случаѣ, замѣшательству присоединилось то, что фаланга Македонянъ, будучи тяжела и неподвижна не могла ни обернуться, ни выдержать натискъ тѣхъ, которые еще недавно передъ нею отступали, а теперь сами нападали на устрашенныхъ. Притомъ самая мѣстность была противъ нихъ; преслѣдуя отступавшихъ непріятелей, Македоняне оставили вершину холма, съ которой прежде сражались, и она находилась во власти непріятеля, обошедшаго ихъ съ тылу. Нѣсколько времени Мекедоняне были поражаемы съ двухъ сторонъ, а потомъ большая часть ихъ бросила оружіе и пустилась бѣжать.

10. Филиппъ, въ сопровожденіи небольшаго числа пѣшихъ и и конныхъ воиновъ, сначала занялъ холмъ возвышеннѣе другихъ для того, чтобы посмотрѣть, какова участь его воиновъ на лѣвой сторонѣ; потомъ, видя ихъ безпорядочное бѣгство и что по всѣмъ окрестнымъ возвышенностямъ блистаютъ значки и оружіе Римлянъ, и самъ удалился съ поля битвы. Квинкцій, преслѣдуя отступавшихъ, вдругъ увидалъ, что Македоняне поднимаютъ къ верху копья, незналъ, что они готовятъ и вслѣдствіе новости этого обстоятельства, нѣсколько времени придержалъ было воиновъ. Потомъ узнавъ, что таковъ обычай Македонянъ когда они сдаются, Квинкцій собирался было въ умѣ пощадить побѣжденныхъ. Впрочемъ, воины римскіе, незная, что непріятель отказался отъ мысли о сопротивленіи, и о томъ, чего хочетъ ихъ главный вождь, сдѣлали нападеніе на непріятельскихъ воиновъ: первыхъ они истребили, а остальные разсѣялись бѣгствомъ, царь поспѣшнымъ бѣгствомъ достигъ Темпе; здѣсь у Гоннъ онъ остановился на одинъ день собрать тѣхъ воиновъ, которые уцѣлѣли отъ сраженія. Римляне побѣдители ворвались въ лагерь непріятелей въ надеждѣ на добычу, но они нашли, что уже большая часть лагеря разграблена Этолійцами; въ этотъ день убито непріятелей восемь тысячъ, а пять тысячъ взято въ плѣнъ; изъ побѣдителей пало почти до 700 человѣкъ. Если вѣрить Валерію, который неумѣренно во всемъ увеличиваетъ число, то въ этотъ день убито сорокъ тысячъ непріятелей, а

взято въ плѣнъ — тутъ ложь умѣреннѣе — до 5700, значковъ военныхъ двѣсти сорокъ девять. Клавдій также пишетъ, что непріятелей истреблено до 32 тысячъ, а взято въ плѣнъ четыре тысячи триста. Мы здѣсь предпочли не самое меньшее число, но послѣдовали Полибію, писателю основательно знавшему всѣ дѣла Римлянъ, а особенно происходившія въ Греціи.

11. Филиппъ, собравъ тѣхъ изъ бѣглецовъ, которые, будучи разсѣяны различными случайностями войны, послѣдовали за нимъ, послалъ въ Лариссу сжечь записки царскія для того, чтобы они не достались во власть непріятелей, а самъ удалился въ Македонію. Квинкцій часть плѣнныхъ и добычи продалъ, а часть уступилъ воиновъ; самъ пошелъ къ Ларисcѣ, не зная еще хорошенько, въ какую сторону отправился царь и что онъ готовитъ. Туда явился герольдъ царя, повидимому просить перемирія для погребенія павшихъ въ бою, а на самомъ дѣлѣ испросить позволеніе прислать пословъ. Римлянинъ согласился и на то и на другое; даже прибавилъ отъ себя: «пусть онъ (герольдъ) скажетъ царю, чтобы «онъ былъ спокоенъ духомъ». Эти слова сильно оскорбили Этоловъ; они дулись и жаловались: «побѣда произвела большую перемѣну въ главномъ вождѣ. Пока сраженія еще не было, онъ обыкновенно сообщалъ союзникамъ все важное, а теперь они устранены отъ всякаго совѣщанія; консулъ во всемъ дѣйствуетъ по своему собственному усмотрѣнію; уже онъ старается завязать съ Филиппомъ отношенія частной пріязни. Теперь, когда Этолы выдержали на себѣ всю тягость и непріятности войны, Римскій вождь присвоиваетъ себѣ и плоды, и благодѣяніе мира». Не было сомнѣнія, что Этолы были уже не въ прежней чести; истинную же причину, почему они впали въ пренебреженіе, они не знали. Они полагали, что подарки царя подѣйствовали на, недоступную жадности, душу консула, но, не безъ основанія, консулъ сердился на Этоловъ, вслѣдствіе, какъ ненасытной жадности ихъ къ добычѣ, такъ и неумѣренной притязательности: (всю славу побѣды они себѣ приписывали, и такое ихъ пустое тщеславіе оскорбляло слухъ каждаго. Консулъ видѣлъ, что, съ пораже-

ніемъ Филиппа, когда сокрушены были силы Македонскаго царства, Этолы будутъ господами Греціи. Вслѣдствіе этихъ причинъ консулъ съ намѣреніемъ поступалъ во многихъ случаяхъ такъ, чтобы Этолы и были, и казались, для всѣхъ ничтожнѣе и незначительнѣе.

12. Непріятелю дано пятнадцатидневное перемиріе, и условлено свиданіе съ самимъ царемъ, но прежде чѣмъ пришло его время, консулъ пригласилъ на совѣщаніе союзниковъ. Онъ ихъ спросилъ: на какихъ условіяхъ полагалибы они заключить миръ? Аминандеръ, царь Атамановъ, сказалъ свое мнѣніе въ немногихъ словахъ: «миръ надлежитъ уладить такъ, чтобы Греція, и въ отсутствіи Римлянъ имѣла въ себѣ довольно силы отстоять свое спокойствіе и свободу». Мнѣніе Этоловъ было болѣе рѣзкое; они сначала въ немногихъ словахъ сказали: что вождь Римскій дѣлаетъ хорошо и основательно, сообщая предположенія относительно мира тѣмъ, которыхъ имѣлъ товарищами на войнѣ; впрочемъ жестоко онъ ошибается, если полагаетъ, что оставитъ свободу Греціи достаточно обезпеченною, пока Филиппъ не будетъ или убитъ, или изгнанъ изъ своихъ владѣній; а и то, и другое очень возможно, если только консулъ воспользуется благопріятнымъ случаемъ».—На это Квинкцій замѣтилъ «что Этолы и позабыли обычай Римлянъ, да и мнѣніе ихъ не соотвѣтствуетъ ихъ собственному образу дѣйствій. Они сами на всѣхъ прежнихъ сеймахъ и совѣщаніяхъ разсуждали постоянно объ условіяхъ мира, а не о томъ, чтобы вести войну до окончательнаго истребленія. Да и Римляне, издревле имѣя обычаемъ прощать побѣжденнымъ, показали особенно поразительный примѣръ своего милосердія, давъ миръ Аннибалу и Карѳагенянамъ. Но оставивъ даже въ покоѣ Карѳагенянъ, съ самимъ Филиппомъ сколько разъ были совѣщанія? И никогда не было толковъ о томъ, чтобы онъ оставилъ царство. Не потому ли, что онъ побѣжденъ въ сраженіи, такъ и война должна быть безпощадною? Вооруженнаго непріятеля нужно встрѣчать съ непріязненнымъ чувствомъ, но относительно побѣжденнаго каждый долженъ имѣть сколько можно болѣе милосердія. Цари

Македонскіе кажутся имъ опасными для свободы Греціи; но съ паденіемъ царства и народа Македонянъ, Ѳраки, Иллиры, Галлы за тѣмъ, народы дикіе и неукротимые, бросятся на Македонію и Грецію. Какъ бы разрушая то, что находится вблизи, не открыли они къ себѣ доступъ болѣе сильнымъ и опаснымъ противникамъ». Фенеасъ, преторъ Этолійцевъ, продолжалъ возражать консулу и говорилъ, что Филиппъ, если уцѣлѣетъ на этотъ разъ, зажжетъ войну еще болѣе опасную. «Перестаньте буянить — сказалъ наконецъ консулъ—тамъ, гдѣ нужно спокойно совѣщаться. Не такими условіями будетъ связанъ царь, чтобы быть въ состояніи затѣять войну.»

13. Собраніе распущено; на другой день царь прибылъ къ горному проходу, который ведетъ въ Темпе (это мѣсто назначено было для совѣщанія); на третій день дано ему совѣщаніе, гдѣ присутствовало множество Римлянъ и союзниковъ. Здѣсь Филиппъ весьма благоразумно предпочелъ лучше добровольно уступить то, безъ чего миръ не могъ состояться, чѣмъ быть вынужденнымъ сдѣлать то вслѣдствіе спора, и объявилъ свое согласіе на все, что въ бывшее передъ этимъ совѣщаніе или было предписано Римлянами, или было требуемо союзниками; во всемъ прочемъ онъ отдается на благоусмотрѣніе сената». Повидимому такимъ рѣшеніемъ царь замкнулъ уста всѣмъ самимъ непріязненнымъ; однако Фенеасъ Этоліецъ среди общаго молчанія сказалъ: какъ, Филиппъ, возвращаешь ты намъ наконецъ Фарсалъ, и Лариссу Кремастійскую и Ехинъ, и Ѳивы Ѳтіотійскія?» Когда Филиппъ отвѣчалъ, что съ его стороны нѣтъ никакого замедленія сдать ихъ Этолійцамъ, то возникъ споръ между вождемъ Римскимъ и Этолійцами относительно Ѳивъ. Квинкцій говорилъ, что по праву войны они сдѣлались собственностію Римлянъ, такъ какъ жители ихъ, при совершенной еще безопасности, когда онъ пододвинулъ войско и приглашалъ ихъ быть друзьями, когда имъ была полная свобода отпасть отъ царя, предпочли союзъ съ нимъ союзу съ Римлянами. Фенеасъ высказывалъ мнѣніе, что и справедливость требуетъ Этолійцамъ, за ихъ содѣйствіе въ войнѣ, возвратить то, чѣмъ они владѣли

до начала ея; да и указывалъ на то, что въ первоначальномъ союзномъ договорѣ постановлено, чтобы добыча военная и всѣ предметы, которые могутъ быть угнаны и унесены, принадлежали Римлянамъ; взятые же города и области поступали во власть Этолійцевъ: «Вы сами— сказалъ на это Квинкцій—нарушили правила этого союза тогда, когда, покинувъ, насъ заключили миръ съ Филиппомъ: да если бы даже этотъ союзъ и былъ до нынѣ обязателенъ, то это правило относится только до взятыхъ силою городовъ, а города Өессаліи добровольно перешли въ нашу власть». Эти слова, сказанныя при общемъ одобреніи союзниковъ, были не только въ то время непріятны для слуха Этолійцевъ, но въ послѣдствіи послужили поводомъ къ войнѣ и большимъ для нихъ потерямъ, а съ Филиппомъ условился консулъ такъ, чтобы онъ далъ въ заложники сына своего Дмитрія, и нѣсколько человѣкъ изъ числа своихъ приближенныхъ, а также 200 талантовъ. Относительно прочихъ условій пусть онъ отправитъ пословъ въ Римъ, на каковой предметъ дается ему перемиріе 4-хъ мѣсячное. Если нельзя будетъ исхлопотать мира у Сената, то условлено было возвратить Филиппу заложниковъ и деньги. Говорятъ, что не иная какая либо причина заставила Римскаго вождя ускорить миръ какъ то, что достовѣрно извѣстно сдѣлалось о замыслѣ Антіоха вести войну и перейдти въ Европу.

14. Въ тоже время, а по словамъ нѣкоторыхъ, въ тотъ же самый день Ахейцы у Коринөа поразили царскаго вождя Андросөена въ правильномъ бою. Филиппъ, желая имѣть этотъ городъ оплотомъ противъ Греческихъ государствъ, вызвалъ оттуда старѣйшинъ будто бы для совѣщанія о томъ, сколько Коринөяне могутъ дать всадниковъ на эту войну и удержалъ ихъ въ видѣ заложниковъ; притомъ, кромѣ пятисотъ Македонянъ и восьмисотъ человѣкъ смѣси всякаго рода вспомогательныхъ войскъ, — эти силы находились тамъ прежде, — отправилъ туда тысячу Македонянъ, 1200 Иллировъ и Өраковъ, а Кретійцевъ, которые находились и въ томъ и другомъ войскѣ — восемьсотъ. Съ ними соединились Беотійцы, Өессалійцы

и Акарнане въ числѣ тысячи человѣкъ, всѣ со щитами, и молодые люди изъ самихъ Коринөянъ, такъ что составилось всего шесть тысячь воиновъ, и Андросөенъ возъимѣлъ смѣлость сразиться въ полѣ. Никостратъ, преторъ Ахейцевъ, находился въ Сикіонѣ съ двумя тысячами пѣшихъ и сотнею всадниковъ, но, сознавая свою относительную слабость и численностью воиновъ и родомъ войска, не выходилъ за стѣны. Царскія войска, и пѣшія и конныя, переходя съ мѣста на мѣсто, опустошали поля Пеллененское, Фліазійское и Клеонейское; наконецъ, упрекая противника въ трусости, перешли въ предѣлы Сикіонскіе; даже на судахъ обогнувъ берегъ, опустошали все приморье Ахаіи. Такъ какъ непріятели дѣлали все это не въ строгомъ порядкѣ и даже, какъчасто происходитъ отъ самонадѣянности, слишкомъ небрежно, то Никостратъ, возъимѣвъ надежду напасть на нихъ нечаянно, отправилъ тайно гонца по ближайшимъ городамъ, назначая имъ въ какой день и по скольку изъ какого города должны съ оружіемъ въ рукахъ собраться у Апелавра (мѣсто это находится на Стимфалійской землѣ). Когда всѣ были готовы въ назначенный день, то, двинувшись онъ туда немедленно, черезъ земли Фліазійцевъ ночью прибылъ въ Клеонасъ и никто не зналъ, что онъ замышляетъ; съ нимъ были пять тысячь пѣшихъ (и въ томъ числѣ *) легко вооруженныхъ) и триста всадниковъ. Съ этими войсками онъ поджидалъ непріятеля разославъ людей, — изслѣдовать, въ какую сторону разсыпятся непріятели.

15. Андросөенъ, ничего этого не зная, выступилъ изъ Коринөа и у Немеи (эта рѣка протекаетъ между областью Коринөянъ и Сикіонцевъ) сталъ лагеремъ. Тамъ онъ, отпустивъ половину войска, другой половинѣ (раздѣливъ ее на три части) и всѣмъ всадникамъ отдалъ приказаніе, дѣйствуя въ разсыпную, опустошать поля Пелленянъ, Сикіонцевъ и Фліазійское. Эти три отряда разошлись въ разныя стороны. Когда дано было объ этомъ знать Никострату въ Клеонасъ, то онъ тотчасъ послалъ впередъ отрядъ наемныхъ воиновъ занять лѣсистое ущелье,

*) Здѣсь въ подлинникѣ пропускъ.

черезъ которое надобно проходить въ Коринѳскую область, а самъ, отдавъ приказаніе конницѣ идти впереди значковъ, немедленно послѣдовалъ двойнымъ строемъ. Въ одной части шли наемные воины съ легковооруженными, а въ другой воины, снабженные тяжелыми щитами, и все, что было сильнѣйшаго изъ воиновъ другихъ народовъ. Уже не далеко отъ лагеря находились и пѣшіе и конные воины, и нѣкоторые Ѳракійцы произвели нападеніе на непріятелей, разсѣявшихся по полямъ, какъ вдругъ внезапный ужасъ распространился въ лагерѣ. Смутился вождь, который дотолѣ видѣлъ непріятелей развѣ только въ маломъ числѣ на холмахъ впереди Сикіона, не рѣшавшихся спуститься строемъ въ равнину; но никогда не полагалъ возможнымъ, чтобы они дошли до Клеонаса. Онъ приказываетъ звукомъ трубы созвать воиновъ, оставившихъ лагерь и разошедшихся по полямъ; а самъ, приказавъ воинамъ поспѣшно взяться за оружіе, вышелъ съ небольшимъ войскомъ и расположился строемъ вдоль рѣки. Прочія войска, едва имѣя возможность быть собранными и выстроенными, не выдержали перваго натиска непріятеля. Македоняне, и въ большемъ противъ другихъ числѣ находились у значковъ, и долго дѣлали они надежду на побѣду неопредѣленною. Наконецъ, оставшись одни вслѣдствіе бѣгства прочихъ войскъ, когда два уже строя непріятелей тѣснили ихъ съ разныхъ сторонъ: легковооруженные воины съ фланга, а тяжелая пѣхота съ фронта, тогда и они, видя дѣло проиграннымъ, сначала стали отступать назадъ, потомъ тѣснимые все болѣе и болѣе, обратили тылъ, и большая часть воиновъ, отбросивъ оружіе и не имѣя никакой надежды удержаться въ лагерѣ, удалились въ Коринѳъ. Никостратъ отправилъ въ погоню за ними наемныхъ воиновъ, а всадниковъ и вспомогательныя Ѳракійскія войска послалъ противъ непріятелей, опустошавшихъ Сикіонскія поля, и въ томъ и другомъ мѣстѣ непріятели потерпѣли большой уронъ, большій даже чѣмъ въ самомъ сраженіи. Да и изъ тѣхъ, которые опустошали Пеллену и Флиунтъ, многіе въ безпорядкѣ, ничего не зная что случилось, возвращались въ лагерь, и наткнулись на непріятельскіе посты, какъ на свои. Нѣ-

которые же, подозрѣвая то что произошло, прямо изъ экспедиціи разсѣялись бѣгствомъ, но скитаясь по полямъ, сдѣлались жертвою поселянъ. Въ этотъ день пало у непріятеля тысячу пятьсотъ человѣкъ, а взято въ плѣнъ триста. Вся Ахаія освободилась отъ большихъ опасеній.

16. Еще до сраженія при Кинокефалахъ Л. Квинкцій, вызвавъ въ Корциру старѣйшинъ народа Акарнановъ, единственнаго народа Греціи, остававшагося еще въ союзѣ съ Македонянами, положилъ тамъ нѣкоторое основаніе волненію. Двѣ главныя причины удерживали Акарнянъ въ дружественныхъ съ царемъ отношеніяхъ: одна — вѣрность слову, свойственная этому народу, а другая — чувство страха и ненависти къ Этолійцамъ. Сеймъ назначенъ въ Левкадѣ; туда явились и не всѣ племена Акарнановъ, да и тѣ, которые собрались тамъ, были не одного мнѣнія; впрочемъ и старѣйшины, и должностныя лица, настояли на томъ, что состоялся частный декретъ о союзѣ съ Римлянами. Но всѣ тѣ, которые не были, узнали о томъ съ негодованіемъ. При такомъ ропотѣ народа, присланные Филиппомъ, двое старѣйшинъ Акарнанскихъ — Андроклъ и Ехедемъ успѣли не только склонить къ отмѣнѣ декрета о союзѣ съ Римлянами, но даже и Архелай и Біаноръ, двое старѣйшинъ народа, за то, что они были виновниками этого мнѣнія, осуждены на совѣтѣ за измѣну, а преторъ Зевксидъ отрѣшенъ отъ должности за то, что доложилъ объ этомъ предметѣ. Осужденные рѣшились на поступокъ смѣлый, но по результату весьма удачный. Друзья имъ совѣтовали уступить обстоятельствамъ времени и удалиться въ Корциру къ Римлянамъ; но они рѣшились явиться къ народу, и такимъ образомъ или умилостивить его, или потерпѣть чтобы ни случилось. Когда они явились среди многолюднаго собранія, то сначала поднялся ропотъ удивленныхъ этимъ поступкомъ; потомъ воцарилось глубокое молчаніе, какъ изъ уваженія къ прежнему ихъ достоинству, такъ и изъ состраданія объ ихъ теперешнемъ жребіѣ. А когда имъ была предоставлена возможность говорить, то сначала просительно, а потомъ съ теченіемъ рѣчи, когда

пришлось оправдываться отъ взведенныхъ на нихъ обвиненій, они говорили съ тою увѣренностью, которую придаетъ сознаніе невинности. Далѣе они сами стали жаловаться, и дерзнули высказать несправедливость и жестокость въ отношеніи къ себѣ. Слова ихъ произвели такое сильное впечатлѣніе на умы граждань что значительнымъ большинствомъ отмѣнены всѣ декреты, которые состоялись противъ нихъ. Однако Акарнане остались при томъ мнѣніи, что надобно возвратиться къ союзу съ Филиппомъ и отказаться отъ дружбы съ Римлянами.

17. Это народное опредѣленіе состоялось въ Левкадѣ. Городъ этотъ столица Акарнаніи, и туда сходились на совѣщаніе всѣ ея племена. А потому, когда дано было знать въ Корциру легату Фламинину о такой внезапной перемѣнѣ, то онъ тотчасъ съ флотомъ отправился къ Левкаду, и присталъ съ судами къ мѣсту, называемому Гереемъ. Оттуда онъ, съ запасомъ всякаго рода осадныхъ орудій и машинъ, употребляемыхъ при осадѣ городовъ, приступилъ къ стѣнамъ, предполагая, что перваго впечатлѣнія ужаса достаточно будетъ для того, чтобы сдѣлать жителей сговорчивѣе. Но такъ какъ они вовсе не обнаруживали миролюбиваго расположенія, то легатъ началъ производить осадныя работы, строить башни и подвигать къ стѣнамъ стѣнобитныя орудія. — Вся Акарнанія, находясь между Этоліею и Эпиромъ, обращена къ заходу солнца и Сицилійскому морю. Левкадія, въ настоящее время островъ отдѣленный отъ Акарнаніи не глубокимъ проливомъ, вырытымъ руками человѣческими, въ то время была полуостровомъ, съ западной стороны соединеннымъ съ Акарнаніею небольшимъ перешейкомъ. На пять сотъ шаговъ длиною было это узкое мѣсто, а шириною не болѣе 120. На немъ то находился Левкадъ, прислонясь къ холму, обращенному на востокъ къ Акарнаніи. Нижняя часть города на ровномъ мѣстѣ, прилегаетъ къ морю, которымъ Левкадія отдѣляется отъ Акарнаніи; вслѣдствіе этого городъ легко доступенъ для нападенія и съ моря и съ сухаго пути. Воды, его окружающіе, похоже скорѣе на озерныя, чѣмъ

на морскія; да и окружающія поля ровны и удобны для осадныхъ работъ. А потому во многихъ мѣстахъ обрушивались стѣны частью подрытыя подкопами, частью сбитыя осадными орудіями. Но чѣмъ городъ становился доступнѣе осаждающимъ, тѣмъ упорнѣе становились умы непріятелей. Въ продолженіи дня и ночи тщательно поправляли они потрясенныя стѣны; заваливали тѣ мѣста, гдѣ стѣны, обрушившись, представляли открытое мѣсто. Бой они начинали весьма дѣятельно и болѣе защищали стѣны оружіемъ, чѣмъ въ стѣнахъ находили для себя защиту; и эта осада протянулась бы долѣе, чѣмъ надѣялись тогда Римляне, еслибы нѣкоторые изгнанники Итальянскаго происхожденія, жившіе въ Левкадѣ, не впустили воиновъ Римскихъ въ крѣпость. Однако и ихъ, когда они съ возвышеннаго мѣста устремились съ большимъ шумомъ, жители Левкада выстроившись въ боевомъ порядкѣ, удерживали нѣкоторое время правильнымъ сраженіемъ. Между тѣмъ стѣны заняты во многихъ мѣстахъ посредствомъ лѣстницъ, и по валявшимся камнямъ и по развалинамъ воины Римскіе проникли въ городъ. Да и самъ легатъ съ главными силами окружилъ сражающихся. Тутъ часть ихъ, очутившись въ серединѣ, была истреблена, а часть, отбросивъ оружіе, сдалась побѣдителю. По прошествіи немногихъ дней, узнавъ о сраженіи, которое произошло у Киноскефалъ, всѣ народы Акарнаніи изъявили покорность легату.

18. Въ тоже самое время, такъ какъ счастіе все клонило къ одному исходу, и Родосцы, желая взять назадъ у Филиппа часть твердой земли (называемой Переею), находившуюся нѣкогда во власти ихъ предковъ, послали туда Павзистрата претора съ 800 человѣкъ Ахейской пѣхоты, и почти съ 1900 человѣкъ, собранныхъ изъ разнаго рода вспомогательныхъ войскъ; тутъ находились Галлы, и Писуэты, и Нисуеты, и Таміаны, и Ареи изъ Африки, и Лаодикійцы изъ Азіи. Съ этими войсками Павзистратъ занялъ Тендебу, весьма важный пунктъ на Стратоникскомъ полѣ такъ, что воины царскіе, находившіеся тамъ этого и не знали. Во время подоспѣла и помощь, на этотъ самый конецъ приглашенная — тысячу пѣшихъ Ахейцевъ и

сто всадниковъ; ими начальствовалъ Теоксенъ. Динократъ, царскій префектъ, съ цѣлью овладѣть опять укрѣпленіемъ (Тендебою), сначала пододвинулъ лагерь къ нему самому, а потомъ къ другому укрѣпленію, на томъ же Стратоникійскомъ полѣ, называемому Астрагонъ и, созвавъ всѣ гарнизоны, до толѣ разбросанные по разнымъ мѣстамъ, а изъ самой Стратратоникеи вызвавъ вспомогательныя войска Ѳессалійцевъ, повелъ ихъ къ Алабандѣ, гдѣ находился непріятель. И Родосцы не стали отказываться отъ сраженія; а потому какъ только лагери были поставлены близко другъ отъ друга, тотчасъ оба войска вышли въ поле. Динократъ поставилъ на правомъ крылѣ пятьсотъ Македонянъ, а на лѣвомъ Агріанцевъ; въ центръ принялъ онъ воиновъ, собранныхъ изъ разныхъ гарнизоновъ (то были по большей части Карійцы); всадниковъ онъ оставитъ по флангамъ, и вспомогательныя войска Кретійцевъ и Ѳракійцевъ. У Родосцевъ на правомъ крылѣ стояли Ахейцы, на лѣвомъ отборныя войска пѣшія изъ наемныхъ; центръ состоялъ изъ смѣшанныхъ вмѣстѣ воиновъ разныхъ народовъ, явившихся на помощь. Всадники и легковооруженные воины всѣ, сколько ихъ ни было, поставлены по краямъ фланговъ. Въ этотъ день оба войска простояли только на берегахъ небольшаго ручья, протекавшаго между ними: выпустивъ не много стрѣлъ они удалились въ свои лагери. На другой день, выстроясь въ томъ же порядкѣ, они завязали бой болѣе упорный, чѣмъ того можно было ожидать по числу сражающихся. Пѣшихъ воиновъ было не болѣе трехъ тысячь, да конныхъ около сотни. Впрочемъ, воины и той и другой стороны не только не уступали другъ другу числомъ и вооруженіемъ, но и сражались съ одинаковою смѣлостью и надеждою на побѣду. Ахейцы первые, перейдя ручей, напали на Агріанъ; потомъ почти бѣгомъ вся боевая линія перешла черезъ ручей; долго судьба сраженія оставалась нерѣшенною. Ахейцы, въ числѣ тысячи, вытѣснили съ позиціи четыреста человѣкъ, и такимъ образомъ побѣдивъ лѣвое крыло, налегли всѣми силами на правое. Македоняне, пока фаланга стояла въ боевой линіи и какъ бы огражденная,

не могли быть сдвинуты съ мѣста; потомъ когда лѣвый флангъ ихъ былъ обнаженъ и они должны были обратить копья противъ подходившаго съ боку непріятеля, тотчасъ произошло между ними замѣшательство и сначала вкралось смятеніе; потомъ они обратили тылъ; наконецъ, отбросивъ оружіе, пустились въ поспѣшное бѣгство и удалились въ Баргилію. Туда же бѣжалъ и Динократъ. Родосцы преслѣдовали бѣгущихъ, пока еще былъ день и потомъ удалились въ лагерь. Довольно вѣрно то, что пойди побѣдители тотчасъ къ Стратоникеѣ, безъ бою могли бы они взять этотъ городъ. Но удобный случай къ этому миновалъ, пока побѣдители тратили время на взятіе укрѣпленій и селъ Переи. А между тѣмъ поободрились умы тѣхъ воиновъ, которые стояли гарнизономъ въ Стратоникеи. Вскорѣ и Динократъ съ тѣми войсками, которыя оставались отъ сраженія вошелъ въ городъ, а потому осада и приступъ къ городу остались безъ успѣха; городъ этотъ былъ взятъ не ранѣе, какъ впослѣдствіи уже Антіохомъ. Вотъ все почти, что впродолженіи этого времени происходило въ Ѳессаліи, Ахеѣ и Азіи.

19. Филиппъ услыхалъ, что Дарданы, изъ пренебреженія перейдя предѣлы уже потрясеннаго государства, опустошаютъ верхнія части Македоніи. Онъ, хотя на всѣхъ пунктахъ былъ тѣснимъ, такъ какъ судьба вездѣ преслѣдовала и его самого, и его приверженцевъ; однако, считая грустнѣе смерти — лишиться владѣнія Македоніею, произвелъ поспѣшно наборъ по городамъ ея, и съ 6000 человѣкъ пѣхоты и пятьюстами всадниковъ, нечаянно захватилъ непріятелей у Стобъ Пэонійскихъ. Много людей у нихъ истреблено въ сраженіи, а еще болѣе разсѣявшихся по полямъ изъ желанія пограбить. А тѣ, для которыхъ бѣгство было удобнѣе, даже не испробовавъ счастія въ сраженіи, возвратились въ свои предѣлы. Этимъ однимъ походомъ, не соотвѣтствовавшимъ положенію прочихъ его дѣлъ, ободривъ умы своихъ приверженцевъ, царь удалился въ Ѳессалонику. Еще нетакъ во время была окончена Пуническая война для того, чтобы не пришлось въ одно и тоже время сражаться съ Филиппомъ, какъ кстати побѣжденъ Филиппъ въ то время, ког-

да Антіохъ уже затѣвалъ изъ Сиріи военныя дѣйствія. Не говоря уже о томъ, что легче было вести войну отдѣльно съ каждымъ непріятелемъ, чѣмъ когда бы они двое соединили свои силы. Да и Испанія въ то же время съ большою тревогою возстала войною. Антіохъ въ лѣто, бывшее передъ этимъ, всѣ города, находящіеся въ Келе-Сиріи, изъ подъ власти Птоломея привелъ въ свою собственную, и на зиму удалился въ Антіохію; но зиму онъ провелъ еще менѣе покойно, чѣмъ лѣто. Собравъ всѣ силы своего царства и сосредоточивъ огромныя войска на сушѣ и на морѣ, въ началѣ весны, онъ послалъ впередъ сухимъ путемъ двухъ своихъ сыновей Ардіоса и Митридата, и приказалъ дожидаться себя въ Сардахъ, а самъ съ флотомъ изъ ста крытыхъ судовъ, въ сопровожденіи двухъ сотъ мѣлкихъ разнаго рода судовъ, выступилъ впередъ, имѣя цѣлью по всему берегу Киликіи, Ликіи и Каріи аттаковать города, находившіеся во власти Птоломея; а вмѣстѣ онъ хотѣлъ оказать помощь и войскомъ и флотомъ Филиппу (такъ какъ война не была еще приведена къ концу.)

20. Родосцы совершили смѣло и на морѣ, и на сухомъ пути, многія славныя дѣянія изъ вѣрности къ народу Римскому и всему, что носитъ имя Грековъ; но всего лучше поступили они въ то время, не оробѣвъ отъ такой тяжести угрожавшей имъ войны, отправили пословъ къ царю объявить ему, чтобы онъ не переступалъ за Хелидоній (это мысъ Киликійскій, извѣстный по древнему союзному трактату Аѳинянъ съ Персидскими царями). Если въ этихъ предѣлахъ не удержитъ онъ флотъ и войска свои, то они (Родосцы) пойдутъ къ нему на встрѣчу, не изъ какого либо непріязненнаго чувства, но для того чтобы не дать царю соединиться съ Филиппомъ и быть такимъ образомъ помѣхою Римлянамъ въ ихъ усиліяхъ освободить Грецію. Антіохъ въ это время велъ правильную осаду города Корацезія. Онъ взялъ Зефирій, Соли, Афродизіаду, Корикъ и обогнувъ Анемурій (это мысъ Киликійскій) — Селинунтъ: всѣ эти города и другія укрѣпленія, находившіяся по берегу, достались въ его власть подъ вліяніемъ страха или добровольно, но безъ сопро-

тивленія. Жители же Корацезія сверхъ всякаго чаянія затворивъ вороты, остановили царя. Здѣсь онъ выслушалъ пословъ Родоскихъ, и хотя слова ихъ были таковы, что могли раздражить царскій духъ, однако онъ удержался отъ гнѣва и отвѣчалъ: «что онъ отправитъ пословъ въ Родосъ и поручитъ имъ обновить старинныя связи съ этимъ государствомъ его самого и его предковъ. Пусть они успокоятъ своихъ согражданъ насчетъ прибытія царя; ни имъ, ни ихъ союзникамъ не будетъ никакого вреда и обмана. Что онъ не разорветъ ихъ дружественныхъ отношеній къ Римлянамъ, доказательствомъ тому и его собственное недавнее къ нимъ посольство и почетный въ отношеніи къ нему и декретъ и отвѣтъ Сената. Случилось такъ, что въ это время вернулись изъ Рима послы Антіоха; ихъ тамъ вѣжливо приняли и отпустили, сообразуясь съ обстоятельствами времени, такъ какъ исходъ войны съ Филиппомъ былъ еще неизвѣстенъ. Между тѣмъ какъ послы царя толковали объ этомъ на сеймѣ Родосцевъ, пріѣхалъ гонецъ съ извѣстіемъ о рѣшительной побѣдѣ Римлянъ у Киноскефала. Получивъ это извѣстіе, Родосцы перестали опасаться Филиппа, и оставили свое намѣреніе идти съ флотомъ на встрѣчу Антіоху. Другая же забота у нихъ осталась — защищать свободу городовъ, бывшихъ въ союзѣ съ Птоломеемъ, которымъ угрожалъ войною Антіохъ. Инымъ они оказали вспоможеніе, а другихъ они предостерегли и давали имъ знать о покушеніяхъ непріятеля; такимъ образомъ они сдѣлались виновниками свободы Кавнійцевъ, Миндійцевъ, Галикарнасцевъ и Самосцевъ. Мы не станемъ обстоятельно слѣдить за тѣмъ, что произошло въ этихъ мѣстахъ, такъ какъ меня едва достанетъ на то, что собственно относится до войны Римлянъ.

21. Въ это же время царь Атталъ привезенъ больной въ Пергамъ изъ Ѳивъ, и умеръ тамъ на 72 году послѣ царствованія, продолжавшагося 44 года. Этому человѣку судьба не дала ничего, чтобы ему подавало надежду царствовать, кромѣ огромнаго богатства, но пользуясь имъ благоразумно и щедро, онъ достигъ того, что показался сначала самъ себѣ, а потомъ

и другимъ не недостойнымъ царства. А когда онъ въ одномъ сраженіи побѣдилъ Галловъ, народъ въ то время только что прибывшій въ Азію и тѣмъ болѣе казавшійся страшнымъ, онъ принялъ титулъ царя, и постоянно былъ въ уровень величію званія величіемъ духа. Съ величайшею справедливостью онъ правилъ своими подданными; въ отношеніи къ союзникамъ оказывалъ крайнюю вѣрность своему слову. Онъ былъ ласковъ къ женѣ и дѣтямъ, которые его пережили; щедръ и обходителенъ къ друзьямъ. Онъ оставилъ власть царскую до того упроченною и твердою, что она достигла въ его родѣ третьяго поколѣнія. Между тѣмъ какъ таково было положеніе дѣлъ въ Азіи, Греціи и Македоніи, едва только приведена была къ концу война съ Филиппомъ, миръ же не былъ еще заключенъ навѣрное, началась сильная война въ дальней Испаніи. М. Гельвій управлялъ этою провинціею; онъ письмомъ извѣстилъ сенатъ: «что царьки Колхасъ и Лусцинъ взялись за оружіе; вмѣстѣ съ Колхасомъ семьнадцать городовъ, а съ Лусциномъ сильные города Кармонъ и Бардонъ. По берегамъ моря возстали Малацины, Сексетаны и вся Бэтурія; да и которые народы еще не обнажили оружія, не замедлятъ послѣдовать примѣру своихъ сосѣдей.» Когда письма эти были прочитаны преторомъ М. Сергіемъ, которому принадлежали судъ и расправа надъ гражданами, то сенатъ опредѣлилъ — по окончаніи преторскихъ выборовъ, тотъ преторъ, которому достанется провинціею Испанія, долженъ немедленно доложить сенату о войнѣ съ Испаніею.

22. Около этого же времени консулы прибыли въ Римъ. Когда они, созвавъ сенатъ въ храмъ Беллоны, требовали почестей тріумфа за удачныя свои дѣйствія на войнѣ, то трибуны народные, К. Атиній Лабеонъ и К. Афраній, настаивали, чтобы консулы порознь толковали о тріумфѣ: «общій же докладъ объ этомъ дѣлѣ они не позволятъ, для того, чтобы не одна и таже честь была неравнымъ заслугамъ.» — К. Минуцій на это говорилъ, что и тому и другому изъ консуловъ Италія досталась провинціею, что, по одному плану и съ общаго совѣта, велъ онъ и его товарищъ военныя дѣйствія; а К. Корнелій съ своей стороны прибавилъ къ этому, что когда Боіи переходили рѣку По съ тѣмъ, чтобы подать помощь Инсубрамъ и Ценоманамъ, тогда товарищъ его, опустошивъ ихъ поля и села, заставилъ вернуться для обороны своихъ жилищъ. Трибуны признавались: «что К. Корнелій совершилъ такіе подвиги на войнѣ, что сомнѣваться въ его тріумфѣ было бы все тоже, что сомнѣваться въ томъ, слѣдуетъ ли воздать честь богамъ безсмертнымъ. Впрочемъ, ни онъ Корнелій, и вообще ни одинъ изъ гражданъ, не можетъ имѣть столько вліянія и силы, чтобы, требуя для себя заслуженнаго тріумфа, настаивать на оказаніи той же самой почести своему товарищу, который имѣетъ довольно безстыдства просить объ этомъ. К. Минуцій въ землѣ Лигуровъ далъ нѣсколько незначительныхъ сраженій, которыя едва стоютъ упоминанія, а въ Галліи потерялъ значительное число воиновъ.» Называли они именно военныхъ трибуновъ Т. Ювенція и Кн. Лигурія, четвертаго легіона, которые пали въ неудачномъ сраженіи вмѣстѣ со многими другими храбрыми воинами изъ гражданъ и союзниковъ. «Что же касается до изъявленной будто бы немногими городами и селами покорности, то она ложная и на время притворная, такъ какъ не взято никакого залога въ покорности.» Въ такихъ состязаніяхъ между консулами и трибунами прошли два дни и, уступая упорству трибуновъ, консулы доложили отдѣльно.

23. К. Корнелію съ общаго согласія опредѣленъ тріумфъ. Плацентины и Кремоненцы увеличили расположеніе къ консулу— благодаря его и припоминая, что онъ ихъ избавилъ отъ осады; а еще болѣе, что онъ многихъ, находившихся во власти непріятелей, освободилъ отъ рабства. К. Минуцій попытался было и о себѣ доложить, но, видя противъ себя весь сенатъ, объявилъ, что будетъ тріумфовать на Албанской горѣ и по праву консульской власти, и по примѣру многихъ славныхъ мужей. К. Корнелій въ отправленіи должности тріумфовалъ надъ Инсубрами и Ценоманами. Онъ внесъ много военныхъ значковъ; много перевезъ Галльской добычи на отбитыхъ у нихъ телѣ-

гахъ. Впереди колесницы вели не мало знатныхъ Галловъ, и тутъ же, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, находился Гамилькаръ, вождь Карѳагенянъ. Всего же болѣе обращала на себя глаза зрителей толпа поселенцевъ, въ острыхъ шапкахъ, изъ Кремоны и Плацентія, слѣдовавшихъ за колесницею. При этомъ торжествѣ несли двѣсти тридцать семь тысячь пятьсотъ фунтовъ мѣди и семьдесятъ девять тысячь серебра въ монетѣ. По семидесяти ассъ роздалъ каждому воину; всаднику же и сотнику вдвое. К. Минуцій консулъ торжествовалъ надъ Лигурами и Бойями (Галлами) на горѣ Албанской. Тріумфъ этотъ былъ менѣе почетенъ и мѣстомъ, и молвою о совершенныхъ дѣяніяхъ и вслѣдствіе знанія всѣхъ, что расходъ на этотъ тріумфъ дѣлается не на счетъ казначейства; но количествомъ значковъ, повозокъ и добычи онъ почти равнялся съ первымъ. Да и денегъ была почти одинаковая сумма: мѣди перенесено 254 тысячи фунтовъ, серебра въ монетѣ пятьдесятъ три тысячи двѣсти. Воинамъ, сотникамъ и всадникамъ далъ консулъ по стольку же денегъ на каждаго, по скольку далъ и его товарищъ.

24. Вслѣдъ за тріумфомъ произведены консульскіе выборы; назначены консулами Л. Фурій Пурпурео и М. Клавдій Марцеллъ. На другой день избраны преторы: К. Фабій Бутео, Ти. Семпроній Лонгъ, К. Минуцій Термъ, М. Ацилій Глабріо, Л. Апустій Фулло, К. Лелій. Въ концѣ этого года пришло письмо отъ Т. Квинкція о томъ, что онъ въ Ѳессаліи сразился съ царемъ Филиппомъ въ правильномъ бою, и что войско непріятельское разбито и обращено въ бѣгство. Письмо это прочитано сначала въ сенатѣ преторомъ Сергіемъ, потомъ сенатъ распорядился прочитать его въ народномъ собраніи. По случаю такихъ счастливыхъ событій объявлено молебствіе на пять дней. Скоро потомъ прибыли послы и отъ Т. Квинкція и отъ царя Филиппа. Македоняне выведены за городъ въ общественный домъ; тамъ имъ даны квартира и угощеніе; въ храмѣ Беллоны собрался для нихъ сенатъ. Тутъ немного потрачено словъ, такъ какъ Македоняне объявили согласіе царя на все, что опредѣлитъ сенатъ. Назначены, по обычаю предковъ,

десять пословъ съ тѣмъ, чтобы по ихъ совѣту начальникъ войскъ Т. Квинкцій предписалъ Филиппу условія мира. Присоединено къ этому также, чтобы въ числѣ пословъ находились П. Сульпицій и П. Виллій, такъ какъ они, въ бытность консулами, завѣдывали Македоніею. Въ этотъ день, по требованію Козанъ объ увеличеніи числа поселенцевъ, положено записать ихъ тысячу, съ тѣмъ только, чтобы въ этомъ числѣ не было никого изъ тѣхъ, которые послѣ консуловъ П. Корнелія и Тиб. Семпронія были непріятелями.

25. Въ этомъ году Римскія игры, какъ въ циркѣ, такъ и на сценѣ, были даны, курульными эдилями, П. Корнеліемъ Сципіономъ и Кн. Манліемъ Вульсономъ, и притомъ съ большею пышностью, чѣмъ когда либо прежде. Съ большимъ удовольствіемъ смотрѣли на нихъ граждане вслѣдствіе удачныхъ дѣйствій на войнѣ. Эти игры въ полномъ своемъ составѣ были повторены три раза, а плебейскія семь разъ. М. Ацилій Глабріо и К. Лэлій дали эти игры; а на штрафныя деньги они поставили три мѣдныя статуи Цереры, Либера и Либеры. По вступленіи Л. Фурія и М. Клавдія Марцелла въ отправленіе консульской должности, началось совѣщаніе о распредѣленіи провинцій. Сенатъ опредѣлялъ и тому, и другому консулу провинціею Италію, а консулы домогались, чтобы и о Македоніи, вмѣстѣ съ Италіею, бросить жребій. Марцеллъ, усиливаясь имѣть эту провинцію, говорилъ, что миръ съ Македоніею обманчивъ и ненадеженъ, что лишь только выведутъ оттуда войско, царь снова возмется за оружіе. Отъ такихъ словъ сенаторы оставались въ нерѣшимости. И можетъ быть консулы поставили бы на своемъ, если бы не, трибуны народные, К. Марцій Рексъ и К. Атиній Лабеонъ, объявившіе, что они остановятъ это дѣло, если прежде консулы не спросятъ народъ—утвердитъ ли онъ быть миру съ царемъ Филиппомъ. Это предложеніе народу сдѣлано въ Капитоліѣ; всѣ тридцать пять трибъ, по мѣрѣ того, какъ были спрашиваемы, утвердили миръ. Удовольствіе народа о томъ, что миръ съ Македоніею упроченъ, увеличилось вслѣдствіе непріятныхъ вѣстей изъ Испаніи. Обнародованы получен-

ныя оттуда письма о томъ: «что К. Семпроній Тудитанъ проконсулъ потерпѣлъ пораженіе въ ближней Испаніи; войско его разбито на голову и обращено въ бѣгство; много знатныхъ людей пало на полѣ битвы. Тудитанъ унесенъ изъ боя съ тяжелою ранoю и вскорѣ за тѣмъ умеръ.» Обоимъ консуламъ опредѣлена провинціею Италія съ тѣми легіонами, которые находились у прежнихъ консуловъ; сверхъ того они должны были набрать четыре новыхъ: два для города Рима, а два для посылки туда, куда заблагоразсудитъ сенатъ. Т. Квинкцію Фламинину приказано съ тѣмъ же войскомъ, что и прежде, съ двумя легіонами, занимать провинцію; относительно продолженія ему власти показалось достаточнымъ прежде уже на этотъ предметъ сдѣланнаго распоряженія.

26. Вслѣдъ за тѣмъ между преторами распредѣлены по жребію провинціи: Л. Апустію Фуллону досталось управленіе городомъ (Римомъ); М. Ацилію Глабріону судъ между гражданами и чужестранцами; К. Фабію Бутео дальняя Испанія, К. Минуцію Терму—ближняя; К. Лелію—Сицилія, Т. Семпронію Лонгу—Сардинія. Сенатъ опредѣлилъ, чтобы консулы изъ четырехъ легіоновъ, которые они сформировали, отдали по одному, какому заблагоразсудятъ—К. Фабію Бутео и К. Минуцію, получившимъ въ управленіе провинцію Испанію; сверхъ того, изъ союзниковъ и народовъ Латинскаго наименованія, по четыре тысячи пѣшихъ и по триста всадниковъ. Фабію и Минуцію приказано какъ можно скорѣе отправиться въ свои провинціи. Война въ Испаніи возгорѣлась на пятый годъ послѣ того, какъ она окончилась было вмѣстѣ съ Пуническою войною. Прежде чѣмъ эти преторы отправились на войну почти новую (небывалую), такъ какъ тутъ Испанцы въ первый разъ взялись за оружіе сами по себѣ, безъ участія вождя или войска Пуническаго, или прежде чѣмъ сами консулы выступятъ изъ города, они получили повелѣніе отъ сената по обычаю озаботиться чудесными явленіями, о которыхъ получено извѣстіе. П. Виллій, Римскій всадникъ, отправляясь въ землю Сабиновъ, дорогою убитъ молніею вмѣстѣ съ лошадью; храмъ Феровіи въ Ка-

пенатѣ, тронутъ небеснымъ огнемъ. У храма Монеты горѣли огнемъ оконечности двухъ копій. Волкъ, войдя въ городъ черезъ Эсквилинскія ворота, пробѣжалъ по самой многолюдной его части на форумъ, по Тусской улицѣ, а потомъ по Гермалской, почти нетронутый, убѣжалъ въ Капенатскія ворота. Вслѣдствіе этихъ чудесныхъ явленій принесены большія жертвы.

27. Въ теченіи этихъ же дней Кн. Корнелій Лентуллъ, который до Семпронія Тудитана управлялъ ближнею Испаніею, вступилъ въ городъ съ почестями малаго тріумфа (оваціи) вслѣдствіе сенатскаго декрета. Передъ нимъ несли золота тысячу пятьсотъ пятнадцать фунтовъ, серебра двадцать тысячъ фунтовъ, чеканеннаго тридцать четыре тысячи пятьсотъ денаріевъ. Л. Стертиній, изъ дальней Испаніи, и не пробовалъ даже добиваться почестей тріумфа, а внесъ въ казначейство пятьдесятъ тысячъ фунтовъ серебра; на деньги, вырученныя отъ продажи плѣнныхъ, онъ устроилъ двѣ тріумфальныхъ арки на Говяжьемъ рынкѣ передъ храмами Фортуны и матери Матуты, а одну на большомъ циркѣ; на эти арки онъ поставилъ позолоченныя статуи. Вотъ все почти, что происходило въ теченіи зимы. Въ это время зимовалъ въ Елатіи Т. Квинкцій; съ многими къ нему просьбами обращались союзники; Бэотійцы просили, и получили то, чтобы ихъ соотечественники, находившіеся въ войскахъ царя Филиппа, были имъ возвращены. Квинкцій охотно на это согласился не потому, чтобы онъ считалъ Беотійцевъ вполнѣ достойными этой милости, а такъ какъ дѣйствія царя Антіоха начали становиться подозрительными, то и нужно было заискать расположеніе Римлянамъ въ городахъ Греческихъ. Но лишь только исполнена была эта просьба Беотійцевъ, тотчасъ обнаружилось, что Римляне нисколько не снискали такимъ дѣйствіемъ ихъ расположенія. Беотійцы отправили пословъ къ царю Филиппу благодарить его за возвращеніе ихъ соотечественниковъ, какъ будто они тѣмъ обязаны были ему, а не Квинкцію и Римлянамъ. На ближайшихъ выборахъ старѣйшиною (Боетархомъ) назначили они какого то Брахилла потому только, что онъ былъ начальникомъ Беотійцевъ,

сражавшихся подъ знаменами царя Филиппа, а обошли выборомъ Зевксиппа и Пизистрата и другихъ лицъ, виновниковъ союза съ Римлянами. Оскорбились они этимъ и въ настоящемъ, а еще болѣе стали опасаться за будущее: если совершались такія дѣйствія тогда, когда войско Римское расположено было почти у вратъ городскихъ, то что же будетъ, когда Римляне удалятся въ Италію? Филиппъ же, находясь близко, будетъ въ состояніи помогать своимъ союзникамъ, а тѣмъ, которые держались противной стороны, вредить.

28. Положили, пока еще Римскія войска находятся вблизи, извести Брахилла, стоявшаго во главѣ приверженцевъ царя Филиппа. Они нашли для этого удобный случай, когда Брахиллъ возвращался домой съ общественнаго пиршества пьяный, въ сопровожденіи людей изнѣженныхъ, которые для потѣхи находились на знаменитомъ пиршествѣ; шесть вооруженныхъ людей, изъ которыхъ три Италіанца и три Этола окружили Брахилла и убили его. Сопровождавшіе Брахилла разбѣжались; стали дѣлать поиски; по всему городу сдѣлалась тревога и бѣгали съ факелами. Убійцы ушли въ ближайшія городскія ворота. На разсвѣтѣ въ театръ собралось огромное число гражданъ, какъ будто по полученному прежде извѣщенію или по призыву герольда. Явно толковали, что Брахиллъ убитъ сопровождавшими его подозрительной нравственности людьми, въ душѣ же считали Зевксиппа виновникомъ убійства. На первый разъ положено: схватить тѣхъ, которые были вмѣстѣ съ Брахилломъ и допросить ихъ. Пока ихъ отыскивали, Зевксиппъ, смѣло, съ твердостью, явясь въ собраніе съ цѣлью отклонить отъ себя подозрѣніе въ преступленіи, сталъ говорить, что граждане находятся въ заблужденіи, приписывая это ужасное злодѣйство тѣмъ, которыхъ и мущинами то можно назвать только въ половину. Много правдоподобнаго приводилъ онъ въ доказательство своего мнѣнія; такъ дѣйствуя, успѣлъ онъ убѣдить нѣкоторыхъ, что будь онъ соучастникомъ убійства, никогда не явился бы онъ передъ собраніе гражданъ и не сталъ бы первый разсуждать объ убійствѣ, тогда какъ его никто не

трогалъ. Другіе же не сомнѣвались, что дерзость Зевксиппа, коснуться самому вопроса о преступленіи, условлена необходимостью отвести отъ себя подозрѣніе. Спустя немного невинные, будучи преданы пыткѣ, сами не зная ничего, но, выражая тѣмъ общее убѣжденіе, наименовали Зевксиппа и Пизистрата, не представивъ впрочемъ никакого доказательства тому, чтобы это ихъ показаніе было на чемъ нибудь основано. Впрочемъ, Зевксиппъ съ какимъ то Стратонидомъ ночью бѣжалъ въ Танагру, уличаемый болѣе своею совѣстью, чѣмъ показаніями людей, несознавшихъ хорошенько ничего. Пизистратъ же, пренебрегши совершенно этими показаніями, остался въ Ѳивахъ. У Зевксиппа былъ служитель, посредникъ и исполнитель всего этого дѣла. Пизистратъ опасался только его доноса, но самимъ этимъ опасеніемъ подалъ поводъ къ доносу. Онъ послалъ письмо къ Зевксиппу: «необходимо извести служителя, которому все извѣстно; по крайней мѣрѣ ему кажется, что совершить дѣло онъ способнѣе, чѣмъ скрывать его.» Пизистратъ, отдавая письмо посланному, приказалъ ему вручить его Зевксиппу какъ можно скорѣе; тотъ, не имѣя возможности немедленно видѣть Зевксиппа, отдалъ письмо самому этому служителю, котораго считалъ изо всѣхъ вѣрнѣйшимъ своему господину, и присовокупилъ еще, что Пизистратъ пишетъ о весьма важномъ для Зевксиппа дѣлѣ. Пораженный совѣстью, служитель обѣщался немедленно передать письмо, а самъ его распечаталъ и прочитавъ, въ испугѣ убѣжалъ въ Ѳивы, и сдѣлалъ показаніе начальству. Зевксиппъ, встревоженный бѣгствомъ своего раба, удалился въ Антедонъ, считая это мѣсто безопаснѣе для ссылки. Пизистратъ, и другіе его соучастники, подвергнуты допросамъ и пыткѣ, и потомъ казнены.

29. Убійство Брахилла возбудило въ Ѳивянахъ и Беотійцахъ неукротимую ненависть къ Римлянамъ; они были того убѣжденія, что старѣйшина ихъ, Зевксиппъ, рѣшился на это преступленіе не безъ совѣта главнаго вождя Римлянъ. Возобновить войну не было у нихъ ни силъ, ни вождя. Они обратились къ разбою, который близко граничитъ съ войною: они ловили Римскихъ

воиновъ однихъ на квартирахъ, другихъ, когда они, находясь на зимовкѣ, расходились для доставленія себѣ нужныхъ вещей. Нѣкоторые воины погибали на самой дорогѣ въ мѣстахъ, удобныхъ для засады и хорошо извѣстныхъ злоумышленникамъ, другіе подвергались тойже участи, бывъ заведены обманомъ въ оставленныя жителями хижины. Наконецъ преступленія стали совершаться не только вслѣдствіе ненависти, но и жадности къ добычѣ, такъ какъ воины, отправляясь за покупками нужныхъ имъ припасовъ, имѣли при себѣ въ поясахъ деньги. Сначала немного воиновъ пропадало безъ вѣсти, потомъ число ихъ все увеличивалось, и на всю Беотію пала самая худая слава: воины стали выходить изъ лагеря съ большимъ опасеніемъ, чѣмъ въ непріятельской землѣ. Тогда Квинкцій разослалъ по городамъ своихъ помощниковъ произвести изслѣдованіе о такихъ разбойническихъ дѣйствіяхъ. Открыто, что большая часть убійствъ совершена около Копаидскаго болота; тамъ вырыты изъ грязи и вытащены изъ воды трупы Римскихъ воиновъ съ привязанными къ нимъ камнями и кувшинами для того, чтобы они глубже уходили. Найдено также, что много убійствъ совершено въ Акрефіи и Коронеѣ. Квинкцій приказалъ Беотійцамъ во первыхъ выдать себѣ виновныхъ, и во вторыхъ за пятьсотъ воиновъ (столько именно было перехвачено) заплатить пятьсотъ талантовъ. Ни того, ни другого они неисполнили; только правительства городовъ оправдывались на словахъ, что преступленія эти совершены безъ вѣдома общественнаго. Квинкцій отправилъ въ Аѳины и Ахаію пословъ — засвидѣтельствовать союзникамъ, что война, которую онъ начнетъ съ Беотійцами справедлива и законна, онъ отдалъ приказаніе Ап. Клавдію съ частью войскъ идти въ Акрефію, а самъ съ другою частью осадилъ Коронею; поля, по которымъ двигались отъ Елатіи двумя колоннами полки Римскіе, преданы опустошенію. Беотійцы, пораженные такою бѣдою, такъ какъ ужасъ и бѣгство господствовали повсюду, отправили пословъ къ Квинкцію. Ихъ не допускали даже въ лагерь; тутъ подошли Ахейцы и Аѳиняне. Заступленіе и мольбы Ахейцевъ были для Беотійцевъ полезнѣе, такъ какъ Ахейцы объявили, что они рѣшили, если имъ не удастся выхлопотать миръ для Беотійцевъ, вмѣстѣ съ ними вести войну. Черезъ посредство Ахейцевъ была предоставлена Беотійцамъ возможность видѣть Римскаго вождя и переговорить съ нимъ: приказано выдать виновныхъ, и въ видѣ пени заплатить тридцать талантовъ. На этихъ условіяхъ данъ имъ миръ, и военныя дѣйствія прекращены.

30. Спустя немного дней, изъ Рима пришли десять пословъ: съ ихъ совѣта данъ миръ царю Филиппу на слѣдующихъ условіяхъ: «всѣмъ Греческимъ городамъ, находящимся какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи, пользоваться свободою и своими собственными законами; изъ тѣхъ, городовъ, которые находились подъ властью Филиппа, онъ долженъ вывести свои гарнизоны и, такимъ образомъ очищенные, города передать Римлянамъ прежде наступленія Истмійскихъ (игръ). Вывести гарнизоны долженъ былъ Филиппъ и изъ городовъ, находившихся въ Азіи, а именно изъ Еврома, Педазій, Баргилій, Ясса, Мирина, Абидоса, Тазоса и Перинѳа, такъ какъ положено и этимъ городамъ быть свободными. Относительно свободы Кіанійцевъ, Квинкцій напишетъ къ Прузію, царю Виѳинцевъ, о волѣ на этотъ предметъ сената и десяти пословъ. Плѣнныхъ и перебѣжчиковъ Филиппъ долженъ былъ выдать Римлянамъ, а также передать имъ всѣ палубныя суда, кромѣ пяти, и одного царскаго корабля, такой величины, которая дѣлала его почти неспособнымъ для движенія (въ немъ находилось шестнадцать рядовъ веселъ). Не имѣть Филиппу болѣе пяти тысячъ вооруженныхъ воиновъ и ни одного слона. Войну внѣ предѣловъ Македоніи не дозволяется ему вести безъ разрѣшенія сената. Филиппъ долженъ былъ заплатить народу Римскому тысячу талантовъ: половину тотчасъ же, а половину въ продолженіи десяти лѣтъ по ровнымъ частямъ.» Валерій Антіасъ говоритъ, что царю положена ежегодная дань, на десять лѣтъ, по четыре тысячи фунтовъ серебра. А по словамъ Клавдія разсрочено на года тридцать четыре тысячи двѣсти фунтовъ, а положено немедленно заплатить двадцать тысячъ фунтовъ. Онъ же

пишетъ, что именно въ условіяхъ было сказано: Филиппу не вести войны съ Евменомъ, сыномъ Аттала (онъ только что началъ въ то время царствовать). На этихъ условіяхъ взяты заложники, и въ томъ числѣ Деметрій, сынъ Филиппа. Валерій Антіасъ присовокупляетъ, что отсутствующему Атталу даны въ даръ островъ Егина и слоны, Родосцамъ—Стратоникія и другіе города Каріи, какіе только находились во власти Филиппа. Аѳинянамъ даны острова: Паросъ, Имбросъ, Делосъ и Скиросъ.

31. Всѣ города Греціи одобрили этотъ миръ; только одни Этолы тайно роптали на распоряженія десяти пословъ и говорили: «пустыя слова, прикрытыя одною мнимою наружностью свободы. Почему же одни города передаются Римлянамъ, и они не поименовываются, а другіе поименованы, и имъ велѣно быть свободными безъ этой передачи. Освобождаются только тѣ города, которые въ Азіи, между тѣмъ какъ они безопасны именно по самой отдаленности; а города, которые въ Греціи и не будучи поименованы, между тѣмъ удержаны: Коринѳъ, Халкида, Орей, вмѣстѣ съ Еретріею и Деметріадою». Это обвиненіе было не вовсе безосновательное. Относительно Коринѳа, Халкиды и Деметріады было сомнѣніе, потому что въ сенатскомъ опредѣленіи, которымъ отправлены изъ Рима десять пословъ, прочіе города Греціи и Азіи прямо освобождены; относительно же вышепоименованныхъ трехъ городовъ, посламъ предоставлено распорядиться такъ, какъ укажутъ государственныя пользы и ихъ собственное убѣжденіе. Опасались царя Антіоха, о которомъ не сомнѣвались, что онъ имѣетъ для этого достаточно силъ; и не хотѣли, чтобы ему легко доступны были города, столь важные по своему положенію. Оставивъ Елацію, Квинкцій съ десятью послами переправился въ Антициру, и потомъ въ Коринѳъ. Тамъ десять пословъ цѣлые дни проводили въ обсуживаніи предположеній относительно освобожденія Греціи. Квинкцій съ своей стороны говорилъ: «необходимо освободить всю Грецію для того, чтобы не давать пищи языкамъ Этолійцевъ, и если только хотятъ вселить уваженіе и любовь къ имени Римлянъ у всѣхъ народовъ; если только Римляне хотятъ доказать, что они переплыли море дѣйствительно для освобожденія Греціи, а не для того только, чтобы господство отъ Филиппа перенести къ себѣ». Прочіе на это, относительно свободы городовъ, ничего не возражали, а говорили только, что для самихъ этихъ городовъ безопаснѣе оставаться нѣкоторое время подъ защитою гарнизона Римскаго, чѣмъ имѣть себѣ повелителемъ Антіоха вмѣсто Филиппа». Наконецъ опредѣлено такъ: Коринѳъ возвращается Ахейцамъ съ тѣмъ только, чтобы гарнизонъ оставался въ Акрокоринѳѣ, а Халкиду и Деметріаду Римляне удерживаютъ за собою, пока не минуетъ опасность со стороны Антіоха.

32. Наступило время, назначенное для игръ Истмійскихъ: постоянно и прежде стекалось сюда множество людей, какъ по врожденной у этого народа охотѣ до всякихъ зрѣлищъ, съ какою смотритъ онъ на состязанія всякаго рода въ искусствѣ, силѣ и ловкости; такъ по удобному положенію мѣстности. Находясь между двухъ разныхъ морей, представляя самый удобный рынокъ всякаго рода предметовъ, это мѣсто сдѣлалось сборнымъ пунктомъ для всего рода человѣческаго, и торжищемъ Азіи и Греціи. А въ это время стекались со всѣхъ сторонъ не по принятому только обычаю, но волнуемые ожиданіемъ, какое будетъ впередъ положеніе Греціи и какая ожидаетъ ее участь. Не только каждый самъ съ собою размышлялъ объ этомъ, но и не мало толковали объ этомъ на словахъ. Никто почти не думалъ, чтобы Римляне побѣдители могли очистить всю Грецію. Заняли мѣста на играхъ; герольдъ съ трубою вышелъ по обыкновенію на середину арены, гдѣ, по заведенному обычаю, открывались игры торжественнымъ гимномъ, и звукомъ трубы подавъ знакъ къ молчанію, провозгласилъ слѣдующее: сенатъ Римскій и Т. Квинкцій императоръ, побѣдивъ царя Филиппа и Македонянъ, повелѣваютъ быть свободными, независимыми и управляться своими законами—Коринѳянамъ, Фокійцамъ, всѣмъ Локрамъ, острову Евбеѣ, Магнетамъ, Ѳессалійцамъ, Перребамъ, Ахейцамъ, Фѳіотамъ». Онъ перечислилъ всѣ народы, которые были подъ властью царя Филиппа. По выслушаніи

словъ герольда, радость присутствовавшихъ превосходила всякую мѣру, какою обыкновенно выражается это чувство въ людяхъ. Каждый почти не довѣрялъ своему слуху: одни на другихъ смотрѣли съ удивленіемъ, какъ будто бы не вѣря сами себѣ, не пустое ли это сонное видѣніе. По мѣрѣ того какъ это кого либо касалось, онъ недовѣряя своему слуху, спрашивалъ сосѣдей. Снова былъ позванъ герольдъ, такъ какъ каждый желалъ не только слышать, но и видѣть вѣстника своего освобожденія; онъ опять повторилъ тоже, что и прежде. Тутъ когда убѣдились всѣ въ основательности своей радости, поднялись такіе крики и рукоплесканія, и повторялись несчетное число разъ, какъ доказательство—что для народа нѣтъ выше блага, свободы. Потомъ самыя игры отпразднованы весьма поспѣшно: и вниманіе, и мысли всѣхъ обращены были не на зрѣлище. Одно чувства радости пересиливало наклонность ко всякаго рода другимъ наслажденіямъ чувствъ.

33. По окончаніи игръ почти всѣ бѣгомъ устремились къ вождю Римскому: всѣ столпились къ нему, желая его видѣть, коснуться его руки, бросить на него вѣнки и ленты, до того что въ такой толпѣ онъ былъ близокъ къ опасности. Но ему едва исполнилось тридцать три года; сила молодости и радость отъ столь блестящаго плода его славы—придавали ему крѣпость. И не только велико было въ ту минуту выраженіе восторга всѣхъ; въ продолженіи многихъ дней не прекращались разсужденія и толки, выражавшіе благодарность: «есть же на землѣ народъ, который, не щадя собственныхъ издержекъ, трудовъ и опасностей ведетъ войну за освобожденіе другихъ. И притомъ онъ это дѣлаетъ не для народовъ сосѣднихъ, или близкихъ, или связанныхъ съ нимъ условіями мѣстности; но онъ моря переплываетъ для того, чтобы на всемъ земномъ шарѣ не было несправедливаго господства, и для того, чтобы вездѣ имѣли силу—право, честь, законъ. Голосомъ одного герольда освобождены всѣ города Греціи и Азіи. Смѣлаго ума дѣло даже помыслить объ этомъ, а для того, чтобы привесть въ исполненіе, нужно и доблесть, и счастіе огромное.

34. По окончаніи Истмійскихъ празднествъ, Квинкцій и десять пословъ принимали посольства царей, народовъ и городовъ. Прежде всѣхъ призваны были послы царя Антіоха. Когда они, почти также какъ въ Римѣ, расточали одни слова, не подтвержденные дѣломъ, то имъ уже, не двумысленно какъ прежде, когда еще положеніе дѣлъ было сомнительно и царь Филиппъ не былъ побѣжденъ, но прямо и положительно объявлено, чтобы онъ очистилъ города Азіи, которые принадлежали царемъ какъ Филиппу, такъ и Птоломею, чтобы онъ оставилъ въ покоѣ вольные города и никогда не затрогивалъ бы ихъ оружіемъ; всѣ города Греціи, гдѣ бы ни находились, должны пользоваться миромъ и свободою. Особенно ему внушено, чтобы онъ ни самъ ни переходилъ въ Европу, ни войскъ своихъ не пересылалъ. Когда отпущены были послы царя, то открыто собраніе представителей народовъ и городовъ; на немъ дѣла рѣшались тѣмъ основательнѣе, что декретъ десяти пословъ касался поименно каждаго города. Орестинамъ (это народъ Македонскій) возвращено самоуправленіе ихъ законами, за то, что они первые отпали отъ царя Филиппа. Магнеты, Перребы и Долопы также объявлены свободными. Ѳессалійскому народу, кромѣ правъ свободы уже дарованныхъ, даны Ахейцы Ѳтіоты, только за исключеніемъ Ѳивъ Ѳтіотійскихъ и Фарсала. Когда Этолы стали просить возвращенія Фарсала и Левкадъ, въ силу союзнаго договора, то они отосланы къ сенату. Фокейцы и Локрійцы оставлены въ прежнемъ положеніи, что и скрѣплено силою декрета. Коринѳъ, и Трифиллія, и Герея (городъ этотъ находится въ Пелопонесѣ) возвращены Ахейцамъ. Орей и Еретрію десять пословъ давали Евмену царю, сыну Аттала. Квинкцій несоглашался, а потому рѣшеніе одного этого вопроса предоставлено благоусмотрѣнію сената. Сенатъ далъ свободу этимъ городамъ, присоединивъ сюда и Каристъ. Плеврату даны Лихнидъ и Парѳины: оба народа Иллирійцевъ были подъ властью Филиппа. Относительно Аминандра, ему дозволено удержать у себя тѣ укрѣпленныя мѣста, которыя онъ во время войны отнялъ у Филиппа.

35. Распустивъ собраніе, десять пословъ, распредѣливъ между собою обязанности, отправились для освобожденія городовъ каждый своего участка: П. Лентуллъ въ Баргиліи, Л. Стертиній въ Гефестію, Фазосъ и Фракійскіе города, П. Виллій и Л. Терентій къ царю Антіоху, Кн. Корнелій къ Филиппу. Корнелій, передавъ царю предложенія относительно предметовъ второстепенной важности, спросилъ его: можетъ ли онъ выслушать совѣтъ не только полезный, но даже спасительный? Когда царь отвѣчалъ на это, что онъ будетъ ему очень благодаренъ, если онъ скажетъ ему что-либо для него полезное; Корнелій ему посовѣтовалъ теперь, когда онъ получилъ міръ, отправить въ Римъ пословъ просить союза и дружбы, для того чтобы не подумали, что онъ, Филиппъ, дожидается — не будетъ ли какого движенія со стороны Антіоха и ищетъ благопріятнаго стеченія обстоятельствъ для возобновленія военныхъ дѣйствій. Свиданіе съ Филиппомъ было у Фессалійскихъ Темпъ. Получивъ отъ царя отвѣтъ, что онъ немедленно отправитъ пословъ, Корнелій прибылъ въ Ѳермопилы, гдѣ въ положенные дни бывалъ обыкновенно многолюдный съѣздъ (Пилейскимъ — онъ называется) представителей Греціи. Особенно убѣждалъ онъ Этоловъ, чтобы они постоянными и вѣрными пребывали въ чувствахъ пріязни къ народу Римскому. Старѣйшины Этоловъ одни ласково жаловались, что народъ Римскій уже не въ томъ расположеніи духа, въ какомъ былъ, пока продолжалась война; другіе болѣе рѣзко обвиняли Римлянъ и упрекали ихъ: «что они, безъ содѣйствія Этоловъ, не могли бы ни побѣдить Филиппа, ни даже перейдти въ Грецію.» Желая положить конецъ этимъ жалобамъ, которые моглибы принять видъ открытаго спора при его противудѣйствіи, Корнелій сказалъ Этоламъ: «если только они отправятъ пословъ въ Римъ, то получатъ удовлетвореніе во всѣхъ своихъ справедливыхъ требованіяхъ.» Вслѣдствіе этого, опредѣлено—отправить пословъ; такой конецъ имѣла война съ Филиппомъ.

36. Между тѣмъ какъ это происходило въ Греціи, Македоніи и Азіи, Етрурія сдѣлалась почти вся враждебною, вслѣдствіе возстанія рабовъ. Для слѣдствія по этому предмету, и для усмиренія возстанія, отправленъ преторъ М. Ацилій, которому досталось по жеребью право суда между иностранцами и гражданами, съ однимъ изъ двухъ городскихъ легіоновъ. Однихъ, уже собравшихся вмѣстѣ, онъ побѣдилъ въ открытомъ бою; изъ нихъ много убито и не мало попало въ плѣнъ; другихъ, особенно зачинщиковъ заговора, наказавъ розгами, распялъ на крестахъ, а остальныхъ возвратилъ ихъ владѣльцамъ. Консулы отправились въ провинціи. Марцеллъ вошелъ въ предѣлы Боіевъ, но когда воины, утомленные переходомъ, продолжавшимся цѣлый день, стали располагаться лагеремъ на возвышеніи, нѣкто Короламъ, царекъ Боіевъ, съ большимъ отрядомъ, напалъ на нихъ и избилъ до трехъ тысячь человѣкъ. Нѣсколько знаменитыхъ мужей пало въ этомъ сраженіи, бывъ захвачены въ расплохъ; въ томъ числѣ префекты союзниковъ: Т. Семпроній Гракхъ и М. Юній Силанъ, а также и военные трибуны изъ втораго легіона М. Огульній и П. Клавдій. Впрочемъ, Римляне дѣятельно укрѣпили и удержали за собою лагерь, хотя непріятели, возгордясь удачною схваткою, безъ успѣха аттаковали было самый лагерь. На этомъ мѣстѣ Марцелъ оставался въ продолженіи нѣсколькихъ дней, пока заботился и о раненыхъ, и давалъ умамъ воиновъ оправиться послѣ испытаннаго ими ужаса. Боіи — народъ менѣе всего способный переносить скуку ожиданія, разошлись въ разныя стороны по своимъ укрѣпленіямъ и селамъ. Марцеллъ, переправясь поспѣшно черезъ рѣку По, повелъ легіоны въ Комское поле, гдѣ стояли лагеремъ Инсубры, пригласивъ и Коменцевъ къ возстанію. Галлы, ободренные недавнимъ успѣхомъ Боіевъ, напали на Римлянъ во время самого ихъ движенія; первый натискъ былъ такъ силенъ, что передніе ряды Римлянъ подались было. Примѣтивъ это, Марцеллъ, опасаясь, чтобы это начало отступленія необратилось въ настоящее бѣгство, противуставивъ непріятелю когорту Марсовъ и выслалъ эскадроны Латинской конницы противъ непріятеля. Когда повторенный натискъ ея отбилъ, далеко заносившагося впередъ, непріятеля, оправились

и прочіе ряды Римлянъ, и сначала оказали упорное сопротивленіе, а потомъ стали дѣйствовать и наступательно съ большою силою. Галлы не выдержали дальнѣйшей борьбы и обратились въ самое безпорядочное бѣгство. Валерій Антіасъ пишетъ, что въ этомъ сраженіи убито до сорока тысячь непріятелей; взято 57 военныхъ значковъ, телѣгъ четыреста тридцать двѣ и много золотыхъ ожерельевъ; изъ нихъ одно, тяжелаго вѣсу, принесено въ даръ Юпитеру Капитолійскому и находилось въ его храмѣ, какъ пишетъ историкъ Клавдій. Въ этотъ день лагерь Галловъ взятъ приступомъ и разграбленъ, и городъ Комъ взятъ въ самое короткое время. Вслѣдъ за тѣмъ тридцать два укрѣпленныхъ городка изъявили покорность консулу. Писатели также говорятъ о томъ двояко: къ Боямъ ли прежде, или къ Инсубрамъ консулъ ввелъ войска и загладилъ неудачное сраженіе успѣшнымъ; или побѣда, одержанная у Кома, омрачена пораженіемъ, понесеннымъ въ землѣ Боіевъ.

37. При такихъ, столь разнообразныхъ, перемѣнахъ счастія, А. Фурій Пурпуреонъ, другой консулъ, прибылъ въ землю Боіевъ черезъ земли Сапиніанскаго племени. Уже приближался онъ къ Мутильскому укрѣпленію, какъ опасаясь, чтобы Боіи не отрѣзали ему сообщеній, онъ отвелъ войско назадъ тѣмъ же путемъ, какимъ привелъ, и большимъ обходомъ прибылъ къ товарищу по мѣстамъ открытымъ и слѣдовательно безопаснымъ. Соединивъ войска, оба консула опустошили сначала земли Боіевъ до города Кельзина. Городъ и этотъ и прочія, находившіяся около него укрѣпленныя мѣста, и почти всѣ Боіи, кромѣ молодежи, взявшейся за оружіе для грабежа (тутъ она удалилась въ непроходимые лѣса) покорились. Потомъ войска переведены въ землю Лигуровъ. Боіи, надѣясь найдти случай нечаянно напасть на ряды Римлянъ, менѣе имѣвшихъ осторожности, такъ какъ они полагали, что непріятель далеко, слѣдовали за Римлянами скрытыми лѣсными тропинками. Они ихъ не нагнали и, переправясь нечаянно черезъ рѣку По на судахъ, опустошили земли Левовъ и Либуевъ; возвращаясь по самому краю Лигурской области съ добычею, найденною въ поляхъ, они наткнулись на Римское войско. Завязалось сраженіе скорѣе и съ большимъ жаромъ, чѣмъ если бы обѣ стороны на это изготовились, и встрѣтились, въ назначенномъ мѣстѣ и въ назначенное время. Тутъ обнаружилось, какъ сильно раздраженіе для возбужденія мужества. Римляне сражались съ такимъ ожесточеніемъ, добивались не столько славы, побѣды, сколько крови враговъ, что отъ непріятелей врядъ-ли остался человѣкъ, который бы принесъ вѣсть объ ихъ пораженіи. Вслѣдствіе этихъ событій, свѣдѣніе о которыхъ получено въ Римѣ письмами отъ консуловъ, объявлено благодарственное молебствіе на три дни. Вскорѣ послѣ того Марцеллъ прибылъ въ Римъ, и ему даны почести тріумфа съ большою готовностью сената. Находясь въ отправленіи должности, торжествовалъ Марцеллъ надъ Инсубрами и Коменцами. Надежду тріумфа надъ Боіями онъ предоставилъ товарищу: онъ одинъ имѣлъ неудачное столкновеніе съ этимъ народомъ, и если побѣдилъ его, то въ соединеніи съ товарищемъ. Огромная добыча непріятельская провезена на взятыхъ у него телѣгахъ; много несено было военныхъ значковъ, мѣди триста двадцать тысячь, серебра въ монетѣ двѣсти тридцать четыре тысячи фунтовъ. Каждому изъ пѣшихъ воиновъ дано по восьмисотъ ассъ, а всаднику и сотнику втрое.

38. Въ томъ же году царь Антіохъ провелъ зиму въ Ефесѣ и хотѣлъ всѣ Греческіе города Азіи подчинить прежней зависимости. Относительно прочихъ онъ видѣлъ, что они безъ большаго затрудненія покорятся ему, или потому что находятся на мѣстахъ ровныхъ, или потому что они мало полагались на свои стѣны, укрѣпленія и средства къ защитѣ. Смирна и Лампсакъ присвоивали себѣ права свободы, и можно было опасаться, что если имъ уступить то, чего они желали, то за ними послѣдуютъ Смирна въ Еолидѣ и Іоніи, Лампсакъ въ Геллеспонтѣ и другіе города. А потому Антіохъ изъ Ефеса послалъ осаждать Смирну, а войскамъ, находившимся въ Абидосѣ, оставивъ тамъ небольшой гарнизонъ, велѣлъ идти для аттаки Лампсака. И онъ старался дѣйствовать не однимъ ужасомъ, но чрезъ по-

словъ снисходительно бесѣдовалъ съ жителями, упрекалъ ихъ въ самонадѣянности и упорствѣ, и даже питалъ ихъ надеждою, что они въ скоромъ времени получатъ то, чего желаютъ, но такъ, чтобы для нихъ самихъ, и для другихъ было ясно, что свободу они получили отъ царя, а не обязаны ею простому случаю. На это они отвѣчали, что: «Антіохъ не долженъ ни сердиться, ни удивляться, если они не могутъ равнодушно перенести надежду на отсрочку свободы». Въ началѣ весны Антіохъ отправился изъ Ефеса на судахъ по направленію къ Геллеспонту; пѣшія же войска приказалъ изъ Абидоса перевести въ Херсонесъ. У Мадита, Херсонесскаго города, соединились сухопутныя и морскія силы Антіоха. Такъ какъ жители города затворили ворота, то онъ окружилъ стѣны вооруженными войсками, и когда осадныя работы подвинулись впередъ, то жители покорились. Подъ вліяніемъ того же страха изъявили покорность царю жители Сестоса, и прочихъ городовъ Херсонеса. Тогда Антіохъ, со всѣми морскими и сухопутными силами, подступилъ къ Лизимахію. Видя этотъ городъ опустѣвшимъ и почти въ развалинахъ — такъ какъ за нѣсколько передъ тѣмъ лѣтъ его взяли Ѳракійцы и разграбили—онъ пожелалъ возстановить городъ, столь извѣстный и расположенный въ весьма удобномъ мѣстѣ. Съ большимъ усердіемъ взялся онъ за это дѣло, сталъ возобновлять дома и стѣны; частью прежнихъ жителей Лизимахіи, разсѣявшихся бѣгствомъ по Геллеспонту и Херсонесу, приказалъ отыскивать и приводить, частью набирать и всѣми средствами увеличивать число новыхъ поселенцевъ, предлагая имъ большія выгоды. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы уничтожить опасенія со стороны Ѳракійцевъ, онъ самъ, съ половиною своихъ пѣшихъ войскъ, отправился для опустошенія ближнихъ мѣстъ Ѳракіи, а другую часть войска и экипажи судовъ онъ оставилъ исправлять укрѣпленія возобновленнаго города.

39. Около этого времени и Л. Корнелій, отправленный сенатомъ для разбора споровъ, возникшихъ между царями Антіохомъ и Птолемеемъ, остановился въ Селимбріи, изъ числа десяти пословъ П. Лентуллъ изъ Баргилій, и П. Виллій и Л.

Терентій изъ Тазоса отправились въ Лизимахію. Туда же прибыли: изъ Селимбріи—Л. Корнелій, а изъ Ѳракіи не много дней спустя Антіохъ. Первое свиданіе съ послами, и потомъ приглашенія, сначала были проникнуты ласкою и гостепріимствомъ; но когда дошло дѣло до исполненія порученій, и до переговоровъ о теперешнемъ положеніи Азіи, то умы съ обѣихъ сторонъ дошли до значительной степени раздраженія. Римляне не скрывали отъ царя, что сенатъ не одобряетъ всѣхъ его дѣйствій съ того времени, какъ онъ съ флотомъ оставилъ Сирію, и считали справедливымъ, чтобы Антіохъ возвратилъ Птолемею всѣ города, какіе только были во власти этого послѣдняго. «Что же касается до тѣхъ городовъ, которые принадлежали Филиппу, но которые Антіохъ, пользуясь удобнымъ случаемъ, когда вниманіе Филиппа было обращено на войну съ Римлянами, захватилъ себѣ, то Римляне не могутъ допустить, чтобы, между тѣмъ какъ они въ теченіи столькихъ лѣтъ, дѣйствуя на сушѣ и на морѣ, не щадили ни денегъ, ни трудовъ, плоды этой войны достались Антіоху. Если Римлянамъ было возможно по видимому не обращать вниманія на прибытіе Антіоха въ Азію, какъ будто оно къ нимъ не имѣетъ никакого отношенія; то теперь когда онъ перешелъ въ Европу со всѣми силами морскими и сухопутными, такой поступокъ можно ли не счесть почти за прямое объявленіе войны Римлянамъ? А онъ, Антіохъ, все таки будетъ противъ этого спорить, хотя бы пришелъ и въ Италію. Но Римляне не станутъ дожидаться того, чтобы ему и это было возможно сдѣлать»!

40. На это Антіохъ отвѣчалъ: «его удивляетъ, какъ тщательно Римляне изслѣдуютъ, что нужно дѣлать царю Антіоху, а сами себѣ не хотятъ назначить наконецъ предѣловъ, до какихъ рубежей земли или морей намѣрены они распространять свое владычество. Народу Римскому до Азіи нѣтъ никакого дѣла, и ему присматриваться до того, что Антіохъ дѣлаетъ въ Азіи, также мало нужно, какъ Антіоху до того, что дѣлаетъ народъ Римскій въ Италіи. Что же касается жалобы Римлянъ, что онъ, Антіохъ, отнялъ города у Птолемея,

то онъ находится съ нимъ въ дружественныхъ отношеніяхъ, и даже между ними завязывается дѣло о заключеніи связей родства. Да и ничего онъ не отнялъ у Филиппа, пользуясь его несчастіемъ, и не противъ Римлянъ переправился въ Европу, но все, надъ чѣмъ царствовалъ Лизимахъ (съ пораженіемъ котораго всѣ его владѣнія по праву войны достались Селевку) онъ считаетъ себѣ принадлежащимъ. Между, тѣмъ какъ его предки заняты были другими дѣлами, одни изъ этихъ владѣній были незаконно захвачены Птолемеемъ, а другія Филиппомъ. Относительно же Херсонеса и ближайшихъ мѣстъ Ѳракіи, находящихся около Лизимахіи, кто можетъ сомнѣваться въ томъ, что они принадлежали Лизимаху? Онъ, Антіохъ, прибылъ сюда, вступить въ свои старинныя права. Городъ Лизимахію, разрушенный набѣгомъ Ѳракійцевъ, онъ возобновляетъ для того, чтобы онъ былъ столицею царства для сына его Селевка».

41. Нѣсколько дней продолжались такіе споры; какъ вдругъ прошелъ слухъ, неизвѣстно изъ какого источника, о томъ, будто царь Птолемей померъ, и этотъ слухъ былъ причиною, что совѣщанія окончились ничѣмъ. И та, и другая сторона дѣлала видъ, будто ничего не знаетъ новаго, а между тѣмъ и Л. Корнелій, который имѣлъ порученія къ двумъ царямъ Антіоху и Птолемею, хотѣлъ выиграть сколько нибудь времени, чтобы послать къ Птолемею: ему нужно было поспѣть въ Египетъ прежде, чѣмъ обозначатся дѣйствія новаго правительства, и Антіохъ полагалъ, что Египетъ достанется ему, если онъ успѣетъ его захватить. А потому, отпустивъ Римлянъ, и оставивъ сына Селевка съ сухопутными войсками возобновлять Лизимахію, согласно принятаго имъ намѣренія, самъ, со всѣмъ флотомъ поплылъ въ Ефесъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отправилъ онъ пословъ къ Квинкцію—увѣрять его, что царь ничего новаго незамышляетъ и заключить союзъ, а самъ плывя вдоль береговъ Азіи, прибылъ въ Ликію. Узнавъ въ Патарахъ, что Птолемей живъ, Антіохъ оставилъ намѣреніе плыть въ Египетъ. Тѣмъ не менѣе, онъ отправился по направленію къ Кипру, и когда огибалъ Хелидонскій мысъ, то нѣсколько задержанъ возмущеніемъ матросовъ въ Памфиліи, около рѣки Евримедонта. Когда онъ отсюда плылъ къ устьямъ рѣки Сары поднялась страшная буря, которая угрожала гибелью ему со всѣмъ флотомъ. Много судовъ разбито, и много выброшено на берегъ; нѣкоторыя суда такъ быстро погрузились въ воду, что ни одинъ человѣкъ не выплылъ на берегъ. Много людей при этомъ погибло, и не только простыхъ воиновъ и матросовъ, но даже нѣсколько лицъ, приближенныхъ къ царю. Собравъ суда, какія остались отъ кораблекрушенія, царь, видя, что уже дѣло не въ томъ, чтобы испробовать нападеніе на Кипръ, возвратился въ Селевкію далеко не въ столь блистательномъ видѣ, въ какомъ отправился отсюда. Отдавъ здѣсь приказаніе вытащить суда на берегъ (такъ какъ уже наступила зима), онъ самъ удалился зимовать въ Антіохію. Вотъ въ какомъ положеніи находились дѣла царей.

42. Въ Римѣ первый разъ назначены три сановника для жертвенныхъ приношеній (тріумвиры эпулоны): К. Лициній Лукуллъ, трибунъ народный (онъже внесъ законъ объ ихъ назначеніи) и П. Манлій, и П. Порцій Лека. Этимъ сановникамъ предоставлено наровнѣ съ первосвященниками, закономъ право носить шитыя одежды, но большой споръ былъ, въ этомъ году, у квесторовъ городскихъ, К. Фабія Лабеона и Л. Аврелія со всѣми жрецами. Нужны были деньги, и частные люди выплатили послѣдній взносъ денегъ, назначенныхъ на войну. Квесторы требовали отъ гадателей и жрецовъ, чтобы и они внесли то, что съ нихъ слѣдовало на войну. Безуспѣшно аппелировали священнослужители къ трибунамъ народнымъ, и съ нихъ взысканы деньги за всѣ года, въ которые они не платили. Въ томъ же году умерли два первосвященника, и на ихъ мѣсто назначены новые: М. Марцеллъ консулъ на мѣсто К. Семпронія Тудитана, который въ Испаніи умеръ преторомъ, и Л. Валерій Флаккъ на мѣсто М. Корнелія Цетега. К. Фабій Максимъ авгуръ умеръ весьма молодымъ, прежде нежели исправлялъ какую либо должность; въ этомъ году на его мѣсто никто не назначенъ авгуромъ. Вслѣдъ

за тѣмъ консульскіе выборы произведены М. Марцелломъ консуломъ; консулами выбраны: Л. Валерій Флаккъ, М Порцій Катонъ. Преторами потомъ назначены: К. Фабрицій Лусцинъ, К. Атиній Лабео, Кн. Манлій Вульсо, Ап. Клавдій Неронъ, П. Манлій, П. Порцій Лека. Въ этомъ году курульные эдили, М. Фульвій Нобиліоръ и К. Фламиній, распредѣлили между народомъ двѣсти тысячь мѣръ пшеницы, по два асса за мѣру. Этотъ хлѣбъ, въ честь самаго К. Фламинія и его отца, Сицилійцы привезли въ Римъ. Честь этого поступка Фламиній раздѣлилъ съ товарищемъ; игры Римскія великолѣпно и приготовлены, и въ полномъ составѣ отпразднованы три раза. Эдили народные: Кн. Домицій Агенобарбъ и К. Скрибоній Куріо представили на судъ народа многихъ ростовщиковъ; трое изъ нихъ подверглись осужденію; на штрафныя деньги, ими внесенныя, эдили воздвигли храмъ Фавна на островѣ. Игры плебейскія [illegible] ны два раза, и по случаю игръ было пиршество.

43. Л. Валерій Флаккъ и М. Порцій Катонъ консулы въ Мартовскія Иды—въ этотъ день вступили они въ отправленіе должности—доложили сенату относительно провинцій: «такъ какъ въ Испаніи развилась такая война, что необходимо тамъ присутствіе консула и его войска, то положили: консулы ближнюю Испанію и Италію провинціи распредѣлятъ между собою или по добровольному согласію, или по жеребью. Кому изъ нихъ достанется провинціею Испанія, тотъ долженъ взять съ собою два легіона, пятнадцать тысячь союзниковъ Латинскаго наименованія, и восемьсотъ всадниковъ, а военныхъ судовъ двадцать. Другой консулъ пусть наберетъ два легіона. Ихъ достаточно для того, чтобы удержать въ повиновеніи провинцію Галлію, такъ какъ въ прошломъ году Инсубры и Боіи претерпѣли пораженіе.» По жеребью досталась: Катону—Испанія, а Валерію Италія. Потомъ преторы распредѣлили провинціи: К. Фабриція Лусцину досталось управленіе городомъ (Римомъ), К. Атинію Лабеону— чужестранцами, Кн. Манлію Вульсону—Сициліею, Ап. Клавдію Нерону—дальнею Испаніею, П. Порцію Лекѣ — Пизою, для того чтобы онъ могъ дѣйствовать въ

тылъ Лигурцамъ. П. Манлій данъ консулу помощникомъ въ ближнюю Испанію. Такъ какъ подозрительны были дѣйствія не только Антіоха, и Этоловъ, но и Набиса, Лакедемонскаго тиранна, то Т. Квинкцію продолжена власть еще на годъ и положено ему имѣть два легіона; если бы ихъ предстояла надобность пополнить, то консулы должны произвести наборъ и отправить солдатъ въ Македонію. Ап. Клавдію, кромѣ того легіона, который былъ у К. Фабія, дозволено набрать вновь двѣ тысячи пѣшихъ воиновъ и двѣсти всадниковъ. Такое же число пѣшихъ и конныхъ воиновъ опредѣлено вновь П. Манлію въ ближнюю Испанію, и данъ тотъ же легіонъ, который былъ подъ начальствомъ претора К. Минуція. Порцію Лекѣ въ Этрурію около Пизы назначены двѣ тысячи пѣшихъ и пятьсотъ всадниковъ изъ Галльскаго войска. Въ Сардиніи продолжена власть Семпронію Лонгу.

44. По распредѣленіи такимъ образомъ провинцій, консулы, прежде чѣмъ оставить городъ, отпраздновали, согласно опредѣленію жрецовъ, священную весну, ту самую, обѣтъ которой далъ, по приказанію сената и народа Римскаго преторъ А. Корнелій Маммула въ консульство Кн. Сервилія и К. Фламинія. Празднованіе совершилось черезъ двадцать одинъ годъ послѣ того какъ данъ обѣтъ. Въ то же время выбранъ, и посвященъ въ авгуры, К. Клавдій, сынъ Аппія, Пульхеръ на мѣсто К. Фабія Максима, умершаго въ предшествующемъ году. Уже граждане удивлялись почему, при волненіи въ Испаніи, на эту войну обращаютъ мало вниманія, получено письмо отъ К. Минуція: что онъ, у города Торбы, имѣлъ удачное сраженіе съ вождями Испанскими Бударомъ и Безазидомъ; двѣнадцать тысячь непріятелей пало въ сраженіи, военачальникъ Бударь взятъ въ плѣнъ; прочіе разбиты и обращены въ бѣгство.» По прочтеніи этого донесенія, уменьшился страхъ со стороны Испанцевъ, откуда ждали было очень сильной войны; а потому всѣ заботы, особенно по возвращеніи десяти пословъ, обратились къ царю Антіоху. Они, изложивъ прежде то, что происходило съ Филиппомъ, и на какихъ условіяхъ данъ миръ, внушали,

что неменѣе важная война угрожаетъ со стороны Антіоха: «съ огромнымъ флотомъ и прекраснымъ пѣшимъ войскомъ переправился онъ въ Европу. Не отвлеки только его на этотъ разъ неосновательная надежда, основанная на еще болѣе неосновательномъ слухѣ — занять Египетъ, то ужь бы теперь вся Грецiя была объята пламенемъ войны. Да и Этолы не останутся въ покоѣ, народъ самъ по себѣ безпокойный, и притомъ раздраженный противъ Римлянъ. Таится во внутренностяхъ Греціи еще другое огромное зло въ лицѣ Набиса, въ настоящее время Лакедемонскаго, а при малѣйшей возможности всей Греціи тиранна; корыстолюбіемъ и жестокостью онъ не уступитъ ни одному изъ тиранновъ, пріобрѣтшихъ въ этомъ отношеніи печальную извѣстность. Если только ему дозволено будетъ удержать въ своей власти Аргосъ, который можно назвать цитаделью всего Пелопонеса, и если войска Римскія будутъ выведены изъ Греціи, то напрасные были труды освобождать ее отъ царя Филиппа, и Греція вмѣсто отдаленнаго повелителя, будетъ имѣть у себя тиранна дома.»

45. Все это передавали люди, и сами по себѣ весьма достойные вѣроятія, и притомъ узнавшіе положеніе дѣлъ хорошенько на мѣстѣ. Дѣло, касавшееся Антіоха, казалось важнѣе, но такъ какъ царь, по какой бы то ни было причинѣ, удалился въ Сирію, то заблагоразсудили поспѣшить обсужденіемъ вопроса о тираннѣ. Такъ какъ долго спорили о томъ: достаточно ли причинъ для того, чтобы теперь же объявить войну, или предоставить это Т. Квинкцію. Относительно Набиса, Лакедемонскаго тиранна, сенатъ предоставилъ Квинкцію поступить такъ, какъ онъ найдетъ сообразнѣе съ требованіями общей пользы. Дѣло это сочли не такимъ, чтобы его ускореніе или замедленіе было особенно важно для существенныхъ интерессовъ народа Римскаго. Считали же болѣе достойнымъ вниманія то, какъ поступятъ Аннибалъ и Карѳагеняне въ случаѣ, если начнется война съ Антіохомъ. Лица партіи, враждебной Аннибалу, писали знатнымъ людямъ въ Римѣ, своимъ знакомымъ, постоянно одно и тоже: «Аннибалъ посылалъ къ Антіоху гонцевъ и письма, да и отъ царя къ нему тайно приходили послы. Подобно тому какъ есть звѣри, которые не могутъ быть усмирены никакимъ искусствомъ, такъ точно и этого человѣка нравъ остается неукротимъ и неумолимъ. Тяготится онъ покоемъ; онъ говоритъ, что государство дремлетъ въ бездѣйствіи, и что только звукъ оружія можетъ его пробудить.» Все это дѣлало довольно вѣроятнымъ воспоминаніе о прежней войнѣ, которой Аннибалъ былъ не только главнымъ дѣятелемъ, но и виновникомъ. Недавнимъ своимъ поступкомъ раздражилъ Аннибалъ противъ себя умы многихъ знатнѣйшихъ гражданъ.

46. Въ то время, въ Карѳагенѣ, главную роль играло сословіе судей; большую силу пріобрѣло онъ тѣмъ самимъ, что судьи были несмѣняемы. Собственность, честь, самая жизнь всѣхъ гражданъ находились въ ихъ власти. Кто оскорбилъ одного изъ этого сословія, вооружалъ противъ себя всѣхъ его членовъ; а въ обвинителѣ, при враждебномъ расположеніи судей, недостатка не было. При такомъ явномъ перевѣсѣ этого сословія (члены котораго пользовались своею властью не слишкомъ умѣренно), Аннибалъ, сдѣлавшись преторомъ, приказалъ къ себѣ позвать квестора; тотъ не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія; онъ принадлежалъ къ враждебной Аннибалу партіи и притомъ такъ какъ изъ квесторовъ переходили обыкновенно въ судьи, самое могущественное сословіе, то этотъ квесторъ уже заранѣе соразмѣрялъ свою гордость съ тѣмъ значеніемъ, которое онъ полагалъ въ скоромъ времени неминуемо пріобрѣсть. Но Аннибалъ счелъ такое поведеніе квестора невыносимымъ и послалъ урядника схватить его. Когда онъ былъ приведенъ въ собраніе, то Аннибалъ обвинилъ не столько его, сколько все сословіе судей, которыхъ высокомѣріе условило совершенное безсиліе и законовъ и должностныхъ лицъ. Замѣтивъ, что слова его были выслушаны не безъ удовольствія, такъ какъ большинству народа надоѣло уже, вредное для его вольности, господство судей, Аннибалъ тотчасъ предложилъ проектъ закона, который и былъ принятъ: чтобы судьи выбираемы были каждый годъ, и чтобы одинъ и тотъ же судья не могъ оста-

ваться на два года.» Такимъ дѣйствіемъ Аннибалъ сколько съ одной стороны заслужилъ благорасположеніе народа, столько съ другой вооружилъ противъ себя умы большей части знатныхъ гражданъ. Совершилъ онъ и другое дѣло для общаго блага, которое не мало возбудило противъ него личныхъ неудовольствій. Общественные доходы терялись по пустому частью отъ небрежности, частью были предметомъ для хищенія и грабежа нѣкоторымъ старѣйшинамъ и должностнымъ лицамъ; такимъ образомъ недоставало денегъ выплачивать Римлянамъ ежегодную контрибуцію, и надобно было повидимому ожидать тяжкихъ налоговъ на частныя лица.

47. Аннибалъ, узнавъ основательно, какъ велики сборы общественные (таможенные) какъ сухопутные, такъ и морскіе, и на какіе предметы они употребляются: сколько изъ нихъ идетъ на обыкновенныя общественныя нужды, и сколько расходится по карманамъ частныхъ лицъ, вытребовалъ всѣ остальныя деньги и, отмѣнивъ предполагавшійся налогъ съ частныхъ лицъ, объявилъ въ собраніи народномъ, что государство имѣетъ достаточно собственныхъ средствъ для того, чтобы выплатить Римлянамъ ежегодную дань; обѣщаніе свое Аннибалъ привелъ въ исполненіе. Тогда тѣ, которые, въ продолженіи уже нѣсколькихъ лѣтъ, живились на счетъ общественныхъ доходовъ оскорбились и пришли въ негодованіе, какъ будто у нихъ отняли ихъ собственность, а не исторгали изъ рукъ предметъ воровства. Они стали вооружать противъ Аннибала Римлянъ, искавшихъ и безъ того повода обнаружить свою къ нему ненависть. Долго противудѣйствовалъ этому П. Сципіонъ Африканъ; онъ полагалъ несовсѣмъ совмѣстнымъ съ достоинствомъ народа Римскаго — служить орудіемъ частныхъ враговъ Аннибала, и считать завыраженіе общественнаго голоса — толки партій Карѳагенскихъ. Неуже ли мало — говорилъ Сципіонъ — побѣдить Аннибала въ открытой честной борьбѣ на войнѣ, а необходимо еще принимать доносы людей, заклятыхъ его ненавистниковъ, рѣшившихся чернить его имя? Впрочемъ, все таки эти послѣдніе поставили на своемъ, и положено отправить пословъ въ Карѳагенъ —

высказать сенату Карѳагенскому обвиненіе въ томъ, что Аннибалъ сносится съ царемъ Антіохомъ, и затѣваетъ съ нимъ за одно войну. Отправлены три посла: Кн. Сервилій, М. Клавдій Марцеллъ, К. Теренцій Куллео. Когда они прибыли въ Карѳагенъ, то, по совѣту враговъ Аннибала, на вопросъ о причинѣ ихъ прибытія, сказали, что они пришли разобрать неудовольствія, которыя были у царя Нумидовъ Масиниссы съ Карѳагенянами; такъ вообще и думали. Только одинъ Аннибалъ очень хорошо понималъ, что его то и нужно Римлянамъ, и что миръ данъ Карѳагенянамъ подъ условіемъ непримиримой вражды противъ его одного, а потому онъ счелъ нужнымъ уступить силѣ обстоятельствъ и судьбы. Приготовивъ все заранѣе къ бѣгству, онъ въ этотъ день нарочно долѣе толкался по общественной площади съ цѣлью отвести подозрѣніе, а съ наступленіемъ вечера онъ въ томъ же платьи, въ какомъ былъ на форумѣ, вышелъ въ городскія ворота съ двумя провожатыми, незнавшими его намѣреній.

48. Такъ какъ лошади были уже готовы въ томъ мѣстѣ, гдѣ имъ было приказано, то Аннибалъ въ ту же ночь поспѣлъ въ Визакъ (такъ Африканцы называютъ одну часть этой страны), и на другой день прибылъ къ морю между Ахоллою и Тапсою, къ своей башнѣ. Тамъ его приняло судно, уже готовое и снабженное веслами. Такимъ образомъ Аннибалъ оставилъ Африку: чаще жалѣя о судьбѣ отечества, чѣмъ о своей собственной; въ тотъ же день переправился онъ на островъ Церцину. Здѣсь встрѣтилъ онъ нѣсколько Финикійскихъ транспортныхъ судовъ съ товарами; когда онъ выходилъ изъ корабля на берегъ, то всѣ сбѣжались на встрѣчу его привѣтствовать. Аннибалъ велѣлъ отвѣчать на вопросы, что онъ ѣдетъ въ Тиръ посломъ. Опасаясь впрочемъ, чтобы какое нибудь судно не отправилось ночью и не подало въ Тапсъ или Адруметъ вѣсти о томъ, что его видѣли въ Церцинѣ, Аннибалъ приказалъ готовиться къ жертвоприношенію и пригласить на пиршество начальниковъ судовъ и купцевъ; паруса же и снасти перенести съ судовъ на берегъ, чтобы ими сдѣлать тѣнь

пирующимъ (время случилось среди лѣта). На сколько позволяли время и обстоятельства, въ этотъ день было приготовлено и совершено торжественное пиршество; не мало вина выпито и бесѣда тянулась далеко въ ночь. Аннибалъ, какъ только получилъ возможность обмануть тѣхъ, которые находились въ гавани, приказалъ сняться съ якоря. Прочіе, объятые сномъ, и на другой день не рано опомнились отъ бывшаго опьяненія, и прошло нѣсколько часовъ времени, пока они отнесли назадъ на суда и приладили паруса и снасти. Между тѣмъ въ Карѳагенѣ множество граждан, привыкшихъ посѣщать домъ Аннибала, стеклось по обыкновенію ко входу въ его домъ. Такъ какъ онъ не показывался, то толпа устремилась на форумъ (общественную площадь), отыскивая главнаго сановника государства. Одни полагали (что и было дѣйствительно) что онъ спасся бѣгствомъ; другіе, и такихъ была большая часть, съ негодованіемъ толковали, будто бы онъ, убитъ коварно Римлянами. Разнообразны бываютъ мнѣнія въ государствѣ, раздѣленномъ враждебными партіями. Наконецъ получено извѣстіе, что Аннибала видѣли въ Церцинѣ.

49. Римскіе послы объявили въ Карѳагенскомъ сенатѣ: «сенаторы Римскіе убѣдились вполнѣ, что и прежде царь Филиппъ возбужденъ къ войнѣ преимущественно Аннибаломъ; да и теперь онъ же посылалъ и гонцевъ, и письма, къ Антіоху и Этоламъ, замышляя увлечь Карѳагенъ къ отпаденію и не въ другое мѣсто куда либо онъ отправился, а къ царю Антіоху. Успокоится онъ не прежде, какъ когда опять зажжетъ войну на всемъ кругу земномъ. Такой образъ дѣйствій Аннибала не долженъ оставаться безнаказаннымъ, если только Карѳагеняне хотятъ оказать должное удовлетвореніе народу Римскому и доказать, что въ этомъ случаѣ ничего не дѣлалось съ ихъ вѣдома и общественнаго совѣта». Карѳагеняне отвѣчали, что они исполнятъ все, что только Римляне найдутъ справедливымъ. Аннибалъ скоро и благополучно прибылъ въ Тиръ; на родинѣ Карѳагена принятъ какъ во второмъ отечествѣ этотъ мужъ, покрытый славою и честью. Только нѣсколько дней пробылъ

онъ тамъ, и поплылъ въ Антіохію. Тутъ онъ услыхалъ, что царь уже оставилъ этотъ городъ; тогда Аннибалъ отправился къ сыну Антіоха, въ то время занимавшемуся празднованіемъ торжественныхъ обычныхъ игръ у Дафне; обласканный имъ, Аннибалъ тотчасъ поплылъ далѣе. Въ Ефесѣ нагналъ онъ царя, находившагося еще въ нерѣшимости, и колебавшагося начинать войну съ Римлянами. Прибытіе Аннибала не мало содѣйствовало къ тому, чтобы дать толчекъ его духу. Въ тоже время умы Этоловъ не были болѣе расположены къ дружественному союзу съ Римлянами. Когда ихъ послы просили Фарсала, Левкада и еще нѣкоторыхъ городовъ, на основаніи прежняго союзнаго договора, то сенатъ отослалъ ихъ къ Т. Квинкцію.

КНИГА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

1. Среди заботъ о значительныхъ войнахъ, или только что приведенныхъ къ концу, или собиравшихся грозою, случилось дѣло, само по себѣ не важное, но рвеніемъ партій оно выросло въ большую борьбу. М. Фунданій и Л. Валерій, трибуны народные, предложили гражданамъ отмѣнить законъ Оппіевъ; а установленъ онъ былъ, по предложенію К. Оппія, трибуна народнаго, въ консульство К. Фабія и Ти. Семпронія, въ самомъ разгарѣ Пунической войны: «ни одна женщина не должна имѣть у себя болѣе полъ-унца золота, ни надѣвать цвѣтнаго платья, ни ѣздить въ запряженномъ экипажѣ въ городѣ и его окрестностяхъ на тысячу шаговъ во кругъ, исключая общественныхъ жертвоприношеній». М. и П. Юніи Бруты, трибуны народные, защищали законъ Оппіевъ и утверждали, что недопустятъ его отмѣнить. Многія извѣстныя лица выходили говорить какъ въ защиту закона, такъ и противъ него. Женщинъ ни внушенія мужей, ни ихъ приказанія, ни собственный стыдъ не могли удержать въ домахъ: онѣ занимали всѣ улицы города, ведшія къ форуму, и умоляли гражданъ, шедшихъ туда — при цвѣтущемъ состояніи отечества, когда со дня на день увеличивается частное достояніе всѣхъ и каждаго, возвратить и женщинамъ ихъ прежнія украшенія. Со дня на день увеличивалось это стеченіе женщинъ; уже онѣ сходились изъ близь лежащихъ городовъ и мѣстечекъ, и рѣшались приступать къ консуламъ, преторамъ и другимъ должностнымъ лицамъ и просить ихъ, но неумолимымъ въ отношеніи къ нимъ оставался другой консулъ М. Порцій Катонъ. Онъ въ защиту закона, объ отмѣнѣ котораго шло дѣло, сказалъ слѣдующее:

2. Граждане! если бы кто изъ васъ думалъ о томъ, чтобы удержать за собою дома относительно жены то право и величавое значеніе, которое довлѣетъ, то менѣе дѣла пришлось бы намъ имѣть съ женщинами вообще. Теперь же, когда у насъ дома свобода наша подавлена дерзостью женскою, она и здѣсь на форумѣ унижается и страдаетъ. Не будучи въ состояніи сопротивляться одной, мы обратили всѣхъ въ предметъ ужаса для себя. Считалъ я баснею и пустою выдумкою разсказъ о томъ, будто бы весь родъ мущинъ на какомъ то островѣ заговоромъ женщинъ истребленъ до конца. Но отъ какого же рода людей не должны мы ожидать величайшей опасности, допустите только сходы, собранія и тайныя совѣщанія? Да я въ мысляхъ моихъ даже затрудняюсь рѣшить: обстоятельство это само ли по себѣ дурно, или не хуже ли еще какъ примѣръ? Одно относится до насъ консуловъ и прочихъ должностныхъ лицъ; до другаго же болѣе дѣла вамъ самимъ, граждане. Согласно ли или нѣтъ съ интересами отечества то, что теперь вамъ предлагаютъ, это обсудить дѣло ваше, такъ какъ вы будете подавать голоса. Такое остервененіе женщинъ, случилось ли оно само собою, или вызвано вами, М. Фунданій и Л. Валерій, во всякомъ случаѣ относится къ винѣ должностныхъ лицъ и не знаю безчестья приноситъ оно больше, вамъ ли, трибуны, или намъ консуламъ? Вамъ, если вы употребляете уже и женщинъ, какъ орудіе вашихъ трибунскихъ замысловъ; намъ, если мы вынуждены будемъ принимать законы теперь вслѣдствіе бунта женщинъ, какъ прежде вслѣдствіе бунта черни. Краскою стыда покрылось лице мое, когда, не задолго передъ симъ, пришлось мнѣ идти на форумъ чрезъ сплошные ряды женщинъ. Если бы не удерживало меня чувство уваженія и совѣстливости болѣе къ каждой отдѣльно, чѣмъ передо всѣми вообще — какъ бы они не сочли этого за оффиціальное воззваніе консула, то я бы имъ сказалъ: что за это за обычай выбѣгать на улицы, осаждать ихъ и обращаться съ просьбами къ незнакомымъ мужчинамъ? Развѣ вы не могли объ этомъ самомъ попросить каждая своего мужа отдѣльно? Или вы можетъ быть

ласковѣе въ обществѣ, чѣмъ въ частной жизни, и къ чужимъ чѣмъ къ своимъ? Хотя впрочемъ по настоящему, если бы истинный женскій стыдъ удерживалъ васъ въ законныхъ предѣлахъ, не должно бы вамъ забыть о томъ, какіе законы принимаются и какіе отмѣняются. Наши предки установили, чтобы женщины ни какого дѣла, даже частнаго, не совершали безъ позволенія; должны онѣ находиться во власти родителей, братьевъ и мужей. А мы, съ попущенія боговъ, дозволяемъ имъ уже вмѣшиваться въ дѣла общественныя и толпиться за одно съ ними на форумѣ, въ собраніяхъ и на выборахъ. И теперь что же иное дѣлаютъ женщины по улицамъ и закоулкамъ, какъ не убѣждаютъ въ пользу трибунскаго предложенія и подаютъ свое мнѣніе о томъ, что Оппіевъ законъ необходимо отмѣнить? Дайте волю природѣ, съ одной стороны слабой, съ другой неукротимой и животной и вообще будете надѣяться, что женщины сами найдутъ мѣру дерзости, если вы ее имъ не укажете. Самое незначительное обстоятельство здѣсь то, что женщины нетерпѣливо несутъ узы, налагаемые на нихъ нравами и законами; домогаются онѣ во всемъ уже свободы, даже сказать правду — своеволія. Успѣй онѣ въ томъ, что онѣ теперь просятъ, на что же онѣ не рѣшатся?

3. Припомните всѣ законы относительно женщинъ, которыми предки ваши сочли нужнымъ обуздать ихъ своеволіе: да и теперь, когда они ими всѣми связаны, съ трудомъ вы можете ихъ удержать. Но что же если мы позволимъ имъ во все вмѣшиваться, если будемъ имъ уступать, если наконецъ дозволимъ имъ быть равными мущинамъ, то какъ вы полагаете, будутъ онѣ выносимы? Повѣрьте, сдѣлаются онѣ равными, не замедлятъ быть и старше. Но, по истинѣ, защищаются ли онѣ отъ какого нибудь въ отношеніи къ нимъ нововведенія? Не о правѣ своемъ, но о несправедливости, онѣ просятъ: чтобы вы, принятый, скрѣпленный голосами вашими, законъ, опытомъ стольких лѣтъ одобренный, отмѣнили; это будетъ значить, что вы, отмѣнивъ одинъ законъ, ослабите всѣ прочіе. Нѣтъ закона, который нравился бы всѣмъ; желательно только то, чтобы

онъ былъ полезенъ большинству, и притомъ по своей сущности. Если каждый будетъ домогаться отмѣны и уничтоженія того, что мѣшаетъ его частнымъ правамъ, то зачѣмъ и издавать общіе законы, если только ихъ будутъ въ состояніи отмѣнять тѣ, противъ кого они назначены? Желалъ бы я знать, что такое подало поводъ женщинамъ въ ужасѣ устремиться на улицѣ, проникнуть чуть не на форумъ и въ наши собранія. Не того ли желаютъ онѣ, чтобъ были искуплены изъ власти Аннибала ихъ родители, мужья, дѣти, братья? Совсѣмъ нѣтъ: да и пусть никогда не будетъ отечество наше въ такой крайности, но когда это такъ было, отказывали вы въ этомъ ихъ благочестивымъ просьбамъ. Теперь не святость чувствъ къ своимъ роднымъ, не забота о нихъ взволновали нашихъ женщинъ. Можетъ быть причиною тому религіозное чувство; не собрались ли онѣ для встрѣчи Матери Идейской, идущей изъ Пессинунта Фригійскаго? Какой же сколько нибудь честный предлогъ дается этому волненію женщинъ? Онѣ говорятъ: дозвольте намъ блистать золотомъ и порфирою: въ колесницахъ, и въ праздничные, и не въ праздничные дни, какъ бы въ знакъ торжества нашего надъ побѣжденнымъ и отмѣненнымъ закономъ, и надъ отбитіемъ и взятіемъ въ плѣнъ голосовъ вашихъ, мы поѣдемъ по городу; отнынѣ не будетъ никакой мѣры издержкамъ, никакой границы роскоши.

4. Неразъ уже слышали вы меня, что я жалуюсь на непомѣрныя издержки со стороны какъ женщинъ, такъ и мущинъ, и притомъ не только частныхъ, но и должностныхъ лицъ. Наше общество жертвою двухъ противуположныхъ пороковъ—корыстолюбія и роскоши, а эти то страшныя болѣзни были причиною паденія всѣхъ великихъ государствъ. Оттого то я, по мѣрѣ того, какъ счастіе улыбается все болѣе и болѣе судьбамъ нашего отечества, власть его распространяется и мы уже перешли въ Грецію и Азію, страны, исполненныя соблазнами всякаго рода разврата, къ сокровищницамъ царей протягиваемъ мы уже руки, тѣмъ болѣе страшусь, какъ бы не мы овладѣли этими предметами, а они нами. Повѣрьте мнѣ—враждебныя для на-

шего города, внесены въ него изъ Сиракузъ изображенія искусствъ. Уже я слышу слишкомъ много людей, превозносящихъ похвалами удивленія украшенія Коринѳа и Аѳинъ; для этихъ людей уже служатъ предметомъ насмѣшки глиняные сосуды, стоящіе передъ богами Римскими. Что же касается до меня, то я предпочитаю имѣть благопріятными этихъ послѣднихъ боговъ и я полагаю, что они и неоставятъ насъ своимъ благоволеніемъ, если только мы позволимъ имъ оставаться на прежнихъ мѣстахъ. На памяти отцовъ нашихъ Пирръ, черезъ посла Цинея, соблазнялъ дарами умы не только мущинъ, но и женщинъ нашихъ. Тогда еще не былъ изданъ законъ Оппіевъ для ограниченія женской роскоши, и впрочемъ, ни одна изъ женщинъ не взяла даровъ. Какая же вы полагаете была тому причина? Та же самая, по которой у нашихъ предковъ на этотъ предметъ не было сдѣлано распоряженія; не было вовсе роскоши, которую бы нужно было ограничивать. Точно также какъ прежде узнаны болѣзни, чѣмъ лѣкарства отъ нихъ, такъ и страсти возникли прежде, чѣмъ законы, которые ихъ должны обуздывать. Что вызвало Лициніевъ законъ о пятистахъ десятинахъ, какъ не непомѣрная страсть къ распространенію помѣстій? Чему обязанъ своимъ началомъ Цинціевъ законъ о дарахъ и приношеніяхъ какъ нетому, что простой народъ началъ становиться, какъ бы данникомъ сената? А потому и неудивительно, если въ то время не было нужды ни въ Оппіевомъ, ни въ другомъ какомъ либо законѣ, который ограничилъ бы мѣру издержекъ женскихъ, когда женщины отказывались сами и отъ предлагаемыхъ имъ золотыхъ вещей и драгоцѣнныхъ тканей. Если бы Цинеасъ съ своими дарами обходилъ нашъ городъ теперь, то изъ стоящихъ на улицахъ женщинъ, конечно нашелъ бы и такихъ, которыя приняли бы. Относительно нѣкоторыхъ страстей, я немогу постигнуть ни ихъ причины, ни смысла: въ томъ, что для тебя невозможно то, что доступно другому, заключается какая то отъ природы совѣстливость и вмѣстѣ неудовольствіе; но если внѣшность у всѣхъ будетъ одинакова, то что же посовѣстится показать на себѣ

каждая изъ васъ? Самый отвратительный стыдъ, когда стыдятся бережливости и бѣдности; но законъ теперь избавляетъ васъ отъ этой необходимости, потому что вы не имѣете того, чего нельзя имѣть. Такого то именно равенства я и не хочу — говоритъ богачка; почему я немогу показаться въ общество, покрытая золотомъ и драгоцѣнными тканями, почему этотъ несносный законъ прикрываетъ бѣдность другихъ? Не будучи въ состояніи никогда имѣть, онѣ подаютъ видъ, что онѣ имѣли бы, будь это дозволено. Римляне, вы хотите вызвать между вашими женщинами борьбу, вы хотите, чтобы женщина богатая пожелала имѣть то, что для другой недоступно; бѣдныя же передъ ложнымъ опасеніемъ какого то презрѣнія, будутъ тянуться черезъ силу. И когда начнутъ стыдиться того, чего не должно, перестанутъ стыдиться и того, чего слѣдуетъ. Которая женщина будетъ въ состояніи, приготовитъ изъ своего, а которая не будетъ въ состояніи, станетъ просить мужа. Бѣдный тотъ мужъ во всякомъ случаѣ, и если уступитъ просьбамъ, и если неуступитъ; ему прійдется видѣть, что другой принесетъ то, чего онъ не дастъ. Теперь онѣ всенародно просятъ постороннихъ мущинъ, да и притомъ о самомъ важномъ — о законѣ и о подачѣ голосовъ, и отъ нѣкоторыхъ получаютъ, дѣйствуя неумолимо противъ тебя, твоей собственности и дѣтей твоихъ. Какъ только законъ не будетъ болѣе ограничивать мѣру издержекъ жены твоей, ты самъ уже никогда не будешь въ состояніи этого сдѣлать. Не думайте, граждане, чтобы дѣло это пришло въ то же положеніе, въ какомъ оно находилось до изданія этого закона. Относительно человѣка дурнаго, гораздо лучше и безопаснѣе не обвинять его вовсе, чѣмъ обвиненнаго оправдать. Да и роскошь, если бы ее не трогали, была бы споснѣе, чѣмъ какова она будетъ теперь, раздраженная самимъ стѣсненіемъ узъ, подобно дикимъ звѣрямъ, въ настоящее же время выпущенная на волю. Я съ своей стороны полагаю, что законъ Оппіевъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть отмѣненъ; какъ бы вы ни поступили, я желаю, чтобы благоволеніе боговъ обратило всѣ ваши дѣйствія къ вашему благополучію.

5. Послѣ того и тѣ трибуны народные, которые вызвались протестовать противъ отмѣны закона, присовокупили отъ себя немногое въ томъ же смыслѣ. Тогда Л. Валерій въ защиту сдѣланнаго имъ предложенія сказалъ слѣдующее: если бы только одни частныя лица выходили для присовѣтыванія и отсовѣтованія того, что мы предложили, то и я бы, считая, что уже достаточно сказано и съ той, и съ другой стороны, въ молчаніи дожидался вашего рѣшенія голосами. Теперь же, когда консулъ М. Порцій, человѣкъ въ высшей степени достойный уваженія, не только мнѣніемъ своимъ, которое и безъ словъ имѣло бы достаточно значенія, но и длинною, тщательно обработанною, рѣчью возсталъ противъ нашего мнѣнія, то необходимо и мнѣ отвѣчать ему вкратцѣ. Впрочемъ противникъ мой потратилъ болѣе словъ на упреки женщинамъ, чѣмъ на отсовѣтываніе нашего предложенія, и даже онъ выразилъ сомнѣніе на счетъ того: женщины дѣйствуютъ такъ по собственному ли побужденію или по нашему внушенію. Буду говорить въ защиту нашего предложенія, а не насъ самихъ: консулъ высказалъ это обвиненіе не столько на самомъ дѣлѣ, сколько для краснаго словца. Скопищемъ, бунтомъ, и даже возстаніемъ женщинъ назвалъ онъ то, что матери семействъ вашихъ просили васъ публично—законъ, въ трудныя времена военныя изданный противъ нихъ, отмѣнить теперь, когда отечество въ благополучіи цвѣтетъ миромъ. Я знаю, что и эти и другія выраженія суть только слова пышныя, которыя подбираются съ цѣлью придать важность предмету. Всѣмъ намъ очень хорошо извѣстно, что М. Катонъ ораторъ не только серьезный, но даже суровый, между тѣмъ какъ онъ нравомъ очень кротокъ. Да и наконецъ, что же новаго сдѣлали женщины, если многія изъ нихъ въ дѣлѣ, до нихъ касающемся, вышли изъ домовъ? Никогда до сихъ поръ и не являлись онѣ публично? Но я въ твоемъ же историческомъ сочиненіи *начала* найду доказательства противъ тебя. Выслушай, сколько разъ поступали такъ женщины и притомъ каждый разъ для блага общественнаго. Въ самомъ началѣ, когда царствовалъ Ромулъ, когда Капитолій былъ взятъ Сабинами и сра-

женіе произошло на самой общественной площади, не вмѣшательствомъ ли женщинъ, бросившихся между рядовъ сражающихся, положенъ конецъ бою? Какъ! По изгнаніи царей когда полки Вольсковъ, ведомые Марціемъ Коріоланомъ, стали лагеремъ на пятой милѣ отъ города, враговъ, которыми нашъ городъ былъ бы подавленъ, отвратили женщины. Да и когда городъ былъ взятъ Галлами, кто его выкупилъ? Женщины, съ общаго согласія, принесли публично все свое золото. Въ недавнюю войну (не стану болѣе приводить примѣровъ старины), когда оказалась нужда въ деньгахъ, не нашло ли себѣ пособіе казначейство въ вдовьихъ деньгахъ? А когда, при сомнительныхъ обстоятельствахъ, необходимо было призвать на помощь и дотолѣ неизвѣстныхъ боговъ, то женщины наши всѣ вмѣстѣ не отправились ли къ берегу моря принять Матерь Идейскую? Отвѣтятъ мнѣ, что разныя были при этомъ побудительныя причины, да я и неимѣю въ мысляхъ равнять ихъ; для меня достаточно защитить женщинъ, показавъ, что онѣ новаго ничего не сдѣлали. Впрочемъ, если ни для кого не было предметомъ удивленія, что женщины дѣйствовали такъ въ дѣлахъ, которыя одинаково касались какъ до нихъ, такъ и до мущинъ, то зачѣмъ же намъ удивляться тому, что они такъ поступили въ дѣлѣ, которое непосредственно до нихъ касается? А что же они въ самомъ дѣлѣ сдѣлали? Прихотливый по истинѣ слухъ должны мы имѣть, если мы, между тѣмъ, какъ и господа не пренебрегаютъ просьбами рабовъ своихъ, приходимъ въ негодованіе отъ того, что насъ просятъ честныя женщины.»

6. Теперь прихожу къ тому, о чемъ идетъ дѣло: въ этомъ отношеніи консулъ разсматривалъ этотъ предметъ двояко: съ негодованіемъ смотритъ онъ на отмѣну каждаго, какого бы то ни было, закона, въ частности защищаетъ законъ, изданный для ограниченія роскоши и мотовства женщинъ. Слова Порція въ защиту законовъ вообще, условлены званіемъ его какъ консула; нападки же нароскошь соотвѣтствуютъ чрезмѣрной строгости нравовъ самаго оратора. А потому возникаетъ для насъ опасеніе, какъ бы если мы не докажемъ — и въ томъ

и въ другомъ отношеніи неосновательности воззрѣній консула, они не ввели васъ въ какое либо заблужденіе. Что касается меня собственно, то и я, относительно тѣхъ законовъ, которые изданы не на какой либо срокъ времени, но навсегда въ видахъ постоянной ихъ полезности—признаюсь, того убѣжденія, что ни одного изъ нихъ отмѣнять не слѣдуетъ, развѣ только или опытъ показалъ на дѣлѣ несостоятельность закона, или самое положеніе государства сдѣлало его ненужнымъ. Такимъ образомъ законы, вызванные потребностями извѣстнаго времени можно такъ выразиться, смертны и, какъ я вижу, измѣняются вмѣстѣ съ условіями времени. Большую часть законовъ, изданныхъ въ мирное время, отмѣняетъ военное положеніе, а изданныхъ въ военное время, возстановленіе мира, подобно тому, какъ при управленіи судномъ одни распоряженія условливаются временемъ тишины, а другія—бури. При такомъ различіи, условленномъ сущностію дѣла, къ какому же разряду относится повидимому этотъ законъ, объ отмѣнѣ котораго мы просимъ? Недревній ли это законъ, еще отъ временъ царей, получившій начало вмѣстѣ съ нашимъ городомъ. Или, что вслѣдъ за этимъ, незаписанъ ли онъ въ двенадцати таблицахъ, изданныхъ децемвирами, избранными для написанія законовъ, можетъ быть предки наши не считали возможнымъ сохранить безъ него честь женщинъ, а потому и намъ неслѣдуетъ ли опасаться, чтобы отмѣна закона не была вмѣстѣ отмѣною скромности и стыдливости женщинъ? —Кому же неизвѣстно, что этотъ законъ недавній, изданный за 20 лѣтъ передъ симъ въ консульство К. Фабія и Т. Семпронія. Если же, при отсутствіи этого закона, женщины наши, въ продолженіи столькихъ лѣтъ, отличались прекрасною нравственностію, то естьли намъ основаніе опасаться, что съ отмѣною этого закона, онѣ бросятся во всѣ излишества роскоши? Будь этотъ законъ изданъ для ограниченія неумѣренности женщинъ, то должнобы опасаться, какъ бы она не проявилась съ новою силою послѣ отмѣны закона; но, почему изданъ законъ, указываютъ обстоятельства времени. Аннибалъ въ Италіи былъ побѣдителемъ у Каннъ; уже Тарентъ, Арпы, Капуя—находились въ его власти. Ждали, что

вотъ вотъ онъ подвинетъ войско свое къ стѣнамъ Рима. Союзники наши отпали. Не было у насъ ни воиновъ на пополненіе убыли, ни матросовъ для обереженія флота, ни денегъ въ казначействѣ; вооружали мы и рабовъ, купленныхъ съ такимъ условіемъ, чтобы деньги за нихъ выплатить ихъ господамъ по окончаніи войны. Съ такою же отсрочкою денегъ и поставщики вызвались поставлять хлѣбъ и прочіе предметы, употребленіе которыхъ необходимо на войнѣ. Мы же давали рабовъ къ весламъ въ числѣ, опредѣленномъ соотвѣтственно цензу и жалованье имъ платили изъ нашего же кармана. Все серебро и золото наше мы, вслѣдъ за сенаторами, показавшими примѣръ такого поступка, принесли обществу. Вдовы и сироты представили также свои деньги въ казначейство. Сдѣлано было предостереженіе—болѣе какого количества серебра и золота въ дѣлѣ, а также серебра и мѣди въ монетѣ мы не должны были имѣть у себя дома. Не въ это ли время женщины наши предавались роскоши и щегольству въ такой мѣрѣ, что для ограниченія ихъ потребовался законъ Оппіевъ? Тогда какъ по причинѣ того, что жертвоприношеніе Церерѣ вслѣдствіе общаго плача всѣхъ женщинъ, было остановлено—необходимъ былъ сенатскій декретъ, ограничивавшій время плача тридцатью днями. Для кого же не ясно, что бѣдность и жалкое положеніе государства и то, что деньги всѣхъ частныхъ лицъ потребовались на общественныя нужды—условили написаніе этого закона, и что онъ долженъ оставаться только, пока будутъ существовать причины, условившія его изданіе? Если же опредѣленія сената и постановленія народа, относящіяся къ тому времени, должны сохранить свою силу навсегда, то зачѣмъ же мы возвратили частнымъ лицамъ ихъ деньги? Зачѣмъ за предметы, поставленные для общественной потребности, платимъ тотчасъ же деньгами? зачѣмъ не покупаемъ рабовъ для отправленія военной службы? Почему мы, частныя лица, не выставляемъ теперь гребцовъ, какъ поступили въ то время?

7. «И такъ для всѣхъ сословій, для всѣхъ гражданъ, ощутительна перемѣна къ лучшему, послѣдовавшая въ положеніи го-

сударства; однѣ жены наши не насладятся плодами мира и спокойствія общественнаго? Драгоцѣнными порфирными тканями мы мущины пользуемся; носимъ шитыя одежды при отправленіи должностей, при жертвоприношеніяхъ; дѣти наши облачаются въ тоги, вышитыя порфирою. Должностнымъ лицамъ въ нашихъ колоніяхъ и муниципіяхъ, а здѣсь въ Римѣ низшимъ сановникамъ, сельскимъ начальникамъ предоставили мы право носить шитую тогу; и не только живые сохраняютъ это отличіе, но даже и мертвые сожигаются вмѣстѣ съ нимъ. Однимъ женщинамъ запретимъ мы употребленіе пурпурныхъ тканей? И между тѣмъ какъ мущинамъ дозволено ихъ употреблять на постилки, матерямъ семей нашихъ не позволимъ мы имѣть порфирную накидку? Конь твой красивѣе будетъ убранъ, чѣмъ жена одѣта? Впрочемъ относительно пурпурныхъ тканей, которыя трутся, портятся, я еще понимаю причину упорства, хотя она и несправедлива; но относительно золотыхъ вещей, съ которыми уже невозможенъ ущербъ, послѣ того какъ они сдѣланы, что же можетъ быть дурнаго? Скорѣе же это будетъ запасъ, готовый на нужды частныя и общественныя, какъ вы уже это и испытали. Порцій утверждаетъ, что между женщинъ, при невозможности ни одной изъ нихъ имѣть, не возникаетъ соперничества. Но по истинѣ развѣ неприходятъ онѣ въ огорченіе и негодованіе, видя, что женамъ союзныхъ намъ Латинянъ доступны тѣ украшенія, которыя у нашихъ отняты: Латинянки украшаются золотомъ и пурпурными тканями; онѣ разъѣзжаютъ по городу въ колесницахъ, между тѣмъ какъ Римлянки идутъ пѣшками, какъ будто бы и господство принадлежитъ тѣмъ чужимъ гражданамъ, а не намъ. Умы мущинъ не могло бы это не огорчить: чего же вы ждете отъ женщинъ, на которыхъ дѣйствуютъ самыя мелочи? Недоступны имъ ни гражданскія, ни духовныя должности, ни тріумфы, ни отличія, ни дары, ни военная добыча. Опрятность, красота одеждъ и убранства—вотъ всѣ отличія женщинъ: ими они радуются и хвалятся. Совокупность этихъ достоинствъ, и по убѣжденію предковъ нашихъ, составляла прелесть женскую. Во время траура, что же слагаютъ съ себя женщины какъ не порфирныя ткани и золотыя вещи? И по окончаніи траура, не возлагаютъ ли на себя опять? Въ случаяхъ торжественныхъ, при молебствіяхъ и т. п. не стараются ли онѣ украситься еще болѣе? Но можетъ быть, съ отмѣною закона Оппіева, у каждаго изъ васъ не останется достаточно власти — воспретить, буде пожелаете то, чего теперь не дозволяетъ законъ; менѣе вамъ будутъ подчинены ваши дочери, жены, сестры? Ихъ зависимость отъ близкихъ не окончится, пока они живы. Для женщины ничего не можетъ быть ужаснѣе свободы, которая условлена вдовствомъ и сиротствомъ. Онѣ предпочитаютъ мѣру своихъ украшеній находить въ вашей волѣ, чѣмъ въ законѣ. Конечно, и вы женщинъ должны держать въ зависимости и опекѣ, но не въ рабствѣ; болѣе чести, чтобы онѣ называли васъ отцами и мужьями, чѣмъ господами. Ненавистныя слова употребилъ только что передъ симъ консулъ: онъ говорилъ о какомъ то женскомъ возстаніи и бунтѣ. Не должны ли мы опасаться, какъ бы женщины не заняли Священную гору, какъ нѣкогда раздраженная чернь, или Авентинскій холмъ? Но имѣйте снисхожденіе къ слабости консула, и рѣшите дѣло по вашему усмотрѣнію; чѣмъ вы сильнѣе, тѣмъ умѣреннѣе должны пользоваться властью».

8. Послѣ того когда такія то рѣчи сказаны были какъ въ защиту закона, такъ и противъ него — на другой день женщины еще въ большемъ числѣ, вышли изъ домовъ; онѣ сплошною толпою осадили двери всѣхъ тѣхъ трибуновъ, которые противились предложенію товарищей, и перестали просить не прежде, какъ трибуны отказались противудѣйствовать. Тогда уже не осталось никакого сомнѣнія въ томъ, что всѣ трибы отмѣнятъ законъ; онъ отмѣненъ чрезъ двадцать лѣтъ послѣ того какъ изданъ. Консулъ М. Порцій, по отмѣнѣ Оппіева закона, немедленно отправился къ порту Луны съ 25 длинными судами, изъ числа которыхъ пять принадлежали союзникамъ; туда же приказалъ онъ собраться войску. Разославъ повелѣнія по прибрежью моря, онъ собралъ суда всякаго рода

и, отправляясь отъ порта Луны, приказалъ имъ собраться къ порту Пиренейскому: оттуда онъ со всѣмъ флотомъ намѣревался идти противъ непріятеля. Обогнувъ Лигустинскія горы и Галльскій заливъ, суда прибыли къ назначенному консуломъ дню. Оттуда пошли къ Роду, и силою вытѣснили Испанскій гарнизонъ, находившійся въ укрѣпленіи. Изъ Роды съ попутнымъ вѣтромъ прибыли въ Емпоріи; здѣсь всѣ войска, кромѣ матросовъ, высажены на берегъ.

9. Уже въ то время, въ Емпоріяхъ было два города, раздѣленные стѣною: одинъ принадлежалъ Грекамъ, родомъ изъ Фокеи, откуда и Массилійцы, а другой Испанцамъ. Греческій городъ былъ обращенъ болѣе къ морю, такъ что весь кругъ стѣны, по открытому мѣсту, заключалъ въ себѣ не болѣе 400 шаговъ. Городъ Испанцевъ, болѣе удаленный отъ моря, былъ обнесенъ стѣною, имѣвшею въ окружности 3000 шаговъ. Въ послѣдствіи присоединился еще третій родъ жителей, Римскіе поселенцы, водворенные здѣсь божественнымъ цезаремъ послѣ пораженія сыновей Помпея. Теперь всѣ жители слились въ одно цѣлое, такъ какъ сначала Испанцы, потомъ Греки, приняты въ число гражданъ Римскихъ. Удивительно было бы для всякаго, кто бы въ то время посмотрѣлъ—въ чемъ Греки находятъ средства къ своей защитѣ, такъ какъ съ одной стороны было открытое море, а съ другой непосредственное сосѣдство Испанцевъ, народа дикаго и воинственнаго. Но защиту своей слабости Греки находили въ дисциплинѣ, которую и между храбрыхъ поддерживаетъ лучше всего страхъ. Часть стѣны, обращенная къ полю, была укрѣплена наилучшимъ образомъ и въ эту сторону были обращены только одни ворота: постояннымъ стражемъ ихъ былъ одинъ изъ городскихъ начальниковъ. Ночью третья часть гражданъ караулила по стѣнамъ, и это было не однимъ только обычаемъ и установленіемъ закона; но съ такимъ стараніемъ были содержимы караулы и дѣлаемы обходы, какъ будто бы непріятель находился у воротъ. Изъ Испанцевъ не допускали никого въ городъ, да и сами не выходили изъ него безъ соблюденія мѣръ осторожности: выходъ къ

морю былъ всѣмъ доступенъ. Въ ворота же, обращенныя къ Испанскому городу, они выходили не иначе, какъ въ большомъ числѣ, и почти всегда та третья часть гражданъ, которой слѣдовало въ ближайшую ночь держать караулы по стѣнамъ. Выходить же изъ города нужно было по слѣдующей причинѣ: торговля съ Греками была необходима и Испанцамъ, неопытнымъ на морѣ, и Греки желали продать вещи, привезенныя къ нимъ извнѣ на судахъ и закупать произведенія полей. Такія отношенія взаимной пользы дѣлали то, что городъ Испанскій былъ доступенъ Грекамъ: эти послѣдніе были тѣмъ безопаснѣе, что ихъ прикрывала сѣнь дружественныхъ отношеній къ Римлянамъ, и они держались ихъ крѣпко, хотя слабость ихъ силъ не давала имъ возможности быть полезными въ такой мѣрѣ, какъ Массилійцы. И тутъ жители приняли и консула и войско ласково и гостепріимно. Не много дней провелъ здѣсь Катонъ для узнанія, гдѣ находятся войска непріятельскія и въ какомъ количествѣ; а для того чтобы и это замедленіе не осталось безъ пользы, онъ все это время употребилъ на упражненіе войскъ. Въ то время года хлѣбъ у Испанцевъ былъ уже убранъ въ гумна; а потому консулъ воспретилъ закупщикамъ заготовлять хлѣбъ и отослалъ ихъ въ Римъ: война говорилъ онъ — должна сама себя кормить. Двинувшись изъ Емпорій, консулъ предалъ огню и мечу поля непріятельскія; вездѣ господствовали ужасъ и бѣгство.

10. Въ тоже время, когда М. Гельвій уходилъ изъ дальней Испаніи съ отрядомъ въ шесть тысячъ человѣкъ, даннымъ ему преторомъ Ап. Клавдіемъ, огромныя полчища Цельтиберовъ встрѣтили его у города Иллитургиса. Валерій пишетъ, что вооруженныхъ воиновъ было у нихъ двадцать тысячъ; двенадцать тысячъ изъ нихъ убито, городъ Иллитургисъ взятъ, и въ немъ истреблены всѣ взрослые граждане мужескаго пола. Оттуда Гельвій прибылъ къ лагерю Катона, и такъ какъ эта сторона была уже безопасна отъ непріятелей, то Гельвій отослалъ свой отрядъ обратно въ дальную Испанію, а самъ отправился въ Римъ, гдѣ и имѣлъ въѣздъ въ городъ съ почестями оваціи за свои удач-

ныя дѣйствія на войнѣ. Недѣланнаго серебра внесъ онъ въ казначейство четырнадцать тысячь семьсотъ тридцать два фунта, а въ монетѣ семьнадцать тысячь двадцать три; Осценскаго серебра—сто двадцать тысячь четыреста тридцать восемь фунтовъ. Сенатъ отказалъ ему въ почестяхъ тріумфа на томъ основаніи, что онъ сражался чужимъ счастіемъ (подъ чужими ауспиціями) и въ чужой провинціи. Впрочемъ, онъ возвратился уже черезъ два года, такъ какъ, по передачѣ провинціи своему преемнику, К. Минуцій, въ продолженіи слѣдующаго года, былъ задержанъ тамъ долгою и тяжкою болѣзнью. А потому Гельвій вошелъ въ Римъ съ почестями оваціи только за два мѣсяца передъ тѣмъ, какъ его преемникъ К. Минуцій имѣлъ торжественный въѣздъ; этотъ съ своей стороны внесъ серебра тридцать четыре тысячи восемьсотъ фунтовъ; въ монетѣ семьдесятъ восемь тысячь, и Осційскаго серебра двѣсти семьдесятъ восемь тысячь.

11. Между тѣмъ въ Испаніи консулъ имѣлъ лагерь не подалеку отъ Емпорій. Туда прибыли трое пословъ отъ царька Иллергетовъ, Билистага—въ томъ числѣ одинъ его сынъ. Они жаловались, что ихъ укрѣпленія подвергаются нападеніямъ и что нѣтъ никакой надежды на сопротивленіе, если ихъ незащитятъ Римскіе воины. Достаточно будетъ трехъ тысячь и непріятель, если прійдетъ такое подкрѣпленіе, не останется. На это консулъ отвѣчалъ, что онъ: «не остается равнодушенъ ни къ ихъ опасности, ни къ затруднительному положенію, но что у него не столько войскъ, чтобы для него было возможно, имѣя недалеко отъ себя значительныя непріятельскія силы, съ которыми въ скоромъ времени прійдется сражаться въ открытомъ бою—чего онъ и ждетъ со дня на день—безъ вреда для себя ослабить силы, отдѣливъ часть войска». Выслушавъ такой отвѣтъ, послы со слезами упали къ ногамъ консула; они его умоляли: чтобы онъ ихъ не покидалъ при такихъ тревожныхъ ихъ обстоятельствамъ. Куда же имъ идти, если ихъ оттолкнутъ отъ себя Римляне? Нѣтъ у нихъ ни союзниковъ и никакой надежды ни откуда. Могли бы они быть внѣ этой опасности, если бы захотели измѣнить вѣрности, и вступить въ заговоръ съ другими; никакія опасенія, никакія угрозы не могли на нихъ подѣйствовать, такъ какъ они полагали всегда найдти въ Римлянахъ достаточно помощи и защиты. Но если же это не такъ, если консулъ имъ откажетъ, то они берутъ въ свидѣтели и боговъ, и людей, что противъ воли своей и вынужденно, для того чтобы не подпасть участи Сагунтинцевъ, они должны будутъ измѣнить и если необходимо гибнуть, то они предпочитаютъ гибнуть съ прочими Испанцами, чѣмъ одни».

12. И въ этотъ день они отпущены такъ, безъ отвѣта. Консулъ въ послѣдовавшую затѣмъ, ночь волнуемъ былъ двоякою заботою: не хотѣлось ему ни оставить безъ помощи союзниковъ, ни уменьшить войско, что могло бы или замедлить сраженіе, или повлечь за собою опасность, если сраженіе дано будетъ. Остановился на рѣшеніи — войска не убавлять для того, чтобы непріятели тѣмъ временемъ не нанесли урона, союзникамъ же онъ положилъ подать надежду, которая и должна была замѣнить существенную помощь. Нерѣдко мнимое сходило за дѣйствительное, а особенно на войнѣ; тотъ кто былъ увѣренъ, что получитъ помощь, дѣйствовалъ какъ бы и получилъ ее, и нашелъ свое спасеніе въ этой увѣренности, надеждѣ и смѣлости. На другой день консулъ далъ посламъ слѣдующій отвѣтъ: хотя онъ и не чуждъ опасенія, какъ бы не уменьшить свои силы, услуживая ими другимъ; впрочемъ, онъ принимаетъ болѣе въ соображеніе ихъ обстоятельства и опасность, чѣмъ свои собственныя.» Вслѣдъ за тѣмъ онъ отдалъ приказаніе третьей части воиновъ изо всѣхъ когортъ — заблаговременно сварить пищу, которую они должны были взять съ собою на суда, а ихъ приказалъ изготовить къ третьему дню. Двумъ посламъ онъ велѣлъ отнести это извѣстіе Билистагу и Илергетамъ, а сына царька удержалъ при себѣ, осыпая его ласками и подарками. Послы отправились не прежде какъ увидѣли, что воины Римскіе сѣли на суда. Такъ какъ послы принесли объ этомъ самое вѣрное извѣстіе, то не только ихъ соотечествен-

ники, но даже и непріятели были вполнѣ убѣждены, что помощь отъ Римлянъ незамедлитъ прійдти.

13. Консулъ, полагая, что уже достаточно было сдѣлано для виду, приказалъ воиновъ отозвать съ судовъ; а самъ, такъ какъ приближалось время года, когда можно было дѣйствовать, зимніе лагери свои помѣстилъ на разстояніи трехъ тысячь шаговъ отъ Емпорій. Отсюда при случаѣ—то въ одну сторону, то въ другую,—оставивъ небольшой гарнизонъ для защиты лагеря, выводилъ воиновъ для грабежа по полямъ непріятельскимъ. Почти всегда эти походы совершались ночью для того, чтобы и отойдти подальше отъ лагеря и напасть неожиданно. Такіе набѣги служили упражненіемъ для вновь набранныхъ воиновъ и въ нихъ было захватываемо множество непріятелей, такъ что они уже не смѣли выходить за окопы своихъ укрѣпленій. Когда консулъ слишкомъ достаточно испыталъ расположеніе умовъ и своихъ воиновъ, и непріятелей, то отдалъ приказаніе созвать трибуновъ, префектовъ, всѣхъ всадниковъ, и сотниковъ: «настало время, давно уже вами желанное, имѣть возможность показать вашу доблесть. До сихъ поръ вы дѣйствовали на войнѣ болѣе какъ грабители, чѣмъ воины: теперь же въ правильномъ бою сразитесь вы съ вашими противниками; тогда уже представится вамъ возможность не поля уже опустошать, но исчерпать богатства городовъ. Отцы наши, и въ то время, когда Испанія была во власти Карѳагенянъ, и вожди и войска ихъ находились въ ней, сами же они не имѣли еще тамъ ни военачальника, ни воиновъ; тѣмъ не менѣе не захотѣли прибавить въ мирномъ договорѣ: чтобы рѣка Иберъ была границею ихъ владѣній. Теперь же, когда въ Испаніи находятся два претора, консулъ, три войска Римскихъ, изъ Карѳагенянъ же вотъ почти десять лѣтъ никого не было въ этихъ провинціяхъ, власть наша по сю сторону Ибера утрачена. Необходимо вамъ возвратить ее силою оружія и вашею доблестью и народъ, который скорѣе необдуманно взбунтовался, чѣмъ постоянно и съ упорствомъ велъ войну, заставьте опять принять на себя иго зависимости, которое онъ было съ себя скинулъ.» Поговоривъ еще весьма убѣдительно въ

этомъ смыслѣ, консулъ наконецъ объявилъ, что ночью поведетъ воиновъ къ лагерю непріятельскому; затѣмъ они отпущены отдохнуть.

14. Среди ночи, посвятивъ сколько нужно было времени гаданіямъ, консулъ двинулся занять ту позицію, которую намѣревался, прежде чѣмъ догадался бы объ этомъ непріятель и обведя войско мимо лагеря непріятельскаго, на разсвѣтѣ, устроивъ войско въ боевой порядокъ, выслалъ подъ самые окопы непріятельскаго лагеря три когорты. Дикари, удивляясь, какъ Римляне явились съ тылу, бросились сами къ оружію. Между тѣмъ консулъ говорилъ своимъ: «теперь вся ваша надежда, воины, въ доблести и я съ умысломъ сдѣлалъ, чтобы такъ было; въ серединѣ между нами и нашимъ лагеремъ непріятели; съ тылу непріятельская область. Такимъ образомъ что честнѣе всего, то и безопаснѣе — въ доблести полагать всю надежду.» Тутъ онъ отдалъ приказаніе когортамъ отступать, для того чтобы заманить дикарей притворнымъ бѣгствомъ. Такъ и случилось какъ ожидалъ консулъ. Полагая, что Римляне оробѣли и отступаютъ, дикари бросились въ ворота; все мѣсто, какое оставалось между ихъ лагеремъ и непріятельскимъ строемъ, наполнилось вооруженными воинами. Пока между ними происходила суматоха, и они устроивались въ ряды, консулъ, у котораго уже все было готово и устроено, напалъ на непріятелей, находившихся въ безпорядкѣ. Сначала онъ пустилъ въ дѣло на томъ и другомъ флангѣ конницу, но всадники на правомъ флангѣ были тотчасъ отбиты и, отступая въ безпорядкѣ, стали было разстроивать и пѣхоту. Видя это, консулъ приказалъ двѣ отборныя когорты обвести съ праваго фланга непріятелей и показать ихъ въ тылу, прежде чѣмъ сразятся пѣшіе строи. Такая угроза, сдѣланная непріятелю, поправила дѣло, испорченное было трусостью Римскихъ всадниковъ. Впрочемъ и конные и пѣшіе воины на правомъ крылѣ дотого пришли въ смущеніе, что консулъ собственною рукою хваталъ нѣкоторыхъ, и обращалъ ихъ лицомъ къ непріятелю. Такимъ образомъ, и пока дѣло ограничивалось бросаніемъ метательныхъ

орудій, участь сраженія была сомнительная и уже на правомъ флангѣ, съ котораго начались опасенія и бѣгство, съ трудомъ сопротивлялись Римляне. На лѣвомъ флангѣ и съ фронта дикари были тѣснимы, съ ужасомъ озираясь на когорты, поставленныя у нихъ въ тылу. Когда дротики и копья изъ цѣльнаго желѣза были брошены и воины взялись за мечи, то сраженіе какъ бы началось вновь. Уже не получали болѣе нечаянныхъ ударовъ, наносимыхъ издали, но, встрѣтясь грудь съ грудью, воины всѣ надежды полагали только на свои силы и доблесть.

15. Консулъ уже утомленныхъ своихъ воиновъ ободрилъ, введя въ дѣло резервныя когорты изъ второй линіи; образовался новый строй. Съ свѣжими силами они аттаковали непріятелей, уже утомленныхъ, новыми стрѣлами и быстрымъ натискомъ, какъ клиномъ, они пробили ихъ ряды; потомъ, разстроивъ, обратили ихъ въ бѣгство и они какъ попало, разсѣявшись по полю, бѣжали въ лагерь. Когда Катонъ видѣлъ, что повсюду распространилось бѣгство, онъ подъѣхалъ на конѣ ко второму легіону, который находился въ резервѣ; онъ приказалъ нести впередъ себя военные значки, и ускореннымъ шагомъ двинуться къ аттакѣ непріятельскаго лагеря. Если кто изъ воиновъ отъ излишняго усердія выбѣгалъ изъ рядовъ, то консулъ и самъ, нагнавъ его на лошади, билъ мечомъ и приказывалъ трибунамъ и сотникамъ останавливать строго. Уже лагерь непріятельскій подвергся нападенію: съ окоповъ отбивали Римлянъ камнями, кольями и всякаго рода оружіемъ. Когда подошелъ легіонъ свѣжій, то у нападающихъ прибавилось смѣлости, и непріятели еще упорнѣе стали защищаться съ окоповъ. Консулъ окинулъ все взглядомъ и сдѣлалъ нападеніе въ ту сторону, гдѣ видѣлъ менѣе сильное сопротивленіе. Замѣтивъ, что у лѣвыхъ воротъ непріятели не въ очень большомъ числѣ, онъ туда направилъ принциповъ и гастатовъ втораго легіона. Не выдержалъ ихъ натиска непріятельскій постъ, поставленный у воротъ и прочіе Испанцы, видя уже непріятеля внутри окоповъ и потерю лагеря неминуемою, побросали значки и оружіе. Большой уронъ понесли они въ воротахъ, гдѣ они сами себя

стѣснили многолюдствомъ. Воины втораго легіона поражаютъ непріятеля съ тылу, а прочіе грабятъ лагерь. Валерій Антіасъ пишетъ, что въ этотъ день убито у непріятелей сорокъ тысячь человѣкъ. Самъ Катонъ, котораго далека была конечно мысль уменьшить свою славу, говоритъ, что много непріятелей было побито, числа же не означаетъ.

16. Консулъ, какъ полагаютъ, сдѣлалъ въ этотъ день три распоряженія, особенно достойныя похвалы: первое заключалось въ томъ, что онъ, обведя кругомъ войско далеко отъ судовъ своихъ и лагеря, гдѣ имъ неоставалось другой надежды кромѣ доблести, далъ сраженіе среди непріятелей; другое, что онъ поставилъ когорты съ тылу у непріятелей и третье, что онъ второй легіонъ, между тѣмъ какъ всѣ прочіе воины въ безпорядкѣ бросились преслѣдовать непріятеля, совершенно устроенный въ боевомъ порядкѣ подъ знаменами полнымъ шагомъ повелъ къ воротамъ лагерей. Потомъ не было сдѣлано никакого упущенія въ томъ, какъ бы воспользоваться побѣдою. По данному къ отступленію знаку, консулъ отвелъ назадъ въ лагерь своихъ воиновъ, обремененныхъ добычею; немного часовъ ночи посвятивъ отдохновенію, онъ повелъ ихъ потомъ въ поля для грабежа. На далекое пространство опустошено все, такъ какъ непріятели разсѣялись бѣгствомъ. Это обстоятельство, не менѣе какъ и неудачное сраженіе, бывшее наканунѣ, побудило Испанцевъ Емпоританскихъ и ихъ сосѣдей къ изъявленію покорности. Жители многихъ другихъ городовъ, ушедшіе въ Емпоріи, также покорились; ихъ всѣхъ консулъ обласкалъ, угостилъ виномъ и пищею, и отправилъ по домамъ. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ немедленно снялъ лагерь оттуда и куда ни двигался Римскій строй, вездѣ встрѣчали его послы городовъ, изъявлявшихъ покорность. Когда онъ прибылъ въ Тарракону, то уже вся Испанія по сю сторону Ибера была усмирена; плѣнные — и Римляне, и союзники, и Латиняне, захваченные въ Испаніи разными случаями, были приводимы консулу въ даръ отъ варваровъ. Потомъ распространился слухъ, что консулъ отведетъ свое войско въ Турдетанію, и пронеслось ложное извѣстіе, что

онъ уже отправился къ горцамъ, живущимъ въ мѣстахъ непроходимыхъ. Вслѣдствіе этого пустаго, неизвѣстно кѣмъ пущеннаго въ ходъ слуха, семь укрѣпленныхъ замковъ Бергистанскаго народа отпали было, но консулъ, поведя туда войско, покорилъ ихъ своей власти безъ особенно замѣчательнаго сраженія. Скоро послѣ того они же, съ возвращеніемъ консула въ Тарракону, измѣнили прежде чѣмъ онъ выступилъ оттуда въ какую либо сторону. Опять покорены, но на этотъ разъ побѣжденнымъ не даровано болѣе прощенія; проданы всѣ они въ рабство съ публичнаго торга, для того чтобы они уже не тревожили болѣе безпрестанными просьбами о мирѣ.

17. Между тѣмъ преторъ П. Манлій, принявъ старое войско отъ К. Минуція, котораго былъ преемникомъ и присоединивъ къ нему также старое войско Ап. Клавдія Нерона изъ отдаленной Испаніи — отправился въ Турдетанію. Племя Турдетановъ изо всѣхъ Испанцевъ считается самимъ невоинственнымъ; но, полагаясь на свое многолюдство, они пошли на встрѣчу войску Римскому. Пущенная противъ ихъ конница тотчасъ смяла ихъ ряды; схватка пѣхоты почти не представляла никакой борьбы. Воины старые, хорошо знакомые и съ непріятелемъ и съ образомъ веденія войны, дѣлали исходъ сраженія внѣ всякаго сомнѣнія. Впрочемъ этимъ сраженіемъ война не была приведена къ концу. Турдулы нанимаютъ десять тысячь Цельтиберовъ и готовятся вести войну чужимъ оружіемъ. Между тѣмъ консулъ, встревоженный возмущеніемъ Бергистанцевъ, опасаясь, какъ бы и другія племена при этомъ случаѣ не поступили также, отобралъ оружіе у всѣхъ Испанцевъ по сю сторону Ибера. Такое распоряженіе консула до того огорчило Испанцевъ, что многіе изъ нихъ сами себѣ причинили смерть: народъ суровый былъ того убѣжденія, что и жить не стоитъ неимѣя оружія. Консулъ получивъ объ этомъ извѣстіе, велѣлъ позвать къ себѣ старѣйшинъ всѣхъ племенъ и сказалъ имъ: «не столько для насъ, сколько для васъ самихъ важно, чтобы вы не бунтовали, такъ какъ всякій разъ это дѣлалось съ большимъ вредомъ для Испанцевъ, чѣмъ съ трудомъ для Римскаго

войска. Предупредить это, чтобы неслучалось, я, по моему мнѣнію, вижу только одно средство — сдѣлать такъ, чтобы вы не были въ состояніи бунтовать; я хочу этого достигнуть средствами, сколько возможно болѣе мягкими. И вы съ своей стороны помогите мнѣ въ этомъ дѣлѣ совѣтомъ; всего охотнѣе послѣдую я тому плану дѣйствій, который вы сами мнѣ предложите.» Такъ какъ они на это ничего не отвѣчали, то консулъ сказалъ, что даетъ имъ на размышленіе нѣсколько дней. Будучи позваны и второй разъ на совѣщаніе, старѣйшины молчали; тогда консулъ въ одинъ день велѣлъ разрушить стѣны городовъ, а самъ двинулся противъ тѣхъ, которые были еще не покорными, и въ какую сторону онъ ни приходилъ, всѣ народы, жившіе вокругъ, изъявляли покорность. Только Сегестику, городъ важный и богатый, онъ взялъ съ помощью осадныхъ орудій.

18. Ему предстояло болѣе трудностей приводить непріятелей къ покорности, чѣмъ Римлянамъ когда они только что пришли въ Испанію: къ нимъ тогда Испанцы охотно приставали, наскучивъ властью Карѳагенянъ. А теперь приходилось Испанцевъ какъ бы приводить въ рабство послѣ добытой ими вольности. Онъ получилъ все въ такомъ волненіи, что одни уже вооружились, другіе осадою побуждаемы были къ отпаденію, и повидимому не могли долго сопротивляться, если въ скоромъ времени не будетъ имъ подана помощь. Но въ консулѣ была такая сила и ума и воли, что онъ все, и важное и неважное, самъ обдумывалъ и приводилъ въ дѣло. И не только онъ придумывалъ и дѣлалъ распоряженія, какія нужно было по обстоятельствамъ, но и большую часть осуществлялъ на дѣлѣ самъ. Ни къ кому не примѣнялъ онъ свою власть такъ строго и неумолимо, какъ въ отношеніи къ самому себѣ: бережливостью, бодрствованіемъ и трудомъ онъ соперничалъ съ послѣднимъ изъ своихъ воиновъ, и ничѣмъ особеннымъ ни отличался онъ въ рядахъ своего войска, кромѣ чести и власти.

19. Веденіе войны въ Турдетаніи претору П. Манлію затрудняли Цельтиберы, нанятые за деньги непріятелями, какъ

мы объ этомъ сказали выше, а потому консулъ, будучи приглашенъ письмомъ претора, повелъ туда легіоны. По прибытіи его туда—Цельтиберы и Турдетаны имѣли отдѣльные лагери — Римляне произвели тотчасъ же съ Турдетанами легкія сраженія, дѣлая набѣги на ихъ посты, и постоянно они выходили побѣдителями изъ схватки, какъ бы она ни было смѣло затѣяна. Къ Цельтиберамъ для переговоровъ консулъ приказалъ идти военнымъ трибунамъ и предложить имъ на выборъ три условія: первое — не хотятъли они перейдти къ Римлянамъ, въ такомъ случаѣ они получаютъ двойное жалованье противъ того, въ какомъ они условились съ Турдетанами. Второе, не хотятъ ли они отправиться домой, въ такомъ случаѣ они получатъ торжественное увѣреніе, что ихъ прежній союзъ съ врагами Римлянъ не повлечетъ для нихъ ни какихъ непріятныхъ послѣдствій. Третье — если они во всякомъ случаѣ непремѣнно желаютъ войны, то пусть назначатъ день и мѣсто, гдѣ можно было бы сразиться съ ними оружіемъ. Цельтиберы выпросили на размышленіе одинъ день; такъ какъ на ихъ совѣщаніе замѣшались и Турдетаны, то было много шуму, и тѣмъ менѣе могло послѣдовать какое либо рѣшеніе. Не смотря на неизвѣстность—будетъ ли война или миръ съ Цельтиберами—припасы всякаго рода, какъ будто бы въ мирное время, Римляне вывозили съ полей и замковъ непріятельскихъ; нерѣдко входили они даже за ихъ укрѣпленія, какъ будто частнымъ образомъ, по взаимному безмолвному соглашенію, заключено было между ними перемиріе. Консулъ, видя невозможность вызвать непріятеля на бой, сначала повелъ въ боевомъ порядкѣ нѣсколько легкихъ когортъ для грабежа въ поля страны, еще уцѣлѣвшія; потомъ, услыхавъ, что Цельтиберы сложили всѣ свои запасы и тяжести въ Сегунтіѣ, онъ повелъ туда войска для аттаки этого города. Убѣдясь, что ничего на этотъ разъ нельзя сдѣлать, консулъ, выплативъ жалованье воинамъ не только своимъ, но и преторскимъ, и оставивъ все войско въ лагерѣ претора, самъ съ семью когортами возвратился къ рѣкѣ Иберу.

20. И съ этимъ, столь небольшимъ, отрядомъ онъ взялъ нѣсколько городовъ; пристали къ нему Седетаны, Авзетаны, Суессетаны, Лацетаны, племя живущее въ лѣсахъ и неприступныхъ дебряхъ, были съ оружіемъ въ рукахъ, и по природной своей дикости, и по сознанію вины своей, такъ какъ въ то время, когда консулъ и его войско заняты были войною съ Турдулами, они нечаянными набѣгами опустошили поля союзниковъ. Вслѣдствіе этого консулъ повелъ для нападенія на ихъ городъ не только Римскія когорты, но и молодежь союзниковъ, за дѣло имъ враждебныхъ. Городъ ихъ имѣлъ болѣе протяженія въ длину, чѣмъ въ ширину. Шагахъ въ четырехстахъ консулъ велѣлъ остановиться значкамъ, здѣсь оставилъ онъ постъ отборныхъ когортъ съ приказаніемъ имъ—не прежде двинуться съ мѣста, какъ когда онъ самъ къ нимъ придетъ; прочія войска онъ обвелъ къ части города, находившейся по далѣе. Въ рядахъ вспомогательныхъ войскъ болѣе всего имѣлъ онъ Суессетанскихъ молодыхъ людей; имъ онъ приказалъ броситься къ стѣнамъ города для нападенія на нихъ. Когда Лацетаны узнали ихъ оружіе и значки, то припомнивъ, сколько разъ они безнаказанно гуляли по ихъ полямъ, и сколько разъ ихъ же въ боевыхъ схваткахъ поражали и обращали въ бѣгство, вдругъ отворивъ городскія ворота, всею толпою бросились на нихъ. Даже ихъ военныхъ кликовъ, не только натиска, не выдержали Суессетаны. Консулъ, видя, что случилось именно то, чего онъ ожидалъ, пришпоривъ коня, бросился къ когортамъ, стоявшимъ у стѣнъ города непріятельскаго; схвативъ эти когорты, онъ ихъ ввелъ въ городъ, гдѣ царствовали тишина и пустота, такъ какъ всѣ жители его бросились въ погоню за Суессетанами; все уже было во власти консула прежде, чѣмъ вернулись Лацетаны. Вслѣдъ за тѣмъ онъ принялъ отъ нихъ изъявленіе покорности, такъ какъ у нихъ ничего не оставалось кромѣ оружія.

21. Немедленно оттуда побѣдитель двинулся къ Вергійскому укрѣпленію; тутъ былъ главный притонъ разбойниковъ и оттуда производимы были набѣги на уже умиротворенныя поля этой провинціи. Перебѣжалъ оттуда къ консулу Вергестанскій старѣйшина, и сталъ оправдывать себя и своихъ соотечественни-

ковъ: «управленіе дѣлами общественными уже болѣе не въ ихъ власти; разбойники, собравшись въ это укрѣпленіе, присвоили его совершенно себѣ». Консулъ приказалъ ему вернуться домой и придумать своей отлучкѣ какой либо благовидный поводъ: «когда же увидитъ, что онъ, консулъ, подходитъ къ стѣнамъ и вниманіе разбойниковъ будетъ обращено на ихъ оборону, то пусть онъ съ людьми своей партіи, поспѣшитъ занять цитадель». Все это было исполнено согласно съ наставленіями консула. Тогда дикарями овладѣлъ двойной ужасъ: съ одной стороны Римляне лѣзли на стѣны, а съ другой цитадель уже была взята. Овладѣвъ городомъ, консулъ тѣхъ, которые находились въ цитадели, и ихъ родственниковъ отпустилъ свободными и съ имуществомъ; а остальныхъ Вергестанцевъ велѣлъ квестору продать, разбойниковъ казнилъ. Умиривъ провинцію, онъ установилъ значительные сборы съ желѣзнаго и серебряннаго производства, которое стало все болѣе развиваться, и вмѣстѣ съ тѣмъ провинція богатѣть со дня на день. По случаю событій въ Испаніи сенатъ опредѣлилъ трехдневное молебствіе.

22. Въ то же лѣто другой консулъ, Л. Валерій Флаккъ, въ Галліи, подлѣ Литанскаго лѣсу, имѣлъ удачное сраженіе въ открытомъ полѣ съ отрядомъ Боіевъ; по слухамъ въ этомъ сраженіи убито восемь тысячъ Галловъ, а прочіе, оставивъ воевать, разошлись по своимъ деревнямъ и полямъ. Консулъ остальную часть лѣта провелъ съ войскомъ на берегахъ рѣки По въ Плаценціѣ и Кремонѣ; здѣсь онъ возобновилъ то, что въ этихъ городахъ было разрушено войною. Между тѣмъ какъ таково было положеніе дѣлъ въ Италіи и Испаніи, зимовка Т. Квинкція въ Греціи прошла такъ, что, исключая Эголовъ, получившихъ награду не соразмѣрно съ надеждою побѣды, да и при томъ не могли они долго оставаться довольными однимъ и тѣмъ же — вся Греція, наслаждаясь благами вмѣстѣ мира и свободы, въ высшей степени была довольна своимъ положеніемъ и не знала — чему болѣе удивляться: доблести ли Римскаго вождя на войнѣ, или умѣренности, справедливости и благоразумію

при пользованіи побѣдою. Тутъ Квинкцій получилъ сенатскій декретъ, заключавшій въ себѣ объявленіе войны Набису Лакедемонскому. Прочитавъ его, Квинкцій назначилъ къ извѣстному дню собраться въ Коринѳъ посольствамъ всѣхъ союзныхъ городовъ. Когда явились сюда со всѣхъ сторонъ въ большомъ числѣ старѣйшины — даже и Эголы тутъ присутствовали — то Квинкцій сказалъ слѣдующее: «войну съ царемъ Филиппомъ Римляне, и Греки, и вели, съ общаго совѣта и обсужденія, и имѣли какъ тѣ, такъ и другіе, свои причины для ея веденія. Дружественный союзъ съ Римлянами онъ нарушилъ, то оказывая вспомоществованіе Карѳагенянамъ, ихъ непріятелямъ, то нападая на нашихъ союзниковъ. Къ вамъ же онъ былъ таковъ, что если бы даже мы рѣшились забыть свои собственныя обиды, то вашей одной было бы достаточно для вполнѣ законной причины къ войнѣ. Теперешнее же обсужденіе будетъ вполнѣ зависѣть отъ васъ; я отдаюсь на васъ: хотите ли вы, чтобы Аргосъ, какъ вамъ самимъ хорошо извѣстно, занятый Набисомъ, такъ и оставался въ его власти; или не сочтете ли вы болѣе справедливымъ, чтобы одинъ изъ знаменитѣйшихъ и древнѣйшихъ городовъ Греціи, находящійся въ самой ея срединѣ, воспользовался правами свободы и находился бы въ такомъ же положеніи, въ какомъ и прочіе города Пелопоннеза и Греціи. Обсужденіе этого вопроса касается, какъ видите сами, вполнѣ васъ однихъ. Римлянамъ же нѣтъ дѣла до него, развѣ только въ томъ отношеніи, что, при освобожденіи ими Греціи, рабство одного города, не даетъ имъ еще полной, совершенно чистой славы. Впрочемъ, если васъ не трогаетъ ни забота объ этомъ городѣ, ни примѣръ, ни опасность, какъ бы зараза этого зла не распространилась далѣе, то мы и такое ваше рѣшеніе сочтемъ за хорошее и справедливое. Въ этомъ дѣлѣ я прошу вашего совѣта и остановлюсь на томъ рѣшеніи, какое вы примете большинствомъ голосовъ».

23. Вслѣдъ за рѣчью Римскаго императора, стали отбирать мнѣнія. Посолъ Аѳинянъ высказывалъ благодарность Римлянамъ сколько можно болѣе въ сильныхъ выражені-

яхъ; онъ превозносилъ похвалами заслугу Римлянъ въ отношеніи къ Греціи: снисходя усерднымъ мольбамъ, они подали помощь противъ царя Филиппа; теперь же, безо всякой просьбы, сами съ своей стороны вызываются подать помощь противъ тиранна Набиса. Далѣе посолъ Аѳинянъ высказалъ свое негодованіе на то, что и такія заслуги Римлянъ подвергаются нападкамъ нѣкоторыхъ, распространяющихъ клеветы относительно будущаго, между тѣмъ какъ гораздо лучше было бы сознать откровенно до сихъ поръ сдѣланныя имъ благодѣянія. Очень ясно было, что это — нападка на Этоловъ. А потому Александръ, старѣйшина этого народа, сначала побранилъ Аѳинянъ за то, что они, бывъ нѣкогда виновниками и руководителями свободы, теперь изъ личной угодливости измѣняютъ общему дѣлу; потомъ онъ жаловался: что Ахейцы, прежде служившіе въ рядахъ войска Филиппова вмѣстѣ съ перемѣною счастія оставили его, получили за это Коринѳъ и теперь добиваются Аргоса. А Этолы, съ самаго начала враги Филиппа и постоянные союзники Римлянъ, лишены обманомъ Ехина и Фарсала, не смотря на то, что въ союзномъ договорѣ прямо сказано, что съ пораженіемъ Филиппа эти города и области будутъ ихъ. Обвинялъ онъ Римлянъ въ коварствѣ за то что: поманивъ однимъ пустымъ названіемъ вольности, они своими гарнизонами заняли Халкиду и Деметріаду, между тѣмъ какъ они же, Римляне, когда Филиппъ медлилъ выводить свои войска, обыкновенно твердили противъ него, что Греція никогда не можетъ быть свободною, пока будутъ заняты войсками Деметріада, Халкида и Коринѳъ; наконецъ Аргосъ и Набисъ служатъ для Римлянъ только предлогомъ оставаться въ Греціи и удержать здѣсь свои войска. Пусть они свои легіоны отвезутъ назадъ въ Италію. Этолы даютъ слово, что или Набисъ выведетъ изъ Аргоса свой гарнизонъ добровольно, на извѣстныхъ условіяхъ, или они силою оружія заставятъ его принять то рѣшеніе, которое съ общаго согласія будетъ принято Греціею.

24. Такое пустословіе Этоловъ вызвало прежде всего возраженіе Аристена, претора Ахейскаго: «да не потерпятъ, сказалъ онъ, Юпитеръ всемогущій и всеблагій и царица Юнона, подъ покровомъ которыхъ находятся Аргосъ, чтобы этотъ городъ былъ предметомъ состязанія между тиранномъ Лакедемонскимъ и грабителями Этолами, и чтобы ему грозила участь еще болѣе жалкая—попасться имъ въ руки, чѣмъ находиться, какъ теперь, во власти тиранна. Море, переброшенное между ними и этими разбойниками, не послужитъ намъ защитою, Квинкцій. Что же съ ними будетъ, если они сдѣлаютъ себѣ оплотъ въ самой срединѣ Пелопонеса? Греки они только по языку, точно также какъ и люди только по наружности, нравы же и обычаи ихъ суровѣе, чѣмъ какихъ либо дикарей, даже чѣмъ звѣрей хищныхъ. А потому мы, Римляне, васъ просимъ—Аргосъ исторгнуть изъ власти Набиса и дѣла Греціи устроить такъ, чтобы спокойствіе ея было достаточно обезпечено и отъ этихъ разбойниковъ Этоловъ». Римскій вождь, видя, что всѣ нападаютъ на Этоловъ, сказалъ, что: «и онъ отвѣчалъ бы имъ, если бы не видѣлъ такого общаго противъ нихъ ожесточенія, что нужно скорѣе успокоить, чѣмъ раздражать умы. А потому, будучи доволенъ общимъ мнѣніемъ, какъ оно высказалось относительно Римлянъ и Этоловъ, онъ спрашиваетъ: что они думаютъ о войнѣ съ Набисомъ, если онъ не возвратитъ Аргосъ? Когда всѣ опредѣлили войну, то консулъ сталъ убѣждать ихъ, чтобы каждый городъ прислалъ вспоможеніе, соразмѣрно съ своими силами. Къ Этоламъ онъ отправилъ даже посла, болѣе для того, чтобы они обнаружили свой образъ мыслей, чѣмъ въ надеждѣ получить исполненіе просьбы.

25. Военнымъ трибунамъ отдалъ онъ приказаніе — привести войско изъ Елатіи. Въ тоже время онъ посламъ Антіоха на ихъ просьбу о заключеніи союза, отвѣчалъ; «онъ не можетъ дать имъ никакого рѣшенія въ отсутствіи десяти уполномоченныхъ, Нужно имъ идти въ Римъ къ сенату.» А самъ войска, приведенныя отъ Елатіи, повелъ къ Аргосу. Около Клеонаса встрѣтилъ его Аристенъ преторъ съ десятью тысячами пѣшихъ Ахейцевъ и тысячью всадниковъ. Не подалеку оттуда соединенные вой-

ска стали лагеремъ; на другой день они вошли въ Аргивскую область и заняли мѣсто для лагерей почти въ четырехъ миляхъ отъ Аргоса. Начальникомъ Лакедемонскаго гарнизона былъ Пиѳагоръ, зять тиранна и братъ его жены. Къ прибытію Римлянъ, онъ обѣ крѣпости — ихъ въ Аргосѣ двѣ, — и другіе пункты по важнѣе или по подозрительнѣе, укрѣпилъ сильными караулами. Не смотря на всѣ эти дѣйствія, не могъ онъ скрыть ужаса, наведеннаго приближеніемъ Римлянъ; къ опасеніямъ извнѣ присоединилось внутреннее возстаніе. Былъ Аргивецъ Дамоклесъ, имѣвшій болѣе смѣлости, чѣмъ разсудительности; онъ сначала, подъ охраною клятвы, велъ переговоры съ людьми способными объ изгнаніи гарнизона, но въ желаніи пріобрѣсть по болѣе соучастниковъ, онъ былъ слишкомъ довѣрчивъ. Во время переговоровъ съ своими приверженцами, явился отъ префекта стражъ звать его къ нему; тутъ Дамоклъ понялъ, что его намѣреніе открыто; тогда онъ убѣждалъ заговорщиковъ, взяться лучше съ нимъ вмѣстѣ за оружіе, чѣмъ погибнуть въ пыткахъ. Такимъ образомъ онъ съ небольшою толпою бросился на общественную площадь, провозглашая громко, чтобы каждый гражданинъ, желающій спасенія отечества, послѣдовалъ за нимъ, какъ за вождемъ и виновникомъ свободы. Никто его не послушалъ, потому что не было и близкой надежды на помощь, не только довольно твердой опоры. Лакедемоняне окружили Дамокла, не смотря на его крики, и его приверженцевъ и убили ихъ. Потомъ схвачены еще и нѣкоторые другіе; большая часть умерщвлены: не многіе посажены въ тюрьму. Не мало гражданъ въ послѣдовавшую, за тѣмъ, ночь спустились со стѣнъ по веревкамъ и бѣжали къ Римлянамъ.

26. Квинкцій, полагаясь на ихъ увѣренія, что будь Римское войско у воротъ городскихъ, движеніе это было бы не безъ успѣха, и что Аргивцы не останутся въ покоѣ, если только онъ ближе придвинетъ лагерь, выслалъ впередъ легкую пѣхоту и конницу. Они около Циларабиса (такъ называется мѣсто для гимнастическихъ упражненій въ трехстахъ шагахъ отъ города) сразились съ Лакедемонцами, сдѣлавшими вылазку изъ воротъ

городскихъ и безъ большого труда втѣснили ихъ въ городъ. Римскій вождь сталъ лагеремъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ происходило сраженіе. День провелъ онъ въ ожиданіи, не произойдетъ ли въ городѣ какого либо новаго возстанія; видя же, что граждане находятся подъ гнетомъ страха, созвалъ совѣтъ относительно взятія Аргоса силою. Всѣхъ старѣйшинъ Греціи, за исключеніемъ Аристена, мнѣніе было одно: такъ какъ это главная причина войны, то отсюда и слѣдуетъ преимущественно начать войну. Квинкцію это рѣшеніе совершенно не нравилось, и онъ не только выслушалъ съ явнымъ одобреніемъ Аристена, возражавшаго на мнѣніе большинства, но и прибавилъ отъ себя: «такъ какъ война противъ тиранна начата за Аргивцевъ, то что можетъ быть неприличнѣе, оставивъ врага въ покоѣ, напасть на Аргосъ? Онъ же намѣренъ въ Лакедемонѣ искать главнаго виновника войны — тиранна». Распустивъ собраніе, Квинкцій отправилъ легкія когорты за хлѣбомъ: весь, сколько его найдено созрѣвшаго, сжатъ и свезенъ, а зеленый для того, чтобы непріятели не могли имъ воспользоваться, поврежденъ и истребленъ. Потомъ Квинкцій снялъ лагерь и, перейдя Партенскую гору, сталъ на третій день лагеремъ за Тегеею у Каріаса. Здѣсь онъ прежде, чѣмъ войдти въ область непріятельскую, поджидалъ вспоможенія союзниковъ. Отъ Филиппа пришло тысячу пять сотъ Македонянъ и четыреста Ѳессалійскихъ всадниковъ. Потомъ остановка для Римлянъ оказалась не за вспоможеніями, которыхъ было достаточно, но за подвозами провіанта, предписанными сосѣднимъ городамъ. И морскія силы собирались значительныя; такъ уже прибылъ отъ Левкада Л. Квинкцій съ сорока судами; изъ Родоса пришло восемнадцать крытыхъ судовъ; уже царь Евменъ находился около Цикладскихъ острововъ съ десятью крытыми судами, тридцатью лодьями и другими судами меньшаго размѣра. Множество Лакедемонянъ, изгнанныхъ изъ отечества притѣсненіями тиранна, прибыли въ лагерь Римскій въ надеждѣ возвратиться въ отечество. Не мало было и такихъ, которые уже давно лишились отечества съ тѣхъ поръ, какъ оно

находилось въ рукахъ тиранновъ. Начальникомъ изгнанниковъ былъ Агезиполисъ, которому, по законамъ его отечества, принадлежало право царствовать въ Лакедемонѣ. Еще ребенкомъ былъ онъ изгнанъ тиранномъ Ликургомъ послѣ смерти Клеомена, который первый былъ тиранномъ въ Лакедемонѣ.

27. Между тѣмъ какъ столь значительная война угрожала тиранну и съ моря и съ суши и неоставалось почти никакой надежды, при справедливой оцѣнкѣ силъ его собственныхъ и непріятельскихъ, однако онъ не отказался отъ мысли о сопротивленіи. Изъ Крита онъ вызвалъ еще тысячу молодыхъ отборныхъ воиновъ, а уже прежде была у него тысяча. Подъ оружіемъ было у него три тысячи наемныхъ воиновъ, и десять тысячъ его соотечественниковъ, вмѣстѣ съ вооруженными крестьянами. Валомъ и рвомъ укрѣпилъ онъ городъ. Въ предупрежденіе внутренняго возстанія, тираннъ обуздывалъ умы страхомъ и строгостью наказаній; онъ никакъ не могъ надѣяться на искреннее сочувствіе къ себѣ жителей. Имѣя подозрѣніе противъ нѣкоторыхъ гражданъ, онъ вывелъ всѣ войска въ поле (называемое Дромонъ) и, приказавъ имъ сложить оружіе, велѣлъ позвать на сходъ всѣхъ Лакедемонянъ. Когда они собрались, то онъ окружилъ ихъ своими вооруженными слугами и сначала сказалъ въ немногихъ словахъ: «весьма извинительно для него при такихъ обстоятельствахъ опасаться и остерегаться всего, да и для нихъ самихъ полезнѣе тѣхъ людей, на которыхъ наводитъ подозрѣніе теперешнее положеніе дѣлъ—поставить лучше въ невозможность замышлять что либо новое, чѣмъ въ послѣдствіи останавливать силою. Вслѣдствіе этого онъ нѣкоторыхъ гражданъ считаетъ нужнымъ держать подъ стражею, пока не минуетъ гроза, теперь висящая надъ головою; а когда будетъ отраженъ непріятель, котораго онъ нисколько не опасается, если только достаточно предупредитъ возможность домашней измѣны, то онъ немедленно возвратитъ имъ свободу». Вслѣдъ за тѣмъ онъ велѣлъ поименно вызвать восемьдесятъ знатнѣйшихъ молодыхъ людей; какъ только кто озывался на свое имя, тотчасъ его брали подъ стражу; въ по-

слѣдовавшую за тѣмъ ночь всѣ до одного убиты. Вслѣдъ за тѣмъ нѣкоторые изъ Илотовъ (такъ называются поселяне, издревле живущіе по деревнямъ) обвиненные въ томъ, что хотѣтѣли перебѣжать къ непріятелю, по всѣмъ деревнямъ сначала розгами наказаны, и потомъ умерщвлены. Такою жестокостью удержалъ Набисъ умы гражданъ отъ осуществленія какихъ либо новыхъ замысловъ. Войска же свои онъ держалъ въ укрѣпленіяхъ, зная свое безсиліе противустать непріятелю въ открытомъ полѣ; да и выйдти изъ города, при невѣрномъ и шаткомъ расположеніи умовъ, онъ считалъ опаснымъ.

28. Квинкцій, когда уже все было достаточно готово, выступилъ изъ лагерей и на другой день прибылъ къ Селлаціи, на рѣкѣ Енунтѣ. Въ этомъ самомъ мѣстѣ, по историческимъ преданіямъ, Антигонъ, царь Македонскій, имѣлъ сраженіе съ Клеоменомъ, Лакедемонскимъ тираномъ. Услыхавъ тутъ, что дорога узка и крута для подъема, онъ небольшимъ обходомъ черезъ горы послалъ людей для того, чтобы укрѣпить ту дорогу, а самъ по, довольно открытой и широкой, дорогѣ прибылъ къ берегамъ рѣки Евротаса, которая почти омываетъ самыя стѣны Лакедемона. Тутъ на Римлянъ, располагавшихся лагеремъ и на самаго Квинкція, который выступилъ было впередъ съ конницею и легкою пѣхотою, напали вспомогательныя войска тирана и распространили ужасъ и смятеніе, такъ какъ Римляне ничего подобнаго неожидали — во время ихъ похода никто не выходилъ къ нимъ на встрѣчу, и они двигались впередъ какъ бы по землѣ, совершенно мирной. Пѣхота звала къ себѣ всадниковъ, всадники пѣхоту, такъ какъ и тѣ, и другіе мало полагались сами на себя, и произошло замѣшательство. Наконецъ подоспѣли, устроенные въ боевомъ порядкѣ, легіоны и лишь только когорты первыхъ рядовъ введены были въ дѣло и начали бой, то тѣ самые, которые передъ этимъ наводили ужасъ, въ безпорядкѣ были прогнаны въ городъ. Римляне, отойдя отъ стѣнъ на такое разстояніе, чтобы находиться внѣ полета стрѣлы, простояли нѣкоторое время въ боевомъ порядкѣ; видя же, что непріятели не выходятъ къ нимъ на встрѣ-

чу, они возвратились въ лагерь. На другой день Квинкцій повелъ свои войска, устроенныя въ боевомъ порядкѣ, вдоль рѣки, мимо города, къ самой подошвѣ Менелаевыхъ горъ. Впереди шли когорты легіоновъ; легкая пѣхота и конница замыкали строй. У Набиса же за стѣнами города были изготовлены и устроены въ боевомъ порядкѣ подъ знаменами наемные воины, на которыхъ онъ возлагалъ всю надежду: они должны были аттаковать непріятеля съ тылу. Когда послѣдніе ряды Римлянъ миновали городъ, то изъ воротъ его съ тѣмъ же шумомъ, что и наканунѣ, бросились въ одно и тоже время съ разныхъ сторонъ непріятели. Ап. Клавдій замыкалъ строй; онъ заранѣе, предупреждая возможность такого случая, приготовилъ къ нему умы своихъ воиновъ; тотчасъ обернулъ онъ ряды и весь свой строй двинулъ противъ непріятеля; такимъ образомъ завязалось правильное сраженіе, которое и продолжалось нѣкоторое время; наконецъ воины Набиса обратились въ бѣгство; не было бы оно для нихъ такъ опасно и гибельно, если бы не бросились за ними въ погоню Ахейцы, хорошо знакомые съ мѣстностью. Они побили много непріятелей, а еще болѣе лишили оружія. Квинкцій сталъ лагеремъ подлѣ Амикласа. Отсюда онъ предалъ опустошенію густо населенныя и плодородныя поля, окружавшія городъ, при чемъ уже непріятель не шевелился, и придвинулъ лагерь къ рѣкѣ Евротасу. Отсюда онъ опустошилъ долину, прилежащую къ Тайгету и поля, тянувшіяся до моря.

29. Почти въ тоже время Л. Квинкцій занялъ города морскаго прибрежья, частью съ ихъ согласія, частью угрозами и силою. Узнавъ, что въ городѣ Гитіѣ находится складъ всѣхъ морскихъ припасовъ Лакедемонскихъ, и что лагерь Римскій расположенъ не далеко отъ моря, онъ рѣшился аттаковать его всѣми силами. Въ то время городъ этотъ былъ очень крѣпокъ, имѣлъ въ себѣ много жителей и вообще военныхъ запасовъ всякаго рода. Весьма кстати подоспѣли къ Квинкцію, затѣвавшему дѣло не легкое, царь Евменъ и флотъ Родосскій. Огромное количество моряковъ, собранныхъ съ трехъ флотовъ, въ

нѣсколько дней сдѣлало всѣ приготовленія, нужныя къ осадѣ города, укрѣпленнаго съ моря и съ сухаго пути. Уже крытые ходы были подведены подъ стѣны; уже она осыпалась отъ ударовъ стѣнобитныхъ орудій. Отъ частыхъ сотрясеній обрушилась одна башня и увлекла за собою въ паденіи часть стѣны, къ ней прилежавшую. Римляне произвели аттаку въ одно и тоже время и отъ пристани, откуда доступъ былъ ровнѣе и удобнѣе—съ цѣлью отвлечь непріятелей отъ мѣста болѣе открытаго, и пытались проложить себѣ путь по покрытому развалинами мѣсту. Да и чуть чуть было неудался имъ этотъ планъ, но аттака замедлилась вслѣдствіе возникшей было надежды на покорность города, незамедлившей впрочемъ изчезнуть. Въ городѣ начальствовали, съ разными правами власти, Дексагоридасъ и Горгопасъ. Первый прислалъ сказать Римскому военачальнику, что онъ предастъ ему городъ; но когда уже было условлено и время, и способъ осуществленія этого замысла, измѣнникъ умерщвленъ Горгопасомъ. Оставшись одинъ начальникомъ города, онъ защищалъ его усерднѣе, и взять его было бы трудно, какъ подоспѣлъ Т. Квинкцій съ четырьмя тысячами отборныхъ воиновъ. Когда на вершинѣ холма, находившагося въ небольшомъ разстояніи отъ города, показались, устроенныя въ боевомъ порядкѣ, ряды его войска, а съ другой стороны Л. Квинкцій неутомимо дѣйствовалъ осадными работами съ моря и съ сухаго пути; тогда отчаяніе заставило Горгопаса прибѣгнуть къ тому же рѣшенію, за которое онъ наказалъ смертью своего товарища. Выговоривъ себѣ дозволеніе вывести своихъ воиновъ, находившихся въ гарнизонѣ, онъ предалъ Квинкцію городъ. Еще прежде чѣмъ Гитій достался Римлянамъ, Питагорасъ, остававшійся начальникомъ въ Аргосѣ, передавъ обереженіе города Тимократу Пеллененскому, съ тысячью наемныхъ воиновъ и двумя тысячами Аргивцевъ, прибылъ въ Лакедемонъ къ Набису.

30. Набисъ, приведенный въ ужасъ первымъ прибытіемъ Римскаго флота и занятіемъ имъ городовъ морскаго прибрежья, поуспокоился было нѣсколько, пока Гитій оставался въ его

власти; но когда услыхалъ, что и этотъ городъ преданъ Римлянамъ, видя, что никакой надежды не остается съ сухаго пути, гдѣ со всѣхъ сторонъ угрожаютъ непріятели, да и отъ моря онъ отрѣзанъ, счелъ необходимымъ уступить силѣ обстоятельствъ, и сначала отправилъ въ лагерь Римскій герольда узнать, позволятъ ли ему прислать пословъ. По полученіи на это дозволенія, Питагорасъ прибылъ къ Римскому вождю только съ однимъ порученіемъ — испросить для тирана возможность лично поговорить съ Квинкціемъ. На созванномъ по этому случаю совѣтѣ, всѣ были того мнѣнія, что свиданіе это необходимо; назначенъ день и мѣсто. По прибытіи, въ сопровожденіи небольшихъ отрядовъ войскъ, къ холмамъ, находившимся по серединѣ, оставивъ тамъ въ наблюдательномъ положеніи и съ той, и съ другой стороны когорты, Набисъ явился съ отборными тѣлохранителями, а Квинкцій въ сопровожденіи брата, царя Евмена, преторовъ Родосскаго - Созилая и Ахейскаго — Аристена и немногихъ военныхъ трибуновъ.

31. Тутъ когда ему было предоставлено на выборъ: или прежде говорить самому или выслушать, тиранъ сказалъ слѣдующее: Квинкцій, и вы всѣ присутствующіе, будь я въ состояніи самъ отыскать причину, почему вы мнѣ объявили войну и внесли ее въ мои предѣлы, то я въ молчаніи сталъ бы дожидаться рѣшенія моей участи. Теперь же я не въ состояніи былъ достаточно совладать самъ съ собою, чтобы, прежде чѣмъ погибнуть, не узнать по крайней мѣрѣ, за что мнѣ готовится такая участь. Будь вы таковы, каковы по слуху Карѳагеняне, которые совершенно не уважаютъ святости союзовъ, то меня нерудивила бы незаконность вашихъ въ отношеніи ко мнѣ дѣйствій. Но я вижу передъ собою Римлянъ, для которыхъ выше всего уваженіе къ святости, скрѣпленныхъ богами, договоровъ и вмѣстѣ вѣрность общественныхъ отношеній. Что же касается до меня самого, то я надѣюсь, что у меня съ вами, на ровнѣ съ прочими Лакедемонянами съ самыхъ отдаленныхъ временъ существуетъ дружественный союзъ, да и не давно, во время войны съ Филиппомъ, уже отъ моего имени возобновленъ.

Но я разорвалъ его и нарушилъ тѣмъ, что имѣю въ своей власти городъ Аргивцевъ! Чѣмъ мнѣ тутъ защищаться — обстоятельствами дѣла или временемъ? Первыя мнѣ могутъ служить оправданіемъ вдвойнѣ: не силою я занялъ городъ, но принялъ его по приглашенію жителей, которые сами мнѣ его отдали. Притомъ я получилъ этотъ городъ, когда онъ былъ на сторонѣ Филиппа, а не съ вами въ союзѣ. Время же говоритъ въ мою защиту потому, что я, уже имѣя въ рукахъ своихъ Аргосъ, вступилъ въ дружественный союзъ съ вами и вы условились о томъ, чтобы я вамъ послалъ вспоможеніе на войну, а не о томъ, чтобы я вывелъ гарнизонъ изъ Аргоса. Въ дѣлѣ относительно этого города, на моей сторонѣ и справедливость: ко мнѣ попалъ не вашъ городъ, а непріятельскій, получилъ я его не силою, а по желанію его жителей — и ваше собственное признаніе: условіями нашего союзнаго договора вы мнѣ оставили Аргосъ. Далѣе противъ меня служитъ самое названіе тирана и мои дѣйствія, что я рабамъ далъ свободу, что я вывожу на земли изъ города бѣдныхъ гражданъ. Относительно названія — я могу только то сказать, что каковъ бы я нибылъ, да вѣдь я тотъ самый, съ которымъ ты же, Т. Квинкцій, заключилъ союзный договоръ; сколько я могу припомнить, въ то время вы называли меня царемъ, а теперь, какъ вижу, называютъ меня тиранномъ. Если я перемѣнилъ названіе власти, то пусть я отвѣчу за мое непостоянство, а если вы, то объясните ваше. Что касается до того, что я освобожденіемъ рабовъ умножилъ число гражданъ, и раздѣлилъ земли нуждающимся, то и въ этомъ случаѣ могутъ мнѣ служить защитою права времени. Каковы бы ни были мои дѣйствія, но они были уже совершены, когда вы заключили со мною дружественный договоръ, и приняли отъ меня помощь на войнѣ противъ Филиппа. Но будь даже сдѣлано это мною теперь, не понимаю — чѣмъ я васъ оскорбилъ, или нарушилъ дружественныя съ вами отношенія. Если я поступилъ такъ, то по примѣру и завѣту предковъ; вашими собственными законами и учрежденіями не соразмѣряйте того, что дѣлается въ Лакедемонѣ; нѣтъ надобности

въ частностяхъ равнять и то и другое. Вы назначаете всадника отъ извѣстнаго денежнаго взноса (ценза), пѣшаго — также; вы хотите, чтобы власть была въ рукахъ немногихъ, а массы имъ подвластны. Нашъ же законодатель имѣлъ въ виду, чтобы управленіе общественными дѣлами не находилось въ рукахъ немногихъ—того, что вы называете сенатомъ—не хотѣлъ онъ, чтобы то или другое сословіе преобладало въ государствѣ; но сколько возможно ровнымъ распредѣленіемъ состоянія и значенія, онъ имѣлъ въ виду заинтерессовать большее число гражданъ къ веденію войны за отечество. Признаюсь, что я пустился теперь въ многословіе, противное завѣту нашихъ предковъ, между тѣмъ какъ всю сущность можно было бы выразить въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: съ тѣхъ поръ, какъ я пользуюсь правами дружества съ вами, ничего я не сдѣлалъ такого, чтобы вамъ можно было жалѣть о томъ».

32. На это Римскій вождь отвѣтилъ слѣдующее: «дружественный союзъ заключенъ былъ нами совсѣмъ не съ тобою, но съ Пелопсомъ, законнымъ царемъ Лакедемонянъ. Его право впослѣдствіи тиранны такіе же, какъ ты, похитили въ свою пользу, и силою присвоили себѣ власть надъ Лакедемономъ, а мы заняты были войною то Пуническою, то Галльскою и другими дѣлами, которыя тянулись одно за другимъ. И ты теперь тоже самое сдѣлалъ во время войны съ Македонянами. А что же менѣе всего было прилично намъ, начавшимъ войну противъ Филиппа за свободу Греціи, вступать въ дружбу съ тиранномъ? И притомъ съ тиранномъ, въ отношеніи къ своимъ злѣйшимъ и неумолимѣйшимъ, какой только былъ когда нибудь? А намъ, даже если бы ты не занялъ обманомъ Аргоса и не удерживалъ его въ своей власти, при нашемъ стремленіи освободить всю Грецію, и въ Лакедемонѣ необходимо возстановить прежнюю вольность и законы, о которыхъ ты только что упомянулъ, какъ будто ревностный поборникъ Ликурга. Или мы, заботясь о томъ, чтобы гарнизоны Филиппа были выведены изъ Яссъ и Баргилій, дозволимъ тебѣ попирать ногами Аргосъ и Лакедемонъ, два знаменитѣйшіе города, когда то свѣтильники

Греціи? Неужели, оставаясь въ рабствѣ, они обезчестятъ названія насъ, какъ освободителей Греціи? Но ты говоришь, что Аргивцы были за одно съ Филиппомъ; пусть будетъ по твоему, чтобы тебя не сердить безъ нужды. А намъ очень хорошо извѣстно, что въ этомъ дѣлѣ виноваты были два, много три человѣка, а не все населеніе; точно также какъ, по истинѣ, въ приглашеніи и принятіи тебя, и твоего войска, въ крѣпость Аргоса, нисколько не участвовало большинство гражданъ. Намъ было извѣстно, что Ѳессалійцы, Фокійцы и Локрійцы по общему между собою согласію, принадлежали къ партіи Филиппа, и все таки мы и ихъ освободили вмѣстѣ съ остальною Греціею. Какъ же по твоему намъ слѣдуетъ поступить въ отношеніи къ Аргивцамъ, которые общественнымъ совѣтомъ ни въ чемъ не виновны? Ты говоришь, что тебя упрекаютъ какъ въ преступленіяхъ въ томъ, что ты освободилъ рабовъ и раздѣлилъ земли людямъ неимущимъ. Конечно это преступленія, и не маловажныя: но что же они значатъ сравнительно съ тѣми злодѣяніями, которыя ты съ своими клевретами совершаешь постоянно одни за другими. Хочешь выслушать справедливую оцѣнку своего невыносимаго владычества, допусти состояться дѣйствительно свободному собранію гражданъ или въ Аргосѣ или въ Лакедемонѣ? Но оставлю я всѣ прежніе примѣры, а какое недавно побоище произвелъ въ Аргосѣ почти въ глазахъ моихъ вотъ этотъ Питагорасъ, зять твой? Да что ты сдѣлалъ самъ, когда я находился уже почти въ предѣлахъ Лакедемонской области? Пожалуйста ты тѣхъ гражданъ, которыхъ ты приказалъ схватить въ собраніи, и о которыхъ ты объявилъ въ слухъ всѣмъ, что ты ихъ будешь держать подъ карауломъ, прикажи вывести связанныхъ для того, чтобы ихъ родные, которые можетъ быть напрасно оплакиваютъ ихъ, какъ погибшихъ, удостовѣрились, что они живы! Но пусть это все и такъ — говоришь ты — какое вамъ до этого дѣло, Римляне? И это скажешь ты людямъ, освободившимъ Грецію? Тѣмъ, которые съ такою цѣлью переплыли моря и вели войну на морѣ и на сухомъ пути? Но ты скажешь, что собственно насъ ничѣмъ

не обидѣлъ, и дружественный съ нами союзъ ни чѣмъ собственно не нарушилъ? Но сколько разъ хочешь ты, чтобы я доказалъ тебѣ противное? Не хочу плодить словъ, выскажу только главное. Какими собственно поступками нарушается дружественный союзъ? Конечно главное тѣмъ, если моихъ союзниковъ считаешь за враговъ, а съ моими врагами дружишься. Ты сдѣлалъ и то и другое. Ты—городъ Мессену, который принятъ былъ въ тотъ же дружественный и союзный договоръ съ нами, что и Лакедемонъ, будучи нашимъ союзникомъ, союзный намъ городъ взялъ силою оружія. А съ Филиппомъ, врагомъ нашимъ, заключилъ ты не только союзный договоръ, но и, если боги потерпятъ, замыслилъ и родственный союзъ черезъ Филоклеса, его префекта. Ведя войну противъ насъ, ты все море около Малеи сдѣлалъ непріязненныхъ своими пиратскими (морскихъ разбойниковъ) судами. Ты, я полагаю, захватилъ и предалъ смерти болѣе гражданъ Римскихъ, чѣмъ самъ Филиппъ, и для судовъ, подвозившихъ къ нашимъ войскамъ припасы всякаго рода, берега Македоніи были безопаснѣе, чѣмъ мысъ Малейскій. А потому пожалуста не хвались ты передъ нами вѣрностью и правами дружбы; тебѣ гораздо приличнѣе— говорить языкомъ врага и тиранна, чѣмъ общественнаго доброжелателя.»

33. За тѣмъ Аристенъ то убѣждалъ Набиса, то даже совѣтовалъ ему, чтобы онъ пока возможно и пока есть случай, позаботился бы о себѣ и судьбѣ своей. Потомъ онъ даже сталъ поименно исчислять ему тиранновъ сосѣдственныхъ городовъ, которые, сложивъ съ тебя власть и возвративъ свободу своимъ соотечественникамъ, провели старость между своими согражданами не только безопасно, но даже съ почетомъ. Въ такихъ взаимныхъ совѣщаніяхъ наступила ночь и положила конецъ совѣщаніямъ. На другой день Набисъ объявилъ: «что онъ согласенъ очистить Аргосъ и вывести гарнизонъ, если это угодно Римлянамъ, и возвратитъ плѣнныхъ и перебѣжчиковъ. Если есть требованія, еще сверхъ этого, то пусть ихъ дадутъ на письмѣ, для того чтобы онъ могъ ихъ обдумать вмѣстѣ съ своими друзьями.» Такимъ образомъ тиранну дано время поду-

мать; и Квинкцій, созвавъ къ себѣ старѣйшихъ союзниковъ, имѣлъ съ ними совѣтъ. Мнѣніе большинства было таково: «необходимо продолжать войну упорно и уничтожить тиранна, въ противномъ случаѣ Греція никогда не будетъ вполнѣ свободною. Лучше было не начинать войну, чѣмъ, начавъ ее, оставить такъ. И самъ тираннъ, какъ бы утвержденный въ правахъ своей власти, будетъ дѣйствовать смѣлѣе и незаконное свое владычество будетъ основывать на утвержденіи народа Римскаго. Такой примѣръ возбудитъ и въ другихъ городахъ людей, которые будутъ подкапываться подъ права вольности своихъ согражданъ.» Но образъ мыслей самого военачальника Римскаго былъ болѣе склоненъ къ миру; онъ видѣлъ, что теперь, когда непріятель загнатъ въ стѣны города, ничего болѣе не остается, какъ осаждать его тамъ, а осада могла затянуться долго: «Прійдется имѣть дѣло не съ Гитіемъ — да и тотъ самъ покорился, а не приступомъ взятъ — но съ Лакедемономъ, гдѣ въ изобиліи и гражданъ и оружія. Одна надежда была: съ приближеніемъ войска не возникнетъ ли внутренняго раздора и возмущенія; но не смотря на то, что знамена Римскія были почти у самихъ вратъ городскихъ, никто не тронулся.» Онъ прибавилъ: «миръ съ Антіохомъ не проченъ. Виллій легатъ, возвратившійся оттуда, привезъ извѣстіе, что онъ съ большими, чѣмъ прежде, сухопутными и морскими силами перешелъ въ Европу. Если войско будетъ занято осадою Лакедемона, то съ какими другими силами будутъ они вести войну противъ царя столь могущественнаго?» Вотъ что консулъ говорилъ явно; а внутренно озабочивало его опасеніе, какъ бы вновь избранному консулу не досталась провинціею Греція, и не пришлось бы успѣшное веденіе начатой войны передать преемнику.

34. Видя, что его возраженія совсѣмъ не дѣйствуютъ на союзниковъ, онъ, притворясь, будто соглашается съ ихъ мнѣніемъ, заставилъ всѣхъ принять его рѣшеніе. «Въ добрый часъ — сказалъ онъ—если хотите, будемъ осаждать Лакедемонъ; но только не ошибитесь тѣмъ, что такъ какъ осада городовъ дѣло продолжительное, какъ вамъ самимъ извѣстно, и нерѣдко наскучи-

ваетъ прежде осаждающимъ, чѣмъ осажденнымъ, то уже теперь вы должны приготовиться—провести зиму около стѣнъ Лакедемона. Если бы такое промедленіе влекло за собою одни лишь труды и опасности, то я только убѣждалъ бы васъ — приготовить къ перенесенію ихъ и умы ваши и тѣла; но сверхъ того въ настоящее время необходимы будутъ большія траты на осадныя работы, машины и орудія, безъ которыхъ невозможно взять столь сильный городъ, и на доставленіе запасовъ вамъ и намъ на зиму. А потому для того, чтобы вы вдругъ не пришли въ смущеніе, или неоставили со стыдомъ дѣло начатое, я того мнѣнія, чтобы вы прежде написали по вашимъ городамъ и узнали хорошенько, на сколько богаты они смѣлостью и силами. Вспомогательныхъ войскъ я имѣю слишкомъ достаточно; но чѣмъ насъ болѣе, тѣмъ потребуется болѣе для насъ припасовъ всякаго рода. Поля непріятельскія не представляютъ уже ничего, кромѣ голой почвы; при томъ наступаетъ зима, которая дѣлаетъ подвозы изъ отдаленныхъ мѣстъ затруднительными.» Такія слова заставили всѣхъ подумать о разныхъ домашнихъ невзгодахъ: бездѣйствіи, недоброжелательствѣ и зависти остающихся дома гражданъ противъ воюющихъ, затрудненіи достигнуть общаго соглашенія при господствѣ свободы, о недостаточности общественныхъ средствъ и нерасположеніи каждаго жертвовать изъ своего частнаго достоянія. И вдругъ, перемѣнивъ свой образъ мыслей, представители городовъ Греческихъ вполнѣ отдались на военачальника Римскаго, и предоставили ему дѣйствовать такъ, какъ онъ найдетъ болѣе сообразнымъ съ достоинствомъ народа Римскаго и его союзниковъ.

35. Вслѣдъ за тѣмъ Квинкцій, допустивъ только легатовъ и трибуновъ военныхъ, изложилъ слѣдующія условія, на которыхъ давалъ миръ тиранну: «шесть мѣсяцевъ пусть продолжается перемиріе между Набисомъ, Римлянами, царемъ Евменомъ и Родосцами. Т. Квинкцій и Набисъ должны отправить немедленно пословъ въ Римъ для того, чтобы мирныя условія были скрѣплены утвержденіемъ сената. Со дня, въ который будутъ выданы Набису на письмѣ условія мира, должно считаться перемиріе; а въ теченіи десяти дней, начиная съ этого дня, должны быть выведены всѣ гарнизоны изъ Аргоса и прочихъ городовъ, находящихся въ области Аргивцевъ; очищенными и свободными эти города должны быть переданы Римлянамъ. Не выводить оттуда рабовъ ни царскихъ, ни общественныхъ, ни частныхъ, а если какіе уведены прежде, то возвратить ихъ законнымъ владѣльцамъ. Суда, отнятыя у приморскихъ городовъ, возвратить, а самому не имѣть ни одного корабля, кромѣ двухъ небольшихъ судовъ, не болѣе какъ о шестнадцати веслахъ. Перебѣжчиковъ и плѣнныхъ возвратить всѣмъ городамъ союзнымъ народу Римскому, а равно и жителямъ Мессены отдать все, что будетъ найдено и, что владѣльцы признаютъ за свое. Изгнанникамъ Лакедемонскимъ возвратить дѣтей и женъ, тѣхъ, которыя пожелаютъ слѣдовать за мужьями; но противъ воли онѣ не могутъ быть принуждаемы сопутствовать изгнаннику. Тѣмъ изъ наемныхъ воиновъ Набиса, которые перешли или въ ряды своихъ соотечественниковъ, или къ Римлянамъ — должны быть возвращены вполнѣ ихъ имущества. На островѣ Критѣ не имѣть Набису въ своей власти ни одного города, а которые и были, то возвратить ихъ Римлянамъ. Не заключать союзовъ, ни вести войну какъ съ Кретійцами, такъ и съ кѣмъ бы то ни было. Изо всѣхъ городовъ, какъ тѣхъ, которые ему слѣдуетъ возвратить, такъ и тѣхъ, которые добровольно отдали сами себя и все свое во власть Римлянъ,—вывести ему войска, и впредь ихъ не трогать ни самому, ни черезъ своихъ подвластныхъ. Не строить впредь ни какого ни города, ни укрѣпленія, и на чужой землѣ, и на своей. Въ залогъ исполненія всего этого долженъ онъ отдать пять человѣкъ по выбору главнаго вождя Римскаго и въ томъ числѣ своего сына. Немедленно выдать сто талантовъ серебра и платить въ теченіи восьми лѣтъ ежегодно по пятидесяти талантовъ.»

36. Написавъ эти условія и подвинувъ лагерь ближе къ городу, Квинкцій послалъ ихъ въ Лакедемонъ. Конечно всѣ они не могли прійдтись по вкусу тиранну; одно только понравилось ему, чего онъ не ожидалъ—то, что о возвращеніи изгнан-

никовъ не было помину. Прискорбнѣе же всего казалось ему то условіе, по которому отняты у него суда и приморскіе города; ему было въ высшей степени полезно море, такъ какъ онъ производилъ морскіе разбои вдоль всего берега Малейскаго; притомъ молодые люди этихъ городовъ служили ему отборными воинами. Хотя Набисъ обдумывалъ эти условія тайно, съ одними своими приближенными, однако молва разнесла ихъ повсюду: друзья тиранна, обыкновенно непостоянные во всемъ, не могли соблюсти ввѣренной имъ тайны. Не все навлекало общее осужденіе, но каждый порицалъ то, что собственно до него касалось. Тѣ, которые имѣли въ супружествѣ женъ изгнанниковъ, или владѣли какою либо частью ихъ достоянія, приходили въ негодованіе, какъ будто имъ приходилось отдавать свою собственность, а не возвращать чужую. Рабы, получившіе свободу по милости тиранна, видѣли не только ее навсегда утраченною, но и понимали, что ихъ участь, при возвращеніи подъ власть раздраженныхъ господъ, будетъ тяжелѣе прежней. Наемные воины видѣли съ неудовольствіемъ, что съ заключеніемъ мира, потеряютъ свое жалованье, а возвращеніе въ отечество было для нихъ невозможно, такъ какъ слуги тиранна обыкновенно для всѣхъ ненавистнѣе своего повелителя.

37. Объ этомъ сначала толковали съ ропотомъ по своимъ кружкамъ; потомъ вдругъ разбѣжались къ оружію. Тираннъ, видя, что большинство уже и безъ того раздражено такимъ смятеніемъ, велѣлъ созвать народное собраніе. Изложивъ здѣсь требованія Римлянъ, и съ умысломъ выдумавъ нѣкоторыя условія, самыя тяжелыя и невыносимыя, при крикахъ нетерпѣнія то всего собранія, то части его, онъ спросилъ: какъ желаютъ они, чтобы онъ поступилъ или какой далъ отвѣтъ?—Въ одинъ голосъ всѣ закричали: ничего не отвѣчать, вести войну. Притомъ каждый, какъ обыкновенно бываетъ въ многолюдствѣ, храбрился, твердилъ, что надобно быть мужественными и не терять надежды, что сама судьба помогаетъ смѣлому. Такими рѣчами ободренный тираннъ, объявилъ, что онъ надѣется на помощь Антіоха и Этоловъ, и что у него достаточно войскъ

для выдержанія осады. Никто не сталъ болѣе и помышлять о мирѣ, и всѣ бросились на свои мѣста, не желая долѣе оставаться въ покоѣ. Вылазка немногихъ смѣлыхъ непріятелей и брошенные дротики достаточно убѣдили Римлянъ въ необходимости вести военныя дѣйствія. Въ продолженіи четырехъ дней происходили легкія стычки, но безо всякаго рѣшительнаго результата. На пятый день почти въ правильномъ сраженіи, Лакедемоняне отброшены въ городъ въ такомъ замѣшательствѣ, что нѣкоторые воины Римскіе, преслѣдуя бѣгущихъ, въ промежутки стѣнъ, тогда существовавшіе, проникли было въ городъ.

38. Тогда Квинкцій, ужасомъ этого пораженія остановивъ вылазки непріятельскія, въ томъ убѣжденіи, что теперь не осталось ничего другаго дѣлать какъ силою взять городъ, послалъ въ Гитій привести оттуда всѣхъ моряковъ, а самъ между тѣмъ, въ сопровожденіи военныхъ трибуновъ, объѣхалъ кругомъ города — осматривая его стѣны. Прежде около Спарты стѣнъ вовсе не было; въ послѣднее время тиранны мѣста, ровныя и открытыя, загородили стѣнами; мѣста же, болѣе высокія и доступъ къ которымъ былъ затруднительнѣе, защищаемы были вооруженными постами, служившими вмѣсто укрѣпленій. Разсмотрѣвъ хорошенько все, Квинкцій рѣшился дѣйствовать кругомъ со всѣхъ сторонъ и со всѣми своими войсками (было Римлянъ и союзниковъ, пѣшихъ и конныхъ, сухопутныхъ и морскихъ воиновъ въ строю до пятидесяти тысячь человѣкъ) приступилъ къ городу. Одни воины несли лѣстницы, другіе—горючіе матеріалы и разные предметы, какъ необходимые при взятіи городовъ приступомъ, такъ и могущіе служить только угрозою. Приказано было, испустивъ вдругъ крики, броситься всѣмъ разомъ съ тою цѣлью, чтобы Лакедемоняне оставались въ неизвѣстности куда прежде бѣжать, куда подавать помощь и оробѣли, видя опасность со всѣхъ сторонъ. Главныя же силы Римскаго войска сосредоточены были въ трехъ мѣстахъ; одной колоннѣ приказано было дѣйствовать отъ Фебея, другой отъ Диктиннея, третьей отъ того урочища, которое но-

ситъ названіе Гептагоніи (всѣ эти три мѣста были открыты и не защищены стѣнами). Когда такая гроза обрушилась со всѣхъ сторонъ на городъ, то сначала тираннъ, по указанію внезапныхъ криковъ или торопливыхъ гонцевъ, къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ угрожала наибольшая опасность или самъ бросался, или посылалъ кого либо. Видя, что все около него объято страхомъ, онъ растерялся до того, что не въ состояніи былъ ни выслушивать, ни говорить ничего, чтобы шло къ дѣлу и не только незналъ какъ поступить, но чуть не потерялъ разсудокъ.

39. Сначала въ мѣстахъ тѣсныхъ Лакедемоняне сдерживали Римлянъ; въ одно и тоже время, на разныхъ пунктахъ сражались три войска; но по мѣрѣ того, какъ разгорался бой, онъ становился очень неровенъ. Лакедемоняне дѣйствовали преимущественно стрѣлами и дротиками, но Римскіе воины защищались отъ нихъ весьма легко большими своими щитами, притомъ многіе удары были частью легкіе, частью невѣрные. Вслѣдствіе тѣсноты мѣста и столпившагося многолюдства, не только не было имъ возможности бросать дротики съ разбѣгу, что придаетъ ихъ дѣйствію большую силу, но даже не было ни твердости, ни развязности въ движеніяхъ; а потому дротики, будучи брошены почти въ упоръ, не попадали въ Римлянъ и немногіе оставались въ щитахъ; если какіе воины и получили раны, то отъ непріятелей, дѣйствовавшихъ съ болѣе возвышеннаго мѣста; но чѣмъ далѣе проникали Римляне, тѣмъ болѣе ударовъ получали они неожиданно съ крышъ не только дротиками, но даже черепицами. Тогда Римляне подняли щиты надъ головами и сдвинули ихъ такъ плотно, что не только не могли проникнуть дротики, брошенные на удачу, но даже и вблизи трудно было бы просунуть туда какое либо оружіе; прикрывшись такою чешуею, Римляне двигались впередъ. Сначала тѣснота мѣста, на которомъ столпились и свои и непріятели, нѣсколько задерживала Римлянъ; когда же они, мало по малу, тѣсня непріятеля, вышли на болѣе просторныя улицы, то тамъ уже натиска и силы ихъ никто не былъ въ состояніи удержать. Лакедемоняне обратили тылъ, и въ безпорядочномъ бѣгствѣ

стремились на мѣста болѣе возвышенныя. Самъ Набисъ въ испугѣ, считая городъ уже взятымъ, озирался — въ какую бы сторону бѣжать. Пиѳагоръ, который вообще исполнялъ обязанности главнаго вождя и имѣлъ его духъ, тутъ одинъ сдѣлалъ то, что городъ не былъ взятъ; онъ приказалъ зажечь зданія, ближайшія къ стѣнѣ. Вдругъ они запылали, такъ какъ огонь вмѣсто того, чтобы гасить, какъ обыкновенно бываетъ, старались усилить, и обгорѣвшія крыши стали падать на Римлянъ и не только обломки крышъ, но и цѣлые загорѣвшіеся бревна обрушивались на нихъ; широкія полосы пламени и густой дымъ усиливали не столько дѣйствительную опасность, сколько страхъ отъ воображаемой. А потому и тѣ Римляне, которые оставались за городомъ и только собирались въ него проникнуть, отступили отъ стѣны, а находившіеся внутри города, опасаясь, какъ бы пожаръ, свирѣпствовавшій сзади ихъ, не отдѣлилъ ихъ отъ прочихъ войскъ, отступили. Квинкцій, видя въ чемъ дѣло, приказалъ играть отбой; такимъ образомъ воины, отозванные изъ города, почти взятаго, возвратились въ лагерь.

40. Квинкцій, расчитывая болѣе на испугъ непріятеля, чѣмъ на обстоятельства дѣла, въ продолженіи послѣдовавшихъ за тѣмъ трехъ дней продолжалъ грозить непріятелю: то онъ дѣлалъ нападенія, то производилъ осадныя работы съ цѣлью прервать сообщеніе и преградить дорогу къ бѣгству. Подъ вліяніемъ такихъ опасеній, тираннъ отправилъ опять Пиѳагора посломъ къ Квинкцію; тотъ сначала обошелся съ нимъ пренебрежительно и приказалъ убираться изъ лагеря; но наконецъ, видя его усердныя мольбы — онъ даже припалъ къ его ногамъ — выслушалъ. Съ перваго слова тираннъ отдавалъ все въ распоряженіе Римлянъ, но когда такое обѣщаніе найдено было голословнымъ и недѣйствительнымъ, то дѣло дошло до того, что условія не задолго передъ тѣмъ на письмѣ переданныя тиранну, всѣ имъ приняты и на этомъ основаніи заключено перемиріе: деньги и заложники получены. Между тѣмъ какъ производилось нападеніе на тиранна, Аргивцы, получивъ извѣстіе, что только что не взятъ самъ Лакедемонъ, ободрились тѣмъ

болѣе что Пиѳагоръ увелъ съ собою изъ города самую сильную часть гарнизона: пренебрегши не большое число тѣхъ, которые находились въ цитадели подъ предводительствомъ какого то Архиппа, выгнали гарнизонъ. Тимократа Пелленійскаго за то, что онъ снисходительно пользовался властью, выпустили на честномъ словѣ живаго. Къ этой радости Аргоса подоспѣлъ и Квинкцій, давъ миръ тиранну и отпустивъ Евмена и Родосцевъ, а брата Л. Квинкція отправивъ къ флоту.

41. Обрадованные жители Аргоса назначили къ прибытію Римскаго вождя и войска праздновать главный свой торжественный день и Немейскія игры, которыя по случаю военныхъ дѣйствій, не могли быть празднуемы въ свое время. Предсѣдателемъ на играхъ сдѣлали они самаго вождя Римскаго. Много было жителямъ причинъ веселиться: приведены изъ Лакедемона ихъ сограждане, какъ тѣ, которыхъ недавно увелъ Пиѳагоръ, такъ и тѣ, которыхъ прежде Набисъ. Возвратились и тѣ, которые бѣжали по открытіи заговора Пиѳагоромъ и начатыхъ имъ казней. Получили они наконецъ свободу послѣ долгаго промежутка и видѣли, что виновники ея — Римляне, изъ за нихъ начавшіе войну съ тиранномъ. Въ день самыхъ Немейскихъ празднествъ засвидѣтельствована голосомъ герольда — свобода Аргивцевъ. Ахейцы сколько радовались вслѣдствіе возвращенія Аргоса въ общій союзъ Ахейскій, столько съ другой стороны чувство радости отравлялось тѣмъ, что Лакедемонъ остался въ рабствѣ и тираннъ ближайшимъ сосѣдомъ. Этолы, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, не щадили ругательствъ: «съ Филиппомъ окончена война не прежде какъ когда онъ очистилъ всѣ города Греціи, а Лакедемонъ оставленъ тиранну; законный же царь, находившійся въ Римскомъ лагерѣ и другіе знатнѣйшіе граждане будутъ по прежнему жить въ ссылкѣ. Набисъ господствуетъ, а народъ Римскій сдѣлался его покорнымъ слугою.» Квинкцій отвелъ войска изъ Аргоса въ Елатію, откуда онъ и выступалъ съ войскомъ на войну съ Спартою. Нѣкоторые историки передаютъ, будто бы тираннъ велъ войну не изъ стѣнъ города, но сталъ лагеремъ противъ лагерей Рим-

скихъ; долго онъ медлилъ, поджидая вспоможенія отъ Этолійцевъ, но наконецъ вынужденъ былъ сразиться, когда Римляне сдѣлали нападеніе на его фуражировъ. Будучи побѣжденъ въ этомъ сраженіи и утративъ лагерь, онъ наконецъ просилъ мира: пятнадцать тысячь воиновъ у него убито и четыре тысячи взято въ плѣнъ.

42. Почти въ тоже время получены донесенія отъ Т. Квинкція о военныхъ дѣйствіяхъ около Лакедемона, и изъ Испаніи отъ консула М. Порція. Отъ имени того и другаго объявлено сенатомъ молебствіе на три дня. Консулъ Л. Валерій, у котораго въ провинціи водворилось спокойствіе послѣ пораженія Боіевъ около Литанскаго лѣса, возвратился въ Римъ по случаю выборовъ; консулами онъ избралъ П. Корнелія Сципіона Африканскаго вторично, и Ти. Семпронія Лонга. Отцы ихъ были консулами во второй годъ Пунической войны. Потомъ послѣдовали выборы преторовъ; избраны П. Корнелій Сципіонъ и два Кн. Корнелія — Меренда и Блазіо, Кн. Домицій Агенобарбъ, Секс. Дигитій и Т. Ювенцій Тальна; по окончаніи выборовъ, консулъ возвратился въ провинцію. Въ этомъ году Ферентинаты попытались пріобрѣсть новое право: чтобы Латиняне, которые записались въ Римскую колонію, стали Римскими гражданами. Въ Путеолы, Салернъ и Буксентъ записанные поселенцами, присвоившіе себѣ по этому самому права Римскихъ гражданъ, рѣшеніемъ сената объявлены не принадлежащими къ числу Римскихъ гражданъ.

43. Въ началѣ года, въ которомъ консулами были П. Сципіонъ Африканъ во второй разъ и Ти. Семпроній Лонгъ, пришли въ Римъ, послы тиранна Набиса. Для пріема ихъ собрался сенатъ внѣ города въ храмѣ Аполлона; они просили утвердить миръ на условіяхъ, назначенныхъ Квинкціемъ и получили его. Когда былъ докладъ о провинціяхъ, то большинство сенаторовъ было того мнѣнія, что по случаю приведенія къ концу военныхъ дѣйствій въ Испаніи и Македоніи, обоимъ консуламъ провинціею должна быть назначена Италія. Сципіонъ былъ того мнѣнія, что: «для Италіи достаточно одного кон-

сула; другому же необходимо назначить провинціею Македонію. Со стороны Антіоха угрожаетъ война опасная; вотъ уже онъ перешелъ въ Европу по собственному побужденію. Какъ теперь полагаютъ они, поступитъ Антіохъ, когда съ одной стороны Этолы, уже явно враги наши, призовутъ его на войну, а съ другой будетъ подстрекать его Аннибалъ, военачальникъ, прославившійся пораженіемъ Римлянъ? Пока шло преніе о назначеніи консуламъ провинцій, преторы бросили между собою жребій. Кн. Домицію досталось судопроизводство надъ гражданами, Т. Ювенцію надъ чужестранцами. П. Корнелію досталась дальная Испаніи, Секс. Дигитію — ближняя; двумъ Кнеямъ Корнеліямъ, Блазіону—Сицилія, Мерендѣ—Сардинія. Послать въ Македонію новое войско не заблагоразсудили, а то, которое тамъ находилось, Т. Квинкцій долженъ былъ привести въ Италію и распустить, а также распустить и войско, которое находилось въ Испаніи съ М. Порціемъ Катономъ. Обоимъ консуламъ опредѣлена провинціею Италія, и имъ поручено набрать два городскихъ легіона, для того чтобы, и по распущеніи войскъ, назначенныхъ къ тому сенатомъ, число Римскихъ легіоновъ было восемь.

44. За годъ передъ тѣмъ отпразднована была священная весна въ консульство М. Порція и Л. Валерія. Когда жрецъ П. Лициній, сначала своимъ товарищамъ, а потомъ, съ ихъ одобренія, сенату доложилъ, что празднованіе это произведено было не правильно, Сенатъ утвердилъ мнѣніе жрецовъ, что нужно праздновать снова; большія игры, вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщанныя, должны быть отпразднованы съ тѣми издержками, съ какими обыкновенно. Къ празднованію священной весны отнесенъ весь скотъ, который родился въ промежуткѣ времени отъ Мартовскихъ Календъ до Майскихъ, въ консульство П. Корнелія Сципіона и Ти. Семпронія Лонга. Потомъ были выборъ цензоровъ: избранные цензорами Секстъ Елій Петъ и К. Корнелій Цетегъ назначили предсѣдателемъ сената консула П. Сципіона, который былъ имъ и по выбору прежнихъ цензоровъ; всего трехъ сенаторовъ, изъ коихъ ни одинъ незанималъ ку-

рульной должности, вовсе обошли. Большую благодарность заслужили отъ сената новые цензоры тѣмъ, что, во время празднованія Римскихъ игръ, отдали приказаніе курульнымъ эдилямъ—отдѣлить сенаторскія мѣста отъ народныхъ, а прежде на зрѣлищахъ всѣ садились вмѣстѣ какъ попало. У весьма немногихъ всадниковъ отняты лошади и вообще не было строгостей ни къ одному сословію. Притворъ Свободы и общественная вилла ими же обновлены и расширены. Священная весна и обѣщанныя консуломъ П. Сульпиціемъ Гальбою игры отпразднованы. Между тѣмъ какъ вниманіе всѣхъ гражданъ обращено было на эти зрѣлища, К. Племиній, посаженный въ тюрьму за многія, совершенныя въ землѣ Локровъ, злодѣйства противъ боговъ и людей подговорилъ собщниковъ, которые должны были поджечь ночью городъ разомъ во многихъ мѣстахъ, съ цѣлью разломать тюрьму при общемъ смятеніи гражданъ во время ночной тревоги. Когда это дѣло обнаружилось доносомъ знавшихъ его, то оно доложено сенату. Племиній опущенъ въ нижнюю тюрьму и умерщвленъ.

45. Въ этомъ году выведены поселенія гражданъ Римскихъ въ Путеолы, Вультурнъ и Литернъ: по триста человѣкъ въ каждый изъ этихъ городовъ. Также отведены поселенія гражданъ Римскихъ въ Салернъ и Буксентъ. Отвели три нарочно съ этою цѣлью избранные сановника: Т. Семпроній Лонгъ, въ то время бывшій консуломъ, М. Сервилій, К. Минуцій Термъ. Пущены въ раздѣлъ поля, принадлежавшія Кампанцамъ. На Сипонтское поле, принадлежавшее Арпинцамъ, отвели колонію Римскихъ гражданъ другіе три сановника Д. Юній Брутъ, М. Бебій Тамфилъ, М. Гельвій. Въ Темпсу и Кротонъ отведены также поселенія гражданъ Римскихъ; Темпсанское поле взято у Бруттійцевъ, а Брутійцы изгнали Грековъ. Въ Кротонѣ жили Греки. Въ Кротонъ отвели колонистовъ тріумвиры Кн. Октавій, Л. Эмилій Павллъ и К. Плеторій; въ Темпсу—Л. Корнелій Мерула и К. Салоній. Въ этомъ году также чудесныя явленія одни показались въ Римѣ, а о другихъ получено извѣстіе. На общественной площади, мѣстѣ выборовъ и Капитоліѣ

видны были капли крови; шелъ нѣсколько разъ земляный дождь и голова Вулкана была въ огнѣ. Получено извѣстіе, что воды озера шли въ рѣку Наръ, что въ Ариминѣ у благородныхъ родителей родились дѣти безъ глазъ и носовъ, а въ Пиценскомъ полѣ родился ребенокъ безъ рукъ и ногъ. По опредѣленію жрецовъ приняты мѣры къ искупленію этихъ чудесныхъ явленій. Совершено девятидневное жертвоприношеніе вслѣдствіе полученнаго отъ жителей Гадріи извѣстія, что въ ихъ области шелъ каменный дождь.

46. Въ Галліи проконсулъ Л. Валерій Флаккъ одержалъ въ правильномъ бою рѣшительную побѣду въ окрестностяхъ Медіолана надъ Инсубрскими Галлами и Боіями, подъ начальствомъ Дорулака перешедшими По съ цѣлью возмутить Инсубровъ. Десять тысячъ непріятелей пало на полѣ битвы. Въ это же время товарищъ его М. Порцій Катонъ имѣлъ тріумфальный въѣздъ въ Римъ по возвращеніи изъ Испаніи. При этомъ случаѣ внесъ онъ недѣланнаго серебра двадцать пять тысячъ фунтовъ, монетъ сто двадцать три тысячи, Осційскаго пятьсотъ сорокъ; золота тысячу четыреста фунтовъ. Воинамъ изъ добычи онъ раздѣлилъ каждому по 270 ассъ, а всаднику втрое. Консулъ Ти. Семпроній, по прибытіи въ провинцію, повелъ сначала легіоны въ область Боіевъ. Въ то время царекъ ихъ Боіориксъ, съ своими двумя братьями возбудивъ весь народъ къ бунту, сталъ лагеремъ въ открытомъ мѣстѣ, и они по видимому предлагали бой непріятелю, лишь только онъ вступитъ въ ихъ предѣлы. Консулъ, видя какъ велики силы и увѣренность въ непріятелѣ, отправилъ гонца къ товарищу: не заблагоразсудитъ ли онъ поспѣшить, а онъ до его прибытія будетъ стараться уклончиво тянуть дѣло». Причина медленности для консула побуждала Галловъ спѣшить (и самая нерѣшительность непріятелей дѣлала ихъ смѣлѣе) окончить дѣло чѣмъ нибудь рѣшительнымъ прежде соединенія войскъ обоихъ консуловъ. Въ продолженіи двухъ дней обѣ стороны стояли готовыя къ сраженію, дожидаясь, не выступитъ ли кто первый; на третій день бросились они къ окопамъ, и напали со всѣхъ сторонъ на лагерь

Римскій. Консулъ тотчасъ приказалъ воинамъ взяться за оружіе; потомъ когда они вооружились, немного ихъ посдержалъ съ цѣлью, какъ увеличить безразсудную самоувѣренность непріятеля такъ и распредѣлить войска, какимъ броситься въ какіе ворота. Двумъ легіонамъ приказано выходить въ двое главныхъ воротъ, но когда они хотѣли выступить, Галлы встрѣтили ихъ такою густою толпою, что преградили имъ путь. Долго сраженіе происходило въ тѣснотѣ, и воины дѣйствовали не только силою рукъ и мечей, но и тѣснили напоромъ щитовъ собственнаго тѣла: Римляне хотѣли выбиться на просторное мѣсто; Галлы же домогались или ворваться въ лагерь или по крайней мѣрѣ не выпустить Римлянъ. И не прежде войска могли двинуться въ ту или другую сторону, какъ когда К. Викторій, сотникъ перваго строя и К. Атиній, трибунъ военный, схвативъ значки тотъ четвертаго, а этотъ втораго легіона, у несшихъ ихъ воиновъ, бросили ихъ въ ряды непріятельскіе — поступокъ къ которому неразъ и прежде прибѣгали въ трудную минуту боя. Желая непремѣнно взять назадъ значки, первые ряды Римлянъ втораго легіона успѣли выбиться за ворота.

47. Уже они сражались внѣ окоповъ, четвертый же легіонъ оставался въ воротахъ, какъ вдругъ въ противуположной части лагерей произошла еще тревога. Галлы ворвались чрезъ квесторскіе ворота: они умертвили упорно сопротивлявшихся: квестора Л. Постумія, по прозванію Тимпана, М. Атинія, П. Семпронія, префектовъ союзниковъ и почти 200 человѣкъ воиновъ. Лагерь съ этой стороны былъ взятъ, пока запасная когорта, посланная консуломъ для защиты квесторскихъ воротъ частью умертвила тѣхъ, которые проникли внутрь окоповъ, частью выгнала изъ лагеря и противупоставила оплотъ напору непріятелей. Почти въ тоже время успѣлъ пробиться въ ворота четвертый легіонъ съ двумя запасными когортами. Такимъ образомъ около лагеря, въ одно и тоже время, происходили въ разныхъ мѣстахъ три сраженія. Военные крики, которые разнообразились вслѣдствіе перемѣнчивости военнаго счастія, отвлекали умы сражавшихся отъ дѣйствительнаго боя. До полуд-

ни сраженіе происходило съ равными силами и почти съ равнымъ успѣхомъ. Но усталость и жаръ заставили Галловъ, оставить бой, такъ какъ они тѣломъ слабы и нѣжны, и не могутъ переносить жажду; на немногихъ оставшихся Римляне сдѣлали натискъ и, поразивъ ихъ, сбили въ лагерь. Тутъ консулъ велѣлъ подать сигналъ къ отступленію; вслѣдствіе этого большая часть воиновъ отступила, но нѣкоторые, увлеченные пыломъ битвы и надеждою овладѣть непріятельскимъ лагеремъ, упорствовали около его окоповъ. Смотря съ презрѣніемъ на ихъ малочисленность, Галлы всею массою устремились изъ лагерей и тѣ Римляне, которые не захотѣли повиноваться приказанію консула, обращенные въ бѣгство, въ ужасѣ и смятеніи устремились въ свой лагерь; такимъ образомъ пришлось и той и другой сторонѣ и побѣдить и бѣжать. Въ сраженіи пало Галловъ до одиннадцати тысячъ, а Римлянъ до пяти; Галлы удалились внутрь земель своихъ.

48. Консулъ повелъ легіоны въ Плаценцію. Относительно Сципіона одни пишутъ, что онъ, соединивъ свое войско съ войскомъ товарища, прошелъ по землямъ Боіевъ и Лигуровъ, опустошая ихъ до тѣхъ мѣстъ, пока допустили лѣса и болота; другіе говорятъ, что, не совершивъ ничего замѣчательнаго, онъ возвратился въ Римъ для производства выборовъ. Въ этомъ же году Т. Квинкцій находясь въ Елатіи, куда онъ отвелъ войска на зимнія квартиры, провелъ всю зиму въ разбирательствѣ разныхъ тяжебныхъ дѣлъ и въ отмѣнѣ того, что совершено было по городамъ произволомъ самого Филиппа или его намѣстниковъ, которые, желая придать болѣе силы людямъ своей партіи, стѣсняли права и свободу другихъ. Въ началѣ весны онъ прибылъ въ Коринѳъ, гдѣ назначилъ сеймъ. Здѣсь онъ, собравшимся къ нему представителямъ всѣхъ городовъ, сказалъ рѣчь, начавъ съ первыхъ дружественныхъ отношеній Римлянъ къ Греческому народу; консулся онъ дѣйствій какъ своихъ собственныхъ, такъ и тѣхъ вождей, которые до него были въ Македоніи. Всю рѣчь консула выслушали съ великими знаками одобренія; только, когда пришлось упомянуть

о Набисѣ, то показалось несовсѣмъ согласнымъ съ дѣйствіями освободителя Греціи—оставить тиранна, не только сдѣлавшагося невыносимымъ въ своемъ отечествѣ, но и опаснаго для всѣхъ окружающихъ государствъ, такъ какъ онъ гнѣздился внутри знаменитѣйшаго города.

49. Не безъизвѣстный о такомъ расположеніи умовъ, Квинкцій откровенно высказалъ слѣдующее: будь возможность достигнуть безъ разрушенія Лакедемона, то не слѣдовало бы допускать и мысли о примиреніи съ тиранномъ. Но теперь когда онъ не можетъ быть подавленъ иначе какъ цѣною гибели знаменитаго города, то показалось достаточнымъ ослабить тиранна—отнявъ у него силы и возможность вредить кому либо, чѣмъ допустить до гибели городъ, въ самомъ стремленіи къ его свободѣ употребивъ въ дѣло средства, столь сильныя, вынести которыя онъ не въ состояніи». Упомянувъ о томъ, что уже было выше, Квинкцій прибавилъ: «намѣренъ онъ отправиться въ Италію и вывести за собою все войско. Они услышатъ, что въ теченіи десяти дней будутъ выведены гарнизоны изъ Деметріады и Халкиды, а Акрокоринѳъ онъ тотчасъ же, въ ихъ присутствіи очистивъ, сдастъ Ахейцамъ, и пусть всѣ узнаютъ, кто привыкъ лгать Этолы или Римляне. Первые не стыдились вездѣ провозглашать, что не въ хорошіе руки Римлянъ ввѣрена вольность Греціи, и что вмѣсто Македонянъ стали только другіе господа—Римляне. Но Этолы привыкли не обдумывать хорошенько ни своихъ дѣйствій, ни словъ; прочіе же города проситъ онъ—судить о друзьяхъ по ихъ дѣйствіямъ, а не по словамъ; тогда они уразумѣютъ, кому надобно довѣрять и кого остерегаться. Свободою пусть пользуются умѣренно: въ мѣру она полезна и отдѣльнымъ гражданамъ и государствамъ; въ слишкомъ большомъ развитіи она опасна и для другихъ, да и для самихъ необузданна и гибельна. Пусть болѣе всего стараются о согласіи — въ частности въ городахъ старѣйшины и сословія, а въ общемъ—всѣ государства между собою. Приихъ взаимномъ согласіи не осилитъ ихъ никакой ни царь, ни тираннъ. Несогласіемъ же и возмущеніемъ пользуются люди пред-

пріимчивые, такъ сторона, въ домашней борьбѣ побѣжденная, скорѣе уступитъ чужестранцу, чѣмъ согражданину. Получивъ свободу, благодаря силѣ чужаго оружія и вѣрности въ словѣ союзниковъ—пусть они сами заботятся сберечь и сохранить ее, и вмѣстѣ съ тѣмъ покажутъ народу Римскому, что свобода дана достойнымъ, и что его заслуга не пропала даромъ».

50. Слова эти были выслушаны какъ бы слова отца; всѣ присутствовавшіе отъ радости проливали слезы, такъ что и самъ Квинкцій, между тѣмъ какъ говорилъ, пришелъ въ смущеніе. Мало по малу раздавались голоса одобренія; одни другихъ убѣждали, чтобы слова Квинкція, какъ бы внушенныя оракуломъ, напечатлѣли въ памяти и душѣ. Когда воцарилось снова молчаніе, то Квинкцій просилъ у нихъ: всѣхъ гражданъ Римскихъ, какіе могутъ у нихъ находиться въ рабствѣ, разыскать въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ и отправить въ Ѳессалію: для нихъ самихъ нечестно будетъ, если освободители будутъ рабствовать въ освобожденной ими землѣ. Всѣ громко отвѣчали на это: «что они благодарятъ его за всѣ его внушенія, но въ особенности и за то, что онъ имъ напомнилъ ихъ самую необходимую и святую обязанность. Очень много было плѣнныхъ захваченныхъ въ Пуническую войну, и ихъ Аннибалъ продалъ, такъ какъ они не были выкуплены. Доказательствомъ большаго числа плѣнныхъ можетъ служить свидѣтельство Полибія, который пишетъ, что это дѣло стоило Ахейцамъ сто талантовъ, между тѣмъ какъ они постановили выплачивать владѣльцамъ по 500 динаріевъ за каждаго раба; по этому расчету оказывается, что такихъ рабовъ нашлось въ Ахеѣ 1200 человѣкъ. Изъ этого можно заключить по соразмѣрности, сколько ихъ было вѣроятно во всей Греціи. Еще не было распущено собраніе, какъ уже увидали гарнизонъ Римскій, что онъ спустился съ Акрокоринѳа, направился къ городскимъ воротамъ и вышелъ. За войскомъ последовалъ и вождь; всѣ его провожали, именуя освободителемъ и спасителемъ. Простившись съ ними и отпустивъ ихъ, Квинкцій тою же дорогою возвратился въ Елатію, по которой пришелъ; оттуда со всѣми войсками отправилъ онъ Ап. Клавдія

легата; онъ приказалъ вести войско черезъ Ѳессалію и Епиръ въ Орикъ и тамъ его подождать, а оттуда онъ намѣренъ переправить войско въ Италію. Брату своему Л. Квинкцію, легату и начальнику флота, написалъ, чтобы онъ туда же собралъ транспортныя суда со всѣхъ береговъ Греціи.

51. А самъ, отправившись въ Халкиду, вывелъ гарнизоны не только изъ Халкиды, но также изъ Орея и Еретріи и потомъ собралъ тамъ сеймъ изъ представителей Евбейскихъ городовъ. Напомнивъ имъ, въ какомъ положеніи дѣлъ онъ ихъ принялъ и въ какомъ оставилъ, онъ ихъ отпустилъ. Затѣмъ отправился въ Деметріаду и оттуда вывелъ гарнизонъ, при чемъ всѣ жители его провожали точно также какъ въ Коринѳѣ и Халкидѣ. Далѣе онъ отправился въ Ѳессалію: здѣсь необходимо было не только возстановить свободу по городамъ, но и дать имъ сколько нибудь сносную форму правленія, такъ какъ они находились въ страшномъ безпорядкѣ и замѣшательствѣ. Они страдали не только недостатками времени, и послѣдствіями насилія и произвола царскихъ, но и безпокойнымъ духомъ народа, у котораго съ самаго начала и до нашего времени ни одни выборы, ни одно совѣщаніе, ни одна сходка не обходятся безъ страшныхъ волненій и безпокойствъ. Квинкцій выбралъ сенаторовъ и судей на основаніи оцѣнки собственности, и придалъ болѣе силы той части гражданъ, которой дороже всего общее спокойствіе и тишина.

52. Устроивъ такимъ образомъ Ѳессалію, Квинкцій черезъ Епиръ прибылъ въ Орикъ, откуда долженъ былъ переправиться; изъ Орика всѣ войска перевезены въ Брундизій. Отсюда и до самого Рима, почти по всей Италіи, ихъ шествіе было торжественное, и масса добычи отбитой у непріятеля, предшествовавшая имъ, чуть ли не равнялась ихъ собственной. По прибытіи Квинкція къ Риму, сенатъ собрался для него за городомъ, чтобы выслушать разсказъ о его подвигахъ и тутъ охотно опредѣленъ ему тріумфъ вполнѣ заслуженный. Три дни продолжался онъ. Въ первый день несли оружіе, стрѣлы, статуи мѣдныя и мраморныя (гораздо болѣе было отнятыхъ у

Филиппа, чѣмъ взятыхъ у городовъ); во второй день золото и серебро какъ въ дѣлѣ, такъ и въ слиткахъ и въ монетѣ. Недѣланнаго серебра было восьмнадцать тысячь фунтовъ и 270 дѣланнаго. Много сосудовъ всякаго рода, большая часть съ выпуклыми изображеніями и нѣкоторые чудной работы; много было изображеній и изъ мѣди. Тутъ было десять серебряныхъ щитовъ. Серебра въ монетѣ было — восемьдесять четыре тысячи Аттическихъ монетъ; ихъ называютъ тетрадрахмами: въ каждой серебра на три динарія. Золота было три тысячи семьсотъ четырнадцать фунтовъ, и одинъ щитъ весь изъ цѣльнаго золота. Золотыхъ Филипповыхъ монетъ четырнадцать тысячь пятьсотъ четырнадцать. На третій день несли золотые вѣнки, дары городовъ — ихъ было сто четырнадцать; затѣмъ вели жертвенныхъ животныхъ. Передъ колесницею шли многіе знатные плѣнники и заложники; въ числѣ ихъ Димитрій, сынъ царя Филиппа и Лакедемонянинъ Арменесъ, сынъ тиранна Набиса. За ними въѣхалъ въ городъ Квинкцій; за колесницею его шло много воиновъ, такъ какъ войско вывезено со всей провинціи; каждому пѣшему войну дано по двѣсти пятьдесятъ ассъ, сотнику вдвое, а всаднику втрое. Въ торжественномъ поѣздѣ особенно замѣтны были съ бритыми головами — Римляне, освобожденные изъ рабства.

53. Въ концѣ этого года К. Элій Туберонъ, трибунъ народный, вслѣдствіе сенатскаго опредѣленія, предложилъ народу и тотъ утвердилъ: отвести двѣ колоніи Латинскія — одну въ землю Бруттіевъ, а другую въ Туринское поле. Для вывода этихъ колоній избраны тріумвиры съ правами власти на три года: въ землю Бруттіевъ К. Невій, М. Минуцій Руфъ, М. Фурій Крассипесъ (толстоногій); въ Туринскую область — Кн. Манлій, К. Элій и Л. Апустій. Выборы тѣхъ и другихъ произвелъ Кн. Домицій, городской преторъ, въ Капитоліѣ. Въ этомъ году освящено нѣсколько храмовъ: одинъ Юноны Хранительницы на овощномъ рынкѣ; онъ начался строиться за четыре года передъ тѣмъ по обѣту, данному консуломъ Кн. Корнеліемъ въ Галльскую войну. Онъ же его и освятилъ, будучи цензоромъ.

Другой храмъ Фавна. За два года передъ тѣмъ начали его строить изъ штрафныхъ денегъ эдили — К. Скрибоній и Кн. Домицій и послѣдній освятилъ, будучи городскимъ преторомъ. Храмъ Фортуны Примигеніи *(перворожденной)* на Квиринальскомъ холмѣ освятилъ К. Марцій Ралла, дуумвиръ, для этой собственно цѣли избранный. Выстроить его далъ обѣтъ консулъ П. Семпроній Софъ, за десять лѣтъ передъ тѣмъ во время Пунической войны, а выстроилъ онъ же, будучи цензоромъ. На островѣ храмъ Юпитера освятилъ дуумвиръ К. Сервилій; обѣтъ построить этотъ храмъ данъ былъ преторомъ Л. Фуріемъ Пурпуреономъ за шесть лѣтъ передъ тѣмъ во время Галльской войны; выстроенъ же онъ въ послѣдствіи имъ же въ бытность его консуломъ; вотъ что происходило въ этому году.

54. П. Сципіонъ изъ своей провинціи Галліи прибылъ для назначенія консуловъ. Произведены консульскіе выборы и на нихъ назначены Л. Корнелій Мерула и К. Минуцій Термъ. На другой день избраны преторы: Л. Корнелій Сципіонъ, М. Фульвій Нобиліоръ, К. Скрибоній, М. Валерій Мессала, Л. Порцій Лициній и К. Фламиній. Мегалезскія сценическія игры дали первые курульные эдили — К. Атилій Серранъ и Л. Скрибоній Либо. Игры Римскія, данныя этими эдилями, въ первый разъ смотрѣли сенаторы на мѣстахъ отдѣльныхъ отъ народа. Это, какъ и вообще всякая новость, подало поводъ къ большимъ толкамъ. Одни говорили, что оказана важнѣйшему сословію въ государствѣ честь, давно ему подобающая. Другіе же толковали, что всякое увеличеніе значенія сенаторовъ дѣлается насчетъ ущерба достоинства народнаго, и что всѣ отличія, которыя ведутъ къ болѣе рѣзкому разграниченію сословій, имѣютъ послѣдствіемъ — уменьшеніе свободы, равенства и взаимнаго согласія. Вѣдь въ продолженіи пяти сотъ пятидесяти восьми лѣтъ смотрѣли же зрѣлища всѣ граждане вмѣстѣ! Что же вдругъ случилось, почему сенаторы не хотятъ смѣшиваться съ народомъ? За что богатый оказываетъ пренебреженіе уступающему ему бѣдняку? Неслыханная прихоть надменности, какой донынѣ не оказывалъ и не желалъ сенатъ ни одного народа. Говорятъ,

что наконецъ и самъ Африканъ, въ бытность свою консуломъ предложившій эту мѣру, жалѣлъ о ней. До такой степени велико стремленіе поддержать старое, что всѣ предпочитаютъ оставаться при прежнемъ, развѣ несостоятельность чего ясно уже доказалась дѣломъ.

55. Въ началѣ года, въ которомъ консулами были Л. Корнелій и К. Минуцій, до того часто были получаемы свѣдѣнія о землетрясеніяхъ, что гражданамъ уже надоѣли нестолько самые случаи, сколько праздники, по этому случаю объявленные. Ни сенатъ не могъ собираться, ни управленіе общественными дѣлами идти своимъ порядкомъ, такъ какъ консулы только и были заняты, что приношеніемъ жертвъ и молитвъ. Наконецъ децемвирамъ приказано посовѣтоваться съ священными книгами и согласно ихъ отвѣту, было объявлено трехдневное молебствіе. Граждане въ вѣнкахъ молились на всѣхъ перекресткахъ и приказано, чтобы всѣ члены одного и того же семейства участвовали въ молебствіи. Точно также, по указанію сената, консулы объявили, чтобы въ тотъ день, когда уже, по полученіи извѣстія о землетрясеніи, объявлено празднованіе, не было возвѣщаемо о другомъ землетрясеніи. Затѣмъ сначала консулы, а потомъ преторы распредѣлили между собою провинціи по жеребью. Корнелію досталась Галлія, Минуцію—Лигуры. Преторамъ вынулось по жеребью: К. Скрибонію — судопроизводство надъ гражданами, М. Валерію надъ чужестранцами, Л. Корнелію—Сицилія, Л. Порцію—Сардинія, К. Фламинію—Испанія ближняя, М. Фульвію—Испанія дальная.

56. Въ этомъ году консулы не ждали совсѣмъ войны; вдругъ получено письмо отъ М. Цинція, находившагося префектомъ въ Пизѣ: двадцать тысячъ вооруженныхъ Лигуровъ во исполненіе замысла, задуманнаго на сходкахъ всего народа, опустошили сначала область Луненскую, потомъ перешли въ Пизанскую, гдѣ исходили все прибрежье». Вслѣдствіе этого консулъ Минуцій, которому досталась провинція Лигуры, съ дозволенія сената, взошелъ на ростры и объявилъ: «чтобы два городскихъ легіона, набранные въ прошедшемъ году, явились въ Арретій

къ десятому дню; на мѣсто же ихъ онъ наберетъ два новыхъ легіона. Также объявилъ онъ союзникамъ и Латинянамъ, сановникамъ и посламъ тѣхъ, которые должны были выставить воиновъ, чтобы они явились къ нему въ Капитолій. Онъ съ нихъ потребовалъ пятнадцать тысячъ пѣшихъ и пятьсотъ всадниковъ, начиная отъ самихъ младшихъ и приказалъ — изъ Капитолія тотчасъ же идти къ городскимъ воротамъ и, — для ускоренія дѣла, немедленно отправиться производить наборъ. Фульвію и Фламинію опредѣлены въ подкрѣпленіе—три тысячи союзниковъ Латинскаго племени и двѣсти всадниковъ. Преторамъ поручено, по прибытіи въ провинцію, распустить прежнихъ воиновъ. Воины, находившіеся въ городскихъ легіонахъ, стали приходить въ большомъ числѣ къ трибунамъ народнымъ, расспрашивая и узнавая—не выслужилъ ли кто срока службы, или болѣзнь не служитъ ли кому поводомъ къ увольненію. Дѣло это было покончено донесеніемъ Ти. Семпронія слѣдующаго содержанія: «десять тысячъ Лигуровъ прибыли въ Пицентинскую область, и наполнили пожарами и убійствами все пространство до стѣнъ колоніи и береговъ По; да и племя Боіевъ готово взбунтоваться. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ сенатъ объявилъ поголовное возстаніе и то, что трибуны народные не должны разсматривать дѣлъ, относящихся до воиновъ и задерживать ихъ отъ явки по декрету.» Прибавлено и то, чтобы союзники Латинскаго племени, находившіеся въ войскѣ П. Корнелія и Т. Семпронія и отпущенные этими консулами, явились ко дню, назначенному Л. Корнеліемъ и въ мѣсто имъ указанное; и чтобы консулъ Л. Корнелій, отправляясь въ провинцію, по городамъ и областямъ, находящимся по пути, набралъ воиновъ, вооружилъ и взялъ съ собою; точно также предоставлено ему право и отпускать тѣхъ, кого заблагоразсудитъ.

57. Когда консулы, произведя наборъ, отправились въ провинціи, то Квинкцій потребовалъ: «чтобы сенатъ выслушалъ какія онъ, Квинкцій, сдѣлалъ распоряженія вмѣстѣ съ десятью легатами, и буде заблагоразсудитъ, пусть утвердитъ эти распоряженія. Сдѣлать это легче будетъ для сената, когда онъ

выслушаетъ показанія пословъ, какъ изо всей Греціи и большой части Азіи, такъ и отъ царей». Посольства эти введены въ сенатъ К. Скрибоніемъ, преторомъ городскимъ, и всѣмъ данъ ласковой отвѣтъ. А такъ какъ много было предметовъ спора съ Антіохомъ, то поручено разсужденіе объ этомъ десяти посламъ, изъ которыхъ нѣкоторые находились въ Азіи, или въ Лизимахіи у царя. Т. Квинкцію поручено принять пословъ царя и выслушавъ ихъ рѣчи, дать имъ такой отвѣтъ, какой будетъ сообразенъ съ достоинствомъ и пользами народа Римскаго. Во главѣ царскаго посольства были Менипъ и Гегезіанаксъ; изъ нихъ Менипъ сказалъ слѣдующее: «непонимаетъ онъ, въ чемъ бы могла заключаться затруднительность его посольства, тогда какъ онъ прибылъ просто просить о заключеніи дружественнаго союза съ Римлянами. Союзные договоры между государствами и царями бываютъ трехъ родовъ: первый, когда предписываются законы побѣжденнымъ на войнѣ. При этомъ такъ какъ все находится въ рукахъ того, кто сильнѣе оружіемъ, то въ волѣ и правахъ побѣдителя — предоставить побѣжденнымъ только то, что онъ заблагоразсудитъ въ видахъ наказанія. Другой—когда обѣ стороны, будучи равны силами на войнѣ, заключаютъ между собою союзъ мира и дружбы на безобидныхъ и для той и другой стороны условіяхъ, и если въ продолженіи войны, произошло какое либо замѣшательство относительно владѣній, то оно устраняется или въ силу стариннаго права, или согласно съ выгодами той и другой стороны. Третій видъ бываетъ тогда, когда соединяются между собою союзомъ дружества тѣ, которые никогда не имѣли прежде непріязненныхъ столкновеній; тутъ условія и не предписываются, и не принимаются, такъ какъ это свойственно только побѣдителямъ и побѣжденнымъ. Къ этому послѣднему разряду относится и Антіохъ, а потому его удивляетъ, что Римляне считаютъ нужнымъ ему указывать—какіе города въ Азіи долженъ онъ оставить свободными и неприкосновенными, и съ какихъ можетъ брать дань, и въ какіе запрещается входить царю и его войскамъ. Такъ можно заключать только мирный договоръ съ Филиппомъ непріятелемъ, а не союзный договоръ съ Антіохомъ, другомъ народа Римскаго».

58. На это Квинкцій отвѣчалъ: «такъ какъ вамъ угодно различать и исчислять разные способы заключенія союзныхъ договоровъ, то я вамъ прямо предложу два условія, безъ которыхъ такъ и объявите царю—совершенно невозможно заключеніе дружественнаго союза съ народомъ Римскимъ. Первое: буде онъ хочетъ, чтобы мы не принимали никакого участія въ судьбѣ городовъ Азіи, то пусть и самъ совсѣмъ отступится отъ Европы. Другое: если онъ, не ограничиваясь предѣлами Азіи, переходитъ и въ Европу, то пусть предоставитъ и Римлянамъ право какъ поддерживать дружественныя сношенія съ городами Азіи, какія у нихъ есть, такъ и заводить новыя». На это Гегезіанаксъ возразилъ: «даже и слушать то противно, что Антіоха устраняютъ отъ городовъ Ѳракіи и Херсонеса, а ихъ Селевкъ, прадѣдъ Антіоха, побѣдивъ и умертвивъ на войнѣ царя Лизимаха, оставилъ ихъ ему въ наслѣдство, пріобрѣтя ихъ самимъ достойнымъ образомъ. Съ неменьшею честью завладѣлъ ими опять Антіохъ силою оружія: частью отнялъ онъ ихъ у Ѳракійцевъ, которые было ихъ захватили, частью оставленные, какъ на примѣръ Лизимахію, наполнилъ вновь жителями, созвавъ ихъ съ разныхъ сторонъ и тамъ, гдѣ были однѣ обгорѣвшія развалины, съ большими издержками воздвигнулъ городъ. Чтоже тутъ общаго: Антіоху и отказаться отъ своихъ законныхъ пріобрѣтеній и трудовъ, или Римлянамъ отъ Азіи, которая никогда ихъ не была? Антіохъ желаетъ быть въ дружбѣ съ Римлянами, но въ такой, чтобы она, если онъ ее получитъ, служила ему къ чести, а не къ позору. На это Квинкцій возразилъ: «если ужь дѣло коснулось чести, то соображенія ея для народа, занимающаго первенствующее мѣсто на обитаемой землѣ и для такого царя, какъ Антіохъ, должны занимать если не единственное, то, по крайней мѣрѣ, главное мѣсто. А чтоже наконецъ честнѣе: толи, чтобы всѣ города Греціи, гдѣ бы они ни находились, были свободными, или чтобы они, находясь въ рабствѣ, платили дань? Если Антіохъ считаетъ для себя чест-

нымъ—города, которыми завладѣлъ его прадѣдъ по праву войны—на которые впрочемъ ни отецъ его, ни дѣдъ не предъявляли никогда требованій, снова поработить себѣ, то и народъ Римскій съ своей стороны не отступится отъ принятаго имъ на себя покровительства вольности Грековъ, и сочтетъ это дѣломъ своей вѣрности и совѣсти. Точно также какъ онъ освободилъ Грецію отъ Филиппа, такъ теперь намѣренъ онъ и въ Азіи освободить города Греческаго имени. Въ Эолиду и Іонію отправлены были поселенія Греческія не для того, чтобы имъ находиться въ рабствѣ царя, но для увеличенія силъ народа древнѣйшаго, и для распространенія его по всему лицу земной поверхности.

59. Отъ этихъ словъ Гегезіанаксъ пришелъ въ затрудненіе такъ какъ трудно былобы опровергнуть, что дѣло вольности честнѣе дѣла рабства.—«Зачѣмъ играемъ мы въ слова?»—сказалъ П. Сульпицій, старѣйшій лѣтами изъ десяти пословъ—«выбирайте одно изъ двухъ условій, которыя только что передъ этимъ такъ краснорѣчиво изложены Квинкціемъ, а въ противномъ случаѣ перестаньте толковать о дружбѣ.»—«А мы—возразилъ Менишпъ—и не желаемъ и не можемъ согласиться на какое либо уменьшеніе царства Антіохова.» На другой день Квинкцій ввелъ всѣ посольства Греціи и Азіи въ Сенатъ, для того, чтобы имъ было извѣстно, какъ расположены Римляне и какъ царь Антіохъ въ отношеніи къ городамъ Греціи; онъ изложилъ требованія и свои, и сдѣланныя со стороны царя. «Пусть они дадутъ знать своимъ соотечественникамъ, что народъ Римскій съ тѣмиже мужествомъ и постоянствомъ, съ какими отстаивалъ ихъ вольность отъ Филиппа, будетъ защищать ихъ и отъ Антіоха, если только онъ не очиститъ Европу.» Тутъ Мениппъ сталъ упрашивать и Квинкція и сенаторовъ: «не спѣшить такимъ рѣшеніемъ, которое смутитъ всю землю. Пусть они и себѣ возьмутъ время на размышленіе и дадутъ его царю. Онъ подумаетъ, когда узнаетъ объ этихъ условіяхъ, и или добьется чего нибудь, или уступитъ изъ любви къ миру. Такимъ образомъ это дѣло отложено до другаго времени нерѣшеннымъ. Назначить послами къ царю заблагоразсудили тѣхъ же, кото-

рые находились въ Лизимахіи у Антіоха, а именно П. Сульпицій, П. Виллій и П. Элій.

60. Только что они уѣхали, какъ изъ Карѳагена пришли послы и принесли извѣстіе, что Антіохъ подъ руководствомъ Аннибала готовится къ войнѣ. Тутъ возродилось опасеніе, какъ бы не пришлось вмѣстѣ воевать и съ Карѳагенянами. Аннибалъ, убѣжавъ изъ отечества, пришелъ, какъ мы уже выше сказали, къ Антіоху,—и у него былъ въ большой чести не вслѣдствіе иного чего, какъ только потому, что для царя, давно уже составлявшаго планы о войнѣ съ Римлянами, лучшаго, какъ Аннибалъ, совѣтника объ этомъ предметѣ не могло быть. Мнѣніе его постоянно было одно и тоже: необходимо вести войну въ самой Италіи. Тамъ для непріятеля, пришедшаго извнѣ, всегда найдутся и воины, и припасы. Если же тамъ не произвести ни какой попытки и допустить народъ Римскій всѣми силами и войсками Италіи вести войну внѣ Италіи, то ни какой царь и ни какой народъ не будутъ въ состояніи совладать съ Римлянами.» Аннибалъ требовалъ себѣ сто палубныхъ судовъ, десять тысячь пѣшихъ воиновъ и тысячу конныхъ. «Съ этимъ флотомъ онъ прежде всего отправится въ Африку. Сильно онъ надѣется, что въ состояніи будетъ и Карѳагенянъ возбудить къ начатію войны. Въ случаѣ же медленности съ ихъ стороны, онъ начнетъ войну съ Римлянами въ какой либо части Италіи; а царь со всѣми прочими силами долженъ перейдти въ Европу и оставаться съ войсками въ какой либо части Греціи, не переправляясь, но—и этого будетъ достаточно для военныхъ соображеній и слуховъ—показывая готовность переправиться.»

61. Убѣдивъ царя въ справедливости своего мнѣнія, Аннибалъ счелъ нужнымъ приготовить къ этому и умы своихъ соотечественниковъ; писемъ онъ не рѣшился писать, опасаясь какъ бы они не были перехвачены и не открылся бы такимъ образомъ весь замыселъ. Отыскалъ онъ въ Ефесѣ одного жителя Тира, по имени Аристона; его ловкость и умѣніе испыталъ онъ разными, сначала неважными порученіями. Частью

осыпавъ его дарами, частью обнадеживъ наградами, утвержденными и словомъ царскимъ, онъ послалъ его съ порученіями въ Карѳагенъ. Онъ ему назвалъ тѣхъ гражданъ, съ которыми необходимо было ему повидаться и снабдилъ его тайными знаками, въ которыхъ впрочемъ для его пріятелей ясны были его порученія. Когда Аристонъ явился въ Карѳагенъ, то о причинѣ его прибытія враги Аннибала узнали чуть ли не прежде какъ и его друзья. Сначала много толковали объ этомъ въ кружкахъ, и на пирахъ; потомъ нѣкоторые стали говорить уже и въ сенатѣ: «ни къ чему не послужитъ ссылка Аннибала, если онъ и въ изгнаніи будетъ затѣвать новые замыслы и смущать спокойствіе государства, стараясь дѣйствовать на умы гражданъ. Явился какой то Аристонъ, пришлецъ Тирскій, снабженный порученіями отъ Аннибала и царя Антіоха, съ извѣстными людьми ведетъ онъ ежедневно тайные переговоры. Тайно затѣвается дѣло, которое вскорѣ обнаружится общею гибелью.» Всѣ закричали, что: «необходимо позвать Аристона и допросить, зачѣмъ онъ прибылъ; если же онъ не откроетъ, то отправить съ послами въ Римъ. Довольно и такъ уже пострадали они за самонадѣянность одного человѣка. Пусть частные люди грѣшатъ каждый на свою голову, а государство надобно беречь не только отъ дурныхъ поступковъ, но даже и отъ слуха о нихъ.» Аристонъ былъ позванъ; онъ оправдывался и главное—невинность свою основывалъ на томъ, что у него ни къ кому не было писемъ. Впрочемъ, онъ не могъ объяснить удовлетворительно причины своего прибытія, а болѣе всего приходилъ онъ въ затрудненіе отъ того, что его обличали въ сношеніяхъ исключительно съ людьми Барцинской партіи. Затѣмъ произошелъ большой споръ: одни говорили, что Аристона, какъ лазутчика, надобно схватить и отдать подъ караулъ; а другіе утверждали, что не изъ чего поднимать такую тревогу. «Брать ни за что ни прочто чужестранныхъ гостей, будетъ дѣломъ дурнаго примѣра. Точно также могутъ поступить и съ Карѳагенянами какъ въ Тирѣ, такъ и въ другихъ торговыхъ городахъ, куда имъ часто приходится ѣздить.» Въ этотъ день дѣло отложено. Аристонъ, употребивъ

въ отношеніи къ Карѳагенянамъ Карѳагенскую (Пуническую) хитрость, написавъ записку, повѣсилъ ее, при наступленіи вечера, въ самомъ людномъ мѣстѣ, надъ постояннымъ сѣдалищемъ сановниковъ, а самъ съ третьею перемѣною сторожей сѣлъ на судно и убѣжалъ. На другой день, когда суффеты сѣли на свои мѣста для производства суда и расправы, увидали записку, сняли ее и прочитали. Въ запискѣ было: «Аристонъ имѣлъ порученія не къ какому либо частному лицу въ особенности, но ко всѣмъ вообще старѣйшинамъ (такъ называли сенатъ)». При такомъ обнародованіи преступленія, не было уже болѣе надобности производить слѣдствіе надъ отдѣльными гражданами. Впрочемъ, положено отправить пословъ въ Римъ—объявить случившееся консуламъ и сенату, а вмѣстѣ и жаловаться на обиды со стороны Масиниссы.

62. Масинисса, замѣтивъ слабость Карѳагенянъ и ихъ между собою несогласіе (старѣйшины были подозрительны сенату вслѣдствіе переговоровъ съ Аристономъ, а народъ недовѣрялъ сенату вслѣдствіе показанія того же Аристона) счелъ время удобнымъ для притѣсненія Карѳагенянъ. Онъ опустошилъ ихъ земли по берегу моря и нѣкоторые города, подвластные Карѳагенянамъ, заставилъ платить дань себѣ. Сторона эта носитъ названіе Емпорій; это берегъ меньшаго Сирта и весьма плодородный. Въ немъ находился городъ Лептисъ, который одинъ платилъ ежедневно Карѳагенянамъ по таланту. Эту то сторону Масинисса тревожилъ всю, а часть сдѣлалъ даже сомнительнаго владѣнія—къ его ли владѣніямъ относится, или къ Карѳагенскимъ. Узнавъ, что изъ Карѳагена пойдутъ послы въ Римъ оправдываться въ возводимыхъ на ихъ согражданъ обвиненіяхъ и вмѣстѣ на него жаловаться,—Масинисса отправилъ и самъ пословъ въ Римъ съ цѣлью наговорить на Карѳагенянъ, а также и потолковать о спорныхъ владѣніяхъ. Сенаторы, выслушавъ показаніе Карѳагенянъ о пришлецѣ Тирскомъ, возъимѣли опасеніе, какъ бы не пришлось вмѣстѣ воевать и съ Антіохомъ, и съ Карѳагенянами. Подозрѣніе въ ихъ виновности усиливало то обстоятельство, что они, присудивъ Аристона

схватить и отослать въ Римъ, не могли укараулить ни его самаго, ни его судна. Затѣмъ произошелъ у пословъ Кареагенскихъ съ послами царя Масиниссы споръ о владѣніяхъ. Кареагеняне защищали свое дѣло — показаніемъ границъ своихъ владѣній: «что они находятся въ тѣхъ предѣлахъ, которые указалъ области Кареагенской П. Сципіонъ послѣ побѣды». — А также признаніемъ самого царя: «который, преслѣдуя Афира, бѣжавшаго изъ областей его царства и съ отрядомъ Нумидовъ скитавшагося въ окрестности Цирены, просилъ себѣ дозволенія пройдти черезъ эти самыя земли, признавая тѣмъ безспорно права на нихъ Кареагенянъ». Нумиды съ своей стороны утверждали: «что Кареагеняне и ложно показываютъ относительно назначенія границъ Сципіономъ. Да и доискиваясь истиннаго происхожденія правъ Кареагенянъ, какія именно земли въ Африкѣ могутъ они назвать своею собственностью? Имъ пришлецамъ дано, по ихъ усердной просьбѣ, для основанія города столько мѣста, сколько можетъ быть захвачено разрѣзанною кожею быка. А какъ только вышли они за предѣлы кореннаго своего мѣстопребыванія Бирсы, то все это пріобрѣтено насиліемъ и неправдою. Да и относительно тѣхъ земель, о которыхъ теперь идетъ дѣло, Кареагеняне не въ состояніи доказать не только, что они ими сначала владѣютъ, но даже что и давно. Глядя по обстоятельствамъ, то они присвоивали себѣ эти земли, то цари Нумидскіе, и спорная область была постоянно достояніемъ того, кто былъ сильнѣе оружіемъ. Въ какомъ положеніи было дѣло прежде, чѣмъ Кареагеняне сдѣлались врагами Римлянъ, а царь Нумидовъ ихъ союзникомъ и другомъ, въ томъ они пусть его оставятъ, и не вмѣшиваются въ пользу тѣхъ, которые менѣе всего въ состояніи удержать.» Положено было отвѣчать посламъ и той и другой стороны, что будутъ отправлены въ Африку послы для разобранія на мѣстѣ теперешняго дѣла между царемъ и народомъ Кареагенскимъ. Посланы П. Сципіонъ Африканъ, К. Корнилій Цетегъ и М. Минуцій Руфъ. Выслушавъ обѣ стороны и изслѣдовавъ дѣло, они оставили его нерѣшеннымъ, не склонясь ни на ту, ни на

другую сторону. По собственному ли побужденію они такъ поступили, или исполняя данное имъ порученіе, это осталось неизвѣстнымъ, но то вѣрно, что такой образъ дѣйствій былъ наиболѣе согласенъ съ требованіемъ времени — оставить обѣ стороны въ самомъ жаркомъ спорѣ. Не будь это такъ, то и одинъ Сципіонъ и основательнымъ знаніемъ дѣла, и вѣсомъ, такъ какъ онъ оказалъ и той, и другой сторонѣ большія услуги, могъ въ одну минуту окончить этотъ споръ.

КНИГА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.

1. Въ началѣ года, когда совершились описанныя выше событія, преторъ Секс. Дигитій въ ближней Испаніи имѣлъ нестолько замѣчательныя, сколько частыя схватки съ тѣми племенами, которыя, по удаленіи М. Катона, взялись было снова за оружіе въ большомъ числѣ. Схватки эти по большей части кончались неудачно, такъ что онъ своему преемнику сдалъ едва половину того числа воиновъ, которое самъ принялъ. Нѣтъ сомнѣнія, что вся бы Испанія оправилась духомъ, если бы не другой преторъ П. Корнелій, Кн. сынъ, Сципіонъ, который по ту сторону Ибера совершилъ нѣсколько удачныхъ сраженій; подъ вліяніемъ ужаса не менѣе пятидесяти городовъ перешли къ нему. Вотъ что сдѣлалъ Сципіонъ, будучи преторомъ. Онъ же, оставаясь за претора, напалъ на Лузитанъ, когда они, опустошивъ дальнюю провинцію, возвращались домой съ огромною добычею, на самомъ на походѣ. Съ третьяго часу дня до восьмаго исходъ боя былъ еще нерѣшенъ; превосходя непріятеля во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, Сципіонъ уступалъ ему только численностью: сплошнымъ строемъ напалъ онъ на непріятеля, котораго ряды были длинны, и при томъ затруднены большимъ количествомъ скота (который онъ гналъ съ собою, какъ военную добычу, и притомъ Сципіонъ аттаковалъ съ свѣжими силами непріятеля, уже утомленнаго длиннымъ путемъ, такъ какъ непріятель выступилъ въ походъ еще въ третью стражу ночи. Кромѣ ночи онъ уже употребилъ на походъ три часа дня, и безо всякаго отдыха, къ утомленію отъ дороги, долженъ былъ присоединить труды сраженія. При началѣ боя у непріятеля осталось еще нѣсколько силъ и въ тѣлѣ и въ духѣ, и они сперва привели было

Римлянъ въ замѣшательство, но скоро бой не замедлилъ уравновѣситься. При такой неизвѣстности, пропреторъ далъ обѣтъ, если поразитъ непріятеля и обратитъ его въ бѣгство, почтить Юпитера играми. Затѣмъ сильнѣе Римляне выдвинули ряды и Лузитанцы уступили; наконецъ они совершенно обратили тылъ и такъ какъ побѣдители преслѣдовали по пятамъ бѣгущихъ, то убито непріятелей до двѣнадцати тысячь, взято въ плѣнъ пятьсотъ сорокъ и почти все всадники. Военныхъ значковъ захвачено сто тридцать четыре. Вся потеря Римскаго войска ограничивались семьюдесятью человѣками. Сраженіе происходило неподалеку отъ города Илипы; туда то отвелъ П. Корнелій свое побѣдоносное войско, обремененное добычею; она вся была разложена передъ городомъ и дозволено владѣльцамъ узнавать свои вещи; остальныя же отданы квестору для продажи; все вырученное распредѣлено между воинами.

2. Когда это происходило въ Испаніи, то еще не выѣзжалъ изъ Рима преторъ К. Фламиній; а потому то и онъ, и пріятели его, старались на словахъ представить въ увеличенномъ видѣ какъ несчастныя, такъ и благопріятныя событія. Онъ пытался подъ предлогомъ, яко бы вспыхнула сильная война въ провинціи и будто бы прійдется ему принять отъ Секс. Дигитія незначительные остатки войска, и тѣ оробѣвшіе и бѣжавшіе съ поля сраженія, выхлопотать, чтобы ему дали одинъ изъ двухъ легіоновъ, находившихся въ Римѣ: присоединя къ нему воиновъ, набранныхъ имъ вслѣдствіе сенатскаго декрета, онъ отобралъ бы изо всего этого количества шесть тысячь пятьсотъ пѣшихъ и триста всадниковъ. «Этимъ легіономъ — таковы были слова Фламинія — онъ будетъ дѣйствовать (такъ какъ на войско Секс. Дигитія надежды не много). Старѣйшіе сенаторы возражали на это: вовсе не нужно издавать сенатскіе декреты, основываясь на слухахъ, самонадѣянно выдуманныхъ частными лицами къ угоду должностныхъ. Въ основаніе надобно принимать только то, что или преторы напишутъ изъ провинцій, или послы дадутъ знать. Если дѣйствительно произойдетъ въ Испаніи смута, то они уполномочиваютъ претора на-

брать воиновъ на скорую руку внѣ Италіи». Сената мысль была составить въ Испаніи родъ ополченія. Валерій Антіасъ пишетъ что К. Фламиній ѣздилъ въ Сицилію для производства тамъ набора и что, переѣзжая оттуда въ Испанію, занесенъ бурею въ Африку и тамъ привелъ къ воинской присягѣ солдатъ разошедшихся изъ войска П. Африкана; къ этимъ наборамъ въ двухъ провинціяхъ присоединилъ третій въ Испаніи.

3. Въ Италіи также довольно сильно разыгралась война съ Лигурами; Пизу уже осадили сорокъ тысячь человѣкъ, и каждый день стекалось все болѣе и болѣе народу по слуху о войнѣ и въ надеждѣ добычи. Консулъ Минуцій прибылъ въ Арретій въ тотъ день, который онъ назначилъ воинамъ для сбора; оттуда повелъ онъ ихъ къ Пизѣ въ видѣ карре, и когда непріятели подвинули уже лагерь по ту сторону рѣки, отъ города разстояніемъ не болѣе 1000 шаговъ, консулъ вошелъ въ городъ, который такимъ образомъ сохраненъ безо всякаго сомнѣнія его прибытіемъ. На другой день онъ самъ по ту сторону рѣки расположился лагеремъ почти въ 500 шагахъ отъ непріятеля; отсюда онъ легкими схватками защищалъ отъ набѣговъ земли союзниковъ. Онъ еще не рѣшался, выходить въ поле со всѣмъ войскомъ такъ какъ оно состояло изъ новонабранцевъ и притомъ весьма разнообразныхъ элементовъ; воины не настолько даже ознакомились между собою, чтобы имѣть довѣріе другъ другу. Лигуры, надѣясь на свое многолюдство, выходили въ поле, готовые дать рѣшительный бой и, изобилуя числомъ воиновъ, они разсылали для грабежа въ разныя стороны, на отдаленные рубежи, многіе отряды, и такъ какъ собрано было большое количество скота и добычи, то приготовленъ охранительный отрядъ, который долженъ былъ препроводить эту добычу въ ихъ укрѣпленные городки и селенія.

4. Между тѣмъ какъ война съ Лигурами остановилась у Пизы, другой консулъ Л. Корнелій Мерула, по окраинѣ земель Лигурскихъ, ввелъ войско въ область Боіевъ, и тутъ принятъ былъ совершенно другой способъ войны, чѣмъ съ Лигурами. Консулъ выходилъ въ поле, а непріятель отказывался отъ сраженія.

Римляне разбѣгались для грабежа, такъ какъ никто имъ не выходилъ на встрѣчу. Боіи предпочитали —отдавать безнаказанно свою собственность на разграбленіе, чѣмъ, оберегая ее, вступать въ открытый бой. Когда вся ихъ область была уже достаточно опустошена огнемъ и мечемъ, то консулъ вышелъ изъ земли непріятельской и повелъ войско къ Мутинѣ, не принимая ни какихъ мѣръ предосторожности, такъ какъ будто бы въ мирной странѣ. Боіи, узнавъ, что непріятель вышелъ изъ ихъ земель, послѣдовали съ войскомъ среди совершенной тишины, подстерегая случай къ нечаянному нападенію. Ночью, обойдя впередъ лагерь Римскій, они заняли ущелье, чрезъ которое надобно было проходить Римлянамъ. Но такъ какъ они сдѣлали это не довольно секретно, то консулъ, который имѣлъ обычаемъ уже поздно ночью сниматься лагеремъ, подождалъ разсвѣта, опасаясь, какъ бы ночь не увеличила страха при нечаянномъ сраженіи и хотя выступилъ въ походъ, когда уже было свѣтло, однако отправилъ для рекогносцировки толпу всадниковъ. Когда же донесено, какъ велики силы непріятеля и въ какомъ мѣстѣ находились, то онъ приказалъ свалить въ средину тяжести всего войска, и тріаріямъ провесть около нихъ валъ; съ прочимъ же войскомъ, устроивъ его въ боевомъ порядкѣ, подвинулся къ непріятелю. Точно также поступили и Галлы, видя что ихъ умыселъ открытъ, и что приходится вступить въ бой настоящій и правильный, гдѣ побѣда будетъ принадлежать истинной доблести.

5. Почти во второмъ часу начался бой; лѣвое крыло союзниковъ и волонтеры сражались въ первомъ ряду. Начальствовали два помощника консула М. Марцеллъ и Ти. Семпроній, консулъ прошлаго года; а новый консулъ то былъ у первыхъ значковъ, то легіоны удерживалъ въ резервѣ, какъ бы они увлекаемые жаждою боя, не бросились впередъ прежде, чѣмъ будетъ поданъ знакъ. Конницу же этихъ легіоновъ онъ приказалъ военнымъ трибунамъ, К. и П. Минуцію, вывести внѣ строя на открытое мѣсто, и оттуда по данному сигналу должны были они произвести нападеніе открыто. Между тѣмъ какъ

консулъ дѣлалъ эти распоряженія, пришелъ гонецъ отъ Ти. Семпронія Лонга съ извѣстіемъ: «что волонтеры не выдерживаютъ натиска Галловъ, и что очень многіе побиты; остальные частью отъ усталости, частью отъ страха, стали сражаться уже не съ такимъ жаромъ; необходимо прислать на помощь который нибудь изъ двухъ другихъ легіоновъ, для того чтобы не допустить постыднаго пораженія.» Посланъ второй легіонъ и волонтеры усилены; тутъ бой возобновился съ новою силою. Такимъ образомъ свѣжіе воины и густые ряды легіона вступили въ дѣло; лѣвое крыло выведено изъ сраженія, а правое вступило въ первую боевую линію. Солнце страшнымъ зноемъ палило тѣла Галловъ, а они съ трудомъ переносятъ жаръ; впрочемъ они, сплошными рядами, опираясь то одни на другихъ, то на свои щиты, выдерживали натискъ Римлянъ. Замѣтивъ это, консулъ съ цѣлью—окончательно сбить ряды непріятеля, отдалъ приказаніе К. Ливію Салинатору, начальнику конницы, по флангамъ пустить въ дѣло коней во весь галопъ, а конницѣ легіоновъ быть въ резервѣ. Бурный натискъ конницы сначала смутилъ и привелъ въ замѣшательство, а потомъ разсѣялъ ряды Галловъ; впрочемъ они не обратили тылъ. Препятствовали этому вожди, поражая копьями спины оробѣвшихъ и принуждая ихъ возвращаться въ ряды, но скакавшіе между ними всадники этого не допускали. Консулъ умолялъ воиновъ: «еще немного приложить старанія, такъ какъ побѣда уже у нихъ въ рукахъ; пока они видятъ ихъ въ смущеніи и замѣшательствѣ, тутъ то они и должны настоять. Если же они допустятъ устроиться рядамъ, тогда прійдется имъ выдержать новое сраженіе, исходъ котораго будетъ еще сомнителенъ.» Онъ приказалъ знаменосцамъ выдвинуть впередъ значки, и наконецъ общими усиліями непріятель сбитъ. Когда онъ обратилъ тылъ и разсѣялся по разнымъ мѣстамъ бѣгствомъ, тогда въ погоню за нимъ пущена конница легіоновъ. Четырнадцать тысячъ Боіевъ убито въ этотъ день; живыхъ взято въ плѣнъ тысячу девятьсотъ два, всадниковъ семьсотъ двадцать одинъ, три ихъ вождя, военныхъ значковъ двѣсти двѣнадцать, повозокъ

шестьдесятъ три. Да и для Римлянъ эта побѣда стоила не дешево: они потеряли болѣе пяти тысячь воиновъ своихъ и союзниковъ, двадцать три сотника, четырехъ префектовъ союзниковъ, и М. Генуція, и К. и М. Марціевъ, военныхъ трибуновъ втораго легіона.

6. Въ это же почти время получены письма отъ обоихъ консуловъ, отъ Л. Корнелія о сраженіи съ Боіями, бывшемъ у Мутины, и отъ К. Минуція изъ Пизы: «выборы пришлись на его долю; впрочемъ, въ землѣ Лигуровъ до того все не вѣрно, что невозможно отлучиться оттуда безъ большой опасности для союзниковъ и вреда для государства. А не благоугодно ли будетъ сенату послать къ его товарищу, и пусть онъ, такъ какъ у него война приведена къ концу, возвратится въ Римъ для выборовъ. Если же сенатъ затруднится это сдѣлать, потому что обязанность эта не его жеребья, то онъ поступитъ такъ какъ заблагоразсудитъ сенатъ. Но пусть онъ внимательно вникнетъ въ это дѣло—не лучше ли прибѣгнуть къ междуцарствію, чѣмъ ему оставлять провинцію въ такомъ положеніи?» Сенатъ поручилъ К. Скрибонію,—двухъ пословъ изъ сенаторскаго сословія отправить къ консулу Л. Корнелію; они должны были отнести къ нему письмо его товарища къ сенату и извѣстить его: «что сенатъ въ случаѣ, если онъ не пріѣдетъ въ Римъ для назначенія должностныхъ лицъ, долженъ будетъ скорѣе прибѣгнуть къ междуцарствію, чѣмъ К. Минуція отозвать отъ веденія войны еще неоконченной (*правильнѣе* еще непочатой).» Отправленные послы возвратились съ отвѣтомъ: «Л. Корнелій пріѣдетъ въ Римъ для назначенія должностныхъ лицъ.» По поводу письма Л. Корнелія, которое онъ написалъ послѣ сраженія, бывшаго съ Боіями, произошло въ сенатѣ преніе, вслѣдствіе того что многимъ сенаторамъ частнымъ образомъ писалъ легатъ М. Клавдій: «за хорошій исходъ дѣла благодарить должно счастіе народа Римскаго и доблесть воиновъ. Консулъ же только причиною того, что и въ воинахъ понесена значительная потеря, и что войско непріятельское, которое уничтожить совершенно предстоялъ случай, выпущено изъ рукъ.

воиновъ погибло болѣе, чѣмъ бы слѣдовало, отъ того, что позднѣе выступили изъ резервовъ тѣ, которые должны были подать помощь находившимся въ затрудненіи. Непріятель выпущенъ изъ рукъ, какъ потому что конницѣ легіоновъ позднѣе данъ сигналъ, такъ и потому что не дозволено было преслѣдовать бѣгущихъ.»

7. Положено было по этому дѣлу несоставлять никакого рѣшенія, не обдумавъ его прежде хорошенько, а предоставить его обсужденію болѣе многочисленнаго собранія. Предстояла и другая забота о томъ, что граждане обременены ростомъ. Хотя корыстолюбіе было стѣснено многими законами о ростахъ, однако найденъ былъ путь обмана, такъ какъ обязательства переписывались на имя союзниковъ, для которыхъ эти законы не были обязательны; такимъ образомъ должники были свободно обременяемы ростомъ. Озабочиваясь средствами къ его ограниченію. сенатъ опредѣлилъ назначить срокомъ приближавшійся праздничный день, называемый feralia. По наступленіи этого дня, тѣ союзники, которые ввѣрили деньги гражданамъ Римскимъ, должны были признаться, и съ этого дня взысканіе кредитору ввѣренныхъ имъ денегъ, должно было производиться на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ захочетъ должникъ. Когда признаніями открыто было значительное количество долговъ, сдѣланныхъ при помощи вышеупомянутаго обмана, то М. Семпроній, трибунъ народный, съ дозволенія сената предложилъ народу и тотъ утвердилъ, чтобы законы о ввѣренныхъ деньгамъ простирались и на союзниковъ и Латинянъ тѣже самые, какіе изданы были относительно гражданъ Римскихъ. Вотъ что происходило въ Италіи гражданскихъ и военныхъ дѣлъ. Въ Испаніи совсѣмъ не такъ важна была война, какъ ее преувеличивали слухи. К. Фламиній въ ближней Испаніи взялъ городъ Илуцію въ землѣ Оретанъ, а потомъ отвелъ воиновъ на зимнія квартиры. Въ продолженіи зимы было нѣсколько незамѣчательныхъ сраженій, скорѣе противъ набѣговъ разбойниковъ, чѣмъ непріятелей, впрочемъ съ весьма различнымъ исходомъ, и не безъ потери воиновъ. Болѣе важныя дѣла совершены М. Фульвіемъ. Онъ у

города Толеда имѣлъ настоящее сраженіе съ Вакцеями, Веттонами и Цельтиберами; войско этихъ народовъ онъ разбилъ и обратилъ въ бѣгство, а царя Гилерма взялъ живаго.

8. Междутѣмъ какъ это происходило въ Испаніи, уже приближался день выборовъ; а потому консулъ Л. Корнелій, оставивъ при войскѣ легата М. Клавдія, прибылъ въ Римъ. Онъ, изложивъ въ сенатѣ совершенныя имъ дѣянія и описавъ то положеніе, въ какомъ оставилъ провинцію, жаловался сенаторамъ, что послѣ войны, столь счастливо оконченной однимъ удачнымъ сраженіемъ, богамъ безсмертнымъ не оказано должной почести; въ заключеніе онъ требовалъ, чтобы опредѣлены были вмѣстѣ: и благодарственное молебствіе богамъ и ему тріумфъ. Но прежде чѣмъ сдѣланъ былъ объ этомъ докладъ, К. Метеллъ, тотъ самый, который былъ и консуломъ и диктаторомъ, сказалъ: «получены въ одно и тоже время письма Л. Корнелія консула къ сенату и М. Марцелла къ значительному числу сенаторовъ, далеко между собою несогласныя, и преніе по этому дѣлу отложено для того, чтобы разсужденіе о немъ происходило въ присутствіи самихъ тѣхъ, кто писалъ эти письма. А потому онъ и ожидалъ, что консулъ, зная, что его легатъ писалъ что-то противъ него, собираясь самъ ѣхать въ Римъ, возьметъ его съ собою. Да и правильнѣе было бы передать войско Ти. Семпронію, имѣющему права власти, чѣмъ легату; теперь же повидимому устраненъ нарочно тотъ, кто могъ бы лично высказать то, что написалъ, или доказать это лицомъ къ лицу, и онъ могъ быть уличенъ, еслибы утверждалъ что либо ложное до тѣхъ поръ, пока сущность дѣла могла быть выведена на чистую воду. А потому онъ полагаетъ, что въ настоящее время не возможно удовлетворить ни одному изъ желаній консула.» Когда же консулъ тѣмъ не менѣе продолжалъ упорствовать и докладывать о томъ, чтобы опредѣлено было благодарственное молебствіе и чтобы дозволено было ему съ почестями тріумфа въѣхать въ городъ; тогда трибуны народные М. и К. Тициніи объявили, что они воспрепятствуютъ составиться сенатскому декрету по этому поводу.

9. Цензорами были выбранные въ предшествующемъ году Секстъ Элій Петъ и К. Корнелій Цетегъ; послѣдній произвелъ перепись: оказалось гражданъ сто сорокъ три тысячи семьсотъ четыре человѣка. Въ этомъ году было сильное половодье, и Тибръ покрылъ водою низменныя мѣста города. Около Флументанскихъ воротъ даже нѣкоторыя строенія были разрушены. Въ Целимонтанскія ворота ударила молнія, да и близь лежащая стѣна во многихъ мѣстахъ поражена небеснымъ огнемъ. Въ Ариціѣ, Ланувіи, и на Авентинской горѣ, шелъ каменный дождь. Изъ Капуи получено извѣстіе, что огромный рой ось прилетѣлъ на площадь и сѣлъ въ храмъ Марса; эти осы тщательно собраны и преданы огню. По поводу этихъ чудесныхъ явленій повелѣно десяти сановникамъ посовѣтоваться съ священными книгами, совершено девятидневное священнодѣйствіе, объявлено молебствіе и городъ подвергнутъ очищенію. Въ эти же числа притворъ дѣвы побѣды, подлѣ храма, М. Порцій Катонъ освятилъ черезъ два года послѣ того, какъ далъ обѣтъ. Въ томъ же году колонію Латинянъ на Туринское поле вывели тріумвиры—Кн. Манлій Вульсо, Л. Апустій Фулло, К. Элій Туберо, по предложенію котораго это сдѣлано. Отправились туда три тысячи пѣшихъ, и триста всадниковъ, число небольшое сравнительно съ обширностью поля; можно было дать по триста десятинъ пѣшимъ и по шестисотъ всадникамъ, но, по предложенію Апустія, часть поля взята съ тѣмъ, чтобы въ послѣдствіи, если заблагоразсудятъ, приписаны были новые поселенцы; по двѣсти десятинъ получили пѣшіе воины и по четыреста конные.

10. Годъ уже приходилъ къ концу, и по поводу консульскихъ выборовъ честолюбіе разъигралось сильнѣе чѣмъ когда нибудь. Добивались этой чести многіе сильные люди изъ патриціевъ и плебеевъ. П. Корнелій Сципіонъ, сынъ Кнея, тотъ самый, что недавно оставилъ Испанію послѣ великихъ и славныхъ дѣяній, и Л. Квинцій Фламининъ, бывшій начальникъ флота въ Греціи, и Кн. Манлій Вульсо; это все—патриціи, а изъ числа плебеевъ: К. Лелій, Кн. Домицій, К. Ливій Салинаторъ, М. Ацилій; но глаза всѣхъ были обращены на Квинкція и Корнелія, такъ

какъ одного и того же мѣста добивались оба патриціи и недавняя слава военныхъ дѣйствій свидѣтельствовала громко въ пользу того и другаго. Впрочемъ, особенно сильную борьбу затѣвали братья кандидатовъ, два знаменитѣйшіе вождя своего времени. Слава Сципіона была болѣе, но чѣмъ она была значительнѣе, тѣмъ и сильнѣе возбуждала зависть. Слава Квинкція была новѣе, такъ какъ онъ въ этомъ же году получилъ тріумфъ. Присоедините сюда и то, что Сципіонъ уже десятый годъ обращалъ на себя постоянно общее вниманіе, а это обстоятельство самимъ пресыщеніемъ дѣлаетъ великихъ людей менѣе интересными; онъ былъ уже другой разъ консуломъ послѣ пораженія Аннибала, а также и цензоромъ. Въ Квинкціѣ все было ново, и права его на общее расположеніе еще свѣжи: Послѣ почестей тріумфа онъ и ничего не добивался отъ народа и не получилъ; онъ говорилъ, что проситъ за брата, роднаго, а не просто за родственника, проситъ за помощника и сотрудника приведенной къ окончанію войны; онъ самъ дѣйствовалъ насушѣ, а братъ на морѣ. Такимъ образомъ успѣлъ онъ, что его кандидатъ имѣлъ верхъ надъ тѣмъ, котораго велъ братъ Африканъ, о которомъ хлопотало все семейство Корнеліевъ, между тѣмъ какъ Корнелій же консулъ завѣдывалъ выборами, о которомъ состоялось сужденіе сената, какъ о лучшемъ изъ гражданъ, и вслѣдствіе этого принявшемъ въ городъ Идейскую мать, пришедшую изъ Пессинунта. Консулами избраны: Л. Квинкцій и Кн. Домицій Агенобарбъ. Такимъ образомъ вліяніе Африкана и при выборѣ плебейскаго консула, такъ какъ онъ хлопоталъ за К. Лелія, не имѣла силы. На другой день избраны преторами: Л. Скрибоній Либо, М. Фульвій Центумалъ, А. Атилій Серранъ, М. Бебій Тамфилъ, Л. Валерій Таппо, К. Салоній Сарра. Въ этомъ году эдилями были люди замѣчательные: М. Эмилій Лепидъ и Л. Эмилій Павлъ; они присудили къ штрафу многихъ ростовщиковъ, и на эти деньги они поставили позлащенные щиты на порогѣ храма Юпитера. Они выстроили одинъ портикъ внѣ Тригеминскихъ воротъ, сдѣлавъ спускъ къ рѣкѣ

Тибру, а другой отъ Фонтинальскихъ воротъ къ жертвеннику Марса, гдѣ дорога на Марсово поле.

11. Въ продолженіи долгаго времени въ Лигуріи не произошло ничего достопримѣчательнаго; въ концѣ же этого года два раза дѣла приходили въ опасное положеніе. И лагерь консула подвергся нападенію, которое съ трудомъ было отбито; и вскорѣ послѣ того, когда войско Римское проходило черезъ тѣсное ущелье, войско Лигуровъ заняло самыя тѣснины. Видя, что выходъ прегражденъ, консулъ хотѣлъ было возвратиться, повернувъ ряды, но и съ тылу устье ущелья было занято частью непріятелей, и воспоминаніе о Кавдинскомъ бѣдствіи было уже не только въ умахъ, но и передъ глазами. Въ числѣ вспомогательныхъ войскъ находилось у консула около восьмисотъ Нумидовъ; начальникъ ихъ обѣщаетъ консулу: «что онъ съ своими прорвется, куда ему будетъ угодно, лишь бы только онъ сказалъ въ какой сторонѣ болѣе селъ; на нихъ то онъ учинитъ нападеніе, прежде всего онъ подожжетъ жилища, и этою грозою заставитъ Лигуровъ выйдти изъ ущелья, ими занятаго и поспѣшить по домамъ для защиты ихъ». Консулъ осыпалъ его похвалами и не щадилъ для него обѣщанія наградъ. Нумиды сѣли на коней и начали скакать около непріятельскихъ аванпостовъ, никого не трогая. Съ перваго взгляда видъ ихъ внушалъ одно презрѣніе: и лошади, и люди были маленькіе, худенькіе: всадники распоясанные и безоружные, исключая того, что каждый изъ нихъ имѣлъ съ собою дротики; лошади безъ уздъ и самъ бѣгъ ихъ былъ не красивъ, такъ какъ у нихъ шеи были прямыя и головы вытянуты во время бѣга. Пренебреженіе къ себѣ съ умысломъ увеличивая, они падали съ коней и нарочно дѣлали изъ себя зрѣлище. А потому непріятели, сначала внимательные и готовые—на случай нападенія—находились на своихъ постахъ, потомъ безоружные и большіе частью сидя, смотрѣли. Между тѣмъ Нумиды то подъѣдутъ, то отбѣгутъ, но мало по малу все подвигаются къ ущелью, какъ будто бы они не въ состояніи были справиться съ лошадьми, и тѣ ихъ заносили противъ ихъ собственнаго желанія. Наконецъ, пришпоривъ коней, Нумиды прорвались черезъ посты непріятельскіе и появясь въ открытомъ полѣ, предаютъ пламени всѣ попавшіяся имъ строенія; потомъ зажигаютъ ближайшую деревню и опустошаютъ все огнемъ и мечемъ. Сначала показался дымъ, потомъ послышались крики испуга по деревнямъ, наконецъ прибѣжавшіе старики и дѣти произвели тревогу въ непріятельскомъ лагерѣ. А потому, недожидаясь ничьихъ ни распоряженій, ни приказаній, всѣ стали разбѣгаться для защиты собственности: въ короткое время опустѣлъ лагерь, и консулъ, освобожденный отъ осады, отправился куда былъ намѣренъ.

12. Но ни Боіи, ни Испанцы, съ которыми въ этомъ году были непріязненныя дѣйствія, не были столь враждебны Римлянамъ, и не показывали столь сильной ненависти, какую племя Этоловъ. Они надѣялись было, что, по удаленіи Римскаго войска изъ Греціи, и Антіохъ будетъ домогаться свободнаго господства надъ Европою, и Филиппъ, и Набисъ не останутся въ покоѣ. Но видя, что все спокойно, они сочли за нужное волновать и производить замѣшательство, какъ бы черезъ медленность не повредить осуществленію ихъ намѣреній, они назначали въ Навпактѣ сеймъ. Здѣсь преторъ ихъ Тоасъ жаловался на оскорбленія со стороны Римлянъ и положеніе Этоліи: такъ какъ изъ всѣхъ народовъ и городовъ Греціи они менѣе почтены послѣ побѣды, которой они же были главными виновниками, онъ подалъ мнѣніе о томъ, чтобы отправить пословъ къ окрестнымъ царямъ—не только узнать ихъ расположеніе умовъ, но и съ своей стороны всѣми силами подстрекнуть къ войнѣ съ Римлянами. Отправлены: Демокритъ къ Набису, Никандръ къ Филиппу, Дикеархъ, братъ претора, къ Антіоху. Властителю Лакедемона Дамокритъ говорилъ: съ отнятіемъ приморскихъ городовъ власть его обезсилѣла; они доставляли ему воиновъ, суда и матросовъ. Теперь, почти замкнутый въ стѣнахъ своего города, онъ видитъ Ахейцевъ хозяевами Пелопонеса, если теперешній случай возвратить его подъ свою власть, онъ пропуститъ, то никогда уже болѣе имѣть его не будетъ. Въ Греціи нѣтъ вовсе Римскаго войска, а дѣло Гитія, или другихъ приморскихъ Лаконцевъ, Римляне врядъ ли

сочтутъ достаточнымъ поводомъ къ тому, чтобы опять перевозить въ Грецію легіоны». Все это говорилось для возбужденія бодрости духа въ тираннѣ съ тѣмъ, чтобы онъ, когда Антіохъ переправится въ Грецію, сознавая, что оскорбленіемъ союзниковъ нарушилъ дружественный союзъ съ Римлянами присталъ къ Антіоху. Никандръ Филиппа довольно ясно возбуждалъ къ войнѣ: его словамъ было достаточно основанія, такъ какъ царь и потерпѣлъ униженія болѣе чѣмъ тираннъ, и понесъ болѣе существенныя потери. Къ этому припоминалъ онъ старую славу царства Македонскаго, и исхоженный побѣдоноснымъ войскомъ этого народа весь населенный міръ. «И подаетъ онъ совѣтъ въ настоящее время безопасный и началомъ, и исполненіемъ. Не совѣтуетъ онъ Филиппу трогаться прежде, чѣмъ Антіохъ съ войскомъ перейдетъ въ Грецію; а если онъ Филиппъ одинъ, безъ Антіоха, выдерживалъ войну такъ долго противъ Римлянъ и Этоловъ, то ему, вмѣстѣ съ Антіохомъ и въ союзѣ съ Этолами, которые въ то время были для него врагами опаснѣе Римлянъ, съ какими силами въ состояніи будутъ противустать Римляне»? Не забылъ онъ упомянуть и объ Аннибалѣ, какъ вождѣ, природномъ врагѣ Римлянъ, который истребилъ болѣе ихъ вождей и воиновъ, чѣмъ сколько осталось въ живыхъ. Вотъ сущность того, что говорилъ Филиппу Никандръ. Другое толковалъ Антіоху Дикеархъ и прежде всего говорилъ онъ: «добыча Филиппа достояніе Римлянъ, а побѣда Этоловъ, да и доступъ въ Грецію доставили Римлянамъ, не иные кто, какъ Этолы, и къ побѣдѣ силы они же имъ придали». Потомъ, сколько пѣшихъ и конныхъ войскъ они дадутъ Антіоху на эту войну, какія мѣста доступны сухопутнымъ силамъ, какія пристани — морскимъ. Относительно же Филиппа и Набиса онъ употребилъ въ дѣло совершенную ложь: что и тотъ, и другой готовы взяться за оружіе, и съ радостью ухватятся за первый случай возвратить то, что утратили на войнѣ.» Такимъ образомъ Этолы въ одно и тоже время старались возбудить войну противъ Римлянъ со всѣхъ сторонъ. Впрочемъ цари или не тронулись вовсе, или если и тронулись, то поздно.

13. Набисъ тотчасъ разослалъ по всѣмъ приморскимъ селамъ, стараясь возбудить въ нихъ возмущенія: однихъ старѣйшинъ онъ склонилъ дарами на свою сторону, другихъ, которые упорствовали въ чувствахъ преданности къ Римлянамъ, умертвилъ. Т. Квинкцій поручилъ заботу защиты всѣхъ приморскихъ Лаконцевъ Ахейцамъ. А потому они немедленно отправили пословъ къ тиранну — напомнить ему союзъ съ Римлянами и внушить не нарушать миръ, котораго онъ такъ усердно просилъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ахейцы послали и помощь Гитію, на который тираннъ сдѣлалъ уже открытое нападеніе, и въ Римъ пословъ съ извѣстіемъ объ этомъ. Царь Антіохъ, этою зимою, въ Рафіи, въ Финикіи, далъ дочь въ супружество Птоломею, царю Египетскому и удалился въ Антіохію, а уже въ концѣ зимы, черезъ Киликію переѣхавъ гору Тавръ, прибылъ въ Ефесъ. Оттуда въ началѣ весны, отправивъ сына своего Антіоха въ Сирію для обереженія крайнихъ предѣловъ царства, дабы въ отсутствіи его не было какихъ либо покушеній съ тылу, самъ и со всѣми сухопутными войсками двинулся войною къ Писидамъ, которые живутъ около Сиды. Въ это время послы Римскіе П. Сульпицій и П. Виллій, которые, какъ выше сказано, были отправлены къ Антіоху, получивъ приказаніе — прежде видѣться съ Евменомъ, прибыли въ Елею, а оттуда отправились въ Пергамъ (столицу царя Евмена). Сильно желалъ Евменъ войны съ Антіохомъ, считая въ мирное время небезопаснымъ сосѣдомъ царя, столь могущественнаго и будучи убѣжденъ, что онъ, въ случаѣ войны, не болѣе же будетъ въ состояніи сопротивляться Римлянамъ, какъ и Филиппъ, и онъ будетъ или совершенно уничтоженъ, или въ случаѣ мира съ побѣжденнымъ, потеряетъ многое, что къ нему Евмену прибавится, такъ что въ послѣдствіи ему легко будетъ и безъ содѣйствія Римлянъ, отъ него защищаться. Да и въ случаѣ неудачь, предпочиталъ Евменъ какой бы то ни было участи подвергнуться оставаясь союзникомъ Римлянъ, чѣмъ одному или выносить владычество Антіоха, или, въ случаѣ сопротивленія ему, усту-

пить силѣ оружія. Вслѣдствіе этого Евменъ всѣмъ своимъ вліяніемъ и совѣтомъ возбуждалъ Римлянъ къ войнѣ.

14. Сульпицій больной остановился въ Пергамѣ. Виллій услыхавъ, что царь занятъ войною въ Писидіи, отправился въ Ефесъ. Въ продолженіи немногихъ дней, которые онъ тамъ пробылъ, онъ старался часто видаться съ Аннибаломъ, который находился тамъ случайно, съ цѣлью—узнать, сколько возможно, образъ его мыслей и отнять у него опасеніе, будто бы ему угрожаетъ опасность со стороны Римлянъ. Эти свиданія и бесѣды не повели ни къ чему; но само собою случилось, какъ будто бы таковой былъ и умыселъ, что Аннибалъ вслѣдствіе этого потерялъ въ глазахъ царя, и даже сдѣлался во всемъ предметомъ подозрѣнія. Клавдій, слѣдуя Греческимъ Ациліанскимъ книгамъ, утверждаетъ, что въ этомъ посольствѣ находился П. Африканъ, и что онъ то въ Ефесѣ имѣлъ разговоръ съ Аннибаломъ. Онъ приводитъ даже слѣдующее мѣсто изъ этой бесѣды. На вопросъ Африкана, кого Аннибалъ считаетъ первымъ изъ полководцевъ?—Онъ отвѣчалъ: Александра, Македонскаго царя: такъ какъ онъ съ небольшими силами поражалъ безчисленныя полчища и прошелъ до крайнихъ предѣловъ земли, какіе когда ниб. человѣкъ можетъ надѣяться видѣть. — На послѣдующій вопросъ: а потомъ кого? — *Пирра,* отвѣчалъ Аннибалъ—такъ какъ онъ первый выучилъ располагаться лагеремъ. Притомъ никто съ такимъ умѣніемъ не выбиралъ мѣстностей и не располагалъ войскъ; еще онъ обладалъ такимъ даромъ—задабривать въ свою пользу людей, что Итальянскіе народы—власть его, царя чужеземнаго, предпочитали власти народа Римскаго, такъ давно господствовавшаго въ этихъ мѣстахъ». На дальнѣйшій вопросъ: а кого онъ считаетъ третьимъ? — Аннибалъ незадумавшись—самого себя назвалъ. Тутъ Сципіонъ засмѣялся и спросилъ: а чтожъ бы ты сказалъ, если бы меня побѣдилъ?—Тогда бы я, отвѣчалъ онъ, поставилъ себя выше и Александра, и Пирра, и всѣхъ другихъ полководцевъ.» Отвѣтъ запутанный съ истинно Пуническою хитростью и вмѣстѣ неожиданно польстившій Сципіону, такъ какъ

онъ отдѣлилъ его изъ толпы полководцевъ какъ такого, которому подобнаго не было.

15. Виллій изъ Ефеса отправился въ Апамею; туда же поспѣшилъ и Антіохъ, услыхавъ о прибытіи Римскихъ пословъ. Когда они свидѣлись въ Апамеѣ, то между ними произошло почти тоже самое преніе, какое было въ Римѣ между Квинкціемъ и послами царя. Извѣстіе, полученное о смерти Антіоха, царскаго сына, который, какъ я только что передъ этимъ сказалъ, былъ отправленъ въ Сирію, прервало переговоры. Много слезъ было въ царскомъ домѣ, и сильно жалѣли объ этомъ юношѣ. Онъ уже показалъ себя съ такой стороны, что будь жизнь его продолжительнѣе, все обѣщало въ немъ наклонности великаго и справедливаго царя. Чѣмъ любимѣе и пріятнѣе былъ онъ для всѣхъ, тѣмъ смерть его была подозрительнѣе: отецъ, при своей старости считая его опаснымъ для себя наслѣдникомъ, уморилъ его ядомъ черезъ нѣкоторыхъ евнуховъ, обыкновенныхъ у царей исполнителей такихъ злодѣяній. Присоединяли и другую причину тайному преступленію ту, что царь, давъ сыну Селевку Лизимахію, не имѣлъ уже возможности дать Антіоху такую же столицу, чтобы подъ видомъ чести отослать отъ себя далеко. Впрочемъ, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, царскій домъ представлялъ видъ глубокой горести, а посолъ Римскій, чтобы при такихъ обстоятельствахъ не быть въ тягость, удалился въ Пергамъ. Царь возвратился въ Ефесъ, оставивъ начатую войну. Здѣсь во дворцѣ, запертомъ по случаю траура, онъ имѣлъ тайное совѣщаніе съ однимъ Миніономъ, главнымъ изъ его друзей. Миніонъ, совершенно незнакомый съ дѣлами внѣшними, составивъ себѣ мнѣніе о силахъ царскихъ по событіямъ въ Сиріи и Азіи, былъ того убѣжденія, что не только дѣло Антіоха правое, такъ какъ Римляне требуютъ несправедливаго, но что онъ же будетъ имѣть перевѣсъ на войнѣ. Царь избѣгалъ личнаго объясненія съ послами Римскими, или испытавъ уже его неудачу, или можетъ быть подъ вліяніемъ внезапно постигнувшаго его горя, а Миніонъ вызвался высказать все,

что будетъ слѣдовать къ дѣлу, и убѣдилъ призвать пословъ изъ Пергама.

16. Сульпицій въ это время выздоровѣлъ, и потому оба посла прибыли въ Ефесъ; Миніонъ извинился за царя и въ отсутствіи его начали толковать о дѣлѣ. Тутъ Миніонъ сказалъ въ приготовленной имъ рѣчи: «благовиднымъ названіемъ освободителей Греціи пользуетесь вы, какъ я вижу, Римляне, но дѣйствія ваши не соотвѣтствуютъ словамъ; одно право указываете вы Антіоху, а другимъ сами пользуетесь. Почему жители Смирны и Лампсака болѣе Греки, чѣмъ Неаполитанцы, Регинцы и Тарентинцы, отъ которыхъ вы требуете денежныхъ взносовъ на жалованье воинамъ, и судовъ на основаніи союзнаго договора? Зачѣмъ въ Сиракузы и другіе Греческіе города Сициліи посылаете вы ежегодно претора съ правами власти, съ сѣкирами и розгами? Конечно, вамъ нѣчего другаго на это отвѣчать, какъ то, что вы, побѣдивъ ихъ силою оружія, предписали имъ свои законы. Такъ знайте, что таково же отношеніе Антіоха къ городамъ Смирнѣ и Лампсаку, находящимся въ Іоніи или Еолидѣ. Силою захвачены были они на войнѣ его предками, сдѣланы зависимыми и платящими дань; теперь онъ ихъ домогается подчинить себѣ въ силу стараго права; потому я желалъ бы, чтобы вы на это дали отвѣтъ, если только идетъ споръ о справедливости, а не отыскивается просто предлогъ къ войнѣ». На это Сульпицій отвѣчалъ: есть таки еще стыдъ у Антіоха, что, не имѣя другаго ничего представить въ свою защиту кромѣ того, что сейчасъ было говорено, онъ предпочелъ высказать это черезъ кого бы то ни было, лишь бы не черезъ себя. Что имѣетъ общаго дѣло городовъ, которые ты привелъ для сравненія? Отъ жителей Регія, Неаполя и Тарента мы съ того времени, какъ они подчинились нашей власти, въ силу одного и того же права, которымъ постоянно пользовались и ни разу не теряли, требуемъ того, что слѣдуетъ по договору. Но можешь ли ты сказать, чтобы подобно тому какъ эти народы ни сами по себѣ, ни черезъ кого либо другаго, неизмѣняли союзу нашему, такъ и города Азіи, разъ поступивъ во

власть предковъ Антіоха, оставались бы постоянно нераздѣльною частью вашего царства? Не были ли они во власти—нѣкоторые Филиппа, другіе Птоломея, а иные не сохранили ли правъ вольности, въ продолженіи многихъ лѣтъ не подвергаясь ничьему притязанію?Если же нѣкоторое время они и находились въ рабствѣ, подъ гнетомъ неблагопріятныхъ для нихъ обстоятельствъ времени, должно ли по истеченіи столькихъ вѣковъ, имѣть силу право присвоенія ихъ въ рабство? Не будетъ ли это значить, что мы ничего не сдѣлали, освободивъ отъ Филиппа Грецію, и потомки его будутъ домогаться Коринѳа, Халкиды, Деметріады и всего народа Ѳессаловъ? Но что же я защищаю дѣло городовъ, между тѣмъ какъ гораздо справедливѣе будетъ и намъ и царю узнать его отъ нихъ самихъ»?

17. Затѣмъ онъ приказалъ позвать посольства городовъ, заранѣе подготовленныя и наученныя Евменомъ, который былъ того убѣжденія, что на сколько уменьшатся силы Антіоха, на столько будетъ прибыли его царству. Допущено было много народу, и такъ какъ каждый предъявлялъ то свои жалобы, то требованія, смѣшивая справедливое съ несправедливымъ, разсужденіе обратилось въ перебранку; а потому неспустивъ ничего изъ своихъ требованій и не получивъ ничего, точно также какъ и пріѣхали сюда, въ совершенной неизвѣстности что будетъ—послы возвратились въ Римъ. Царь, отпустивъ ихъ, собралъ совѣтъ о войнѣ съ Римлянами. Тутъ одинъ другаго ожесточеннѣе (чѣмъ кто жестче говорилъ противъ Римлянъ, тѣмъ болѣе надѣялся заслужить благорасположеніе царя), нападали на неумѣренность требованій Римлянъ, предписывавшихъ законы Антіоху, величайшему изъ царей Азіи, какъ будто бы побѣжденному Набису: «хотя и тому уступлено владычество надъ его отечествомъ Лакедемономъ; съ негодованіемъ же они, Римляне примутъ, если Смирна и Лампсакъ исполнятъ приказанія Антіоха». Другіе говорили: «конечно для такого царя эти города ничтожны и не стоятъ чтобы о нихъ говорить, а не только быть поводомъ къ войнѣ; но всегда начинаютъ несправедливыя требованія повидимому съ неважнаго. Послѣ того можно бы повѣрить

что Персы, требуя нѣкогда земли и воды отъ Лакедемонянъ, дѣйствительно нуждались только въ комѣ земли и глоткѣ воды. Точно такую же пробу дѣлаютъ и Римляне, толкуя о двухъ городахъ, а другіе города какъ только увидятъ, что два уже освободились отъ власти царя, перейдутъ на сторону народа освободителя. Не говоря уже о томъ, что свобода сама по себѣ лучше рабства, для каждаго привлекательна надежда улучшить свое теперешнее положеніе какою либо перемѣною».

18. Въ совѣтѣ находился Александръ Акарнанецъ, нѣкогда другъ Филиппа, не задолго передъ тѣмъ оставившій его и перешедшій къ болѣе богатому двору Антіоха: хорошо зналъ онъ положеніе дѣлъ Греціи и не совсѣмъ чуждый знанія Римскихъ, онъ сдѣлался до такой степени друженъ съ царемъ, что присутствовалъ и въ тайномъ его совѣтѣ. Онъ, говоря уже такъ какъ бы шло совѣщаніе не о томъ—воевать ли, нѣтъ ли, а о томъ, гдѣ и какимъ образомъ вести войну, утверждалъ: «смѣло онъ можетъ обѣщать вѣрную побѣду, если царь перейдетъ въ Европу, и въ какой либо части Греціи начнетъ войну. Во первыхъ, онъ найдетъ съ оружіемъ въ рукахъ Этоловъ, которые населяютъ самую середину Греціи, готовыхъ передовыхъ воиновъ для всѣхъ трудностей войны. На двухъ какъ бы углахъ Греціи, Набисъ изъ Пелопонеса произведетъ общее возстаніе, домогаясь столицы Аргосцевъ и приморскихъ городовъ, изъ коихъ выгнавъ его Римляне, заключили его въ стѣны Лакедемона; изъ Македоніи Филиппъ возмется за оружіе при первомъ звукѣ военной трубы. Извѣстенъ ему его характеръ и образъ мыслей; знаетъ онъ, что царь уже давно питаетъ самую сильную, хотя и сдержанную, злобу, какъ тѣ звѣри, которыхъ держатъ въ клѣткахъ или на цѣпяхъ. Помнитъ онъ и то, сколько разъ царь Филиппъ на войнѣ возсылалъ молитвы всѣмъ богамъ, какъ бы они послали ему помощникомъ Антіоха; если это его задушевное желаніе теперь исполнится, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ незамедлитъ начать войну. Только не нужно медлить и уступать. Побѣда будетъ зависѣть отъ того, чтобы захватить

впередъ и удобныя мѣста и союзниковъ; Аннибала немедленно нужно отправить въ Африку для развлеченія силъ Римлянъ.

19. Аннибалъ не былъ приглашенъ на совѣтъ, за переговоры съ Вилліемъ сдѣлался подозрителенъ царю, и съ тѣхъ поръ отъ него не получалъ никакихъ знаковъ почестей. Сначала молча переносилъ онъ эту напраслину, но потомъ счелъ за лучшее и узнать причину внезапнаго отчужденія и оправдаться. Выждавъ случай, онъ спросилъ царя прямо о причинѣ его нерасположенія и, выслушавъ отвѣтъ, сказалъ: «Антіохъ, когда я былъ еще малымъ ребенкомъ, то отецъ мой, Гамилькаръ, принося жертву, подвелъ меня къ олтарю и заставилъ клясться, что я не буду никогда другомъ народа Римскаго. Вѣрный этой клятвѣ, я, въ продолженіи 36 лѣтъ, велъ войну съ нимъ; эта же клятва и въ мирное время выжила меня изъ дому и она же изгнанникомъ привела меня въ твой дворецъ. Руководимый ею, если ты обманешь мою надежду, отправлюсь туда, гдѣ бы я ни зналъ силъ и оружія, по всему земному шару, отыскивая какихъ либо враговъ Римлянамъ. А потому, если кому либо изъ твоихъ угодно, обвиняя меня, у тебя выслужиться, то пусть ищутъ другаго основанія для обвиненій, а Римлянъ я ненавижу и для нихъ служу предметомъ ненависти; свидѣтельствуюсь Гамилькаромъ и богами въ томъ, что говорю правду. Вслѣдствіе этого, если только ты помышляешь о войнѣ съ Римлянами, то считай Аннибала въ числѣ лучшихъ друзей твоихъ. Если же какія либо обстоятельства склоняютъ тебя къ миру, то для совѣщанія объ этомъ отыскивай кого либо другаго, съ кѣмъ бы разсуждать.» Эти слова не только произвели на Антіоха сильное впечатлѣніе, но даже помирили его съ Аннибаломъ; при выходѣ съ совѣщанія рѣшено вести войну.

20. Въ Римѣ толковали на словахъ объ Антіохѣ, какъ о непріятелѣ, но къ этой войнѣ никакихъ еще приготовленій не дѣлали, только собираясь съ духомъ. Обоимъ консуламъ опредѣлена провинціею Италія, и они должны были между собою распредѣлиться и бросить жребій, кому изъ нихъ предсѣдательствовать на выборахъ этого года. Тотъ же консулъ, на

котораго не ляжетъ эта забота, долженъ быть готовъ, если представится необходимость, вести легіоны за предѣлы Италіи. Этому консулу дозволено, набрать два новыхъ легіона, а изъ союзниковъ Латинскаго племени пѣшихъ двадцать тысячь воиновъ и восемьсотъ всадниковъ. Другому консулу декретомъ даны два легіона, тѣ самые, которыми начальствовалъ консулъ прошедшаго года Л. Корнелій, а союзниковъ и Латинскаго племени изъ того же войска пятнадцать тысячь и пятьсотъ всадниковъ. К. Минуцію съ войскомъ, которое онъ имѣлъ въ землѣ Лигуровъ, продолжена власть, и дозволено въ дополненіе набрать еще четыре тысячи пѣшихъ Римлянъ и сто пятьдесятъ всадниковъ, а изъ союзниковъ ему же разрѣшено набрать пятнадцать тысячь пѣшихъ и двѣсти пятьдесятъ всадниковъ. Кн. Домицію пришлось имѣть провинцію внѣ Италіи по назначенію сената, а Л. Квинкцію—Галлію и завѣдываніе выборами. Потомъ преторы по жеребью распредѣлили провинціи; М. Фульвію Центумалу досталось судопроизводство надъ гражданами, а Л. Скрибонію Либо надъ чужестранцами, Л. Валерію Таппо—Сицилія, К. Салонію Сара—Сардинія, М. Бебію Тамфилу—Испанія ближняя, А. Атилію Серрану—дальняя; но этимъ двумъ перемѣнены провинціи сначала сенатскимъ рѣшеніемъ, а потомъ опредѣленіемъ народа. Атилію - флотъ и Македонія, Бэбію—Брутіи достались по декрету. Фламинію и Фульвію въ Испаніяхъ продолжена власть. Бебію Тамфилу въ землю Бруттіевъ даны по декрету два легіона тѣ, которые въ прошедшемъ году были городскими, а изъ союзниковъ ему же назначены пятнадцать тысячь пѣшихъ и пятьсотъ всадниковъ. Атилію предписано сдѣлать тридцать судовъ о пяти рядахъ веселъ, пересмотрѣть старыя суда на верфяхъ и взять изъ нихъ какія годныя. Консуламъ приказано - дать ему двѣ тысячи союзниковъ и Латинянъ, и тысячу пѣшихъ Римлянъ. Эти два претора и два войска—сухопутное и морское—на словахъ назначались противъ Набиса, явно уже нападавшаго на союзниковъ народа Римскаго. Впрочемъ, ожидали пословъ, отправленныхъ къ царю Антіоху и впредь до ихъ возвращенія сенатъ запретилъ консулу Кн. Домицію отлучаться изъ города.

21. Преторамъ Фульвію и Скрибонію, которымъ досталось право суда въ Римѣ, поручено приготовить сто судовъ о пяти рядахъ веселъ, кромѣ того флота, которымъ долженъ былъ начальствовать Атилій. Но до отъѣзда консуловъ и преторовъ въ провинціи, было молебствіе по случаю чудесныхъ явленій. Изъ Пицена получено извѣстіе, что коза разомъ родила шесть козлятъ. Въ Арреціѣ родился ребенокъ съ одною рукою. Въ Амитернѣ шелъ дождь землею. Въ Формiяхъ ворота и стѣна поражены молніею; но больше всего наводило ужасъ, то, что быкъ консула Домиція проговорилъ: «берегись, Римъ!» По случаю прочихъ чудесныхъ явленій было молебствіе; быка же гадатели приказали сохранить и кормить. Тибръ, разлившись еще болѣе прежняго, ворвался въ городъ и разрушилъ два моста и много строеній, особенно около Флументанскихъ воротъ. Огромный камень или отъ дождей, или вслѣдствіе землетрясенія не столь значительнаго, чтобы оно было замѣчено въ другомъ мѣстѣ, обрушился, упалъ съ Капитолія на Югарскую улицу и задавилъ много людей. Часть полей также залита водою: много скота унесено водою и не мало строеній разрушено. Прежде чѣмъ консулъ Л. Квинкцій прибылъ въ провинцію, К. Минуцій на Пизанскомъ полѣ имѣлъ правильное сраженіе съ Лигурами: девять тысячь непріятелей убито; прочіе бѣжали и въ безпорядкѣ стѣснены въ лагерь; до самой ночи онъ былъ предметомъ упорной аттаки и обороны. Ночью тайкомъ удалились Лигуры, а на разсвѣтѣ Римляне заняли оставленный лагерь. Добычи найдено немного, такъ какъ непріятели немедленно захваченную добычу отсылали домой; Минуцій затѣмъ недавалъ отдыху непріятелю. Съ Пизанскаго поля двинувшись въ землю Лигуровъ, онъ опустошилъ огнемъ и мечемъ ихъ укрѣпленія и деревни; тутъ воины обогатились Этрускою добычею, присланною сюда грабителями.

22. Около этого времени послы отъ царей вернулись въ Римъ. Достаточной вполнѣ причины для войны они не сообщили, кро-

мѣ относительно Лакедемонскаго тиранна, о которомъ и Ахейскіе послы давали знать, что онъ въ нарушеніе союзнаго договора нападаетъ на Лаконское прибрежье. Преторъ Атилій съ флотомъ посланъ въ Грецію для обереженія союзниковъ. Консуламъ, пока еще никакой опасности не угрожало со стороны Антіоха, поручено отправиться обоимъ въ провинціи. Домицій изъ Аримина, по ближайшей дорогѣ, а Квинкцій черезъ землю Лигуровъ, прибыли въ землю Боіевъ. Два войска консульскія, дѣйствуя отдѣльно, на далекое пространство опустошили поля непріятельскія. Прежде немногіе ихъ всадники съ своими начальниками, потомъ весь сенатъ, наконецъ всѣ люди сколько нибудь замѣчательные по состоянію или достоинству, въ числѣ тысячи пятисотъ человѣкъ, перебѣжали къ консулу. И въ той, и въ другой Испаніи въ этомъ году дѣла шли очень удачно. К. Фламиній, при помощи осадныхъ орудій, занялъ городъ Литабръ, укрѣпленный и богатый, и царька знатнаго происхожденія Коррибилона взялъ живьемъ. А проконсулъ М. Фульвій имѣлъ два удачныхъ сраженія съ двумя войсками непріятельскими: онъ взялъ силою два города Испанскихъ — Весцелію и Голонъ и много укрѣпленныхъ городковъ: другіе добровольно къ нему отпали. Затѣмъ, выступивъ въ землю Оретановъ и взявъ два города—Нолибу и Кузиби, онъ продолжалъ идти къ рѣкѣ Тагу. Тамъ былъ небольшой городъ Толетъ, укрѣпленный природою. Когда онъ аттаковалъ его, большое войско Вектоновъ пришло на помощь Толетанъ; онъ имѣлъ съ ними удачное сраженіе и разбивъ Вектоновъ, при помощи осадныхъ орудій, взялъ Толетъ.

23. Впрочемъ, въ это время, сенатъ былъ гораздо болѣе озабоченъ ожиданіемъ еще не начатой войны съ Антіохомъ, чѣмъ тѣми военными дѣйствіями, которыя дѣйствительно происходили. Хотя уже и черезъ пословъ было все извѣстно, однако слухи, легкомысленно неизвѣстно кѣмъ пущенные въ ходъ, много ложнаго примѣшивали къ истинѣ. Между прочимъ получено извѣстіе, что какъ только Антіохъ прибудетъ въ Этолію, тотчасъ отправитъ флотъ въ Сицилію. А потому сенатъ, хотя и послалъ

претора Атилія съ флотомъ въ Грецію, однако такъ какъ не только въ войскѣ, но и въ вліяніи предстояла надобность для поддержанія бодрости духа союзниковъ, то сенатъ отправилъ въ Грецію послами: Т. Квинкція, Кн. Октавія, Кн. Сервилія и П. Виллія. Кромѣ того опредѣлено: М. Бэбію изъ земли Бруттіевъ придвинуть легіоны къ Таренту и Брундизію съ тѣмъ, чтобы онъ оттуда, если потребуютъ обстоятельства, переправился въ Македонію. М. Фульвію претору отправить флотъ изъ двадцати судовъ для прикрытія береговъ Сициліи; тотъ, кто его поведетъ, долженъ быть облеченъ правами власти (повелъ Л. Оппій Салинаторъ, тотъ самый, что въ предшествовавшемъ году былъ эдилемъ народнымъ). Тотъ же преторъ долженъ былъ написать товарищу своему Л. Валерію: «угрожаетъ опасность, какъ бы флотъ царя Антіоха изъ Этоліи не переправился въ Сицилію; а потому сенатъ заблагоразсудилъ, чтобы онъ къ тому войску, которое будетъ имѣть, поголовнаго ополченія набралъ пѣшихъ воиновъ двадцать тысячъ и всадниковъ четыреста, и съ этими силами прикрывалъ берегъ провинціи, обращенный къ Греціи». Этотъ наборъ произвелъ преторъ не только по Сициліи, но и по прилежащимъ островамъ. Всѣ приморскіе города, лежащіе къ сторонѣ Греціи, снабдилъ гарнизонами. Пищу слухамъ подало прибытіе Аттала, брата Евменова; онъ привезъ извѣстіе, что царь Антіохъ перешелъ Геллеспонтъ съ войскомъ, и что Этолы готовятся вооружиться совсѣмъ къ его прибытію. Высказана благодарность—Евмену заочно, а Атталу на лицо: ему дано даровое помѣщеніе, содержаніе и подарки: два коня, два полныхъ для всадника вооруженія, серебряныхъ чашъ сто фунтовъ и золотыхъ двадцать.

24. Такъ какъ одинъ за другимъ гонцы приносили извѣстіе, что война становится все неизбѣжнѣе, то сочтено было своевременнымъ выбрать консуловъ какъ можно скорѣе. Вслѣдствіе этого состоялось сенатское опредѣленіе о томъ, чтобы преторъ М. Фульвій немедленно послалъ письмо къ консулу, увѣдомляя его о волѣ сената — ему, сдавъ своимъ легатамъ провинцію и войско, возвратиться въ Римъ и съ дороги послать впередъ

эдиктъ о назначеніи народнаго собранія для консульскихъ выборовъ. Консулъ повиновался этому письму и, предпославъ эдиктъ, прибылъ въ Римъ. Въ этомъ году было сильное домогательство: одного консульскаго мѣста добивались три патриція: П. Корнелій, Кнея сынъ, Спиціонъ тотъ, что въ предшествовавшемъ году потерпѣлъ неудачу, Л. Корнелій Сципіонъ и Кн. Манлій Вульсо. Консульство дано П. Сципіону въ доказательство, что такому человѣку почесть можетъ быть только отсрочена, но не отказана. Изъ плебеевъ данъ ему товарищемъ консульства М. Ацилій Глабріо. На другой день выбраны преторы: Л. Эмилій Павллъ, М. Эмилій Лепидъ, М. Юній Брутъ, А. Корнелій Маммула, К. Ливій и Л. Оппій; и тому и другому изъ нихъ было прозваніе Салинаторъ. Оппій это былъ тотъ, что флотъ изъ двадцати судовъ отвелъ въ Сицилію. Между тѣмъ, пока вновь выбранные сановники должны были распредѣлить между собою по жеребью провинціи, М. Бебій получилъ приказаніе —изъ Брундизія со всѣми войсками перейдти въ Епиръ и сосредоточить военныя силы около Аполлоніи. М. Фульвію, городскому претору, дано порученіе—сдѣлать пятьдесятъ новыхъ судовъ о пяти рядахъ веселъ.

25. Вотъ какъ народъ Римскій готовился противустать всѣмъ условіямъ Антіоха. Набисъ уже не отсрочивалъ войны, а напротивъ, всѣми силами аттаковалъ Гитій, и негодуя на Ахейцевъ за то, что они послали помощь осажденнымъ, опустошалъ ихъ поля. Ахейцы не прежде осмѣлились начать войну, какъ по возвращеніи изъ Рима ихъ пословъ, когда они узнали, что угодно сенату. По возвращеніи же пословъ, они назначили въ Сикіонѣ сеймъ, и отправили пословъ къ Т. Квинкцію – просить у него совѣта. На сеймѣ всѣ мнѣнія были въ пользу немедленнаго начатія войны: письмо Т. Квинкція произвело остановку, такъ какъ онъ совѣтовалъ подождать претора и войско Римское. Между тѣмъ одни изъ старѣйшинъ оставались все таки при своемъ мнѣніи; другіе же полагали, что необходимо воспользоваться совѣтомъ, котораго они же сами испрашивали, и народъ ожидалъ мнѣнія Филопемена; онъ былъ въ

то время преторомъ, и превосходилъ всѣхъ и разсудительностью и вліяніемъ. Онъ сказалъ сначала: «благоразумно то распоряженіе Ахейцевъ, по которому преторъ, отбирая голоса о войнѣ, не долженъ высказывать своего мнѣнія». Потомъ предложилъ имъ постановить какъ можно скорѣе то, что имъ угодно». Что же касается до претора, то онъ тщательно и вѣрно исполнитъ ихъ опредѣленіе и постарается, насколько это будетъ зависѣть отъ умственныхъ средствъ человѣка, чтобы имъ не пришлось жалѣть ни о мирѣ, ни о войнѣ». Эти слова расположили умы всѣхъ къ войнѣ болѣе, чѣмъ бы онъ открыто, склоняя къ ней, высказалъ желаніе вести войну; а потому война рѣшена огромнымъ большинствомъ; что же касается до времени и способа ея веденія, то претору предоставлена въ этомъ случаѣ полная свобода. Филонеменъ, такъ какъ таково было желаніе Квинкція, и самъ полагалъ, что надобно подождать Римскаго флота, который могъ бы служить защитою Гитію; но, опасаясь какъ бы замедленіе не было вредно, и какъ бы непотерять не только Гитій, но и отрядъ, посланный для его защиты, вывелъ суда Ахейскія.

26. И тираннъ приготовилъ небольшой флотъ съ цѣлью – недопускать къ осажденнымъ вспоможеній, которыя могли быть присланы имъ моремъ — три судна съ палубами и нѣсколько мѣлкихъ, такъ какъ прежній флотъ переданъ по договору Римлянамъ. Съ цѣлью испытать поворотливость этихъ судовъ, тогда еще новыхъ и вмѣстѣ для того, чтобы все было достаточно приспособлено къ борьбѣ, онъ выводилъ ихъ ежедневно въ море, упражняя тамъ и матросовъ, и воиновъ примѣромъ морскаго сраженія, убѣжденный, что и надежда на удачу осады зависитъ отъ прекращенія вспоможеній съ моря. Преторъ Ахейскій, насколько и знаніемъ дѣла и опытностью могъ стать наряду съ самими знаменитыми полководцами въ искуствѣ вести войну на сухомъ пути, на столько былъ неопытенъ въ морскомъ дѣлѣ. Уроженецъ Аркадіи, житель полей, онъ очень мало былъ знакомъ со всѣмъ чужестраннымъ, кромѣ того, что приходилось ему дѣйствовать на войнѣ въ Критѣ, начальствуя тамъ вспо-

могательнымъ войскомъ. Было одно старое судно о четырехъ рядахъ веселъ, отнятое лѣтъ за восемьдесятъ передъ тѣмъ, когда на немъ плыла изъ Навпакта въ Коринѳъ Никея, жена Кратера. Зная славу этого судна (когда то оно въ царскомъ флотѣ занимало не послѣднее мѣсто) приказалъ вывести его изъ Эгія, уже довольно сгнившее и почти распадавшееся отъ ветхости. Это судно преторское шло впередъ флота, такъ какъ на немъ находился начальникъ (преторъ) флота Тизо, изъ Патраса, какъ вдругъ отъ Гитія вышли на встрѣчу Лакедемонскія суда: при первомъ столкновеніи съ новымъ и крѣпкимъ судномъ старое, которое и такъ уже само по себѣ по всѣмъ скрѣпамъ давало течь, разсѣлось и всѣ, находившіеся на суднѣ, попались въ плѣнъ. Остальныя суда флота, потерявъ то, на которомъ находился начальникъ, бѣжали столь поспѣшно, сколько лишь достало силы у гребцовъ. Самъ Филопеменъ бѣжалъ на легкомъ дозорномъ суднѣ, и бѣгство его окончилось не прежде, какъ по прибытіи въ Патрасъ. Впрочемъ обстоятельство это нисколько не подѣйствовало на духъ человѣка военнаго и испытавшаго не мало случайностей. Напротивъ онъ, потерпѣвъ неудачу въ морскомъ дѣлѣ, которое ему было мало знакомо, тѣмъ болѣе надѣялся на то, которое ему было вполнѣ извѣстно по опыту и утверждалъ, что эту радость тиранна несдѣлаетъ онъ не продолжительною.

27. Набисъ, возгордившись отъ столь удачнаго дѣла, и возъимѣвъ несомнѣнную надежду, что уже со стороны моря не будетъ никакой опасности, вознамѣрился и доступъ съ сухаго пути преградить отрядами, удачно расположенными. Третью часть войскъ отведя отъ осады Гитія, онъ расположился лагеремъ у Плеіи. Мѣсто это господствуетъ и надъ Левками, и надъ Акріями, куда непріятели по видимому должны были подвинуть свое войско. Такъ какъ этотъ лагерь былъ не постоянный то, немногіе имѣли палатки; большая же часть воиновъ жили въ избушкахъ, плетеныхъ изъ камыша и покрытыхъ листьями, такъ чтобы была только тѣнь. Еще не находясь въ виду непріятеля, Филопоменъ придумалъ напасть на тиранна неожиданно, новымъ способомъ войны. Небольшія суда онъ свелъ въ закрытую пристань Аргивской области; на нихъ посадилъ онъ легковооруженныхъ воиновъ, побольшей части снабженныхъ цетрами (особенный родъ щита) съ пращами, дротиками и другимъ родомъ легкаго вооруженія. Затѣмъ отправился онъ къ берегу и, достигнувъ до ближайшаго къ лагерю непріятельскому мыса, вышелъ въ хорошо извѣстной ему гористой мѣстности, и ночью прибылъ въ Плеіи. Сторожа спали, такъ какъ близко не было опасности, и онъ вбросилъ огонь въ шалаши лагерей со всѣхъ сторонъ. Многіе прежде погибли въ пламени, чѣмъ почувствовали приближеніе непріятеля; да и почувствовавъ, не могли ничѣмъ помочь. Все сдѣлалось жертвою огня и меча; впрочемъ весьма немногіе, избѣгнувъ такой двоякой опасности, убѣжали въ Гитій въ большіе лагери. Нанеся такое чувствительное пораженіе непріятелю, Филопеменъ тотчасъ повелъ войска—опустошать Триполисъ, ту часть Лаконской области, которая ближе къ предѣламъ Мегалополитянъ; захвативъ тамъ большое количество скота и людей, онъ ушелъ прежде, чѣмъ тираннъ успѣлъ отъ Гитія прислать для защиты области. Затѣмъ онъ повелъ войско въ Тегею и, назначивъ туда же сеймъ Ахейцевъ и союзниковъ — гдѣ присутствовали также старѣйшины Епиротовъ и Акарнановъ—постановилъ: такъ какъ умы его воиновъ достаточно оправились отъ стыда пораженія на морѣ, а непріятели напротивъ пришли въ ужасъ, то вести войска прямо къ Лакедемону, считая это единственнымъ средствомъ отвлечь непріятеля отъ осады Гитія. Сначала, въ области непріятельской, онъ сталъ лагеремъ у Каріаса, но въ этотъ самый день Гитій взятъ. Филопеменъ, не зная этого, выдвинулъ свой лагерь къ Барбосѳену (гора въ десяти тысячахъ шаговъ отъ Лакедемона) Набисъ, взявъ Гитій, двинулся оттуда съ легкимъ войскомъ и, поспѣшно пройдя съ нимъ мимо Лакедемона, занялъ, такъ называемые, лагери Пирра, несомнѣваясь, что именно къ этому мѣсту поспѣшатъ Ахивцы. Отсюда то онъ пошелъ на встрѣчу непріятеля: вслѣдствіе тѣсноты мѣста Ахивцы растянулись вдоль дороги на протяженіи тысячь пяти шаговъ. Ряды ихъ

были тѣснимы всадниками и особенно тамъ, гдѣ находились вспомогательныя войска; такъ какъ Филопеменъ былъ убѣжденъ, что тираннъ нападетъ съ тылу на его воиновъ наемными войсками, на которыхъ онъ постоянно расчитывалъ болѣе другихъ. Но въ одно и тоже время пораженъ онъ былъ двумя неожиданными обстоятельствами: первое—мѣсто, къ которому онъ спѣшилъ, было захвачено впередъ; другое: онъ видѣлъ, что непріятель напалъ на первые ряды тамъ, гдѣ, такъ какъ нужно было идти по мѣстамъ гористымъ, оказывалось невозможнымъ дальнѣйшее движеніе впередъ безъ помощи легковооруженныхъ войскъ.

28. Впрочемъ Филопеменъ былъ особенно искусенъ и опытенъ — руководить войсками и выбирать лучшія позиціи: не только во время войны, но и въ мирное, онъ особенно въ этомъ упражнялъ свой умъ. Когда ему случалось куда нибудь ѣхать, то, приближаясь къ мѣстности, по которой движеніе было затруднительно, онъ со всѣхъ сторонъ изучалъ свойство мѣстности и будучи одинъ, обдумывалъ самъ съ собою; если же при немъ были спутники, то онъ ихъ спрашивалъ: «явись вдругъ непріятель въ этомъ мѣстѣ, какое пришлось бы принять рѣшеніе, если бы онъ напалъ или съ фронта, или съ того или съ другаго боку, или съ тылу? Можетъ случиться, что пришлось бы встрѣтить его правильно устроеннымъ войскомъ, а можетъ и безпорядочнымъ строемъ, годнымъ только для движенія по дорогѣ. Какое бы мѣсто пришлось ему занять—такъ онъ думалъ самъ съ собою или спрашивалъ другихъ — или скольких вооруженныхъ и какого рода оружіемъ (это обстоятельство не малой важности) пришлось бы употребить въ дѣло? Куда помѣстить обозы, тягости, безоружную толпу? Какими силами, и сколь значительными, прикрыть ихъ? И что лучше — продолжать ли движеніе по пути, уже начатому, или вернуться тою дорогою, которою шли ?Да и для лагерей какое мѣсто выбрать, на какое протяженіе провести окопы, гдѣ удобнѣе брать воду и гдѣ изобильнѣе снабжаться дровами и фуражемъ, и на другой день, снявши лагерь, въ какую сторону будетъ безопаснѣе движеніе и какую форму принять для строя?» Такими работами и размышленіями онъ съ самаго ранняго возраста, до того упражнялъ свой умъ, что въ этомъ дѣлѣ не было для него никакого новаго соображенія. И тутъ онъ прежде всего остановилъ дальнѣйшее движеніе войска, потомъ онъ вспомогательныхъ Кретійцевъ и всадниковъ, называемыхъ Тарентинскими (обыкновенно они водятъ съ собою по двое коней)—послалъ къ первымъ рядамъ. Приказавъ слѣдовать всадникамъ, онъ занялъ скалу надъ потокомъ, откуда можно было черпать воду. Тамъ онъ всѣ обозы и толпу чернорабочихъ армейскихъ окружилъ вооруженными, и укрѣпилъ лагерь согласно съ требованіями мѣстности. Палатки становить среди кустовъ и на мѣстѣ очень неровномъ, было трудно. Непріятель находился на разстояніи пятисотъ шаговъ. Обѣ стороны и съ того и съ другаго берега брали воду подъ прикрытіемъ легковооруженныхъ воиновъ, и прежде чѣмъ — обыкновенное послѣдствіе близости лагерей — завязался бой, наступила ночь. На другой день повидимому неизбѣжна была схватка на берегахъ рѣчки между берущими воду. Ночью, въ долинѣ, скрытой отъ глазъ непріятельскихъ, онъ спряталъ воиновъ съ цетрами ,сколько ихъ только могло помѣститься тамъ.

29. На разсвѣтѣ легковооруженные Кретійцы и всадники Тарентинскіе сразились черезъ потокъ. У Кретійцевъ начальникомъ былъ ихъ соотечественникъ Телемнастъ, а у всадниковъ Ликортасъ Мегалополитанецъ. Кретійцы и вспомогательныя войска непріятелей — у Тарентинцевъ былъ такой же родъ конницы—служили защитою ходившимъ по воду. Нѣкоторое время исходъ сраженія былъ сомнителенъ, потому что и съ той и другой стороны и родъ войска и вооруженія былъ одинъ и тотъ же. Съ дальнѣйшимъ продолженіемъ боя, одержали верхъ вспомогательныя войска тиранна какъ своею численностью, такъ и потому что Филопеменъ внушилъ начальникамъ своихъ войскъ, чтобы они, послѣ небольшаго сраженія, обратились въ бѣгство и завлекли бы непріятеля къ мѣсту засады. Разсыпавшись въ преслѣдованіи бѣжавшихъ по долинѣ, многіе и ранены и убиты прежде, чѣмъ увидали скрытаго непріятеля. Цэтраты

на сколько позволяла ширина занимаемой ими мѣстности, расположены были въ порядкѣ, но такъ что легко могли принять бѣгущихъ въ интервалы своихъ рядовъ. Поднялись потомъ они въ боевомъ порядкѣ и съ свѣжими, нетронутыми силами устремились на непріятеля, разсѣявшагося въ безпорядкѣ и утомившагося уже отъ трудовъ и ранъ. Не могло быть и сомнѣнія въ побѣдѣ: немедленно обратили тылъ воины тиранна и съ большею торопливостью, чѣмъ съ какою преслѣдовали бѣжавшихъ, поспѣшили въ свой лагерь; много изъ нихъ побито и много захвачено въ плѣнъ при этомъ бѣгствѣ.—Да не обошлось бы безъ смятенія и въ лагерѣ, не прикажи Филопеменъ играть отбой, болѣе опасаясь гористой и неудачной для смѣлыхъ и быстрыхъ движеній мѣстности, чѣмъ непріятеля. Потомъ догадываясь, въ какомъ страхѣ долженъ былъ находиться Набисъ и вслѣдствіе исхода сраженія, да ужъ и по своей природѣ отправилъ къ нему одного изъ воиновъ вспомогательнаго отряда, въ видѣ перебѣжчика, сообщить ему за самое достовѣрное извѣстіе, что будтобы Ахейцы постановили—на другой же день дойдти до рѣки Еврота, который течетъ подлѣ самыхъ стѣнъ съ цѣлью преградить путь: чтобы и тираннъ не имѣлъ возможности, какъ захочетъ искать убѣжища въ городѣ, и подвозы изъ города въ лагерь не доходили бы; и что вмѣстѣ Ахейцы сдѣлаютъ попытку—нельзяли будетъ подѣйствовать на умы нѣкоторыхъ жителей и отвлечь ихъ отъ тиранна. Не столько перебѣжчикъ успѣлъ убѣдить въ имъ сказанномъ, сколько онъ тиранну, пораженному страхомъ, подалъ основательный поводъ — оставить лагерь. На другой день онъ приказалъ Питагору съ вспомогательнымъ отрядомъ и конницею занять позицію передъ окопами а самъ, съ главными силами, выйдя какъ бы въ намѣреніи дать сраженіе, приказалъ поспѣшно нести значки къ городу.

30. Филопеменъ, видя, что войско непріятелей двигается поспѣшно по узкой и крутой дорогѣ, всю свою конницу и вспомогательный отрядъ Кретійцевъ выпустилъ на постъ непріятельскій, расположенный передъ лагеремъ. Тѣ, видя приближеніе враговъ и то, что они покинуты своими, сначала попытались

было удалиться въ лагерь; потомъ, видя приближеніе всего войска Ахейцевъ въ стройномъ порядкѣ, стали опасаться, какъ бы ихъ не взяли съ лагеремъ вмѣстѣ, и рѣшились послѣдовать за своимъ войскомъ, нѣсколько ихъ опередившимъ. Тотчасъ цетраты Ахейцевъ врываются въ лагерь и предаютъ его разграбленію: прочіе продолжаютъ идти впередъ, преслѣдуя непріятеля, а дорога была такая, что по ней затруднительно было движеніе войска, даже совершенно чуждаго опасеній со стороны непріятеля. Но когда произошло сраженіе въ заднихъ рядахъ, и поразительный крикъ оробѣвшихъ достигъ переднихъ рядовъ, то каждый воинъ, бросая оружіе, спасался бѣгствомъ въ лѣсъ, по которому шла дорога, и въ самое короткое время она была завалена грудами оружія, а особенно копьями, которыя, падая по большей части назадъ, какъ частоколомъ преграждали путь. Филопеменъ отдалъ приказаніе вспомогательному отряду преслѣдовать, и не давать непріятелю покою, гдѣ только возможно (во всякомъ случаѣ и для всадниковъ бѣгство не было бы легко) самъ съ главными силами по дорогѣ, болѣе доступной, пришелъ на берега Еврота. Здѣсь расположившись лагеремъ почти въ закатъ солнца, поджидалъ легковооруженное войско, которое онъ оставилъ для преслѣдованія непріятеля. Оно вернулось въ первую стражу ночи и принесло извѣстіе, что тираннъ съ немногими воинами проникъ въ городъ; всѣ же остальные, побросавъ оружіе, разсѣялись по всему ущелью. —Приказавъ этимъ воинамъ отдохнуть, Филопеменъ изъ числа остальныхъ воиновъ, которые прежде пришли въ лагерь и возобновили свои силы и принятіемъ пищи, и нѣкоторымъ отдохновеніемъ, отборныхъ, велѣвъ имъ взять одни мечи, тотчасъ вывелъ и устроилъ въ боевомъ порядкѣ противъ двухъ воротъ, изъ которыхъ одни были обращены къ Ферамъ, а другіе къ Барбосѳену, такъ какъ онъ полагалъ, что сюда именно будутъ собираться разсѣянные изъ бѣгства непріятели. Дѣйствительно онъ въ этомъ не ошибся: и Лакедемоняне, пока сколько нибудь оставалось дневнаго свѣта, по тропинкамъ собирались въ средину рощи; съ наступленіемъ же вечера, какъ толь-

ко увидали огни въ лагерѣ непріятельскомъ, они, стараясь держаться отъ нихъ подальше, оставались по скрытымъ тропинкамъ, но, какъ только ихъ миновали, считая уже себя въ безопасности, вышли на открытыя дороги. — Здѣсь они наткнулись на сидѣвшаго въ засадѣ непріятеля, и въ такомъ множествѣ были частью побиты, частью взяты въ плѣнъ, что едва четвертая часть изъ всего войска спаслась. Филопеменъ, заключивъ тиранна въ городѣ, въ слѣдующее за тѣмъ время, въ продолженіи почти тридцати дней, опустошалъ поля Лаконцевъ, и ослабивъ и почти уничтоживъ силы тиранна, возвратился домой. Ахейцы славою совершенныхъ имъ дѣяній равняли его съ полководцемъ Римскимъ, а въ отношеніи къ Лаконской войнѣ, даже ставили выше.

31. Между тѣмъ какъ шла война между Ахейцами и тиранномъ, послы Римлянъ обходили города союзниковъ, озабоченные, какъ бы Этолы враждебной партіи, несовратили умовъ какой либо части населенія къ Антіоху. Менѣе всего труда потратили они на ухаживаніе за Ахейцами: ненависть къ Набису служила достаточнымъ ручательствомъ ихъ вѣрности и въ прочихъ отношеніяхъ. Послы Римскіе отправились сначала въ Аѳины, потомъ въ Халкиду, и оттуда въ Ѳессалію: переговоривъ съ Ѳессалійцами на многолюдномъ сеймѣ, они направили путь въ Деметріаду; тамъ было назначено народное собраніе Магнетовъ. Постарательнѣе нужно было тамъ держать рѣчь, такъ какъ часть старѣйшинъ, отпавъ отъ Римлянъ, всею душею предалась Антіоху и Этолійцамъ: тамъ вмѣстѣ съ извѣстіемъ о томъ, что Филиппу возвращенъ сынъ заложникъ и положенная съ него контрибуція прощена, получено и ложное о томъ, будто бы Римляне возвратятъ ему и Деметріаду. Чтобы не допустить этого, Еврилохъ, старѣйшина Магнетовъ, и еще нѣкоторые, принадлежавшіе къ его партіи, предпочитали дать всему новый видъ черезъ прибытіе Этолійцевъ и Антіоха. Противъ нихъ надобно было бы разсуждать такъ, чтобы, уничтоживъ у нихъ ложное опасеніе, не оттолкнуть совершенно Филиппа, отнявъ у него

надежду, а Филиппъ на все годился гораздо болѣе, чѣмъ Магнеты. А потому послы ограничились напоминаніемъ того, что если и вся Греція должна быть признательна Римлянамъ за благодѣяніе свободы, такъ въ особенности этотъ городъ (Деметріада). Здѣсь не только находился гарнизонъ, но даже воздвинутъ дворецъ царскій для того, чтобы они постоянно имѣли передъ глазами своего повелителя. Всѣ же труды Римлянъ пропадутъ втунѣ, если Этолійцы приведутъ Антіоха во дворецъ Филиппа; тогда они будутъ имѣть новаго и неизвѣстнаго имъ царя вмѣсто стараго и испытаннаго. Приглашаютъ они главнаго сановника Магнетарха; имъ былъ въ то время Еврилохъ. Полагаясь на свою власть, онъ сказалъ, что не считаетъ своею обязанностью — скрывать и отъ себя и отъ Магнетовъ — распространившуюся молву о возвращеніи будто бы Филиппу Деметріады; а для того, чтобы этого не случилось, Магнеты скорѣе и на все бросятся и все дерзнутъ. Въ жару пренія необдуманно завлекшись далѣе, чѣмъ желалъ, онъ высказалъ: «что и теперь только слава, будто Деметріада свободна; въ дѣйствительности же все дѣлается по мановенію Римлянъ». Вслѣдъ за этими словами послѣдовало волненіе въ народѣ: одни одобряли ихъ, а другіе высказывали свое негодованіе какъ, онъ осмѣлился сказать ихъ. Квинкцій же до того разсердился, что, поднявъ руки къ небу, призывалъ боговъ въ свидѣтели неблагодарности и коварства Магнетовъ. При звукахъ этого голоса всѣ пришли въ ужасъ, и Зенонъ, одинъ изъ старѣйшинъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ за свою честно проведенную жизнь, и вмѣстѣ несомнѣнно и постоянно преданный Римлянамъ, сталъ со слезами просить Квинкція и другихъ пословъ: «не обвинять цѣлый народъ въ безразсудствѣ одного; пусть безуміе каждаго падаетъ на его собственную голову. Магнеты же обязаны Т. Квинкцію и народу Римскому не только свободою, но всѣмъ, что для людей дорого и свято. Все, что только люди привыкли просить у боговъ безсмертныхъ, Магнеты имѣютъ отъ нихъ (т. е. Римлянъ и Квинкція), и скорѣе они въ безуміи будутъ неистовствовать надъ своими же тѣлами, чѣмъ посягнутъ на нарушеніе дружбы съ Римлянами».

32. За этою рѣчью послѣдовали и просьбы народа. Еврилохъ изъ собранія скрытыми дорогами бѣжалъ къ воротамъ, а оттуда прямо въ Этолію. А Этолійцы уже обнаруживали съ каждымъ днемъ все болѣе свои замыслы, измѣны, и почти въ это самое время случилось, что Тоасъ, старѣйшина народа, посланный къ Антіоху, вернулся оттуда и привелъ съ собою Мениппа, царскаго посла. Они, прежде чѣмъ допущены были въ народное собраніе, не переставали только и твердить всѣмъ какъ велики сухопутныя и морскія силы Антіоха: «идетъ несмѣтное число пѣхоты и конницы, изъ Индіи слоны, а особенно (они полагали, что эти то слова и произведутъ наибольшее впечатлѣніе на умы народа) столько везутъ золота, что можно кажется купить самихъ Римлянъ. Понятно было, какое дѣйствіе могли бы имѣть эти слова и въ народномъ собраніи. Римскимъ посламъ передано было все, и то, что пришли они и всѣ ихъ дѣйствія, и хотя дѣло можно было считать почти уже оконченнымъ, но Квинкцію показалось не лишнимъ, чтобы нѣсколько пословъ союзниковъ присутствовало въ этомъ собраніи, которые напомнилибы Этоламъ о союзѣ съ Римлянами, и дерзнули бы возвысить свободный голосъ противъ посла царскаго. Аѳиняне показались для этого дѣла наиболѣе пригодными, какъ по важности самаго города, такъ и давнишней пріязни съ Этолами. Квинкцій просилъ Аѳинянъ отправить пословъ на Панэтолійскій сеймъ; Тоасъ первый въ этомъ собраніи изложилъ предметъ своего посольства. Потомъ былъ впущенъ Менипиъ: и прекрасно былобы для всѣхъ жителей Греціи — сказалъ онъ — еслибы Антіохъ могъ вмѣшаться тогда, когда еще дѣла Филиппа были въ цвѣтущемъ положеніи. Каждый имѣлъ бы свое и не досталось бы все въ распоряженіе и власть Римлянъ. Да и теперь если только вы намѣренія, вами принятыя, настоятельно будете приводить въ исполненіе, то можно будетъ при помощи боговъ и въ союзѣ съ Этолами, Антіоху дѣла Греціи, хотя и пришедшія въ разстройство, возстановить въ прежній, ихъ достойный, видъ. А только то можетъ считаться вполнѣ свободнымъ, что опирается на своихъ собственныхъ силахъ, нисколько не

завися отъ чужаго произвола.» Аѳиняне, которымъ первымъ послѣ царскаго посольства, дана была возможность говорить то, что они хотѣли, не упоминая нисколько о царѣ, напоминали Этоламъ о союзѣ съ Римлянами и о заслугахъ Т. Квинкція въ отношеніи ко всей Греціи, и предостерегали необдуманною поспѣшностью рѣшеній не испортить всего дѣла: хитрые и смѣлые планы сначала то пріятны, на исполненіе трудны, а исходъ ихъ бываетъ вовсе печальный. Послы Римскіе, и въ томъ числѣ Т. Квинкцій, не далеко оттуда находятся. Пока ничего еще не испорчено, не лучше ли на словахъ потолковать о томъ, что возбуждаетъ недоумѣнія, чѣмъ отдавать и Азію и Европу ужасамъ пагубной войны».

33. Масса народа, съ жадностью желая перемѣнъ, вся была на сторонѣ Антіоха; многіе высказывали отъ себя мнѣніе, что Римлянъ даже не слѣдуетъ допускать въ народное собраніе. Впрочемъ старѣйшины, пользовавшіеся наибольшимъ вліяніемъ вслѣдствіе своихъ престарѣлыхъ лѣтъ, настояли на томъ, чтобы и Римлянамъ былъ доступъ въ собраніе. Когда Аѳиняне принесли извѣстіе объ этомъ декретѣ, то Квинкцію заблагоразсудилось отправиться въ Этолію: или онъ успѣетъ въ чемъ нибудь, или всѣ будутъ свидѣтелями, что Этолы виновники войны, и что Римляне возьмутся за оружіе по справедливости и почти вынужденные къ тому. По прибытіи туда, Квинкцій въ народномъ собраніи, начавъ говорить съ возникновенія союза Этоловъ съ Римлянами и съ того, сколько разъ ими была нарушена вѣрность союзнаго договора, въ немногихъ словахъ коснулся вопроса о городахъ, относительно которыхъ существовало недоумѣніе: «если они имѣютъ можетъ быть представить что нибудь основательное въ своихъ притязаніяхъ, то не лучше ли имъ отправить пословъ въ Римъ и разобрать тамъ дѣло, или не лучше ли просить сенатъ, чѣмъ народъ Римскій вводить въ борьбу съ Антіохомъ и Этолійскими разбойниками, не безъ большаго потрясенія для всего рода человѣческаго и пагубы для Греціи? Бѣдствія войны упадутъ прежде всего на тѣхъ, кто ее началъ.» Но вотще раздавался какъ бы

вѣщій голосъ Римскаго вождя. — Вслѣдъ за нимъ выслушаны были съ знаками одобренія Тоасъ и прочіе люди той же партіи, и они успѣли въ томъ, что, не откладывая долѣе народнаго собранія, и безъ бытности Римлянъ, состоялся декретъ, которымъ приглашенъ Антіохъ для освобожденія Греціи и для разбора Этоловъ съ Римлянами. — Къ столь высокомѣрному декрету присоединилъ оскорбленіе отъ себя Дамокритъ, преторъ ихъ. Когда у него Квинкцій требовалъ этого самого декрета, то онъ, не устыдясь величія этого человѣка, сказалъ ему: «теперь ему нѣкогда, нужно заботиться о другихъ дѣлахъ болѣе важныхъ; а что же касается до декрета и отвѣта, то онъ дастъ его въ не продолжительномъ времени въ Италіи, расположась лагеремъ на берегахъ Тибра.» Вотъ какое безуміе овладѣло въ то время народомъ Этоловъ и даже ихъ властями!

34. Квинкцій и послы вернулись въ Коринѳъ: Этолы съ своей стороны затѣмъ, чтобы все было отъ Антіоха, они же сами по себѣ и не тронутся, покойно повидимому стали ожидать его прибытія и даже, отпустивъ Римлянъ не собирали общаго сейма всего племени, а черезъ посредство апоклетовъ (такъ они называютъ собраніе болѣе уважаемое, состоящее изъ отборныхъ мужей) они старались объ одномъ, какъ бы что нибудь новенькое затѣять въ Греціи. Всѣмъ было хорошо извѣстно, что въ городахъ старѣйшины, и вообще лучшіе люди, были на сторонѣ Римлянъ и довольствовались настоящимъ положеніемъ дѣлъ: а чернь и тѣ, которыхъ желанія превышали то, что они имѣли, были не прочь все измѣнить. Разъ Этолы затѣяли намѣреніе не только смѣлое, но и даже безстыдно дерское—захватить Деметріаду, Халкиду и Лакедемонъ. Въ каждый изъ этихъ городовъ посланы старѣйшины: въ Халкиду—Тоасъ, въ Лакедемонъ—Діоклесъ. Въ этомъ случаѣ оказалъ большую помощь изгнанникъ Еврилохъ (о бѣгствѣ котораго и причинахъ бѣгства сказано выше) такъ какъ ему на возвращеніе въ отечество не было другой надежды. Надоумленные письмами Еврилоха, его приближенные, друзья, и вообще люди одной съ нимъ партіи, научили жену его и дѣтей—въ траурномъ платьѣ,

съ повязками просителей, явиться въ средину народнаго собранія и умолять всѣхъ и каждаго, чтобы не дали человѣку невинному безъ суда состарѣться въ изгнаніи. На людей простыхъ дѣйствовало состраданіе, а на людей недобросовѣстныхъ и безпокойныхъ надежда — произвести общее замѣшательство при содѣйствіи Этоловъ: всѣ положили возвратить Еврилоха. Подготовивъ это, Діоклесъ со всею конницею (въ то время онъ и былъ ея главнымъ начальникомъ) отправился подъ предлогомъ отвести обратно въ отечество изгнанника, своего пріятеля, день и ночь спѣшилъ, а когда оставалось только шесть миль до города, то онъ, наразсвѣтѣ, пошелъ впередъ съ тремя отборными взводами, а всѣмъ прочимъ всадникамъ велѣлъ слѣдовать въ нѣкоторомъ разстояніи. Когда стали приближаться къ воротамъ, то Діоклесъ велѣлъ всѣмъ спѣшиться и вести лошадей въ поводьяхъ, не соблюдая правильныхъ рядовъ, какъ будто бы они такъ прямо съ дороги; онъ хотѣлъ, чтобы они скорѣе походили на свиту префекта, чѣмъ на воинскій отрядъ. Одинъ взводъ оставилъ у воротъ для того, чтобы не допустить остальной конницѣ быть отрѣзанною; а самъ, по серединѣ города и черезъ площадь, держа Еврилоха за руку, при большомъ стеченіи жителей, вышедшихъ на встрѣчу съ поздравленіями, отвелъ Еврилоха домой. Вслѣдъ за тѣмъ городъ наполнился конницею, и всѣ важнѣйшіе посты заняты. Тутъ разосланы по домамъ воины — избить главныхъ коноводовъ противной партіи. Такимъ то образомъ Деметріада попала во власть Этоловъ.

35. Что же касается Лакедемона, то надлежало не городу сдѣлать насиліе, а хитростью одолѣть тиранна. Его, лишеннаго приморскихъ городовъ Римлянами, въ то время вогнаннаго Ахейцами въ стѣны одного Лакедемона, кто бы успѣлъ умертвить, могъ бы смѣло расчитывать на благодарность за то со стороны Лакедемонянъ. Поводъ послать къ нему оказался тотъ, что онъ не давалъ покоя своими просьбами и мольбами прислать вспоможеніе къ нему, такъ какъ онъ будтобы и взялся за оружіе по убѣжденію Этоловъ. Тысячу пѣшихъ воиновъ дано Алексамену и тридцать отборныхъ молодыхъ всадниковъ. Имъ преторъ

Дамокритъ, въ тайномъ народномъ собраніи, о которомъ сказано выше, объявилъ: «пусть они не думаютъ, что они посланы на войну съ Ахейцами и для какого нибудь другаго дѣла, которое они могутъ вообразить каждый въ своемъ мнѣніи. Какое бы ни заставили Алексамена обстоятельства принять рѣшеніе, пусть они будутъ готовы безпрекословно его исполнить, какъ бы оно ни казалось имъ неожиданнымъ, дерзкимъ и смѣлымъ; и пусть они сочтутъ, что именно для исполненія только этого одного, они и посланы изъ отечества.» Приготовивъ все это, Алексаменъ прибылъ къ тирану, и тотчасъ по прибытіи воодушевилъ его надеждами: «Антіохъ уже перешелъ въ Европу и скоро будетъ въ Греціи: и суша и море наполнятся его вооруженными силами. Римляне увидятъ тогда, что не съ Филиппомъ прійдется имъ имѣть дѣло: и сосчитать пѣшія и конныя войска, и корабли нѣтъ возможности: кажется одного вида цѣлаго ряда слоновъ достаточно будетъ для того, чтобы окончить войну однимъ ударомъ. Этолы готовы явиться со всѣмъ своимъ войскомъ въ Лакедемонъ, лишь только потребуютъ того обстоятельства; но большое число воиновъ онъ хотѣлъ только показать царю по его прибытіи. Да и самому Набису необходимо также поступать и не позволять воинамъ, какіе у него есть, чахнуть въ бездѣйствіи по домамъ: но пусть онъ ихъ выводитъ въ поле, и заставляетъ заниматься воинскими упражненіями, черезъ что будутъ изощряться ихъ умственныя способности и развиваться силы тѣла. Трудъ отъ частаго упражненія сдѣлается легче, и даже пріятенъ вслѣдствіе необходимости и ласки вождя». А потому началъ Набисъ часто выводить войска передъ городомъ въ поле къ рѣкѣ Евротасу. Собственная стража тиранна занимала почти постоянно средину воинскаго строя; а тираннъ, всего съ тремя всадниками, въ числѣ которыхъ по большей части находился Алексаменъ, ѣздилъ впереди значковъ, осматривая оконечности фланговъ. На правомъ крылѣ находились Этолы, какъ тѣ, которые прежде были присланы на помощь тиранну, такъ и тѣ, которые, въ числѣ тысячи человѣкъ, пришли недавно съ Алексаменомъ. Этотъ послѣдній взялъ

себѣ за привычку — то вмѣстѣ съ тиранномъ обходить небольшіе ряды, совѣтуя ему то, что казалось по дѣлу нужнымъ; то онъ скакалъ на правое крыло къ своимъ соотечественникамъ; вслѣдъ за тѣмъ, какъ бы отдавъ приказаніе, какое слѣдовало, онъ опять пріѣзжалъ къ тиранну. Избравъ себѣ день для совершенія задуманнаго замысла, онъ, немного поѣздивъ съ тиранномъ, удалился потомъ къ своимъ, и обратясь къ всадникамъ, которые съ нимъ вмѣстѣ были отправлены изъ отечества: молодцы! сказалъ онъ имъ, — нужно совершить намъ дѣяніе смѣлое, въ которомъ вы обязаны быть моими ревностными исполнителями. Соберитесь и съ духомъ и съ силами, и пусть никто изъ васъ не отстанетъ отъ меня въ томъ, что я начну дѣлать. Кто же вздумаетъ медлить и свое разсужденіе предпочтетъ моему, тотъ, да будетъ ему извѣстно, домой уже не возвратится.» Ужасъ овладѣлъ всѣми и припомнили они — какія наставленія даны имъ были при отъѣздѣ. Тираннъ между тѣмъ приближался съ лѣваго крыла. Алексаменъ приказалъ всадникамъ — изготовить копья и смотрѣть на него; да и самъ собрался съ духомъ, растерявшись было сначала при мысли о такомъ поступкѣ. Съ приближеніемъ тиранна, онъ кинулся на него и ударивъ копьемъ въ коня, сбросилъ съ него тиранна. Всадники докончили его лежавшаго на землѣ: сначала было много безполезныхъ ударовъ нанесено по кольчугѣ тиранна; наконецъ удары коснулись и голаго тѣла, и прежде чѣмъ могла быть подана помощь изъ середины строя, тираннъ испустилъ духъ.

36. Алексаменъ со всѣми Этолами поспѣшилъ ускореннымъ шагомъ захватить царскій дворецъ. Тѣлохранителей сначало обуялъ страхъ — такъ какъ все совершилось въ ихъ же глазахъ; потомъ, видя, что войско Этоловъ удалилось, они сбѣжались къ оставленному тѣлу тиранна, и образовалась толпа простыхъ зрителей изъ стражей жизни тиранна и мстителей его смерти. Да и никто бы не тронулся, если бы немедленно было положено оружіе и позванъ народъ на совѣщаніе, на которомъ и вразумленъ онъ рѣчью, соотвѣтствующею обстоятельствамъ времени, и конечно по всей вѣроятности оставлены были бы всѣ Этолы съ ору-

жіемъ въ рукахъ и безъ чьей либо обиды. Но видно необходимо было, чтобы замыселъ, основанный на вѣроломствѣ, обратился на скорую гибель его затѣявшихъ, и потому все къ тому шло. Алексаменъ, запершись въ царскомъ дворцѣ, день и ночь провелъ, разъискивая сокровища тиранна; Этолы, какъ бы силою взявъ городъ, которому возвратить свободу они будто бы пришли, устремились за добычею. Съ одной стороны негодованіе при такихъ поступкахъ, съ другой презрѣніе подѣйствовали на умы Лакедемонянъ и они собрались. Одни говорили, что нужно прогнать Этоловъ и добиться свободы, у нихъ отнятой въ то время, когда она по видимому была возвращена. Другіе утверждали, что нужно имѣть начальника, и потому взять для виду кого нибудь изъ царскаго рода. Такимъ оказался Лаконикъ, вовсе молодой еще мальчикъ, получившій воспитаніе вмѣстѣ съ дѣтьми тиранна. Его посадили на коня и, схвативъ оружіе, бросились побивать Этоловъ, разсѣявшихся по городу; потомъ устремились къ царскому дворцу; тутъ умерщвлены Алексаменъ и немногіе другіе, подумавшіе было о сопротивленіи. Этолы, собравшіеся около Халціэкона (Минервы храмъ изъ мѣди), тамъ истреблены; немногіе, отбросивъ оружіе, бѣжали частью въ Тегею, частью въ Мегалополисъ; тутъ они были схвачены мѣстными властями, и проданы въ рабство съ публичнаго торга.

37. Филопеменъ, услыхавъ о томъ, что тираннъ убитъ, отправился въ Лакедемонъ и нашелъ тамъ большое смятеніе вслѣдствіе разныхъ опасеній. Онъ вызвалъ старѣйшинъ и сказалъ имъ рѣчь, именно такую, какую слѣдовало сказать Алексамену; такимъ образомъ онъ присоединилъ Лакедемонянъ къ союзу Ахейскому, и это тѣмъ легче, что случилось въ это самое время Атилію пристать съ двадцатью четырьмя квинкверемами къ Гитію. Въ тоже самое время около Халкиды Тоасъ, посредствомъ старѣйшины Евтимида, изгнаннаго при содѣйствіи тѣхъ, которые были въ союзѣ съ Римлянами, послѣ прибытія Т. Квинкція и пословъ и черезъ Геродора, купца Ціанскаго, вслѣдствіе своего богатства пользовавшагося большимъ вліяніемъ въ Халкидѣ, подготовилъ къ измѣнѣ тѣхъ, которые принадлежали къ партіи Евфемида, но дѣйствовалъ далеко не съ такимъ счастіемъ, съ какимъ Еврилохъ занялъ Деметріаду. Евфемидъ изъ Аѳинъ (онъ выбралъ для житья этотъ городъ) отправился сначала въ Ѳивы, потомъ въ Салганею, а Геродоръ къ Тронію. Недалеко оттуда въ Маліакскомъ заливѣ находился Тоасъ съ двумя тысячами пѣхоты, двумя стами всадниковъ, и у него было до тридцати небольшихъ транспортныхъ судовъ. Геродору было приказано ихъ съ шестью стами пѣшихъ переправить на островъ Аталантъ съ тѣмъ, чтобы онъ оттуда при первомъ слухѣ о приближеніи пѣшихъ воиновъ къ Авлидѣ и Еврипу, переправился въ Халкиду; а самъ Тоасъ остальныя войска, преимущественно ночными переходами, сколько возможно поспѣшнѣе, повелъ въ Халкиду.

38. Миктіонъ и Ксеноклидъ, въ то время стоявшіе во главѣ управленія въ Халкидѣ со времени изгнанія Евфемида, или сами возъимѣли подозрѣніе или почему либо донесенію, сначала оробѣли и единственную надежду на спасеніе полагали въ бѣгствѣ. Потомъ, когда первый страхъ поулегся, поняли они, что такимъ образомъ дѣйствуя, они не только измѣнили бы отечеству, но и союзу съ Римлянами; а потому они задумали вотъ какое намѣреніе. Случилось, что въ это самое время въ Еретріи праздновалась годовщина Діаны Амаринтійской, и въ ней участвовали не только тамошніе жители, но и толпы Каристійцевъ. Туда послали — умолять Еретрійцевъ и Каристійцевъ: «какъ земляки ихъ и сыны одного и того же острова, они должны пожалѣть объ ихъ участи и подорожить дружбою Римлянъ, не допустивъ Халкиду сдѣлаться добычею Етолійцевъ. Вся Евбея будетъ ихъ, лишь только они завладѣютъ Халкидою. Тяжело было господство Македонянъ, но еще несноснѣе будетъ господство Этолійцевъ». На жителей подѣйствовало болѣе всего уваженіе къ Римлянамъ, которыхъ и доблесть въ войнѣ они недавно испытали, и при побѣдѣ—справедливость и снисхожденіе; вслѣдствіе этого Еретрійцы и Каристійцы, отобравъ лучшихъ молодыхъ людей, ихъ вооружили и

послали въ Халкиду. Жители ея поручили имъ защищать стѣны города, а сами со всѣми войсками перешли Еврипъ и стали лагеремъ у Салганеи. Отсюда къ Этолійцамъ посланы сначала герольдъ, потомъ депутація, спросить ихъ: за какое ихъ слово или дѣйствіе они, друзья и союзники, пришли нападать на нихъ. Отвѣчалъ Тоасъ, вождь Этолійцевъ: «шли они не нападать на нихъ, но освободить ихъ отъ Римлянъ. Болѣе красивою, но и болѣе тяжелою цѣпью скованы они теперь, чѣмъ когда въ ихъ крѣпости находился гарнизонъ Македонянъ».—Халкидійцы отвѣчали на это: что они ни у кого въ рабствѣ не находятся и ни въ чьей защитѣ не нуждаются.» Вслѣдъ затѣмъ послы съ совѣщанія удалились къ своимъ соотечественникамъ. Тоасъ и Этолійцы, которыхъ весь расчетъ успѣхъ основывался на надеждѣ захватить въ расплохъ — для открытаго же нападенія на городъ, укрѣпленный съ моря и съ сухаго пути, они не имѣли достаточно силъ — вынуждены были возвратиться домой. Евфимидъ, услыхавъ, что лагерь его соотечественниковъ находится у Салганеи, и что Этолійцы двинулись въ походъ, и самъ изъ Ѳивъ возвратился въ Аѳины. Геродоръ, въ продолженіи нѣсколькихъ дней съ напряженнымъ вниманіемъ ждалъ въ Аталантѣ какого нибудь сигнала, потомъ отправилъ легкое судно — узнать, что за причина замедленія и увидавъ, что его товарищи оставили намѣреніе, возвратился въ Троній, откуда и пришелъ.

39. Квинкцій съ своей стороны, услыхавъ объ этомъ, прибылъ съ судами изъ Коринѳа, и въ Еврипѣ у Халкиды встрѣтилъ царя Евмена. Положено было: Евмену царю оставить для защиты города пятьсотъ воиновъ, а самому идти въ Аѳины. Квинкцій отправился въ Деметріаду, куда было сначала направилъ путь. Онъ полагалъ, что освобожденіе Халкиды будетъ не безъ нѣкотораго вліянія на Магнетовъ въ томъ отношеніи, что они станутъ искать союза съ Римлянами. А для того, чтобы сколько нибудь поддержать людей своей партіи, онъ написалъ Евному, претору Ѳессалійцевъ, вооружить молодыхъ людей, а Виллія отправилъ впередъ въ Деметріаду развѣдать расположеніе умовъ: къ дѣлу же приступить рѣшился не прежде какъ убѣдясь, что часть гражданъ не прочь возвратиться къ прежнимъ дружественнымъ отношеніямъ. Виллій на квинкверемѣ (судно о пяти рядахъ веселъ) приплылъ къ самому устью порта. Толпами высыпали туда Магнеты и Виллій спросилъ ихъ: что они предпочитаютъ — видѣть ли въ немъ друга или врага? Старшина ихъ Еврилохъ отвѣчалъ: «пришелъ онъ Виллій къ друзьямъ, но въ пристань пусть не входитъ, предоставитъ Магнетамъ наслаждаться согласіемъ и свободою, и не старается подъ предлогомъ переговоровъ, имѣть вліяніе на чернь.» Начался потомъ споръ вмѣсто правильнаго разговора: Римлянинъ бранилъ Магнетовъ, называя ихъ неблагодарными и пророча имъ будущія бѣдствія, а народъ негодовалъ, обвиняя то сенатъ, то Квинкція. Такимъ образомъ Виллій безо всякаго успѣха, возвратился къ Квинкцію и тотъ, отправивъ всадника къ претору съ приказаніемъ отвести войска домой, самъ на судахъ возвратился въ Коринѳъ.

40. Уклонили меня какъ будто бы отъ цѣли дѣла Греціи, перемѣшанныя съ Римскими, не потому, чтобы ихъ стоило описывать самихъ по себѣ, а потому, что они были причиною войны съ Антіохомъ. По назначеніи консуловъ (отсюда именно я уклонился) Л. Квинкцій, и Кн. Домицій, консулы отправились въ провинціи: Квинкцій къ Лигурамъ, а Домицій противъ Боіевъ. Эти послѣдніе успокоились: сенатъ ихъ съ дѣтьми, и префекты съ конницею (всей было тысячу пятьсотъ человѣкъ) отдали сами себя консулу. Другой консулъ на далекое пространство опустошилъ поле Лигуровъ, и взялъ нѣсколько укрѣпленій: здѣсь захвачена не только всякаго рода добыча и плѣнные, но и возвращены нѣкоторые граждане и союзники, находившіеся было во власти непріятелей.—Въ этомъ самомъ году отведена въ Вибонъ колонія по декрету сената, утвержденному народнымъ собраніемъ; отправились туда три тысячи семьсотъ пѣшихъ воиновъ и пятьсотъ всадниковъ. Отвели ихъ тріумвиры К. Невій, М. Минуцій и М. Фурій Крассипесъ (жирноногій). Каждому пѣхотинцу дано по пятнадцати десятинъ земли, а

всаднику вдвое. Поле это въ послѣднее время было Бруттійцевъ, а ими захвачено у Грековъ. Въ это время Римъ дважды былъ подъ вліяніемъ сильныхъ опасеній: одинъ разъ былъ продолжительный страхъ, но безъ столь вредныхъ послѣдствій какъ другой; въ продолженіи тридцати восьми дней тряслась земля, и въ теченіи всего этого времени всѣ дѣла остановились вслѣдствіе заботъ и опасеній: трехдневное молебствіе было совершено по этому случаю. — Другой страхъ былъ не пустой, но причинилъ много дѣйствительныхъ бѣдствій. Пожаръ начался отъ Бычьяго рынка, и въ продолженіи дня и ночи горѣли строенія по направленію къ Тибру; при этомъ погибли всѣ лавки съ товарами на огромныя суммы.

41. Годъ уже оканчивался; со дня на день усиливался слухъ о войнѣ съ Антіохомъ и съ тѣмъ вмѣстѣ заботы Сенаторовъ. Начались толки о распредѣленіи провинцій между назначенными сановниками, для того чтобы они всѣ съ большимъ вниманіемъ ими занялись. Сенатъ опредѣлилъ: консуламъ Италію и куда заблагоразсудитъ сенатъ (въ предстоящей войнѣ съ Антіохомъ уже всѣ были увѣрены). Тому изъ консуловъ, кому достанется послѣдній жеребій, предоставлены тѣмъ же декретомъ четыре тысячи пѣшихъ гражданъ Римскихъ, триста всадниковъ, а изъ союзниковъ Латинскаго племени шесть тысячь пѣхоты и четыреста всадниковъ. Наборъ произвесть поручено консулу Л. Квинкцію для того, чтобы новый консулъ могъ, немедленно по выборѣ, отправиться куда его назначитъ сенатъ. Тутъ же состоялся декретъ и о провинціяхъ преторовъ: первый жеребій двойной: право суда въ городѣ и гражданъ съ чужестранцами; второй жеребій — Бруттіи; третій—флотъ (онъ долженъ былъ отправиться по назначенію сената); четвертый— Сицилія; пятый—Сардинія, шестый—дальняя Испанія. Кромѣ того предписано консулу Л. Квинкцію — набрать два новыхъ легіона гражданъ Римскихъ, а союзниковъ изъ Латинскаго племени двадцать тысячь пѣшихъ и восемьсотъ всадниковъ. Войско это сенатъ назначилъ тому претору, которому провинціею достанется земля Бруттіевъ. Въ этомъ году посвящены два храма Юпитеру въ Капитоліѣ: объ одномъ далъ обѣтъ преторъ Л. Фурій Пурпурео во время войны съ Галлами, а о другомъ консулъ; посвятилъ ихъ К. Марцій Ралла дуумвиръ. Въ этомъ году много строгихъ приговоровъ состоялось противъ ростовщиковъ, и при этомъ обвинителями частныхъ лицъ были курульные эдили: М. Туцці й и П. Юній Брутъ. На штрафныя съ осужденныхъ деньги поставлены въ Капитоліѣ позолоченные кони четвернею, и въ келіи Юпитера, надъ святилищемъ, двенадцать позолоченныхъ щитовъ. Эти же эдили сдѣлали портикъ внѣ Тригеминскихъ воротъ, въ кварталѣ лѣсниковъ.

42. Между тѣмъ какъ все вниманіе Римлянъ было обращено на приготовленія къ новой войнѣ, и Антіохъ съ своей стороны не оставался въ бездѣйствіи. Его задерживали три города: Смирна, Александрія Тоасъ и Лампсакъ; до сихъ поръ онъ не могъ ни овладѣть ими силою, ни соблазнить ихъ къ союзу съ собою на выгодныхъ условіяхъ; да и не хотѣлъ, переправляясь въ Европу, оставить ихъ въ тылу. Задерживало его и разсужденіе о томъ, какъ поступить съ Аннибаломъ. Сначала замедлили безпалубныя суда, которыя онъ вмѣстѣ съ нимъ хотѣлъ отправить въ Африку. Потомъ вопросъ о томъ; слѣдуетъ ли его вовсе посылать въ Африку, поднятъ былъ, главное Этолійцемъ Тоантомъ; онъ при общемъ волненіи въ Греціи, указывалъ на то, что Деметріада въ ихъ власти и точно также какъ лживыми и преувеличенными разсказами о силахъ царя, онъ умы многихъ въ Греціи сбилъ съ толку, такими же онъ возбуждалъ надежды царя: «общее желаніе зоветъ его; всѣ сбѣгутся на берегъ, гдѣ только завидятъ флотъ царскій». Далѣе онъ совѣтовалъ: «не нужно отдѣлять часть судовъ отъ флота царскаго; да и если суда необходимо послать, то всего менѣе слѣдуетъ начальство надъ ними ввѣрить Аннибалу. Онъ изгнанникъ, да и притомъ же Карѳагенецъ; съ нимъ въ его намѣреніяхъ, въ продолженіи одного дня, можетъ случиться тысяча перемѣнъ, какъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ, такъ и природныхъ наклонностей. Да и самая воинская слава, которая нераздѣльна съ именемъ Аннибала, слишкомъ ве-

лика будетъ въ полководцѣ царя. Надобно, чтобы вездѣ видѣнъ былъ одинъ царь, чтобы онъ былъ единственнымъ вождемъ и самодержцемъ. Если Аннибалъ потеряетъ войско и флотъ, то вредныя послѣдствія будутъ одни, какъ если бы и другой какой вождь потерялъ ихъ; а если же дѣйствія будутъ удачныя, то слава тогда будетъ удѣломъ Аннибала, а не Антіоха. Если же достанется имъ счастливый удѣлъ во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ побѣдить Римлянъ, то можно ли надѣяться, чтобы Аннибалъ оставался покойно подъвластнымъ царя, если онъ и въ отечествѣ своемъ не могъ оставаться въ покоѣ. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ мечтая о господствѣ надъ земнымъ шаромъ, не такъ онъ себя повелъ, чтобы въ старости могъ подчиниться чьему либо владычеству. Нѣтъ никакой надобности царю дѣлать Аннибала вождемъ, а пусть онъ его возьметъ съ собою на войну спутникомъ. Умѣренное пользованіе такимъ геніемъ будетъ и не опасно, и принесетъ даже долю пользы; если же много отъ него требовать, то это будетъ имѣть вредныя послѣдствія и для дающаго, и для берущаго».

43. Вообще расположены къ зависти умы тѣхъ, которыхъ природныя способности не соотвѣтствуютъ ихъ роду и обстановкѣ: чужая доблесть и все хорошее чужое имъ ненавистны. Немедленно намѣреніе—послать Аннибала—единственное разумное и полезное, придуманное сначала военныхъ дѣйствій, было оставлено. Антіохъ, ободренный особенно отпаденіемъ Деметріады отъ Римлянъ къ Этоламъ, рѣшился не откладывать долѣе похода въ Грецію. Прежде чѣмъ сняться съ якоря, онъ вышелъ на берегъ у Иліона принести жертву Минервѣ. Возвратясь оттуда къ флоту, онъ отправился съ сорока палубными судами и шестидесятью открытыми. За нимъ слѣдовало двѣсти транспортныхъ судовъ съ запасами всякаго рода и военными снарядами. Сначала онъ присталъ къ острову Имбру, потомъ переправился въ Скіатъ. Здѣсь, собравъ въ открытомъ морѣ разсѣявшіяся суда, онъ присталъ къ Птелею, первому мѣсту твердой земли. Тутъ встрѣтили его Еврилохъ и другіе старѣйшины Магнетовъ изъ Деметріады. Съ удовольствіемъ видя,

что ихъ много, Антіохъ на другой день съ судами вошелъ въ городской портъ; войска свои онъ высадилъ не подалеку оттуда; ихъ было: десять тысячъ пѣхоты и пятьсотъ всадниковъ, шесть слоновъ. Силъ этихъ едва было достаточно для прикрытія одной Греціи, не говоря уже о возможности бороться съ Римлянами на войнѣ. Этолы, лишь только было получено извѣстіе о прибытіи Антіоха въ Деметріаду, собрали сеймъ и составили на немъ опредѣленіе о призывѣ царя, а онъ уже выступилъ изъ Деметріады, зная заранѣе, что декретъ будетъ именно таковъ, и дошелъ до Фалары въ Маліакскомъ заливѣ. Получивъ здѣсь опредѣленіе Этолійцевъ, онъ прибылъ въ Ламію, гдѣ и былъ встрѣченъ сильными выраженіями радости народной, рукоплесканіями и криками, вообще всѣмъ, чѣмъ выражается шумный восторгъ толпы.

44. Когда открылось народное собраніе, то царь, съ трудомъ введенный Фенеемъ преторомъ и другими старѣйшинами, по водвореніи общаго молчанія, сталъ говорить рѣчь. Прежде всего онъ извинился, что «прибылъ съ силами, столь мало соотвѣтствующими надеждамъ и предположеніямъ. Его же постояннаго расположенія лучшее доказательство то, что онъ, не изготовившись вполнѣ, и во время для плаванья неблагопріятное, по приглашенію ихъ пословъ немедленно прибылъ въ томъ предположеніи, что, видя его Этолійцы будутъ убѣждены что въ немъ одномъ вся сила Впрочемъ, онъ Антіохъ исполнитъ съ избыткомъ и надежды тѣхъ, которыхъ ожиданія повидимому въ настоящее время обмануты. Какъ только время года сдѣлаетъ море удобнымъ для плаванія, то онъ всю Грецію наполнитъ оружіемъ, воинами, конями, а все ея прибрежье своими флотами. Не посмотритъ онъ ни на издержки, ни на труды, ни на опасности, пока, сбросивъ съ Грековъ иго Римлянъ, не сдѣлаетъ всѣхъ Грековъ свободными и не поставитъ во главѣ ихъ Этолійцевъ. Вмѣстѣ съ войсками придутъ изъ Азіи и подвозы всякаго рода, а теперь Этолійцы должны позаботиться снабдить его войска хлѣбомъ и припасами на сносныхъ условіяхъ.

45. Въ этомъ смыслѣ говорилъ царь — при общемъ всѣхъ одобреніи; по удаленіи царя возникъ споръ между двумя старѣйшинами Этоловъ: Фенеасомъ и Тоантомъ: первый былъ того мнѣнія, что лучше употребить Антіоха не вождемъ на войнѣ, а посредникомъ для мира и судьею въ тѣхъ недоразумѣніяхъ, которыя существуютъ у нихъ съ народомъ Римскимъ: прибытіе его и значеніе будутъ имѣть силы болѣе, чѣмъ оружіе для внушенія уваженія Римлянамъ. Часто случается, что люди для того, чтобы не воевать, добровольно уступаютъ то, къ чему нельзя ихъ вынудить ни войною, ни оружіемъ. Тоасъ съ своей стороны утверждалъ, что не о мирѣ хлопочетъ Фенеасъ, а только хочетъ воспрепятствовать приготовленіямъ къ войнѣ, и того, чтобы и пылъ царя охладѣлъ отъ скуки, и чтобы Римляне имѣли время собраться съ силами. Нѣчего ждать отъ Римлянъ справедливости послѣ столькихъ посольствъ, отправленныхъ въ Римъ, и послѣ столькихъ споровъ съ самимъ Квинкціемъ; опытъ доказалъ это достаточно; да и не потеряй они всякую надежду, не просили бы они помощи отъ Антіоха. А когда онъ явился скорѣе чѣмъ всѣ надѣялись, то не нужно медлить, но необходимо напротивъ умолять царя, чтобы онъ, совершивъ самое главное, то есть прибывъ мстителемъ за Грецію, призвалъ бы къ себѣ свои сухопутныя и морскія силы. Съ оружіемъ въ рукахъ царь добьется чего нибудь, а безоружный не можетъ имѣть ни малѣйшаго вліянія на Римлянъ не только за Этолійцевъ, но и даже самъ за себя. Послѣднее мнѣніе возъимѣло верхъ и Этолійцы положили назначить царя главнокомандующимъ своихъ силъ; избраны тридцать старѣйшинъ для поданія совѣта царю въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ потребуетъ.

46. Тутъ, по распущеніи народнаго собранія, всѣ разошлись по своимъ городамъ. Царь на другой день съ выборными ихъ лицами совѣтовался—откуда начать войну. За лучшее показалось прежде всего напасть на Халкиду, предметъ еще недавняго тщетнаго покушенія Этолійцевъ; необходима для этого скорѣе быстрота дѣйствія, чѣмъ большіе сборы и приготовленія. Вслѣдствіе этого, царь съ тысячею пѣшихъ воиновъ слѣдовавшихъ за нимъ изъ Деметріады, отправился черезъ Фокиду, а другою дорогою старѣйшины Этолійцевъ, вызвавъ съ собою небольшое количество молодыхъ людей, встрѣтились у Херонеи и отправились далѣе съ десятью палубными судами. Царь, ставъ лагеремъ у Салганеи, самъ на судахъ съ старѣйшинами Этоловъ, переправился чрезъ Еврипъ и вышелъ на берегъ недалеко отъ порта. Тутъ явились къ воротамъ города сановники Халкидійцевъ и ихъ старѣйшины. И съ той и съ другой стороны отдѣлилось по немногу лицъ для переговоровъ. Этолы весьма убѣдительно совѣтовали — оставаясь вѣрными дружественному союзу съ Римлянами, пусть они и царя примутъ союзникомъ и другомъ. Перешелъ онъ въ Европу не для внесенія войны, но для освобожденія Греціи и желаетъ онъ освободить ее на дѣлѣ, а не на словахъ и притворно, какъ поступали Римляне. Ничего не можетъ быть полезнѣе для городовъ Греціи, какъ быть въ дружественныхъ отношеніяхъ и съ тою, и другою стороною; такимъ образомъ они постоянно будутъ находить въ одной защиту и опору противъ притязаній другой. Если же они не примутъ царя, то пусть обратятъ вниманіе на то, что они потерпятъ немедленно, между тѣмъ какъ помощь Римлянъ далеко, а непріятель Антіохъ, которому сопротивляться они не имѣютъ достаточно силъ, у воротъ ихъ. На это отвѣчалъ Миктіонъ, одинъ изъ старѣйшинъ: «не понимаетъ онъ, кого освобождать перешелъ въ Европу Антіохъ, бросивъ свое царство. Не знаетъ онъ ни одного города въ Греціи, который или былъ бы занятъ гарнизономъ, или платилъ бы дань Римлянъ или обязанъ былъ бы, по мирному договору, тѣмъ закономъ какого бы онъ не хотѣлъ. А потому Халкидійцы, пользуясь свободою, не нуждаются ни въ какомъ мстителѣ за нее, а также и въ защитѣ, миромъ же и свободою они обязаны благодѣянію Римлянъ; не презираютъ они дружбы ни царя, ни самихъ Этолійцевъ, но лучшимъ доказательствомъ пріязни съ ихъ стороны сочтутъ если они, оставивъ островъ, удалятся. А для нихъ вѣрно то, что не только впустить ихъ въ

городъ, но и вступать съ ними въ дружественныя связи не могутъ они безъ дозволенія Римлянъ».

47. Царю, находившемуся у судовъ, все это было передано; на этотъ разъ (такъ какъ силъ, съ нимъ пришедшихъ, было недостаточно для открытія непріязненныхъ дѣйствій, положено возвратиться въ Деметріаду. Тутъ, такъ какъ первое намѣреніе оказалось неудобоисполнимымъ, царь сталъ совѣтоваться съ Этолійцами, что теперь дѣлать; положено попытать Ахейцевъ и Аминандра, царя Атамановъ. О Бэотійцахъ были они того мнѣнія, что народъ этотъ отклонился отъ Римлянъ еще со смерти Брахилла и послѣдовавшихъ за тѣмъ событій. Относительно Филопемена, старѣйшины Ахейцевъ, полагали, что онъ, вслѣдствіе соревнованія славы въ Лаконской войнѣ, враждебно расположенъ къ ненавистному ему Квинцію. Аминандръ имѣлъ женою Апаму, дочь одного Мегалополитанца, по имени Александра. Тотъ, гордясь происхожденіемъ будто бы отъ Александра Великаго, далъ сыновьямъ имена Филиппа и Александра, а дочери Апамы: за нею, вошедшую въ славу черезъ замужество царя, послѣдовалъ въ Атаманію и старшій братъ ея Филиппъ. Его то, отъ природы тщеславнаго, Этолы и Антіохъ обнадежили престоломъ Македоніи, какъ будто бы онъ въ самомъ дѣлѣ отрасль царскаго рода — въ случаѣ если онъ Аминандра и Атамановъ склонитъ на сторону Антіоха; такія пустыя обнадеживанья имѣли вліяніе не на Филиппа только, но и на Аминандра.

48. Въ Ахаіи для пословъ Антіоха и Этоловъ назначено народное собраніе въ Эгіяхъ въ присутствіи Т. Квинкція. Онъ, по обычаю большинства тѣхъ, которые кормятся богатствами царей, говорилъ много пустаго; звукомъ рѣчей своихъ казалось онъ наполнилъ и море, и землю: «безчисленное множество всадниковъ переправляется черезъ Геллеспонтъ въ Европу, частью въ броняхъ, называются они *катафрактами*, частью дѣйствующіе съ коней стрѣлами;—отъ нихъ ничто не укроется; обративъ тылъ они тѣмъ вѣрнѣе бросаютъ стрѣлы назадъ. Хотя этихъ конныхъ войскъ казалось бы достаточно для подавленія силъ всей

Европы, вмѣстѣ собранныхъ, но онъ присоединилъ пѣхоту разныхъ видовъ и страшилъ именами народовъ, дотолѣ и по слуху мало извѣстныхъ, называлъ онъ Даговъ, Медовъ и Кадузіевъ». Морскихъ силъ, которыхъ всѣхъ вмѣстить въ себѣ не можетъ ни одинъ портъ Греціи, правое крыло составляютъ Сидонцы и Тиряне, лѣвое Араційцы и изъ Памфиліи Сидеты; съ этими народами ни одинъ не въ состояніи бороться ни въ искуствѣ, ни въ храбрости на морѣ. О деньгахъ и другихъ запасахъ къ войнѣ—говорить было бы излишнимъ, сами они знаютъ, что царства Азійскія были постоянно богаты золотомъ; а потому Римлянамъ прійдется имѣть дѣло не съ Филиппомъ, и не съ Аннибаломъ, изъ которыхъ послѣдній былъ старѣйшиною одного города, а другой былъ ограниченъ — предѣлами Македоніи, но съ великимъ государемъ всей Азіи и части Европы. Не смотря на все это, Антіохъ, явясь съ отдаленныхъ краевъ Востока на освобожденіе Греціи, не требуетъ отъ Ахейцевъ ничего такого, чѣмъ бы нарушилась вѣрность ихъ въ отношеніи къ Римлянамъ, первымъ ихъ союзникамъ и друзьямъ. Онъ желалъ не того, чтобы они взялись за оружіе за одно съ нимъ противъ Римлянъ, но того, чтобы они не приставали ни къ той, ни къ другой сторонѣ. Пусть они желаютъ мира обѣимъ, какъ и слѣдуетъ друзьямъ посредникамъ, а въ войнѣ пусть они не принимаютъ участія.» Почти о томъ же просилъ посолъ Этолійцевъ Архидамъ: «чтобы они, и это всего легче и безопаснѣе—оставались спокойными зрителями военныхъ дѣйствій и нисколько не подвергая опасности себя и свои имущества, дожидались исхода чуждой для нихъ борьбы. Затѣмъ неумѣренностью языка былъ онъ вовлеченъ въ брань: то честилъ онъ вообще Римлянъ, то одного Квинкція». Римлянъ называлъ онъ неблагодарными и говорилъ съ упрекомъ, что нетолько побѣдою надъ Филиппомъ обязаны они доблести Ахейцевъ, но и самимъ спасеніемъ; что Квинкцій и войско сохранены его попеченіемъ. Да и въ чемъ онъ Квинкцій, исполнялъ когда либо обязанности полководца? Гадалъ онъ, приносилъ жертвы и давалъ обѣты, какъ жрецъ и гадатель, между тѣмъ

какъ онъ, Архидамъ, подставлялъ за него свое тѣло непріятельскимъ стрѣламъ».

49. На это Квинкцій отвѣчалъ: «Повидимому Архидамъ въ своей рѣчи имѣлъ болѣе въ виду тѣхъ, передъ кѣмъ онъ говорилъ, чѣмъ тѣхъ, къ кому относилась его рѣчь. Ахейцы знаютъ очень хорошо, что вся доблесть Этолійцевъ на словахъ, а не на дѣлѣ, и что она болѣе обнаруживается въ собраніяхъ народныхъ, чѣмъ на полѣ битвы. А потому то мало обращалъ онъ Архидамъ вниманія на мнѣніе Ахейцевъ, такъ какъ достаточно знаютъ они Этоловъ; хвалился онъ передъ послами царя, а черезъ нихъ передъ отсутствующимъ царемъ. И если бы кому нибудь было прежде неизвѣстно, что именно служитъ связью между Антіохомъ и Этолійцами, то можно ему это узнать изъ рѣчей пословъ; обманывая другъ друга и хвалясь силами, которыхъ нѣтъ, возбудили они ложныя надежды, и сами ими возбуждены. Такъ они разсказываютъ, что ими побѣжденъ Филиппъ, что ихъ доблестью защищены Римляне и прочее, что вы только что передъ этимъ выслушали; что вы, и прочіе города и народы не замедлите послѣдовать ихъ примѣру А царь съ своей стороны хвалится безчисленнымъ множествомъ пѣхоты и конницы и устилаетъ моря своими судами. Дѣло это очень похоже на обѣды одного моего Халкидскаго знакомаго, человѣка добраго, и въ дѣлѣ гостепріимства опытнаго. Среди лѣта заѣхавъ къ нему, ласково принятые, мы дивились, откуда у него въ это время столько дичи и притомъ разнаго рода. Хозяинъ нашъ, не на столько хвастливый какъ Этолійцы, отвѣчалъ намъ: разными приправами сдѣлано изъ домашней свиньи это разнообразіе и подобіе дичи. Вотъ тоже самое можно сказать о войскахъ царя, которыми такъ недавно хвалились. Разные роды вооруженій и разныя имена народовъ неслыханныхъ Даговъ, Медовъ, Кадузіевъ, Елимеевъ — все это одни Сирійцы: по ихъ рабскимъ наклонностямъ, они немного лучше невольниковъ и плохіе воины. О если бы я могъ представить глазамъ вашимъ, Ахейцы, походы великаго царя отъ Деметріады какъ въ Ламію, на собраніе Этоловъ, такъ и въ Халкиду! Вы увидали бы въ лагерѣ царя что то такое,

едва похожее на два, да и то неполныхъ, легіончика. Увидали бы вы, что царь то почти, какъ милостыни, проситъ хлѣба у Этолійцевъ для выдачи войскамъ; то ищетъ денегъ взаймы за большіе проценты для выдачи воинамъ. Вотъ онъ сталъ было у воротъ Халкиды; сразу туда недопущенный, полюбовался онъ только Авлидою и Еврипомъ и, ничего несдѣлавъ болѣе, вернулся въ Этолію. Дурно сдѣлали, что повѣрили и Антіохъ Этолійцамъ и Этолійцы царскому тщеславію. Тѣмъ менѣе слѣдуетъ впасть въ обманъ вамъ, но лучше повѣрьте столько разъ испытанной и доказанной вѣрности Римлянъ. А что они совѣтуютъ вамъ, какъ лучше, чтобы вы не мѣшались въ войну, то нельзя ничего придумать менѣе согласнаго съ вашими выгодами. Безо всякой милости и съ утратою всякаго собственнаго достоинства, вы сдѣлаетесь готовою добычею побѣдителя»

50. Дѣльнымъ показался отвѣтъ Квинкція и тому и другому посольству, да и при расположеніи слушающихъ въ пользу оратора, не трудно было заслужить ихъ одобреніе. Не было ни споровъ, ни колебаній и всѣ положили: народу Ахейскому имѣть друзьями и врагами тѣхъ, кого считаетъ такими народъ Римскій; Антіоху и Этолійцамъ объявить войну. Вспомогательные отряды были отправлены немедленно, согласно съ мнѣніемъ Квинкція, 500 воиновъ въ Халкиду и пятьсотъ въ Пирей; въ Аѳинахъ дѣло почти доходило до открытаго возмущенія. Нѣкоторые склоняли на сторону Антіоха продажную чернь надеждою денежныхъ раздачъ. Наконецъ тѣми, которые были на сторонѣ Римлянъ, приглашенъ Квинкцій и, по обвиненію одного Леонта, Аполлодоръ, виновникъ отпаденія, подвергся осужденію и отправленъ въ ссылку. И отъ Ахейцевъ посольство вернулось къ царю съ непріятнымъ отвѣтомъ. Бэотійцы не отвѣтили ничего положительнаго: «пусть Антіохъ прійдетъ въ Беотію и тогда они подумаютъ, какъ поступить.» Антіохъ, услыхавъ, что отряды отправлены въ Халкиду и Ахейцами, и Евменомъ царемъ, рѣшился поспѣшить—послать своихъ напередъ, да и чужихъ нельзяли какъ нибудь перехватить, онъ отправилъ Мениппа почти съ тремя тысячами воиновъ, а Поликсе-

нида со всѣмъ флотомъ; самъ же немного дней спустя выступилъ съ шестью тысячами своихъ воиновъ, взявъ и небольшое число Этолійцевъ, изъ тѣхъ, которые на скоро могли быть набраны въ Ламіѣ. Пятьсотъ Ахейцевъ и небольшое вспоможеніе, посланное Евменомъ царемъ подъ начальствомъ Ксеноклида Халкидійца по дорогамъ, еще не занятымъ непріятелемъ, перешли черезъ Еврипъ и прибыли въ Халкиду. Воины Римскіе, ихъ было тоже около пятисотъ, пришли тогда, когда уже Менинпъ стоялъ лагеремъ передъ Салганеею, у Гермея, въ томъ мѣстѣ, гдѣ бываетъ переходъ изъ Беотіи въ Евбею. Съ ними находился Миктіонъ, тотъ самый который былъ посланъ изъ Халкиды къ Квинкцію — просить этого самаго вспоможенія. Онъ, видя, что тѣснины заняты непріятелемъ, оставилъ движеніе въ Авлиду, и повернулъ въ Делій, съ цѣлью оттуда переправиться въ Евбею.

51. Въ Деліѣ есть храмъ Аполлона на самомъ берегу моря, въ разстояніи пяти тысячь шаговъ отъ Танагры: Отсюда переѣздъ въ Евбею по морю на ближайшій ея пунктъ менѣе четырехъ миль. Здѣсь въ храмѣ и рощѣ, которые пользовались такими же правами святости и общаго уваженія, какъ тѣ храмы, которые Греки называютъ азилами (пріютами) — притомъ же война не была объявлена и еще не было слуху, чтобы гдѣ нибудь были извлечены мечи или проливалась кровь, воины предавались полному спокойствію; одни смотрѣли храмъ и рощу, другіе безъ оружія ходили по берегу, а большая часть разсѣялась по полямъ собирать дрова и фуражъ. Вдругъ Менипнъ, напавъ на разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ воиновъ, ихъ побилъ, а до 50 взялъ живьемъ въ плѣнъ. Весьма немногіе убѣжали, и въ томъ числѣ Миктіонъ принятъ на не большое транспортное судно. Это происшествіе было непріятно для Квинкція и Римлянъ вслѣдствіе потери воиновъ, и вмѣстѣ служило нѣкоторымъ оправданіемъ къ начатію войны съ Антіохомъ. Онъ придвинулъ войско къ Авлиду и снова отправилъ ораторами въ Калкиду частью своихъ, частью Этолійцевъ. Они повторили то же что и прежде, но съ большими угрозами; тщетны были противъ ихъ рѣчей усилія Миктіона и Ксено-

клида, и потому Антіохъ легко успѣлъ, что ворота города ему были отворены. Принадлежавшіе къ Римской партіи вышли изъ города къ прибытію царя. Воины Ахейцевъ и Евмена занимали Салганею. Въ Еврипѣ Римскіе воины, не смотря на свою малочисленность, возводили укрѣпленіе съ цѣлью обереженія страны. Противъ Салганеи дѣйствовалъ Менинпъ, а на укрѣпленіе Римлянъ рѣшился напасть самъ царь. Первые Ахейцы и воины Евмена условились, чтобы они безпрепятственно могли уйдти и оставили свой постъ. Упорнѣе Римляне защищали Еврипъ; но и они, подвергшись осадѣ и съ моря и съ берега и видя, что подвозятъ осадныя орудія и машины, не выдержали приступа. Когда царь получилъ въ свою власть городъ, который считался главою Евбеи, то и прочіе города острова не стали болѣе сопротивляться его власти. Съ большимъ успѣхомъ, казалось царю, началъ онъ войну, подчинивъ своей власти столь большой островъ и столько важныхъ городовъ.

КНИГА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

1. Консуламъ П. Корнелію, сыну Кнея Сципіона, и М. Ацилію Глабріону, какъ только они вступили въ отправленіе должности, сенатъ, прежде чѣмъ они занялись своими провинціями, приказалъ почтить боговъ великими жертвами во всѣхъ храмахъ, гдѣ въ продолженіи большей части года, бываетъ обрядъ постиланія ложей (lectixternium) и молить о томъ, чтобы намѣреніе сената относительно наступающихъ военныхъ дѣйствій, имѣло для сената и народа Римскаго благополучный и счастливый исходъ. Всѣ жертвоприношенія совершены вполнѣ удачно, и первыми жертвами боги были умилостивлены. Гадатели дали отвѣтъ, что въ этой войнѣ предѣлы владѣній народа Римскаго расширятся, и что предвѣщаются побѣда и торжество. Когда такой отвѣтъ гадателей сдѣлался извѣстенъ, и умы освободились отъ религіозныхъ опасеній, то сенаторы приказали предложить народу: «повелитъ ли онъ начать войну съ Антіохомъ и со всѣми, кто присталъ къ его партіи?» Если это предложеніе пройдетъ, тогда консулы, если заблагоразсудятъ, пусть предложатъ все дѣло на обсужденіе сената. П. Корнелій предложилъ на рѣшеніе гражданъ вышеупомянутый вопросъ. Тогда сенатъ опредѣлилъ: консуламъ бросить жеребій о провинціяхъ Италіи и Греціи; а кому достанется Греція, тотъ долженъ былъ, кромѣ того количества воиновъ, которое Л. Квинкцій для этой провинціи набралъ по предписанію сената, принять и то войско, которое преторъ Бебій за годъ передъ тѣмъ переправилъ въ Македонію по опредѣленію сената. Позволено ему и внѣ Италіи, если того потребуютъ обстоятельства, набрать у союзниковъ вспомогательныя войска, но въ количествѣ

не болѣе пяти тысячъ человѣкъ. Положено отправить на эту войну Л. Квинкція прошлогодняго консула. Другой консулъ, которому Италія достанется провинціею, получилъ приказаніе вести войну съ Боіями съ любымъ войскомъ изъ двухъ, бывшихъ у прежнихъ консуловъ, а какое останется отправить въ Римъ, и чтобы эти городскіе легіоны были готовы двинуться по указанію сената.

2. Такимъ образомъ опредѣлено въ сенатѣ, какая кому принадлежитъ провинція, и тутъ то наконецъ заблагоразсудили консуламъ бросить жеребій: Ацилію досталась Греція, Корнелію Италія. Узнавъ жеребій, сенатъ постановилъ такое опредѣленіе: «такъ какъ теперь народъ Римскій опредѣлилъ вести войну съ царемъ Антіохомъ и тѣми, которые подъ его властью, то по этому случаю консулы должны назначить молебствіе. Консулъ М. Ацилій долженъ дать Юпитеру обѣтъ большихъ игръ и даровъ во всѣ капища.» Обѣтъ далъ консулъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ, по указанію первосвященника П. Лицинія: «буде война, которую народъ Римскій повелѣлъ вести съ царемъ Антіохомъ, окончится согласно желаніямъ сената и народа Римскаго, тогда тебѣ, Юпитеръ, народъ Римскій дастъ великія игры въ продолженіи безпрерывно десяти дней, и будутъ принесены во всѣ капища денежные дары, количество которыхъ опредѣлитъ сенатъ. Какой бы сановникъ, въ какое бы то нибыло время и въ какомъ бы то нибыло мѣстѣ совершилъ эти игры, то считать игры совершенными, и дары данными правильно.» Вслѣдствіе этого обоими консулами назначено молебствіе въ продолженіи двухъ дней. Какъ только консулы по жеребью распредѣлили провинціи, тотчасъ и преторамъ данъ жеребій: М. Юнію Бруту досталось право суда и того и другаго рода въ городѣ, А. Корнелію Маммулѣ—Бруттіи, М. Эмилію Лепиду—Сицилія, Л. Оппію Салинатору—Сардинія, К. Ливію Салинатору—флотъ, Л. Эмилію Павллу—дальняя Испанія. Имъ распредѣлены войска такъ: А. Корнелію даны воины, вновь набранные въ предшествовавшемъ году Л. Квинкціемъ консуломъ согласно сенатскаго декрета; ему поручено прикрывать весь бе-

регъ около Тарента и Брундизія. Л. Эмилію Павлу въ дальнюю Испанію кромѣ войска, которое онъ приметъ отъ пропретора М. Фульвія, велѣно взять съ собою вновь набранныхъ воиновъ пѣхотинцевъ три тысячи и конныхъ триста, такъ чтобы въ нихъ находилось двѣ трети союзниковъ Латинскаго племени, и одна треть Римскихъ гражданъ. Такое же подкрѣпленіе отправлено къ К. Фламинію, которому власть продолжена, въ ближнюю Испанію. М. Эмилію Лепиду повелѣно принять вмѣстѣ и провинцію и войско отъ Л. Валерія, котораго мѣсто онъ долженъ былъ заступить. Л. Валерія, если ему заблагоразсудится, онъ могъ оставить пропреторомъ въ провинціи, раздѣливъ ее такъ, чтобы отъ Агригента къ Пахину была одна часть, а отъ Пахина къ Тиндарію другая. Морское прибрежье въ тѣхъ мѣстахъ долженъ былъ прикрывать Л. Валерій съ двадцатью длинными судами. Тому же претору поручено, потребовать—двѣ десятины *) хлѣба и принять мѣры къ тому, чтобы довезть этотъ хлѣбъ и отправить въ Грецію. Тоже самое повелѣно и Л. Оппію относительно истребованія хлѣбныхъ десятинъ въ Сициліи, но послѣдній хлѣбъ велѣно отправить не въ Грецію, а въ Римъ. Преторъ К. Ливій, которому достался флотъ, получилъ приказаніе — съ тридцатью готовыми судами переправиться въ Грецію, какъ можно поспѣшнѣе, и принять суда отъ Атилія. Старыя суда, находившіяся на верфяхъ, повелѣно М. Юнію Претору починить и вооружить, и набрать на эти суда матросовъ изъ вольноотпущенниковъ.

3. По три посла отправлены къ Карѳагенянамъ и въ Нумидію просить хлѣба съ тѣмъ, чтобы его перевезть въ Грецію, а деньги за него заплатитъ народъ Римскій. И до такой степени вниманіе и забота гражданъ были обращены на эту войну, что консулъ П. Корнелій объявилъ: «сенаторы и всѣ лица, которыя имѣютъ право высказывать мнѣнія въ сенатѣ, и менѣе значительныя должностныя лица не должны удаляться изъ Рима

*) Сборъ десятою частью.

иначе какъ на такое разстояніе, откуда можно вернуться тѣмъ же днемъ, и чтобы въ одно и тоже время болѣе пяти сенаторовъ не отлучались изъ города.» Дѣятельно занялся флотомъ преторъ К. Ливій, но тутъ его немного задержалъ споръ съ приморскими колоніями. Когда ихъ стали принуждать къ морской службѣ, они жаловались трибунамъ народнымъ, а тѣ ихъ отослали къ сенату, который единогласнымъ рѣшеніемъ постановилъ, что колоніи не избавлены отъ морской службы. Остія, Фрегены, Каструмъ-Новумъ, Пирги, Антій, Таррачина, Минтурны и Синуесса — вотъ какія колоніи спорили съ преторомъ о льготахъ. Потомъ консулъ М. Ацилій, вслѣдствіе сенатскаго опредѣленія, доложилъ коллегію феціаловъ: «самому ли царю Антіоху должна быть объявлена война, или могутъ быть извѣщены объ этомъ его отряды? Повелятъ ли они Этоламъ отдѣльно объявить войну? Не слѣдуетъ ли, прежде чѣмъ объявить войну—отказать имъ въ союзѣ и дружбѣ?» Феціалы отвѣчали: «еще прежде они, когда спрашивали ихъ мнѣнія относительно Филиппа, объявили: что все равно объявить войну ему самому, или передъ его войсками. Отказъ въ дружбѣ самъ по себѣ ясенъ, когда посламъ на ихъ требованія, столько разъ высказанныя, ничего не сдѣлано, и вообще признано за благо — не давать никакого удовлетворенія. Что же касается до Этоловъ, то они сами объявили войну, когда Деметріаду, союзный городъ, заняли силою, съ моря и суши аттаковали Халкиду; царя Антіоха перевели въ Европу, для нанесенія войны народу Римскому.» Когда уже достаточно было приготовленій, то консулъ М. Ацилій объявилъ: «какихъ воиновъ набралъ Л. Квинкцій и которыхъ потребовалъ отъ союзниковъ Латинскаго племени—всѣмъ имъ надлежало идти съ нимъ въ провинцію—а также и трибунамъ воиновъ перваго и третьяго легіона, всѣмъ собраться въ Брундизій въ Майскіе Иды.» Самъ онъ наканунѣ пятаго дня Майскихъ Нонъ вышелъ изъ города въ военномъ облаченіи. Въ это же время и преторы отправились въ свои провинціи.

4. Около этого же времени пришли послы отъ двухъ царей;

Филиппа Македонскаго и Птоломея Египетскаго, обѣщая на войну вспоможенiе, деньги и хлѣбъ. Птоломей доставилъ тысячу фунтовъ золота и двадцать тысячъ фунтовъ серебра; отъ него ничего не принято. Царей поблагодарили; а такъ какъ и тотъ, и другой обѣщался, что придетъ со всѣми войсками въ Этолiю и приметъ участiе въ войнѣ, то Птоломей отъ этого избавленъ, а посламъ Филиппа данъ отвѣтъ — сенатъ и народъ Римскiй будутъ ему очень благодарны, если онъ не откажетъ въ своемъ содѣйствiи консулу М. Ацилiю. И отъ Карѳагенянъ и Царя Масиниссы пришли послы. Первые обѣщались доставить къ войску тысячу мѣръ пшеницы и пятьдесятъ тысячъ ржи, а половину этого количества въ Римъ. Они просили Римлянъ принять это въ даръ; флотъ они обѣщались снарядить на свой счетъ и денежную контрибуцiю, которую они должны были выплатить въ разные сроки, въ продолженiи многихъ лѣтъ, брались теперь же отдать всю разомъ. Послы Масиниссы предлагали—отправить въ Грецiю пятьдесятъ тысячъ мѣръ пшеницы и триста тысячъ мѣръ ржи, а въ Римъ триста тысячъ мѣръ пшеницы и 250 тыс. мѣръ ржи; Царь брался отправить къ консулу Ацилiю—пятьсотъ всадниковъ и 20 слоновъ. Относительно хлѣба данъ отвѣтъ и тѣмъ и другимъ, что народъ Римскiй воспользуется имъ, если только за него возьмутъ деньги. Относительно флота, Карѳагеняне уволены кромѣ того, сколько они судовъ обязаны по мирному договору. Относительно денежнаго взноса данъ отвѣтъ, что онъ не будетъ принятъ ранѣе назначеннаго срока.

5. Между тѣмъ какъ это происходило въ Римѣ, Антiохъ въ Халкидѣ, не желая и на зимнихъ квартирахъ безъ пользы тратить время, частью самъ старался дѣйствовать на умы гражданъ черезъ своихъ пословъ, частью они къ нему засылали. Такъ пришли Епироты по общему согласiю всего народа, и и Елейцы изъ Пелопонеса. Елейцы просили помощи противъ Ахейцевъ въ томъ убѣжденiи, что они, такъ какъ война объявлена Антiоху противъ ихъ Елейцевъ желанiя, прежде всего нападутъ на нихъ съ оружiемъ въ рукахъ. Къ нимъ отправлено тысячу человѣкъ пѣхоты съ вождемъ Евфаномъ, изъ Крита. Что касается до посольства Епиротовъ, то оно не обнаруживало вовсе ни свободы, ни чистосердечiя въ какую либо сторону. Хотѣли они и заслужить расположенiе царя и опасались какъ бы не оскорбить Римлянъ. Они просили: не вводить ихъ легкомысленно въ отвѣтъ, такъ какъ они, живя къ сторонѣ Италiи, болѣе всей Грецiи подвергаются опасности, и имъ угрожаютъ первые удары Римлянъ. Но если царю возможно самому со всѣми сухопутными и морскими силами заслонить Епиръ, то его охотно всѣ Епироты допустятъ въ свои города и пристани; если же онъ этого сдѣлать не въ состоянiи, то они его умоляютъ — ихъ безоружныхъ и беззащитныхъ не отдавать на жертву войны съ Римлянами». Ясно было, что это посольство имѣло цѣлью—или удержать царя отъ Епира—и это они считали вѣроятнѣе и въ такомъ случаѣ они, оставаясь совершенно правыми въ отношенiи къ войскамъ Римскимъ, прiобрѣли бы вмѣстѣ и благорасположенiе царя, такъ какъ они изъявляли готовность принять его въ случаѣ его прихода. Да и въ случаѣ, еслибы царь дѣйствительно пришелъ, у нихъ оставалась надежда на прощенiе со стороны Римлянъ, такъ какъ они вынуждены будутъ уступить силѣ, не имѣя возможности дождаться отъ нихъ пособiя по отдаленности. Этому посольству, столь замысловатому, не находя немедленно готоваго отвѣта, царь отвѣчалъ, что отправитъ къ нимъ своихъ пословъ, и тѣ переговорятъ съ ними о томъ, что относится до интересовъ обѣихъ сторонъ.

6. За тѣмъ царь отправился въ Беотiю; та повидимому имѣла причины, о которыхъ мы говорили выше, негодовать противъ Римлянъ, а именно за убiйство Брахилла и за нападенiе Квинкцiя на Коронею, вслѣдствiе избiенiя Римскихъ воиновъ; на самомъ же дѣлѣ, въ теченiи нѣсколькихъ столѣтiй, нѣкогда отличная нравственность народа, стала приходить въ упадокъ, и многiе были въ такомъ положенiи, въ какомъ оставаться долго безъ желанiя перемѣны не могли. Со всѣхъ сторонъ являлись къ царю Беотiйскiе старѣйшины и онъ прибылъ въ Ѳивы. Тутъ онъ въ народномъ собранiи не смотря на то, что

у Делія аттаковалъ Римскій отрядъ, да и у Халкиды началъ войну не шутя и несомнительнымъ образомъ — однако началъ говорить въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ и при первыхъ переговорахъ въ Халкидѣ, и въ какомъ говорили его послы на сеймѣ Ахейцевъ;—онъ требовалъ, чтобы они вступили съ нимъ въ дружественныя отношенія, не начиная через то войны съ Римлянами. Но кажется никого онъ не обманулъ, къ чему дѣло клонится. Состоялось опредѣленіе въ пользу Антіоха противъ Римлянъ въ выраженіяхъ довольно ясныхъ, хотя и прикрытыхъ. Присоединивъ къ себѣ и этотъ народъ, царь воротился въ Халкиду, и оттуда послалъ впередъ письмо о томъ, чтобы старѣйшины Этоловъ собрались въ Деметріаду, такъ какъ онъ хочетъ съ ними переговорить о предметахъ первой важности; онъ прибылъ туда на судахъ къ дню, назначенному для совѣщанія. И Аминандръ призванъ изъ Атамании для того же. Аннибалъ Карѳагенянинъ, давно уже не приглашаемый, присутствовалъ на этомъ совѣщаніи. Толковали о Ѳессалійцахъ, и всѣ присутствовавшіе положили испытать ихъ расположеніе; въ томъ только раздѣлились мнѣнія, что одни совѣтовали дѣйствовать немедленно, а другіе отложить до наступленія весны; въ то время зима была въ половинѣ. Одни говорили, что нужно только отправить пословъ, а другіе утверждали, что необходимо двинуть туда и всѣ войска и подѣйствовать страхомъ на случай ихъ нерѣшимости.

7. Между тѣмъ какъ почти все преніе вертѣлось на этомъ вопросѣ, Аннибалъ, будучи спрошенъ о мнѣніи, обратилъ вниманіе царя и всѣхъ присутствовавшихъ на мысль общей войны такими словами: «еслибы я былъ призываемъ въ совѣтъ съ того времени, какъ мы переправились въ Грецію, когда дѣло шло объ Евбеѣ, Ахейцахъ, Беотіи, то я высказалъ бы тогда же то мнѣніе, которое объясню теперь, говоря о Ѳессалійцахъ. Я полагаю, что для насъ необходимо прежде всего—во чтобы то ни стало вовлечь въ нашу войну Филиппа и Македонцевъ. Что касается до Евбеи, Беотійцевъ и Ѳессалійцевъ, то кто же можетъ усумниться въ томъ, что народы сами по себѣ безсильные, постоянно льстятъ тѣмъ, кто на лицо, слѣдуя внушеніямъ одного страха и, подъ вліяніемъ его же, стараются испросить прощеніе? Лишь только увидятъ они Римское войско въ Греціи, не обратятся ли они къ власти уже привычной? Да и не будетъ имъ въ вину то, что они, между тѣмъ какъ Римляне находились далеко, не захотѣли испытать на себѣ силу твою и твоего готоваго войска? И такъ во сколько разъ лучше и важнѣе присоединить къ намъ Филиппа, чѣмъ ихъ? Филиппу, если только онъ разъ приметъ участіе въ этомъ дѣлѣ, нѣчего будетъ надѣяться въ будущемъ; а онъ принесетъ съ собою такія силы, которыя будутъ не просто пособіемъ для войны, такъ какъ еще недавно Римляне едва устояли противъ нихъ однихъ. Присоединивъ Филиппа, смѣло могу сказать—сомнѣваться въ успѣхѣ невозможно. Тѣ силы, которыми Римляне пользовались противъ Филиппа, теперь обращены противъ нихъ самихъ. Этолы, побѣдившіе Филиппа, какъ это всѣмъ извѣстно, теперь будутъ сражаться съ нимъ противъ Римлянъ. Аминандръ и народъ Атамановъ, которыхъ содѣйствіе въ той войнѣ было самое важное послѣ Этоловъ, будутъ находиться на нашей сторонѣ. Тогда Филиппъ одинъ, такъ какъ ты оставался въ покоѣ, выдерживалъ такую тягость войны; а теперь два самыхъ могущественныхъ государя, располагая силами Азіи и Европы, противъ одного народа (не буду говорить о перемѣнахъ счастія бывшихъ со мною), который во время нашихъ предковъ не могъ справиться съ царемъ Епиротовъ только (а что онъ былъ бы въ сравненіи съ вами?), будутъ вести съ нимъ войну. Что же меня обнадеживаетъ возможностью привлечь Филиппа въ нашъ союзъ? Первое—общая польза, лучшее ручательство дружественныхъ отношеній; а другое—ваши же собственныя слова, Этолы. Вашъ же посолъ, здѣсь присутствующій, Тоасъ, въ числѣ другихъ убѣжденій, которыми вызывалъ въ Грецію Антіоха, неоднократно и постоянно утверждалъ особенно то, что Филиппъ негодуетъ и съ трудомъ выноситъ узы рабства, наложенные на него подъ предлогомъ мирнаго договора. Не разъ онъ сравнивалъ сдержанное негодованіе царя съ раздраженіемъ дикаго звѣря, свя-

заннаго и запертаго, полнаго желанія вырваться изъ клѣтки. Если дѣйствительно таково расположеніе ума Филиппа, то развяжемъ его узы и разломаемъ ему клѣтку; дадимъ ему возможность излить на нашихъ общихъ враговъ давно сдержанный гнѣвъ. Если же наше посольство на него нисколько не подѣйствуетъ, тогда мы, и не будучи въ состояніи присоединить его къ намъ, по крайней мѣрѣ примемъ мѣры, чтобы онъ не имѣлъ возможности присоединиться къ нашимъ врагамъ. Сынъ твой, Селевкъ, находится въ Лизимахіи: если онъ съ войскомъ, у него находящимся, черезъ Ѳракію начнетъ опустошать ближайшія мѣста Македоніи, то очень понятно, что Филиппъ удержится отъ подачи помощи Римлянамъ, и предпочтетъ лучше защищать свои собственныя владѣнія. Теперь тебѣ извѣстно мое мнѣніе относительно Филиппа, а образъ моихъ мыслей о войнѣ вообще не былъ тебѣ незнакомъ еще сначала. Послушай ты меня тогда, Римляне услыхали бы теперь не о занятіи Халкиды въ Евбеѣ и взятіи Еврипскаго укрѣпленія, но о томъ, что пламя войны охватило Этрурію, Лигуровъ и Цизальпинскую Галлію и — что особенно обдало бы ихъ ужасомъ — что Аннибалъ въ Италіи. И теперь я полагаю: призови къ себѣ всѣ твои морскія и сухопутныя силы; пусть послѣдуютъ за ними транспортныя суда съ припасами всякаго рода, потому что хотя здѣсь насъ и мало для обязанностей войны, но слишкомъ много по недостатку припасовъ. Сосредоточивъ всѣ твои силы, часть флота поставь около Корциры, для того чтобы переправа Римлянамъ не была свободна и безопасна, а другую часть отправь къ берегамъ Италіи, обращеннымъ къ Сардиніи и Африкѣ; самъ со всѣми сухопутными силами двинься въ Буллинскую область. Оттуда ты будешь повелѣвать Греціею, вмѣстѣ угрожая Римлянамъ переправою и даже переправившись, если это будетъ нужно. Вотъ мои совѣты, и хотя я не могу похвалиться, чтобы я ужъ въ каждой войнѣ былъ очень опытенъ, но съ Римлянами вести войну конечно узналъ я цѣною успѣховъ и неудачъ моихъ. Во всемъ, что я совѣтовалъ, обѣщаю свое содѣй-

ствіе вѣрное и дѣйствительное, и пусть боги благословятъ то мнѣніе, которое тебѣ покажется за лучшее.

8. Такова была рѣчь Аннибала, и ее болѣе одобрили присутствовавшіе въ то время, чѣмъ осуществили ее на дѣлѣ. Изъ его совѣтовъ ничего не приведено въ исполненіе, развѣ только то, что отправленъ Поликсенидъ—привести изъ Азіи флотъ и войска. Отправлены послы въ Лариссу, на сеймъ Ѳессалійцевъ. Этоламъ и Аминандру назначенъ день, въ который они должны были явиться къ войску въ Феры. Туда же немедленно прибылъ и царь съ своими войсками. Пока онъ здѣсь дожидался Аминандра и Этоловъ, онъ отправилъ Филиппа Мегалополитанца съ двумя тысячами воиновъ собрать кости Македонянъ около Кинокефалъ, гдѣ происходило сраженіе съ Филиппомъ, имѣвшее рѣшительное вліяніе на войну. Послушалъ ли Антіохъ убѣжденій Мегалополитанца, который хотѣлъ заслужить расположеніе Македонянъ и указать на недостойный поступокъ ихъ царя, оставившаго своихъ воиновъ безъ погребенія; послѣдовалъ ли влеченію, свойственнаго царямъ тщеславія—дѣлать то, что бросается въ глаза, на дѣлѣ же не ведетъ ни къ чему. Насыпали холмъ, собравъ въ одно мѣсто кости, разсѣянныя въ разныхъ мѣстахъ. Поступокъ этотъ не стяжалъ ни малѣйшей благодарности со стороны Македонянъ, а въ Филиппѣ возбудилъ сильную ненависть. А потому онъ, дотолѣ имѣвшій намѣреніе подождать указаній счастія, немедленно послалъ къ пропретору М. Бебію: «Антіохъ въ Ѳессалію произвелъ нападеніе; не заблагоразсудитъ ли онъ оставить зимнія квартиры? Онъ выступитъ къ нему на встрѣчу для того, чтобы посовѣтоваться, какъ надобно поступить».

9. Къ Антіоху, уже ставшему лагеремъ у Феръ, по присоединеніи къ нему Этоловъ и Аминандра, пришли послы отъ Лариссы, спрашивая: за какой поступокъ или слова Ѳессалійцевъ, нападаетъ онъ на нихъ? И вмѣстѣ они умоляли его, отведя войско, черезъ посольство потолковать съ ними о всемъ, что ему нужно. Въ это же время отправили они въ Феры гарнизонъ изъ пятисотъ воиновъ, подъ начальствомъ Гипполоха;

но тѣ не имѣли возможности войдти въ городъ, такъ какъ всѣ дороги были уже заняты царскими войсками и удалились въ Скотуссу. Посламъ Лариссейцевъ царь отвѣчалъ ласково: «что онъ вошелъ въ Ѳессалію не войну весть, но для самихъ Ѳессалійцевъ—упрочить и защитить ихъ свободу». Посланъ и въ Феры сказать тоже жителямъ этого города. Не давъ этому посланцу никакого отвѣта, сами Ферейцы отправили посла къ царю—старѣйшину города, Павзанія. Такъ какъ онъ высказалъ почти тоже, что въ подобномъ дѣлѣ было говорено Халкидійцами при переговорахъ у Еврипа, а кое что еще рѣзче, то царь приказалъ имъ—подумать да и подумать хорошенько, какъ бы имъ не остановиться на такомъ рѣшеніи, въ которомъ они, черезъ чуръ предусматривая и остерегаясь въ будущемъ—весьма скоро будутъ раскаиваться. Какъ только въ Ферахъ былъ полученъ отчетъ въ этомъ посольствѣ, то жители нисколько не колебались—потерпѣть за вѣрность къ Римлянамъ, чтобы ни принесъ съ собою жребій войны; а потому и они сосредоточивали всѣ усилія къ защитѣ города, и царь въ одно и тоже время со всѣхъ сторонъ сталъ приступать къ стѣнамъ и притомъ такъ, какъ человѣкъ, который понималъ — и это было вполнѣ справедливо—что отъ судьбы того города, на который произведено первое нападеніе, будетъ зависѣть —или навлечь пренебреженіе отъ всего племени Ѳессалійцевъ, или внушить страхъ ему; всѣми средствами старался причинить ужасъ осажденнымъ. Первый натискъ нападающихъ жители выдержали довольно твердо; но потомъ, когда многіе защитники были частью перебиты, частью переранены, начали упадать духомъ. Напоминаніями начальниковъ ободренные оставаться вѣрными первоначальному рѣшенію, оставили наружный кругъ стѣнъ по недостатку силъ, удалились во внутреннюю часть города, обнесенную укрѣпленіями гораздо меньшаго объема. Наконецъ изнемогли они подъ бременемъ золъ и опасаясь, какъ бы имъ при взятіи города силою, не было никакой пощады, покорились. Царь нисколько не медля, пока еще было свѣжо впечатлѣніе ужаса, отправилъ въ Скотуссу четыре тысячи вооруженныхъ воиновъ. Городъ

этотъ не замедлилъ покориться, видя свѣжій примѣръ Ферейцевъ, которые должны же были наконецъ, уступя силѣ, сдѣлать то, въ чемъ было прежде упорно отказали; вмѣстѣ съ городомъ выданы были Гипполохъ и гарнизонъ Лариссейцевъ. Царь отпустилъ ихъ всѣхъ безо всякаго вреда, въ томъ убѣжденіи, что такой его поступокъ будетъ имѣть большое вліяніе на пріобрѣтеніе ему расположенія ихъ согражданъ.

10. Совершивъ все это десятымъ днемъ по прибытіи въ Феры, царь отправился со всѣмъ войскомъ къ Кранону, и взялъ его при первомъ появленіи. Вслѣдъ за тѣмъ занялъ онъ Циперу и Метрополисъ съ лежащими около нихъ укрѣпленіями, и уже почти вся та область, за исключеніемъ Атраца и Гиртона, была въ его власти. Тутъ онъ рѣшился напасть на Лариссу; онъ полагалъ, что городъ этотъ недолго будетъ упорствовать подъ вліяніемъ или ужаса, видя паденіе столькихъ городовъ, или благодѣянія вслѣдствіе безплатнаго отпущенія гарнизона, наконецъ примѣра столькихъ покорившихся городовъ. Приказавъ гнать впередъ строй слоновъ для внушенія ужаса, царь, расположивъ войско въ видѣ квадрата, подступилъ къ городу: онъ имѣлъ цѣлью вкинуть въ умы большой части Лариссейскихъ гражданъ сомнѣніе и колебаніе между страхомъ, бывшаго на лицо, врага и уваженіемъ къ союзникамъ, находившимся далеко. Въ тоже время Аминандръ съ молодежью Атамановъ занялъ Пеллиней, и Менипъ съ тремя тысячами пѣшихъ Этолійцевъ и двумя стами всадниковъ отправился въ Перребію, взялъ тамъ силою Маллое и Циретію и опустошилъ область Триполитанскую. Совершивъ это поспѣшно они вернулись къ царю у Ларисcы, и пришли къ совѣщанію о томъ, что дѣлать съ Лариссою. Тутъ мнѣнія были разныя: одни полагали—немедленно употребить силу, и съ осадными работами и орудіями разнаго рода, приступить со всѣхъ сторонъ разомъ къ стѣнамъ города, расположеннаго на ровномъ мѣстѣ и доступъ къ которому съ поля вездѣ открытъ. Другіе же указывали на силы города, которыя ни въ какомъ случаѣ нельзя сравнить съ силами Феры, и напоминали прибли-

женіе зимы, времени года неблагопріятнаго для осады и приступа городовъ. Между тѣмъ какъ царь оставался въ нерѣшимости между страхомъ и надеждою, прибавилось въ немъ смѣлости, когда изъ Фарсала пришли послы съ изъявленіемъ покорности. Между тѣмъ М. Бебій, свидѣвшись съ Филиппомъ въ землѣ Дассаретіевъ, отправилъ Ап. Клавдія по общему совѣту защищать Ларису, и тотъ поспѣшными переходами пришелъ черезъ Македонію на горный хребетъ, находящійся надъ Гонами. Этотъ городъ находится въ 20 миляхъ отъ Ларисы въ самихъ тѣснинахъ ущелья, называемаго Темпе. Здѣсь раскинувъ лагерь шире, чѣмъ по войскамъ слѣдовало бы и зажегши болѣе огней, чѣмъ сколько нужно было, онъ старался показать и добился того, что непріятель былъ того убѣжденія, будто бы здѣсь все войско Римское съ царемъ Филиппомъ. А потому царь, указавъ своимъ на приближеніе зимы, пробывъ только одинъ день, отступилъ отъ Ларисы и воротился въ Деметріаду. Этолы и Атаманы удалились въ свои земли. Аппій, хотя и видѣлъ, что осада снята—на каковой предметъ онъ и былъ посланъ,—однако спустился въ Ларису для ободренія и на будущее время умовъ союзниковъ. Двойная была радость, такъ какъ и непріятели оставили предѣлы, и жители видѣли въ своихъ стѣнахъ Римское войско, пришедшее на защиту ихъ.

11. Царь, отправившись изъ Деметріады въ Халкиду, влюбился тамъ въ дѣвицу Халкидійскую, дочь Клеоптолема, приставалъ къ отцу ея сначала черезъ посланцевъ, а потомъ и самъ лично съ просьбами, и наконецъ склонилъ его, неохотно смотрѣвшаго на такой союзъ выше его состоянія. Тогда достигнувъ цѣли, царь празднуетъ свое бракосочетаніе, какъ бы среди мирнаго времени. Остальную часть зимы, какъ бы забывъ за какіе онъ два предмета вмѣстѣ взялся: за войну съ Римлянами и за освобожденіе Греціи, отложивъ совершенно въ сторону всякую заботу, провелъ онъ въ пиршествахъ и наслажденіяхъ, бывающихъ послѣдствіемъ вина, а потомъ во снѣ, въ который погружался наконецъ не столько отъ пресыщенія, сколько отъ усталости. Такое же сладострастіе овладѣло и всѣми префектами

царя, которые повсюду, а особенно въ Беотіи, были сдѣланы начальниками зимнихъ квартиръ. Имъ же заразились и воины: ни одинъ изъ нихъ не надѣвалъ оружія, не исполнялъ ни карауловъ, ни стражи, и вообще не отправлялъ никакихъ обязанностей своего званія. А потому когда царь, съ наступленіемъ весны черезъ Фокиду прибывъ въ Херонею, приказалъ собраться всему войску, то легко замѣтилъ, что воины провели зиму также мало согласно съ дисциплиною, какъ и начальникъ. Отсюда царь отдалъ приказаніе Александру Акарнанцу и Мениппу Македонцу отвести войска въ Стратумъ Этоліи, а самъ, совершивъ жертвоприношеніе Аполлону въ Дельфахъ, выступилъ въ Навпактъ. Окончивъ совѣщаніе съ старѣйшинами Этолійцевъ, царь на дорогѣ, идущей мимо Калидона и Лизимахіи, встрѣтилъ у Страта своихъ, шедшихъ черезъ Маліакскій заливъ. Тамъ Мназилохъ, старѣйшина Акарнанцевъ, подкупленный значительными дарами, не только самъ склонялъ своихъ соотечественниковъ на сторону царя, но и перевелъ на его сторону претора Клита, которому въ то время принадлежала верховная власть. Тотъ, видя, что не легко склонить къ отпаденію Левкадовъ, городъ которыхъ былъ главнымъ Акарнаніи—вслѣдствіе опасеній отъ Римскаго флота, какъ находившагося подъ начальствомъ Ацилія, такъ и того, который былъ у Кефалленіи, онъ придумалъ дѣйствовать на нихъ хитростью. Въ совѣтѣ онъ сказалъ—что надобно прикрыть середину Акарнаніи и всѣмъ, кто носитъ оружіе, выйдти къ Медіону и Тирію, какъ бы ихъ незаняли Антіохъ и Этолы. Тутъ нѣкоторые сказали, что никакой нѣтъ надобности въ поголовномъ движеніи, а достаточно прикрытія въ пятьсотъ человѣкъ. Получивъ эту молодежь, Клитъ, пославъ 300 человѣкъ оберегать Медіонъ и 200—Тирій, имѣлъ намѣреніемъ отдать ихъ во власть царя въ видѣ заложниковъ.

12. Около этого времени прибыли въ Медіонъ послы царя; ихъ выслушали въ народномъ собраніи и стали совѣтоваться—какой дать отвѣтъ царю: одни говорили, что надобно оставаться въ союзѣ съ Римлянами, а другіе, что не слѣдуетъ прене-

брегать дружбою царя. Средину между тѣмъ и другимъ мнѣніемъ составляло мнѣніе Клита, и потому самому оно и принято—отправить къ царю пословъ, и просить его позволенія—дозволить имъ о столь важномъ дѣлѣ посовѣтоваться съ собраніемъ Акарнанцевъ. Мназилохъ и люди его партіи не безъ умысла попали въ эту депутацію и, отправивъ тайно посольство къ царю съ совѣтомъ придвинуть свои войска, сами старались только продлить время. Вслѣдствіе этого, едва только удалились послы, Антіохъ былъ уже на земляхъ города, а скоро и у стѣнъ его. Среди всеобщаго смятенія гражданъ, не участвовавшихъ въ измѣнѣ, призывавшихъ все юношество къ поголовному ополченію, Клитъ и Мназилохъ ввели царя въ городъ. Между тѣмъ какъ нѣкоторые собирались и по добровольному побужденію, страхомъ вынуждены были и несоглашавшіеся съ ними явиться къ царю. Онъ успокоилъ испуганныхъ ласковою рѣчью, и въ надеждѣ на доказанное милосердіе царя, нѣкоторые народы Акарнаніи къ нему отпали. Изъ Медіона царь отправился въ Тирій, пославъ туда впередъ того же Мназилоха и пословъ. Впрочемъ вѣроломный умыселъ, открытый въ Медіонѣ, сдѣлалъ Тирійцевъ осторожнѣе, но не устрашилъ ихъ. Они дали отвѣтъ прямой и ясной, что не примутъ ничьего новаго союза иначе, какъ съ вѣдома и дозволенія Римскихъ вождей; заперли обое воротъ и расположили по стѣнамъ вооруженныхъ воиновъ. Весьма кстати для ободренія умовъ Акарнанцевъ посланъ Квинкціемъ Кн. Октавій; получивъ отрядъ воиновъ и небольшое число судовъ отъ А. Постумія, Атиліемъ легатомъ поставленнаго начальникомъ Кефалленіи, прибылъ въ Левкаду и союзниковъ исполнилъ надеждъ: что консулъ М Ацилій уже переправился съ легіонами черезъ море, и что въ Ѳессаліи расположенъ Римскій лагерь. Слухъ этотъ правдоподобнымъ дѣлало время года, уже благопріятное для плаванія. Царь, оставивъ гарнизонъ въ Медіонѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ Акарнаніи, удалился отъ Тирія и черезъ города Этоліи и Фокиды возвратился въ Халкиду.

13. Около этого времени М. Бебій и царь Филиппъ, еще

прежде, въ теченіи зимы, видѣвшись въ землѣ Дассаретовъ, отправили Ап. Клавдія въ Ѳессалію съ цѣлью—освободить Лариссу отъ осады; а сами такъ какъ тогда время года еще было неблагопріятно для военныхъ дѣйствій, возвратились въ зимнія квартиры; въ началѣ весны соединясь, они спустились въ Ѳессалію. Антіохъ въ то время находился въ Акарнаніи. По прибытіи Филиппъ напалъ на Малею въ Перребіи, и Бэбій на Фацій и взявъ его почти первымъ натискомъ, овладѣлъ съ такою же быстротою Фестомъ. Оттуда возвратясь къ Атрацу, занялъ Циретій и Ерицій; поставивъ гарнизонъ по взятымъ городамъ, онъ соединился съ Филиппомъ, снова осадившимъ Маллею. По прибытіи Римскаго войска этотъ городъ покорился или опасаясь силы, или въ надеждѣ на прощеніе, тогда оба войска, соединясь отправились покорять города, которые были заняты Атаманами; то были Эгиній, Эрициній, Гомфы, Силана, Трикка, Мелибея, Фалорія. Вслѣдъ за тѣмъ они осадили Пеллиней, гдѣ находились Филиппъ Мегалополитанскій съ пятьюстами пѣшими и четырьмястами конными воинами. Прежде чѣмъ приступать — послали къ Филиппу, убѣждая его неподвергать себя рѣшительной аттакѣ. Посламъ Филиппъ отвѣчалъ довольно дерзко—повѣрилъ бы онъ и Римлянамъ и Ѳессалійцамъ, а во власть Филиппа онъ себя не отдастъ. Когда обнаружилось, что надобно дѣйствовать силою, а въ тоже время казалось возможнымъ напасть и на Лимнею, царь заблагоразсудилъ двинуться противъ нея, а Бэбій остался аттаковать Пеллиней.

14. Случилось такъ, что почти въ это самое время консулъ М. Ацилій съ двадцатью тысячами пѣхоты, двумя тысячами всадниковъ и пятнадцатью слонами переправился черезъ море; отборнымъ трибунамъ военнымъ приказалъ онъ вести пѣшія войска въ Лариссу, а самъ съ конницею прибылъ въ Лимней къ Филиппу. Немедленно за прибытіемъ консула послѣдовала сдача: выданы царскій гарнизонъ и съ нимъ Атаманы. Изъ Лимней консулъ отправился въ Пеллиней. Здѣсь сначала передались Атаманы, а потомъ и Филиппъ Мегалополитанскій.

Ему, когда онъ выходилъ изъ укрѣпленія, случайно встрѣтился царь Филиппъ, и велѣлъ его привѣтствовать въ насмѣшку именемъ царя, а самъ, подойдя къ нему, шуткою мало достойною величія его сана, назвалъ братомъ. Отведенный къ консулу, онъ отданъ подъ стражу и, немного спустя, отправленъ въ Римъ въ оковахъ. Всѣ остальные Атаманы и воины царя Антіоха, находившіеся въ гарнизонахъ городовъ, до сихъ поръ непокорившихся, выданы царю Филиппу: было ихъ до 3000 человѣкъ. Консулъ отправился въ Лариссу—совѣтоваться тамъ о важнѣйшихъ вопросахъ войны; дорогою встрѣтилъ онъ пословъ изъ Піеріи и Метрополиса — съ изъявленіемъ покорности ихъ городовъ. Филиппъ особенно ласково обошелся съ плѣнными Атаманами, имѣя въ виду черезъ нихъ задобрить въ свою пользу ихъ соотечественниковъ, и надѣясь такимъ образомъ подчинить Атаманію подъ свою власть. Онъ повелъ туда войско, пославъ плѣнныхъ впередъ по городамъ. Они имѣли большое вліяніе на соотечественниковъ, толкуя имъ о милосердіи къ нимъ царя и о его щедрости. Между тѣмъ Аминандръ, уваженіе къ личности котораго, еще удерживало нѣкоторыхъ изъ его подданныхъ въ вѣрности, опасаясь, какъ бы не выдали его Филиппу, давнишнему врагу, и Римлянамъ, справедливо раздраженнымъ его измѣною, съ женою и дѣтьми покинулъ царство и удалился въ Амбрацію. Такимъ образомъ вся Атаманія досталась въ полную власть царя Филиппа. Консулъ, съ цѣлью дать отдохнуть особенно лошадямъ, утомленнымъ какъ переправою, такъ и впослѣдствіи переходами, оставался въ Лариссѣ нѣсколько дней и потомъ двинулся далѣе къ Кранону съ войскомъ, какъ бы свѣжимъ, вслѣдствіе порядочнаго отдыха. При его приближеніи сдались Фарсалъ, Скотусса и Феры, и съ гарнизонами Антіоха, въ нихъ находившимися. Вызвавъ желающихъ у него остаться, Антіохъ передалъ тысячу охотниковъ Филиппу, а прочихъ обезоруживъ отослалъ въ Деметріаду. Вслѣдъ за тѣмъ взялъ онъ Прерну и крѣпостцы, находившіяся около этого города, а войска сталъ вести далѣе къ Маліакскому заливу. Когда онъ подошелъ къ тѣснинамъ, надъ которыми рас-

положенъ Тавмакъ, то вся молодежь, покинувъ городъ, засѣла съ оружіемъ въ рукахъ по лѣсамъ и дорогамъ, и стала производить съ возвышенныхъ мѣстъ набѣги на войско Римское. Консулъ сначала посылалъ къ нимъ, пытаясь переговорами вблизи отклонить ихъ отъ такого безразсудства; а когда увидалъ, что они упорствуютъ, то велѣлъ обойдти ихъ трибуну съ двумя отрядами, преградилъ вооруженнымъ отступленіе къ городу и взялъ его пустой. Тутъ услыхавъ въ тылу крики, сопровождавшіе взятіе города, сидѣвшіе въ засадѣ молодые люди выбѣжали со всѣхъ сторонъ изъ лѣсовъ и были побиты. Изъ Тавмака консулъ на другой день прибылъ къ рѣкѣ Сперхею, а отсюда опустошилъ поля Гипатейцевъ.

15. Между тѣмъ какъ это происходило, Антіохъ находился въ Халкидѣ; уже тутъ онъ видѣлъ, что отъ Греціи ему неосталось ничего, кромѣ веселой зимовки въ Халкидѣ и позорнаго брака. Тогда то сталъ онъ жаловаться на пустыя обѣщанія Этоловъ и на Тоанта; къ Аннибалу же онъ питалъ удивленіе не только какъ къ умному человѣку, но и почти предугадавшему все то, что случилось. Для того, чтобы бездѣйствіемъ не погубить совершенно предпріятія, начатаго столь легкомысленно, онъ отправилъ гонцовъ въ Этолію — дать знать, чтобы вся молодежь собралась въ Ламію, а самъ повелъ туда десять тысячь пѣшихъ воиновъ, набранныхъ изъ приведенныхъ недавно изъ Азіи, и пятьсотъ всадниковъ. Тамъ, въ Ламіи, собралось Этоловъ меньше чѣмъ когда либо прежде: явились туда только старѣйшины съ небольшимъ числомъ кліентовъ, и они говорили, что употребили всѣ усилія созвать какъ можно больше своихъ, но и личное ихъ вліяніе, и ласка, и приказанія остались безуспѣшны на отказывающихся отъ военной службы. Покинутый отовсюду какъ своими, медлившими въ Азіи, такъ и союзниками, не исполнявшими съ своей стороны того, на что они его вызвали, удалился въ ущелье Термопилъ. Этими горами, подобно тому какъ Италія хребтомъ Апеннинъ, Греція дѣлится пополамъ. Впереди ущелья Термопилъ находятся обращенные къ сѣверу: Епиръ, Перребія, Маг-

незія и Θессалія, Ахейцы Θтіоты и заливъ Маліакскій; а за ущельемъ къ югу простираются: большая часть Этоліи, Акарнанія, съ Локридою Фокида, Беотія съ принадлежащимъ къ ней островомъ Евбеею; сзади ея вдаваясь въ море полумысомъ Аттика и Пелопоннесъ. Этотъ горный хребетъ, отъ Левката, и моря, обращеннаго къ западу, идущій черезъ Этолію къ восточному морю, заключаетъ въ себѣ такія крутизны и скалы что не только войска, но даже пѣшеходы налегкѣ не всегда могутъ найдти тропинки для перехода. Крайнія горы на востокъ называются Этою, и самая высокая изъ нихъ слыветъ подъ именемъ Коллидромонъ; въ горной долинѣ, подъ нею, обращенной къ заливу Маліакскому, дорога не шире шестидесяти шаговъ и это единственная воинская дорога, по которой возможно движеніе войскъ, если только нѣтъ имъ сопротивленія. Потому это мѣсто носитъ названіе Пилэ, а у нѣкоторыхъ Термопилэ, такъ какъ теплыя воды находятся въ самомъ ущельи, ознаменовано оно въ памяти потомства болѣе гибелью Лакедемонянъ, чѣмъ ихъ сопротивленіемъ.

16. Далеко не въ такомъ расположеніи духа находился Антіохъ, когда онъ въ воротахъ этого мѣста поставилъ лагерь, да еще и укрѣпленіями преградилъ ущелье. Все мѣсто обвелъ онъ двойнымъ валомъ и рвомъ, да и каменною стѣною даже, гдѣ была надобность, такъ какъ въ камнѣ повсюду былъ избытокъ; вполнѣ надѣялся онъ, что не удастся здѣсь никогда Римскому войску проложить дорогу силою. Изъ четырехъ тысячь Этоловъ (столько ихъ и собралось) онъ отправилъ часть въ Гераклею, городъ, находящійся передъ самимъ ущельемъ, а часть въ Гипату. Онъ не сомнѣвался, что консулъ аттакуетъ Гераклею: уже отъ многихъ было получено извѣстіе, что около Гипаты все подверглось опустошенію. Консулъ, опустошивъ сначала Гипатское, а потомъ Гераклейское поле—для того и другаго вспоможеніе Этоловъ осталось безъ пользы—въ самомъ ущельи, вблизи источниковъ теплыхъ водъ, сталъ лагеремъ противъ царскаго. И тотъ, и другой отрядъ Этоловъ заперлись въ Гераклею. Антіоху до появленія непріятеля, все казалось достаточно укрѣ-

пленнымъ и прикрытымъ вооруженными отрядами, тутъ овладѣлъ страхъ—какъ бы Римляне не нашли тропинокъ для перехода черезъ вершины, надъ нимъ господствовавшія. По слухамъ когда то и Лакедемоняне были такимъ образомъ обойдены Персами, да и недавно Филиппъ тѣми же Римлянами. А потому Антіохъ послалъ гонца къ Этоламъ въ Гераклею, прося у нихъ хоть тѣмъ содѣйствія въ эту войну, чтобы они заняли вершины окрестныхъ горъ, какъ бы Римляне не проложили себѣ черезъ нихъ дороги. По полученіи этого извѣстія, произошелъ у Этоловъ раздоръ; одни были того мнѣнія, что надобно повиноваться повелѣнію царя и идти; другіе полагали, что надобно остановиться у Гераклеи и дожидаться рѣшенія судьбы. Если царь будетъ побѣжденъ консуломъ, то они будутъ имѣть на готовѣ войска свѣжія, для оказанія помощи близкимъ своимъ городамъ. Если же царь останется побѣдителемъ, то они могли бы преслѣдовать Римлянъ, разсѣявшихся въ бѣгствѣ. И тѣ, и другіе не только остались при своемъ мнѣніи, но и его исполнили. Двѣ тысячи Этоловъ остановились въ Гераклеѣ, а двѣ тысячи, раздѣлясь на три отряда, заняли Каллидромъ, Родунцію и Тихіунтъ (таковы были названія горныхъ вершинъ).

17. Консулъ, видя, что Этолы заняли возвышенности, отправилъ М. Порція Катона и Л. Валерія Флакка; и тотъ и другой были прежде консулами, а теперь находились при немъ легатами, съ двумя тысячами отборныхъ пѣхотинцевъ къ укрѣпленіямъ Этоловъ. Флакка къ Родунціи и Тихіунту, а Катона къ Каллидрому; самъ же прежде чѣмъ двинуть войска къ непріятелю, позвавъ воиновъ на собраніе, сказалъ имъ въ немногихъ словахъ: «воины, во всѣхъ рядахъ вашихъ, я вижу середи васъ многихъ, которые въ этой же самой провинціи участвовали въ военныхъ дѣйствіяхъ подъ начальствомъ и авспиціями Т. Квинкція. Въ войнѣ съ Македонянами былъ еще болѣе неприступный утесъ у рѣки Аоа, чѣмъ здѣсь; а тутъ просто ворота и между двухъ морей запертыхъ утесами, какъ бы единственный естественный проходъ. Тогда были возведены укрѣпленія и на мѣстахъ болѣе удобныхъ, и сами по себѣ они были силь-

нѣе: а войско непріятельское и численностью больше, да и родомъ войскъ нѣсколько получше. Потому что тамъ были Македоняне, Өракійцы и Иллирійцы, все народы самые отчаянные: а тутъ Сиры и Азіатскіе Греки, родъ людей самый пустой и для рабства рожденный. Тогда противъ насъ былъ царь самый воинственный, съ ранней юности упражнявшійся въ войнахъ съ сосѣдними Траками, Иллирійцами и другими смежными народами. Этотъ же,—оставляя въ покоѣ всю его прочую жизнь—таковъ, что, перейдя изъ Азіи въ Европу, для начатія войны съ народомъ Римскимъ, онъ во все время зимнихъ квартиръ, не совершилъ ничего достославнѣе, какъ влюбясь женился на дѣвицѣ изъ рода простаго, и даже въ томъ племени безъизвѣстнаго; новобрачный, онъ выступилъ на войну, какъ бы закормленный на свадебныхъ пиршествахъ. Главныя силы и надежды свои полагалъ онъ въ Этолахъ, народѣ самомъ пустомъ и неблагодарномъ, какъ вы и сами на себѣ испытали, а теперь испытываетъ Антіохъ. И собрались то они не въ большомъ числѣ, и въ лагерѣ ихъ удержать трудно было; да и сами межъ себя безпрестанно ссорились. Просили они для себя прикрывать Гипату и Гераклею; но не защитивъ ни ту, ни другую, убѣжали на горныя вершины, а частью заперлись въ Гераклеѣ. Самъ же царь, исполненный сознанія, что никогда онъ на ровномъ мѣстѣ не только не дерзнетъ дать сраженія, но даже и стать лагеремъ на открытомъ мѣстѣ, покинулъ всю ту страну, которою хвалился, что отнялъ у насъ и у Филиппа и спрятался между скалъ: да и не передъ тѣснинами, какъ нѣкогда по слухамъ, поступили Лакедемоняне, но внесъ свой лагерь почти внутрь скалъ: не ясно ли онъ обнаруживаетъ этимъ робость и не все ли равно, если бы онъ заперся для осады въ стѣны какого либо города? Но и Антіоха не защитятъ тѣснины, да и Этоловъ занятыя ими вершины. Предусмотрено все и приняты всѣ мѣры для того, чтобы противъ насъ въ борьбѣ были одни непріятели. Въ умѣ вашемъ вы должны представлять себѣ то, что вы сражаетесь не за свободу только Греціи (хотя бы и то одно дало бы вамъ права на славу — Грецію, освобожденную

прежде отъ Филиппа, освободить теперь отъ Антіоха и Этоловъ) и не одно только то будетъ служить вамъ наградою, что теперь находится въ царскомъ лагерѣ; но и все то, что приготовлено и чего со дня на день ожидаютъ изъ Ефеса, сдѣлается вашею добычею: власти народа Римскаго откроется путь въ Азію, Сирію, и повсюду на востокъ солнца до самыхъ богатѣйшихъ царствъ. Что же будетъ намъ служить препятствіемъ положить нашими предѣлами съ одной стороны Океанъ у Гадеса, а съ другой Красное море, а между тѣмъ Океанъ охватываетъ весь шаръ земной и цѣлый родъ человѣческій, — имя Римлянина будутъ почитать первымъ послѣ имени боговъ? Къ такимъ то воздаяніямъ приготовьте умы ваши, и завтра, съ помощью боговъ безсмертныхъ, пустимся мы въ рѣшительный бой».

18. Воины, разойдясь изъ собранія, стали, прежде чѣмъ отдыхать, готовить оружіе; на разсвѣтѣ, по данному къ сраженію сигналу, консулъ устроилъ войска въ боевой порядокъ, сжатыми фронтомъ, сообразно съ свойствами мѣстности и ея тѣснотою. Царь, увидавъ значки непріятелей, и самъ вывелъ войска. Передъ окопомъ поставилъ онъ первыхъ — часть легковооруженныхъ воиновъ; затѣмъ лучшихъ Македонянъ, называемыхъ Сариссофорами, какъ бы оплотомъ, помѣстилъ около самихъ укрѣпленій. Имъ съ лѣваго фланга, у самой подошвы горы, поставилъ онъ отрядъ копейщиковъ, стрѣлковъ и пращниковъ; съ возвышеннаго мѣста они должны были дѣйствовать въ открытый флангъ непріятеля. Съ правой стороны Македонянъ, до самаго края укрѣпленій, гдѣ мѣстность къ морю непроходима вслѣдствіе глубокихъ болотъ и трясинъ, поставлены были слоны съ обыкновеннымъ ихъ прикрытіемъ; за ними всадники, а напослѣдокъ, отступя немного, расположены были остальныя войска во второй линіи. Македоняне, поставленные передъ валомъ, сначала легко выдерживали натискъ Римлянъ, покушавшихся со всѣхъ сторонъ проложить себѣ путь. Много имъ помогало то, что съ возвышенныхъ мѣстъ градомъ сыпались изъ пращей камни, стрѣлы и дротики. Наконецъ, при напорѣ все большихъ и неодолимыхъ силъ непріятельскихъ, сбитые съ позиціи къ укрѣ-

пленіямъ, Македоняне удалились за нихъ, свернувъ ряды; оттуда, изъ-за вала, образовали они какъ бы другой валъ, выставивъ впередъ частоколъ копій; валъ былъ такъ не высокъ, что, давая защищавшимъ его возможность дѣйствовать съ возвышеннаго мѣста, воины могли доставать до непріятеля вслѣдствіе длинноты своихъ копій. Многіе Римляне, неосторожно подошедшіе къ валу, были проколоты, и пришлось бы имъ или удалиться безъ успѣха, или понести слишкомъ чувствительныя потери, если бы не появился съ Колидромской вершины М. Порцій; сбросивъ оттуда Этоловъ и большую часть ихъ уничтоживъ (онъ ихъ захватилъ, непринявшихъ мѣръ осторожности и многихъ даже сонными), онъ показался на холмѣ, господствовавшемъ надъ лагеремъ.

19. Флакку совсѣмъ не то счастіе было у Тихіунта и Родунтіи—тщетны были его приступы къ этимъ укрѣпленіямъ.— Македоняне и вообще всѣ воины, сколько ихъ ни было въ лагерѣ царскомъ, сначала видя надъ собою толпы вооруженныхъ, считали ихъ Этолами; не разсмотрѣли они значковъ и думали, что они идутъ къ нимъ на помощь. Но лишь только убѣдились они въ своемъ заблужденіи, видя значки и оружіе вблизи, какъ на нихъ напалъ вдругъ такой страхъ, что они, бросивъ оружіе, пустились бѣжать. Тутъ большимъ препятствіемъ служили имъ окопы и вмѣстѣ тѣснота горной долины, по которой необходимо было слѣдовать; больше же всего то, что въ самомъ заднемъ ряду находились слоны: обойдти ихъ пѣшіе могли только съ трудомъ, а всадники и вовсе не могли, такъ какъ лошади пугались; произошло между бѣгущими отъ нихъ самихъ смятеніе большее, чѣмъ отъ непріятеля. Нѣсколько времени задержало Римлянъ разграбленіе лагеря; впрочемъ, въ этотъ день, они гнались за непріятелями до Скарфеи; много ихъ было побито и захвачено въ плѣнъ на самой дорогѣ и нетолько лошади и люди, но даже и слоны, которыхъ они не могли взять, были убиты. Затѣмъ Римляне возвратились въ лагерь; на него въ этотъ день, во время самаго сраженія, сдѣлано было покушеніе со стороны Этоловъ, на-

ходившихся гарнизономъ въ Гераклеѣ, но эта смѣлая попытка осталась безъ успѣха. Консулъ въ третью стражу послѣдовавшей за тѣмъ ночи, послалъ впередъ конницу преслѣдовать непріятеля, а значки легіоновъ двинулъ на разсвѣтѣ. Царь былъ нѣсколько впереди; онъ бѣжалъ безъ памяти и остановился не прежде какъ въ Елатіи: здѣсь онъ въ первый разъ собралъ остатки своего войска, бѣжавшаго съ поля сраженія и съ небольшимъ отрядомъ воиновъ, на половину безоружныхъ, удалился въ Халкиду. Римская конница не нагнала въ Елатіи самого царя, но большую часть его отряда, какъ останавливавшагося отъ усталости, такъ можетъ быть и заблудившагося, — имъ приходилось бѣжать безъ вождя по незнакомымъ дорогамъ — подавила разсѣяннымъ. Такимъ образомъ изъ всего войска никого не осталось, кромѣ пятисотъ человѣкъ, находившихся при царѣ; да и изъ десяти тысячъ воиновъ, которые, какъ мы написали со словъ Полибія, царь перевезъ съ собою въ Грецію— небольшое число. Повѣрить ли Валерію Антіату, который пишетъ, что въ войскѣ царскомъ находилось шестьдесятъ тысячъ воиновъ, и изъ нихъ сорокъ тысячъ побито, а болѣе пяти тысячъ взято въ плѣнъ съ двумя стами тридцатью воинскими значками. Римлянъ убито въ самомъ сраженіи полтораста человѣкъ; да при оборонѣ отъ нападенія Этолійцевъ пало не болѣе пятидесяти.

20. При движеніи консула съ войскомъ черезъ Фокиду и Беотію, граждане, сознавая свою измѣну, стояли у городскихъ воротъ съ мольбою о пощадѣ; они опасались быть отданными на разграбленіе. Впрочемъ во все время войско Римское шло впередъ, какъ бы въ мирное время, не причиняя ни малѣйшаго вреда, пока не пришло на Коронейское поле. Здѣсь вызвала раздраженіе статуя Антіоха, поставленная въ храмѣ Минервы Итонійской; воинамъ позволено предать опустошенію поле, окружающее храмъ. Потомъ, по соображеніи того, что статуя поставлена общимъ декретомъ Беотійцевъ, несправедливымъ показалось вымѣщать гнѣвъ на одномъ Коронейскомъ полѣ. Воины тотчасъ были отозваны, и опустошенію положенъ

конецъ: на словахъ пожурили Беотійцевъ за ихъ неблагодарность къ Римлянамъ послѣ ихъ столькихъ, еще недавнихъ, благодѣяній. Во время самаго сраженія десять царскихъ судовъ съ префектомъ Исидоромъ стояли у Тронія, въ Маліакскомъ заливѣ. Туда бѣжалъ Александръ Акарнанецъ, тяжело раненный и принесъ извѣстіе о несчастномъ исходѣ сраженія; въ смятеніи, подъ впечатлѣніемъ недавняго страха, суда отправились въ Ценей Евбейской; здѣсь Александръ умеръ и похороненъ. Трое судовъ, отправившіяся изъ Азіи въ эту самую пристань, услыхавъ о гибели войска, возвратились въ Ефесъ. Исидоръ изъ Ценея отправился въ Деметріаду, на случай—не туда ли удалился царь. Въ этоже время А. Атилій, префектъ Римскаго флота, перехватилъ значительные транспорты царскіе, когда они уже миновали проливъ, находящійся у острова Андроса: одни суда онъ потопилъ, а другіе взялъ; тѣ же, которыя находились въ самомъ заднемъ ряду, направили путь въ Азію. Атилій прибылъ, ведя за собою взятыя въ плѣнъ суда, назадъ въ Пирей, откуда было двинулся; множество хлѣба раздалъ онъ Аѳинянамъ и другимъ союзникамъ, находившимся въ той сторонѣ.

21. Антіохъ, съ приближеніемъ консула, удалился изъ Халкиды и сначала отправился въ Теносъ, а оттуда въ Ефесъ. Консулу, какъ только онъ подошелъ къ Халкидѣ, отворили ворота, а, съ его приближеніемъ, Аристотель, царскій префектъ, оставилъ городъ. Всѣ прочіе города Евбеи передались безъ борьбы. Окончивъ все въ нѣсколько дней, безовсякаго вреда для какого либо города, онъ отвелъ войско въ Ѳермопилы, заслуживъ похвалу гораздо болѣе умѣренностью послѣ побѣды, чѣмъ самою побѣдою. Отсюда (изъ Термопилъ) консулъ послалъ въ Римъ М. Катона для того, чтобы сенатъ и народъ Римскій получили отъ него достовѣрное свѣдѣніе о томъ, что совершилось. Катонъ изъ Креузы (гавань Теспійцевъ, находящаяся въ самой глубинѣ Коринѳскаго залива) прибылъ въ Патрасъ Ахейскій, оттуда въ Корциру, вдоль береговъ Этоліи и Акарнаніи, и такимъ образомъ достигъ Гидрунта, города Италіи. На пятый день оттуда явился онъ въ Римъ,

совершивъ огромный переходъ. Передъ разсвѣтомъ войдя въ городъ, Катонъ отъ воротъ городскихъ прямо отправился къ претору М. Юнію; тотъ на разсвѣтѣ созвалъ сенатъ. Л. Корнелій Сципіонъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ отправленный консуломъ, услыхавъ по прибытіи, что Катонъ его опередилъ въ сенатѣ, явился туда и засталъ его излагающимъ какъ дѣло было. Затѣмъ оба посла, по приказанію сената, приведены въ народное собраніе и тамъ изложили тоже, что въ сенатѣ о томъ, что совершено въ Этоліи. Опредѣлено молебствіе на три дня, и преторъ долженъ былъ принести сорокъ жертвенныхъ животныхъ тѣмъ изъ боговъ, которымъ заблагоразсудитъ. Въ тоже время М. Фульвій Нобиліоръ, за два передъ тѣмъ года отправившійся въ Испанію, вошелъ въ городъ съ почестями оваціи (малаго тріумфа). Серебра въ монетѣ привезъ онъ сто тридцать тысячъ, да, кромѣ отсчитаннаго монетою, двенадцать тысячъ фунтовъ, и золота сто двадцать семь фунтовъ.

22. Консулъ М. Ацилій изъ Термопилъ послалъ въ Гераклею къ Этолійцамъ: «хоть бы по крайней мѣрѣ теперь, испытавъ всю пустоту царя, опомнились они; пусть они передадутъ Гераклею и помыслятъ просить у сената прощенія въ своемъ или безуміи или заблужденіи. И прочіе Греческіе города въ эту войну отпали отъ Римлянъ, оказавшихъ имъ великіе заслуги; но такъ какъ они когда царь, въ надеждѣ на котораго они измѣнили своимъ обязанностямъ, бѣжалъ, не увеличили свою вину упорствомъ, то и были снова приняты въ дружественный союзъ. Хотя же Этолы не послѣдовали только за царемъ, но и призвали его, и можно сказать стояли во главѣ военныхъ дѣйствій, а не участвовали только въ нихъ, однако—если раскаются, то могутъ остаться невредимыми». Когда на это полученъ былъ отвѣтъ, совсѣмъ не миролюбивый и ясно было, что одно лишь оружіе рѣшитъ споръ и что, несмотря на побѣду надъ царемъ, воина съ Этолами остается непочатою: тогда консулъ изъ Термопилъ перенесъ лагерь къ Гераклеѣ, и въ тотъ же день, желая ознакомиться съ мѣстоположеніемъ города, онъ на конѣ со всѣхъ сторонъ объѣхалъ стѣны. Гераклея

находится у подошвы горы Эты, городъ—на ровномъ мѣстѣ, а крѣпость возвышается на крутомъ, и со всѣхъ сторонъ обрывистомъ холмѣ. Разсмотрѣвъ все, что нужно было знать, онъ рѣшился въ четырехъ мѣстахъ разомъ напасть на городъ. Отъ рѣки Кзопа, гдѣ находится гимназій, поставленъ Л. Валерій начальникомъ осадныхъ работъ и аттакѣ. Часть города внѣ стѣнъ, населенную почти болѣе самого города, поручено аттаковать Ти. Семпронію Лонгу: со стороны Маліакскаго залива,—къ этой части города доступъ былъ нелегкій — М. Бебію; со стороны рѣчки, называемой Мелана, насупротивъ храма Діаны, поставилъ консулъ Ап. Клавдія. Соревнованіемъ этихъ начальниковъ въ короткое время изготовлены башни, стѣнобитныя орудія и все, что нужно для осады городовъ. А такъ какъ Гераклейское поле болотистое, и изобилуетъ высокими деревьями, представляя такимъ образомъ въ избыткѣ матеріалъ для всякаго рода работъ. Съ другой стороны, такъ какъ Этолы искали убѣжища внутри стѣнъ то, оставленныя въ городскомъ предмѣстіи, строенія, представляли въ избыткѣ не только бревна и доски, но кирпичь, известку и камни разной величины.

23. Римляне приступали къ городу болѣе осадными работами, чѣмъ оружіемъ; Этолы напротивъ защищались однимъ оружіемъ. Когда быки потрясали стѣны, то они не отводили, какъ то обыкновенно дѣлаютъ, удары, съ помощью опущенныхъ веревокъ, но дѣлали вылазки большими вооруженными толпами, а нѣкоторые несли огонь съ цѣлью вбросить его въ осадныя работы. Отверстія въ стѣнахъ были пробиты для большаго удобства вылазокъ, да и Этолы, возводя вмѣсто разрушенныхъ новыя стѣны, дѣлали ихъ чаще для того, чтобы имѣть возможность въ большихъ мѣстахъ разомъ выходить на непріятеля. Въ первые дни, пока силы были еще свѣжи, совершали вылазки дѣятельно и въ большомъ числѣ; потомъ мало по малу было ихъ все меньше, и усердіе ихъ ослабѣвало. Во многомъ терпя нужду, особенно они страдали отъ безсонницы. У Римлянъ, при избыткѣ воиновъ, одни на постахъ смѣняли другихъ; а Этоламъ, по ихъ малолюдству, приходилось трудиться день и ночь

безпрестанно. Въ продолженіи двадцатичетырехъ дней, изъ которыхъ не было ни одного, свободнаго отъ боя противъ непріятеля, дѣйствовавшаго разомъ съ четырехъ сторонъ, денной трудъ смѣнялся тутъ же ночнымъ. Консулъ, зная, что Этолы уже выбились изъ силъ — какъ по продолжительности времени, осады такъ и вслѣдствіе завѣренія перебѣжчиковъ, рѣшился дѣйствовать такъ: въ серединѣ ночи далъ онъ знакъ къ отступленію и разомъ отведя всѣхъ воиновъ отъ приступа, онъ оставался покойно въ лагерѣ съ третьяго часа. Тутъ снова начинался приступъ и продолжался опять до половины ночи; потомъ былъ пріостановленъ до третьяго часа дня. Этолы, полагая, что причина прекращенія приступа таже усталость, которую и сами испытывали, лишь только у Римлянъ данъ знакъ къ отступленію, они, какъ бы имъ же отозванные, сами по себѣ оставляли посты и, не прежде третьяго часа дня, явились снова на стѣнахъ вооруженные.

24. Консулъ, среди ночи оставивъ на нѣкоторое время приступъ, въ четвертую стражу ея снова аттаковалъ городъ всѣми силами съ трехъ сторонъ, а съ четвертой приказалъ Семпронію съ воинами внимательно дожидаться сигнала; онъ предполагалъ, что, въ смятеніи ночи, воины безъ всякаго сомнѣнія соберутся туда, откуда будутъ слышны воинскіе крики. Часть Этоловъ, отъ трудовъ и усталости погруженныхъ въ глубокій сонъ, и, пробуждаясь, не могли отъ него скоро оправиться; другая часть, бодрствовавшая, устремилась въ темнотѣ на голоса сражающихся. Непріятель покушается частью по развалинамъ упавшей стѣны проникнуть въ городъ, частью взойдти по лѣстницамъ. Противъ него собрались Этолы со всѣхъ сторонъ защищать городъ; одна часть его, въ которой находились строенія внѣ города, и не защищается, и не подвергается аттакѣ; готовые напасть, воины Римскіе со вниманіемъ ждали сигнала, а защитниковъ никого не было. Уже разсвѣтало, когда консулъ далъ сигналъ, и безо всякой борьбы перешли воины частью черезъ развалины стѣнъ, частью черезъ нихъ, гдѣ они были цѣлы при помощи лѣстницъ. Тутъ только раздался крикъ, какъ признакъ

взятія города; Этолы, со всѣхъ сторонъ побросавъ свои посты, побѣжали въ крѣпость. Съ дозволенія консула побѣдители предали городъ разграбленію, не столько съ досады или ненависти, сколько для того, чтобы воины, удержанные (отъ грабежа) въ столькихъ городахъ, назадъ отнятыхъ у непріятеля, хоть въ какомъ нибудь мѣстѣ попользовались плодами побѣды. Отозвавъ воиновъ отъ грабежа уже около полудня, консулъ раздѣлилъ воиновъ на двѣ части: одну велѣлъ у подошвы горы обвесть въ скалѣ; она, равная высотою съ тою, на которой стояла крѣпость, глубокою долиною была какъ бы оторвана отъ нея, но до такой степени вершины этихъ возвышенностей были близки одна отъ другой, что съ сосѣдней вершины можно было бросать стрѣлы въ крѣпость. Съ половинною частью воиновъ консулъ, намѣреваясь изъ города дѣйствовать на крѣпость, дожидался сигнала отъ тѣхъ, которые сзади скалы должны были взобраться на нее. Не выдержали находившіеся въ крѣпости Этолы перваго крика тѣхъ, которые заняли скалу, и послѣдовавшій за тѣмъ натискъ Римлянъ. Этолы и безъ того упали духомъ, да и ничего не было приготовлено для выдержанія дальнѣйшей осады: собралось и женщинъ и дѣтей и другихъ людей, неспособныхъ къ войнѣ столько, что крѣпость съ трудомъ могла не только защищать ихъ, но даже вмѣстить; а потому они, при первомъ нападеніи бросили оружіе и сдались. Въ числѣ прочихъ выданъ и старѣйшина Этоловъ Дамокритъ; въ началѣ войны, онъ Квинкцію на его требованіе декрета Этоловъ, которымъ они постановили призвать Антіоха, отвѣчалъ: «вручитъ онъ ему въ Италіи декретъ этотъ, когда Этолы поставятъ тамъ лагерь». Тѣмъ пріятнѣе было побѣдителямъ, послѣ той дерзости видѣть Дамокрита въ своихъ рукахъ.

25. Въ тоже время, когда Римляне приступали къ Гераклеѣ, Филиппъ, по соглашенію съ ними, аттаковалъ Ламію. Онъ видѣлся около Термопилъ съ консуломъ, возвращавшимся изъ Беотіи, для того, чтобы поздравить его и народъ Римскій съ побѣдою и извиниться, что по болѣзни онъ не могъ до сихъ поръ принять личное участіе въ войнѣ. Отсюда Филиппъ и

консулъ разошлись въ разныя стороны для одновременнаго нападенія на оба города; разстояніе между ними семь миль. А такъ какъ Ламія находится на возвышенности и обращена премущественно къ сторонѣ Эты, то разстояніе, отдѣляющее этотъ городъ, кажется незначительнымъ, и все рѣшительно на виду. Тщательно, какъ бы соревнуя другъ другу, Римляне и Македоняне день и ночь проводили въ осадныхъ работахъ, или въ бою. Самое большое затрудненіе для Македонянъ заключалось въ томъ, что Римляне дѣйствовали насыпью и террасами, и вообще всѣ ихъ осадныя работы находились на верху земли, а Македоняне дѣйствовали подкопами подъ землею, а на крутыхъ мѣстахъ встрѣчался не разъ камень, котораго не брало желѣзо. Видя, что дѣло мало подвигается впередъ, царь старался дѣйствовать переговорами на старѣйшинъ городскихъ, склоняя ихъ къ сдачѣ города. Онъ не сомнѣвался, что если только Гераклея будетъ взята прежде, то и жители Ламіи сдадутся скорѣе Римлянамъ, чѣмъ ему, да и консулъ пріобрѣтетъ ихъ расположеніе снятіемъ осады. Въ этомъ предположеніи онъ и не ошибся. Тотчасъ по взятіи Гераклеи пришелъ гонецъ съ требованіемъ прекратить осаду: «справедливѣе будетъ Римскимъ воинамъ, такъ какъ они вели войну съ Этолами пользоваться плодами побѣды». Такимъ образомъ осада Ламіи снята и несчастіе, постигшее сосѣдній городъ, было причиною, что она не понесла ничего подобнаго.

26. Незадолго передъ взятіемъ Гераклеи, Этолы, собравъ совѣтъ въ Гипатѣ, положили отправить пословъ къ Антіоху; въ числѣ ихъ былъ отправленъ Тоасъ тотъ же, что и прежде. Поручено было: просить у царя – во первыхъ, чтобы онъ самъ, собравъ снова сухопутныя и морскія силы, переправился въ Грецію; потомъ, если что либо его задержитъ, чтобы прислалъ денегъ и вспомогательныя войска: «все его значеніе и довѣріе къ нему основаны на томъ, чтобы онъ не выдавалъ союзниковъ, а самая безопасность владѣній его зависитъ отъ того, чтобы онъ не допускалъ Римлянъ, которые, съ покореніемъ Этоловъ, освободятся отъ всякой заботы, со всѣми силами переправиться

въ Азію». Правда было все, что они говорили и тѣмъ сильнѣе оно дѣйствовало на царя. А потому онъ немедленно выдалъ посламъ деньги, необходимыя на военныя потребности и положительно обѣщалъ прислать вспоможеніе и сухопутными, и морскими силами. Тоанта, одного изъ пословъ, удержалъ при себѣ: тотъ и самъ охотно остался, — своимъ личнымъ присутствіемъ настойчиво требовать исполненія обѣщаннаго.

27. Взятіе Гераклеи сломило наконецъ упорство Этоловъ и по прошествіи не многихъ дней послѣ того какъ они отправили въ Азію пословъ — возобновить войну и пригласить царя, они, отбросивъ воинственные замыслы, отправили къ консулу ораторовъ — просить мира. Какъ только они начали говорить, то консулъ ихъ перебилъ сказавъ, что ему есть дѣло поважнѣе и велѣлъ имъ явиться снова въ Гипату; тамъ онъ имъ далъ перемиріе на десять дней и отправилъ съ ними Л. Валерія Флакка, которому должны были объяснить то, что хотѣли передать консулу и вообще иное что, еслибы придумали. По прибытіи въ Гипату старѣйшины Этоловъ совѣтовались съ Флаккомъ, какъ имъ нужно говорить передъ консуломъ. Они хотѣли было ссылаться на старые союзные договоры и на свои заслуги народу Римскому: «оставьте это, сказалъ Флаккъ, сами вы нарушили ихъ и разорвали; гораздо больше пользы принесетъ вамъ сознаніе вашей вины и то, если вся ваша рѣчь будетъ ограничиваться мольбами». Надежда на спасеніе не въ правости ихъ дѣла, но въ милосердіи народа Римскаго; да и онъ имъ, если они будутъ просить о пощадѣ, поможетъ и передъ консуломъ и въ Римѣ передъ сенатомъ. Туда имъ также нужно будетъ отправить пословъ. И всѣ были того мнѣнія, что одинъ путь къ спасенію: предаться вполнѣ вѣрности Римлянъ; такимъ образомъ и Римлянамъ совѣстно будетъ притѣснить ихъ молящихъ о пощадѣ; а тѣмъ не менѣе они останутся полными хозяевами своихъ дѣйствій на случай, если счастіе покажетъ имъ что либо лучшее».

28. По прибытіи къ консулу, Фенеасъ, стоявшій во главѣ посольства, сказалъ рѣчь длинную, разнообразно составленную

съ цѣлью смягчить снова побѣдителя. Въ заключеніи ея онъ выразилъ: «что Этолы себя и все свое съ полною вѣрою отдаютъ въ распоряженіе народа Римскаго». Выслушавъ это, консулъ сказалъ: «еще разъ и еще разъ, Этолы разсмотрите — такъ ли вы отдаете»? Тогда Фенеасъ показалъ декретъ, въ которомъ это именно написано было». А если вы такъ ввѣряетесь, сказалъ консулъ, то я требую, чтобы вы мнѣ немедленно выдали вашего гражданина Дикеарха и Менесту, Епирскаго уроженца, (онъ, проникнувъ съ вооруженнымъ отрядомъ въ Навпактъ, принудилъ этотъ городъ къ измѣнѣ) и Аминандра съ старѣйшинами Атамановъ — по совѣту этихъ лицъ вы намъ измѣнили». Недавъ почти кончить консулу Фенеасъ сказалъ: не въ рабство мы себя отдали, но довѣряясь тебѣ, и вполнѣ убѣждены, что ты дѣйствуешь неблагоразумно — предписывая намъ то, что совершенно не согласно съ обычаями Грековъ». На это консулъ замѣтилъ: «по истинѣ мало я забочусь о томъ, насколько Этолы мой образъ дѣйствій найдутъ сообразнымъ съ обычаями Грековъ, лишь бы я, оставаясь вѣренъ обычаю Римлянъ, поддержалъ власть ихъ надъ тѣми, которые, бывъ недавно побѣждены оружіемъ, отдаются въ ихъ волю собственнымъ декретомъ, а потому я, если тотчасъ не будетъ исполнено, что я приказываю, то я велю васъ связать». Онъ приказалъ принесть цѣпи и подойдти ближе ликторамъ. Тутъ только сломлена гордость Фенеаса и прочихъ Этолійцевъ: тутъ только почувствовали они свое положеніе, и Фенеасъ сказалъ, что онъ и тѣ Этолійцы, которые съ нимъ находятся, сознаютъ необходимость исполнить то, что повелѣваетъ консулъ; но утвердить это необходимо сейму Этолійцевъ; а потому онъ проситъ перемирія на десять дней». При посредничествѣ Элакка за Этолійцевъ, дано перемиріе, и за тѣмъ послѣдовало возвращеніе въ Гипату. Когда тамъ передъ собраніемъ выборныхъ, называемыхъ апоклетами, Фенеасъ изложилъ, что предписываетъ консулъ и какъ было онъ съ ними поступилъ, то старѣйшины сѣтовали на свое положеніе, однако

были того мнѣнія, что надобно покориться побѣдителю, и изо всѣхъ городовъ созвать Этоловъ къ совѣщанію.

29. Но когда собравшійся народъ выслушалъ то, что описано выше, то умы доведены были до высшей степени раздраженія такою строгостью приказаній и ихъ нелѣпостью, и тогда и будь даже миръ, то въ такомъ порывѣ гнѣва легко было ихъ возбудить къ войнѣ. Къ негодованію присоединялась и трудность исполненія приказаній консула (какимъ образомъ во всякомъ случаѣ возможна была выдача царя Аминандра?) и надежда, случайно представившаяся, такъ какъ Никандръ, въ то самое время пришедшій отъ царя Антіоха, исполнилъ большинство народа тщетнымъ ожиданіемъ, разсказами объ огромныхъ приготовленіяхъ къ войнѣ сухопутныхъ и морскихъ. Въ двенадцатый день послѣ того, какъ онъ сѣлъ на корабль, возвратился онъ въ Этолію, окончивъ свое посольство и присталъ къ Фаларѣ въ Маліакскомъ заливѣ. Оттуда онъ отвезъ деньги въ Ламію, а самъ, съ легковооруженными воинами при наступленіи вечера, серединою поля между лагерями Македонянъ и Римлянъ, пошелъ къ Гипатѣ по извѣстнымъ ему тропинкамъ, наткнулся на караульный постъ Македонянъ и отведенъ къ царю, который еще сидѣлъ за обѣдомъ. Узнавъ объ этомъ, царь встрѣтилъ его не какъ непріятеля, а какъ гостя, повелѣлъ ему возлечь съ собою и угощалъ его; отпустивъ другихъ, онъ даже и тутъ оставилъ его съ собою, и запретилъ ему имѣть какое либо о себѣ самомъ опасеніе. Винилъ онъ неправые замыслы Этоловъ, постоянно падающіе на ихъ же голову, такъ какъ они сначала Римлянъ, потомъ Антіоха привели въ Грецію. Впрочемъ прошедшее, которое скорѣе можно винить, чѣмъ поправить, онъ забываетъ и не станетъ поступать такъ, чтобы издѣваться надъ несчастіемъ Этоловъ. Да и они должны наконецъ перестать оказывать къ нему ненависть, и Никандръ пусть самъ за себя припомнитъ этотъ день, въ который онъ его сберегъ». Даны ему люди проводить его съ безопасностью и Никандръ прибылъ въ Гипату во время самихъ совѣщаній о мирѣ съ Римлянами.

30. М. Ацилій частью продалъ, частью уступилъ воинамъ добычу около Гераклеи, а когда онъ услыхалъ, что въ Гипатѣ составляются замыслы, не совсѣмъ миролюбивые, и что Этолы стеклись въ Навпактъ съ цѣлью оттуда выдержать весь натискъ войны, послалъ впередъ Ап. Клавдія съ четырьмя тысячами воиновъ занять горныя вершины въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ черезъ нихъ движеніе весьма затруднительно, а самъ взошелъ на Эту и принесъ жертву Геркулесу на томъ мѣстѣ, которое называютъ Пирою (тамъ преданы пламени бренные остатки этого бога). За тѣмъ двинулся онъ со всѣмъ войскомъ и остальной путь совершилъ довольно поспѣшнымъ переходомъ. Когда прибыли къ Корацу (это — весьма высокая гора между Каллиполисомъ и Навпактомъ), то тамъ много попадало вьючныхъ животныхъ съ тяжестями, да и людямъ досталось. Ясно обнаружилось, съ какимъ недѣятельнымъ непріятелемъ приходилось имѣть дѣло, такъ какъ онъ ущелье, столь непроходимое, гдѣ могъ бы преградить путь, не занялъ. И тутъ войско пострадало; наконецъ Ацилій спустился къ Навпакту, и одно укрѣпленіе воздвигнувъ напротивъ крѣпости, онъ обложилъ остальныя части города, раздѣливъ войска по мѣстоположенію стѣнъ. Не менѣе труда и хлопотъ представляла осада этого города, какъ и Гераклеи.

31. Въ тоже время Ахейцы начали осаждать Мессене въ Пелопоннессѣ за то, что этотъ городъ отказался участвовать въ ихъ союзѣ: такъ какъ два города — Мессене и Елисъ были внѣ Ахейскаго союза и дѣйствовали за одно съ Этолами. Впрочемъ Елеи, послѣ того какъ Антіохъ вынужденъ былъ бѣжать изъ Греціи, отвѣчали посламъ Ахейцевъ снисходительнѣе: «отпустивъ гарнизонъ царскій, они подумаютъ, какъ имъ слѣдуетъ поступить». Мессенцы отпустили посла безо всякаго отвѣта и начали войну. Встревожившись за свою собственность такъ какъ разсыпавшееся войско опустошало ихъ поля въ разныхъ мѣстахъ и готово было стать лагеремъ въ виду самаго города, отправили пословъ въ Халкиду къ Т. Квинкцію, виновнику ихъ свободы — извѣстить его, что Мессенцы Римлянамъ, а не Ахей-

были того мнѣнія, что надобно покориться побѣдителю, и изо всѣхъ городовъ созвать Этоловъ къ совѣщанію.

29. Но когда собравшійся народъ выслушалъ то, что описано выше, то умы доведены были до высшей степени раздраженія такою строгостью приказаній и ихъ нелѣпостью, и тогда и будь даже миръ, то въ такомъ порывѣ гнѣва легко было ихъ возбудить къ войнѣ. Къ негодованію присоединялась и трудность исполненія приказаній консула (какимъ образомъ во всякомъ случаѣ возможна была выдача царя Аминандра?) и надежда, случайно представившаяся, такъ какъ Никандръ, въ то самое время пришедшій отъ царя Антіоха, исполнилъ большинство народа тщетнымъ ожиданіемъ, разсказами объ огромныхъ приготовленіяхъ къ войнѣ сухопутныхъ и морскихъ. Въ двенадцатый день послѣ того, какъ онъ сѣлъ на корабль, возвратился онъ въ Этолію, окончивъ свое посольство и присталъ къ Фаларѣ въ Маліакскомъ заливѣ. Оттуда онъ отвезъ деньги въ Ламію, а самъ, съ легковооруженными воинами при наступленіи вечера, серединою поля между лагерями Македонянъ и Римлянъ, пошелъ къ Гипатѣ по извѣстнымъ ему тропинкамъ, наткнулся на караульный постъ Македонянъ и отведенъ къ царю, который еще сидѣлъ за обѣдомъ. Узнавъ объ этомъ, царь встрѣтилъ его не какъ непріятеля, а какъ гостя, повелѣлъ ему возлечь съ собою и угощалъ его; отпустивъ другихъ, онъ даже и тутъ оставилъ его съ собою, и запретилъ ему имѣть какое либо о себѣ самомъ опасеніе. Винилъ онъ неправые замыслы Этоловъ, постоянно падающіе на ихъ же голову, такъ какъ они сначала Римлянъ, потомъ Антіоха привели въ Грецію. Впрочемъ прошедшее, которое скорѣе можно винить, чѣмъ поправить, онъ забываетъ и не станетъ поступать такъ, чтобы издѣваться надъ несчастіемъ Этоловъ. Да и они должны наконецъ перестать оказывать къ нему ненависть, и Никандръ пусть самъ за себя припомнитъ этотъ день, въ который онъ его сберегъ». Даны ему люди проводить его съ безопасностью и Никандръ прибылъ въ Гипату во время самихъ совѣщаній о мирѣ съ Римлянами.

30. М. Ацилій частью продалъ, частью усту
добычу около Гераклеи, а когда онъ услыхалъ,
составляются замыслы, не совсѣмъ миролюбивые
стеклись въ Навпактъ съ цѣлью оттуда выдерж
тискъ войны, послалъ впередъ Ап. Клавдія съ ч
чами воиновъ занять горныя вершины въ тѣхъ
черезъ нихъ движеніе весьма затруднительно, а са
Эту и принесъ жертву Геркулесу на томъ мѣст
зываютъ Пирою (тамъ преданы пламени бренны
го бога). За тѣмъ двинулся онъ со всѣмъ войс
ной путь совершилъ довольно поспѣшнымъ пере
прибыли къ Корацу (это — весьма высокая гор
липолисомъ и Навпактомъ), то тамъ много попа
животныхъ съ тяжестями, да и людямъ досталос
ружилось, съ какимъ недѣятельнымъ непріятеле
имѣть дѣло, такъ какъ онъ ущелье, столь непр
могъ бы преградить путь, не занялъ. И тутъ
дало; наконецъ Ацилій спустился къ Навпакту, и
воздвигнувъ напротивъ крѣпости, онъ обложилъ
сти города, раздѣливъ войска по мѣстоположе
менѣе труда и хлопотъ представляла осада этог
и Гераклеи.

31. Въ тоже время Ахейцы начали осаждат
Пелопоннесѣ за то, что этотъ городъ отказал
въ ихъ союзѣ: такъ какъ два города—Мессене
внѣ Ахейскаго союза и дѣйствовали за одно съ
чемъ Елеи, послѣ того какъ Антіохъ вынужден
изъ Греціи, отвѣчали посламъ Ахейцевъ снисход
пустивъ гарнизонъ царскій, они подумаютъ, ка
дуетъ поступить». Мессенцы отпустили посла безо
и начали войну. Встревожившись за свою собствен
разсыпавшееся войско опустошало ихъ поля вт
стахъ и готово было стать лагеремъ въ виду
отправили пословъ въ Халкиду къ Т. Квинкцію,
свободы—извѣстить его, что Мессенцы Римляна

были того мнѣнія, что надобно покориться побѣдителю, и изо всѣхъ городовъ созвать Этоловъ къ совѣщанію.

29. Но когда собравшійся народъ выслушалъ то, что описано выше, то умы доведены были до высшей степени раздраженія такою строгостью приказаній и ихъ нелѣпостью, и тогда и будь даже миръ, то въ такомъ порывѣ гнѣва легко было ихъ возбудить къ войнѣ. Къ негодованію присоединялась и трудность исполненія приказаній консула (какимъ образомъ во всякомъ случаѣ возможна была выдача царя Аминандра?) и надежда, случайно представившаяся, такъ какъ Никандръ, въ то самое время пришедшій отъ царя Антіоха, исполнилъ большинство народа тщетнымъ ожиданіемъ, разсказами объ огромныхъ приготовленіяхъ къ войнѣ сухопутныхъ и морскихъ. Въ двенадцатый день послѣ того, какъ онъ сѣлъ на корабль, возвратился онъ въ Этолію, окончивъ свое посольство и присталъ къ Фаларѣ въ Маліакскомъ заливѣ. Оттуда онъ отвезъ деньги въ Ламію, а самъ, съ легковооруженными воинами при наступленіи вечера, серединою поля между лагерями Македонянъ и Римлянъ, пошелъ къ Гипатѣ по извѣстнымъ ему тропинкамъ, наткнулся на караульный постъ Македонянъ и отведенъ къ царю, который еще сидѣлъ за обѣдомъ. Узнавъ объ этомъ, царь встрѣтилъ его не какъ непріятеля, а какъ гостя, повелѣлъ ему возлечь съ собою и угощалъ его; отпустивъ другихъ, онъ даже и тутъ оставилъ его съ собою, и запретилъ ему имѣть какое либо о себѣ самомъ опасеніе. Винилъ онъ неправые замыслы Этоловъ, постоянно падающіе на ихъ же голову, такъ какъ они сначала Римлянъ, потомъ Антіоха привели въ Грецію. Впрочемъ прошедшее, которое скорѣе можно винить, чѣмъ поправить, онъ забываетъ и не станетъ поступать такъ, чтобы издѣваться надъ несчастіемъ Этоловъ. Да и они должны наконецъ перестать оказывать къ нему ненавистъ, и Никандръ пусть самъ за себя припомнитъ этотъ день, въ который онъ его сберегъ». Даны ему люди проводить его съ безопасностью и Никандръ прибылъ въ Гипату во время самихъ совѣщаній о мирѣ съ Римлянами.

30. М. Ацилій частью продалъ, частью уступилъ воинамъ добычу около Гераклеи, а когда онъ услыхалъ, что въ Гипатѣ составляются замыслы, не совсѣмъ миролюбивые, и что Этолы стеклись въ Навпактъ съ цѣлью оттуда выдержать весь натискъ войны, послалъ впередъ Ап. Клавдія съ четырьмя тысячами воиновъ занять горныя вершины въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ черезъ нихъ движеніе весьма затруднительно, а самъ взошелъ на Эту и принесъ жертву Геркулесу на томъ мѣстѣ, которое называютъ Пирою (тамъ преданы пламени бренные остатки этого бога). За тѣмъ двинулся онъ со всѣмъ войскомъ и остальной путь совершилъ довольно поспѣшнымъ переходомъ. Когда прибыли къ Корацу (это — весьма высокая гора между Каллиполисомъ и Навпактомъ), то тамъ много попадало вьючныхъ животныхъ съ тяжестями, да и людямъ досталось. Ясно обнаружилось, съ какимъ недѣятельнымъ непріятелемъ приходилось имѣть дѣло, такъ какъ онъ ущелье, столь непроходимое, гдѣ могъ бы преградить путь, не занялъ. И тутъ войско пострадало; наконецъ Ацилій спустился къ Навпакту, и одно укрѣпленіе воздвигнувъ напротивъ крѣпости, онъ обложилъ остальныя части города, раздѣливъ войска по мѣстоположенію стѣнъ. Не менѣе труда и хлопотъ представляла осада этого города, какъ и Гераклеи.

31. Въ тоже время Ахейцы начали осаждать Мессене въ Пелопоннесѣ за то, что этотъ городъ отказался участвовать въ ихъ союзѣ: такъ какъ два города — Мессене и Елисъ были внѣ Ахейскаго союза и дѣйствовали за одно съ Этолами. Впрочемъ Елеи, послѣ того какъ Антіохъ вынужденъ былъ бѣжать изъ Греціи, отвѣчали посламъ Ахейцевъ снисходительнѣе: «отпустивъ гарнизонъ царскій, они подумаютъ, какъ имъ слѣдуетъ поступить». Мессенцы отпустили посла безо всякаго отвѣта и начали войну. Встревожившись за свою собственность такъ какъ разсыпавшееся войско опустошало ихъ поля въ разныхъ мѣстахъ и готово было стать лагеремъ въ виду самаго города, отправили пословъ въ Халкиду къ Т. Квинкцію, виновнику ихъ свободы — извѣстить его, что Мессенцы Римлянамъ, а не Ахей-

цамъ готевы и ворота отворить и сдать городъ. Выслушавъ пословъ, Квинкцій немедленно отправился — въ Мегалополисъ и оттуда послалъ къ Діофану, претору Ахейскому съ приказаніемъ немедленно отвесть войско отъ Мессены и явиться къ нему. Діофанъ исполнилъ то, что ему было приказано и, снявъ осаду, самъ на легкѣ, оставивъ позади себя войско, въ окрестностяхъ Анданіи, небольшаго города, находившагося между Мегалополисомъ и Мессеною, встрѣтилъ Квинкція. Онъ объяснилъ ему причины нападенія на Мессену и получилъ выговоръ слегка за то, что онъ рѣшился на такое дѣло безъ его дозволенія; Квинкцій приказалъ ему распустить войско и не нарушать мира, заключеннаго къ общему благу. Мессенійцамъ онъ повелѣлъ — возвратить изгнанниковъ и учавствовать въ Ахейскомъ союзѣ; буде же они имѣютъ основаніе — чего либо опасаться на будущее время, то могутъ явиться къ нему въ Коринѳъ. Діофану онъ приказалъ — немедленно созвать сеймъ Ахейцевъ; тутъ онъ жаловался на то, что островъ Закинѳъ перехваченъ хитростью и требовалъ, чтобы онъ возвращенъ былъ Римлянамъ. Островъ Закинѳъ принадлежалъ Филиппу, царю Македонянъ: онъ далъ его Аминандру въ вознагражденіе за то, чтобы онъ дозволилъ весть войска черезъ Атаманію въ верхнюю часть Этоліи: такимъ движеніемъ онъ сломилъ ихъ упорство и принудилъ просить мира. Аминандръ Филиппа Мегалополитанца сдѣлалъ начальникомъ острова: впослѣдствіи когда Филиппъ отозванъ былъ обязанностями войны, въ которой онъ принялъ сторону Антіоха противъ Римлянъ ему преемникомъ посланъ Гіероклъ Агригентинецъ.

32. А тотъ, послѣ бѣгства Антіоха отъ Термопилъ и изгнанія Аминандра изъ Атамани Филиппомъ, послалъ самъ къ Діофану, претору Ахейскому, гонцовъ и, условившись съ ними въ извѣстной денежной суммѣ, передалъ островъ Ахейцамъ. Римляне находили справедливымъ, чтобы этотъ островъ оставался имъ наградою за войну: «не для Діофана и Ахейцевъ сражались М. Ацилій консулъ и легіоны Римскіе у Термопилъ». Діофанъ то противъ этого защищалъ себя и свой народъ, то

спорилъ о справедливости того, что случилось. Нѣкоторые Ахейцы утверждали, что и сначала пренебрегали этимъ дѣломъ и въ то время пеняли претора за его упорство: по ихъ просьбѣ опредѣлено — дѣло это поручить Т. Кванкцію. А Квинкцій на сколько былъ упоренъ, когда ему противорѣчили, настолько мягокъ, если ему уступали, потому, измѣнивъ и голосъ и выраженіе лица, онъ сказалъ: «будь я увѣренъ, что обладаніе этого острова полезно для Ахейцевъ, то я самъ былъ бы ходатаемъ передъ Римскими сенатомъ и народомъ, чтобы они допустили васъ имъ владѣть. Впрочемъ, какъ я вижу, что черепаха, удалясь подъ покрывающій ее черепъ, безопасна ото всѣхъ ударовъ: а какъ только выставитъ что нибудь и обнажитъ, то все у ней становится слабо и вся она подвергается опасности. Есть сходство и у васъ съ нею, Ахейцы! Вы окружены со всѣхъ сторонъ моремъ и потому все, что находится въ предѣлахъ Пелопонеса легко вамъ и присоединить къ себѣ и присоединенное защищать: а какъ только вы, побуждаемые жадностью захватить болѣе, выйдете за ваши естественныя границы, то у васъ все, внѣ ихъ находящееся, будетъ обнажено и подвергнуто всѣмъ ударамъ». Слова Квинкція одобрило все собраніе, и Діофанъ не смѣлъ болѣе противурѣчить, вслѣдствіе чего Закинфъ и отданъ Римлянамъ.

33. Въ тоже время царь Филиппъ спросилъ консула, когда тотъ отправлялся въ Навпактъ, согласенъ ли онъ—дозволить ему пока брать тѣ города, которые отпали отъ союза съ Римлянами. Получивъ дозволеніе консула, царь Филиппъ придвинулъ войска къ Деметріадѣ: не безъизвѣстно было ему о томъ, какое тамъ въ то время господствовало смятеніе. Лишенные всякой надежды, видя себя оставленными Антіохомъ и не предвидя ничего для себя полезнаго со стороны Этоловъ, жители ждали со дня на день прибытія или враждебнаго имъ царя Филиппа, или еще враждебнѣйшихъ, чѣмъ основательнѣе были причины ихъ раздраженія, Римлянъ. Находилась тамъ безпорядочная толпа царскихъ (Антіоха) воиновъ: сначала они были оставлены въ небольшомъ количествѣ въ видѣ гарнизона, а въ

послѣдствіи много ихъ, и по большей части безоружныхъ, послѣ пораженія спаслись сюда бѣгствомъ, и не имѣли ни достаточно силъ, ни довольно смѣлости выдержать здѣсь осаду. А потому лицамъ, которыхъ Филиппъ послалъ впередъ съ надеждою возможнаго помилованія, жители отвѣчали, что ворота города открыты для царя. Какъ только онъ сталъ входить, то нѣкоторые старѣйшины оставили городъ: Еврилохъ самъ себя лишилъ жизни. Воины Антіоха (такъ они уговорились) черезъ Македонію и Ѳракію, провожаемые Македонянами, — какъ бы кто ихъ не обидѣлъ — отведены въ Лизимахію. Немного судовъ находилось и въ Деметріадѣ, надъ которыми начальствовалъ Исидоръ; и они отосланы съ своимъ префектомъ. Вслѣдъ за тѣмъ царь Филиппъ снова занялъ Долопію, Аперантію, и нѣкоторые города Перребіи.

34. Между тѣмъ какъ таковы были дѣйствія Филиппа, Т. Квинкцій занялъ Закинѳъ вслѣдствіе опредѣленія Ахейскаго сейма и переправился въ Навпактъ; уже два мѣсяца этотъ городъ былъ осаждаемъ и доведенъ до послѣдней крайности. По видимому съ взятіемъ этого города силою, самое имя Этоловъ должно было окончательно погибнуть. Впрочемъ хотя имѣлъ онъ основаніе сердиться на Этоловъ, припоминая, что они одни старались унизить его славу, когда онъ возвратилъ Греціи свободу, и нисколько не тронулись его убѣжденіями, когда онъ предостерегалъ ихъ, почти предсказывая все то, что случилось и старался отвлечь ихъ отъ безумнаго намѣренія; однако, считая первымъ своимъ долгомъ — не допускать до окончательной гибели ни одного народа освобожденной имъ Греціи, началъ прогуливаться передъ стѣнами нарочно, чтобы его узнали Этолы. Тотчасъ на передовыхъ постахъ онъ былъ узнанъ, и разнеслось по всѣмъ рядамъ, что Квинкцій здѣсь. Тогда жители сбѣжались на стѣны; они протягивали руки каждый за себя и единодушными крикаки умоляли именно Квинкція, помочь имъ и спасти ихъ. И тутъ онъ, какъ ни дѣйствовали на него ихъ слова, рукою сдѣлалъ знакъ отказа, что онъ неможетъ для нихъ ничего сдѣлать. Впрочемъ по прибытіи къ

консулу, онъ ему сказалъ: «или ты, М. Ацилій, не замѣчаешь, что дѣлается? Или, и понимая все, ты можетъ быть полагаешь, что это ни сколько не относится къ главному дѣлу»? Возбудилъ онъ этими словами ожиданіе консула и тотъ сказалъ ему: «что же ты медлишь объяснить въ чемъ дѣло?» На это Квинкцій отвѣчалъ ему: «развѣ ты ни видишь, что ты, побѣдивъ окончательно Антіоха, тратишь время на осаду двухъ городовъ, между тѣмъ какъ уже приходитъ почти къ концу годъ твоей власти? Между тѣмъ Филиппъ, который и въ глаза не видалъ ни знаменъ непріятельскихъ, ни ихъ рядовъ, забираетъ себѣ не только города, но и цѣлые народы: Атаманію, Перребію, Аперантію и Долопію. А не столько для васъ нужно — сокрушить силу и могущество Этоловъ, сколько не допустить усилиться черезъ мѣру Филиппу; между тѣмъ какъ ты, и твои воины, еще и двухъ городовъ не получили въ награду за твою побѣду, а Филиппъ уже владѣетъ столькими народами Греціи.

35. Согласился съ этимъ консулъ; удерживалъ его только стыдъ — оставить осаду и отказаться отъ принятаго намѣренія, а потому онъ все дѣло поручилъ Квинкцію; немедленно тотъ вернулся къ той части стѣны, съ которой только передъ этимъ призывали его Этолы своими криками; когда они тутъ еще пристальнѣе просили — сжалиться надъ народомъ Этолійскимъ, то онъ приказалъ нѣкоторымъ выйдти къ себѣ; тотчасъ явились къ нему Фенеасъ и другіе старѣйшины; когда они упали къ его ногамъ, Квинкцій сказалъ имъ: счастіе ваше условило то, что какъ я предсказалъ — и случилось; и того утѣшенія вамъ не осталось — убѣжденія, что вы пострадали безвинно. А я, самою судьбою назначенный, такъ сказать, для прокормленія Греціи, не откажусь дѣлать добро и тогда, когда вы неблагодарны. Пошлите ораторовъ къ консулу — просить перемирія на столько времени, чтобы вамъ возможно было отправить пословъ въ Римъ, и черезъ нихъ отдайтесь въ полное распоряженіе сената. А я передъ консуломъ буду вашимъ заступникомъ и защитникомъ.» Поступили такъ, какъ имъ присовѣтовалъ Квинкцій; да и кон-

сулъ не пренебрегъ посольства: давъ имъ перемиріе до назначеннаго срока, въ теченіи котораго могло быть отправлено посольство въ Римъ—осада снята и войско отправлено въ Фокиду. Консулъ съ Т. Квинкціемъ переправился въ Эгій на Ахейскій сеймъ; здѣсь толковали объ Елейцахъ и о возвращеніи изгнанниковъ Лакедемонскихъ: ни то, ни другое дѣло не приведено къ концу: Ахейцы предоставляли его своей милости, а Елеи лучше сами черезъ себя, чѣмъ черезъ Римлянъ, предпочитали войдти въ Ахейскій союзъ. Послы Епиротовъ прибыли къ консулу; довольно хорошо было извѣстно, что они пребывали въ дружбѣ не совсѣмъ чистосердечно, но воиновъ своихъ они ни сколько не давали Антіоху. Обвиняли ихъ въ томъ, будто бы они ему пособляли деньгами, посылали къ нему пословъ, отъ этого они и сами не отказывались. На просьбу ихъ — дозволить имъ оставаться въ прежнихъ дружественныхъ отношеніяхъ, консулъ отвѣчалъ: «самъ не знаетъ онъ, какъ ихъ считать- за непріятелей ли, или за друзей; пусть въ этомъ дѣлѣ будетъ судьею сенатъ; дѣло ихъ все вполнѣ передастъ онъ въ Римъ; на это же перемиріе назначитъ имъ срокомъ въ 90 дней». Епироты, отправленные въ Римъ, явились въ сенатъ. Они докладывали болѣе въ томъ смыслѣ, что ничего непріязненнаго не совершили, чѣмъ оправдывались въ возводимыхъ на нихъ обвиненіяхъ. Имъ данъ отвѣтъ, который ясно обнаруживалъ, что имъ скорѣе дано прощеніе, чѣмъ оправдано ихъ дѣло. Около того же времени, и послы царя Филиппа были введены въ сенатъ и поздравляли съ побѣдою. На просьбу ихъ дозволить имъ принести жертву въ Капитоліѣ, и даръ изъ золота положить въ храмѣ Юпитера Благаго и Всемогущаго—послѣдовало соизволеніе сената: они положили вѣнокъ золотой въ 100 фунтовъ. Не только данъ посламъ царя самый ласковый отвѣтъ, но и сынъ Филиппа, Деметрій, находившійся заложникомъ въ Римѣ, отданъ посламъ, чтобы они отвели его къ отцу. Война, веденная въ Греціи противъ царя Антіоха консуломъ М. Ациліемъ, имѣла такой конецъ.

36. Другой консулъ — П. Корнелій Сципіонъ, получивъ по жеребью провинцію Галлію, прежде чѣмъ отправиться на войну, которую надлежало вести съ Боями, просилъ у сената — ассигновать ему денегъ на игры, которыя онъ обѣщалъ дать, будучи преторомъ въ Испаніи, среди самаго разгара войны. Казалось, что онъ требовалъ новаго и несправедливаго, а потому сенатъ опредѣлилъ: какія игры обѣщаны военачальникомъ безъ совѣта съ сенатомъ, то пусть онъ ихъ совершаетъ или изъ военной добычи, если онъ оставилъ на этотъ предметъ денегъ, или на свой собственный счетъ. Игры эти П. Корнелій совершалъ въ продолженіи десяти дней. Почти около этого времени освященъ храмъ великой Матери Идейской. Богиню эту П. Корнелій, привезенную изъ Азіи во время консульства П. Корнелія Сципіона, получившаго впослѣдствіи прозваніе Африканскаго, и П. Лицинія,—снесъ въ Палацій съ морскаго берега. Положили основаніе постройкѣ, вслѣдствіе сенатскаго декрета—цензоры М. Ливій и К. Клавдій, въ консульство М. Корнелія и П. Семпронія; а черезъ тринадцать лѣтъ спустя освятилъ его М. Юній Брутъ и, по случаю освященія, даны игры, которыя, по словамъ Валерія Антіата, были первыя сценическія и имѣли названіе Мегалезскихъ; также храмъ Юношества, въ Великомъ Циркѣ, посвятилъ дуумвиръ К. Лициній Лукуллъ. Относительно его далъ обѣтъ за 16 лѣтъ передъ тѣмъ консулъ М. Ливій въ тотъ день, когда истребилъ Аздрубала съ его войскомъ; онъ же будучи цензоромъ, назначалъ постройку этого храма въ консульство М. Корнелія и П. Семпронія. По случаю освященія и этого храма даны игры, и всѣ эти игры совершены тѣмъ съ большею набожностью, что предстояла тогда еще новая война съ Антіохомъ.

37. Въ началѣ года, когда это совершалось, — консулъ М. Ацилій уже отправился на войну, въ Римѣ еще оставался консулъ П. Корнелій, — по преданію два ручныхъ вола, въ урочищѣ Каринахъ, по лѣстницѣ взобрались на крышу строенія. Ихъ сжечь живыхъ и пепелъ ихъ бросить въ Тибръ—повелѣли гадатели. Получено извѣстіе, что въ Таррацинѣ и Амитернѣ нѣсколько разъ принимался идти каменный дождь. Въ

Минтурнахъ громъ ударилъ въ храмъ Юпитера и лавки около форума. Въ Вултурнѣ, въ устьѣ рѣки, два корабля сгорѣли отъ молніи. Вслѣдствіе этихъ чудесныхъ явленій, децемвиры, по сенатскому декрету, обратились къ Сивиллинымъ книгамъ и дали знать: необходимо установить постъ Церерѣ и наблюдать его на каждый пятый годъ, принести девятидневное жертвоприношеніе, и въ продолженіи одного дня совершать повсемѣстное молебствіе. Совершать его должны въ вѣнкахъ, а консулъ П. Корнелій долженъ принести жертву въ такіе дни и такими жертвенными животными, какихъ назначатъ децемвиры. По умилостивленіи боговъ, исполненіемъ обѣтовъ, согласно съ преданіями, консулъ отправился въ провинцію, и тамъ отдалъ приказаніе бывшему за консула Домицію, отпустивъ войско, удалиться въ Римъ, а самъ повелъ легіоны въ землю Боіевъ.

38. Почти около того же времени Лигуры, собравъ войско подъ священною клятвою, ночью неожиданно аттаковали лагерь проконсула К. Минуція. Тотъ съ разсвѣта держалъ войско въ боевомъ порядкѣ за валомъ, наблюдая, какъ бы гдѣ непріятель не перешелъ черезъ окопы; на разсвѣтѣ онъ сдѣлалъ вылазку разомъ въ двое воротъ. Лигуры не были, какъ онъ надѣялся, сломлены первымъ натискомъ и, въ продолженіи болѣе двухъ часовъ, бой былъ нерѣшительный. Наконецъ съ выступленіемъ все новыхъ и новыхъ рядовъ, и замѣною на полѣ сраженія утомленныхъ свѣжими, Лигуры, къ тому же измученные бодрствованіемъ ночью, обратили тылъ. Убито болѣе 4 тыс. непріятелей, а изъ Римлянъ и союзниковъ погибло менѣе 300 чел. Почти черезъ два мѣсяца послѣ того, консулъ П. Корнелій сражался съ полнымъ успѣхомъ въ открытомъ полѣ противъ войска Боіевъ. Валерій Антіатъ пишетъ, что пало двадцать восемь тысячъ непріятелей, а взято въ плѣнъ три тысячи четыреста, военныхъ значковъ 124, коней—1230, телѣгъ—247. Потеря побѣдителя простиралась до 1484 человѣкъ. Хотя нельзя въ точности вѣрить числамъ этого писателя (такъ какъ врядъ ли кто болѣе его имѣетъ наклонность преувеличивать), но во всякомъ случаѣ ясно, что побѣда наша была значительна, когда и

лагерь былъ взятъ, и Боіи послѣ этого сраженія немедленно покорились, а сенатъ опредѣлилъ молебствіе за эту побѣду, и принесены большія жертвы.

39. Въ это время М. Фульвій Нобиліоръ изъ дальней Испаніи, вошелъ въ городъ съ почестями оваціи. Серебра онъ внесъ 12 тысячъ фунтовъ, и чеканнаго серебра въ монетѣ 130 фунтовъ, а золота 127 фунтовъ. Консулъ П. Корнелій, сначала получивъ заложниковъ отъ народа Боіевъ, оштрафовалъ ихъ почти половиною ихъ полей, куда, еслибы захотѣлъ народъ Римскій, могъ посылать своихъ поселенцевъ. Удаляясь оттуда въ Римъ на тріумфъ, почти несомнѣнный, онъ отпустилъ войско и приказалъ ему явиться въ Римъ ко дню тріумфа, а самъ, на другой день по прибытіи, созвавъ сенатъ въ храмъ Беллоны, изложилъ все, что совершилъ, и требовалъ—дозволить ему войти въ городъ съ почестями тріумфа. П. Семпроній Блезъ, трибунъ народный, былъ того мнѣнія, что: «отказывать Сципіону ненадобно, а только отложить почести тріумфа. Война съ Лигурами влечетъ за собою постоянно и Галльскую: эти народы, будучи близкими сосѣдями, постоянно дѣйствуютъ за одно, оказывая другъ другу помощь. Еслибы П. Сципіонъ, поразивъ въ сраженіи Боіевъ, или самъ перешелъ съ побѣдоноснымъ войскомъ въ землю Лигуровъ, или послалъ часть войскъ К. Минуцію, который вотъ уже третій годъ задерживается тамъ войною сомнительною, то можно было бы войну съ Лигурами привести къ рѣшительному концу. Теперь же воины уведены для того, чтобы присутствовать на тріумфѣ, между тѣмъ какъ они могли бы оказать отличную услугу дѣлу общественному и могутъ и теперь, если сенатъ поправитъ дѣло, испорченное поспѣшностью тріумфа, отложивъ его. Пусть сенатъ повелитъ—консулу съ легіонами воротиться въ провинцію и оказать свое содѣйствіе къ покоренію Лигуровъ. А пока они не будутъ въ полномъ распоряженіи Римлянъ, то и Боіи не останутся въ покоѣ: необходимо имѣть и войну и миръ въ обоихъ мѣстахъ разомъ. По окончательномъ покореніи Лигуровъ, для этого нужно немного мѣсяцевъ, проконсулъ П. Корнелій,

по примѣру многихъ, получившихъ почести тріумфа, не въ отправленіи должности, получить ихъ наконецъ.

40. Возраженіе консула заключалось въ слѣдующемъ: «земля Лигуровъ не входила въ составъ назначеннаго ему участка, да и войну онъ велъ не съ Лигурами, и не за нихъ требуетъ себѣ тріумфа. Онъ увѣренъ, что въ непродолжительномъ времени К. Минуцій, покоривъ Лигуровъ, будетъ требовать заслуженный тріумфъ и получитъ его. Что же касается до него, Сципіона, то онъ требуетъ тріумфа за Галловъ Бойскихъ: ихъ онъ побѣдилъ въ открытомъ бою и лишилъ ихъ лагеря. Весь ихъ народъ черезъ два дни послѣ битвы изъявилъ ему покорность и отъ него онъ взялъ заложниковъ, какъ ручательство мира въ будущемъ. Впрочемъ, конечно, важнѣе этого, что онъ такое множество Галловъ умертвилъ въ сраженіи, и навѣрное до него ни одинъ полководецъ не имѣлъ дѣла съ столькими тысячами Боіевъ: изъ пятидесяти тысячь человѣкъ, болѣе половины убито и нѣсколько тысячь взято въ плѣнъ: у Боіевъ остались только старики и дѣти. А потому кого же можетъ удивить, если побѣдоносное войско, не оставивъ въ провинціи непріятеля вовсе, прибудетъ въ Римъ для празднованія тріумфа своего консула? Если сенату угодно употребить тѣхъ же воиновъ въ дѣло и въ другой провинціи, то какъ онъ полагаетъ найдти ихъ болѣе готовыми къ перенесенію новыхъ трудовъ и опасностей, тогда ли, когда имъ безо всякаго возраженія дана будетъ награда за прежнюю ихъ опасность и труды, или когда они будутъ отпущены вмѣсто дѣйствительности съ одною лишь надеждою, обманутые уже разъ въ той которую они имѣли прежде? Что же касается до него, Сципіона, то онъ уже довольно стяжалъ себѣ славы на всю жизнь въ тотъ день, когда, признанный лучшимъ и достойнѣйшимъ гражданиномъ, сенатомъ былъ посланъ принять Идейскую Матерь. Такимъ титломъ, и безъ присоединенія консульства и тріумфа, довольно честна и почетна будетъ память П. Сципіона Назики». Цѣлый сенатъ не только самъ изъявилъ согласіе единогласно — опредѣлить тріумфъ, но и трибуна народнаго своимъ вліяніемъ склонилъ оставить свое возраженіе. П. Корнелій консулъ получилъ тріумфъ надъ Боійями; въ торжественномъ шествіи везены были на Галльскихъ телѣгахъ оружіе, значки и добыча всякаго рода, между прочимъ мѣдные сосуды Галльскіе, много было знатныхъ плѣнныхъ, и гнали цѣлое стадо захваченныхъ и непріятеля лошадей. Золотыхъ ожерелій онъ внесъ тысячу четыреста семьдесятъ одно; кромѣ того золота вѣсомъ 248, а серебра недѣланнаго и дѣланнаго въ Галльскихъ сосудахъ, сработанныхъ по ихъ обычаю, но не безъ вкуса, двѣ тысячи триста сорокъ фунтовъ вѣсомъ, и чеканныхъ денегъ съ изображеніемъ колесницы запряженной парою 234. Воинамъ, слѣдовавшимъ за колесницею, роздалъ онъ по 125 ассъ, сотнику вдвое, а конному воину втрое. На другой день, созвавъ народное собраніе, онъ разсказалъ тамъ о дѣлахъ, имъ совершенныхъ и объ оскорбленіи, нанесенномъ ему трибуномъ народнымъ, ввязывавшимся въ дѣла войны, для него чуждыя, съ цѣлью лишить его плодовъ побѣды; за тѣмъ онъ отпустилъ воиновъ по домамъ.

41. Между тѣмъ какъ это происходило въ Италіи, Антіохъ въ Ефесѣ былъ довольно покоенъ на счетъ войны съ Римлянами, полагая, что они не перейдутъ въ Азію. Въ этомъ старались успокоить его и большая часть приближенныхъ, или находившихся въ томъ же заблужденіи, или старавшихся поддѣлаться. Одинъ Аннибалъ, вліяніе котораго на царя было въ это время самое значительное: «удивляется—говорилъ онъ—скорѣе тому, какъ до сихъ поръ еще нѣтъ въ Азіи Римлянъ, чѣмъ сомнѣвается въ томъ, что они придутъ. Ближе переправиться изъ Греціи въ Азію, чѣмъ изъ Италіи въ Грецію, да и дѣло Антіоха гораздо важнѣе, чѣмъ Этоловъ. Римляне не менѣе сильны на морѣ какъ и на сушѣ, и флотъ ихъ давно уже находится около Малеи. Слышалъ онъ, что недавно новыя суда и новый полководецъ пришли изъ Италіи для веденія военныхъ дѣйствій, а потому пусть отложитъ Антіохъ тщетную надежду на спокойствіе; скоро прійдется ему сражаться съ Римлянами на морѣ и на сушѣ, въ самой Азіи и за обладаніе ею—и или

отнять власть у домогающихся господствовать надъ всею землею, или утратить и свои владѣнія». Видѣли что одинъ Аннибалъ и предвидитъ вѣрно и заботится о будущемъ; а потому самъ царь на судахъ, готовыхъ и снабженныхъ всѣмъ нужнымъ, отправился въ Херсонесъ — укрѣпить этими мѣста военными прикрытіями въ случаѣ, если Римляне придутъ сухимъ путемъ. Остальный флотъ приготовить и вывести въ море отдалъ онъ приказаніе Поликсениду, а сторожевыя суда послалъ около островов для подробныхъ разслѣдованій.

42. К. Ливій, префектъ Римскаго флота, отправился съ пятидесятью палубными судами изъ Рима въ Неаполь: тамъ онъ назначилъ сборное мѣсто для открытыхъ судовъ союзниковъ этого прибрежья, сколько ихъ они обязаны были выставить согласно союзнаго договора. Оттуда онъ поплылъ въ Сицилію; проходя мимо Мессаны проливомъ, присоединилъ онъ къ себѣ шесть Пуническихъ судовъ, присланныхъ на помощь, вытребовалъ суда, сколько ихъ нужно было, отъ Регинцевъ, Локровъ и другихъ союзниковъ. Осмотрѣвъ флотъ у Лацинія, выступилъ онъ въ открытое море. Въ Корцирѣ — то былъ первый Греческій городъ, куда онъ прибылъ,—онъ распросилъ о положеніи военныхъ дѣлъ (въ то время еще не все было умирено въ Греціи) и о томъ, гдѣ находится флотъ Римскій. Услыхавъ, что и консулъ и царь стоятъ другъ противъ друга у Термопилъ, флотъ же находится въ Пиреѣ, счелъ за лучшее по всѣмъ обстоятельствамъ спѣшить, и тотчасъ поплылъ къ Пелопоннесу. Немедленно онъ, опустошивъ Закинфъ и Самосъ за то, что они предпочли быть за одно съ Этолами, направился къ Малеѣ. Плаваніе его было благополучно, и немного дней спустя онъ прибылъ въ Пирей къ старому флоту. У Сциллея встрѣтилъ его Евменъ съ тремя судами; въ Егинѣ долго онъ не рѣшался— идти ли домой на защиту своихъ владѣній (слышалъ онъ, что Антіохъ въ Ефесѣ готовитъ войска сухопутныя и морскія) или вовсе неотходить отъ Римлянъ, съ успѣхами которыхъ тѣсно связана была и его участь. Изъ Пирея А. Атилій, передавъ своему преемнику двадцать пять палубныхъ судовъ, отправился

въ Римъ; а Ливій, съ восьмидесятью крытыми судами и кромѣ того многими меньшаго размѣра, частью открытыми, но съ окованными мѣдью носами, частью большимъ количествомъ легкихъ безъ мѣдныхъ носовъ, переправился въ Делосъ.

43. Около этого времени консулъ Ацилій осаждалъ Навцактъ. Ливій въ Делосѣ, въ теченіи нѣсколькихъ дней (эта сторона Цикладъ, разрѣзанная то большими, то малыми проливами наиболѣе подвержена вѣтрамъ) былъ задержанъ противными вѣтрами. Поликсенидасъ, узнавъ отъ сторожевыхъ, въ разныхъ мѣстахъ стоявшихъ судовъ—что флотъ Римскій находится въ Делосѣ, отправилъ всадниковъ къ царю: тотъ, оставивъ свои дѣла въ Геллеспонтѣ, съ военными судами, сколько возможно поспѣшнѣе вернулся въ Ефесъ и тотчасъ собралъ совѣтъ—непопытать ли счастія въ морской битвѣ. Поликсенидасъ увѣрялъ, что медлить не надобно «и во всякомъ случаѣ сраженіе надобно дать прежде, чѣмъ присоединятся къ Римлянамъ флотъ Евмена и Родосскія суда. Теперь числомъ почти ровные, всѣмъ прочимъ — и быстротою судовъ и разнообразіемъ вспомогательныхъ средствъ, они имѣютъ перевѣсъ. Суда Римскія, сдѣланныя безъ знанія дѣла, неподвижны и притомъ, являясь въ землю непріятельскую, они обременены припасами; между тѣмъ какъ они, оставляя около себя все въ покоѣ, ничего не будутъ имѣть съ собою кромѣ воиновъ и оружія. Не мало пользы принесетъ имъ также незнакомство съ моремъ, землями и вѣтрами, а непріятелю, незнающему всего этого, можетъ послужить поводомъ къ смятенію». Убѣдилъ всѣхъ виновникъ этого намѣренія, и онъ же долженъ былъ исполнить его на дѣлѣ. Два дня прошло въ приготовленіяхъ: на третій день со ста судами, изъ коихъ 70 было палубныхъ, остальныя открытыя—всѣ меньшаго размѣра—выступили и отправились въ Фокею. Услыхавъ тамъ, что уже приближается Римскій флотъ, царь, имѣя намѣреніе не присутствовать при морской битвѣ, удалился въ Магнезію ту, что у Сипила — собирать сухопутныя войска. Флотъ отправился къ Киссунту, пристани Еретрійцевъ, находя какъ бы удобнѣе дожидаться непріятеля. Римляне, лишь только утихъ сѣверный вѣтеръ, про-

должавшійся нѣсколько дней, отправились изъ Делоса въ Фанасъ, пристань Хіосцевъ, обращенную въ Эгейское море; тутъ они обернули суда къ городу и, взявъ съ собою припасовъ, переправились въ Фокею. Евменъ отправился въ Елей къ своему флоту и немного дней спустя, съ 24 палубными судами и немного большимъ числомъ открытыхъ, изъ Фокеи вернулся къ Римлянамъ, которые готовились и снаряжались къ морскому сраженію. Оттуда со ста пятью крытыми судами, съ почти пятидесятью открытыми выступили; сначала ихъ сѣверный вѣтеръ, дувшій съ боку, гналъ было къ берегу, и они вынуждены были двигаться впередъ рядомъ, протянувшись на большое пространство по одному судну. Потомъ, когда сила вѣтра нѣсколько поутихла, они пытались переправиться къ Корикскому порту, находящемуся повыше Киссунта.

44. Поликсенидасъ, какъ только получено было извѣстіе о приближеніи непріятеля, обрадовался возможности дать сраженіе, и самъ лѣвое крыло протянулъ въ море, а правое крыло приказалъ префектамъ судовъ примкнуть къ берегу; прямою боевою линіею шелъ онъ на битву. Замѣтивъ это, Римляне спустили паруса, наклонили мачты и, устроивъ въ порядкѣ такелажъ, поджидали преслѣдовавшія ихъ суда. Уже почти тридцать находилось въ передней линіи, а чтобы съ ними сравнять лѣвое крыло, Римляне, поднявъ малые паруса, намѣревались пуститься въ открытое море; они приказали тѣмъ, которые за ними слѣдовали, противъ праваго крыла поближе къ землѣ направить носы судовъ. Евменъ замыкалъ собою строй. Впрочемъ, какъ только стали хлопотать надъ уборкою снастей, онъ самъ съ такою быстротою, какъ только могъ, двинулъ суда. Всѣ уже были въ виду: два Пуническихъ судна шли впереди Римскаго флота, и на встрѣчу имъ вышли три царскихъ судна и при численномъ перевѣсѣ, на два царскихъ судна приходилось по одному; сначала они другъ у друга одною стороною обламываютъ весла; потомъ переходятъ вооруженные и, сбросивъ или истребивъ защитниковъ, берутъ судно. Одно, которое случайно боролось было не безъ успѣха, видя, что другое

судно прежде уже взято, пустилось бѣжать назадъ къ флоту, прежде чѣмъ оно было окружено тремя разомъ. Ливій, вспылавъ негодованіемъ, устремился на непріятеля съ своимъ начальническимъ судномъ. Противъ него выступали съ прежнею смѣлостью два судна тѣ самыя, которыя окружили одно Пуническое. Ливій велѣлъ своимъ гребцамъ опустить въ воду весла по обѣимъ сторонамъ, для того, чтобы придать кораблю больше стойкости, на подошедшія непріятельскія суда закинуть желѣзныя лапы, и какъ только условія борьбы будутъ все тѣ же, что на сухомъ пути, напомнилъ своимъ воинамъ о доблести свойственной Римлянамъ, которые рабовъ царскихъ не могутъ даже считать достойными себя соперниками. Немного легче того, какъ прежде два судна одолѣли одно, онъ тутъ одинъ одолѣлъ два, и взялъ ихъ. И уже самые флоты сцѣпились повсемѣстно и сражались въ разныхъ мѣстахъ, перемѣшавшись судами. Евменъ пришелъ послѣднимъ къ завязавшемуся бою: примѣтивъ, что лѣвое крыло непріятельское разстроено Ливіемъ, самъ напалъ на правое, гдѣ борьба была еще ровною.

45. Не такъ много времени спустя началось бѣгство на лѣвомъ флангѣ. Поликсенидасъ, видя, что доблестью воиновъ перевѣсъ склоняется на сторону непріятелей, поднявъ малые паруса, пустился всѣми силами бѣжать: скоро незамедлили послѣдовать ихъ примѣру и тѣ суда, которыя у берега схватились было съ Евменовыми. Римляне и Евменъ, насколько лишь достало силъ у гребцовъ и было надежды вредить въ тылъ непріятелю, довольно пристально его преслѣдовали. А когда они замѣтили, что тщетно было бы имъ состязаться въ быстротѣ съ легкими судами непріятельскими, имѣя у себя суда, обремененныя припасами всякаго рода, наконецъ оставили преслѣдованіе; захватили они тринадцать непріятельскихъ судовъ съ воинами и гребцами, а двенадцать потопили. Изъ Римскаго флота погибло одно Пуническое судно, въ первой схваткѣ окруженное двумя непріятельскими. Поликсенидасъ остановился бѣжать не прежде, какъ у пристани Ефеса. Римляне въ этотъ день оставались на томъ мѣстѣ, откуда вышелъ флотъ царскій: на другой день они

намѣревались прислѣдовать непріятеля. Почти на половинѣ дороги встрѣтили ихъ двадцать пять палубныхъ Родоскихъ судовъ съ Пизистратомъ, префектомъ флота. Присоединивъ ихъ, они преслѣдовали непріятеля до Ефеса, и остановились, устроивъ суда въ боевомъ порядкѣ при входѣ въ гавань. Получивъ такимъ образомъ достаточное признаніе отъ непріятеля въ томъ, что онъ побѣжденъ, Римляне отпустили Родосцевъ и Евмена домой, а сами, отправясь въ Хіосъ, проплыли мимо Феникунта, перваго порта Еритрейской земли, и ночью бросивъ якори, на другой день переправились въ островъ къ самому городу; тутъ они пробыли не долго, давъ нѣсколько отдохнуть гребцамъ и переплыли въ Фокею. Тутъ они оставили оберегать городъ четыре судна о пяти рядахъ веселъ; затѣмъ флотъ пришелъ въ Каны, и такъ какъ уже приближалась зима, то суда вытащены на берегъ, гдѣ и окружены рвомъ и валомъ. Въ концѣ года въ Римѣ состоялись выборы, на которыхъ назначены консулами Л. Корнелій Сципіонъ и К. Лелій, такъ какъ вниманіе всѣхъ было обращено на то, какъ бы привести къ концу войну съ Антіохомъ. На другой день выбраны преторы М. Тупій, Л. Аврункулей, Кн. Фульвій, Л. Эмилій, П. Юній, К. Атиній Лабеонъ.

КНИГА ТРИДЦАТЬ СЕДМАЯ.

1. При консулахъ Л. Корнеліѣ Сципіонѣ и К. Леліѣ первою заботою, послѣ относившейся до предметовъ религіи было въ сенатѣ дѣло Этоловъ. И послы ихъ настаивали вслѣдствіе кратковременности назначеннаго имъ срока перемирія; имъ помогъ въ этомъ Квинкцій, воротившійся тогда въ Римъ изъ Греціи. Этолы, понимая, что имъ болѣе надежды на сострадание сената, чѣмъ на сущность дѣла, въ видѣ просителей умоляли взвѣсить недавніе ихъ проступки съ ихъ прежними услугами. Впрочемъ, и пока они находились въ сенатѣ, утомлены они были вопросами сенаторовъ, раздававшимися съ всѣхъ сторонъ и, отвѣчали на нихъ, болѣе сознавая свою вину, чѣмъ возражая; а когда они оставили курію, то послужили поводомъ къ большой борьбѣ. Въ отношеніи къ Этоламъ болѣе обнаруживалось раздраженія, чѣмъ сострадания: на нихъ имѣли поводъ негодовать не только какъ на непріятелей, но и какъ на народъ неукротимый и необщительный. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней происходили споры; наконецъ рѣшено и не предлагать мира, и не отказывать въ немъ. Два условія предложено Этоламъ: или предоставить себя въ полное распоряженіе сената, или дать тысячу талантовъ и (обязаться) имѣть однихъ и тѣхъ же и враговъ и друзей. Когда они пожелали узнать, въ какомъ именно отношеніи должны предоставить сенату распоряженіе о себѣ, то положительнаго рѣшенія на это не получили. Отпущены они были безъ мира, и имъ велѣно оставить городъ въ тотъ же день, а Италію въ пятнадцатый.

Тогда сенатъ занялся вопросомъ о провинціяхъ консуловъ: и тотъ, и другой желалъ назначенія въ Грецію; много имѣлъ вѣсу въ

сенатѣ Лелій; онъ на распоряженіе сената, чтобъ консулы или по жеребью, или по взаимному соглашенію распредѣлили между собою провинціи, замѣтилъ, что съ ихъ консуловъ стороны приличнѣе будетъ ввѣрить это дѣло сужденію сенаторовъ, чѣмъ жеребью. Сципіонъ далъ на это отвѣтъ, что подумаетъ какъ слѣдуетъ поступить; поговорилъ онъ съ братомъ и, получивъ отъ него внушеніе—смѣло все дѣло поручить сенату, объявилъ товарищу, что поступитъ такъ, какъ онъ заблагоразсудитъ. Дѣло это, или какъ новое или уже вышедшее изъ памяти по давности примѣровъ, бывъ доложено, обратило на себя вниманіе сената, ожидавшаго борьбы. П. Сципіонъ Африканъ сказалъ: «буде сенатъ назначитъ брату его Л. Сципіону провинцію Грецію, то онъ отправится легатомъ». Слова эти, выслушанныя при общемъ одобреніи, прекратили споръ. Хотѣли испытать, полезнѣе ли будетъ царю Антіоху побѣжденный Аннибалъ, или консуламъ и легіонамъ Римскимъ побѣдитель Африканъ. Тутъ всѣ сенаторы почти единогласно назначили Сципіону — Грецію, а Лелію — Италію.

2. Вслѣдъ за тѣмъ преторы распредѣлили между собою по жеребью провинціи: Л. Аврункулей—городъ, Кн. Фульвій — чужестранцевъ, Л. Емилій Региллъ—флотъ, П. Юній Брутъ—Тусковъ, М. Туцій—Апулію и Бруттіевъ, К. Атиній—Сицилію. Потомъ консулу, получившему провинціею Грецію, къ войску, которое имѣлъ онъ принять отъ М. Ацилія (оно заключалось въ двухъ легіонахъ) велѣно прибавить пѣшихъ граждан Римскихъ три тысячи, всадниковъ сто, и союзниковъ Латинскаго наименованія пять тысячь, всадниковъ двѣсти. Прибавлено и то, что консулъ, по прибытіи въ провинцію, буде найдетъ согласнымъ съ требованіемъ общественной пользы, можетъ переправиться съ войскомъ въ Азію. Другому консулу опредѣлено все войско: два легіона Римскихъ и союзниковъ Латинскаго имени пятнадцать тысячь пѣшихъ и шесть сотъ всадниковъ. К. Минуцію велѣно войско изъ земли Лигуровъ (такъ какъ онъ писалъ, что дѣло его въ провинціи уже покончено, и что все племя Лигуровъ покорилось) перевесть въ землю Боіевъ и передать проконсулу П. Корнелію. Изъ полей,

которыя взяты за вину у Боіевъ, побѣжденныхъ на войнѣ, велѣно вывести городскіе легіоны, набранные въ предшествующемъ году; они даны претору М. Туцію, а союзниковъ и Латинскаго племени пѣшихъ пятнадцать тысячъ, и всадниковъ шестьсотъ— и ему велѣно занять Апулію и землю Бруттіевъ. А Корнелію, претору предшествовавшаго года, занимавшему землю Бруттіевъ съ войскомъ, повелѣно, если такъ заблагоразсудитъ консулъ— передать легіоны, переправленные въ Этолію, М. Ацилію, если только онъ захочетъ тамъ остаться; но если Ацилій предпочтетъ вернуться въ Римъ, то пусть А. Корнелій съ тѣмъ войскомъ останется въ Этоліи. Относительно К. Атинія Лабеона заблагоразсудили, чтобы онъ принялъ отъ М. Эмилія провинцію Сицилію и войско, и чтобы онъ пополнилъ его, буде признаетъ это нужнымъ, въ самой провинціи наборомъ двухъ тысячь пѣхоты и ста всадниковъ. П. Юній Брутъ въ землѣ Тусковъ долженъ былъ набрать новое войско — одинъ легіонъ изъ Римлянъ и десять тысячь союзниковъ и Латинскаго племени, и четыреста всадниковъ. Л. Емилій, котораго провинція была приморскою, получилъ приказаніе принять отъ претора прошлаго года М. Юнія двадцать длинныхъ судовъ и матросовъ, да и самъ долженъ былъ набрать тысячу матросовъ и двѣ тысячи пѣшихъ воиновъ: съ этими судами и воинами отправиться въ Азію и принять флотъ отъ К. Ливія. Преторамъ обѣихъ Испаній и Сардиній продолжена власть на годъ и оставлены прежнія войска. Сициліи и Сардиніи въ этомъ году велѣно выставить двойную десятину хлѣба. Сицилійскій хлѣбъ велѣно везть въ Этолію къ войску; изъ Сардиніи часть въ Римъ, а часть въ Этолію вмѣстѣ съ Сицилійскимъ.

3. Прежде чѣмъ консулы отправились въ провинціи, положено искупить черезъ первосвященниковъ чудесныя явленія. Въ Римѣ храмъ Юноны Лицинской пораженъ съ неба такъ, что верхъ и двери были обезображены. Въ Путеолахъ во многихъ мѣстахъ стѣны и ворота поражены молніею, причемъ два человѣка лишились жизни. Въ Нурсіи—и это было довольно вѣрно—случился при ясномъ небѣ ливень, и тутъ двое людей свободныхъ по-

теряли жизнь. Тускуланы извѣщали, что у нихъ шелъ дождь землею, а Реатины, что у нихъ на поляхъ мула родила. Когда все что нужно было исполнено, Латинскія игры возобновлены вслѣдствіе того, что Лаврентійцамъ жертвенныхъ мясъ не дано, какъ бы слѣдовало. Общее молебствіе было также по случаю этихъ религіозныхъ опасеній, а какимъ богамъ, то децемвиры объявили, чтобъ было совершено на основаніи указаній священныхъ книгъ. Десять благородныхъ мужескаго пола и десять дѣвицъ, всѣ имѣющіе живыми и отцовъ, и матерей — допущены къ этому жертвоприношенію, и децемвиры ночью совершили священные обряды животными, сосущими молоко. П. Корнелій Сципіонъ Африканъ, прежде выступленія въ походъ, воздвигъ тріумфальную арку въ Капитоліѣ противъ дороги, ведущей къ нему, съ седьмью позолоченными статуями и двумя конями, а передъ тріумфальною аркою поставилъ два мраморныхъ бассейна.

Въ эти же дни сорокъ четыре старѣйшины Эголовъ—между прочимъ въ числѣ ихъ находились Дамокритъ и братъ его — двумя когортами, посланными въ Римъ М. Ацилиемъ, отведены туда, и брошены въ каменоломни. Когортамъ оттуда возвратиться къ войскамъ отдалъ приказаніе консулъ Л. Корнелій. Послы, пришедшіе отъ царей Египта, Птоломея и Клеопатры, съ поздравленіемъ по случаю изгнанія изъ Греціи консуломъ Ацилiемъ царя Антіоха, убѣждали: «перевесть войско въ Азію, такъ какъ повсюду распространился ужасъ не только въ Азіи, но и въ Сиріи; а цари Египта готовы исполнить то, что опредѣлитъ сенатъ». Благодарность воздана царямъ, а посламъ приказано дать дары—каждому на четыре тысячи ассовъ.

4. Л. Корнелій консулъ, окончивъ то, что ему нужно было дѣлать въ Римѣ, передъ собраніемъ объявилъ, чтобы воины, которыхъ онъ самъ наберетъ на пополненіе легіоновъ и тѣ, которые находились въ землѣ Бруттіевъ съ пропреторомъ А. Корнеліемъ, всѣ собрались въ Брундизій, въ Квинтильскіе Иды. Онъ же назначилъ трехъ себѣ помощниковъ (легатовъ): Сек. Дигитія, Луц. Апустія, К. Фабриція Лусцина, и они должны были

отъ морскаго берега со всѣхъ сторонъ суда собирать въ Брундизій. Изготовивъ такимъ образомъ все, онъ отправился изъ города, облекшись въ военную одежду. До пяти тысячъ волонтеровъ изъ Римскихъ гражданъ и союзниковъ, выслужившихъ свой срокъ службы подъ начальствомъ П. Африкана, явились къ консулу и записались вновь на службу. Около того же времени, когда консулъ отправился на войну, въ самыя Аполлинарскія игры, передъ пятымъ днемъ Идъ Квинтильскихъ, при ясномъ небѣ, середи дня, затмился свѣтъ дневный, вслѣдствіе того, что луна заслонила собою кругъ солнца. Л. Эмилій Региллъ, которому досталось начальство надъ флотомъ, отправился въ тоже время. Л. Аврункулею дано отъ сената порученіе — сдѣлать тридцать судовъ о пяти рядахъ веселъ и двадцать о трехъ, такъ какъ была молва, что Антіохъ послѣ морскаго сраженія готовитъ нѣсколько большій флотъ. Эголы, когда послы ихъ воротились съ извѣстіемъ, что нѣтъ никакой надежды на миръ, не смотря на то, что все морское прибрежье ихъ, обращенное къ Пелопоннезу, опустошено было Ахейцами, болѣе помня объ опасности, чѣмъ о понесенномъ убыткѣ, заняли гору Кораксъ, для того, чтобы преградить Римлянамъ путь; да и не сомнѣвались, что они съ весны воротятся осаждать Навпактъ. Ацилій, зная, что таково ожиданіе Эголовъ, лучше предпочелъ начать дѣло неожиданное и напасть на Ламію; уже и Филиппъ довелъ жителей Ламіи почти до крайности, и тутъ вслѣдствіе того самого, что они ничего подобнаго не опасались, могутъ быть подавлены не взначай. Выступивъ изъ Елатіи, онъ въ землѣ непріятелей около рѣки Сперхея поставилъ лагерь; оттуда, ночью двинувъ знамена, напалъ на стѣны со всѣхъ сторонъ кругомъ.

5. Послѣдовали большой страхъ и смятеніе, какъ обыкновенно бываетъ въ случаѣ неожиданности. Впрочемъ съ большимъ упорствомъ, чѣмъ можно было ожидать, при опасности столь внезапной, осажденные мужескаго пола стали отбиваться оружіемъ, а женщины метательные снаряды всякаго рода и камни выносили на стѣны, хотя во многихъ мѣстахъ были уже приставлены къ стѣнамъ лѣстницы, и городъ въ этотъ день былъ за-

мщищенъ. Ацилій, давъ знакъ къ отступленію, отвелъ своихъ въ лагерь почти въ половинѣ дня, и тутъ пищею и отдыхомъ возобновивъ силы воиновъ, прежде чѣмъ распустить свой совѣтъ, объявилъ: «чтобы до разсвѣта были они вооружены и готовы, иначе, какъ по взятіи города, не отведетъ онъ ихъ въ лагерь». Въ то же время, какъ и наканунѣ, онъ напалъ во многихъ мѣстахъ, и между тѣмъ какъ у жителей города все болѣе обнаруживался недостатокъ силъ, оружія, а въ особенности бодрости духа, въ продолженіи немногихъ часовъ онъ взялъ городъ; тутъ частью распродавъ, частью раздѣливъ добычу, сталъ собирать мнѣнія—что дѣлать послѣ. Никому не заблагоразсудилось идти къ Навпакту, такъ какъ Этолы заняли ущелье у Коракса, а для того, чтобы не провести лѣто въ праздности и не дать возможности Этоламъ пользоваться миромъ, въ которомъ имъ отказалъ сенатъ — по его бездѣйствію, Ацилій положилъ напасть на Амфиссу. Изъ Гераклеи, черезъ Эту, поведено туда войско; когда Ацилій поставилъ лагерь у стѣнъ, то не повсемѣстнымъ со всѣхъ сторонъ нападеніемъ, какъ у Ламіи, но осадными работами рѣшился онъ приступать къ городу. Во многихъ разомъ мѣстахъ былъ выдвинутъ стѣнобитный туръ, и когда стѣны разрушались, то жители не старались ничѣмъ противиться такому образу дѣйствій, какъ будто и не припоминая, что въ подобныхъ случаяхъ дѣлать. Вся надежда была на оружіе и на смѣлость; частыми вылазками они старались произвесть смятеніе въ передовыхъ постахъ непріятельскихъ и въ тѣхъ, которые были около машинъ и осадныхъ работъ.

6. Во многихъ впрочемъ мѣстахъ стѣна была сбита, когда получено извѣстіе, что преемникъ Ацилія, высадивъ войско въ Аполлоніи, идетъ черезъ Епиръ и Ѳессалію. Съ тридцатью тысячами пѣшихъ и пятьюстами всадниковъ приближался консулъ. Уже онъ прибылъ въ заливъ Маліакскій и послалъ впередъ въ Гипату гонцовъ съ приказаніемъ—сдать городъ; а когда данъ отвѣтъ, что ничего они не сдѣлаютъ безъ декрета общаго совѣта Этоловъ, то онъ, дабы не задержала его осада Гипаты, между тѣмъ какъ Амфисса еще не взята, по-

слалъ впередъ брата Африкана, а самъ повелъ войско въ Амфиссу. Съ приближеніемъ его жители города, оставивъ городъ (во многихъ мѣстахъ стѣна его была уже въ развалинахъ) удалились въ крѣпость, которая, по общему убѣжденію, была неприступною, всѣ какъ вооруженные, такъ и безоружные. Консулъ сталъ лагеремъ почти въ шести тысячахъ шагахъ оттуда. Тутъ явились послы Аѳинянъ, сначала къ П. Сципіону, который, какъ мы сказали, шелъ впереди, потомъ къ консулу, прося за Этоловъ. Снисходительнѣе отвѣтъ получили они отъ Африкана; онъ отыскивалъ благовиднаго предлога оставить войну съ Этолами, желая обратиться въ Азію и къ царю Антіоху. Онъ приказалъ Аѳинянамъ не однихъ Римлянъ, но и Этоловъ убѣдить, что миръ надобно предпочесть войнѣ. Поспѣшно при содѣйствіи Аѳинянъ, пришло изъ Гипаты многочисленное посольство Этоловъ. Надежду на миръ усилили въ нихъ слова Африкана—къ нему къ первому они явились—напоминавшаго: «что много народовъ и племенъ, сначала въ Испаніи, потомъ въ Африкѣ, отдались на его вѣру; относительно всѣхъ ихъ оставилъ онъ болѣе доказательствъ кротости и снисходительности, чѣмъ доблести воинской». Дѣло казалось конченнымъ, а между тѣмъ консулъ, когда къ нему явились Этолы, повторилъ тотъ же отвѣтъ, которымъ уже разъ сенатъ принудилъ ихъ бѣжать. Когда этимъ отвѣтомъ, какъ бы выслушавъ его въ первый разъ, поражены были Этолы (видѣли они, что небыло пользы ни въ заступничествѣ Аѳинянъ, ни въ снисходительномъ отвѣтѣ Африкана) и объявили, что они желаютъ объ этомъ предметѣ посовѣтоваться съ своими.

7. Возвратились въ Гипату Этолы, но дѣло не подвигалось впередъ; не было откуда взять тысячу талантовъ, а, допустивъ разъ полный произволъ Римлянъ, опасались за свою жизнь и безопасность. А потому они распорядились отправить къ консулу и къ Африкану тѣхъ же пословъ и просить ихъ, буде Римляне на самомъ дѣлѣ желаютъ дать миръ, а не манить ихъ только, уничтожая послѣднія надежды ихъ несчастныхъ, то пусть они или убавятъ сумму денегъ, или примутъ покорность во всемъ, не

касаясь только личности граждан. Не добились они от консула ни малѣйших измѣненій, и это посольство отпущено безо всякаго успѣха. Послѣдовали за ними Аѳиняне, и старѣйшина их посольства, Ехедем, возбудил снова надежду в утомленных столько раз повторенными отказами Этолах, оплакивавших безполезными слезами несчастную участь народа. Он присовѣтовал им просить перемирія на шесть мѣсяцев для того, чтобы имѣть возможность отправить послов в Рим: «Отсрочка (так говорил он) ничего неприбавит к теперешним бѣдствіям, достигшим уже крайняго предѣла; а, в теченіи этого промежутка времени, многими неожиданными случаями, могут они быть уменьшены». По совѣту Ехедема отправлены прежде послы; сначала они явились к П. Сципіону и через него исхлопотали у консула перемиріе на тот срок, на который просили. Снявъ осаду Амфиссы, М. Ацилій, передав консулу войско, удалился из провинціи; а консул из Амфиссы отправился в Ѳессалію — для того чтобы вести войско в Азію через Македонію и Ѳракію. Тут Африкан сказал брату, Л. Сципіону: «одобряю я и путь, тобою избранный, но вѣдь он зависит вполнѣ от воли Филиппа; если он останется вѣрен союзу с нами, то нам и безопасен будет путь, и он доставит нам припасы и все, что в продолженіи долговременнаго пути необходимо войску для его прокормленія и удобств; но если он измѣнит, то всего менѣе безопасности найдем мы и во Ѳракіи; а потому прежде всего нужно узнать образ мыслей царя; наилучше достигнуть этого можно, отправив к нему человѣка, который застал бы его совершенно нечаянно среди приготовленій». Выбран для этого Ти. Семпроній Гракх, в то время пылкій еще юноша; при помощи посланных вперед на подставу коней, он с невѣроятною быстротою из Амфиссы (откуда был отпущен) достиг Пеллы на третій день. Царь в это время пировал, и был уже порядочно хмѣлен; такая его беззаботность уничтожила всякое подозрѣніе на счет того, будто бы он затѣвает что нибудь новенькое. Гость принят был и тут ласково; на другой день он увидал, что припасы для войска заготовлены в изобиліи, что по рѣкам сдѣланы мосты, дороги исправлены там, гдѣ переход был затруднителен. С донесеніем об этом Т. Семпроній Гракх, с такою же быстротою, с какою сюда прибыл, встрѣтил консула в Тавмакѣ. Вслѣдствіе этого войско обрадованное и вѣрным образом обнадеженное — прибыл в Македонію на все готовое. По вступленіи Римлян царь и встрѣтил, и провожал с почестями, его достойными. При этом обнаружил он не мало ловкости и умѣнья жить с людьми, чѣм и заслужил себѣ хорошее мнѣніе Африкана, человѣка во всѣх отношеніях превосходнаго и не нечувствительнаго к удобствам жизни, лишь бы без роскоши. Таким образом войско Римское не через Македонію только, но и через Ѳракію, прошло к Геллеспонту, сопровождаемое Филиппом, приготовившим все нужное.

8. Антіох, послѣ морской битвы у Корика, имѣя перед собою всю зиму свободною на приготовленія морскія и сухопутныя, посвятил особенное вниманіе на исправленіе флота в виду, как бы не утратить господства на морѣ. Припоминая он и то, что побѣжден при отсутствіи Родосскаго флота; а при участіи и его (на вторичное же его отсутствіе расчитывать болѣе нельзя было) в сраженіи, необходимо было бы Антіоху еще значительно большее число судов, чтобы быть в уровень с противником силами и величиною флота.» Вслѣдствіе этих соображеній он отправил Аннибала в Сирію привесть суда Финикійскія, а Поликсениду повелѣл тѣм старательнѣе, чѣм не удачнѣе был исход сраженія, тѣ суда, которыя уже были, исправить и изготовить новыя. Сам он зимовал в Фригіи, собирая со всѣх сторон вспомогательныя войска; он послал даже в Галлогрецію. В то время жители ея были воинственнѣе; они сохранили характер Галлов, так как еще невыродился их корень. Сына Селевка он оставил в Эолидѣ с войском — удерживать в повиновеніи приморскіе города; на них старались дѣйствовать с одной стороны Евмен от Пергама, а от Фокеи и Еритрійцев

Римляне. Флотъ Римскій, какъ мы уже выше сказали, зимовалъ у Канъ. Туда, почти въ половинѣ зимы, прибылъ царь Евменъ съ двумя тысячами пѣшихъ и сотнею конныхъ. Онъ сказалъ, что можно отогнать значительную добычу съ непріятельскаго поля, въ окрестностяхъ Тіатиры, убѣжденіями своими склонилъ Ливія—послать съ нимъ пять тысячь воиновъ. Этотъ отрядъ въ теченіи немногихъ дней получилъ огромную добычу.

9. Между тѣмъ въ Фокеи вспыхнуло возмущеніе, такъ какъ нѣкоторые старались расположить умы черни въ пользу Антіоха. Въ тягость казалась имъ зимовка судовъ; тяжела и контрибуція, по которой имъ велѣно было заготовить пятьсотъ тогъ и столько же туникъ. Тяжекъ былъ и недостатокъ хлѣба, и по этой причинѣ удалились отсюда и флотъ и войска Римлянъ. Тутъ легко стало на душѣ людей той партіи, которые народъ рѣчами въ собраніяхъ тянули къ Антіоху. Сенатъ и лучшіе люди были того мнѣнія, что надобно устоять въ союзѣ съ Римлянами; совѣтовавшіе же отпасть отъ нихъ, имѣли болѣе вліянія на чернь. Родосцы тѣмъ усерднѣе теперь, чѣмъ медленнѣе дѣйствовали въ прошедшемъ году, съ наступленіемъ весенняго равноденствія, того же Павзитрата, начальника флота, отправили съ тридцатью шестью судами. Уже Ливій отъ Канъ съ тридцатью кораблями и седьмью квадриремами, приведенными лично царемъ Евменомъ, двинулся къ Геллеспонту заготовить все нужное для переправы войска, котораго прибытіе ожидалось сухимъ путемъ. Онъ сначала завелъ флотъ въ портъ, называемый Ахейскимъ: отсюда онъ взошелъ на Иліонъ и принесши жертву Минервѣ, выслушалъ благосклонно сосѣднія посольства изъ Елеунта, Дардана и Ретея; они отдавали свои города въ полное его распоряженіе. Отсюда онъ поплылъ къ Геллеспонтскому проливу и, оставивъ десять судовъ передъ Абидосомъ для наблюденія, съ остальнымъ флотомъ переправился въ Европу для нападенія на Сестосъ. Уже вооруженные воины подходили къ стѣнамъ, когда Галлы фанатики сначала въ торжественной одеждѣ выбѣжали передъ ворота; потомъ они напомнили, что, будучи служителями Матери Боговъ, они явились просить Римлянъ—пощадить стѣны и городъ. Никто изъ Галловъ не потерпѣли ни малѣйшаго оскорбленія; вслѣдъ за тѣмъ вышелъ весь сенатъ съ должностными лицами—для передачи города. Отсюда флотъ отправился въ Абидосъ; тутъ Ливій, посредствомъ переговоровъ старался выпытать расположеніе умовъ жителей, и не получая отъ нихъ миролюбиваго отвѣта, сталъ готовиться къ нападенію.

10. Между тѣмъ какъ это происходило у Геллеспонта, Поликсенидасъ, царскій префектъ, — онъ былъ Родоскій изгнанникъ — услыхавъ, что флотъ его бывшихъ соотечественниковъ уже отплылъ, и что префектъ Павзистратъ выражался о немъ передо всѣми гордо и презрительно, сталъ питать противъ него особенно сильное негодованіе въ душѣ, и желаніе опровергнуть дѣломъ его величавыя слова. Послалъ онъ къ нему человѣка, и ему извѣстнаго, сказать: «онъ Павзистрату и отечеству будетъ очень полезенъ, если только дадутъ ему возможность и Павзистратъ захочетъ ему возвратить отечество». Павзистратъ, удивленный, какъ это можетъ случиться, далъ съ своей стороны слово посланцу, просившему его завѣренія—или сдѣлать вмѣстѣ дѣло, или молчать о немъ. Тогда посолъ Павзистрата сказалъ: «Поликсенидасъ передастъ ему царскій флотъ или весь или большую его часть; въ награду же за такую услугу онъ проситъ одного, позволенія вернуться въ отечество. Важность обѣщаннаго была такова, что нельзя было ни вѣрить ему вполнѣ, ни пренебречь такимъ предложеніемъ. Павзистратъ отправился въ Панормъ—Самоской земли, и тутъ остановился — разузнать хорошенько дѣло, которое нечаянно было предложено. И съ той, и съ другой стороны бѣгали гонцы, и Павзистратъ повѣрилъ не прежде, какъ Поликсенидасъ, въ присутствіи его посланца, написалъ своею рукою, что онъ исполнитъ то, что обѣщалъ, и послалъ къ нему дощечки (письмо), скрѣпленныя его печатью. Съ такимъ ручательствомъ Павзистратъ уже думалъ держать въ своихъ рукахъ измѣнника: не предполагалъ онъ возможности для человѣка, живущаго подъ властью царя, скрѣплять собственною же рукою свидѣтельство противъ него сама-

го. Вслѣдъ за тѣмъ придумали и образъ приведенія въ дѣйствіе мнимой измѣны; Поликсенидасъ сказалъ: «что онъ оставитъ всякаго рода приготовленія — не будетъ имѣть при флотѣ въ большомъ числѣ ни гребцовъ, ни матросовъ; вытащитъ онъ на берегъ нѣкоторыя суда подъ предлогомъ починки, а другія отпуститъ въ сосѣднія порты; немного ихъ будетъ онъ держать въ морѣ передъ портомъ Ефезскимъ и ихъ то онъ, если потребуютъ обстоятельства, пуститъ въ сраженіе». Павзистратъ, слыша, какое нерадѣніе во всемъ обѣщался имѣть Поликсенидасъ относительно своего флота, немедленно и самъ выказалъ такое же. Часть судовъ отправилъ онъ въ Галикарнасъ—привезть оттуда припасовъ, а часть въ Самосъ къ городу; онъ хотѣлъ изготовиться къ тому времени, когда долженъ былъ получить отъ измѣнника сигналъ къ нападенію. Поликсенидасъ старался завлечь его далѣе въ заблужденіе притворствомъ; нѣкоторыя суда вытащилъ на берегъ и, какъ бы желая и съ другими сдѣлать тоже, оправилъ верфи. Гребцовъ съ зимнихъ квартиръ не призывалъ въ Ефесъ, а собралъ тайкомъ въ Магнезіи.

11. Случилось, что одинъ воинъ Антіоха, пришедшій въ Самосъ по своему частному дѣлу, былъ схваченъ какъ шпіонъ и приведенъ къ префекту въ Панормъ. На вопросъ, что дѣлается въ Ефесѣ, неизвѣстно, подъ вліяніемъ ли страха, или недовольно чистосердечной вѣрности къ своимъ, онъ все открылъ: что флотъ готовый и снаряженный стоитъ на пристани, а всѣ гребцы усланы въ Магнезію къ Сипилу; весьма немного судовъ вытащено на берегъ и находится на верфяхъ, а вообще флотъ устроивается съ такою заботливостью, какъ никогда. Но этому показанію не дали вѣры, до того умъ главнаго начальника ослѣпленъ былъ заблужденіемъ и пустою надеждою. Поликсенидасъ, изготовивъ все какъ слѣдуетъ, ночью призвалъ гребцовъ изъ Магнезіи и поспѣшно спустивъ въ воду суда, вытащенныя было на берегъ и день провелъ не столько въ приготовленіяхъ, сколько не желая, чтобы видѣли отправленіе флота. Послѣ захода солнечнаго выступилъ онъ съ семидесятью крытыми судами, при противномъ вѣтрѣ, и передъ разсвѣтомъ онъ прибылъ

въ портъ Пигела. Тутъ по той причинѣ, что и прежде, онъ день провелъ спокойно, а ночью переправился на ближайшій берегъ Самоской земли. Здѣсь онъ приказалъ Никандру, какому то начальнику пиратовъ, съ пятью крытыми судами отправиться въ Палинуръ, и оттуда вооруженныхъ воиновъ, самымъ близкимъ, какой только есть, путемъ вести въ Панормъ въ тылъ непріятелей, а самъ между тѣмъ, раздѣливъ флотъ для того, чтобы и съ той, и съ другой стороны, захватить устье порта, пошелъ на Панормъ. Павзистратъ сначала смутился было немного отъ неожиданнаго случая, но потомъ, воинъ старый, скоро оправился духомъ и соображая, что онъ съ большимъ успѣхомъ можетъ дѣйствовать противъ непріятеля съ суши, чѣмъ съ моря, повелъ вооруженныхъ воиновъ двумя отрядами къ перешейкамъ, которые, изгибаясь въ видѣ роговъ, образуютъ портъ; оттуда, дѣйствуя съ двухъ сторонъ метательными орудіями, легко было, по его мнѣнію, прогнать непріятеля. Этотъ планъ дѣйствій разстроенъ былъ появленіемъ Никандра съ сухаго пути; вдругъ перемѣнивъ намѣреніе, Павзистратъ приказываетъ всѣмъ садиться на суда. Тутъ произошло сильное смятеніе и между воинами и матросами; они какъ бы спасались бѣгствомъ на суда, видя, что разомъ окружены и съ моря и съ суши. Павзистратъ, видя только одинъ путь къ спасенію, если ему удастся проложить путь черезъ устье порта и прорваться въ открытое море, когда замѣтилъ, что его воины сѣли на суда, самъ первый устремился къ устью порта всею силою веселъ; уже онъ миновалъ было устье порта, когда Поликсенидасъ окружилъ его корабль тремя квинкверемами: поражаемый мѣдными носами судовъ, корабль Павзистрата сталъ тонуть, а бывшіе на палубѣ его защитники засыпаны стрѣлами; въ числѣ ихъ убитъ и Павзистратъ, храбро сражаясь. Остальныя суда захвачены: одни внѣ порта, другія внутри его, а нѣкоторыя взяты Никандромъ въ ту минуту, когда старались отчалить отъ берега. Ушли только пять Родоскихъ судовъ съ двумя Кооскими; они проложили себѣ путь среди тѣсно стоявшихъ судовъ угрозою сверкавшаго пламени: на двухъ длинныхъ шестахъ, далеко выдававшихся за

носъ судна въ желѣзныхъ котлахъ, они несли впереди себя сильно пылавшій огонь. Еритрейскіе триремы, недалеко отъ Самоса встрѣтивъ бѣгущими тѣ суда Родоскія, на помощь которымъ они шли, направили путь въ Геллеспонтъ къ Римлянамъ. Около этого же времени Селевкъ взялъ Фокею измѣною: одни ворота были отворены стражами, и къ нему же отпали Циме и другіе города этого прибрежья подъ вліяніемъ страха.

12. Между тѣмъ какъ это происходило въ Эолидѣ, Абидосъ, въ продолженіи нѣсколькихъ дней выдерживалъ осаду, царскій гарнизонъ защищалъ стѣны; но когда всѣ уже достаточно утомились, то съ дозволенія Филота, начальника гарнизона, должностныя лица города вступили въ переговоры съ Ливіемъ относительно условій сдачи ему города. Дѣло шло въ оттяжку черезъ то, что несходились на томъ условіи—царскихъ воиновъ выпустить изъ города съ оружіемъ въ рукахъ или безоружныхъ. Между тѣмъ какъ толковали объ этомъ, пришло извѣстіе о пораженіи Родосцевъ, и благопріятный случай дѣйствовать упущенъ изъ рукъ. Ливій, опасаясь, какъ бы Поликсенидасъ, ободренный такою удачею, не подавилъ бы флотъ, находившійся у Канъ, немедленно покинувъ осаду Абидоса и наблюденіе за Геллеспонтомъ, спустилъ суда, вытащенныя на берегъ у Канъ; Евменъ прибылъ въ Елею. Ливій со всѣмъ флотомъ — къ которому присоединилъ двѣ триремы Мителенскихъ, пошелъ къ Фокеѣ. Слыша, что этотъ городъ защищенъ сильнымъ царскимъ гарнизономъ, и что не въ далекѣ находится лагерь Селевка, онъ опустошилъ морской берегъ и добычу, заключавшуюся преимущественно въ плѣнныхъ людяхъ поспѣшно посадилъ на суда, и подождавъ только немного, чтобы дать возможность Евмену настигнуть его съ флотомъ, онъ вознамѣрился идти къ Самосу. На Родосцевъ постигшее ихъ несчастіе, сначала нагнало страхъ и вмѣстѣ причинило имъ большое горе. Не говоря уже о потерѣ судовъ и воиновъ, утратили они весь цвѣтъ, всю силу своей молодежи; многія, знатныя лица послѣдовали между прочимъ вліянію Пизистрата, которое и не незаслуженно было весьма значительнымъ между его соотечественниками. Но вслѣдствіе того

обстоятельства, что они сдѣлались жертвою обмана и притомъ — что особенно сильно дѣйствовало — отъ своего же земляка, горе перешло въ сильное раздраженіе. Немедленно десять судовъ, а черезъ нѣсколько дней еще десять отправили, ввѣривъ начальство Евдаму: хотя онъ воинскими дарованіями былъ далеко не родня Пизистрату, но былъ осторожнѣе его именно потому, что уступалъ ему въ способностяхъ. Римляне и царь Евменъ съ флотомъ пристали сначала къ Еритреѣ; тутъ промедливъ одну ночь, на другой день прибылъ къ Корику, перешейку Тейскому. Когда они оттуда хотѣли перебраться въ ближайшую часть Самоской земли, недожидаясь восхода солнца, по которому моряки могли бы судить о погодѣ, пустились на удачу, какая бы случилась. На серединѣ пути вѣтеръ перешелъ къ сѣверу, усилился, и суда начало разбрасывать по расходившемуся отъ бури морю.

13. Поликсенидасъ, полагая, что непріятели отправятся въ Самосъ—соединиться тамъ съ Родоскимъ флотомъ, вышелъ изъ Ефеса и сначала остановился у Міоннеза; потомъ онъ перешелъ къ такъ называемому Макрису острову съ цѣлью суда, какія могли бы отстать отъ флота идущаго мимо — захватить или при случаѣ ударить на аррьергардъ. Видя же, что флотъ разсѣянъ бурею, сначала онъ было полагалъ случай этотъ благопріятнымъ для нападенія, но потомъ когда вѣтеръ все усиливался и катилъ уже громадныя волны, понимая, что невозможно ему теперь достигнуть непріятеля, переправился къ острову Еталіи съ цѣлью на другой день аттаковать суда, когда они будутъ собираться въ Самосъ изъ открытаго моря. Малая часть Римлянъ при наступленіи ночи вошла въ опустѣвшій портъ Самосскій, а остальной флотъ, въ продолженіи всей ночи перебрасываемый волнами, ушелъ въ тотъ же портъ. Узнавъ отъ поселянъ, что флотъ непріятельскій стоитъ у Эталіи, собрали совѣтъ—немедленно ли дать сраженіе, или ожидать Родосскаго флота. Дѣло отложено—такъ заблагоразсудилось всѣмъ, и флотъ удалился въ Корику, откуда пришелъ. И Поликсенидасъ, простоявъ по пустому, вернулся въ Ефесъ. Тогда Рим-

скія суда по морю, свободному отъ непріятелей, переправились въ Самосъ; туда же прибылъ черезъ нѣсколько дней и Родосскій флотъ. Въ доказательство, что его то именно и дожидались, немедленно отправились къ Ефесу съ тѣмъ, чтобы или дать морское сраженіе, или если непріятель отъ него откажется (а это было весьма важно по вліянію на умы союзниковъ), то вынудять они отъ него доказательство трусости. Противъ устья порта остановились, выстроивъ суда въ боевомъ порядкѣ; но такъ какъ никто невыходилъ на встрѣчу, то флотъ раздѣленъ на двѣ части: одна осталась въ открытомъ морѣ на якорѣ у входа въ портъ, а другая высадила воиновъ на берегъ. На нихъ, уже гнавшихъ огромную добычу по полю, на далекое пространство опустошенному, Македонянинъ Андроникъ, находившійся съ гарнизономъ въ Ефесѣ, сдѣлалъ нападеніе, когда они уже приближались къ стѣнамъ и, отобравъ у нихъ большую часть добычи, прогналъ къ морю и судамъ. На другой день поставивъ засаду почти на половинѣ пути, Римляне пошли строемъ къ городу съ цѣлью вызвать изъ него Македонянъ; но потомъ опасеніе, какъ бы имъ неподготовили засады, заставило ихъ передумать и возвратиться къ судамъ. Видя, что непріятель и на морѣ, и на сушѣ избѣгаетъ борьбы, флотъ явился въ Самосъ, откуда прибылъ. Отсюда преторъ послалъ двѣ, союзныхъ изъ Италіи, триремы съ префектомъ Епикратомъ Родосскимъ оберегать проливъ Кефаленскій; непроходимымъ отъ морскихъ разбоевъ сдѣлалъ его Лакедемонянинъ Гибристасъ съ молодежью Кефалонянъ и море уже было недоступно для подвозовъ изъ Италіи.

14. Въ Пиреѣ Епикратъ встрѣтилъ Л. Эмилія Регилла, пришедшаго принять начальство надъ флотомъ; онъ, услыхавъ о пораженіи Родосцевъ, и имѣя при себѣ только двѣ квинкверемы, Епикрата съ четырьмя судами отвелъ съ собою въ Азію; послѣдовали за ними открытыя суда Аѳинянъ; по Эгейскому морю переправился онъ въ Хіосъ. Туда же прибылъ ночью въ непогоду Тимазикратъ Родосскій съ двумя квадриремами. Будучи приведенъ къ Емилію, онъ объяснилъ, что посланъ сюда для

безопасности, такъ какъ въ этой части моря стали перехватывать транспортныя суда — царскіе корабли, набѣгая часто отъ Геллеспонта и Абидоса. Когда Емилій переправился изъ Хіоса въ Самосъ, встрѣтили его двѣ Родосскія квадриремы, посланныя къ нему на встрѣчу Ливіемъ, и царь Евменъ съ двумя квинкверемами. По прибытіи въ Самосъ, Эмилій, принявъ флотъ отъ Ливія, и совершивъ по уставу обычныя жертвоприношенія, созвалъ совѣтъ. Тутъ К. Ливій—первый онъ былъ спрошенъ о мнѣніи—сказалъ: «никто не въ состояніи подать лучшаго совѣта, какъ высказавъ то, какъ бы онъ поступилъ самъ, будь онъ на мѣстѣ того, кому совѣтуетъ. Имѣлъ онъ намѣреніе съ цѣлымъ флотомъ идти къ Ефесу и весть транспортныя суда, нагрузивъ ихъ большимъ количествомъ хряща и песку, и тамъ ихъ затопить при входѣ въ портъ. И тѣмъ легче будетъ заградить въ него входъ, что онъ похожъ на рѣку, длиненъ, узокъ и мелокъ; такимъ образомъ отниметъ онъ у непріятеля возможность дѣйствовать въ открытомъ морѣ, и флотъ для него сдѣлаетъ безопаснымъ.

15. Мнѣніе это не вызвало ничьего одобренія; а царь Евменъ спросилъ: «что же далѣе? Положимъ, что мы, затопивъ суда, загородимъ выходъ въ море, тогда, свободно располагая флотомъ, пойдемъ ли мы подавать помощь союзникамъ и ужасъ вселять въ непріятелей? Или по прежнему съ цѣлымъ флотомъ будемъ стоять передъ портомъ? Если мы уйдемъ, то можемъ ли сомнѣваться, что непріятель вытащитъ затопленныя тяжести, и съ меньшимъ трудомъ очиститъ себѣ выходъ, чѣмъ намъ стоило его загородить? А если намъ все таки нужно остаться, то что же толку — загородить портъ? Напротивъ! Непріятель, пользуясь портомъ, вполнѣ безопаснымъ и городомъ изъ самыхъ богатыхъ, такъ какъ Азія доставляетъ все въ избыткѣ, проведетъ лѣто въ покоѣ; а Римляне, оставаясь въ открытомъ морѣ жертвою всѣхъ бурь и непогодъ, во всемъ терпя нужду, будутъ постоянно въ наблюдательномъ положеніи; сами они себя больше свяжутъ и себѣ помѣшаютъ— предпринять что либо противъ непріятеля, чѣмъ непріятеля

удержать въ заперти». Евдамъ, начальникъ Родосскаго флота, болѣе обнаружилъ, что мнѣніе Ливія ему не нравится, чѣмъ сказалъ, какъ по его убѣжденію, слѣдуетъ поступить. Епикратъ Родосскій подалъ мнѣніе такое: «Оставивъ на этотъ разъ Ефесъ, отправить часть судовъ въ Ликію и присоединить къ своему союзу Патару, столицу этого народа. Въ двухъ отношеніяхъ это принесетъ пользу: и Родосцы, когда берегъ, насупротивъ ихъ лежащій, будетъ умиротворенъ, могутъ сосредоточить всѣ свои силы на войну съ Антіохомъ: да и флоту, который можетъ быть собранъ въ Ликіи, преградится путь къ соединенію съ Поликсенидомъ». Эго мнѣніе произвело особенно сильное впечатлѣніе: впрочемъ положено — Региллу со всѣмъ флотомъ подойдти къ Ефесскому порту для того, чтобы навесть ужасъ на непріятеля.

16. Кн. Ливій съ двумя Римскими квинкверемами и четырьмя Родосскими квадриремами, съ двумя безпалубными судами Смирнскими, посланъ въ Ликію; прежде ему велѣно зайдти въ Родосъ и о всемъ посовѣтоваться съ его жителями. Города, мимо коихъ онъ плылъ: Милетъ, Миндъ, Галикарнасъ, Кой, Книдъ съ усердіемъ выполнили все, что отъ нихъ требовалось. Какъ только прибылъ въ Родосъ Ливій, то объяснилъ имъ вмѣстѣ—и по какому дѣлу онъ присланъ, и спросилъ у нихъ совѣта. Получивъ общее одобреніе и присоединивъ три квадриремы къ флоту, у него находившемуся, онъ поплылъ въ Патару. Сначала попутный вѣтеръ гналъ прямо къ городу, и надѣялись успѣшно дѣйствовать, пользуясь первымъ впечатлѣніемъ ужаса. Но вѣтеръ вдругъ сталъ вертѣть со всѣхъ сторонъ, море начало волноваться сомнительнымъ образомъ; успѣли впрочемъ Римляне съ судами причалить къ землѣ; но и вблизи отъ города небезопасна была стоянка, да и держаться въ открытомъ морѣ передъ устьемъ порта было невозможно: наступила ночь, да и море было непокойно. Проплывъ Патару, Римскій флотъ вошелъ въ портъ Феникунтскій, находившійся оттуда въ разстояніи двухъ миль: судамъ здѣсь не угрожала опасность со стороны моря, но надъ портомъ подымались высокія скалы;

ихъ поспѣшно заняли горожане, взявъ царскихъ воиновъ, находившихся въ гарнизонѣ; противъ нихъ Ливій, несмотря на то, что мѣстность была неровная и для движенія затруднительная, послалъ вспомогательныхъ воиновъ Иссейскихъ и легко вооруженныхъ воиновъ изъ Смирны. Сначала, пока дѣло ограничивалось бросаніемъ дротиковъ, и при ихъ малочисленности легкими набѣгами, скорѣе происходили стычки, чѣмъ правильное сраженіе — выдерживали нападеніе; но когда изъ города воиновъ все прибавлялось, и появились почти всѣ силы непріятеля, страхъ овладѣлъ Ливіемъ, какъ бы его вспомогательные воины не были окружены и какъ бы самимъ судамъ не грозила опасность со стороны твердой земли; тутъ онъ не только воиновъ, но и матросовъ и всѣхъ гребцовъ ввелъ въ дѣло, вооруживъ ихъ чѣмъ кто могъ дѣйствовать. И тогда сраженіе было долго нерѣшительное, въ общей схваткѣ пали не только нѣсколько воиновъ, но и Л. Апустій. Наконецъ Ликійцы обращены въ полное бѣгство и сбиты въ городъ, да и Римляне вернулись къ судамъ съ побѣдою, стоившею и для нихъ крови. Оттуда они отправились въ Телмисикскому заливу: одинъ берегъ его принадлежитъ Ликіи, а другой Каріи; оставлено намѣреніе произвести снова нападеніе на Патару, и Родосцы отпущены домой. Ливій, проплывъ мимо береговъ Азіи, переправился въ Грецію съ тѣмъ, чтобы, по свиданіи съ Сципіонами, находившимися въ то время около Ѳессаліи, переправиться въ Италію.

17. Эмилій, узнавъ, что планъ дѣйствовать на Ликію, оставленъ и Ливій отправился въ Италію — и самъ отъ Ефеса вынужденъ былъ воротиться въ Самосъ прогнанный бурею — считалъ за позоръ, что попытка на Патару не удалась, и потому рѣшился отправиться туда со всѣмъ флотомъ и напасть на городъ всѣми силами. Проплывъ мимо Милета и остальнаго союзнаго прибрежья, произвелъ онъ высадку у Іасса въ Баргилетійскомъ заливѣ. Городъ былъ занятъ царскимъ гарнизономъ: Римляне непріязненно опустошили его окрестности. Вслѣдъ за тѣмъ отправлены послы — развѣдать посредствомъ

перегоровъ расположеніе умовъ главнѣйшихъ лицъ и сановниковъ. Получивъ отвѣтъ, что отъ нихъ ничего не зависитъ, Емилій повелъ воиновъ къ аттакѣ города. Изгнанники Іассейцевъ находились въ войскѣ Римлянъ; всѣ они, а ихъ было не мало, пристали къ Родосцамъ и стали умолять ихъ: «не допустить до гибели безъ вины городъ, имъ сосѣдственный и родственный. Если они сами изгнанники, то виною въ томъ только вѣрность къ Римлянамъ. Оставшіеся въ городѣ подпали тому же насилію царскихъ воиновъ, которое было причиною ихъ изгнанія. У всѣхъ Іассейцевъ одно на умѣ — какъ бы избѣжать рабства царю». Родосцы, уступая просьбамъ—они и царя Евмена присоединили къ себѣ—припоминая съ одной стороны родственныя связи, съ другой сострадая надъ судьбою города, въ которомъ засѣлъ царскій гарнизонъ, успѣли въ томъ, что нападеніе оставлено. Оттуда двинулись мимо замиренныхъ мѣстъ и, плывъ вдоль береговъ Азіи, прибыли въ Лориму (портъ этотъ находился насупротивъ Родоса). Тутъ то начались сперва тайные толки между военныхъ трибуновъ, а потомъ они достигли слуха самого Емилія: уведенъ его флотъ отъ Ефеса, отъ самой настоящей войны: теперь непріятель, оставшійся въ тылу свободнымъ, можетъ безнаказанно производить всѣ покушенія на столькія близкія союзныя города. Подѣйствовали эти толки на Емилія, позвалъ онъ Родосцевъ и спросилъ ихъ: въ гавани Патары можетъ ли помѣститься весь флотъ? Получивъ отрицательный отвѣтъ, и вмѣстѣ основательный поводъ оставить предпріятіе, онъ отвелъ суда въ Самосъ.

18. Около этого же времени Селевкъ, сынъ Антіоха, въ продолженіи всего зимняго времени, держалъ войска въ Еолидѣ, частью подавая помощь союзникамъ, частью опустошая земли тѣхъ, которыхъ не могъ вовлечь въ союзъ, рѣшился перейдти въ области царя Евмена, между тѣмъ какъ тотъ вдали отъ дома съ Римлянами и Родосцами нападалъ на Ликійское прибрежье. Сначала онъ непріязненно подступилъ къ Елеѣ, но не сталъ осаждать этотъ городъ, а предавъ поля его опустошенію, двинулся аттаковать Пергамъ, столицу и самый

крѣпкій пунктъ царства. Сначала Атталъ, поставивъ впереди города сторожевые отряды, аттаками конницы и легко вооруженныхъ воиновъ, болѣе затрогивалъ непріятеля, чѣмъ задерживалъ его. Наконецъ, испытавъ въ небольшихъ схваткахъ, что онъ ни въ какомъ отношеніи не можетъ равняться силами, удалился внутрь стѣнъ городскихъ, и тутъ началась осада. Почти въ тоже время Антіохъ, выступивъ изъ Апамеи, сначала у Сардъ, а потомъ не далеко отъ лагеря Селевка, у истоковъ рѣки Каика расположился постояннымъ лагеремъ съ большимъ войскомъ, представлявшимъ смѣсь разныхъ народовъ; но грознѣе всѣхъ были четыре тысячи Галловъ, состоявшихъ на жалованьи. Ихъ, присоединивъ къ нимъ другихъ воиновъ, онъ послалъ опустошать въ разныхъ мѣстахъ Пергамскую область. Когда объ этомъ получено извѣстіе въ Самосѣ, то сначала Евменъ, отозванный войною, происходившею у него дома, съ флотомъ пошелъ къ Елеѣ; здѣсь уже готовы были на легкѣ воины пѣшіе и конные; обезпеченный ихъ содѣйствіемъ, Евменъ отправился въ Пергамъ, прежде чѣмъ непріятели услыхали объ этомъ и предприняли движеніе. Тутъ опять начались легкія стычки набѣгами; Евменъ явно уклонился рѣшить дѣло однимъ ударомъ. Черезъ нѣсколько дней прибыли изъ Самоса въ Елей флоты Римскій и Родоскій на помощь царю. Антіохъ получивъ извѣстіе, что они высадили войска въ Елеѣ, и что столько флотовъ собралось въ одинъ портъ, и въ тоже время услыхавъ что консулъ съ войскомъ уже находится въ Македоніи и дѣлаются приготовленія къ переправѣ черезъ Геллеспонтъ, заблагоразсудилъ, что теперь самое время толковать о мирѣ, пока онъ еще не подвергся одновременному нападенію съ моря и суши; онъ занялъ лагеремъ одинъ холмъ насупротивъ Елеи. Оставивъ тутъ всѣ пѣшія войска, онъ съ конницею (было у него шесть тысячь всадниковъ) спустился въ равнину подъ самыя стѣны Елеи и отправилъ къ Емилію герольда, изъявляя желаніе толковать о мирѣ.

19. Емилій пригласилъ Евмена изъ Пергама, призвалъ Родосцевъ и имѣлъ съ ними совѣтъ. Родосцы не брезгали ми-

ромъ; Евменъ же сказалъ: «мало будетъ чести въ это время толковать о мирѣ, да и невозможно тѣмъ положить конецъ дѣлу; честно ли будетъ намъ — продолжалъ онъ — запертымъ въ стѣнахъ и осажденнымъ, принять условія мира? Да и какую силу будетъ имѣть этотъ миръ, если онъ будетъ заключенъ безъ консула, безъ дозволенія сената, безъ утвержденія народа Римскаго? Спрошу я тебя: заключивъ миръ, вернешься ли ты тотчасъ въ Италію и уведешь съ собою флотъ и войско? Или будешь ты дожидаться, что относительно этого дѣла будетъ угодно консулу, каково будетъ мнѣніе сената и повелѣніе народа Римскаго? Слѣдовательно, необходимо тебѣ во всякомъ случаѣ оставаться въ Азіи, а между тѣмъ войска, по прекращеніи войны, нужно будетъ снова отвести на зимнія квартиры, гдѣ они, требуя продовольствія, истощатъ союзниковъ; потомъ (если такъ заблагоразсудится тѣмъ, у кого власть) прійдется намъ починать войну съизнова; а между тѣмъ мы, при такомъ ходѣ дѣлъ, не откладывая ничего въ долгій ящикъ, можемъ, если богамъ то будетъ угодно, окончить войну до наступленія зимы». Это мнѣніе одержало верхъ, и Антіохъ получилъ отвѣтъ, что о мирѣ нельзя толковать до прибытія консула. Тогда Антіохъ, видя неудачу своей попытки помириться, предалъ опустошенію сначала Елеенскую, потомъ Пергамскую область, оставилъ тамъ сына Селевка, а самъ непріязненно прошелъ Адрамиттейскую область, и пришелъ въ обильное поле, называемое Тебесъ, поле, прославленное въ стихахъ Гомера; ни въ одномъ мѣстѣ Азіи воины царя не получали еще такой значительной добычи. Тутъ же на защиту города, оплывя Адрамиттей на судахъ, пришли Емилій и Евменъ.

20. Случилось, что въ тоже время пришли въ Елею изъ Ахаіи тысячу пѣшихъ воиновъ съ сотнею всадниковъ; всѣми этими войсками начальствовалъ Діофанъ. Когда они вышли на берегъ, то, высланные на встрѣчу Атталомъ, люди отвели ихъ ночью въ Пергамъ. То были все воины заслуженные и опытные, а вождь ихъ — ученикъ Филопемена, лучшаго въ то время Греческаго полководца. Два дня провели они какъ для

того, чтобы дать отдохнуть и людямъ и конямъ, такъ и для осмотра непріятельскихъ постовъ, въ какихъ мѣстахъ и въ какое время они показывались и удалялись. Почти къ подошвѣ холма, на которомъ находился городъ, подходили царскіе воины; такимъ образомъ полная имъ воля была опустошать съ тылу, такъ какъ изъ города никто не дѣлалъ вылазокъ, даже и на передовые посты и издали не бросали дротиковъ. Послѣ того, какъ жители разъ заперлись въ стѣны подъ вліяніемъ ужаса, царскіе воины стали питать къ нимъ пренебреженіе, а вслѣдствіе этого стали нерадивы: большая часть воиновъ не сѣдлали и невзнуздывали коней. Оставивъ немногихъ у оружія и рядовъ, прочіе расходились по всему полю: частью занимались свойственными юношеству играми и забавами, частью вкушали пищу подъ тѣнью деревьевъ, а нѣкоторые предавались даже сну. Все это видѣлъ Діофанъ съ возвышенной части Пергама, онъ велѣлъ своимъ взять оружіе и быть готовымъ исполнить то, что имъ прикажутъ, а самъ отправляется къ Атталу и говоритъ, что хочетъ сдѣлать покушеніе на непріятельскіе посты. Съ трудомъ дозволилъ это Атталъ, зная, что сотнѣ всадниковъ прійдется имѣть дѣло съ шестьюстами, и тысячѣ пѣшихъ воиновъ съ четырьмя тысячами. Выйдя за ворота, Діфанъ остановился недалеко отъ непріятельскаго поста, дожидаясь случая. Всѣ находившіеся въ Пергамѣ, считали это со стороны Діофана болѣе безразсудствомъ, чѣмъ смѣлостью. Непріятель сначала было обратилъ на него вниманіе, но видя, что онъ не двигается, ничего не перемѣнилъ изъ свойственной ему безпечности, и даже посмѣивался надъ малочисленностью противниковъ. Діофанъ нѣсколько время держалъ своихъ спокойными, выведя ихъ какъ будто только посмотрѣть; а когда онъ увидалъ, что непріятельскіе воины разошлись изъ рядовъ, то, отдавъ приказаніе слѣдовать за собою и пѣшимъ воинамъ какъ можно поспѣшнѣе, самъ первый между всадниковъ съ своимъ отрядомъ, во всю сколько было возможно лошадиную прыть, при общихъ крикахъ, какъ пѣшихъ, такъ и конныхъ воиновъ, бросился совершенно неожиданно на передовые по-

сты непріятельскіе. Не только люди, но и кони были испуганы; разорвавъ поводья, они произвели смятеніе и замѣшательство. Только немногія лошади остались на своихъ мѣстахъ, не чувствуя страха, но и тѣхъ не было возможности ни осѣдлать ни взнуздать, ни сѣсть на нихъ при ужасѣ, распространенномъ Ахейцами, далеко не соотвѣтствовавшемъ ихъ численности. Пѣшіе воины, въ порядкѣ уже приготовленные, напали на разсѣявшихся по оплошности и почти полусонныхъ: по всему полю преслѣдовали и убивали бѣгущихъ. Діофанъ преслѣдовалъ разсѣявшагося непріятеля до тѣхъ поръ, пока считалъ это для себя безопаснымъ; большую честь стяжалъ онъ Ахейскому народу (со стѣнъ Пергама смотрѣли на бой не только мущины, но и женщины) и потомъ воротился защищать городъ.

21. На другой день царскіе передовые отряды, въ большемъ благоустройствѣ и порядкѣ, въ пятистахъ шагахъ далѣе отъ города расположились лагеремъ, и Ахейцы почти въ тоже время выступили на прежнюю позицію. Въ продолженіи многихъ часовъ и тѣ, и другіе внимательно ожидали нападенія, какъ долженствовавшаго непремѣнно послѣдовать; а когда солнце было уже близко къ закату и время было воротиться въ лагерь, то царскіе воины, взявъ знамена, стали уходить строемъ, расположеннымъ удобнѣе для движенія, чѣмъ для сопротивленія. Діофанъ стоялъ спокойно, пока они были въ виду; потомъ съ такою же, какъ наканунѣ, быстротою ударилъ на послѣдніе ряды и причинилъ опять столько страха и смятенія, что никто не остановился для сопротивленія, между тѣмъ какъ онъ поражалъ тылъ: въ смятеніи, съ трудомъ даже оставаясь въ правильныхъ рядахъ, сбиты они въ лагерь. Такая смѣлость Ахейцевъ заставила Селевка удалиться изъ Пергамской области; а Антіохъ услыхавъ, что Римляне и Евменъ пришли для защиты Адрамиттея, оставилъ этотъ городъ въ покоѣ, опустошивъ только поля. Вслѣдъ за тѣмъ онъ завоевалъ Перею, поселеніе Митиленцевъ; Коттонъ, Кориленъ, Афродизіи и Крене взяты первымъ нападеніемъ; оттуда онъ возвратился въ Сарды, черезъ

Тіатиру. Селевкъ, оставаясь на морскомъ прибрежьи, былъ для однихъ ужасомъ, а для другихъ защитою. Римскій флотъ, вмѣстѣ съ Евменомъ и Родосцами, отправился сначала въ Митиленъ, а оттуда назадъ въ Елею, откуда сначала выступилъ. Идя далѣе въ Фокею, пристали они къ острову, называемому Бакхій (онъ возвышается надъ городомъ Фокейцевъ) и разграбивъ открытою силою храмы (этотъ островъ былъ отлично украшенъ храмами и статуями, которыхъ они доселѣ не касались) перешли къ самому городу. Раздѣлясь на части, приступили они къ нему съ разныхъ сторонъ, но убѣдились, что безъ осадныхъ работъ, одними оружіемъ и лѣстницами взять его невозможно. Какъ только вошелъ въ городъ, посланный Антіохомъ, вооруженный отрядъ въ три тысячи человѣкъ, то немедленно, прекративъ нападеніе, флотъ удалился къ острову, не сдѣлавъ другаго вреда, кромѣ опустошивъ непріятельскую область около города.

22. Заблагоразсудили Евмена отпустить отсюда домой, и заготовить консулу и войску все, что необходимо для перехода черезъ Геллеспонтъ. Римскому и Родоскому флоту положено воротиться въ Самосъ и находиться тамъ на сторожѣ, какъ бы Поликсенидъ не тронулся отъ Ефеса. Царь воротился въ Елею, а Римляне и Родосцы въ Самосъ; тутъ умеръ М. Емилій, братъ претора. Родосцы, отдавъ съ надлежащею почестью послѣдній долгъ покойному, выступили противъ флота, о движеніи котораго изъ Сиріи былъ слухъ, съ тринадцатью своими судами и двумя квинкверемами: одною изъ Коса, другою изъ Книда—къ Родосу, чтобы быть тамъ въ наблюдательномъ положеніи. За два дни ранѣе, чѣмъ Евдамъ пришелъ съ флотомъ отъ Самоса, тринадцать судовъ, изъ Родоса высланныхъ съ префектомъ Памфилидомъ, противъ того же Сирійскаго флота—взявъ съ собою четыре судна, стоявшихъ для прикрытія Каріи, освободили отъ осады Дедалу и нѣкоторыя другія укрѣпленія Переи, на которыя напали было царскія войска. Заблагоразсудили Евдаму выступить немедленно. Ему прибавлено, къ имѣвшемуся у него флоту, шесть открытыхъ судовъ; при движеніи, сколько возмож-

но болѣе поспѣшномъ, онъ настигъ флотъ, выступившій прежде, у порта, называемаго Мегисте. Оттуда соединясь вмѣстѣ, прибыли они къ Фазелидѣ, и сочли за лучшее—дожидаться здѣсь непріятеля.

23. Фазелидъ находится на границѣ Ликіи и Памфиліи, далеко выдается онъ въ море и плывущимъ изъ Киликіи въ Родосъ, онъ прежде всего открывается глазамъ, и далеко видно изъ него суда. Тѣмъ скорѣе предпочли это мѣсто для встрѣчи здѣсь непріятельскаго флота. Впрочемъ не предвидѣли, что мѣстность и сама по себѣ нездорова, а особенно въ то время года (была уже почти середина лѣта); вслѣдствіе необыкновенныхъ испареній, начало много народу заболѣвать, преимущественно гребцовъ. Опасаясь повѣтрія, и проплывъ мимо Памфилійскаго залива, пристали съ флотомъ къ рѣкѣ Евримедонту и услыхали отъ Аспендійцевъ, что непріятель находится у Сиды. Медленно плыли царскіе воины въ неблагопріятное для нихъ время Етезійскихъ вѣтровъ, когда почти постоянно дуютъ они отъ Сѣверозапада. У Родосцевъ было тридцать двѣ квадриремы и четыре триремы. Царскій флотъ заключалъ въ себѣ тридцать семь судовъ большаго размѣра: у него было три гептеры (суда о семи рядахъ веселъ) и четыре гексеры (о шести рядахъ); кромѣ того было десять триремъ. О присутствіи непріятелей узнали они съ какой то сторожевой башни. И тотъ, и другой флотъ на другой день выступилъ на разсвѣтѣ изъ порта, какъ бы намѣреваясь дать сраженіе. Когда Родосцы обошли мысъ, выдающійся отъ Сиды въ море, тотчасъ были усмотрѣны непріятелемъ, и сами его увидали. Въ царскомъ флотѣ лѣвымъ крыломъ, выходившимъ въ открытое море, начальствовалъ Аннибалъ, а правымъ Аполлоній, одинъ изъ имѣвшихъ право носить порфиру. Родосцы шли длиннымъ строемъ впереди былъ преторскій корабль Евдама, а замыкалъ рядъ Хариклитъ; Памфилидасъ начальствовалъ надъ серединою флота. Евдамъ, видя непріятельскій флотъ устроеннымъ въ боевомъ порядкѣ и готовымъ къ сраженію, и самъ выступилъ въ открытое море, и за тѣмъ отдалъ приказаніе слѣдовавшимъ за нимъ

судамъ въ томъ же порядкѣ, какъ они были, становиться врядъ; при этомъ сначала произошло замѣшательство: и самъ Евдамъ не такъ далеко выступилъ въ море, чтобы всѣ суда могли помѣститься въ линію до берега, да и самъ онъ въ торопяхъ съ пятью только судами наткнулся преждевременно на Аннибала; остальныя суда, получивъ приказаніе становиться въ линію, за нимъ не послѣдовали. Послѣднимъ судамъ не осталось вовсе мѣста къ берегу: между тѣмъ какъ они находились въ замѣшательствѣ, уже на правомъ крылѣ завязалось сраженіе съ Аннибаломъ.

24. Но въ самое короткое время, и превосходное устройство судовъ, и знаніе морскаго дѣла не замедлили уничтожить въ Родосцахъ чувство страха. И суда, быстро подавшись въ море, очистили мѣсто къ берегу слѣдовавшимъ за ними; а которое стыкалось носомъ съ непріятельскимъ кораблемъ, то или ломало у него переднюю часть, или оттирало весла, или миновавъ его въ свободные между судовъ промежутки, всею силою ударяло на заднюю часть. Наиболѣе ужаса произвело то, когда царская Гептерисъ первымъ ударомъ гораздо меньшаго Родосскаго судна затоплена: не было уже никакого сомнѣнія насчетъ того, что правое непріятельское крыло готово обратиться въ бѣгство. Между тѣмъ въ открытомъ морѣ Аннибалъ тѣснилъ численностью судовъ Евдама, превосходившаго его далеко во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, и окружилъ бы Евдама, еслибы тотъ не поднялъ на своемъ преторскомъ кораблѣ сигналъ, которымъ разошедшіяся суда собираются въ одно мѣсто; тогда всѣ суда, одержавшія уже побѣду на правомъ крылѣ, поспѣшили на помощь своимъ. Тутъ и Аннибалъ, и всѣ при немъ находившіяся суда обратились въ бѣгство: ихъ и догнать не могли Родосцы, такъ какъ ихъ гребцы были большою частью нездоровы, и потому скоро уставали. Остановясь въ открытомъ морѣ, они подкрѣпили силы пищею. Евдамъ, видя какъ непріятель удалялся, таща на буксирѣ безпалубныхъ судовъ свои обломанные и изуродованные корабли — немного болѣе двадцати осталось неповрежденныхъ—съ башни преторскаго корабля, при

общемъ молчаніи, воскликнулъ: «встаньте и посмотрите на пріятное для глазъ зрѣлище». Всѣ встали и, видя замѣшательство и бѣгство непріятелей, почти единодушно воскликнули, что нужно преслѣдовать. Самаго Евдама корабль во многихъ мѣстахъ былъ поврежденъ ударами; приказалъ онъ Памфилиду и Хариклиту преслѣдовать непріятеля, пока они сочтутъ это безопаснымъ. Нѣсколько времени гнались они за нимъ, но когда Аннибалъ сталъ приближаться къ берегу, опасаясь какъ бы вѣтеръ не загналъ ихъ во владѣнія непріятельскія, вернулись къ Евдаму; съ трудомъ дотащили въ Фазелиду взятую Гептеру, ту самую, которая поражена первымъ ударомъ. За тѣмъ воротились они въ Родосъ, не столько радуясь побѣдѣ, сколько обвиняя другъ друга, что не затопили и не взяли всего непріятельскаго флота, между тѣмъ какъ будто бы они могли это сдѣлать. Аннибалъ, пораженный однимъ неудачнымъ сраженіемъ, не смѣлъ тогда уже и плыть мимо берега Ликіи, между тѣмъ, какъ онъ прежде всего хотѣлъ соединиться съ старымъ царскимъ флотомъ: а чтобы его до этого не допустить, Родосцы послали къ Патарѣ и порту Мегисту Хариклита съ двадцатью военными судами. Евдаму было приказано съ семью большими судами изъ того флота, которымъ онъ начальствовалъ, возвратиться въ Самосъ къ Римлянамъ, съ тѣмъ, чтобы онъ всею силою своихъ совѣтовъ и убѣжденій, склонялъ Римлянъ напасть на Патару.

25. Большую радость Римлянамъ принесли: сначала вѣстникъ о побѣдѣ, а потомъ прибытіе Родосцевъ. Ясно было, что Родосцы, разъ свободные отъ своихъ опасеній, на просторѣ сдѣлаютъ безопасными всѣ моря этого края. Но движеніе Антіоха отъ Сардъ воспрепятствовало удаленію силъ, прикрывавшихъ Іонію и Эолиду; иначе приморскіе города могли быть порабощены. Памфилида послали съ четырьмя крытыми судами къ тому флоту, который находился около Патары. Антіохъ нетолько собиралъ къ себѣ вооруженные отряды городовъ, находившихся вблизи отъ него, но и отправилъ письмо и пословъ къ Прузію, царю Виѳиніи; черезъ нихъ онъ горько жаловался а переходъ Римлянъ въ Азію: «пришли они на гибель всѣхъ

царствъ и на то, чтобы нигдѣ на земномъ шарѣ не было другаго владычества кромѣ Римскаго. Филиппъ и Набисъ уже сдѣлались ихъ жертвою, теперь очередь за нимъ третьимъ; чѣмъ кто ближе къ порабощенному, тѣмъ скорѣе доходитъ до него этотъ всепожирающій пожаръ. И его въ Виѳиніи незамедлитъ коснуться очередь, какъ только Евменъ подчинится добровольному рабству». Эти убѣжденія произвели впечатлѣніе на Прузія, но письма консула Сципіона, а еще болѣе брата его Африкана, уничтожили зарождавшееся было подозрѣніе. Онъ кромѣ того, что напомнилъ постоянную привычку народа Римскаго—содѣйствовать всѣми возможными мѣрами къ увеличенію чести союзныхъ царей; но и, приводя бывшіе съ нимъ собственно примѣры, склонилъ Прузія — стараться заслужить его дружбу: «князьковъ въ Испаніи, довѣрившихся его честному слову, оставилъ онъ тамъ царями; а Масиниссѣ не только возвращено его родовое царство, но и отданы ему владѣнія Сифакса, которымъ онъ сначала былъ изгнанъ, и въ настоящее время онъ не только далеко превосходитъ богатствомъ всѣхъ царей Африки, но и сталъ по величію и силамъ наровнѣ съ любымъ изъ царей земнаго шара. Филиппъ и Набисъ, сами вызвавъ противъ себя непріязненныя дѣйствія, побѣждены на войнѣ, но владѣнія ихъ имъ оставлены, а Филиппу даже въ прошломъ году прощена военная контрибуція, и возвращенъ сынъ, бывшій заложникомъ: по снисхожденію Римскихъ полководцевъ онъ занялъ для себя нѣсколько городовъ внѣ предѣловъ Македоніи. Того же удостоилсябы можетъ быть и Набисъ, если бы онъ непогибъ жертвою во первыхъ своего собственнаго безразсудства, и во вторыхъ коварства Этоловъ». Но главное успокоился царь тогда, когда къ нему явился изъ Рима посломъ К. Ливій, прежде бывшій начальникомъ флота, и научилъ его: восколько разъ вѣрнѣе для Римлянъ, чѣмъ для Антіоха надежда побѣды, да и на сколько дружба Римлянъ святѣе и прочнѣе.

26. Антіохъ, потерявъ надежду залучить Прузія въ союзъ съ собою, отправился изъ Сардъ въ Ефесъ ко флоту осмотрѣть

его, такъ какъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ занимались его изготовленіемъ и снаряженіемъ. Болѣе потому, что онъ видѣлъ себя не въ состояніи своими сухопутными силами удержать войско Римское, которымъ командовали два Сципіона,—чѣмъ потому, чтобы онъ ужъ такъ сильно и вѣрно расчитывалъ на свои морскія силы, которыхъ попытки въ дѣлѣ и имъ самимъ, и черезъ другихъ, не увѣнчавались особеннымъ успѣхомъ. Но въ ту самую минуту была еще надежда, такъ какъ по слухамъ и большая часть Родосскаго флота находилась около Патары, и царь Евменъ со всѣми своими судами отправился въ Геллеспонтъ на встрѣчу консулу. Нѣкоторымъ ободреніемъ служила и гибель Родосскаго флота у Самоса, условленная нарочно задуманнымъ коварнымъ умысломъ. Обнадеженный этимъ, онъ отправилъ Поликсенида съ флотомъ попытать всѣми способами счастія въ борьбѣ, а самъ повелъ войска къ Нотію: этотъ городъ Колофонцевъ стоитъ надъ самымъ моремъ почти въ двухъ тысячахъ шагахъ отъ стараго Колофона: хотѣлъ онъ имѣть въ своей власти этотъ самый городъ до того близкій къ Ефесу, что ни на морѣ, ни на сушѣ невозможно было ничего дѣлать, чтобы не совершилось въ глазахъ Колофонцевъ, и не было бы черезъ нихъ тотчасъ извѣстно Римлянамъ. Не сомнѣвался Антіохъ, что они, узнавъ объ осадѣ, двинутъ свой флотъ отъ Самоса для поданія помощи союзному городу; тутъ то и представится Поликсениду случай имѣть съ ними дѣло. А потому онъ началъ нападать на городъ посредствомъ осадныхъ работъ, и къ морю съ обѣихъ сторонъ одинаково доведя укрѣпленія; и тамъ и здѣсь подвелъ къ стѣнѣ окопы и террасы, и подъ черепичною кровлею пододвинулъ стѣнобитныя орудія. Угрожаемые такими бѣдами, Колофонцы отправили ораторовъ въ Самосъ къ Л. Емилію, умоляя о заступленіи претора и народа Римскаго. Емилію у Самоса давно уже надоѣла скука ожиданія, такъ какъ онъ всего менѣе надѣялся, чтобы Поликсенидасъ, два раза безъ пользы вызываемый имъ на бой, доставилъ бы ему возможность сразиться. И такъ обиднымъ для себя считалъ Емилій, что флотъ Евмена

помогаетъ консулу перевозить въ Азію легіоны, а онъ связанъ необходимостью подать помощь осажденному Колофону, котораго еще ожидала неизвѣстно какая участь. Евдамъ Родосскій, задержавшій его въ Самосѣ, между тѣмъ какъ онъ хотѣлъ отправиться въ Геллеспонтъ, да и всѣ приставали къ нему и говорили: «не гораздо ли лучше будетъ и союзниковъ избавить отъ осады, и флотъ уже разъ пораженный, снова побѣдить и отнять у непріятеля вовсе владычество на морѣ, чѣмъ покинувъ союзниковъ, и предоставивъ Антіоху господство въ Азіи на сушѣ и на морѣ, удалиться изъ своего военнаго участка въ Геллеспонтъ, гдѣ было бы достаточно и Евменова флота.

27. Вышедшіе изъ Самоса за провіантомъ — такъ какъ все уже истощилось—собирались переправиться въ Хіосъ. То была житница Римлянъ, и туда приходили всѣ изъ Италіи отправленныя транспортныя суда. Оставивъ городъ, и обойдя островъ къ его задней части (она, будучи обращена къ Хіосу и Еритрамъ, обращена къ сѣверу), собирались они переправиться, какъ тутъ узнаетъ преторъ, что большое количество пшеницы пришло въ Хіосъ изъ Италіи; судаже нагруженныя виномъ, удержаны непогодами. Вмѣстѣ получено извѣстіе, что жители Теоса доставили провіантъ царскому флоту весьма охотно, и обѣщали пять тысячь сосудовъ вина. Тогда, съ половины дороги, префектъ вдругъ даетъ другое направленіе флоту для того, чтобы или съ согласія Теосцевъ воспользоваться запасомъ, приготовленнымъ для непріятелей, или въ противномъ случаѣ съ ними самими обойдтися непріязненно. Когда они направили корабли къ берегу, около Міоннеза показались впереди ихъ почти пятнадцать судовъ; преторъ сначала счелъ ихъ принадлежащими къ царскому флоту и остановилъ движеніе своихъ судовъ; но обнаружилось, что это—лодьи и челны морскихъ разбойниковъ: Опустошивъ прибрежье Хіосцевъ, возвращались они съ добычею всякаго рода, а замѣтивъ въ морѣ флотъ пустились бѣжать; быстротою хода они далеко превосходили, такъ какъ суда ихъ были легче, устроены именно съ этою цѣлью, и при-

томъ они ближе были къ берегу; а потому прежде чѣмъ приблизился флотъ, они ушли въ Міоннезъ. Надѣясь оттуда изъ пристани утащить суда, преторъ слѣдовалъ за ними, незная мѣстности. Міоннезъ—это мысъ между Теосомъ и Самосомъ; тутъ холмъ подымается съ довольно широкаго основанія острою вершиною: съ твердой земли есть на него входъ по узкимъ тропинкамъ, съ моря запираютъ скалы, волнами изглоданныя такъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нависшіе съ верху камни выдаются въ море далѣе судовъ, стоявшихъ у берега. Не осмѣливаясь подойдти къ нимъ близко, дабы не попасть подъ удары морскихъ разбойниковъ, стоявшихъ на скалахъ, флотъ Римскій такъ безъ пользы провелъ день. Наконецъ, къ наступленію ночи, отказавшись отъ пустаго замысла, на другой день подошли къ Теосу, и въ портѣ, находящемся сзади города (жители называютъ его Герастикомъ) помѣстивъ суда, преторъ послалъ воиновъ опустошать около города поля.

28. Жители Теоса, видя передъ глазами опустошеніе своихъ полей, выслали къ Римскому военачальнику ораторовъ съ мольбами о пощадѣ. На ихъ старанія оправдать своихъ согражданъ, какъ непричастныхъ никому ни дѣйствію, ни слову враждебному Римлянамъ, онъ уличалъ ихъ: «что оказали они помощь непріятельскому флоту провіантомъ, и какое именно количество вина обѣщали они Поликсениду. Если они это самое количество выдадутъ флоту Римскому, то воиновъ отзоветъ онъ отъ грабежа; если же нѣтъ, то будетъ считать ихъ за непріятелей». Когда послы принесли домой отвѣтъ столь безотрадный, начальники приглашаютъ въ собраніе народъ для совѣщанія о томъ какъ поступить. Случилось такъ, что въ этотъ самый день Поликсенидасъ выступилъ съ царскимъ флотомъ отъ Колофона, по слуху о движеніи Римлянъ отъ Самоса, о преслѣдованіи ими пиратовъ къ Міоннезу, объ опустошеніи Теосскаго поля и о пребываніи Римскихъ судовъ въ портѣ Герастикѣ, самъ побросалъ якори насупротивъ Міоннеза у острова (моряки называютъ его Макрисъ) въ скрытомъ портѣ. Оттуда произведя вблизи разслѣдованіе о томъ, что дѣлаютъ непріятели, сначала

имѣлъ большую надежду подобно тому, какъ онъ одолѣлъ Родоссій флотъ у Самоса, занявъ узкое мѣсто при входѣ въ портъ—также справиться и съ Римскимъ флотомъ. Да и дѣйствительно мѣстность представляла сходство: двумя мысами, подходящими одинъ къ другому, портъ запирается такъ, что съ трудомъ могутъ оттуда выходить два корабля рядомъ. Ночью Поликсенидасъ замыслилъ занять узкое мѣсто, и поставивъ десять судовъ у морскихъ косъ съ тѣмъ, чтобы они дѣйствовали во фланги судовъ, которыя будутъ выходить изъ порта; съ остальныхъ судовъ по примѣру того, какъ поступилъ у Панорма, высадилъ вооруженныхъ воиновъ на берегъ съ тѣмъ, чтобы въ одно и тоже время подавить непріятелей и съ моря и съ суши. И неошибся бы онъ въ своихъ расчетахъ, если бы Римляне, вслѣдствіе обѣщанія Теосцевъ исполнить требованія ихъ, не сочли удобнѣе для принятія провіанта перевесть флотъ въ портъ, находящійся передъ городомъ. Говорятъ, что и Евдамъ Родосскій указалъ на неудобство прежняго порта по тому случаю, что два судна, столкнувшись въ узкомъ мѣстѣ входа, поламали одно у другаго весла. Между прочимъ побудило претора перевесть флотъ и то обстоятельсто, что съ сухаго пути могла быть опасность, такъ какъ недалеко оттуда стоялъ Антіохъ съ войскомъ въ постоянныхъ лагеряхъ.

29. Флотъ переведенъ къ городу; воины и матросы, ничего не подозрѣвая, вышли для дѣлежа по судамъ провіанта, а въ особенности вина. Вдругъ, около середины дня, одинъ поселянинъ, приведенный къ претору, сообщилъ ему извѣстіе: «другой уже день стоитъ флотъ у острова Макриса, и немного времени тому назадъ нѣкоторыя суда тронулись какъ будто для выступленія». Встревоженный такою неожиданностію, преторъ приказалъ играть трубамъ для того, чтобы воины, если которые разбрелись по полямъ, воротились, а трибуновъ послалъ въ городъ—воиновъ и моряковъ привесть на суда. Произошло такое смятеніе, какое бываетъ при внезапномъ пожарѣ или при взятіи города: одни бѣжали въ городъ звать назадъ своихъ, другіе торопились бѣгомъ изъ города на суда: при раз-

нообразныхъ крикахъ, покрываемыхъ притомъ же звуками трубы, незная кого слушать, воины сбѣжались наконецъ къ судамъ; въ суматохѣ едва едва каждый узнавалъ свой корабль или могъ дойдти до него. Дорого могло бы стоить это смятеніе на морѣ и на сушѣ, но Эмилій раздѣлилъ флотъ на двѣ части: онъ самъ, съ своимъ преторскимъ кораблемъ, первый вышелъ изъ порта въ море и, принимая суда по мѣрѣ того какъ они слѣдовали, ставилъ ихъ въ линію каждое на свое мѣсто. Евдамъ съ Родосскимъ флотомъ должны были остановиться у берега для того, чтобы и воины садились на суда безъ замѣшательства, и суда выходили какъ только каждое было готово. Такимъ образомъ и первыя суда развернулись во фронтъ въ виду претора, и Родосцы составляли арьергардъ флота. Устроясь въ боевомъ порядкѣ такъ, какъ бы непріятель былъ уже въ виду, преторъ выступилъ съ флотомъ въ открытое море; находился онъ между мысами Міонезскимъ и Корикскимъ, когда увидали непріятеля. Царскій флотъ, двигавшійся впередъ длинною цѣпью по два судна въ рядъ, также развернулся въ боевую линію, причемъ лѣвый флангъ до того далеко выдался впередъ, что могъ по видимому обойдти и окружить правое крыло Римлянъ. Евдамъ, замыкавшій движеніе флота Римскаго, примѣтивъ то, что Римская линія судовъ много короче, и что правое крыло чуть чуть не обойдено непріятелемъ — торопитъ суда (а именно Родосскія; они превосходили быстротою остальныя суда всего флота) и уровнявъ флангъ, сталъ самъ насупротивъ преторскаго судна, на которомъ находился Поликсенидасъ.

30. Между цѣлыми флотами разомъ во всѣхъ мѣстахъ завязался бой. Со стороны Римлянъ было въ дѣлѣ восемьдесятъ судовъ, и въ томъ числѣ двадцать два Родосскихъ. Непріятельскій флотъ состоялъ изъ девяносто одного корабля; въ томъ числѣ заключались суда огромныхъ размѣровъ: три гексеры и двѣ гептеры. Крѣпостью судовъ и доблестью воиновъ Римляне далеко превосходили царской флотъ, а Родосскія суда быстротою движенія, искусствомъ кормчихъ и опытностью гребцовъ Особенно страшны были непріятелю тѣ суда ихъ, которыя впереди себя несли огни, и это обстоятельство единственно послужившее имъ къ спасенію, когда они были окружены у Панорма въ то время особенно содѣйствовало къ побѣдѣ. Изъ опасенія шедшаго имъ на встрѣчу огня царскія суда уклонились въ сторону, чтобы не сойдтись носами и при этомъ не только не могли поражать непріятеля мѣдною обшивкою, но и открывали свой бокъ для его ударовъ. Если же которое судно шло прямо на встрѣчу, то оно завалено было огнемъ, и пожаръ производилъ гораздо болѣе тревоги, чѣмъ нападеніе непріятеля. Всего болѣе впрочемъ—что обыкновенно и случается — значила тутъ доблесть воиновъ. Римляне, прорвавъ середину боевой непріятельской линіи, обошли съ тылу и ударили на царскія суда, сражавшіяся противъ Родосскихъ: въ одно и тоже время затопляемы были и суда Антіоха, находившіяся въ серединѣ и обойденныя на лѣвомъ флангѣ. Правое крыло все оробѣло не столько отъ собственной опасности, сколько отъ пораженія своихъ товарищей. Когда же увидали, что одни суда окружены непріятелемъ, а преторскій корабль Поликсенида, бросивъ союзниковъ, распускалъ всѣ парусы, поднимая и маленькіе, находившіеся на передней части судна (вѣтеръ былъ попутный для судовъ идущихъ въ Ефесъ) пустились бѣжать. Непріятель потерялъ въ этомъ сраженіи сорокъ два судна; изъ нихъ тридцать были взяты Римлянами, а остальныя погибли или въ водѣ или въ пламени. Римскихъ два корабля разбиты, да нѣсколько повреждено. Родосскій одинъ взятъ случаемъ, о коемъ стоитъ упомянуть: когда онъ ударилъ носомъ въ Сидонскій корабль, то отъ силы удара якорь, соскочивъ съ своего судна, острымъ зубомъ, какъ бы желѣзною лапою, впился въ переднюю часть непріятельскаго судна, и прицѣпилъ его. Произошло смятеніе, и между тѣмъ какъ Родосцы препятствовали всѣми силами непріятелю освободиться, канатъ якорный, запутавшись въ весла, оторвалъ ихъ всю сторону. Обезсилѣвшій черезъ это Родосскій корабль сдѣлался добычею того самого судна, съ которымъ было сцѣпился Такимъ образомъ произошло морское сраженіе при Міоннезѣ.

31. Это сраженіе поразило Антіоха ужасомъ; лишенный господства на морѣ, онъ уже не вѣрилъ въ возможность защищать мѣста отдаленныя, и потому велѣлъ вывести гарнизонъ изъ Лизимахіи, опасаясь, какъ бы онъ не сдѣлался такъ легкою добычею Римлянъ; рѣшеніе это было какъ въ послѣдствіи обнаружилось на самомъ дѣлѣ, очень дурно. Не только легко было бы защитить Лизимахію отъ перваго приступа Римлянъ, но и даже выдержать осаду въ продолженіи всей зимы, а осажденныхъ довести до послѣдней крайности, проволочкою времени, между тѣмъ при всѣхъ удобныхъ случаяхъ дѣлая попытки помириться. И не только Лизимахію передалъ Антіохъ непріятелямъ послѣ потери морскаго сраженія, но и, оставивъ осаду Колофона, удалился въ Сарды. Отсюда послалъ онъ въ Каппадонію къ Аріарату, и вездѣ куда была возможность, за вспомогательными войсками, обращая вниманіе теперь только на одно, какъ бы на сухомъ пути дать сраженіе. Региллъ Емилій, послѣ морской битвы подошелъ къ Ефесу и выстроилъ суда передъ портомъ; добившись отъ непріятеля яснаго признанія уступленнаго владычества надъ моремъ, онъ отправился въ Хіосъ, куда и до морскаго сраженія направилъ было путь отъ Самоса. Тутъ починилъ онъ суда, поврежденныя въ морскомъ сраженіи, а Л. Эмилія Скавра съ тридцатью судами отправилъ въ Геллеспонтъ для перевозки войска; а Родосскимъ судамъ, украсивъ ихъ частью добычи и отнятыми морскими принадлежностями непріятелей, приказалъ вернуться домой. Родосцы предупредили это своею дѣятельностью, и сами пошли содѣйствовать перевозкѣ консульскаго войска. Исполнивъ и эту услугу, тутъ только отправились они домой. Римскій флотъ отъ Хіоса переправился въ Фокею. Во глубинѣ морскаго залива находится этотъ городъ, и имѣетъ видъ продолговатый. Окружность стѣны занимаетъ пространство двухъ тысячъ пятисотъ шаговъ; потомъ стѣны приближаются одна къ другой какъ бы болѣе узкимъ клиномъ; жители называютъ это мѣсто Ламптера; въ ширину оно имѣетъ тысячу двѣсти шаговъ. Отсюда на тысячу шаговъ въ длину выбѣгаетъ въ море полоса земли,

которая, на подобіе черты, пересѣкаетъ заливъ пополамъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ смыкаются узкіе концы, находятся два, самыхъ безопасныхъ порта, обращенныхъ въ разныя стороны: лежащій на югъ получилъ названіе отъ самой сущности дѣла Навстатмонъ, (стоянка судовъ), такъ какъ въ него можетъ помѣститься огромное количество судовъ, а другой портъ находится подлѣ самаго Ламптера.

32. Эти то, вполнѣ безопасные, порты занялъ Римскій флотъ; но прежде чѣмъ приступать къ стѣнамъ съ помощью или лѣстницъ, или осадныхъ работъ, преторъ счелъ за лучшее вывѣдать черезъ посольство расположеніе умовъ старѣйшинъ и городскихъ властей. Удостовѣрясь въ ихъ упорствѣ, онъ началъ нападеніе въ одно и тоже время съ двухъ сторонъ: одна была очень не богата строеніями, только нѣсколько мѣста занимали храмы боговъ. Придвинувъ прежде стѣнобитныя орудія, началъ онъ потрясать стѣны и башни. Потомъ, когда туда для защиты сбѣжалось много народу, и съ другой стороны подвинуты стѣнобитныя орудія: и тамъ, и здѣсь разрушались стѣны. Когда Римляне по ихъ паденіи, одни черезъ развалины хотѣли себѣ проложить путь, а другіе по лѣстницамъ пытались было взобраться на стѣны, осажденные сопротивлялись такъ упорно, что вполнѣ доказали — что болѣе защиты въ оружіи и доблести, чѣмъ въ крѣпости стѣнъ. Вынужденный такимъ образомъ опасностью воиновъ, преторъ приказалъ играть отбой, какъ бы неосторожно неотдать ихъ на жертву людямъ, находившимся внѣ себя отъ отчаянія и бѣшенства. Сраженіе окончилось, но и тутъ они не остались въ покоѣ, а сбѣжались со всѣхъ сторонъ укрѣплять и вновь загораживать тѣ мѣста, которыя были въ развалинахъ. Между тѣмъ какъ они занимались этою работою, пришелъ К. Антоній, присланный преторомъ; онъ выговаривалъ жителямъ за ихъ упорство и показалъ имъ: «что Римлянамъ больше заботы, чѣмъ имъ самимъ—какъ бы борьба не окончилась гибелью города. Будеже они оставятъ свое заблужденіе, то онъ дастъ имъ возможность покориться на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ прежде довѣрились было они К. Ливію».

Выслушавъ это, и взявъ пять дней на размышленіе, они между тѣмъ испробовали—нѣтъ ли надежды на помощь отъ Антіоха, когда послы, отправленные было къ нему, донесли, что не будетъ съ него никакого толку, тогда отворили ворота съ уговоромъ непотерпѣть ничего непріятнаго. Когда значки вносились въ городъ и преторъ объявилъ — что желаетъ оказать пощаду покорившимся, то со всѣхъ сторонъ поднялись крики: «недостойнымъ дѣломъ было бы допускать Фокейцевъ, постоянно союзниковъ вѣроломныхъ и вмѣстѣ враговъ ожесточенныхъ, безнаказано издѣваться надъ ними.» Вслѣдъ за этимъ крикомъ, какъ бы по сигналу, данному преторомъ, воины разбѣжались во всѣ стороны грабить городъ. Емилій сначала было оказывалъ сопротивленіе и отзывалъ воиновъ, говоря, что «предаются разграбленію города взятые, а не покоренные, да и тутъ распоряженіе объ этомъ принадлежитъ вождю, а не воинамъ». Раздраженіе и алчность добычи взяли верхъ надъ дисциплиною; герольды, посланные по всему городу, объявили приказаніе претора, чтобы всѣ свободные граждане собрались къ нему на главную площадь, дабы неподвергнуться насилію. Во всемъ, что собственно отъ него зависѣло, преторъ свято соблюлъ данное имъ слово. Городъ, область его и управленіе собственными своими законами онъ имъ возвратилъ. А такъ какъ уже приближалась зима, то онъ выбралъ для зимовки флота Фокейскій портъ.

33. Около этого времени консулъ—онъ въ это время перешелъ границы Эніевъ и Маронитовъ — получилъ извѣстіе, что царскій флотъ потерпѣлъ пораженіе у Міоннеза, и что Лизимахія оставлена гарнизономъ. Послѣднее обстоятельство было гораздо пріятнѣе, чѣмъ побѣда на морѣ. По прибытіи Римлянъ, городъ, наполненный запасами всякаго рода, какъ бы нарочно заготовленными къ приходу войска принялъ ихъ; между тѣмъ какъ они тутъ то именно ждали себѣ крайняго недостатка и трудовъ при осадѣ города. Нѣсколько дней простояли здѣсь войска, дожидаясь обозныхъ тяжестей и больныхъ, а ихъ не мало, отъ усталости и продолжительнаго пути, осталось въ разныхъ

мѣстахъ Ѳракіи, по ея крѣпостцамъ. Собравъ всѣхъ, войско двинулось опять черезъ Херсонесъ и пришло къ Геллеспонту. Всѣ приготовленія къ переправѣ были уже тамъ сдѣланы попеченіемъ царя Евмена, и Римляне переправились на другой берегъ безо всякаго замѣшательства и сопротивленія, какъ бы въ мирное время, даже и суда при этомъ приставали, какое въ одномъ мѣстѣ, а какое въ другомъ. Это обстоятельство прибавило духу Римлянамъ: они видѣли, что допущенъ ихъ переходъ въ Азію, а между тѣмъ предполагали, что это дѣло будетъ имъ стоить большой борьбы. Потомъ они нѣсколько дней простояли у Геллеспонта, такъ какъ пришлось бы совершить походъ въ наступавшіе тогда дни, не чуждые религіозныхъ опасеній, когда носятъ Анциліи. Эти же дни еще важнѣе были для Сципіона, какъ Салія, въ религіозномъ отношеніи и разлучили его отъ войска; и онъ самъ былъ причиною замедленія, пока подоспѣлъ къ нему.

34. Случилось такъ, что почти въ тоже самое время пришелъ, посолъ Антіоха, Византіецъ Гераклидъ—съ порученіемъ о мирѣ. Весьма обнадеживала Антіоха въ возможности его получить—медленность движенія Римлянъ; онъ полагалъ, что они, какъ только войдутъ въ Азію, всѣми силами поспѣшатъ къ его лагерю. Гераклидъ рѣшился не прежде явиться къ консулу, какъ и къ П. Сципіону, и такой же наказъ получилъ онъ и отъ царя. На него особенно онъ надѣялся: кромѣ того, что величіе духа и пресыщеніе славы располагали его особенно къ милосердію; да и извѣстно было народамъ, какъ онъ былъ побѣдителемъ сначала въ Испаніи, а потомъ въ Африкѣ; еще и потому также, что сынъ его, взятый въ плѣнъ, находился во власти царя. Гдѣ, когда, и при какомъ случаѣ, онъ взятъ—разныя извѣстія, какъ и о многомъ другомъ—находимъ у писателей: одни говорятъ, что при самомъ началѣ войны окруженъ онъ судами царскими, когда переправлялся изъ Халкиды въ Орей. А другіе утверждаютъ, что уже по переходѣ въ Азію посланъ онъ былъ съ Фрегелланскимъ эскадрономъ на рекогносцировку къ царскому лагерю. Когда высыпала на встрѣчу непріятельская конница и пришлось отступать, то въ проис-

шедшей суматохѣ упалъ онъ съ коня и, схваченный вмѣстѣ съ двумя всадниками, отведенъ къ царю. Довольно вѣрно только то, что будь у царя миръ съ народомъ Римскимъ и частыя отношенія гостепріимства съ Сципіонами, то и тутъ нельзя было бы радушнѣе, ласковѣе обойдтись съ молодымъ человѣкомъ, какъ съ нимъ обошелся царь. Подождавъ прибытія П. Сципіона, посолъ царскій, когда онъ пріѣхалъ, явился къ консулу, и просилъ выслушать отъ него порученіе.

35. Созвано было многолюдное собраніе; выслушаны предложенія посла; они заключались въ слѣдующемъ: «не разъ уже и прежде ѣздили безъ пользы туда и сюда посольства о мирѣ, но теперь дѣло его кажется ему надежнѣе, именно потому, что прежніе послы ничего не добились: тогда шелъ споръ о Лампсакѣ, Александріи Троадской и Лизимахіи въ Европѣ. А теперь Лизимахію уже очистилъ царь для того, чтобы не заявляли претензій, будто бы онъ удерживаетъ за собою что нибудь въ Европѣ. И города, находящіеся въ Азіи, онъ готовъ передать, и если еще какіе либо города захотятъ Римляне освободить отъ власти царя, какъ бывшіе на ихъ сторонѣ. Да и издержекъ, сдѣланныхъ на войну, половинную часть царь отдаетъ народу Римскому». Такія то условія мира были предложены. Остальная рѣчь заключала въ себѣ: «припоминая непостоянство дѣлъ человѣческихъ, пусть Римляне окажутъ умѣренность въ счастіи, и не слишкомъ пользуются несчастіемъ противника. Пусть Европою ограничатъ они свои владѣнія; вѣдь и такъ они будутъ необъятны. Легче для нихъ было пріобрѣсть многое одно за другимъ, чѣмъ быть въ состояніи удержать все вмѣстѣ. Если же Римляне желаютъ отнять и какую нибудь часть Азіи, лишь бы только обозначили они ее ясными предѣлами, то и тутъ царь ради мира и согласія, допуститъ, чтобы его умѣренность была побѣждена жадностью Римлянъ». Эти уступки, казавшіяся послу слишкомъ достаточными для полученія мира, Римлянамъ казались малыми. Съ своей стороны находили они справедливымъ: «чтобы всѣ издержки, которыхъ стоила война, царь принялъ на себя; такъ какъ его вина вызвала необходимость войны. Да и недостаточно царю вывести свои гарнизоны только изъ Іоніи и Еолиды; но точно также, какъ Греція освобождена вся, и въ Азіи пусть освобождены будутъ всѣ города; а иначе этого достигнуть нельзя, какъ Антіоху надобно отказаться отъ всѣхъ владѣній по сю сторону Тавра.

36. Посолъ, прійдя къ убѣжденію, что никакихъ сносныхъ условій не можетъ онъ добиться отъ совѣта, отдѣльно — онъ такое и приказаніе получилъ — пытался подѣйствовать частнымъ образомъ на П. Сципіона: прежде всего онъ объявилъ ему, что царь отпуститъ ему сына безъ выкупа; далѣе, въ полномъ невѣдѣніи характера Сципіона и обычая Римскаго, онъ обѣщалъ ему огромное количество золота и полное сотоварищество въ царствѣ — помимо лишь одного имени царскаго — если только черезъ него исхлопочетъ миръ. На это Сципіонъ ему сказалъ: «не столько я удивляюсь тому, что ты вовсе не знаешь ни Римлянъ, ни меня, къ которому посланъ, сколько твоему совершенному непониманію обстоятельствъ того, отъ кого ты приходишь. Лизимахію надобно было оборонять, чтобы заградить намъ входъ въ Херсонесъ, или у Геллеспонта надобно было противуставить сопротивленіе, чтобы не допустить насъ проникнуть въ Азію; тогда просили бы вы мира у людей, какъ бы еще озабоченныхъ исходомъ войны; допустивъ же переходъ въ Азію, принявъ на себя, такъ сказать, не только узду, но и ярмо, какое можетъ быть справедливое состязаніе, когда вамъ остается только принимать приказанія. Лучшимъ даромъ царской щедрости будетъ для меня сынъ мой: въ другихъ случаяхъ молю боговъ, чтобы ему не пришлось прибѣгать къ моему заступленію; въ полномъ моемъ расположеніи сомнѣваться онъ не можетъ: признательность мою за такой даръ испытаетъ онъ только тогда, когда пожелаетъ за личную услугу и личнаго одолженія; публично же я ничего отъ него не возьму и самъ не дамъ: теперь могу предложить только одно — вѣрный совѣтъ. Ступай, объяви ему то, что я говорю: пусть оставитъ войну и не отказывается ни отъ какихъ условій мира». Но на царя это не произвело ни малѣйшаго впечатлѣнія: смѣло рѣшался онъ на жребій войны, когда ему уже

словно какъ и побѣжденному, предписывались законы. Оставивъ такимъ образомъ на этотъ разъ всякій и поминъ о мирѣ, всю заботу обратилъ на военныя приготовленія.

37. Консулъ, изготовивъ все нужное для приведенія въ исполненіе его плановъ — двинулся съ постоянныхъ квартиръ и пришелъ сначала въ Дарданъ, потомъ въ Ретей — жители и того, и другаго города выходили толпами къ нему на встрѣчу. Отсюда пошелъ онъ къ Иліону и ставъ лагеремъ на полѣ, прилежащемъ къ стѣнамъ, вошелъ въ городъ и крѣпость и принесъ жертву Минервѣ, покровительницѣ замка: жители Иліона не знали, какъ лучше на словахъ и дѣлѣ, почтить Римлянъ, какъ своихъ родичей, и Римляне были очень рады видѣть свою родину. Выступивъ оттуда, шестью переходами достигли истоковъ рѣки Каика. Туда же подоспѣлъ и царь Евменъ: сначала хотѣлъ было онъ изъ Геллеспонта отвести флотъ на зимовку въ Елею, но, при противныхъ вѣтрахъ, тщетно усиливался онъ, въ продолженіи нѣсколькихъ дней—обогнуть мысъ Лектонъ; тогда вышелъ онъ на берегъ и какъ бы не пропустить начала дѣйствій, гдѣ только ближе было, съ небольшимъ отрядомъ направился въ Римскій лагерь. Оттуда посланъ въ Пергамъ для отправленія провіанту и, передавъ хлѣбъ кому было приказано отъ консула, воротился на тѣ же постоянныя лагерныя помѣщенія. Отсюда, заготовивъ пищи на много дней, вознамѣрился консулъ идти къ непріятелю прежде, чѣмъ застигнетъ зима. Царскій лагерь находился около Тіатиры: тамъ Антіохъ, услыхавъ, что П. Сципіонъ больной отнесенъ въ Елею, отправилъ пословъ— отвести къ нему сына; не только даръ этотъ былъ пріятенъ родительскому сердцу, но и имѣлъ благопріятное вліяніе на здоровье. Налюбовавшись вдоволь сыномъ, сказалъ онъ царскимъ посламъ: «скажите царю, что я ему очень благодаренъ. Другой услуги не могу ему теперь оказать, какъ посовѣтовать— не прежде вступать въ сраженіе, какъ услыхавъ о моемъ возвращеніи въ лагерь». Хотя шестьдесятъ двѣ тысячи пѣшихъ воиновъ и болѣе двенадцати тысячъ конныхъ и подавали нѣкоторую надежду въ предстоящей борьбѣ, однако Антіохъ, покорный вліянію человѣка, на котораго одного можно было расчитывать при невѣрномъ исходѣ борьбы, удалился, и перейдя рѣку Фригій, сталъ лагеремъ около Магнезіи, находящейся у Сипила. А для того, чтобы Римляне, при дальнѣйшей проволочкѣ времени, не произвели покушенія на лагерныя укрѣпленія, приказалъ обвести ихъ рвомъ въ шесть локтей глубины и двенадцать ширины, а снаружи вывесть двойной валъ; на внутренней сторонѣ сложена стѣна съ частыми башнями; отсюда представлялись всѣ удобства отразить непріятеля отъ перехода черезъ ровъ.

38. Консулъ, полагая, что царь находится все еще у Тіатиры, неостанавливаясь, на пятый день спустился въ Гирканское поле. Услыхавъ тутъ о движеніи царя, пошелъ по его слѣдамъ и сталъ лагеремъ по сю сторону рѣки Фригія — въ четырехъ миляхъ отъ непріятеля. Тутъ около тысячи всадниковъ (большая часть были Галлогреки, и Даги; примѣшалась и нѣкоторая часть стрѣлковъ изъ другихъ племенъ) въ торопяхъ переправились черезъ рѣку, и ударили на передовые посты Римлянъ. Сначала произвели было они замѣшательство въ ихъ неустроенныхъ рядахъ; но потомъ, когда борьба затянулась, и число Римлянъ все росло — легко было подходить подкрѣпленіямъ изъ находившагося вблизи лагеря, то царскіе воины, утомясь и чувствуя уже себя не подъ силу такому множеству, стали отступать и, при обратной переправѣ черезъ рѣку, прежде чѣмъ войдти въ нее, потеряли нѣсколько воиновъ отъ преслѣдовавшихъ сзади. Два дня потомъ все было тихо и ни тѣ, ни другіе не переходили черезъ рѣку. На третій потомъ день Римляне всѣ вмѣстѣ перешли черезъ рѣку и, почти въ двухъ тысячахъ шагахъ отъ непріятеля, стали лагеремъ: пока они разстанавливали палатки и занимались укрѣпленіемъ лагеря, три тысячи отборныхъ царскихъ пѣшихъ и конныхъ воиновъ нагрянули, распространяя около себя ужасъ и смятеніе. Нѣсколько малочисленнѣе были занимавшіе передовые посты; однако двѣ тысячи сами собою, неотзывая никого изъ воиновъ отъ укрѣпленія лагеря, съ успѣхомъ выдержали бой, а когда борьба сдѣлалась упор-

нѣе, сбили непріятелей, сто изъ нихъ убили и почти сто взяли. Въ продолженіи четырехъ, послѣдовавшихъ за тѣмъ, дней оба войска, устроенныя въ боевомъ порядкѣ, стояли передъ валомъ. На пятый день Римляне выступили въ середину поля. Антіохъ нисколько не выдвинулъ впередъ значковъ, такъ что крайніе воины стояли отъ вала на разстояніи менѣе тысячи шаговъ.

39. Консулъ, видя, что непріятель уклоняется отъ рѣшительнаго боя, на другой день созвалъ совѣтъ: «что останется дѣлать, если Антіохъ не дастъ возможности сразиться? Зима уже наступаетъ. Прійдется или держать воиновъ подъ кожами, или, если заблагоразсудятъ удалиться на зимнія квартиры, прійдется отложить войну до лѣта». Не было непріятеля, котораго Римляне до такой степени презиралибы! Со всѣхъ сторонъ раздались крики: «пусть онъ ведетъ ихъ сейчасъ же и пользуется воодушевленіемъ воиновъ». Они, какъ бы не сражаться нужно было съ столькими тысячами непріятелей, но предстоялобы равное количество скота порѣзать — готовы были черезъ рвы, черезъ валъ броситься на лагерь непріятеля, если бы онъ не вышелъ на бой. Кн. Домицій посланъ для изслѣдованія пути и съ какой стороны удобнѣе доступъ къ непріятельскому лагерю; когда онъ сообщилъ объ этомъ вѣрныя свѣдѣнія, положено — на другой день ближе подвинуть лагерь. На третій день значки вынесены на середину поля, и воины начали строиться въ боевомъ порядкѣ. Да и Антіохъ не счелъ за нужное долѣе уклоняться, въ опасеніи, какъ бы его воины совсѣмъ не упали духомъ, видя его отказъ отъ боя, а надежды непріятелей не возрасли бы, и самъ вывелъ войска, настолько отступилъ отъ лагеря, чтобы показать свою готовность сразиться. Боевая линія Римлянъ представляла почти однообразіе, какъ людьми, такъ и родомъ оружія. Было два легіона Римскихъ, два союзныхъ и Латинскаго племени; каждый состоялъ изъ пяти тысячь пятисотъ человѣкъ. Римляне составляли центръ, а Латиняне занимали фланги; первые значки были гастатовъ, а потомъ принциповъ; тріаріи замыкали въ самомъ концѣ. Внѣ

этой, какъ бы правильной, боевой линіи, на правой сторонѣ консулъ поставилъ, выровнявъ фронтъ, около трехъ тысячъ пѣшихъ воиновъ, составлявшихъ вспомогательный отрядъ Евмена, перемѣшавъ ихъ съ цетратами Ахейцевъ. Далѣе за ними помѣстилъ онъ менѣе трехъ тысячъ всадниковъ (изъ нихъ восемьсотъ были Евмена, а остальные все Римляне); по концамъ расположилъ онъ Тралловъ и Кретійцевъ (и тѣ, и другіе составляли полное количество пятисотъ человѣкъ). Лѣвое крыло по видимому не нуждалось въ такихъ подкрѣпленіяхъ, потому что отсюда замыкала рѣки и крутыя скалы; впрочемъ и тутъ поставлены четыре эскадрона конницы. Такова была численность войскъ Римскихъ и двѣ тысячи Македонянъ и Ѳраковъ вмѣстѣ; послѣдовали они по собственному желанію; они оставлены въ лагерѣ для его охраны. Шестнадцать слоновъ поставлены въ резервѣ позади тріаріевъ, такъ какъ и по малочисленности не могли они бороться съ гораздо большимъ числомъ слоновъ царскихъ (ихъ всѣхъ было пятьдесятъ четыре); да и при равномъ числѣ не устоятъ Африканскіе слоны противъ Индійскихъ, можетъ быть и по величинѣ (много послѣдніе больше первыхъ) а можетъ быть и превосходя смѣлостью и силами.

40. У царя боевая линія пестрѣла большимъ разнообразіемъ народностей, не походившихъ одна на другую ни наружностью, ни способомъ вооруженія. Шестнадцать тысячъ пѣшихъ были вооружены по обычаю Македонянъ, называемыхъ фалангитами. То былъ центръ войска: съ фронта дѣлился онъ на десять частей; онѣ обозначались стоявшими въ промежуткахъ попарно слонами; боевая линія отъ фронта внутрь состояла изъ 31 ряда вооруженныхъ воиновъ. Громадные были слоны и сами по себѣ, но еще громаднѣе казались отъ налобниковъ, отъ гривъ и поставленныхъ на спинахъ башенъ; на башняхъ стояло, кромѣ вожака, по четыре воина. На правомъ крылѣ фалангитовъ находилась тысяча пятьсотъ Галлогреческихъ всадниковъ; къ нимъ присоединилъ Антіохъ три тысячи всадниковъ въ кирасахъ (катафрактами ихъ называютъ); сюда же примыкалъ

эскадронъ почти изъ тысячи всадниковъ, по мѣстному названію агема: тутъ были отборные воины изъ Медовъ, и съ ними вмѣстѣ смѣсь всадниковъ разныхъ народовъ. Подлѣ нихъ въ резервѣ стоялъ отрядъ изъ шестнадцати слоновъ; съ той же стороны, нѣсколько вытянувъ флангъ, стояла и царская когорта, воиновъ которой, по роду вооруженія, называютъ аргираспидами. Вслѣдъ за ними Даги, всадники стрѣлки, въ числѣ 1200 чел.; потомъ три тысячи легковооруженныхъ воиновъ, пополамъ Кретійцевъ, пополамъ Тралловъ; къ нимъ примыкали двѣ тысячи пятьсотъ Мизійскихъ стрѣлковъ, крайнюю сторону фланга замыкали четыре тысячи Циртейскихъ пращниковъ и Елимейскихъ стрѣлковъ (они были перемѣшаны). Съ лѣваго крыла къ фалангитамъ примыкали Галлогреческіе всадники тысячу пятьсотъ человѣкъ и одинаково съ ними вооруженные двѣ тысячи Каппадоковъ (они были присланы царемъ Аріаратомъ). За тѣмъ смѣсь разнаго рода вспомогательныхъ войскъ — двѣ тысячи семьсотъ, и три тысячи всадниковъ катафрактовъ и тысячу другихъ всадниковъ; одежды ихъ и покровы коней представляли сходство съ царскимъ отрядомъ, только были нѣсколько по легче: не мало Сировъ было примѣшано къ Фригійцамъ и Лидійцамъ. Впереди этой конницы, колесницы съ косами и верблюды, называемые у нихъ дромадами. На нихъ сидѣли Арабскіе стрѣлки; мечи у нихъ были тонкіе, длиною въ четыре локтя, для того, чтобы они были въ состояніи съ такой вышины достать непріятеля. За тѣмъ слѣдовали силы, почти равныя находившимся на правомъ крылѣ: сначала Тарентинцы, потомъ Галлогреческихъ всадниковъ тысячу пятьсотъ человѣкъ, за тѣмъ Неокритовъ тысячу, и, точно также вооруженныхъ, Каровъ и Киликовъ тысячу пятьсотъ человѣкъ, столько же Тралловъ и три тысячи цетратовъ (тутъ были Писиды, Памфилы и Лики); тутъ вномогательные отряды Цртеевъ и Елимеевъ, такіе же какъ и на правомъ крылѣ и шестнадцать слоновъ съ малымъ между ними промежуткомъ.

41. Царь самъ находился на правомъ крылѣ, а сына своего Селевка и племянника Антипатра поставилъ начальниками на

лѣвомъ; центръ порученъ тремъ: Миніону, Зевксиду и Филиппу, начальнику слоновъ. Утренній туманъ, съ наступленіемъ дня сгустившійся въ облака, распространилъ отъ себя мракъ и сырость и она какъ бываетъ при южномъ вѣтрѣ, проникла повсюду. Она оказалась весьма мало неудобною для Римлянъ, но очень много для царскихъ войскъ. При малой длинѣ боевой линіи Римлянъ и самый недостатокъ свѣта не препятствовалъ видѣть во всѣ стороны, и сырость, при преобладаніи тяжелаго вооруженія, нисколько не дѣйствовала вредно на мечи и на копья. Но въ царскомъ строю, при его обширности, и изъ середины нельзя было обозрѣвать фланги, а чтобъ съ одного на другой видно было, объ этомъ нѣчего было и подумать; отъ сырости же отволгли луки, пращи и завязки дротиковъ. Да и колесницы съ косами, посредствомъ которыхъ Антіохъ надѣялся внести замѣшательство въ ряды непріятелей, обратились къ ужасу его же воиновъ, а вооружены они были по большей части слѣдующимъ образомъ. Около дышла отъ ярма выходили острія по десяти локтей длины, выдаваясь на подобіе роговъ; назначеніе ихъ было—прокалывать все, чтобы ни попалось имъ на встрѣчу. Къ задней части колесницы прикрѣплены были также двѣ косы: одна на высотѣ ярма, а другая гораздо ниже, обращенная къ землѣ: первая должна была срѣзать все, что ни попадется съ боку, а послѣдняя доставать до упавшихъ или нагнувшихся. Такъ же отъ осей у колесъ по обѣ стороны выходили двѣ косы. Такимъ то образомъ вооруженныя колесницы, будь они поставлены на концѣ или въ серединѣ, пришлось бы гнать по своимъ рядамъ, а потому царь и поставилъ ихъ, какъ мы выше сказали, въ переднемъ ряду. Видя это, Евменъ, нѣсколько знакомый съ этимъ родомъ сраженія и съ тѣмъ, какъ опасно прибѣгать къ подобнымъ вспомогательнымъ средствамъ, если только удастся, не дѣйствуя еще правильнымъ боемъ — испугать коней. Онъ отдалъ приказаніе Критскимъ стрѣлкамъ, пращникамъ и всадникамъ съ дротиками, не толпами, а какъ можно болѣе въ разсыпную, выбѣжать впередъ и дружно дѣйствовать ихъ метательнымъ оружіемъ. Эта точно

грова, отчасти вслѣдствіе ранъ со всѣхъ сторонъ наносимыхъ, отчасти самыхъ разнообразныхъ криковъ, до того испугала коней, что они вдругъ какъ бы разнузданные, бросились въ разныя стороны, сами не зная куда. При ихъ приближеніи, и легковооруженные воины, и ловкіе пращники, и быстрые Кретійцы мгновенно уклонялись; а потомъ, гонясь вслѣдъ за конями, вкинули смущеніе и страхъ въ ряды коней и верблюдовъ, которые и сами пугали лошадей, а между тѣмъ въ высшей степени разнообразные крики воиновъ, раздаваясь со всѣхъ, сторонъ увеличивали замѣшательство. Такимъ образомъ наконецъ по полю, раздѣлявшему оба войска, прогнаны были колесницы: по удаленіи этихъ безполезныхъ игрушекъ, приступлено къ правильному сраженію по, разомъ даннымъ съ обѣихъ сторонъ, сигналамъ.

42. Впрочемъ это пустое обстоятельство не замедлило быть причиною настоящаго бѣдствія. Вспомогательные отряды, стоявшіе вблизи отъ колесницъ, сами пришли въ испугъ отъ бѣшенства коней и, пустясь бѣжать, оставили открытымъ весь флангъ до самихъ катафрактовъ. Когда къ нимъ, разсѣявъ вспомогательныя войска, прибыла конница Римская, то и перваго натиска часть ихъ не выдержала: одни пустились бѣжать, а другіе, связанные тяжестью оружія и одежды, погибли на мѣстѣ. Тутъ то все лѣвое крыло пошатнулось; а при замѣшательствѣ вспомогательныхъ войскъ, находившихся между всадниками и такъ называемыми фалангитами, ужасъ распространился до самого центра. Тутъ вмѣстѣ смѣшались ряды и, вслѣдствіе натиска своихъ же, сдѣлались безполезными длинныя копья (*сариссами* ихъ называютъ Македоняне); Римскіе легіоны стали наступать впередъ съ своими значками, и бросили копья туда, гдѣ была наибольшая тѣснота. И стоявшіе между рядовъ слоны не наводили страха на воиновъ Римскихъ; они, воюя въ Африкѣ, уже навыкли и уклоняться отъ напора этихъ животныхъ и или съ боку наступать на нихъ съ длинными копьями или, при возможности подойдти по ближе, мечемъ подрѣзать жилы. Уже весь почти центръ съ фронта былъ пора-

женъ, и вспомогательныя войска, обойденныя съ тылу, подвергались истребленію: какъ вдругъ услыхали Римляне о бѣгствѣ своихъ въ другой сторонѣ, и крики оробѣвшихъ пронеслись почти до самого лагеря. На правомъ крылѣ Антіохъ, не видя никакихъ резервовъ у Римлянъ, обнадеженныхъ рѣкою — кромѣ четырехъ эскадроновъ, да и тѣ, примкнувъ къ своимъ, обнажили берегъ — ударилъ туда съ вспомогательными войсками и тяжелою конницею; и не только съ фронта онъ наступалъ, но обойдя флангъ отъ рѣки, уже тѣснилъ съ фланга: сначала всадники пустились бѣжать, потомъ, стоявшая подлѣ нихъ, пѣхота бросилась въ разсыпную и сбита въ лагерь.

43. Лагеремъ начальствовалъ М. Емилій, трибунъ военный, сынъ М. Лепида, тотъ самый, что, спустя немного лѣтъ, сдѣланъ былъ великимъ первосвященникомъ. Онъ поспѣшилъ со всѣмъ резервомъ въ ту сторону, гдѣ видѣлъ бѣгство своихъ и приказывалъ сначала остановиться, потомъ воротиться на поле битвы, выговаривая имъ за робость и постыдное бѣгство; далѣе онъ сталъ грозить, что, въ случаѣ ослушанія, слѣпо полѣзутъ они на свою гибель. Наконецъ онъ даетъ знакъ воинамъ убивать тѣхъ изъ бѣгущихъ, которые впереди, и желѣзомъ и ранами повернуть противъ непріятеля толпы слѣдовавшихъ за ними воиновъ. Тутъ меньшій страхъ побѣжденъ былъ большимъ; видя съ двухъ сторонъ опасность, воины сначала остановились, а потомъ и сами вернулись въ бой; да и Емилій съ своимъ отрядомъ (состоялъ онъ изъ двухъ тысячъ отличныхъ воиновъ) противупоставилъ упорное сопротивленіе царю, всѣми силами преслѣдовавшему бѣгущихъ. Атталъ, братъ Евмена, на правомъ крылѣ, которымъ лѣвое непріятельское было обращено въ бѣгство, при первомъ натискѣ, видя на лѣвомъ бѣгство своихъ и тревогу около лагеря, во время подоспѣлъ съ двумя стами всадниковъ. Антіохъ, видя, что вновь вступили въ бой тѣ, которые только что передъ тѣмъ показали ему тылъ, да и что съ лагерей и поля битвы подоспѣваютъ все новыя толпы, пустился бѣжать назадъ. Тогда Римляне, побѣдители на обоихъ крылахъ, по кучамъ тѣлъ (наиболѣе ихъ набралось къ

срединѣ боевой линіи: тутъ стояли отборные и лучшіе воины, да и оружіе тяжестью своею препятствовало имъ бѣжать) устремились грабить лагерь. Впереди всадники Евмена, а потомъ и прочая конница, по всему полю въ разныхъ мѣстахъ преслѣдуетъ непріятеля и избиваютъ заднихъ, какъ только ихъ настигаютъ. Впрочемъ бѣгущимъ весьма гибельна была самая ихъ численность, такъ какъ въ туже толпу замѣшались колесницы, слоны и верблюды. О правильныхъ рядахъ и помину не было, а воины, какъ слѣпые, лѣзли другъ на друга, и много ихъ гибло подъ ногами животныхъ. Въ лагерѣ истреблено непріятелей едвали еще не больше какъ въ сраженіи; туда, въ особенности сначала, стекались бѣглецы, и въ надеждѣ на это многолюдство находившійся тамъ гарнизонъ упорнѣе защищалъ окопы. Удержанные въ воротахъ у вала, Римляне, думавшіе было проникнуть черезъ нихъ первымъ натискомъ — ворвались туда наконецъ и въ слѣдствіе раздраженія, произвели тамъ большое убійство.

44. Говорятъ, что въ этотъ день истреблено у непріятеля пятьдесятъ тысячь пѣшихъ воиновъ и три тысячи всадниковъ, взято въ плѣнъ тысячу четыреста человѣкъ, и пятнадцать слоновъ съ ихъ вожаками. У Римлянъ нѣкоторые ранены; пало же не болѣе 300 пѣшихъ воиновъ и двадцати четырехъ всадниковъ; изъ Евменова войска двадцать пять. Въ этотъ день побѣдители, разграбивъ лагерь непріятельскій, съ большою добычею возвратились въ свой. На другой день подбирали они тѣла убитыхъ и собирали плѣнныхъ. Пришли послы изъ Тіатиры и Магнезіи, что у Сипила, для передачи этихъ городовъ. Антіохъ убѣжалъ съ весьма небольшою свитою, но по дорогѣ пристало много еще воиновъ; съ весьма ограниченнымъ отрядомъ вооруженныхъ, Антіохъ около полуночи прибылъ въ Сарды. Услыхавъ здѣсь, что сынъ его Селевкъ и нѣкоторые приближенные, опередили его въ Апамеѣ откуда онъ и самъ, въ четвертую перемѣну ночныхъ сторожей съ женою и дочерью, удалился въ Апамею, обереженіе города ввѣривъ Зенону, а Тимона сдѣлалъ начальникомъ Лидіи, но жители и воины, находившіеся въ крѣпости,

по общему между собою согласію, необращая никакого вниманія на начальниковъ, поставленныхъ Антіохомъ, отправили пословъ къ консулу.

45. Около этого же времени и изъ Траллъ, и изъ Магнезіи, находящейся надъ Меандромъ, и изъ Ефеса явились послы, отдавая свои города. Поликсенидасъ оставилъ Ефесъ, услыхавъ о сраженіи и дойдя съ флотомъ до Патары Ликійской, изъ опасенія эскадры Родосскихъ судовъ, находившейся у Мегиста, вышелъ на берегъ, и съ малымъ числомъ провожатыхъ, сухимъ путемъ отправился въ Сирію. Города Азіи одинъ за другимъ отдавали себя въ распоряженіе консула на честное слово народа Римскаго. Консулъ уже былъ въ Сардахъ; туда же прибылъ изъ Елеи и Сципіонъ, при первой возможности для него перенесть труды дороги. Въ это время герольдъ Антіоховъ черезъ П. Сципіона просилъ у консула, и получилъ для царя—дозволеніе прислать своихъ пословъ. По прошествіи немногихъ дней прибыли: Зевксисъ, тотъ что былъ префектомъ Лидіи, и племянникъ царя Антипатръ. Они прежде всего явились къ Евмену, о которомъ думали, что онъ за старыя непріятности будетъ главнымъ противникомъ примиренія; они нашли его сговорчивѣе, чѣмъ какъ надѣялись и они и царь. За тѣмъ они представились П. Сципіону, а черезъ него и консулу. По ихъ просьбѣ созванъ многочисленный совѣтъ—выслушать ихъ порученія. Зевксисъ сказалъ: «Римляне, не столько имѣемъ мы сами что говорить, сколько желаемъ спросить васъ — чѣмъ можемъ мы загладить ошибку царя и купить миръ и прощеніе у побѣдителя. Не разъ прощали вы великодушно побѣжденнымъ вами царямъ и народамъ. Тѣмъ съ большею снисходительностью слѣдуетъ поступить вамъ послѣ этой побѣды, сдѣлавшей васъ повелителями всего земнаго шара. Успокоенные отъ необходимости сражаться съ кѣмъ либо изъ смертныхъ, не иначе какъ боги должны вы сострадать о родѣ человѣческомъ и миловать его». Да еще до прибытія пословъ опредѣлено было какой имъ дать отвѣтъ; его взялъ на себя Африканъ и, какъ говорятъ, выразился въ такомъ смыслѣ: «Римляне, богамъ однимъ обязаны за то, что

они имѣютъ по ихъ же милости. Образъ мыслей нашихъ, одинаковый при всѣхъ обстоятельствахъ, мы и имѣли и имѣемъ: при счастливыхъ не возносимся, при несчастныхъ не падаемъ духомъ. Въ примѣръ этому—не говоря о многихъ другихъ—могу привести и вашего Аннибала, а скорѣе всего васъ самихъ. По переправѣ черезъ Геллеспонтъ, не видя еще ни лагеря вашего, ни войска, при равныхъ еще условіяхъ борьбы и невѣрности военнаго счастія—на ваши предложенія мира мы, еще равные вамъ силами, дали тѣ условія, которыя и теперь повторяемъ побѣдителями. Откажитесь отъ Европы вовсе и очистите часть Азіи, лежащую по сю сторону Тавра. А за военныя издержки дайте пятнадцать тысячь талантовъ Евбейскихъ: пятьсотъ тотчасъ, двѣ тысячи пятьсотъ при утвержденіи условій мира сенатомъ и народомъ Римскимъ, потомъ каждый годъ, въ продолженіи 12 лѣтъ, по тысячѣ талантовъ. Евмену выдать четыреста талантовъ и полное количество хлѣба, сколько осталось отъ долга еще отца его. Когда мы все это уладимъ, то, въ обезпеченіе дѣйствительнаго съ вашей стороны исполненія, дадите вы намъ залогъ, и я полагаю, что двадцати заложниковъ по нашему выбору будетъ достаточно. Но мы вполнѣ сознаемъ что миръ для народа Римскаго невозможенъ тамъ, гдѣ будетъ находиться Аннибалъ; выдачи его мы требуемъ прежде всего, а также Этола Тоаса, виновника войны Этолійской: онъ то обнадеживая Этоловъ вами, то васъ Этолами вооружилъ и тѣхъ и другихъ противъ насъ. Съ нимъ вмѣстѣ должны выдать вы Мназилоха Акарнанца, и Халкидійцевъ Филона и Евбулида. Чѣмъ долѣе будетъ медлить царь, тѣмъ для него будутъ условія хуже тѣхъ, которыя для него возможны были прежде. Если онъ и теперь захочетъ еще помедлить, то пусть помнитъ, что для царей труднѣе съ высоты величія упасть до половины, чѣмъ оттуда провалиться въ самую бездну». Послы царя уполномочены были отъ него принять условія какія бы то ни было. Положено пословъ отправить въ Римъ. Консулъ распредѣлилъ войско по зимнимъ квартирамъ въ Магнезіи, что у Меандра, Траллесѣ и Ефезѣ. Не много дней спустя приведены отъ царя къ

консулу въ Ефесъ заложники, да и прибыли послы, которымъ назначено было идти въ Римъ. Туда же, въ одно время съ послами, отправился и Евменъ; послѣдовали за ними посольства всѣхъ народовъ Азіи.

46. Между тѣмъ какъ это совершалось въ Азіи, въ Римъ возвратились изъ провинцій почти въ одно и тоже время два проконсула—и тотъ и другой съ надеждою на тріумфъ—К. Минуцій изъ Лигуръ, и М. Ацилій изъ Этоліи. По выслушаніи изложенія дѣлъ, совершенныхъ тѣмъ и другимъ, Минуцію отказано въ тріумфѣ, а Ацилію онъ опредѣленъ съ большимъ единодушіемъ. Ацилій въѣхалъ въ городъ съ почестями тріумфа надъ царемъ Антіохомъ и Этолами: въ этомъ торжественномъ поѣздѣ несли двѣсти тридцать военныхъ значковъ, серебра не въ дѣлѣ три тысячи фунтовъ; въ монетѣ, тетрадрахмахъ Аттическихъ, сто тридцать тысячь, цистофоровъ двѣсти сорокъ восемь; много серебряныхъ вазъ отличной работы и тяжелаго вѣсу. Несли и серебряную посуду царскую и великолѣпную одежду; золотыхъ вѣнковъ, даровъ союзныхъ городовъ, сорокъ пять; добычу всякаго рода, плѣнниковъ знатнаго рода — Этоловъ и царскихъ военачальниковъ, вели тутъ тридцать шесть. Дамокритъ, вождь Этолійскій, незадолго передъ тѣмъ убѣжалъ изъ тюрьмы, и когда его стражи нагнали на берегу Тибра, то онъ прежде чѣмъ былъ схваченъ, прокололъ себя мечемъ. Недоставало только воиновъ, которые слѣдовали бы за колесницею; во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ тріумфъ былъ замѣчателенъ и какъ зрѣлище, и славою совершенныхъ дѣяній. Радость этого тріумфа уменьшилъ грустный вѣстникъ изъ Испаніи о несчастной битвѣ въ землѣ Бастетановъ, гдѣ подъ начальствомъ проконсула Л. Емилія, у города Ликона, съ Лузитанцами пало шесть тысячь воиновъ изъ войска Римскаго; остальные въ ужасѣ сбиты за окопы, съ трудомъ защитили лагерь и, на подобіе бѣглецевъ, большими переходами отведены въ замиренную сторону; вотъ какое извѣстіе получено изъ Испаніи. Изъ Галліи пословъ Плацентинскихъ и Кремоненскихъ преторъ Л. Аврункулей ввелъ въ сенатъ. Они жаловались на малочисленность поселенцевъ—

изъ которыхъ одни погибли отъ случайностей войны, а другіе отъ болѣзни; иные оставили колоніи, оттого что имъ надоѣли ихъ сосѣди Галлы. Сенатъ опредѣлилъ: «консулъ К. Лелій, буде ему заблагоразсудится, запишетъ шесть семействъ для распредѣленія въ тѣ колоніи, а преторъ Л. Аврункулей пусть назначитъ трехъ сановниковъ для отвода тѣхъ поселенцевъ». Выбраны М. Атилій Серранъ, Л. Валерій П. Ф. Флаккъ, Л. Валерій К. Ф. Таппо.

47. Не такъ много времени спустя, съ приближеніемъ времени консульскихъ выборовъ, консулъ К. Лелій вернулся въ Римъ изъ Галліи. Онъ не только по, состоявшемуся въ его отсутствіи, сенатскому декрету записалъ поселенцевъ на пополненіе колоній Кремоны и Плаченціи, но и доложилъ объ отводѣ двухъ новыхъ поселеній въ землю, принадлежавшую Боіямъ, и сенатъ утвердилъ его мнѣніе. Въ тоже время получено письмо претора Л. Емилія о морской битвѣ, происходившей у Міоннеза и о томъ, что консулъ Л. Сципіонъ переправился въ Азію съ войскомъ. Вслѣдствіе этого объявлено молебствіе на одинъ день за морскую побѣду, а на другой день—такъ какъ войско Римское первый разъ стало лагеремъ въ Азіи, — чтобы это событіе было къ благополучію и радости. Двадцатью большими жертвами велѣно консулу совершить и то и другое молебствіе. Вслѣдъ за тѣмъ консульскіе выборы произведены среди большихъ споровъ. М. Емилій Лепидъ добивался консульства среди общаго противъ него неудовольствія за то, что онъ, для этого искательства, оставилъ свою провинцію Сицилію, не спросивъ сенатъ—можно ли ему это сдѣлать. Вмѣстѣ съ нимъ состязались о консульствѣ—М. Фульвій Нобиліоръ, Кн. Манлій Вульсо, М. Валерій Мессала. Выбранъ одинъ консуль — Фульвій; всѣ прочіе не получили надлежащаго числа центурій. Онъ на другой день назначилъ себѣ товарищемъ Кн. Манлія, отвергнувъ Лепида (Мессала молчалъ). За тѣмъ назначены преторы: два К. Фабія, Лабео и Пикторъ (въ этомъ году сдѣланъ онъ Квиринальскимъ фламиномъ), М. Семпроній Тудитанъ, Сп. Постумій Альбинъ, Л. Плавтій Гипсей, Л. Бебій Дивесъ.

48. Въ консульство М. Фульвія Нобиліора и Кн. Манлія Вульсона—по словамъ Валерія Антіата, сильно распространился въ Римѣ слухъ, и почти за достовѣрное считалось, будтобы консулъ Л. Сципіонъ, и съ нимъ П. Африканъ, вызваны царемъ на свиданіе подъ предлогомъ отдачи имъ молодаго Сципіона и тамъ схвачены. По взятіи вождей, будто бы тотчасъ поведено войско къ Римскому лагерю и онъ взятъ приступомъ; войско же Римское совершенно истреблено. Тутъ будто бы и Этолы подняли голову; они отказались выполнить то, что имъ было приказано, и старѣйшины ихъ отправились въ Македонію, въ землю Дардановъ и въ Ѳракію для найма и приведенія оттуда вспомогательныхъ воиновъ. Для извѣщенія объ этомъ въ Римѣ, пропреторъ А. Корнелій послалъ изъ Этоліи А. Теренція Варрона и М. Клавдія Лепида. Басню эту Валерій закончилъ такъ: послы Этоловъ въ сенатѣ между прочимъ и о томъ были спрошены—откуда они слышали, будто вожди Римскіе въ Азіи захвачены Антіохомъ царемъ и войско уничтожено. Этолы отвѣчали, будто бы они извѣстіе это получили отъ своихъ пословъ, находившихся при консулѣ. Другаго подтвержденія этого слуха я не имѣю, и потому полагаю, что обстоятельство это и не подкрѣпляю моимъ мнѣніемъ, да и не пропускаю какъ совершенно пустое.

49. Послы Этоловъ введены въ сенатъ: и самое дѣло ихъ и обстоятельства должны были бы по видимому склонить ихъ—признаться во всемъ и умолять о прощеніи ихъ вины и заблужденія. Они же начали съ своихъ благодѣяній, оказанныхъ народу Римскому, и почти сами на себя пеняли за свою храбрость въ войнѣ съ Филиппомъ. Оскорбили они уши слушателей наглостью рѣчей. Повторяя старое и уже почти забытое, они довели дѣло до того, что сенаторы припомнили гораздо болѣе непріятностей, сдѣланныхъ этимъ народомъ, чѣмъ услугъ имъ оказанныхъ, и тѣ люди, которымъ всего нужнѣе было состраданіе, вызвали противъ себя ненависть и раздраженіе. На вопросъ одного сенатора: «отдаютъ ли они себя въ распоряженіе народа Римскаго?» потомъ другаго: «будутъ ли они

имѣть съ народомъ Римскимъ однихъ и тѣхъ же союзниковъ и враговъ?»—они недали никакого отвѣта. Тогда имъ велѣно удалиться изъ храма. Вслѣдъ за тѣмъ почти единодушно провозглашено сенатомъ: «и до сихъ поръ Этолы преданы всею душею Антіоху и, въ единственной надеждѣ на него они и теперь пребываютъ. Необходимо вести войну съ людьми, враждебность которыхъ довольно ясна, и усмирить силою надменность ихъ духа.» И то обстоятельство усилило негодованіе, что Этолы въ одно и тоже время, просили мира у Римлянъ, и вносили войну въ Долопію и Атаманію. Состоялось сенатское опредѣленіе, согласно съ мнѣніемъ М. Ацилія, побѣдителя Этоловъ и Антіоха: «приказать посламъ Этоловъ въ тотъ же день оставить городъ, а не позже пятнадцатаго дня Италію». А. Теренцій Варронъ посланъ проводить ихъ, и объявлено: «если на будущее время прійдетъ какое либо посольство отъ Этоловъ иначе, какъ съ дозволенія главнаго военачальника, который будетъ находиться въ той провинціи, и въ сопровожденіи Римскаго посла—съ нимъ будетъ поступлено, какъ съ непріятелемъ». Съ тѣмъ и отпущены Этолы.

50. Потомъ консулы доложили о провинціяхъ; положено бросить имъ жеребій относительно Азіи и Этоліи. Кому достанется Азія, тотъ по сенатскому декрету долженъ получить войско, находившееся у Л. Сципіона и на пополненіе его четыре тысячи пѣшихъ Римлянъ, двѣсти всадниковъ, союзниковъ и Литинскаго племени восемь тысячь пѣшихъ и четыреста всадниковъ; съ тѣми силами пусть онъ ведетъ войну съ Антіохомъ. Другому консулу назначено войско, находившееся въ Этоліи и дозволено пополнить его такимъ же количествомъ союзниковъ и гражданъ, какое разрѣшено товарищу. Тому же консулу приказано: суда, изготовленныя еще въ прошломъ году, снарядить и повесть съ собою, и не только съ Этолами вести войну, но и перенесть ее въ Кефалонію. Ему же поручено, если только интерессы общественные это позволятъ, возвратиться въ Римъ къ выборамъ. Кромѣ замѣщенія ежегодныхъ сановниковъ, положено произвесть выборъ цензоровъ. Буде же что либо Консула

задержитъ, то пусть онъ увѣдомитъ сенатъ о томъ, что онъ не можетъ явиться ко времени выборовъ. Этолія досталась по жеребью М. Фульвію, а Азія Кн. Манлію. Потомъ преторы бросили между собою жеребій: Сп. Постумію Альбину досталось завѣдываніе городомъ и чужестранцами; М. Семпронію Тудитану—Сицилія, К. Фабію Пиктору, Квиринальскому фламину, Сардинія, К. Фабію Лабеону—флотъ, Л. Плавтію Гитею ближняя Испанія, Л. Бэбію Дивесу дальняя. Въ Сицилію назначенъ одинъ легіонъ и флотъ, находившійся въ той провинціи. Новый преторъ долженъ былъ истребовать отъ Сицилійцевъ двойную десятину пшеницы и одну отправить въ Азію, а другую въ Этолію. Такое же количество хлѣба требовалось и отъ Сардинцевъ, и его велѣно отправить къ тѣмъ же войскамъ, куда и Сицилійскій. Л. Бэбію въ Испанію дано подкрѣпленіе — тысячу Римскихъ пѣхотинцевъ и пятьдесятъ всадниковъ, а изъ Латинскаго племени шесть тысячь пѣхотинцевъ и двѣсти всадниковъ. Плавтію Гипсею въ ближнюю Испанію дано тысячу пѣшихъ Римлянъ, двѣ тысячи союзниковъ Латинскаго племени и двѣсти всадниковъ; съ этими подкрѣпленіями обѣ Испаніи должны были имѣть по легіону. Властямъ прошлаго года—К. Лэлію съ войскомъ продолжена власть на годъ; продолжена и П. Юнію пропретору въ Этруріи съ войскомъ, какое было въ провинціи, и М. Туццію пропретору въ землѣ Бруттіевъ и въ Апуліи.

51. Прежде чѣмъ преторы отправились по провинціямъ, произошла между П. Лициніемъ, великимъ первосвященникомъ и К. Фабіемъ Пикторомъ, Квиринальскимъ фламиномъ, такая борьба, какая, на памяти предковъ, происходила между Л. Метелломъ и Постуміемъ Альбиномъ. Этотъ послѣдній, будучи консуломъ, собирался съ товарищемъ своимъ К. Лутаціемъ отправиться въ Сицилію къ флоту, какъ его по дѣламъ богослужебнымъ задержалъ Метеллъ, великій первосвященникъ; а претора К. Фабія Пиктора задержалъ П. Лициній, не давая ему отправиться въ Сардинію. Много споровъ было и въ сенатѣ и передъ народомъ; съ той, и съ другой стороны давались про-

тиворѣчащія приказанія, брали поручительства, назначили штрафы, аппеллировали къ трибунамъ и прибѣгали къ суду народа. Наконецъ уваженіе къ религіи восторжествовало, и фламинъ вынужденъ покориться первосвященнику, а штрафы по приказанію народа сложены. Съ досады, что у него отняли провинцію, преторъ пытался было отказаться отъ должности, но сенаторы своимъ вліяніемъ его удержали и назначали ему—производить судъ и расправу между чужестранцами. Въ теченіи немногихъ дней произведя наборъ (да и небольшое количество воиновъ приходилось набирать), консулы и преторы отправились по провинціямъ. Вслѣдъ за тѣмъ неизвѣстно кому вздумалось легкомысленно распространить пустой слухъ относительно событій въ Азіи, но немного дней прошло, какъ въ Римѣ получены вѣрныя извѣстія съ гонцами и письмами славнаго вождя. Они причинили большую радость нестолько вслѣдствіе недавнихъ опасеній (перестали бояться Антіоха послѣ недавняго пораженія въ Этоліи), сколько вслѣдствіе прежней громкой славы. При началѣ войны казался онъ опаснымъ врагомъ и собственными силами, и тѣмъ что онъ имѣлъ подъ руками Аннибала распорядителемъ войны. Не смотря на то нисколько неизмѣнено распоряженіе о посылкѣ консула въ Азію, и войска его ни мало не уменьшены изъ опасенія — ни пришлось бы воевать съ Галлами.

52. Немного времени спустя прибыли въ Римъ М. Аврелій Котта, посолъ Л. Сципіона, съ послами царя Антіоха, и царь Евменъ и Родосцы. Котта сначала въ сенатѣ, потомъ передъ народнымъ собраніемъ, по приказанію сената, изложилъ все, что произошло въ Азіи. Вслѣдствіе этого назначено молебствіе на три дня и повелѣно принести сорокъ большихъ жертвъ. За тѣмъ прежде всего для Евмена созванъ сенатъ; въ краткихъ словахъ высказалъ онъ сенаторамъ свою благодарность: «за то, что они освободили отъ осады его и брата, да и владѣнія его не дали въ обиду Антіоху». Поздравлялъ онъ съ полною удачею всѣхъ дѣйствій на сушѣ и на морѣ; царь Антіохъ, окончательно разбитый и лишенный лагеря, изгнанъ сначала изъ Европы, а

потомъ и изъ Азіи, находящейся по сю сторону Тавра. Что же касается собственно до его, Евмена, заслугъ, то онъ предпочитаетъ дать возможность Римлянамъ узнать о томъ отъ своихъ военачальниковъ и легатовъ, чѣмъ самому напоминать о нихъ». Всѣ выслушали это съ одобреніемъ и приказывали самому высказать, отложивъ всякую совѣстливость въ сторону: что онъ находитъ справедливымъ получить отъ сената и народа Римскаго. Сенатъ же своей стороны съ полною готовностью дастъ и больше, и щедрѣе смотря по мѣрѣ его заслугъ». На это царь возразилъ: «еслибъ онъ отъ другихъ получилъ предложеніе выбрать себѣ награду, то онъ охотно, при малѣйшей возможности посовѣтоваться съ сенатомъ Римскимъ, воспользовался бы совѣтомъ достоуважаемаго сословія — какъ бы не высказать неумѣренныхъ желаній и не обнаружить нескромной просьбы. Но когда отъ сената же зависитъ и исполненіе, то тѣмъ болѣе щедрость сената къ нему и его братьямъ должна вполнѣ зависѣть отъ его собственнаго усмотрѣнія». Эти слова Евмена нисколько не подѣйствовали на сенаторовъ, и они продолжали настаивать, чтобы онъ высказался самъ. Нѣсколько времени длился этотъ споръ съ обоюдною, хотя и необъяснимою, искренностью, при чемъ та и другая сторона уступала одна другой: первая по скромности, а вторая по снисхожденію. Наконецъ Евменъ вышелъ изъ храма. Сенатъ продолжалъ стоять на своемъ мнѣніи: безразразсудно было бы — говорилъ онъ — предполагать, что царь дѣйствительно не знаетъ, на что именно надѣясь или что имѣя въ виду просить, онъ пріѣхалъ. Конечно онъ самъ лучшій судья — что больше всего идетъ его царству: Азія ему извѣстна гораздо лучше, чѣмъ сенату, а потому его необходимо снова позвать и принудить высказать и желанія свои, и образъ мыслей.

53. Царь снова введенъ въ храмъ преторомъ и получилъ приказаніе говорить. Тутъ онъ сказалъ: «почтенные сенаторы, упорствовалъ бы я въ моемъ молчаніи, еслибы не зналъ, что вы вслѣдъ за этимъ позовете Родосское посольство и по выслушаніи его, мнѣ будетъ предстоять необходимость говорить, а тогда

это будетъ тѣмъ труднѣе, что требованія Родосцовъ не будутъ заключать въ себѣ повидимому не только ничего для меня враждебнаго, но и даже такого, что имѣло бы собственно къ нимъ отношеніе. Будутъ они защищать дѣло Греческихъ городовъ и говорить о необходимости ихъ освобожденія. Въ случаѣ, если они въ этомъ успѣютъ, то кому можетъ быть сомнительно что они лишатъ насъ не только тѣхъ городовъ, которые получатъ свободу, но и старинныхъ нашихъ данниковъ; а сами они въ признательныхъ за такое благодѣяніе городахъ, будутъ имѣть на словахъ союзниковъ, а на самомъ дѣлѣ послушныхъ подданныхъ. И они (Родосцы), домогаясь, — если богамъ угодно будетъ это допустить — такого себѣ усиленія, примутъ на себя такую личину, какъ будто это нисколько до нихъ не относится, а что поступить такъ для васъ будетъ прилично и согласно съ прежними вашими дѣйствіями. А вы примите мѣры, какъ бы не быть обманутыми такими рѣчами: какъ бы вы, не только неравномѣрно союзниковъ вашихъ однихъ черезъ мѣру возвысили, другихъ унизили, но и какъ бы вы тѣхъ, которые противъ васъ обнажали оружіе, не поставили въ положеніе лучшее противъ вашихъ союзниковъ и друзей. Что касается собственно меня, то я во всѣхъ дѣлахъ скорѣе предпочту уступить изъ того, что мнѣ слѣдуетъ по праву, чѣмъ обнаруживать слишкомъ много упорства въ домогательствѣ. Но гдѣ идетъ дѣло о состязаніи на счетъ вашей дружбы и вашего расположенія, почета, который вы окажете, то тутъ я не могу равнодушно допустить себя побѣдить кому бы то ни было. Какъ лучшее наслѣдство отъ отца получилъ я то, что онъ, первый изъ всѣхъ обитателей Греціи и Азіи, добился вашей дружбы и до конца жизни оставался ей непреклонно вѣрнымъ. И не только въ душѣ былъ онъ вамъ хорошимъ и вѣрнымъ союзникомъ, но и принималъ участіе во всѣхъ войнахъ, веденныхъ въ Греціи какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ; всякого рода припасами помогалъ онъ въ такой степени, что никто изъ вашихъ союзниковъ не могъ съ нимъ ни въ чемъ сравняться. Наконецъ, онъ и приближеніе смерти почувствовалъ въ собраніи Беотовъ, когда онъ ихъ склонялъ къ союзу съ вами, и скоро послѣ того онъ испустилъ духъ. Идя по его слѣдамъ въ моей готовности и стараніи угодить вамъ, я превзойдти его уже ни въ чемъ не могу (сдѣлать болѣе въ этомъ отношеніи ничего уже не осталось); а чтобы я могъ побѣдить и отца моимъ участіемъ и моими щедрыми послугами — въ избыткѣ доставили для этого возможность: судьба, обстоятельства времени, Антіохъ и война, веденная въ Азіи. Повелитель Азіи и части Европы, Антіохъ давалъ мнѣ въ супружество свою дочь, возвращалъ немедленно города, отъ насъ отпавшіе; да и на будущее время подавалъ надежду—далеко распространить предѣлы моихъ владѣній, лишь бы только я за одно съ нимъ сталъ вести войну противъ васъ. Не буду ставить себѣ въ заслугу того, что я ни въ чемъ противъ васъ не согрѣшилъ; но лучше припомню здѣсь то, что достойно давнишней дружбы, мой домъ и васъ связывающей. Сухопутными и морскими силами я оказалъ пособіе вашимъ полководцамъ такъ, что въ этомъ отношеніи ни одинъ изъ вашихъ союзниковъ не могъ со мною сравняться; припасы всякаго рода доставлялъ я на сушѣ и на морѣ. Въ морскихъ сраженіяхъ, происходившихъ въ разныхъ мѣстахъ, я во всѣхъ участвовалъ; трудовъ моихъ никогда не жалѣлъ, и объ опасности не думалъ. Что бываетъ худшаго на войнѣ—осаду—я выдержалъ, заключенный въ Пергамѣ, съ крайнею опасностью для жизни и власти. Освободясь отъ осады, когда около столицы царства моего стояли лагеремъ—съ одной стороны Антіохъ, съ другой Селевкъ, оставилъ мои собственныя дѣла и со всѣмъ флотомъ вышелъ на встрѣчу вашему консулу Л. Сципіону къ Геллеспонту, для того, чтобы помочь ему при переправѣ войска. А послѣ того какъ ваше войско перешло въ Азію, я вовсе не отлучался отъ консула: ни одинъ воинъ Римскій не былъ безотлучнѣе меня и моихъ братьевъ въ лагерѣ вашемъ. Ни одного похода, ни одного дѣла конницы безъ меня не происходило. Въ сраженіи находился я тамъ, оберегалъ ту сторону, гдѣ это угодно было консулу. Я выражаясь такъ, не то хочу высказать почтен-

ные сенаторы, — чтобы въ эту войну заслугами въ отношеніи къ вамъ никто не могъ стать со мною на равнѣ? Не смѣю приравнять себя ни къ кому изъ народовъ и царей, которые пользуются отъ васъ большимъ почетомъ. Масинисса, прежде чѣмъ сдѣлался вашимъ союзникомъ былъ вашимъ врагомъ, и явился къ вамъ лагерь не тогда какъ владѣлъ царствомъ и не съ вспомогательнымъ войскомъ, а изгнанникомъ, утративъ всѣ силы — съ горстью всадниковъ; однако вы его, за то, что онъ въ Африкѣ вѣрно и дѣятельно дѣйствовалъ вмѣстѣ съ вами противъ Сифакса и Карфагенянъ, не только возстановили во владѣніяхъ, его отцу принадлежавшихъ, но и прибавивъ ему лучшую часть владѣній Сифакса, сдѣлали его могущественнѣйшимъ изъ царей Африки. Какой же награды и почести отъ васъ достойны мы — не бывъ никогда вашими врагами, а всегдашними союзниками? Отецъ мой, я самъ и братья мои, не только въ Азіи, но и вдали отъ нашего дома въ Пелопоннессѣ, въ Бэотіи, Этоліи — на войнахъ съ Филиппомъ, Антіохомъ, Этолами, на морѣ и на сушѣ сражались оружіемъ за васъ. Чего же ты домогаешься? спросятъ меня. Я, почтенные сенаторы — въ необходимости, по вашему приказанію, высказаться передъ вами, сознаюсь: буде вы съ тѣмъ удалили Антіоха по ту сторону Тавра, чтобы самимъ владѣть этими землями, то я никакихъ сосѣдей не предпочту вамъ, и надѣюсь, что царство мое ничѣмъ такъ не выиграетъ относительно силы и безопасности. Но если вы имѣете намѣреніе удалиться оттуда и вывести войска, то смѣло скажу — что изъ вашихъ союзниковъ нѣтъ меня достойнѣе, кому владѣть тѣмъ, что вами пріобрѣтено войною. Великодушно освобождать города порабощенные, такъ и я полагаю, если они противъ васъ ничего непріязненнаго не дѣлали, но если же они были на сторонѣ Антіоха, то не достойнѣе ли вашихъ — и справедливости и благоразумія, лучше заботиться о союзникахъ, оказавшихъ вамъ услуги, чѣмъ о тѣхъ, которые дѣйствовали противъ васъ»?

54. Съ удовольствіемъ выслушали сенаторы рѣчь царя и ясно было, что они готовы для него все сдѣлать съ большею готовностью

и щедростью. Въ промежуткѣ времени выслушано немногословное посольство жителей Смирны, такъ какъ Родосское еще не явилось. Жители Смирны получили похвалу въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ за то, что они предпочли всему подвергнуться со стороны царя, чѣмъ ему покориться; наконецъ введено и Родосское посольство. Старшій изъ его членовъ, изложивъ сначала исторію дружественныхъ отношеній Родосцевъ къ народу Римскому и заслугъ ихъ сначала въ войнѣ съ Филиппомъ, потомъ съ Антіохомъ, сказалъ слѣдующее: «во всемъ дѣлѣ нашемъ, почтенные сенаторы, нѣтъ ничего для насъ и затруднительнѣе, и прискорбнѣе, какъ то, что намъ приходится спорить съ Евменомъ; а съ нимъ именно болѣе чѣмъ съ кѣмъ либо изъ царей, у насъ и у частныхъ лицъ отдѣльно и — это обстоятельство особенно на насъ дѣйствуетъ — у всего нашего города существуютъ общественныя связи гостепріимства. Впрочемъ, почтенные сенаторы, разномысліе не въ душахъ у насъ, а въ самой сущности дѣла, а она то и сильнѣе всего. Мы сами свободны и потому защищаемъ дѣло свободы другихъ, а цари хотятъ, чтобы все было порабощено и признавало ихъ власть. Впрочемъ, какъ бы то нибыло, насъ въ затруднительное положеніе къ царю ставитъ скорѣе наша совѣстливость, чѣмъ самая затруднительность спора съ нимъ для насъ или то, чтобы рѣшеніе этого спора было бы для васъ безъисходнымъ. Будь вы не въ состояніи почтить иначе царя, вашего союзника и друга, оказавшаго вамъ большія услуги именно въ той войнѣ, о наградѣ за которую идетъ дѣло — какъ отдавъ ему въ рабство вольные города, то разсужденіе о томъ было бы дѣйствительно затруднительно: какъ бы и дружественнаго царя не оставить безъ почету, и неизмѣнить вашему всегдашнему обычаю и не набросить порабощеніемъ теперь столькихъ городовъ славу, пріобрѣтенную вами во время войны съ Филиппомъ. Но судьба отлично выводитъ васъ изъ затрудненія — или неоказать другу достаточной благодарности или не уронить вашу славу. По милости боговъ безсмертныхъ побѣда ваша сколько и славна, столько и богата, и легко она снимаетъ съ васъ бремя

этихъ такъ сказать долговъ. И Ликаонія, и Фригія—та и другая—и вся Писидія и Херсонесъ и всѣ мѣста, прилежащія къ Европѣ, находятся въ вашей власти. Одною изъ этихъ областей, присоединивъ ее къ владѣніямъ Евмена, можете вы ихъ въ нѣсколько разъ увеличить; а если отдадите всѣ, то поставите на ряду съ могущественнѣйшими государями. Такимъ образомъ вамъ возможно—и добычею войны щедро наградить союзниковъ, и не измѣнить вашему всегдашнему образу дѣйствій имѣя въ памяти то, какого титла домогались вы въ войнахъ сначала противъ Филиппа, потомъ Антіоха: какъ вы поступили побѣдивъ Филиппа, чего именно отъ васъ нынѣ требуютъ и ожидаютъ не столько потому, что вы такъ поступили, сколько потому, что такъ вамъ слѣдуетъ поступить. А для васъ одна только причина войны и почетна и вѣроятна. Одни домогаются завладѣть полями, деревнями, городами, пристанями, какою либо частью морскаго прибрежья. А вы и не домогались этого, пока не имѣли, а теперь и желать не можете, имѣя весь земный шаръ въ своей власти. Вы сражались за честь вашу и славу передъ всѣмъ родомъ человѣческимъ, который на имя ваше и власть уже давно взираетъ тѣми же глазами, что и на боговъ безсмертныхъ. Не легко было все это приготовить и пріобрѣсть, незнаю труднѣе ли будетъ соблюсть. Вы взялись защитить отъ произвола царей народъ древнѣйшій и благороднѣйшій, какъ славою совершенныхъ дѣяній, такъ и многоразличными заслугами въ дѣлѣ человѣчности и науки. Такое покровительство, отдавшемуся вамъ на вѣру и подъ ваше попечительство, цѣлому народу вы должны постоянно оказывать; притомъ тѣ города, которые стоятъ на древней почвѣ, не болѣе Греческіе, какъ и колоніи ихъ, оттуда когда то отправившіяся въ Азію. Съ перемѣною земли не перемѣнился народъ, ни нравы. Состязаться благимъ соревнованіемъ въ дѣлѣ каждаго полезнаго искусства и добродѣтели дерзнули новые города съ своими родоначальниками и основателями. Извѣстны вамъ города Греціи, извѣстно не мало городовъ и Азіи; ни въ чемъ другомъ мы не уступимъ первымъ, развѣ только въ томъ, что

находимся отъ васъ въ болѣе дальномъ разстояніи. Массилійцы, если бы природныя свойства могли быть побѣждаемы вліяніемъ почвы, уже давно должны были бы одичать, будучи окружены столькими неукротимыми народами, а между тѣмъ мы слышимъ, что они у васъ въ такомъ почетѣ, въ такомъ заслуженномъ уваженіи, какъ если бы они жили въ самой серединѣ Греціи. Не только сохранили они звуки языка, одежду и наружный видъ, но болѣе всего нравы, законы и свойства души, чистыми и неприкосновенными отъ заразительнаго вліянія сосѣдей. Теперь границею вашихъ владѣній—гора Тавръ и все, что внутри этой черты не должно казаться вамъ отдаленнымъ. Куда ни достигнетъ оружіе ваше, туда пусть проникнетъ и право, отъ васъ получившее начало. Народы необразованные, для которыхъ произволъ властителей замѣняетъ отсутствіе законовъ, пусть имѣютъ царей на свою утѣху, а Греки имѣютъ свою судьбу, но живутъ вашимъ духомъ. Нѣкогда и власть поддерживали они собственными силами, а теперь они желаютъ, чтобы власть оставалась тамъ, гдѣ она теперь. Для нихъ достаточно, при собственномъ безсиліи, находить защиту въ вашемъ оружіи. Но нѣкоторые города были за одно съ Антіохомъ; да вѣдь и прежде иные были съ Филиппомъ, а Тарентинцы съ Пирромъ. Не приводя другихъ примѣровъ, укажу на Карѳагенъ, пользующійся свободою и живущій подъ собственными законами. Насколько вы, почтенные сенаторы, связаны теперь прежнимъ вашимъ образомъ дѣйствій, разсмотрите; надумайтесь отказать жадности Евмена въ томъ, чего не сдѣлали вы и подъ вліяніемъ вашего справедливѣйшаго раздраженія. Представляемъ вамъ самимъ судить—до какой степени вѣрно и полезно было вамъ содѣйствіе Родосцевъ какъ въ этой, такъ и во всѣхъ войнахъ, веденныхъ вами въ той сторонѣ. Теперь, по замиреніи, предлагаемъ вамъ этотъ совѣтъ; одобривъ его, во всѣхъ вселите вы убѣжденіе, что то, какъ вы воспользовались побѣдою, гораздо блистательнѣе самой побѣды». Рѣчь Родосцевъ показалась соотвѣтствующею величію Римлянъ.

55. Послѣ Родосцевъ призваны послы Антіоха. Они, вѣрные

обычаю просящихъ прощенія, сознавались въ заблужденіи царя и умоляли сенаторовъ: «при рѣшеніи дѣла имѣть въ памяти скорѣе свое всегдашнее милосердіе, чѣмъ провинность царя, за которую онъ и поплатится слишкомъ достаточно. Наконецъ пусть они миръ, данный военачальникомъ Л. Сципіономъ, скрѣпятъ своимъ утвержденіемъ на данныхъ имъ условіяхъ». Сенатъ опредѣлилъ сохранить этотъ миръ, а черезъ нѣсколько дней и народъ тоже повелѣлъ. Скрѣпленъ договоръ въ Капитоліѣ съ Антипатромъ, старѣйшиною посольства и вмѣстѣ сыномъ брата царя Антіоха. Выслушаны потомъ и другія посольства изъ Азіи; всѣмъ имъ данъ отвѣтъ: «слѣдуя обычаю предковъ, сенатъ отправитъ десять пословъ для разбирательства и устройства дѣлъ Азіи. Сущность впрочемъ будетъ такая: все, что по сю сторону Тавра было во владѣніи Антіоха, отдается Евмену, кромѣ Ликіи и Каріи до рѣки Меандра, которыя пусть принадлежатъ Родосцамъ. Изъ прочихъ городовъ Азіи тѣ, которые платили дань Атталу, пусть продолжаютъ платить сборы Евмену; а тѣ, которые платили дань Антіоху, пусть будутъ свободными и независимыми». Въ число десяти пословъ назначены: К. Минуцій Руфъ, Л. Фурій Пурпурео, К. Минуцій Термъ, Ап. Клавдій Неронъ, Кн. Корнелій Мерула, М. Юній Брутъ, Л. Аврункулей, Л. Емилій Павлъ, П. Корнелій Лентуллъ, П. Элій Тубéронъ.

56. Имъ дано полномочіе рѣшать тѣ споры и недоразумѣнія, которыя могутъ возникнуть на мѣстѣ; о главномъ же сдѣлалъ распоряженіе сенатъ: «Всю Ликаонію, Фригію ту и другую, Мизію, царскіе лѣса, Лидію и Іонію, кромѣ городовъ, бывшихъ свободными во время сраженія съ царемъ Антіохомъ, именно Магнезіи у Сипила и Каріи, называемую Гидрела, поле Гидрелатское, обращенное къ Фригіи, крѣпостцы и села по ту сторону Меандра и города, за исключеніемъ тѣхъ, которые пользовались свободою до начала военныхъ дѣйствій; а также именно Телмиссія и лагеря Телмиссіевъ, да и сверхъ того поля, принадлежавшаго Птоломею Телмиссію — все это, выше исчисленное, положено отдать царю Евмену. Родосцамъ дана Ликія

кромѣ того же Телмисса, лагеря Телмиссіевъ и поля, принадлежавшаго Птоломею Телмиссію, — все это исключено изъ владѣній и Евмена и Родосцевъ. Этимъ же послѣднимъ отдана и часть Каріи, находящаяся по ту сторону Меандра ближе къ острову Родоссу; города, села, укрѣпленія и поля, обращенныя къ сторонѣ Писидіи, кромѣ городовъ, пользовавшихся свободою прежде рѣшительнаго боя въ Азіи съ Антіохомъ». Поблагодаривъ за все это, Родосцы стали говорить о городѣ Солисѣ, находящемся въ Киликіи: «жители его, какъ и они, происхожденіемъ изъ Аргоса; родство крови условливаетъ между ними братскую привязанность. Просятъ они, Родосцы, какъ особеннаго себѣ подарка — освободить и этотъ городъ отъ рабства царю». Призвали пословъ Антіоха и стали толковать съ ними объ этомъ, но ничего не добились отъ нихъ. Антипатръ ссылался на мирный договоръ, вопреки которому Родосцы просятъ не Солиса, но Киликію и переходятъ за хребетъ Тавра. Родосцы позваны были снова въ сенатъ и сенаторы, объяснивъ имъ, какъ противъ нихъ стоитъ твердо царскій посолъ, сказали имъ: «во всякомъ случаѣ, если Родосцы того убѣжденія, что въ этомъ дѣлѣ замѣшана честь ихъ отечества, то сенатъ всѣми средствами постарается побѣдить упорство пословъ». Поблагодаривъ тутъ еще больше прежняго, Родосцы сказали, что скорѣе уступятъ притязаніямъ Антипатра, чѣмъ дадутъ поводъ къ нарушенію мира. Такимъ образомъ относительно города Солиса осталось все по старому.

57. Въ то время, когда это происходило, послы Массилійцевъ принесли извѣстіе: «проторъ Л. Бэбій, отправляясь въ свою провинцію Испанію, окруженъ Лигурами; большая часть сопровождавшихъ его побиты, а онъ самъ раненный съ небольшою свитою, безъ ликторовъ, убѣжалъ въ Массилію, гдѣ на третій день и померъ». Сенатъ, по выслушаніи этого извѣстія, опредѣлилъ: «П. Юній Брутъ, исправляющій должность претора въ Етруріи, передавъ провинцію и войско кому заблагоразсудитъ изъ своихъ помощниковъ, пусть отправится самъ въ дальнюю Испанію, и она пусть будетъ ему провинціею.» Это

сенатское опредѣленіе и письмо отослано въ Етрурію преторомъ Сп. Постуміемъ. Исправляющій должность претора П. Юній отправился въ Испанію. Въ этой провинціи, нѣсколько ранѣе прибытія своего преемника, Л. Емилій Павлъ, тотъ самый, что въ послѣдствіи стяжалъ большую славу побѣдою надъ Персеемъ—въ предшествовавшемъ году неудачно велъ дѣло, а теперь, собравъ въ родѣ поголовнаго ополченія, сразился въ открытомъ полѣ съ Лузитанами. Непріятель разбитъ и обращенъ въ бѣгство; убито у него восемнадцать тысячь вооруженныхъ воиновъ, три тысячи триста захвачено въ плѣнъ и лагерь взятъ приступомъ. Слухъ объ этой побѣдѣ возстановилъ нѣкоторое спокойствіе въ Испаніи. Въ томъ же году, наканунѣ третьяго дня Календъ Январскихъ, въ Бононію отвели поселенцевъ изъ Латинянъ, вслѣдствіе сенатскаго опредѣленія тріумвиры: Л. Валерій Флаккъ, М. Атилій Серранъ, Л. Валерій Таппо. Три тысячи человѣкъ отведено; всадникамъ по семидесяти десятинъ назначено, а прочимъ поселенцамъ по пятидесяти. Поле это отнято у Галловъ Боійскихъ, а они выгнали отсюда Тусковъ. Въ этомъ же году о должности цензорской состязались многіе знаменитые мужи. Дѣло это, само по себѣ заключавшее мало повода къ большимъ спорамъ, возбудило другое состязаніе гораздо оживленнѣе. Домогались цензорства: Т. Квинкцій Фламининъ, П. Корнелій Кн. Ф. Сципіонъ, Л. Валерій Флаккъ, М. Порцій Катонъ, М. Клавдій Марцеллъ, М. Ацилій Глабріо, тотъ самый, что побѣдилъ у Ѳермопилъ Антіоха и Этоловъ Такъ какъ ему пришлось отпускать домой много воиновъ съ награжденіемъ и тѣмъ обязать значительное число гражданъ, то благосклонность народа явно къ нему клонилась. Это весьма не нравилось людямъ знатнаго рода, что вотъ имъ такъ предпочитаютъ человѣка новаго. П. Семпроній Гракхъ, и К. Семпроній Рутилъ, трибуны народные — призвали его на судъ въ томъ, что онъ нѣкоторую часть денегъ царскихъ и добычи, взятой въ лагерѣ Антіоха, не представилъ въ день тріумфа и не внесъ въ казначейство. Разнообразны были показанія легатовъ и трибуновъ военныхъ. Преимущественно передо всѣми

обращало вниманіе свидѣтельство М. Катона; его вліяніе, пріобрѣтенное примѣрнымъ образомъ жизни, много теряло отъ бѣлой тоги (т. е. отъ явнаго желанія самому быть цензоромъ). Онъ говорилъ, что нѣкоторыхъ сосудовъ золотыхъ и серебряныхъ, которые онъ видѣлъ въ числѣ прочей царской добычи по взятіи лагерей, не замѣтилъ онъ несенными во время тріумфа. Наконецъ Глабро объявилъ, что отказывается отъ свобо домогательства и именно для того, чтобы все бремя негодованія пало на Катона, который, человѣкъ новый, какъ и онъ, не постыдился съ неслыханнымъ клятвопреступленіемъ, высказать то, на что молча негодовали благородные люди.

58. Предложенъ былъ штрафъ во сто тысячъ ассъ; два раза объ этомъ происходилъ споръ; въ третій, когда обвиненный отказался отъ своего домогательства (на цензорство), и народъ не хотѣлъ подавать голоса относительно штрафа, тогда и трибуны оставили это дѣло. Цензорами выбраны: Т. Квинкцій Фламининъ и М. Клавдій Марцеллъ. —Въ тоже время для Л. Емилія Регилла — онъ, начальствуя надъ флотомъ побѣдилъ царя Антіоха—созванъ сенатъ за городомъ въ храмѣ Аполлона. Выслушавъ разсказъ объ его дѣйствіяхъ, съ сколькими непріятельскими флотами приходилось ему сражаться, сколько судовъ затопилъ или взялъ съ большимъ единодушіемъ сенаторовъ, опредѣленъ ему тріумфъ морской; онъ имѣлъ мѣсто въ Февральскія Календы; въ этомъ торжественномъ шествіи несли пятьдесятъ одну золотую корону, Денегъ было несено не такъ много сколько можно было ожидать отъ царской добычи: тридцать четыре тысячи семьсотъ Аттическихъ тетрадрахмъ, цистофоровъ сто тридцать двѣ тысячи триста. Потомъ совершено было молебствіе по сенатскому декрету вслѣдствіе того, что въ Испаніи Л. Емилій дѣйствовалъ удачно на общую пользу. Немного времени спустя прибылъ къ городу Л. Сципіонъ; онъ, желая и въ прозваніи сравниться съ братомъ, домогался титла Азіатическаго. И въ сенатѣ, и передъ народнымъ собраніемъ изложилъ онъ свои дѣйствія. Тутъ нѣкоторые толковали, что дѣйствительная трудность войны далеко не соотвѣтствовала ея славѣ; однимъ удачнымъ сраженіемъ она

и покончена, и слава этой победы подготовлена уже у Ѳермопилъ. Впрочемъ, если говорить правду, то у Ѳермопилъ приходилось имѣть дѣло болѣе съ Этолами, чѣмъ съ Антіохомъ: какою ничтожною частью своихъ силъ принималъ онъ тутъ участіе! А въ Азіи стоялъ онъ съ силами цѣлой страны, собравъ вспомогательныя войска отъ самыхъ отдаленныхъ предѣловъ востока.

59. А потому и заслужено и богамъ безсмертнымъ оказана почесть, сколько возможно большая, за то, что громадную побѣду сдѣлали вмѣстѣ съ тѣмъ и легкою, и главному вождю данъ тріумфъ и совершился онъ во вставочномъ мѣсяцѣ наканунѣ Мартовскихъ календъ. Торжественное шествіе заслуживало вниманія зрителей болѣе, чѣмъ брата его Африкана; относительно же воспоминанія совершенныхъ дѣяній и оцѣнки опасности и борьбы не могло быть и сравненія, точно такъ какъ главныхъ вождей нельзя было сравнить, или Антіоха ставить на одну доску съ Аннибаломъ. При торжественномъ шествіи несли военныхъ значковъ двѣсти тридцать четыре, изображеній городовъ сто тридцать четыре; слоновыхъ зубовъ тысячу двѣсти тридцать одинъ; золотыхъ вѣнковъ двѣсти тридцать четыре; серебра вѣсомъ сто тридцать семь тысячъ четыреста двадцать фунтовъ; тетрадрахмовъ Аттическихъ двѣсти двадцать четыре тысячи; цистофоровъ триста тридцать одну тысяча семьсотъ; золотыхъ монетъ Филиппейскихъ сто сорокъ тысячъ; серебряныхъ вазъ (всѣ онѣ были съ разными украшеніями) вѣсомъ тысячу четыреста двадцать четыре фунта, золотыхъ тысячу двадцать четыре фунта. Вождей царскихъ, префектовъ и имѣющихъ право носить порфиру, вели передъ колесницею тридцать два. Воинамъ дано по двадцати пяти денаріевъ, вдвое сотнику, втрое всаднику; послѣ тріумфа получили они жалованье сполна и двойную порцію хлѣба. Послѣ сраженія въ Азіи выдано было также двойное жалованье; получилъ тріумфъ почти черезъ годъ послѣ того, какъ оставилъ консульство.

60. Почти въ тоже время прибыли консулъ Кн. Манлій въ Азію и К. Фабій Лабеонъ преторъ къ флоту; впрочемъ консулу не было недостатка въ поводѣ къ войнѣ съ Галлами, а море, послѣ пораженія Антіоха, непредставляло никакой опасности. Подумывалъ К. Фабій—на какое дѣло обратить преимущественно вниманіе, дабы не показать, что по пустому и дана то ему провинція, и счелъ за лучшее переправиться въ островъ Критъ. Цидоніаты вели войну противъ Гортиніевъ и Гноссіевъ. Говорили, что большое число плѣнныхъ Римлянъ, и вообще жителей Италіи находилось на островѣ въ рабствѣ. Выйдя съ флотомъ изъ Ефеса, какъ только достигъ Критскаго берега, Фабій отправилъ гонцовъ по городамъ, повѣщая отложить оружіе, плѣнныхъ, разыскавъ по всѣмъ своимъ городамъ и полямъ, привести и прислать къ нему пословъ, съ которыми бы онъ могъ толковать о дѣлахъ, имѣющихъ отношеніе какъ къ Критянамъ, такъ и Римлянамъ. Все это произвело очень мало впечатлѣнія на Критянъ, а плѣнныхъ, за исключеніемъ Гортинцевъ, никто не возвратилъ. Валерій Антіатъ пишетъ, будто бы вслѣдствіе угрозъ войною со всего острова было выдано четыре тысячи плѣнныхъ и что это, за недостаткомъ другихъ дѣйствій, служило поводомъ — выхлопотать у сената морской тріумфъ. Изъ Крита Фабій вернулся въ Ефесъ; отсюда онъ отправилъ три судна къ берегамъ Ѳракіи, и велѣлъ вывести изъ Эна и Маронеи гарнизоны Антіоха для того, чтобы эти города воспользовались свободою.

КНИГА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

1. Между тѣмъ какъ въ Азіи происходила война, и у Этоловъ было не совершенно спокойно, и начало безпокойства произошло отъ народа Атамановъ. Въ то время Атаманія, по изгнаніи Аминандра, занята была войсками царя Филиппа и его намѣстниками: властвуя надменно и безъ мѣры произвольно, они заставили жалѣть объ Аминандрѣ. Съ восхищеніемъ получилъ Аминандръ онъ былъ въ Этоліи — письма своихъ, гдѣ обнаружено было положеніе Атаманіи и подана надежда — обратнаго полученія царства. Люди, принесшіе извѣстіе объ этомъ, отосланы назадъ въ Аргитею — то была столица Атаманіи — къ старѣйшинамъ, и внушено имъ — буде хорошо они знаютъ расположеніе умовъ соотчичей, то онъ, получивъ отъ Этоловъ вспоможеніе, прибудетъ въ Атаманію съ отборными Этоламі — они будутъ какъ бы уполномоченные отъ народа — и съ преторомъ Никандромъ. Видя ихъ готовность на все, тотчасъ далъ имъ знать, въ какой день онъ вступитъ въ Атаманію съ войскомъ. Сначало было только четыре заговорщика противъ Македонскаго гарнизона; они помощниками для веденія дѣла пригласили къ себѣ стариковъ, потомъ, мало надѣясь на свое малолюдство, болѣе пригодное для веденія дѣла въ тайнѣ, чѣмъ для его исполненія, присоединили число, равное прежнему; такимъ образомъ ихъ стало пятьдесятъ два. Они раздѣлились на четыре части: одна отправилась въ Гераклею, другая въ Тетрафилію, гдѣ обыкновенно хранились царскія деньги, третья въ Тевдорію, четвертая въ Аргитею. Всѣ согласились такъ, что сначала спокойно, какъ бы по своимъ частнымъ дѣламъ, они будутъ ходить по общественной площади; а въ условленный

заранѣе день они пригласятъ всѣхъ жителей къ изгнанію изъ укрѣпленій Македонскихъ гарнизоновъ. Когда наступилъ этотъ день и Аминандръ уже находился въ предѣлахъ Атаманіи съ тысячею Этоловъ, то, какъ было условлено, разомъ въ четырехъ мѣстахъ изгнаны гарнизоны Македонянъ и разосланы письма въ разные другіе города съ убѣжденіями избавиться отъ невыносимаго владычества Филиппа и возвратить родоваго и законнаго царя; по всюду изгоняются Македоняне. Городъ Тейй, гдѣ начальникъ гарнизона, Зенонъ, перехватилъ письма и крѣпость занята была царскими войсками, нѣсколько дней оказывалъ сопротивленіе осаждавшимъ; а потомъ и онъ сданъ Аминандру, во власти котораго была вся Атаманія, кромѣ крѣпости Атенея, находящейся подлѣ самой границы Македоніи.

2. Филиппъ, узнавъ объ отпаденіи Атаманіи, отправился съ шестью тысячами воиновъ и съ чрезвычайною быстротою прибылъ въ Гомфры. Оставивъ здѣсь большую часть воиновъ (для такихъ переходовъ не достало бы у нихъ силъ) прибылъ съ двумя тысячами въ Атеней, единственное укрѣпленное мѣсто, гдѣ еще удержался его гарнизонъ. Отсюда попытался было онъ узнать расположеніе умовъ мѣстъ сосѣднихъ и безъ труда замѣтивъ, что оно враждебно, вернулся въ Гомфы, и уже со всѣми своими войсками снова вступилъ въ Атаманію. Отсюда Зенону, пославъ его впередъ съ тысячею пѣшихъ, приказалъ занять Етопію, которая весьма кстати господствовала надъ Аргитеею. Увидя, что эта мѣстность занята уже его воинами, онъ самъ сталъ лагеремъ около храма Юпитера Акрейскаго; здѣсь онъ былъ удержанъ одинъ день невыносимо дурною погодою, а на другой день вознамѣрился вести ихъ къ Аргитеѣ. Только было выступили они въ походъ, какъ вдругъ показались Атаманы, бѣгавшіе по холмамъ, возвышавшимся надъ дорогою. При видѣ ихъ первые ряды остановились, и по всему войску распространились тревога и испугъ, каждый воображалъ самъ за себя, какія были бы послѣдствія, если бы войско уже спустилось въ горныя долины, надъ которыми нависли скалы. При

такомъ смятеніи царь, желая, на случай преслѣдованія выйдти какъ можно скорѣе изъ тѣснинъ, поспѣшилъ отозвать передних и двинулся со всѣмъ войскомъ назадъ тою же дорогою, которою пришелъ. Сначала Атаманы шли въ нѣкоторомъ разстояніи спокойно за нимъ; а когда присоединились Этолы, они оставили ихъ идти сзади Филиппова войска, а сами осыпали его съ боковъ. Нѣкоторые по знакомымъ тропинкамъ пошли впередъ кратчайшею дорогою и заняли проходы. Такое смятеніе произошло между Македонянами, что они перешли рѣку скорѣе въ безпорядочномъ бѣгствѣ, чѣмъ правильнымъ движеніемъ, и при этомъ потеряли не мало людей и оружія. Тутъ и былъ конецъ преслѣдованія; отсюда въ полной безопасности Македоняне вернулись въ Гомфы, а изъ Гомфъ въ Македонію. Атаманы и Этолы со всѣхъ сторонъ стеклись къ Етопіи для подавленія Зенона и тысячи Македонянъ. Эти послѣдніе, мало надѣясь на мѣстность, изъ Етопіи удалились на холмъ, болѣе возвышенный и со всѣхъ сторонъ обрывистый. Найдя тутъ доступъ во многихъ мѣстахъ вытѣснили ихъ оттуда Атаманы; разсѣянныхъ и искавшихъ спасенія въ бѣгствѣ по скаламъ мало извѣстнымъ и непроходимымъ — частью взяли, а частью побили. Многіе отъ страха бросались въ пропасти, и весьма немногіе ушли съ Зенономъ къ царю. Недолго спустя заключено и перемиріе и дана возможность похоронить убитыхъ.

3. Аминандръ, возвратя себѣ царство, отправилъ пословъ въ Римъ къ сенату, и въ Азію къ Сципіонамъ; они тогда находились въ Ефесѣ послѣ рѣшительной битвы съ Антіохомъ. Онъ просилъ мира и приносилъ извиненіе въ томъ, что наслѣдственныя владѣнія свои возвратилъ себѣ при помощи Этоловъ; Филиппа онъ обвинялъ. Этолы изъ Атаманіи отправились къ Амфилохамъ, и весь народъ подчинили своей власти при добровольномъ согласіи большей части его. Возвративъ себѣ Амфилохію — она нѣкогда принадлежала Этоламъ—они съ такою же надеждою перешли въ Аперантію: большая часть и этой области безъ борьбы подчинилась ихъ власти. А Долопы никогда не принадлежали Этоламъ—они были на сторонѣ Филиппа. Сначала

они поспѣшили къ оружію; но узнавъ, что Амфилохи за одно съ Этолами, что Филиппъ бѣжалъ изъ Атаманіи и гарнизонъ его избитъ, они и сами измѣняютъ Филиппу и переходятъ на сторону Этоловъ. Между тѣмъ какъ они, покоривъ всѣ окрестные народы, считали себя со всѣхъ сторонъ достаточно безопасными отъ Македонянъ, вдругъ получаютъ они извѣстіе, что Антіохъ въ Азіи побѣжденъ Римлянами. Вскорѣ и послы возвратились изъ Рима безо всякой надежды на миръ, и принесли извѣстіе о совершившейся уже переправѣ консула Фульвія съ войскомъ. Испуганные этимъ Этолы сначала вызвали уполномоченныхъ изъ Родоса и Аѳинянъ съ тѣмъ, чтобы эти города употребили свое вліяніе на то, чтобы мольбы ихъ, только что передъ тѣмъ отвергнутыя сенатомъ, легче бы имѣли доступъ къ нему снова, и отправили въ Римъ старѣйшинъ народа—послѣдній разъ попытать надежду. Нисколько не заботились они отклонить войну прежде, чѣмъ когда непріятель находился почти въ виду. Уже М. Фульвій, переправивъ войско въ Аполлонію, совѣтовался съ старѣйшинами Епиротовъ, откуда начать войну. Епироты совѣтовали напасть на Амбракію;—въ то время городъ этотъ былъ на сторонѣ Этоловъ: если Этолы придутъ защищать его, то открытая кругомъ мѣстность удобна для сраженія; если же они уклонятся отъ борьбы, то взятіе города не будетъ затруднительно. Вблизи находится въ избыткѣ матеріаловъ для дѣланія насыпи и прочихъ работъ: Арахтъ рѣка судоходная, по ней весьма удобно доставлять все, что нужно, и она течетъ подлѣ самихъ стѣнъ, да и подходитъ лѣто, время удобное для военныхъ дѣйствій всякаго рода». Такого рода убѣжденіями склонили вести войско черезъ Епиръ.

4. Когда консулъ подошелъ къ Амбракіи, то увидалъ, что осада будетъ стоить большихъ трудовъ. Амбракія находится у подошвы крутаго холма; жители называютъ его Перрантомъ. Городъ стороною, обращенною къ полю и рѣкѣ, смотритъ къ востоку, а крѣпость его, устроенная на холмѣ къ западу. Рѣка Арахтъ течетъ изъ Атаманіи и впадаетъ въ морской заливъ, называемый Амбракійскимъ отъ имени лежа-

щаго по сосѣдству города. Не говорѣ уже о томъ, что городъ защищенъ съ одной стороны рѣкою, съ другой крутизнами, онъ огражденъ и крѣпкою стѣною, имѣющею въ окружности не много болѣе тысячи шаговъ. Фульвій со стороны открытаго поля поставилъ два лагеря съ умѣреннымъ между ними промежуткомъ, а одно укрѣпленіе поставилъ на возвышенномъ мѣстѣ противъ крѣпости: все это озаботился онъ соединить валомъ и рвомъ такъ, чтобы ни для запертыхъ въ городѣ не было возможности выйдти изъ него, а также чтобы не могли проникать въ него подкрѣпленія извнѣ. По слуху объ осадѣ Амбракіи, Этолы явились въ Стратъ, созванные эдиктомъ претора Никандра; сначала хотѣли было они всѣми силами противудѣйствовать осадѣ, но видя, что городъ большою частью уже загражденъ осадными работами, и что лагерь Епиротовъ лежитъ по ту сторону на ровномъ мѣстѣ, положили раздѣлить войска. Съ тысячью воиновъ легковооруженныхъ, Евполемъ отправился въ Амбракію, и вошелъ въ городъ промежду укрѣпленіями, еще не доведенными до конца. Никаноръ съ остальнымъ войскомъ вознамѣрился было сначала ночью напасть на лагерь Епиротовъ — не легко было для Римлянъ подать имъ помощь, такъ какъ между ними находилась рѣка; потомъ намѣреніе это сочтено опаснымъ, какъ бы его не провѣдали Римляне, и самое отступленіе оттуда не было бы сопряжено съ опасностью. Оставивъ это намѣреніе, онъ отправился опустошать Акарнанію.

5. Консулъ, приведя уже къ концу укрѣпленія, которыми замкнулъ городъ и осадныя работы, посредствомъ которыхъ собирался дѣйствовать противъ стѣнъ, разомъ въ пяти мѣстахъ приступилъ къ нимъ. Въ трехъ, почти съ равными между ними промежутками, съ открытыхъ мѣстъ, откуда доступъ былъ удобнѣе, сталъ дѣйствовать противъ такъ называемаго Пиррея; въ одномъ со стороны Эскулапія, и въ одномъ противъ крѣпости. Стѣнобитными орудіями потрясалъ онъ стѣны; длинными крюками съ косами на концахъ сламывалъ зубцы. Осажденными сначала, при видѣ этихъ приготовленій и потрясеній стѣны, съ страшнымъ громомъ производимыхъ, овладѣлъ ужасъ

и замѣшательство. Потомъ, убѣдясь, что стѣны выдерживаютъ сверхъ чаянія, снова собрались съ духомъ и стали дѣйствовать противъ стѣнобитныхъ орудій, опуская на нихъ куски свинца, большіе камни и здоровые обрубки; крюки, набрасывая на нихъ желѣзные якори, они притягивали во внутреннюю часть стѣны и тамъ ихъ ломали. Кромѣ того, вылазками—и ночными противъ карауловъ на укрѣпленіяхъ, и денными противъ аванпостовъ, сами нагоняли ужасъ. Между тѣмъ, какъ въ такомъ положеніи находились дѣла въ Амбракіи, Этолы, опустошивъ Акарнанію, вернулись въ Стратъ. Преторъ Никандръ возъимѣвъ надежду, смѣло дѣйствуя, заставить непріятеля снять осаду, отсюда отправилъ въ Амбракію нѣкоего Никодама съ пятьюстами Етоловъ; онъ назначилъ ночь, и даже самый часъ ночи, въ который и осажденные должны были напасть на укрѣпленія непріятельскія противъ Пиррея, и онъ самъ вбросить ужасъ въ лагерь Римлянъ; онъ полагалъ, что, при опасности съ двухъ сторонъ и ужасѣ, увеличенномъ ночнымъ временемъ, можно совершить что либо замѣчательное. Никодамъ, въ ночь ненастную, одни караулы счастливо миновалъ, черезъ другіе прорвался силою, перелѣзъ черезъ непріятельскія укрѣпленія и проникъ въ городъ. Прибытіе его вдохнуло въ осажденныхъ нѣкоторую надежду и готовность рѣшиться на все. Какъ только наступила назначенная ночь, вдругъ напалъ онъ, какъ было условлено, на осадныя работы непріятельскія. Но при выполненіи дѣло вышло труднѣе, чѣмъ ожидали, такъ какъ извнѣ вовсе не было произведено нападенія. Робость ли овладѣла преторомъ Этоловъ, или онъ счелъ за лучшее подать помощь Амфилохамъ, недавно покорившимся: ихъ аттаковалъ всѣми силами Персей, сынъ Филиппа, посланный для покоренія вновь Долоповъ и Амфилоховъ.

6. Въ трехъ мѣстахъ, какъ мы выше сказали, находились работы Римлянъ у Пиррея; ихъ то всѣхъ разомъ аттаковали Этолы, но не съ одинаковыми силами и приготовленіями; одни шли съ зажженными факелами, другіе несли хлопокъ, смолу и горящія стрѣлы — весь строй казался какъ бы въ огнѣ. Мно-

го караульныхъ сдѣлались жертвою первой аттаки; но потомъ, когда крикъ и суматоха достигли лагеря, то, по данному консуломъ сигналу, воины взялись за оружіе и изо всѣхъ воротъ бросились подавать помощь. Въ одномъ мѣстѣ дѣло рѣшалось огнемъ и мечемъ; въ двухъ же Этолы, ограничась одной, лишь попыткой, но не рѣшась на бой, Этолы отступили. Ожесточенная борьба сосредоточилась въ одномъ мѣстѣ. Тутъ оба вождя порознь—Евполемъ и Никодамъ—увѣщевали воиновъ и льстили себя почти вѣрною надеждою, что вотъ вотъ явится Никандръ, какъ было условлено, и нападетъ на непріятеля съ тылу. Это обстоятельство нѣсколько времени придавало духу сражающимся; но скоро они, не видя отъ своихъ никакого сигнала, какъ было условлено, а между тѣмъ постоянно увеличивавшееся число противниковъ, предоставленные сами себѣ, стали нападать уже не съ такою силою: наконецъ, бросивъ затѣянное дѣло, когда и самое отступленіе было уже не безъ опасности, обратились въ бѣгство и сбиты въ городъ: часть осадныхъ работъ сожгли и у непріятеля убили нѣсколько болѣе, чѣмъ сами потеряли. Будь дѣло исполнено такъ какъ предполагалось, нѣтъ сомнѣнія, что хотя съ одной стороны осадныя работы были бы взяты съ большою потерею для непріятелей. Жители Амбракіи и всѣ Этолы, находившіеся въ городѣ, не только оставили мысль объ исполненіи затѣяннаго въ эту ночь, но и на будущее время, какъ бы считая себя жертвою измѣны своихъ, съ меньшею готовностью подвергались опасностямъ. Вовсе перестали они дѣлать вылазки, какъ то дѣлали прежде, на непріятельскіе аванпосты, но, размѣстясь по стѣнамъ и башнямъ, сражались съ безопасныхъ мѣстъ.

7. Персей, услыхавъ о приходѣ Этоловъ, оставилъ осаду города, къ которому было приступилъ, вышелъ изъ Амфилохіи и вернулся въ Македонію. И Этолы были оттуда отозваны опустошеніемъ прибрежья. Плевратъ, царь Иллирійцевъ, проникъ въ Коринѳскій заливъ съ шестидесятью легкими судами и, соединясь съ Ахейскимъ флотомъ, стоявшимъ у Патраса, опустошалъ Этолійское прибрежье. Противъ нихъ послана тысяча Это-

ловъ и они, куда флотъ ни поворачивалъ извилинами берега, поспѣшали прямыми и кратчайшими тропинками. Римляне у Амбракіи, во многихъ мѣстахъ потрясая орудіями стѣны, нѣкоторую часть города обнажили, но въ городъ проникнуть не могли. Съ одинаковою быстротою воздвигалась новая стѣна на мѣсто упавшей, да и воины, стоя на развалинахъ, сами были какъ бы живою стѣною. Видя, что дѣло мало подвигается впередъ открытою силою, консулъ рѣшился вести тайно подкопъ, прикрывъ прежде это мѣсто укрѣпленіями. Нѣсколько времени, и день и ночь посвящая работѣ, утаились было отъ непріятеля не только рывшіе въ землѣ, но и выносившіе ее наружу; но вдругъ выросшій холмъ земли былъ для жителей города лучшимъ указаніемъ работъ; испугались они, какъ бы, подрывъ стѣны, непріятель не напалъ на городъ, а потому положено было вести ровъ по сю сторону стѣны по тому направленію, гдѣ непріятель недавно возвелъ укрѣпленія. Когда ровъ достигъ той глубины, на которой повидимому долженъ былъ находиться подкопъ, то среди совершенной тишины стали во многихъ мѣстахъ подслушивать у стѣны—не слышно ли гдѣ стука копающихъ. Услыхавъ его, прорыли прямую дорогу къ подкопу и это было дѣло не трудное: немедленно добрались они до пустаго мѣста, гдѣ стѣну непріятель уперъ подпорками. Здѣсь сошлись работы, такъ какъ изъ рва въ подкопъ была дорога; сначала инструментами, которыми работали, потомъ и оружіемъ, взявъ его поспѣшно, завязали бой скрытый подъ землею. Въ послѣдствіи онъ сдѣлался слабѣе, такъ какъ преграждали подкопъ когда только хотѣли то волосяными покровами, то дверьми, на скорую руку приставленными. Придумали и еще, какъ дѣйствовать противъ находившихся въ подкопѣ и способъ былъ новый, но не трудный при исполненіи. Въ бочкѣ сдѣлали отверстіе, куда могла входить умѣренной величины трубка; трубку сдѣлали желѣзную, крышку бочки также желѣзную и съ отверстіями во многихъ мѣстахъ. Бочку эту наполнили не крупнымъ перомъ и положили, обративъ верхнимъ концомъ къ подкопу. Черезъ отверстія въ крышкѣ выдавались

предлинныя копья, называемыя сариссами; назначеніе ихъ было, не подпускать близко непріятеля. Небольшую искорку огня клали въ перо и раздували ее посредствомъ кузнечнаго мѣха, приставленнаго къ устью трубки. Вслѣдствіе этого выходилъ сильный, густой и весьма ѣдкій дымъ, съ крайне непріятнымъ запахомъ отъ горѣнія пера, и когда онъ наполнялъ подкопъ, то почти невозможно было кому нибудь оставаться внутри.

8. Между тѣмъ, какъ въ такомъ положеніи находились дѣла у Амбракіи, послы Этоловъ, Фенеасъ и Дамотелесъ пришли къ консулу, получивъ, по опредѣленію народа, полномочіе для переговоровъ. Преторъ Этоловъ, видя, что съ одной сторонѣ Амбракія подвергается нападенію непріятелей, съ другой флотъ непріятельскій опустошаетъ прибрежье, съ третьей Македоняне опустошаютъ землю Амфилоховъ и Долопію, и что нѣтъ для Этоловъ никакой возможности справиться одновременно съ тремя войнами, созвалъ собраніе и спрашивалъ у Этольскихъ старѣйшинъ совѣта, какъ надобно поступить. Мнѣнія всѣхъ сошлись къ одному: «слѣдуетъ просить мира, буде возможно, на справедливыхъ, если же нѣтъ, то хоть на сносныхъ условіяхъ. Война начата въ надеждѣ на Антіоха, но теперь, когда онъ потерпѣлъ пораженіе на морѣ и на сушѣ и прогнанъ почти на край земли, за хребетъ Таврскій, то есть ли какая надежда выдержать борьбу? Фенеасъ и Дамотелесъ пусть поступаютъ на столько согласно съ выгодами Этоловъ, на сколько возможно, при ихъ вѣрности и теперешнихъ обстоятельствахъ. Возможность другаго рѣшенія и другаго выбора, судьба имъ развѣ предоставила?» Съ такими порученіями отправленные, послы стали умолять консула: «пощадить городъ и пожалѣть о народѣ, нѣкогда пріязненномъ, не скажу обидами, а скорѣе несчастіями, вынужденномъ къ безразсуднымъ дѣйствіямъ. Конечно, не болѣе зла причинили Этолы войною съ Антіохомъ, сколько добра ранѣе, во время веденія войны съ Филиппомъ. И тогда не получили они большой благодарности, и теперь не должны бы подвергнуться неумѣренному наказанію». Консулъ

на это отвѣчалъ: «часто, но неискренно просили Этолы о мирѣ. Пусть они, прося о мирѣ, возьмутъ примѣръ съ Антіоха, котораго сами же вовлекли въ войну. Отказался онъ, не отъ малаго числа городовъ, о свободѣ которыхъ былъ споръ, но очистилъ всю Азію по сю сторону Тавра, цѣлое богатое царство. Предложенія Этоловъ, выслушаетъ онъ не прежде, какъ когда они положатъ оружіе, а потому должны они выдать оружіе и всѣхъ лошадей, потомъ выплатить народу Римскому тысячу талантовъ серебра и половину этой суммы отсчитать сейчасъ же, если только они желаютъ получить миръ. Къ этому должны они прибавить въ союзномъ договорѣ, что обязуются имѣть однихъ и тѣхъ же, съ народомъ Римскимъ, и друзей и враговъ».

9. На это послы — такъ какъ условія были тяжелы и сами по себѣ и знали они неукротимый и перемѣнчивый характеръ своихъ соотчичей — недали никакого отвѣта и вернулись домой, для того чтобы дѣло пока не испорченное, еще и еще разъ передать на обсужденіе, какъ слѣдуетъ поступить, — претору и старѣйшинамъ. Возвратясь, послы были встрѣчены криками и бранью: «чего они дѣло такъ тянутъ, получивъ приказаніе принесть миръ, на какихъ бы то ни было условіяхъ?» На обратномъ пути въ Амбракію, были они схвачены Акарнанцами (съ ними велась война), засѣвшими въ засаду подлѣ дороги, и подъ стражею отведены въ Тирій. Это обстоятельство замедлило заключеніе мира. Послы Родосцевъ и Аѳинянъ, пришедшіе просить за Этоловъ, находились уже у консула; да и Аминандръ, царь Атамановъ, получивъ надлежащее завѣреніе въ безопасности, прибылъ въ лагерь Римскій, заботясь не столько объ Этолахъ, сколько о городѣ Амбракіи, гдѣ онъ большою частью жилъ, находясь въ изгнаніи. Отъ нихъ то извѣстился консулъ о случаѣ, постигшемъ пословъ; онъ отдалъ приказаніе привесть ихъ изъ Тирія. По прибытіи ихъ, начали толковать о мирѣ. Аминандръ считалъ своею первою обязанностью, дѣятельно хлопотать о томъ, чтобы склонить жителей Амбракіи къ сдачѣ. Когда дѣло мало подвигалось впередъ че-

резъ переговоры съ старѣйшинами, которые велъ Аминандръ, подъѣзжая къ стѣнамъ; то онъ, получивъ наконецъ позволеніе консула, вошелъ въ городъ и частію совѣтуя, частію прося, успѣлъ въ томъ, что они вручили свою участь Римлянамъ. А Этоламъ принесъ существенную пользу К. Валерій, сынъ Левина,— онъ первый съ этимъ народомъ заключилъ дружественный союзъ и былъ братомъ консула, отъ одной матери. Амбракійцы, условясь прежде о безпрепятственномъ выходѣ вспомогательныхъ Этоловъ, отворили ворота. А вслѣдъ за тѣмъ Этолы: «должны были заплатить пятьсотъ Евбейскихъ талантовъ, изъ нихъ двѣсти теперь же, а триста, въ теченіи шести лѣтъ, по ровнымъ долямъ; выдать Римлянамъ плѣнныхъ и перебѣжчиковъ. Отказаться отъ всякихъ правъ власти на какой либо изъ городовъ, которые послѣ того времени, какъ Т. Квинкцій переправился въ Грецію, или силою были взяты Римлянами, или добровольно вступили съ ними въ дружественный союзъ. На островъ Кефалонію, сила этого договора не простирается». Хотя условія эти были нѣсколько легче тѣхъ, которыя Этолы ждали, однако они просили о дозволеніи доложить народному собранію и получили его. Небольшія пренія возникли было о городахъ: такъ какъ они нѣкоторое время принадлежали ихъ власти, то тяжело было для нихъ оторвать ихъ отъ себя, какъ бы составную часть ихъ тѣла. Впрочемъ, всѣ граждане единогласно положили—принять миръ. Амбракійцы поднесли консулу золотой вѣнокъ, вѣсомъ во сто пятьдесятъ фунтовъ. Всѣ мѣдныя и мраморныя статуи и живописныя картины, которыми преимущественно передъ другими городами этой области украшена Амбракія, такъ какъ здѣсь находился царскій дворецъ Пирра — сняты съ мѣстъ и отвезены. Кромѣ того ничего не тронуто и не отнято силою.

10. Изъ Амбракіи консулъ выступилъ во внутреннюю часть Этоліи и сталъ лагеремъ у Аргоса Амфилоховъ (онъ находится въ разстояніи двадцати двухъ миль отъ Амбракіи). Наконецъ пришли туда и послы Этоловъ; консулъ начиналъ было дивиться, что они замедлили. Узнавъ, что собраніе Этоловъ утвердило

миръ, онъ приказалъ посламъ ихъ, отправиться въ сенату и позволилъ Родосцамъ и Аѳинянамъ ѣхать туда же, какъ заступникамъ за нихъ; онъ далъ проводить ихъ — К. Валерія, брата своего, а самъ переправился въ Кефалонію. Здѣсь умы главныхъ лицъ въ Римѣ, были уже предубѣждены наговорами Филиппа: и черезъ пословъ, и на письмѣ, жаловался онъ, что Этолы отняли у него земли Долоповъ и Амфилоховъ, и Атаманію, и что его гарнизоны, и наконецъ сынъ Персей прогнаны изъ земли Амфилоховъ. Вслѣдствіе этого, сенатъ долго не внималъ просьбамъ Этоловъ; впрочемъ Родосцевъ и Аѳинянъ выслушалъ въ молчаніи. Посолъ Аѳинскій—Леонъ, сынъ Икезія, произвелъ впечатлѣніе—такъ по крайней мѣрѣ разсказываютъ—своимъ краснорѣчіемъ. Употребивъ извѣстное сравненіе, уподобилъ онъ народъ Этоловъ морю, въ состояніи спокойномъ, но легко волнуемомъ вѣтрами: «пока пребывали они вѣрными союзу съ Римлянами, то и по, свойственному этому народу, тихому характеру, оставались спокойными; но когда начали дуть отъ Азіи Тоасъ и Дикеархъ, а отъ Европы Менестасъ и Дамокритъ, тогда поднялась буря, набросившая ихъ на Антіоха, какъ на подводную скалу».

11. Долго подвергались Этолы разнымъ треволненіямъ; наконецъ успѣли они въ томъ, что условія мира улажены; заключались они въ слѣдующемъ: «уваженіе къ власти и величію народа Римскаго племя Этоловъ пусть хранитъ на будущее время, безъ задней мысли. Пусть не допускаетъ проходить по своимъ землямъ никакого войска, если оно только будетъ направлено противъ союзниковъ и друзей, и не оказываетъ ему нималѣйшаго содѣйствія. Обязуется имѣть съ народомъ Римскимъ однихъ и тѣхъ же непріятелей, обнажать мечь и вести войну за одно съ ними. Перебѣжчиковъ, бѣглыхъ и плѣнныхъ изъ Римлянъ и союзниковъ возвратить, кромѣ тѣхъ, которые, будучи взяты и отпущены домой, попались другой разъ, или тѣхъ, которые взяты въ то время, когда были еще сами враждебны Римлянамъ, а между тѣмъ Этолы пользовались еще ихъ покровительствомъ и защитою. Изо всѣхъ же прочихъ, какіе окажутся

на лицо, пусть, въ продолженіи ста дней, выданы будутъ, безъ всякой хитрости, Корцирскимъ властямъ; а которыхъ нѣтъ на лицо, тѣхъ выдавать по мѣрѣ того, какъ каждый будетъ найденъ. Сорокъ заложниковъ выдать, по выбору консула Римскаго, не моложе двѣнадцати и не старѣе сорока лѣтъ. Въ числѣ заложниковъ не должно быть ни преторовъ, ни префектовъ конницы, ни общественныхъ писарей, да и вообще никого изъ тѣхъ лицъ, которые уже прежде были у Римлянъ заложниками. На Кефалонію сила мирнаго трактата не простирается». Относительно количества денегъ, подлежащаго уплатѣ и сроковъ платежа, осталось все безъ перемѣны, по условленному съ консуломъ. Буде же Этолы захотѣли бы платить вмѣсто серебра золотомъ, то это дозволено, лишь бы за десять серебряныхъ монетъ, давали одну золотую. «А какіе города, поля и люди, когда либо были вѣдомства Этоловъ и которые изъ нихъ въ консульство Т. Квинкція и Кн. Домиція, да и послѣ этихъ консуловъ, или добровольно подчинились власти народа Римскаго, или вынуждены были къ тому силою — чтобы изъ нихъ Этолы не старались залучить вновь никого подъ свою власть. Эніады съ городомъ и областью должны отнынѣ принадлежать Акарнанамъ». На такихъ то условіяхъ утвержденъ союзный договоръ съ Этолами.

12. Не только въ то же лѣто, но почти въ одни и тѣ же дни, когда консулъ М. Фульвій дѣйствовалъ такимъ образомъ въ Этоліи, другой консулъ, Кн. Манлій, велъ войну въ Галлогреціи, и о ней то я стану теперь говорить. Съ наступленіемъ весны консулъ прибылъ въ Ефесъ; принявъ войска отъ Л. Сципіона и сдѣлавъ имъ смотръ, онъ сказалъ воинамъ рѣчь. Въ ней похвалилъ онъ ихъ доблесть, такъ какъ они силы Антіоха уничтожили совершенно однимъ сраженіемъ, увѣщевалъ ихъ начать новую войну съ Галлами, такъ какъ они и войсками оказывали содѣйствіе Антіоху и нравъ имѣютъ до того неукротимый, что если только не будутъ сломлены силы Галловъ, то безъ пользы и Антіохъ отброшенъ по ту сторону горнаго хребта Тавра; о себѣ консулъ присовокупилъ немногое, и въ томъ,

что онъ сказалъ, не заключалась никакой ложной, или излишней похвальбы. Воины съ радостью и частыми знаками одобренія выслушали консула; они полагали, что Галлы составляли часть силъ Антіоха, а съ пораженіемъ царя, что же важнаго могло заключаться въ предоставленныхъ самимъ себѣ силахъ Галловъ? Консулъ полагалъ отсутствіе Евмена совершенно не своевременнымъ, въ то время находился онъ въ Римѣ, такъ какъ ему очень хорошо были извѣстны и мѣстность, и люди, и для него (Евмена) было очень важно поуменьшить силы Галловъ. А потому онъ Аттала, брата его, пригласилъ изъ Пергама и убѣждалъ вмѣстѣ съ нимъ участвовать въ войнѣ; тотъ обѣщалъ и самъ лично, и своими силами, принять въ ней участіе и отпущенъ для необходимыхъ приготовленій. По прошествіи немногихъ дней, онъ встрѣтилъ у Магнезіи консула, уже выступившаго изъ Ефеса; у Аттала было тысячу воиновъ пѣшихъ, двѣсти конныхъ; брату своему, Атенею, велѣлъ онъ слѣдовать за собою съ остальными войсками, поручивъ защиту Пергама тѣмъ, кого считалъ вѣрными брату и отечеству. Консулъ похвалилъ молодаго человѣка и, со всѣми войсками выступивъ къ Меандру, сталъ тамъ лагеремъ, такъ какъ рѣку невозможно было перейдти въ бродъ, и суда были собраны для переправы войска. Перейдя Меандръ, они достигли Гіерокомы.

13. Тамъ находится знаменитый храмъ и оракулъ Аполлона; говорятъ, что не плохими стихами изрекаютъ здѣсь жрецы свои предсказанія. Отсюда вторымъ переходомъ пришли къ рѣкѣ Гарпазу; туда же явились послы Алабандовъ съ просьбою — употребить, или вліяніе, или силу, для приведенія въ повиновеніе, отпавшаго отъ нихъ недавно, одного замка. Туда же прибыли: Атеней, братъ Евмена и Аттала, съ Критяниномъ Левзомъ и Македоняниномъ Коррагомъ; они привели съ собою тысячу пѣшихъ воиновъ изъ смѣси разныхъ племенъ и триста всадниковъ. Консулъ отправилъ трибуна военнаго, съ небольшимъ отрядомъ и, взявъ силою замокъ, передалъ его Алабандамъ, а самъ, нисколько не уклоняясь отъ предначертаннаго пути, сталъ лагеремъ у Антіохіи надъ рѣкою Меандромъ; источники этой

рѣки находятся у Целенъ, городъ этотъ былъ нѣкогда столицею Фригіи. Въ послѣдствіи жители переселились на разстояніе, недальнее отъ прежнихъ Циленъ, и новому городу дали имя Апамеи отъ Апамы, сестры царя Селевка. Рѣка Марсіасъ, получившая начало недалеко отъ источниковъ Меандра, впадаетъ въ него. Народная молва говоритъ, что въ Целенахъ Марсіасъ состязался съ Аполлономъ игрою на флейтѣ. Меандръ, получивъ начало въ самомъ возвышенномъ пунктѣ крѣпости Целеновъ, течетъ по срединѣ города, потомъ проходитъ сначала Карію, далѣе Іонію и впадаетъ въ морской заливъ, находящійся между Пріене и Милетомъ. Въ Антіохію, въ лагерь консула, прибылъ Селевкъ, сынъ Антіоха, въ силу союзнаго договора, заключеннаго Сципіономъ—для выдачи хлѣба войску. Небольшой споръ возникъ было относительно вспомогательныхъ войскъ Аттала: Селевкъ утверждалъ, что Антіохъ обязался снабжать хлѣбомъ только одни Римскія войска. Упорствомъ своимъ, консулъ рѣшилъ этотъ споръ въ свою пользу; онъ послалъ военнаго трибуна съ приказаніемъ Римскимъ воинамъ не брать хлѣба прежде, какъ получатъ его вспомогательныя войска Аттала; отсюда выступили къ такъ называемымъ, Гордивтихамъ; затѣмъ, третьимъ переходомъ, пришли въ Табасъ. Городъ этотъ находится на границѣ земли Писидовъ, въ той сторонѣ, которая обращена къ Памфилійскому морю. Силы этой области были нетронуты и жители ея были очень смѣлы на войнѣ; тутъ ихъ всадники, сдѣлавъ вылазку на войско Римское, первымъ натискомъ произвели было порядочное замѣшательство; потомъ когда обнаружилось, что они взялись за дѣло, не подъ силу имъ ни по храбрости, ни по численности, сбиты городъ и просили прощенія въ заблужденіи, изъявляя готовность отдать городъ. Предписано имъ — внести двадцать пять талантовъ серебра и десять тысячъ мѣръ хлѣба; тогда изъявленіе покорности ихъ принято.

14. Въ третій затѣмъ день прибыли къ рѣкѣ Хау: выступивъ отсюда, первымъ приступомъ взяли городъ Еризу. Пришли къ укрѣпленію Табузію, стоящему на рѣкѣ Индѣ; названіе она получила отъ Индійца, котораго тутъ сбросилъ слонъ.

Находились въ недальнемъ разстояніи отъ Цибиры, а между тѣмъ неявлялось еще никакого посольства отъ Моагета, самовластнаго князька этого города, человѣка, во всѣхъ отношеніяхъ несноснаго, и вѣрности самой ненадежной. Для разузнанія его образа мыслей, консулъ послалъ впередъ К. Гельвія, съ четырьмя тысячами пѣшихъ и пятьюстами конныхъ воиновъ. Этому отряду, уже входившему въ границы области, встрѣтились послы съ извѣстіемъ, что ихъ владѣтель согласенъ исполнить все, что отъ него ни потребуютъ. Умоляли войдти мирно въ ихъ предѣлы и удержать воиновъ отъ опустошенія; принесли консулу золотой вѣнокъ въ пятнадцать талантовъ. Гельвій обѣщался сберечь пока поля отъ опустошенія, а посламъ велѣлъ отправиться къ консулу. Когда они ему передали тоже, что и Гельвію, то консулъ имъ отвѣчалъ: «мы, Римляне, не имѣемъ у себя ни малѣйшихъ доказательствъ хорошаго къ намъ расположенія ихъ властителя, да и общій отзывъ о немъ такой, что скорѣе намъ надобно думать о наказаніи его, чѣмъ о пріязни съ нимъ». Смущенные такимъ отвѣтомъ, послы просили только объ одномъ — принять вѣнокъ и позволить явиться къ себѣ ихъ владѣтелю, чтобы онъ имѣлъ возможность переговорить съ нимъ и оправдаться. Съ дозволенія консула, князекъ явился на другой день въ лагерь; одѣяніе его и свита были такія, что едва могли равняться съ обстановкою частнаго человѣка, сколько нибудь достаточнаго. Говорилъ онъ очень смиренно и покорно, уменьшая до крайности свои средства, и жалуясь на бѣдность городовъ своей области; а у него находились, кромѣ Цибиры, Силей и Алимна, такъ называемые. Изъ нихъ ужь если себя и своихъ обберетъ, обѣщался сколотить двадцать пять талантовъ, да и то подъ сомнѣніемъ. «По истинѣ, сказалъ консулъ, такихъ неумѣстныхъ шутокъ и выносить нельзя. Мало для тебя было заочно, не краснѣя, обманывать насъ черезъ пословъ, а теперь, самъ на лицо, ты упорствуешь въ томъ же безстыдствѣ. Двадцать пять талантовъ истощатъ всю силу твоихъ владѣній? Теперь, если

ты, въ теченіи трехъ дней, не отсчитаешь пятьсотъ талантовъ, то жди опустошенія полей и осады города». Князекъ пришелъ въ ужасъ отъ такого объявленія, но продолжалъ упорно стоять на своихъ увѣреніяхъ о бѣдности; мало по малу, самыми низкими усиліями, то лестью, то просьбами и притворными слезами, успѣлъ довести до ста талантовъ; прибавлено десять тысячь мѣръ хлѣба; все это истребовано у него въ продолженіи шести дней.

15. Отъ Цибиры войско Римское повели по полямъ Синденцевъ; перейдя рѣку Кавларъ, стали лагеремъ; на другой день войско шло мимо болота Каралитиса; останавливалось у Мандрополиса; когда оно выступило отсюда къ Лагону, ближайшему городу, то жители разбѣжались отъ страха; опустѣвшій городъ, полный запасовъ всякаго рода, преданъ разграбленію. Отсюда Римляне дошли до источниковъ рѣки Лизиса, и на другой день до рѣки Кобулата. Термессійцы въ это время, взявъ городъ Исіонденсевъ, приступали къ крѣпости. Осажденные, не имѣя ни откуда даже надежды на помощь, отправили пословъ къ консулу, умоляя о защитѣ: «запертые въ замкѣ, съ женами и дѣтьми, каждый день ожидаютъ они смерти, или отъ меча, или отъ голоду». Консулу открылся поводъ свернуть въ Памфилію, чего именно ему и хотѣлось: по прибытіи освободилъ онъ Исіонденцевъ отъ осады. Термессу далъ миръ, получивъ съ него пятьдесятъ талантовъ серебра; точно также Аспендіямъ и прочимъ народамъ Памфиліи. Возвращаясь изъ Памфиліи, у рѣки Тавра, въ первый день—на другой день, у такъ называемыхъ, Ксилиненкома, сталъ лагеремъ. Выступивъ оттуда, постоянными переходами, достигъ онъ города Кормаза. Ближайшій отсюда городъ былъ Дарса; Римское войско нашло его оставленнымъ жителями, но полнымъ запасовъ всякаго рода. Во время движенія мимо болотъ, пришли послы изъ Лизиная, отдавая городъ. Отсюда прибыли на Сагаласенское поле, плодородное и обильное плодами всякаго рода. Живутъ тутъ Писиды, лучшіе воины того края: и это имъ придавало духу, а также плодородіе почвы, многочисленность населенія и самое положеніе города, укрѣпленнаго, какъ немногіе. Консулъ, не встрѣтивъ на границѣ никакого посольства, послалъ воиновъ грабить по полямъ. Тутъ только сломлено упорство жителей, какъ они увидали расхищеніе, имъ принадлежащей, собственности. Выслали пословъ, и исходатайствовали себѣ миръ на условіяхъ: выплатить пятьдесятъ талантовъ и двадцать тысячъ мѣръ пшеницы, двадцать ржи. Выступивъ отсюда къ источникамъ Обримы, онъ сталъ лагеремъ у деревни, называемой Акаридосъ-Коменъ. На другой день прибылъ туда изъ Апамеи Селевкъ; отсюда консулъ, отославъ больныхъ и ненужные обозы въ Апамею, взялъ отъ Селевка проводниковъ, въ этотъ день выступилъ въ Метрополитанское поле, а на другой день въ Диніасъ, городъ Фригіи. Отсюда прибылъ и въ Синнаду; всѣ города, находящіеся въ окрестностяхъ, были брошены жителями отъ страха. Награбленною тамъ добычею, войско было до того обременено, что въ продолженіи цѣлаго дня могло совершить съ трудомъ переходъ въ пять миль, и пришло къ городу Бевдосу, прозываемому *старымъ*. Потомъ у Анабуры, на другой день у источниковъ Аландра, а на третій, у Абоса стали лагеремъ. Въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ стояли долгое время, такъ какъ уже достигли границъ Толистобоіевъ.

16. Большое количество Галловъ, или вслѣдствіе недостатка земель, или въ надеждѣ на добычу, въ убѣжденіи, что ни одинъ народъ, черезъ земли котораго прійдется идти, не можетъ равняться съ ними силою оружія, прибыли подъ предводительствомъ Бренна къ землю Дардановъ. Тутъ произошли между ними раздоры, и до двадцати тысячь человѣкъ съ князьками, Леоноріемъ и Лутаріемъ, отдѣлились отъ Бренна, и повернули во Ѳракію. Тутъ они сражались тамъ, гдѣ находили сопротивленіе, брали дань съ тѣхъ, которые просили у нихъ мира и прибыли въ Византію; тутъ, въ продолженіи нѣкотораго времени, брали они дань съ прибрежья Пропонтиды и заняли города этой страны. Овладѣло ими желаніе—перейдти въ Азію: наслышались они, по сосѣдству, о необыкновенномъ плодородіи ея земель. Хитростью взяли они Лизимахію, силою оружія по-

корили весь Херсонесъ и спустились къ Геллеспонту. Видя, что тутъ Азія отдѣлена только небольшимъ проливомъ, Галлы воспылали еще болѣе сильнымъ желаніемъ перейдти туда, они отправили гонцовъ къ Антипатру, начальствовавшему этимъ прибрежьемъ, извѣщая его о желаніи переправиться. Пока дѣло это шло медленнѣе, чѣмъ они надѣялись, между начальниками (князьками) Галловъ произошли новые раздоры. Леонорій повернулъ назадъ, откуда пришелъ, и съ большею частью Галловъ прибылъ въ Византію. Лутарій у Македонянъ, присланныхъ Антипатромъ для развѣдки, подъ видомъ посольства, отнялъ двое палубныхъ судовъ и три лодки. Съ помощью ихъ то, перевозя безостановочно воиновъ и день и ночь, въ нѣсколько дней переправилъ всѣ свои войска. Немного времени спустя и Леонорій, при содѣйствіи Никомеда, царя Виѳиніи, переправился изъ Византіи. Тутъ Галлы опять соединяются въ одно цѣлое, подаютъ помощь Никомеду противъ Зибоета, владѣвшаго частью Виѳиніи. При ихъ преимущественно содѣйствіи Зибоета побѣжденъ, и вся Виѳинія досталась подъ власть Никомеда. Оставивъ Виѳинію, Галлы двинулись далѣе въ Азію: изъ двадцати тысячъ человѣкъ, не болѣе десяти имѣли оружіе. Не смотря на это, они такой ужасъ нагнали на всѣ народы, живущіе по сю сторону Тавра, что ихъ повелѣнія исполняли и тѣ народы, съ которыми имѣли дѣло, и тѣ, которыхъ они не касались, одинаково и ближніе, и самые дальные. Наконецъ, такъ какъ Галлы состояли изъ трехъ племенъ, Толистобоіевъ, Трокмовъ, Тектосаговъ, то они распредѣлили между собою, кому какіе изъ народовъ Азіи, имъ подвластной, должны платить дань. Трокмы получили земли по прибрежью, берегъ Геллеспонта; Толистобоіи—Эолиду и Іонію, а Тектосаги—внутреннюю часть Азіи. Они брали дань со всей Азіи, по сю сторону Тавра; мѣста же для поселенія выбрали они себѣ около рѣки Галиса. Таковъ былъ ужасъ ихъ имени—число ихъ значительно увеличилось вновь рожденными, что наконецъ и цари отдаленной Сиріи не отказывались имъ платить дань. Первый изъ жителей Азіи дерзнулъ на это Атталъ, отецъ царя Евмена-

смѣлому его начинанію, сверхъ общаго чаянія, польстило счастіе, и въ сраженіи съ Галлами, онъ остался побѣдителемъ. Впрочемъ, и тутъ не на столько сломилъ онъ ихъ духъ, чтобы они отказались отъ власти, но могущество ихъ оставалось одно и тоже, до войны Антіоха съ Римлянами. И тутъ, послѣ пораженія Антіоха, Галлы были почти убѣждены, что, по отдаленности моря, Римское войско къ нимъ не достигнетъ.

17. Такъ какъ приходилось имѣть дѣло съ врагомъ, столь грознымъ для всѣхъ жителей того края, то консулъ сказалъ передъ собраніемъ воиновъ рѣчь, преимущественно въ такомъ смыслѣ: «Воины, не безъизвѣстно мнѣ, что изо всѣхъ народовъ населяющихъ Азію, Галлы имѣютъ преимущество военной славы. Народъ суровый, обойдя почти весь земной шаръ войною, избралъ себѣ мѣсто среди людей самыхъ смирныхъ. Высоки они ростомъ, имѣютъ волосы длинные и съ красноватымъ оттѣнкомъ, широкіе щиты, преогромные мечи: при томъ въ бой вступаютъ они съ пѣснями, съ воплями, приплясывая и ударяя въ щиты по древнему прародительскому ихъ обычаю съ страшнымъ звукомъ оружія: все у нихъ однимъ словомъ приспособлено къ тому, чтобы дѣйствовать ужасомъ. Но пусть они внушаютъ его тѣмъ, для кого ихъ обычаи не слыханы и не виданы — Грекамъ, Фригійцамъ и Карійцамъ: Римляне же привыкли къ Галльскимъ тревогамъ, и имъ очень хорошо извѣстна и слабая ихъ сторона. Разъ, при первой встрѣчѣ у Алліи, нѣкогда бѣжали отъ нихъ предки наши; но съ тѣхъ поръ вотъ уже двѣсти лѣтъ прошло, въ теченіи этого времени Римляне ихъ обращаютъ въ бѣгство и бьютъ какъ стадо испуганнаго скота. Врядъ ли надъ однимъ народомъ изъ живущихъ на земномъ шарѣ совершено столько тріумфовъ сколько надъ Галлами. Опытомъ уже доказано, что стоитъ только выдержать первый натискъ, въ которомъ сосредоточиваютъ они всю пылкость своего характера и слѣпаго бѣшенства, какъ уже члены ихъ разслабѣваютъ отъ испарины и утомленія, оружіе выпадаетъ изъ ихъ рукъ; слабыя ихъ тѣла и ограниченныя, какъ только минуетъ первое раздраженіе, силы духа не выдерживаютъ борьбы, уже не гово-

рю оружія, но и солнца, пыли, жажды. Не только въ схваткахъ легіоновъ съ легіонами испытали мы ихъ, но и въ единоборствѣ человѣка съ человѣкомъ: Т. Манлій, М. Валерій доказали своимъ примѣромъ, на сколько Римская доблесть выше слѣпаго бѣшенства Галловъ. Уже одинъ М. Манлій сбросилъ съ Капитолія Галловъ, поднимавшихся туда цѣлымъ строемъ. И предкамъ нашимъ приходилось имѣть дѣло съ настоящими Галлами, родившимися въ ихъ отечествѣ; а это ужь выродки помѣсь, по справедливости ихъ называютъ Галло-греками. Точно такъ относительно плодовъ и животныхъ, развѣ мы невидимъ, что не столько значатъ сѣмена и для сохраненія первоначальной природы, сколько измѣняются они подъ вліяніемъ свойствъ почвы и климата, подъ которымъ произрастаютъ. Македоняне, имѣя колоніи въ Александріи Египетской, въ Селевкіи и Вавилонѣ и многія другія, разсѣянныя по лицу земному — не переродились ли въ Сиріянъ, Пареовъ, Египтянъ? Массилія, вслѣдствіе своего положенія среди Галловъ, незаимствовала ли въ нѣкоторой степени характера сосѣдей. У Тарентинцевъ что сохранилось изъ суроваго и безчеловѣчнаго характера ученія Спартанскаго? На своей родной почвѣ все болѣе вѣрно первобытному характеру; насажденное же на чужую почву заимствуетъ естественно и свойства той среды, откуда получаетъ питаніе. А потому вы — Фриговъ въ Галльскомъ вооруженіи, которое даже имъ въ тягость, точно такъ какъ вы уже поражали ихъ въ рядахъ войскъ Антіоха, и теперь побѣдители будете поражать побѣжденныхъ. Мною овладѣваетъ скорѣе опасеніе, какъ бы не пришлось намъ отъ этой войны мало славы, чѣмъ слишкомъ много бранныхъ трудовъ. Этихъ самыхъ Галловъ не разъ уже царь Атталъ поражалъ и обращалъ въ бѣгство. Не думайте, что только одни звѣри, будучи недавно пойманы, сначала сохраняютъ свою лѣсную дикость, но потомъ, будучи долго кормлены руками человѣческими, дѣлаются болѣе кроткими; не также ли точно мало по малу измѣняется и дикость людей? Не думаете ли вы, что эти Галлы таковы же точно, каковы были ихъ отцы и дѣды? Оставивъ отечество по не-

достатку земель, они вышли изъ него по почти неприступному берегу Иллирика; пройдя потомъ Пеонію и Ѳракію, и сражаясь съ самыми дикими народами, они заняли эти земли. Много вынесли они бѣдствій и ихъ, какъ бы ожесточенныхъ, приняла здѣшняя почва, обильная всякаго рода произведеніями. Плодородіе земли, умѣренный климатъ, мягкость нравовъ сосѣдей—мало по малу смягчили тѣ суровыя качества, которыя имѣли Галлы передъ приходомъ сюда. Но вамъ, по истинѣ сынамъ Марса—надобно какъ можно болѣе остерегаться и избѣгать соблазновъ Азіи. Наслажденія въ землѣ чуждой удивительно какъ дѣйствуютъ на ослабленіе силъ духа! Силенъ соблазнъ образа жизни и нравовъ сосѣдей! Благопріятно для насъ то обстоятельство, что Галлы, не обладая теперь далеко тою силою, какую имѣли прежде когда пришли, славу свою у Грековъ сохранили все туже, что и тогда. Побѣдивъ Галловъ, вы передъ союзниками будете имѣть такую же заслугу и славу, какъ если бы вы побѣдили Галловъ, оставшихся вполнѣ вѣрными своему коренному характеру».

18. Собраніе распущено; отправлены послы къ Епосогнату— одинъ изо всѣхъ князьковъ, онъ и оставался вѣренъ дружбѣ съ Евменомъ и отказалъ Антіоху въ вспомогательномъ войскѣ противъ Римлянъ. Въ первый день пришли къ рѣкѣ Аландру, а на другой къ селенію, называемому Тисконъ. Туда, съ просьбою о дружбѣ прибыли послы Ороандензевъ; имъ отдано приказаніе внесть двѣсти талантовъ; когда они просили дать знать объ этомъ домой, то имъ на то дана возможность. Отсюда консулъ повелъ войско къ Плитенду, потомъ лагерь раскинулъ у Алліатъ. Туда вернулись тѣ, что были посыланы къ Епосогнату и явились его послы, умоляя консула: не наступать войною на Тектосаговъ; онъ самъ, Епосогнатъ, отправится къ этому народу и склонитъ его къ повиновенію.» Это позволеніе дано князьку, а войско Римское поведено далѣе черезъ землю, такъ называемую Акилонъ (безлѣсную) и — по справедливости: она не только не производитъ деревьевъ, но ни даже кустарнику, и вообще ничего, чтобы годилось для топ-

лива; вмѣсто дерева жители употребляютъ коровій калъ. Когда Римляне стали лагеремъ у Кубалла, Галлогреческой крѣпости, явились съ большимъ шумомъ всадники непріятельскіе. Они своимъ быстрымъ нападеніемъ не только вкинули замѣшательство въ передовые посты непріятельскіе, но и нѣсколько воиновъ убили. Когда объ этой тревогѣ узнали въ лагерѣ, то конница Римская, кинувшись вдругъ изо всѣхъ воротъ, разбила Галловъ и обратила ихъ въ бѣгство съ потерею непріятеля нѣсколькихъ человѣкъ убитыми. Консулъ, видя, что пришли въ землю непріятельскую, шелъ далѣе, производя предварительно рекогносцировки, и войско старательно держа въ строгомъ порядкѣ. Когда постоянными переходами пришелъ онъ къ рѣкѣ Сангарію, то, не видя нигдѣ возможности перейдти въ бродъ рѣшился устроить мостъ. Сангарій течетъ изъ горы Адорея черезъ Фригію, и у Виѳиніи сливается съ рѣкою Тимбретомъ: отсюда, наполнясь водою уже вдвое противъ прежняго, течетъ по Виѳиніи, и впадаетъ въ Пропонтиду. Рѣка эта не столько замѣчательна своею величиною, сколько тѣмъ, что доставляетъ прибрежнымъ жителямъ огромное количество рыбы. Когда Римляне, окончивъ мостъ, шли ея берегомъ, то выбѣжали имъ на встрѣчу изъ Пессинунта (жрецы) Галлы Великой Матери, съ своими значками; провозвѣщали они вдохновенными стихами, что Богиня откроетъ Римлянамъ дорогу къ войнѣ и дастъ побѣду и власть надъ этимъ краемъ. Консулъ сказалъ, что принимаетъ это прорицаніе за хорошій знакъ, и сталъ лагеремъ на этомъ самомъ мѣстѣ. На другой день пришелъ онъ въ Гордій; городъ этотъ не великъ, но составляетъ болѣе славное и многолюдное средоточіе торговли, чѣмъ сколько можно ожидать отъ его средиземнаго положенія. Почти въ равномъ отъ него разстояніи находятся три моря: Геллеспонтъ, (Черное) море у Синопа, и море противуположнаго берега, по которому живутъ приморскіе Киликійцы. Кромѣ того городъ этотъ прилежитъ къ границамъ (земель) многихъ значительныхъ народовъ и ихъ взаимная потребность условила средоточіе торговли въ этомъ самомъ мѣстѣ. Городъ, тогда опустѣвшій вслѣдствіе бѣгства

жителей, нашли Римляне полнымъ запасами всякаго рода. Когда они стояли здѣсь на постоянныхъ квартирахъ, пришли послы отъ Епосогната съ извѣстіемъ: «ѣздилъ онъ къ Галльскимъ князькамъ, но не добился никакихъ справедливыхъ условій; Галлы изъ открытыхъ селъ и полей перебираются во множествѣ, и вмѣстѣ съ женами и дѣтьми и всѣмъ, что могутъ взять и погнать съ собою, удаляются на гору Олимпъ, унося свои пожитки и гоня скотъ; тамъ думаютъ они найдти защиту въ оружіи и условіяхъ мѣстности.

19. Болѣе вѣрныя извѣстія принесли послы Ороандензевъ: «общество Толистобоіевъ заняло Олимпъ; отдѣлясь отъ нихъ, Тектосаги отправились къ другой горѣ, называемой Магаба. Трокты, оставивъ у Тектосаговъ своихъ женъ и дѣтей, положили со всѣми вооруженными воинами подать помощь Толистобоіямъ». Въ то время царьками у этихъ трехъ народовъ были: Ортіагонъ, Комболомаръ и Гавлотъ. Въ своихъ соображеніяхъ руководствовались они преимущественно избраніемъ того образа военныхъ дѣйствій, что, занявъ самыя высокія горы этой стороны, свезли туда все, что нужно для ихъ употребленія на долгое время, и надѣялись утомить непріятеля продолжительностью отпора: «не дерзнетъ онъ — такъ полагали — гнаться за ними по мѣстамъ крутымъ и при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ; а если бы и попытался, то задержать его и сбросить будетъ достаточно и небольшаго отряда. И пребывая у подошвы горъ холодныхъ, не станутъ Римляне покойно переносить холодъ и недостатки всякаго рода. Не смотря на то, что самая возвышенность мѣстности служила имъ защитою, Галлы вершины занятыхъ ими холмовъ, обнесли рвомъ и другими укрѣпленіями. Менѣе всего предстояло имъ заботы заготовить снаряды для бросанія издали: они полагали, что самая крутизна мѣстности доставитъ имъ въ избыткѣ камней для этой цѣли.

20. Консулъ, видя, что дѣло будетъ не въ рукопашномъ бою, а прійдется дѣйствовать на непріятеля издали, приказалъ заготовить огромное количество дротиковъ, копій, стрѣлъ, пра-

щей и большихъ камней, которые могли быть брошены пращнымъ же ремнемъ. Запасшись такимъ избыткомъ метательныхъ снарядовъ, онъ повелъ войско къ горѣ Олимпу и расположился лагеремъ почти въ четырехъ отъ нея миляхъ. На другой день выѣхалъ онъ съ четырьмя стами всадниковъ и Атталомъ осмотрѣть мѣстность горы и положенія Галльскаго лагеря. Непріятельская конница, вдвое сильнѣе численностью, вдругъ бросилась изъ лагеря и обратила Римлянъ въ бѣгство: у бѣгущихъ нѣсколько человѣкъ убито, а ранено много. На третій день консулъ выступилъ со всѣми силами для разузнанія мѣстности; ни одинъ изъ непріятелей не показался изъ за окоповъ, и потому съ полною безопасностью объѣхавъ гору, замѣтилъ—что съ южной стороны возвышенности состоятъ изъ земли и исподоволь покато спускаются въ долину; а къ сѣверу скалы возвышаются круто, почти отвѣсно и, при почти совершенной неприступности прочихъ мѣстъ, представляются три пути: одинъ по срединѣ горы, идетъ мѣстами воздѣланными, два по труднѣе съ зимняго восхода солнца и съ лѣтняго заката. Разсмотрѣвъ все это, онъ въ этотъ же день сталъ лагеремъ у самой подошвы горъ. На другой день, по принесеніи жертвъ, когда первыя изъ нихъ дали благопріятные признаки, онъ раздѣлилъ войско на три части и повелъ его къ непріятелю, а самъ, съ большою частью войскъ, пошелъ внутрь горъ тою дорогою, которая представляла наиболѣе удобствъ. Брату Л. Манлію велѣлъ онъ идти отъ зимняго восхода, пока позволитъ мѣстность совершать движеніе съ безопасностью: въ случаѣ же, если встрѣтятся мѣста опасныя и крутыя, то не бороться съ ихъ затруднительностью и не брать грудью крутизнъ, но стараться, пробираясь откосами горъ мало по малу, по мѣстамъ невысокимъ и потомъ съ лѣтняго запада взобраться на нихъ съ войскомъ. И вспомогательное войска Аттала онъ раздѣлилъ на трое по ровнымъ частямъ, а съ собою онъ велѣлъ быть самому молодому человѣку; конницу, а также и слоновъ, онъ оставилъ вблизи на равнинѣ, прилежащей къ холмамъ. Префектамъ дано приказаніе: слѣдить со вниманіемъ за всѣмъ, что гдѣ либо произой-

детъ, и спѣшить оказывать немедленно помощь по требованію обстоятельствъ.

21. Галлы, бывъ убѣждены, что съ обоихъ боковъ они достаточно безопасны вслѣдствіе неприступной мѣстности, со стороны, обращенной къ полудню, съ цѣлью загородить оружіемъ дорогу, послали занять холмъ, возвышавшійся надъ нею въ разстояніи отъ лагеря менѣе тысячи шаговъ — почти четыре тысячи вооруженныхъ воиновъ; такъ они надѣялись, какъ бы живымъ укрѣпленіемъ, преградить путь. Увидавъ это, Римляне приготовились къ сраженію. Впереди знаменъ въ небольшомъ разстояніи идутъ велиты (легко вооруженные воины) и Атталовы Критскіе стрѣлки, пращники, Траллы и Ѳраки: пѣхотинцы, подъ своими значками, вслѣдствіе неровной мѣстности, двигаются впередъ тихимъ шагомъ, и такъ держатъ передъ собою щиты, чтобы только уклоняться отъ метательныхъ снарядовъ, съ явнымъ расчетомъ повидимому не вступать въ рукопашный бой. Издали завязалось сраженіе бросаніемъ разныхъ снарядовъ, сначала при равныхъ съ обѣихъ сторонъ условіяхъ: за Галловъ была мѣстность, а за Римлянъ разнообразіе и обиліе оружія, но чѣмъ далѣе тянулась борьба, тѣмъ болѣе неравною она становилась. Длинные щиты Галловъ, мало приспособленные въ ширину для закрытія громадныхъ тѣлъ, притомъ же совершенно плоскіе, плохо прикрывали ихъ. Другаго же оружія у нихъ не было, кромѣ мечей, а они оставались совершенно безполезными по не желанію Римлянъ вступать въ рукопашный бой. Употребляли они въ дѣло камни не приспособленные величиною, такъ какъ заблаговременно ихъ заготовлено не было, но какіе кому въ торопяхъ попадались подъ руку; притомъ, по непривычности для нихъ этого дѣла, не хватало у нихъ ни искусства, ни силъ для настоящаго удара. Со всѣхъ сторонъ въ Галловъ, не принявшихъ никакихъ мѣръ предосторожности, летѣли стрѣлы, копья, дротики; не понимали они что тутъ и дѣлать: отуманенныхъ страхомъ и раздраженіемъ, въ расплохъ засталъ этотъ родъ битвы, на который они менѣе всего способны. Дѣйствуя вблизи, когда пред-

ставляется возможность взаимно и получать раны, и наносить ихъ, мужество ихъ увеличивается раздраженіемъ; а когда раны получали они издали, почти невидя непріятеля, легкимъ оружіемъ нанесенныя и нѣнакого было излить имъ свое раздраженіе дружнымъ нападеніемъ, то, какъ раненые звѣри въ иступленіи, метались они другъ на друга. Раны тѣмъ виднѣе были, что Галлы сражаются голые, а тѣла имѣютъ полныя и бѣлыя, такъ какъ они иначе, какъ въ сраженіи, никогда ихъ не обнажаютъ вслѣдствіе полноты тѣла, и кровь лилась больше, да и раны казались отвратительнѣе: на бѣломъ тѣлѣ ярче означались пятна темной крови. Нестолько обращаютъ вниманія Галлы на открытыя раны: нерѣдко они сами насѣкаютъ себѣ кожу и съ раною болѣе широкою, чѣмъ глубокою, вступать въ бой считаютъ себѣ за большую честь. Они же, когда остріе стрѣлы или пращи, скрывшись внутрь, въ маленькой повидимому ранкѣ, производитъ боль, стараются выдернуть, но не находятъ возможности (оно тамъ остается). Бѣшенство и стыдъ, вслѣдствіе сознанія гибели отъ столь ничтожной ранки, овладѣваютъ ими и они бросаются на землю, которая въ разныхъ мѣстахъ и была услана ихъ тѣлами. Другіе бросались на врага, и дѣлались жертвою со всѣхъ сторонъ летѣвшихъ стрѣлъ; а если и подходили близко, то велиты доканчивали ихъ мечами. Эти воины имѣютъ щиты круглые, величиною въ три локтя, въ правой рукѣ копья, которыми дѣйствуютъ издали; за поясами ихъ Испанскіе мечи, такъ что когда имъ приходится вступать въ рукопашный бой, то, перенеся копья въ лѣвую руку, извлекаютъ они мечи. Немного уже оставалось Галловъ; они, видя себя побѣжденными легко вооруженными войсками, и то, что значки легіоновъ приближаются, пустились бѣжать къ лагерю въ разсыпную. Тамъ (въ лагерѣ) господствовали уже смятеніе и ужасъ: женщины, дѣти и прочая безоружная толпа наполняли лагерь смѣшанными толпами. Римляне побѣдители заняли холмы, оставленные бѣжавшимъ непріятелемъ.

22. Около того же времени Л. Манлій и Гельвій, поднимавшіеся на горы, пока это возможно было наискось по покатостямъ холмовъ; достигнувъ наконецъ неудобопроходимыхъ мѣстъ, повернули въ ту сторону горъ, гдѣ только въ одномъ мѣстѣ возможно было движеніе. И тотъ и другой послѣдовали за войскомъ консула съ небольшимъ промежуткомъ, какъ бы условясь за ранѣе; самая крайность заставила ихъ поступить такъ, какъ дѣйствовать и сначала могло быть только наилучшимъ. При весьма неблагопріятныхъ условіяхъ мѣстности, помощь этихъ боковыхъ отрядовъ была нерѣдко весьма полезна; такъ что если иногда первые ряды и бывали отброшены, то вторые и прикрывали смятыхъ, и съ свѣжими силами возобновляли бой. Консулъ, когда первые значки легіоновъ достигли холмовъ, взятыхъ легко вооруженными воинами, отдалъ приказаніе воинамъ ненадолго остановиться и отдохнуть. Тутъ же, указывая имъ, на валявшіяся по холмамъ, тѣла Галловъ, сказалъ: «если легковооруженные воины произвели такое побоище, то чего надобно ожидать отъ легіоновъ, отъ настоящаго хорошаго оружія и отъ доблести храбрѣйшихъ воиновъ? Необходимо имъ теперь взять лагерь, въ которомъ трепещетъ непріятель, загнатый туда легковооруженными войсками». Впрочемъ, впередъ идти приказываетъ все таки легковооруженнымъ воинамъ: они, пока останавливалось войско, и это самое время провели непраздно—собирая по холмамъ стрѣлы и проч. для того, чтобы не было недостатка въ метательныхъ снарядахъ. Уже они подходили къ лагерю, и Галлы, не надѣясь вполнѣ на одни укрѣпленія, съ оружіемъ въ рукахъ стали передъ валомъ. Осыпанные тутъ всякаго рода метательными снарядами, которыя чѣмъ многочисленнѣе были Галлы и гуще толпы ихъ, тѣмъ менѣе могли пролетать безъ пользы, въ одну минуту сбиты и отброшены внутрь окоповъ; только у воротъ оставлены сильные отряды для прикрытія. Въ толпы, стѣснившіяся въ лагерѣ, брошено огромное количество метательныхъ снарядовъ. О множествѣ нанесенныхъ ими ранъ ясно говорили крики, перемѣшанные съ плачемъ женъ и дѣтей. Въ тѣхъ, которые составляли охранительные посты передъ воротами, передніе ряды легіоновъ бросили дротики. Ранъ они не наносили,

но пробивъ нѣсколько щитовъ, разомъ много Галловъ скрѣпляли другъ съ другомъ. Долѣе они не выдержали нападенія Римлянъ.

23. Ворота были отворены, прежде чѣмъ ворвались побѣдители, и Галлы бросились бѣжать во всѣ лагерныя ворота. Слѣпо бросаются они и тамъ, гдѣ есть дорога и гдѣ ее нѣтъ: никакія крутыя скалы, никакіе обрывы ихъ не задерживаютъ: страхъ передъ непріятелемъ пересиливаетъ всякой другой. Многіе, упавъ сами или бывъ брошены съ чрезвычайной вышины, лишились жизни. Консулъ, взявъ лагерь, удержалъ воиновъ отъ грабежа и захвата добычи, но каждому порознь и всѣмъ вмѣстѣ велѣлъ слѣдовать за собою, догонять непріятеля, и еще болѣе устрашать его и безъ того пришедшаго въ ужасъ. Пришло и другое отдѣленіе войска: то, которое было съ Л. Манліемъ; и ему консулъ не далъ войдти въ лагерь, а прямо послалъ преслѣдовать непріятелей, и немного спустя самъ послѣдовалъ за ними, ввѣривъ военнымъ трибунамъ обереженіе плѣнныхъ. Онъ полагалъ, что война приведется къ концу однимъ ударомъ, если, пользуясь ужасомъ непріятелей, какъ можно больше ихъ будетъ убито или взято въ плѣнъ. По выступленіи консула прибылъ К. Гельвій съ третьимъ отрядомъ: онъ не былъ въ силахъ удержать своихъ воиновъ отъ разграбленія лагеря, и — что было въ высшей степени несправедливо — добыча досталась именно тѣмъ, кто и въ сраженіи не былъ. Всадники долго стояли, незная ни о сраженіи, ни о побѣдѣ своихъ соотчичей; а потомъ и сами, насколько силы достало у ихъ коней, разсѣянныхъ бѣгствомъ Галловъ, нагнавъ у подошвы горъ, частью избили, а частью взяли въ плѣнъ. Число убитыхъ опредѣлить весьма затруднительно, такъ какъ на далекое пространство, по всѣмъ извилинамъ горъ, Галлы были и преслѣдуемы и избиваемы; не мало ихъ погибло, падая въ крутизнахъ непреступныхъ мѣстъ; много избито по лѣсамъ и кустамъ. Клавдій пишетъ, что два раза происходило сраженіе на горѣ Олимпѣ, и что потеря непріятелей въ этихъ сраженіяхъ простирается до сорока тысячь убитыми. Валерій Антіатъ, въ другихъ случаяхъ болѣе неумѣрен-

ный въ увеличеніи цифръ, на этотъ разъ исчисляетъ всего не болѣе десяти тысячь. Число плѣнныхъ простиралось безъ всякаго сомнѣнія до сорока тысячь: такъ какъ Галлы влекли съ собою толпы людей всякаго рода и возраста, походя въ этомъ скорѣе на переселяющихся, чѣмъ на идущихъ воевать. Консулъ, собранное въ одну кучу, непріятельское оружіе сжегъ, а остальную добычу велѣлъ воинамъ всю снести, и частью продалъ, сколько изъ оной слѣдовало въ общественное казнохранилище, частью распредѣлилъ между воинами, тщательно заботясь о справедливости дѣлежа. Въ обращенной къ воинамъ рѣчи онъ ихъ всѣхъ похвалилъ и подарилъ по мѣрѣ заслугъ каждаго, а болѣе всѣхъ Аттала, при общемъ всѣхъ одобреніи. По истинѣ удивительная была и доблесть, и усердіе этого молодаго человѣка во всѣхъ трудахъ и опасностяхъ, а также и скромность его.

24. Война съ Тектосагами оставалась еще непочатою. Консулъ выступилъ къ нимъ и третьимъ переходомъ пришелъ въ Анкиру, городъ въ этомъ краю довольно извѣстный. Непріятели стояли въ разстояніи оттуда немного болѣе десяти миль. Между тѣмъ какъ войско Римское здѣсь стояло, одна плѣнная совершила дѣло достойное памяти. Жена царька Ортіагонта, очень красивая женщина, въ числѣ прочихъ плѣнныхъ находилась подъ стражею, начальникомъ которой былъ сотникъ, человѣкъ корыстолюбія и похотливости, истинно солдатскихъ. Сначала хотѣлъ было онъ подѣйствовать на ея сердце, но видя, что она съ ужасомъ отвращается отъ прелюбодѣянія по согласію, употребилъ насиліе надъ тѣломъ, судьбою отданнымъ ему въ рабство. Потомъ, желая смягчить всю жестокость обиды, подалъ ей надежду вернуться къ своимъ; да и этого, хоть и любовникъ, не хотѣлъ сдѣлать даромъ. Условился онъ на извѣстномъ количествѣ золота и чтобы никто изъ его сослуживцевъ этого не зналъ, онъ позволилъ ей одного изъ плѣнныхъ по ея выбору послать къ своимъ съ извѣстіемъ. Мѣсто назначилъ подлѣ рѣки, и туда двое — не болѣе — родственниковъ плѣнной должны были въ слѣдующую ночь прійдти съ золотомъ и при-

нять ее. Случилось, что рабъ этой женщины находится въ числѣ плѣнныхъ этого же отдѣленія. Съ наступленіемъ потемокъ сотникъ вывелъ этого посланца за передовые посты. Въ послѣдовавшую затѣмъ ночь пришли на условленное мѣсто и два родственника женщины, и сотникъ съ плѣнною. Пока они показывали золото, что оно дѣйствительно заключаетъ въ себѣ сумму Аттическаго таланта, сколько именно условились; женщина отдала приказаніе на своемъ родномъ языкѣ: «извлечь мечь и убить сотника, вѣшавшаго золото». Отрубленную голову убитаго она понесла, завернутую въ платье и пришла къ мужу своему Ортіагонту, а онъ отъ Олимпа бѣжалъ домой. Прежде чѣмъ обнять его, она бросила къ его ногамъ голову сотника и когда тотъ удивился, чья это голова, и что это за поступокъ вовсе не женскій, то она призналась мужу въ оскорбленіи, ея тѣлу нанесенномъ и въ мщеніи за отнятую насиліемъ стыдливость. И, если вѣрить преданію, она чистотою и строгостью послѣдующей жизни до ея конца сохранила честь этого доблестнаго для женщины дѣла.

25. Въ лагерь консула у Анциры явились къ нему послы Тектосаговъ; они просили—не прежде двинуться въ дальнѣйшій походъ отъ Анциры, какъ переговоривъ съ ихъ царями: нѣтъ условій мира, которыя не были бы для нихъ лучше войны. Время условлено на слѣдующій день, а мѣсто полюбилось какъ можно болѣе на серединѣ между лагеремъ Галловъ и Анцирою. Когда въ назначенное время прибылъ туда консулъ съ отрядомъ въ пять сотъ всадниковъ, а изъ Галловъ никого не явилось, то онъ вернулся въ лагерь. Пришли снова прежніе послы съ извиненіемъ, что, по религіознымъ соображеніямъ, цари не могутъ явиться, а придутъ старѣйшины народа, съ которыми все равно вести дѣло. Консулъ сказалъ, что онъ также пошлетъ Аттала; на это совѣщаніе явились обѣ стороны. Атталъ для обереженія привелъ съ собою триста всадниковъ; условія мира тутъ набросаны; а какъ дѣло привести къ концу было невозможно въ отсутствіи главныхъ вождей, то и условились, чтобы на другой день консулъ и цари имѣли свиданіе въ этомъ

мѣстѣ. Обманъ Галловъ имѣлъ ту цѣль: первое — протянуть время пока они имущество свое, котораго подвергнуть опасности не хотѣли, переправятъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми по ту сторону рѣки Галиса; потомъ они замышляли устроить засаду консулу, принявшему мало мѣръ осторожности противъ возможнаго на свиданіи обмана. На это дѣло избрали они изо всего числа воиновъ тысячу всадниковъ испытанной смѣлости. И удался бы коварный обманъ непріятелей, если бы счастіе не постояло за народное право, которое нарушить замыселъ приводился было въ исполненіе. Римскіе воины, отправившіеся за фуражомъ и дровами, поведены въ ту сторону, гдѣ назначено совѣщаніе. Трибуны считали это безопаснѣе, такъ какъ тутъ будетъ и противуставленъ непріятелю консульскій отрядъ, да и ихъ собственный на караулѣ. Свой другой постъ, изъ шести сотъ всадниковъ, они поставили ближе къ лагерю. Консулъ, получивъ отъ Аттала завѣреніе, что цари придутъ и что дѣло можетъ совершиться, выступилъ изъ лагеря и когда съ тѣмъ, что и прежде, отрядомъ всадниковъ выступилъ впередъ почти на пять миль, и находился уже не въ дальнемъ разстояніи отъ условленнаго мѣста, вдругъ увидалъ, что Галлы приближаются во весь опоръ съ непріязненными намѣреніями. Остановилъ онъ отрядъ и приказавъ всадникамъ собраться съ духомъ и изготовить оружіе, сначала твердо вступилъ въ бой и не отступалъ; но когда непріятель сталъ тѣснить численностью, то началъ отступать исподоволь безо всякаго разстройства рядовъ въ эскадронахъ. Наконецъ, когда ужь опаснѣе было замедленіе, чѣмъ полезнѣе строгое соблюденіе рядовъ, то всѣ разомъ обратились въ бѣгство въ разсыпную. Тутъ Галлы стали преслѣдовать бѣгущихъ и избивать; много бы погибло, еслибы не подоспѣлъ отрядъ фуражировщиковъ изъ шести сотъ человѣкъ, стоявшій на караулѣ. Они, услыхавъ издали крики ужаса своихъ соотечественниковъ, изготовили оружіе и коней, и съ свѣжими силами вступили въ бой, почти уже проигранный. Тутъ вдругъ повернулось счастіе, и ужасъ отъ побѣжденныхъ перешолъ на побѣдителей. Первою аттакою Галлы обращены въ

бѣгство, и съ полей сбѣгались фуражировщики, и отовсюду являлись передъ Галлами новые непріятели. Даже бѣгство для Галловъ не было ни легко, ни безопасно: Римляне на свѣжихъ коняхъ гнались за утомленными. А потому немногіе убѣжали, и ни одинъ не взятъ, а гораздо значительнѣйшая часть заплатили жизнью за святость нарушенныхъ переговоровъ. Римляне, пылая гнѣвомъ, на другой день со всѣми войсками, подошли къ непріятелю.

26. Консулъ провелъ два дня, лично самъ изслѣдуя мѣстность горъ, какъ бы чего неизвѣстнаго не оказалось. На третій день сначала занялся онъ гаданіемъ, потомъ принесеніемъ жертвъ, а затѣмъ вывелъ войска, раздѣливъ ихъ на четыре части: съ тѣмъ чтобы двѣ вести по серединѣ горъ, а двѣ съ боковъ поднять на высоты противъ фланговъ Галльскихъ. Главная сила непріятелей: Тектосаги и Трокмы занимали середину боеваго строя, въ числѣ пятидесяти тысячь человѣкъ; всадники—такъ какъ невозможно быво дѣйствовать лошадьми вслѣдствіе неровностей скалистой мѣстности, спѣшились – десять тысячь человѣкъ ихъ помѣстились на правомъ крылѣ. Каппадоки Аріарата и вспомогательныя войска Морза, на лѣвомъ крылѣ, составляли почти четыре тысячи. Консулъ, также какъ и на горѣ Олимпѣ поставилъ въ первомъ ряду легковооруженныхъ воиновъ и озаботился, чтобы и тутъ подъ руками было большое количество оружія всякаго рода. Когда оба войска сошлись, то все съ обѣихъ сторонъ было одинаково, что и въ первомъ сраженіи, кромѣ расположенія умовъ: побѣдители отъ успѣха возгордились, а побѣжденные, вслѣдствіе пораженія, упали духомъ. Хотя они и не сами потерпѣли пораженіе, но бѣдствіе, постигшее соотечественниковъ, считали за собственное; такимъ образомъ дѣло, начатое одинаковымъ образомъ, должно было и кончиться такимъ же. Ряды Галловъ засыпаны были, какъ градомъ, разными метательными снарядами: никто изъ Галловъ не смѣлъ броситься впередъ, такъ какъ онъ былъ бы со всѣхъ сторонъ обнаженъ для ударовъ. Оставаясь же на мѣстѣ они, чѣмъ стояли тѣснѣе, тѣмъ болѣе подвергались ударамъ

попадавшимъ какъ бы въ вѣрную цѣль. Консулъ, видя, что Галлы уже и такъ пришли въ замѣшательство, полагалъ, что лишь только покажутся значки легіоновъ, какъ тотчас всѣ пустятся бѣжать, принявъ внутрь рядовъ — велитовъ и толпы прочихъ вспомогательныхъ войскъ — двинулъ строй впередъ.

27. Галлы, оробѣвъ отъ воспоминанія о пораженіи Толистобоіевъ, переранённые легкимъ непріятельскимъ оружіемъ чувствуя утомленіе и оттого, что долго оставались на своихъ мѣстахъ, и отъ ранъ, не выдержали и первой аттаки и военнаго крика Римлянъ. Бѣгство приняло направленіе преимущественно къ лагерю, но немногіе нашли убѣжище за окопами, а большая часть, забравъ одни вправо, другіе влѣво, увлеченные первымъ порывомъ, бѣжали куда пришлось. Побѣдители преслѣдовали до лагеря, поражая задніе ряды непріятельскіе: потомъ они остановились въ лагерѣ изъ жадности къ добычѣ, и вовсе отказались отъ преслѣдованія. На флангахъ Галлы оставались долѣе, такъ какъ къ нимъ позднѣе подошли Римляне; впрочемъ они не выдержали и перваго полета стрѣлъ. Консулъ, не будучи въ состояніи воиновъ, уже проникшихъ въ лагерь—воздержать отъ расхищенія, войска, находившіяся на флангахъ, послалъ немедленно въ погоню за непріятелемъ. Преслѣдуя на нѣкоторое разстояніе, они убили во время бѣгства (а сопротивленія никакого не было) не болѣе восьми тысячь человѣкъ; остальные ушли за рѣку Галисъ. Большая часть Римлянъ провели эту ночь въ лагерѣ непріятельскомъ; остальныхъ консулъ отвелъ въ свой лагерь. На другой день онъ привелъ въ извѣстность плѣнныхъ и добычу; она была столь велика, какую только могъ собрать народъ, въ высшей степени алчный къ грабежу, въ теченіи длиннаго ряда годовъ хозяйничая съ оружіемъ въ рукахъ по сю сторону Тавра. Галлы, собравшись въ одно мѣсто послѣ бѣгства гдѣ куда пришлось, большою частью раненые или безоружные, лишась всего своего достоянія, отправили къ консулу уполномоченныхъ молить о мирѣ. Имъ Манлій велѣлъ прибыть въ Ефесъ; а самъ (была уже половина осени) спѣша оставить мѣста холодныя вслѣдствіе

Книга 38

близости Тавра, побѣдоносное войско увелъ зимовать на прежнія мѣста на берегахъ моря.

28. Пока это происходило въ Азіи, въ прочихъ областяхъ все было спокойно. Цензоры въ Римѣ, Т. Квинкцій Фламининъ и М. Клавдій Марцеллъ, перебрали сенатъ. Старѣйшиною сената выбранъ въ третій разъ П. Сципіонъ Африканъ: только четыре сенатора исключены, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не достигалъ курульныхъ должностей. Да и при перечисленіи всадниковъ цензура была очень снисходительна. Эти цензоры назначили произвесть надстройку надъ Эквимеліемъ въ Капитоліѣ, и вымостить камнемъ дорогу отъ Капенскихъ воротъ къ храму Марса. Спросили они мнѣнія сената о томъ, гдѣ произвесть перечисленіе Кампанцовъ; положено произвесть его въ Римѣ. Въ этомъ году было огромное наводненіе. Двенадцать разъ Тибръ заливалъ Марсово поле и низменныя части города. Когда консулъ Кн. Манлій окончилъ въ Азіи войну съ Галлами, то другой консулъ М. Фульвій, принудивъ Этоловъ къ покорности, переправился въ Кефалонію. Онъ послалъ по городамъ и островамъ узнать: чего они лучше желаютъ—покориться ли Римлянамъ или испытать военнаго счастія? Страхъ подѣйствовалъ такъ сильно, что ни одинъ не отказалъ въ повиновеніи. Вслѣдъ за тѣмъ выставлены заложники, число которыхъ опредѣлено соразмѣрно съ незначительными силами народа, а именно двадцать заложниковъ дали Незіоты, Краніи, Палензы и Самеи. Неожиданный миръ блеснулъ было Кефалоніи, какъ вдругъ одинъ городъ, а именно Самеевъ, неизвѣстно по какой причинѣ, отпалъ. Такъ какъ городъ находится на весьма благопріятномъ мѣстѣ, то жители выразили опасеніе, какъ бы Римляне не заставили ихъ выселиться. Впрочемъ, сами ли они придумали себѣ это опасеніе, или изъ ложнаго страха нарушили спокойствіе, или можетъ быть дошелъ до нихъ слухъ, что объ этомъ дѣйствительно была рѣчь у Римлянъ, навѣрное ничего неизвѣстно; развѣ только то, что они, уже давъ заложниковъ, вдругъ заперли ворота и даже мольбами воихъ соотечественниковъ (консулъ выслалъ заложниковъ къ стѣнамъ города для того, чтобы подѣйствовать на состраданіе родныхъ

и согражданъ) не могли быть убѣждены—оставить свой замыселъ. За тѣмъ, когда отъ жителей никакого миролюбиваго отвѣта не получили, городъ подвергся нападенію. Консулъ—весь запасъ машинъ и орудій имѣлъ уже перевезеннымъ отъ Амбракіи по снятіи съ нея осады; всѣ необходимыя работы воины произвели весьма дѣятельно. Такимъ образомъ въ двухъ мѣстахъ придвинутыя стѣнобитныя орудія потрясали стѣны.

29. Да и Самеи не упустили ничего, чѣмъ могли противудѣйствовать или непріятелю или осаднымъ работамъ. Двумя впрочемъ предметами оказывали они наиболѣе сильное сопротивленіе: однимъ—они постоянно извнутри вмѣсто разрушенной новую возводили стѣну, вторымъ—внезапными вылазками то на работы непріятелей, то на ихъ передовые посты: и по большей части въ этихъ стычкахъ они имѣли верхъ. Противъ нихъ придумано одно обстоятельство само по себѣ не очень важное. Вызваны сто пращниковъ изъ Егія, Патраса и Дымъ. Съ дѣтства жители этихъ городовъ навыкаютъ—небольшіе камни, которыми весь берегъ морской покрытъ, перемѣшанными съ пескомъ, бросать пращами въ открытое море. Вслѣдствіе этого они дѣйствуютъ пращею и на болѣе дальнее разстояніе, и вѣрнѣе и сильнѣе ихъ ударъ, чѣмъ Балеарскихъ пращниковъ. И ремень у нихъ не простой, какъ у пращниковъ Балеарскихъ и другихъ народовъ, а тройной, скрѣпленный частыми швами, такъ что праща, когда опускаютъ ремень, не болтается, а сидя крѣпко на мѣстѣ, пущенная съ размаху, вылетаетъ съ такою силою, какъ бы стрѣла спущенная съ тетивы. Привыкнувъ попадать съ дальняго разстоянія въ вѣнки небольшаго размѣра, они не только ранятъ непріятелей въ голову, но въ какое вздумаютъ мѣсто лица. Эти пращники пріостановили Самейцевъ—не такъ часто, и не такъ дерзко стали они бросаться на вылазки, до того что они со стѣнъ просили Ахейцевъ—не много отступить и покойно смотрѣть, какъ они будутъ сражаться съ Римскими постами. Четыре мѣсяца Саме выдерживалъ осаду: и изъ безъ того незначительнаго числа жителей каждый день кто нибудь или падалъ мертнымъ, или былъ раненъ; да и остальные были утом-

лены и тѣломъ и духомъ. Римляне ночью, черезъ укрѣпленіе, называемое Ціатидою (городъ, спускаясь къ морю, обращенъ къ востоку) перелѣзли стѣну и пришли на главную площадь. Самеи, узнавъ, что часть города уже занята непріятелемъ, съ женами и дѣтьми удалились въ главное укрѣпленіе. Тутъ они сдались на другой день; городъ былъ разграбленъ, а жители проданы въ рабство съ публичнаго торга.

30. Консулъ, устроивъ дѣло въ Кефалоніи, оставилъ въ Самѣ гарнизонъ и переправился въ Пелопоннесъ, куда его давно уже звали, въ особенности Эгійцы и Лакедемоняне. Въ Эгій съ самаго начала Ахейскаго сейма, постоянно собирались народные сеймы или вслѣдствіе уваженія къ городу, или, можетъ быть, по удобству мѣстности. Обычай этотъ попытался было нарушить Филопеменъ первый разъ въ этомъ году: собрался онъ предложить законъ, чтобы сеймы собирались по очередно во всѣхъ городахъ, принадлежащихъ къ Ахейскому сейму. Къ прибытію консула, Филопеменъ (въ то время онъ былъ преторомъ), даміургамъ городовъ — такъ называются у нихъ высшіе сановники,—ставшимъ было созывать въ Егій, велѣлъ объявить сеймъ въ Аргосѣ. Такъ какъ почти ясно было, что всѣ туда явятся, то и консулъ, хотя и расположенъ былъ больше въ пользу Эгіевъ, прибылъ въ Аргосъ: когда тутъ произошелъ споръ и дѣло Эгійцевъ склонилось къ проигрышу, то и консулъ оставилъ свое намѣреніе. За тѣмъ Лакедемоняне отвлекли его къ своимъ распрямъ; гражданъ этого города озабочивали особенно изгнанники: большая часть ихъ жила въ приморскихъ крѣпостцахъ Лаконскаго берега, который весь былъ отнятъ. Ладемоняне терпѣли это съ большимъ неудовольствіемъ и, желая гдѣ нибудь имѣть свободный доступъ къ морю на случай отправленія пословъ въ Римъ или другія мѣста, а также имѣть портъ для полученія заграничныхъ, необходимыхъ для ихъ употребленія, товаровъ; ночью напали они на приморское село, называемое Ланъ, и заняли его именно по неожиданности нападенія. Жители селенія и всѣ изгнанники, жившіе тамъ, сначала были устрашены неожиданностью такого случая; потомъ

къ свѣту они собрались, и безъ большой борьбы выгнали Лакедемонянъ. Не смотря на то, ужасъ все таки распространился по всему берегу; уполномоченныхъ сообща—какъ всѣ укрѣпленія и села, такъ и изгнанники, имѣвшіе тамъ осѣдлость,—послали къ Ахейцамъ.

31. Преторъ Филопеменъ съ самаго начала былъ расположенъ въ пользу дѣла изгнанниковъ и постоянно желалъ дѣйствовать на Ахейцевъ, чтобы они старались сколько возможно уменьшить силу и вліяніе Лакедемонянъ. Немедленно онъ созвалъ сеймъ выслушать жалобщиковъ, и по его докладу состоялся декретъ: «Такъ какъ въ распоряженіе и попеченіе Ахейцевъ передали Т. Квинкцій и Римляне укрѣпленія и села Лаконскаго берега и такъ какъ Лакедемоняне по союзному договору обязаны были ихъ не касаться, а между тѣмъ они напали на селеніе Ланъ и произвели тамъ убійства; то если виновники этого дѣла и прикосновенные къ нему, не будутъ выданы Ахейцамъ, это будетъ сочтено за нарушеніе мира. Съ такими требованіями немедленно отправлены въ Лакедемонъ послы. Это приказаніе показалось Лакедемонянамъ до того наглымъ и обиднымъ, что будь положеніе города такое какъ въ старину, то, нѣтъ никакого сомнѣнія, немедленно взялись бы за оружіе. Особенно сильно подѣйствовало на нихъ опасеніе: если разъ исполнятъ они первыя требованія, то навсегда подставятъ шею ярму, и какъ бы тогда Филопоменъ не передалъ—чего ужь онъ давно добивался — Лакедемонъ изгнанникамъ. А потому, внѣ себя отъ гнѣва, Лакедемоняне умертвили тридцать человѣкъ партіи, которая имѣла какое-либо общеніе совѣтовъ съ Филопеменомъ и съ изгнанниками и постановили опредѣленіе—отказаться отъ участія въ Ахейскомъ союзѣ и немедленно отправить пословъ въ Кефалонію съ тѣмъ, чтобы они отдали Лакедемонъ М. Фульвію и Римлянамъ и просили бы его—прибыть въ Пелопоннесъ и принять городъ Лакедемонъ въ полное распоряженіе народа Римскаго.

32. Когда послы Ахейцевъ принесли объ этомъ извѣстіе, то, съ согласія всѣхъ городовъ Ахейскаго союза, Лакедемоня-

намъ объявлена война. Зимнее время воспрепятствовало начать ее немедленно. Впрочемъ небольшими набѣгами, походившими болѣе на грабежи, чѣмъ на военныя дѣйствія, не только съ сухаго пути, но и съ моря на судахъ опустошали ихъ предѣлы. Эти смуты привели консула въ Пелопоннесъ; по приказанію его въ Елисъ созванъ сеймъ и Лакедемоняне приглашены на разбирательство. Не только не мало тамъ было разсужденій, но и споровъ. А консулъ, въ видахъ честолюбія желая угодить той и другой сторонѣ, давалъ отвѣтъ неопредѣленный и объявилъ только одно, чтобы они удержались отъ военныхъ дѣйствій, пока не пошлютъ въ Римъ пословъ къ Сенату. И та и другая сторона отправила посольство въ Римъ; Лакедемонскіе изгнанники свое дѣло и посольство препоручили Ахейцамъ. Діофанесъ и Ликортасъ, и тотъ и другой родомъ изъ Мегалополиса, стояли во главѣ Ахейскаго посольства. Будучи разныхъ мнѣній въ дѣлахъ общественныхъ, они и тутъ говорили рѣчи, не очень одна съ другою согласныя. Діофанесъ поручилъ сенату разбирательство всего дѣла, полагая, что онъ лучшимъ образомъ окончитъ несогласія между Ахейцами и Лакедемонянами. А Ликортасъ, дѣйствуя по наказу Филопемена, требовалъ, чтобы Ахейцамъ дозволено было дѣйствовать, руководясь союзнымъ договоромъ и законами, ими самими установленными; пусть Римляне предоставятъ имъ вполнѣ ту свободу, которой виновниками сами они были. Въ то время большимъ уваженіемъ у Римлянъ пользовался народъ Ахейцевъ: впрочемъ сенатъ заблагоразсудилъ—не опредѣлять ничего новаго относительно Лакедемонянъ. Отвѣтъ данъ такой двусмысленный, что и Ахейцы полагали, что имъ все дозволено относительно Лакедемонянъ, а Лакедемоне такъ объяснили отвѣтъ, что несовсѣмъ они отданы въ распоряженіе Ахейцевъ. Ахейцы воспользовались неумѣренно и жестоко предоставленнымъ имъ правомъ.

33. Филопемену продолженъ срокъ служенія; онъ въ началѣ весны собралъ войско и сталъ лагеремъ въ предѣлахъ Лакедемонянъ. Затѣмъ отправилъ онъ пословъ—требовать выдачи виновниковъ измѣны; онъ обѣщалъ, что въ случаѣ исполненія, городъ

останется въ покоѣ, да и выданныя ему, лица не будутъ осуждены невыслушанные. Общее молчаніе царствовало вслѣдствіе робости, овладѣвшей прочими гражданами, но означенные поименно для выдачи Филопеменомъ вызвались идти сами, получивъ отъ его пословъ честное слово, что насилія имъ не будетъ, пока не обсудится ихъ дѣло. Отправились и другіе лучшіе люди и для того чтобы говорить въ защиту обвиненныхъ, и потому что считали дѣло ихъ общимъ дѣломъ отечества. Доселѣ Ахейцы ни разу не приводили съ собою въ земли Лакедемонянъ ихъ изгнанниковъ, зная, что ничѣмъ они таки не могли оттолкнуть отъ себя расположеніе гражданъ; а тутъ первые ряды почти всего войска состояли изъ изгнанниковъ. Они толпами выбѣжали на встрѣчу Лакедемонянъ, когда они подходили къ лагернымъ воротамъ. Сначала осыпали они ихъ ругательствами; потомъ завязалась перебранка, раздраженіе все усиливалось и самые отчаянные изъ числа изгнанниковъ бросились на Лакедемонянъ. Тѣ призывали въ защиту и боговъ, и вѣрность даннаго послами слова; послы и преторъ усиливались отстранить толпу и защитить Лакедемонянъ; ужь онъ удержалъ нѣсколько человѣкъ, вязавшихъ было несчастныхъ; смятеніе и приливъ людей все увеличивались. Ахейцы прибѣжали было сначала какъ на зрѣлище; потомъ на крики изгнанниковъ о томъ, что они вытерпѣли, и звавшихъ на помощь—они вмѣстѣ съ тѣмъ утверждали: «другаго такого благопріятнаго случая, если этотъ пропустятъ, уже не будетъ; союзъ, освященный въ Капитоліѣ, Олимпіѣ, въ крѣпости Аѳинъ, ими поруганъ. Прежде чѣмъ обязать ихъ новымъ договоромъ, надобно наказать виновныхъ». Раздраженная такими рѣчами, толпа, по крику одного—бей ихъ—начала бросать каменья. Такимъ образомъ семнадцать человѣкъ, которымъ въ суматохѣ наброшены были оковы, умерщвлены: шестьдесятъ три на другой день схвачены — преторъ защитилъ ихъ отъ насилія не потому, чтобы онъ желалъ ихъ спасти, но не хотѣлъ дать имъ погибнуть, не сказавъ ничего въ свое оправданіе. Представленные на судъ раздраженной толпы, сказали они немногое – да и того не слушали—и за тѣмъ всѣ осуждены и переданы на казнь.

34. Наведя такой страхъ, Ахейцы потребовали сначала отъ Лакедемонянъ, чтобы они разрушили стѣны; а потомъ, чтобы всѣ иноземные вспомогательные воины, бывшие на содержанiи у державцевъ для веденiя войны, вышли изъ Лаконской земли, чтобы рабы, получившiе свободу отъ державцевъ, а ихъ было очень много, ушли къ назначенному дню, а которые останутся, тѣхъ Ахейцы въ правѣ схватить, продать и увесть. Законы и наставленiя Ликурга отмѣнить, а привыкать къ законамъ и установленiямъ Ахейскимъ: такимъ образомъ сдѣлаются они составными частями одного тѣла, и легче имъ будетъ тогда соглашаться во всѣхъ дѣлахъ. Съ величайшею готовностью разрушили они стѣны, но крайне имъ было непрiятно возвращенiе изгнанниковъ. Въ Тегеѣ, на общемъ сеймѣ Ахейцевъ, составилось опредѣленiе — возвратить ихъ въ отечество. Когда было упомянуто, что иноземныя вспомогательныя войска отпущены, а Лакедемонцы приписные (такъ звали освобожденныхъ державцами), оставивъ городъ, разсѣялись по полямъ, то опредѣлено: прежде чѣмъ распустить войско, преторъ съ легкими войсками долженъ отправиться, перехватить этого рода людей и продать ихъ какъ военную добычу. Много ихъ схвачено. На эти деньги, съ дозволенiя Ахейцевъ, въ Мегалополисѣ возобновленъ портикъ, разрушенный Лакедемонцами. Поле Бельбинатесъ, которымъ завладѣли несправедливо державцы Лакедемонянъ, возвращено тому же городу на основанiи стариннаго декрета Ахейцевъ, состоявшагося въ царствованiе Филиппа, Аминтова сына. Этимъ какъ бы обезсиленный, городъ Лакедемонянъ долго былъ въ зависимости Ахейцевъ. Впрочемъ, ничего такъ небыло вредно для Лакедемонянъ, какъ отмѣна установленнаго Ликургомъ порядка вещей, къ которому они привыкли въ продолженiи семисотъ лѣтъ.

35. Съ сейма, на которомъ у консула происходило разбирательство между Ахейцами и Лакедемонянами, М. Фульвiй отправился въ Римъ для выборовъ по случаю окончанiя года. Консулами назначилъ М. Валерiя Мессалу и К. Ливiя Салинатора, а М. Эмилiя Лепида, своего непрiятеля, домогавшагося и въ этомъ году, отвергъ. Вслѣдъ затѣмъ выбраны преторами: К. Марцiй

Филиппъ, М. Клавдiй Марцеллъ, К. Стертинiй, К. Атинiй, П. Клавдiй Пульхеръ, Л. Манлiй Ацидинъ. По окончанiи выборовъ, положено консулу М. Фульвiю возвратиться въ провинцiю къ войску; ему и товарищу его Кн. Манлiю власть продолжена на годъ. Въ этомъ году, въ храмѣ Геркулеса поставлено изображенiе этого бога вслѣдствiе отвѣта десяти сановниковъ, и въ Капитолiѣ поставлено П. Корнелiемъ позолоченное изображенiе шести коней въ запряжкѣ съ надписью, что даны они консуломъ. Двенадцать позолоченныхъ щитовъ курульными эдилями П. Клавдiемъ Пульхромъ и Сер. Сульпицiемъ Гальбою поставлены на деньги, взысканныя какъ штрафъ съ поставщиковъ хлѣба за скрытые ими запасы. Плебейскiй эдиль К. Фульвiй Флаккъ поставилъ двѣ позолоченныя статуи на деньги, взысканныя съ одного обвиненнаго (обвиняли они порознь). Товарищъ его А. Цецилiй никого не осудилъ. Игры Римскiя три раза, плебейскiя пять разъ въ полномъ составѣ совершены. М. Валерiй Мессала и К. Ливiй Салинаторъ, вступивъ въ консульство въ Мартовскiе Иды, доложили сенату, о положенiи общественныхъ дѣлъ, о провинцiяхъ и войскахъ. Относительно Этолiи и Азiи все осталось безъ перемѣны. Консуламъ — одному назначена Пиза съ землею Лигуровъ, а другому Галлiя провинцiею. Получили право разбираться между собою или по соглашенiю, или по жеребью, и приказанiе набрать въ новое войско два легiона; съ союзниковъ Латинскаго племени они должны были потребовать пятнадцать тысячъ пѣшихъ и тысячу двѣсти всадниковъ. Мессалѣ достались Лигуры, а Салинатору Галлiя; вслѣдъ затѣмъ преторы бросили между собою жребiй: М. Клавдiю досталось судопроизводство въ городѣ, П. Клавдiю — надъ чужестранцами. К. Марцiю досталась Сицилiя, К. Стертинiю — Сардинiя, Л. Манлiю — Испанiя ближняя, К. Атинiю — дальняя.

36. Относительно войскъ положено такъ: изъ Галлiи легiоны, бывшiе подъ начальствомъ К. Лэлiя, перевесть къ пропретору въ Бруттiи; войско, находившееся въ Сицилiи, распустить, а флотъ тамъ стоявшiй, М. Семпронiю пропретору отвести обратно въ Римъ. Для каждой изъ Испанiй положено по одному легiо-

ну, тѣ самые, которые уже находились въ тѣхъ провинціяхъ, и чтобы по три тысячи пѣшихъ, и по двѣсти всадниковъ оба претора вытребовали у союзниковъ для пополненія рядовъ, и перевезли съ собою. Прежде чѣмъ новые сановники отправились по своимъ провинціямъ, назначено Коллегіемъ децемвировъ трехдневное молебствіе на всѣхъ перекресткахъ вслѣдствіе того, что на разсвѣтѣ, между третьимъ и четвертымъ часомъ, сдѣлался было мракъ. Назначено—девятидневное священнодѣйствіе вслѣдствіе того, что въ Авентинѣ шелъ каменный дождь. Кампанцы, такъ какъ ихъ, вслѣдствіе сенатскаго декрета, состоявшагося въ прошломъ году, цензоры заставили являться для переписи въ Римъ (ранѣе не было приведено въ извѣстность гдѣ ихъ переписывать) просили о дозволеніи брать въ замужство гражданокъ Римскихъ, тѣмъ, которые женились до этого—оставить ихъ при себѣ, а дѣтей отъ нихъ, съ сего времени рожденныхъ, считать законными и имѣющими право наслѣдства. И то и другое имъ дозволено. О муниципіяхъ Форміанской и Фунданской, и относительно Арпинатъ К. Валерій Таппо, трибунъ народный, предложилъ—дать имъ право голоса (до сихъ поръ они имѣли права гражданство безъ права голоса). Этому предложенію воспротивились было четыре трибуна народныхъ, на томъ основаніи, что оно внесено къ народу, не бывъ доложено сенату; узнавъ же что народу, а не сенату, принадлежитъ—право давать голосъ кому хочетъ, отказались отъ противудѣйствія. Предложеніе прошло и постановлено, что Форміаны и Фунданы должны подавать голосъ въ Эмильской трибѣ, а Арпинаты въ Корнеліевой. И тутъ то они въ первый разъ и записаны въ тѣхъ трибахъ по Валеріеву предложенію. Цензоръ М. Клавдій Марцеллъ, получивъ по жеребью преимущество передъ Т. Квинкціемъ—составилъ перепись: оказалось гражданъ двѣсти пятьдесятъ восемь тысячъ триста восемьнадцать. По окончаніи переписи консулы отправились по провинціямъ.

37. Въ ту зиму, когда это происходило въ Римѣ, къ Кн. Манлію, сперва консулу, потомъ проконсулу, проводившему зиму въ Азіи, сходились отовсюду посольства ото всѣхъ городовъ и

народовъ, живущихъ по сю сторону Тавра и какъ для Римлянъ побѣда надъ царемъ Антіохомъ былъ громче и славнѣе, чѣмъ надъ Галлами, такъ союзникамъ побѣда надъ Галлами принесла гораздо болѣе радости, чѣмъ надъ Антіохомъ. Сноснѣе было рабство подъ властью царскою, чѣмъ звѣрство необразованныхъ варваровъ и постоянный ежедневный страхъ ожиданія, куда ихъ, какъ грозу, занесетъ жажда грабежа. А потому города, получивъ свободу съ пораженіемъ Антіоха, и миръ съ усмиреніемъ Галловъ, присылали не только поздравленія, но и золотые вѣнки, каждый по мѣрѣ своихъ средствъ. Пришли также послы отъ Антіоха и Галловъ выслушать условія мира, и отъ Аріарата, царя Каппадоковъ—просить прощенія, съ тѣмъ, чтобъ деньгами заплатить за свою вину—оказаніе пособія Антіоху вспомогательнымъ войскомъ. Шестьсотъ талантовъ серебра назначено пени съ Аріарата. Галламъ данъ отвѣтъ, что царь Евменъ, по прибытіи, предпишетъ имъ законы. Посольства городовъ отпущены съ самими благосклонными отвѣтами и ушли еще веселѣе, чѣмъ пришли. Посламъ Антіоха предписано выслать деньги и хлѣбъ въ Памфилію, сколько слѣдовало по договору съ Л. Сципіономъ; туда онъ прибудетъ съ войскомъ. Потомъ въ началѣ весны, произведя смотръ войску, онъ выступилъ и въ восьмой день прибылъ въ Апамею. Здѣсь, въ продолженіи трехъ дней, онъ стоялъ лагеремъ и третьимъ переходомъ отъ Апамеи достигъ въ Памфилію, куда велѣно было доставить царскіе—хлѣбы и деньги. Принято двѣ тысячи пятьсотъ талантовъ серебра и отвезено въ Апамею; хлѣбъ распредѣленъ войску. Оттуда повелъ его къ Пергу; въ этихъ мѣстахъ только этотъ одинъ городъ былъ еще занятъ царскимъ гарнизономъ. Начальникъ его вышелъ на встрѣчу приближавшемуся вождю Римскому и просилъ тридцатидневнаго срока для того, чтобы посовѣтоваться съ царемъ Антіохомъ относительно передачи города. Срокъ данъ и въ теченіи этого времени гарнизонъ вышелъ. Изъ Перги проконсулъ послалъ брата Л. Манлія съ четырьмя тысячами войновъ въ Ороанду—требовать остальныя деньги изъ тѣхъ, что были условлены, а самъ,

слыша, что царь Евменъ и десять пословъ прибыли изъ Рима въ Ефесъ, велѣлъ слѣдовать за собою посламъ Антіоха, и отвелъ войско назадъ въ Апамею.

38. Тутъ, согласно мнѣнію десяти пословъ, написанъ союзный договоръ съ Антіохомъ почти въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «пріязнь царя Антіоха съ народомъ Римскимъ пусть будетъ на слѣдующихъ законахъ и условіяхъ: никакого войска, идущаго вести войну съ народомъ Римскимъ, или его союзниками, царь не долженъ пропускать чрезъ области свои и тѣхъ, которые отъ него зависятъ, и не оказывать пособія ни провіантомъ, ни чѣмъ-либо другимъ. Точно также Римляне и ихъ союзники будутъ поступать относительно Антіоха и тѣхъ, что подъ его властью. Антіоху не предоставлено права ни воевать съ жителями острововъ, ни переходить въ Европу. Обязанъ онъ очистить города, поля, села и укрѣпленія по сю сторону горнаго хребта Тавра по рѣку Галисъ, и отъ горныхъ долинъ Тавра до хребта, идущаго въ Ликаонію. Оружіе не уносить изъ тѣхъ городовъ, полей, укрѣпленій, которыя очищаетъ: если же что и унесено, то необходимо возвратить куда что принадлежитъ. Не принимать къ себѣ ни воиновъ, ни другаго званія людей изъ царства Евменова. Граждане городовъ, отъ царства отдѣляемыхъ, находящіеся съ царемъ Антіохомъ, или въ предѣлахъ его владѣній, должны всѣ возвратиться въ Апамею къ назначенному дню. А если которые изъ царства Антіохова находятся у Римлянъ и союзниковъ, то имъ предоставляется право и идти и остаться. Рабовъ какъ бѣглыхъ, такъ и взятыхъ на войнѣ, или если кто и изъ свободныхъ взятъ и находится въ перебѣжчикахъ, возвратить Римлянамъ и союзникамъ. Слоновъ выдать всѣхъ и другихъ не приготовлять. Передать длинныя суда и все, что къ нимъ относится; имѣть не болѣе десяти легкихъ судовъ, изъ коихъ каждое должно дѣйствовать не болѣе тридцатью веслами: и ни одного объ одномъ веслѣ (monerem) въ случаѣ войны, гдѣ онъ будетъ дѣйствовать наступательно. Запрещается плаваніе по ту сторону мысовъ Каликадна и Сарпедонія. Исключеніе дѣлается для судовъ, которыя

будутъ везть деньги или жалованье, пословъ или заложниковъ. Антіохъ не имѣетъ права нанимать воиновъ у народовъ, находящихся подъ властью народа Римскаго; волонтеровъ принимать также. Какія зданія и строенія Родосцевъ и союзниковъ, находятся въ предѣлахъ Антіохова царства, на какихъ правахъ были даваемы, на тѣхъ пусть принадлежатъ Родосцамъ и союзникамъ. Если кто взялъ въ долгъ денежныя суммы, то взысканіе должно производиться. Если что похищено, то предоставляется право отыскивать, признавать и требовать назадъ. Если какіе города, подлежащіе выдачѣ, заняты тѣми, которымъ далъ ихъ Антіохъ, и изъ нихъ должны быть выведены гарнизоны, то они должны озаботиться, чтобы выдача эта была во всякомъ случаѣ произведена правильно. Пробнаго серебра двѣнадцать тысячъ Аттическихъ талантовъ должно быть внесено въ продолженіи 12 лѣтъ по ровнымъ срокамъ (въ талантѣ должно быть не менѣе восьмидесяти фунтовъ по Римскому вѣсу) и пшеницы пятьсотъ сорокъ тысячъ мѣръ. Царю Евмену должно быть выдано триста пятьдесятъ талантовъ въ продолженіи пяти лѣтъ, а за хлѣбъ, что будетъ слѣдовать по оцѣнкѣ, сто двадцать семь талантовъ. Заложниковъ Римлянамъ должно быть отдано двадцать и черезъ каждые три года ихъ перемѣнять, не менѣе восьмнадцати лѣтъ и не болѣе сорока пяти. Если кто-либо изъ союзниковъ народа Римскаго пойдетъ на Антіоха наступательною войною, то предоставляется право отражать силу силою, только ни одного города не брать приступомъ и не принимать его дружбы. Споры между собою разбирать правомъ и судомъ, или, если обѣимъ сторонамъ заблагоразсудится, то и войною. О выдачѣ Аннибала Карѳагенянина, Этола-Тоанта и Мназилоха Акарнана, Халкидянъ—Евбулида и Филона приписано и въ этомъ союзномъ договорѣ; а также и то, что еслибы въ послѣдствіи потребовалось что-нибудь прибавить, убавить, или перемѣнить, то это дозволяется, не нарушая союзнаго договора.

39. Консулъ скрѣпилъ клятвою этотъ союзный договоръ, а требовать отъ царя присяги отправились К. Минуцій Термъ

и Л. Манлій; онъ въ то время случайно вернулся отъ Ороандовъ. Къ Фабію Лабеону, начальнику флота, консулъ написалъ, чтобы онъ немедленно отправился изъ Патары и какія тамъ найдутся суда царскія, то чтобы онъ ихъ разрубилъ и сжегъ. Онъ отправился изъ Ефеса и пятьдесятъ крытыхъ (палубныхъ) судовъ, частью разрубилъ, частью сжегъ. Во время этого же похода онъ занялъ снова Телмиссъ, жители котораго были приведены въ ужасъ внезапнымъ прибытіемъ флота. Изъ Ликіи прямо, приказавъ слѣдовать изъ Ефеса тѣмъ, которые тамъ остались, онъ по островамъ переправился въ Грецію. Въ Аѳинахъ онъ пробылъ недолго, пока прибыли въ Пирей суда изъ Ефеса, а оттуда весь флотъ привелъ обратно въ Италію. К. Манлій, принявъ между прочимъ, что слѣдовало получить съ Антіоха, и слоновъ, всѣхъ ихъ отдалъ въ даръ Евмену; потомъ онъ разбиралъ дѣла, возникшія въ городахъ, вслѣдствіе происшедшаго тамъ замѣшательства отъ послѣднихъ перемѣнъ. И съ царемъ Аріаратомъ, — ему прощена половина назначенной съ него денежной пени по заступничеству Евмена, которому онъ въ это время просваталъ дочь — заключенъ дружественный союзъ. Разобравъ дѣла городовъ, десять уполномоченныхъ дали инымъ изъ нихъ другое положеніе. Которые города платили дань Антіоху, а думали заодно съ народомъ Римскимъ, тѣмъ они обезпечили независимость, а которые были на сторонѣ царя Антіоха, или платили дань царю Атталу, этимъ всѣмъ приказали платить дань Евмену. Кромѣ того дана независимость именно Колофонамъ, живущимъ въ Нотіѣ, Цимеямъ и Милазенамъ. Клазоменцамъ, кромѣ независимости, данъ еще въ даръ островъ Дримусса, а Милезійцамъ возвратили такъ называемое *священное поле*. Жителямъ Иліона приданы Ретей и Гергитъ не столько за какія-либо недавнія услуги, сколько изъ памяти къ ихъ происхожденію. Таже причина была освобожденія Дардановъ. Жителямъ Хіоса, Смирны и Еритреи за удивительную преданность, оказанную на этой войнѣ, и земли даны въ награду, и честь имъ оказывалась постоянно больше всѣхъ. Фокейцамъ и возвращено поле, которое

имѣли до войны и дозволено пользоваться прежними законами. Родосцамъ подтверждено то, что назначено прежнимъ декретомъ. Лидія и Карія даны до рѣки Меандра, за исключеніемъ Телмисса. Царю Евмену прибавлены: Херсонесъ въ Европѣ и Лизимахія, укрѣпленія, села и поля въ тѣхъ границахъ, въ какихъ владѣлъ Антіохъ: въ Азіи возвратили ему Фригію ту и другую (первая у Геллеспонта, а вторая называется большою) и Мизію, взятую прежде царемъ Прузіасомъ; Ликаонію Миліаду, Лидію и поименно города Траллесъ, Ефесъ и Телмисъ. Относительно Памфиліи возникъ споръ между послами Евмена и Антіоха, такъ какъ одна часть этой области лежитъ по сю сторону Тавра, а другая по ту. Все дѣло отдано нетронутымъ на рѣшеніе сената.

40. Когда состоялись эти союзные договоры и опредѣленія, то Манлій, съ десятью уполномоченными и всѣмъ войскомъ, отправился къ Геллеспонту, вызвалъ туда Галльскихъ владѣтелей и назначилъ условія, на которыхъ они должны были соблюдать миръ съ Евменомъ. Онъ имъ объявилъ, чтобы они оставили обыкновеніе скитаться съ оружіемъ въ рукахъ, и ограничивались бы границами собственныхъ земель. Собравъ потомъ суда со всего берега, а также при содѣйствіи Евменова флота, приведеннаго изъ Елеи Атенеемъ, братомъ царя, онъ переправилъ всѣ войска въ Европу. Оттуда, черезъ Херсонесъ, небольшими переходами велъ онъ войско, обремененное добычею всякаго рода; онъ остановился на нѣкоторое время въ Лизимахіи, для того, чтобы вступить въ Ѳракію, переходъ черезъ которую постоянно наводилъ опасенія, съ свѣжими и хорошо отдохнувшими вьючными животными. Въ тотъ день, въ который выступилъ изъ Лизимахіи, пришли къ рѣкѣ, называемой *Мелана* (Черною), а оттуда на другой день въ Кипселъ. Отсюда дорога, на протяженіи почти десяти миль, шла лѣсистыми, узкими и скалистыми мѣстами. Вслѣдствіе затрудненій такого пути войско раздѣлено на двѣ части: одной велѣно идти впередъ, а другой, съ значительнымъ промежуткомъ, замыкать шествіе; въ серединѣ поставлены обозы: тутъ находились телѣги

съ общественными ден гами и иная цѣнная добыча. Тутъ, при движеніи черезъ это ущелье, не болѣе десяти тысячь Ѳраковъ изъ четырехъ народовъ (тутъ были Астіи, Цены, Мадуатены и Корелы) въ самомъ тѣсномъ мѣстѣ обсѣли кругомъ дорогу. Такъ полагали, что дѣло это было не безъ коварнаго участія Филиппа, Македонскаго царя: ему было извѣстно, что Римляне вернутся не иною дорогою, какъ черезъ Ѳракію, и какую сумму денегъ везутъ они съ собою. Въ переднемъ отрядѣ находился главный вождь, озабоченный невыгодною мѣстностью. Ѳракійцы не трогались, пока проходили войска, а когда увидали, что первые ряды воиновъ прошли тѣснины, а послѣдніе были еще далеко, они бросились на обозы и войсковыя тягости. Умертвивъ караульныхъ, они частью разграбили то, что находилось въ телѣгахъ, частью увели вьючныхъ животныхъ совсѣмъ съ кладью. Когда крики достигли сначала тѣхъ, которые приближались, уже войдя въ ущелье, а потомъ донеслись и до передняго отряда, то съ той, и другой стороны сбѣжались въ середину, и разомъ во многихъ мѣстахъ началось безпорядочное сраженіе. Ѳракійцы, обремененные тяжестью добычи и притомъ большою частью безоружные для того, чтобы легче незанятыми руками уносить добычу, безъ труда подвергаются истребленію; Римлянамъ весьма вредила неудобная мѣстность, такъ какъ дикари набѣгали по извѣстнымъ имъ тропинкамъ, и притомъ прятались даже въ углубленіяхъ скалъ. Самыя тягости и повозки, какъ случайно пришлось, стоявшіе неудобно то для однихъ, то для другихъ, служили препятствіемъ для сражающихся: тутъ падалъ грабитель, тамъ желавшій отмстить за грабежъ. Такимъ образомъ глядя по мѣстности, благопріятной или неблагопріятной то для тѣхъ, или другихъ, глядя по состоянію духа сражающихся, глядя по численности ихъ (одни наткнулись на толпы болѣе многолюдныя, другія менѣе) и сраженіе имѣло исходъ разный. И съ той, и съ другой стороны много пало. Уже приближалась ночь, какъ Ѳракійцы оставили сраженіе, не столько избѣгая ранъ и смерти, сколько находя, что и взятой добычи достаточно.

41. Первое отдѣленіе Римскаго войска, выйдя за ущелье, стало лагеремъ въ открытомъ мѣстѣ около храма Бендидія *(Діаны)*; второе отдѣленіе осталось караулить въ срединѣ ущелья, окружась двойнымъ валомъ. На другой день, прежде разсмотрѣвъ ущелье, куда лучше идти, воины втораго отдѣленія присоединились къ первому. Въ этомъ сраженіи погибли: часть обозовъ, нѣсколько войсковыхъ служителей и воиновъ, такъ какъ сраженіе происходило въ разныхъ мѣстахъ почти по всему ущелью, но особенно была чувствительна потеря К. Минуція Терма, человѣка храбраго и дѣятельнаго. Въ этотъ день пришли къ рѣкѣ Гебру; потомъ прошли земли Эніевъ мимо храма Аполлона, прозываемаго Церинтійскимъ. Другія тѣснины находятся около Темпиры (такъ прозывается это мѣсто), не менѣе скалистыя, какъ и прежнія, но такъ какъ въ окрестностяхъ нѣтъ лѣса, то и не представляется мѣстъ удобныхъ для засады. Сюда, въ такой же надеждѣ на добычу пришли было Травзы (народъ также Ѳракійскій) но такъ какъ обнаженныя горныя мѣста издали открывали вооруженныхъ людей, обсѣвшихъ кругомъ тѣсное мѣсто, то между Римлянами было гораздо менѣе смятенія и страха, потому что хотя въ неблагопріятной мѣстности, однако можно было сражаться правильнымъ боемъ и не разстроивая рядовъ. Плотною массою двинулись они съ криками и произведеннымъ натискомъ сначала сбили непріятеля съ позиціи, а потомъ обратили въ бѣгство; тутъ произошло не малое побоище, такъ какъ самыя тѣснины препятствовали бѣгству. Римляне побѣдители стали лагеремъ у селенія Маронитовъ (называемаго Сарре). На другой день, открытою со всѣхъ сторонъ, дорогою вошли они въ Пріатическое поле; три дня они пробыли тутъ, принимая хлѣбъ частью съ земель Маронитовъ, которые приносили сами, частью съ своихъ судовъ, слѣдовавшихъ съ запасами всякаго рода. Отсюда, черезъ день пути, были въ Аполлоніи, и по землямъ Абдеритовъ прибыли въ Неаполь. Весь этотъ путь черезъ поселенія Грековъ совершенъ мирно. Остальной же путь по серединѣ Ѳракійской земли, совершенъ и днемъ и ночью, хотя открытыхъ непріязненныхъ дѣй-

ствій не было, однако все таки обошлось не безъ подозрѣній, пока не прибыли въ Македонію. Къ тому же войску, когда его велъ по тому же пути Сципіонъ, Ѳракійцы были миролюбивѣе не потому иному, какъ что меньше было добычи, которая бы ихъ соблазняла. Хотя и тутъ, какъ увѣряетъ Клавдій, около 15 тысячъ Ѳракійцевъ появились на встрѣчу Нумиду Мутину шедшему впередъ—осматривать мѣстность; съ нимъ было четыреста всадниковъ Нумидскихъ и немного слоновъ. Сынъ Мутина со ста пятидесятью отборныхъ всадниковъ прорвался сквозь ряды непріятельскіе: и онъ же вслѣдъ за тѣмъ, когда уже Мутинъ, поставивъ по срединѣ слоновъ, и всадниковъ помѣстивъ по флангамъ, вступилъ въ бой съ непріятелемъ, и вкинулъ въ него страхъ съ тылу: вслѣдствіе этого непріятель, разстроенный уже быстрымъ, какъ гроза, нападеніемъ конницы, и неподступалъ къ рядамъ пѣхоты. Кн. Манлій черезъ Македонію провелъ войско въ Ѳессалію. Оттуда, черезъ Епиръ, онъ достигъ Аполлоніи и не имѣя еще достаточно пренебреженія къ зимнему состоянію моря чтобы дерзнуть переправиться, провелъ зиму въ Аполлоніи.

42. Годъ уже почти оканчивался, когда консулъ М. Валерій, изъ земли Лигуровъ, пришелъ въ Римъ для замѣщенія сановниковъ; въ своей провинціи не совершилъ онъ ничего замѣчательнаго, что могло бы удовлетворительно объяснить причину замедленія, такъ какъ онъ позднѣе обыкновеннаго прибылъ на выборы. Народное собраніе для назначенія консуловъ состоялось передъ двенадцатымъ днемъ Календъ Мартовскихъ; выбраны М. Емилій Лепидъ и К. Фламиній. На другой день назначены преторы Ап. Клавдій Пульхеръ, Сер. Сульпицій Гальба, К. Теренцій Куллео, Л. Теренцій Массиліота, К. Фульвій Флаккъ, М. Фурій Крассипесъ. По окончаніи выборовъ консулъ доложилъ сенату—какія провинціи угодно назначить преторамъ. Опредѣлили быть двумъ въ Римѣ для оказанія суда и расправы; двумъ внѣ Италіи: въ Сициліи и Сардиніи, двумъ въ ея предѣлахъ—Тарентѣ и Галліи. Преторамъ велѣно немедленно, еще предварительно вступленія въ должность, распредѣлить по же-

ребью провинціи. Сер. Сульпицію досталось судопроизводство городское, а К. Теренцію надъ чужестранцами. Л. Теренцію—Сицилія, К. Фульвію—Сардинія, Ап. Клавдію — Тарентъ, М Фурію—Галлія. Въ этомъ году Л. Минуцій Миртилъ и Л. Манлій за то, что, какъ говорятъ, прибили они пословъ Карѳагенскихъ, по предписанію городскаго претора М. Клавдія, черезъ феціаловъ выданы посламъ и отвезены въ Карѳагенъ. Въ землѣ Лигуровъ былъ слухъ о большой войнѣ, принимающей со дня на день значительнѣйшіе размѣры. А потому новымъ консуламъ, въ который день они доложили о провинціяхъ и общественныхъ дѣлахъ, сенатъ опредѣлилъ обоимъ провинціею Лигурію. Этому сенатскому декрету воспротивился было консулъ Лепидъ; онъ говорилъ: «недостойно обоихъ консуловъ запереть въ долины Лигурскія. М. Фульвій и Кн. Манлій, вотъ уже въ продолженіи двухъ лѣтъ царствуютъ—одинъ въ Европѣ, а другой въ Азіи, какъ бы заступивъ мѣста Филиппа и Антіоха. Если угодно держать въ тѣхъ краяхъ войска, то не лучше ли ихъ отдать подъ начальство консуламъ, чѣмъ частнымъ лицамъ. А эти послѣдніе вносятъ ужасъ войны къ народамъ, которымъ и война объявлена не была, и миръ продаютъ за деньги. А будь дѣйствительная надобность занимать войсками эти провинціи, то какъ преемникомъ М. Ацилія былъ консулъ Л. Сципіонъ, а Л. Сципіона М. Фульвій и Кн. Манлій, такъ преемниками Фульвія и Манлія должны быть консулы К. Ливій и М. Валерій. Теперь, по крайней мѣрѣ, по окончаніи войны съ Этоламми, когда Азія уже взята у Антіоха, Галлы побѣждены, необходимо или къ бывшимъ консульскимъ войскамъ послать консуловъ же, или отозвать легіоны оттуда и наконецъ возвратить ихъ отечеству». Сенатъ, выслушавъ это, остался при своемъ мнѣніи, чтобы обоимъ консуламъ провинціею была предоставлена Лигурія, относительно Манлія и Фульвія опредѣлено, чтобы они оставили провинціи, вывели оттуда войско и возвратились въ Римъ.

43. Недружелюбныя были отношенія между М. Фульвіемъ и М. Емиліемъ консуломъ; болѣе всего обижался Емилій тѣмъ,

что онъ, стараніемъ М. Фульвія, на два года позднѣе сдѣлался консуломъ. А потому желая сдѣлать ему непріятность, онъ ввелъ въ сенатъ пословъ Амбракійскихъ, подсказавъ имъ обвиненія: «будто бы они, соблюдая миръ и исполнивъ всѣ требованія прежнихъ консуловъ, и точно также со всею готовностью хотѣли оказать повиновеніе М. Фульвію» Далѣе жаловались они на то, что ихъ поля прежде всего преданы опустошенію, ужасъ, грабежъ и убійства вброшены въ городъ, такъ что они вынуждены были въ страхѣ затворить ворота. Затѣмъ подверглись они осадѣ и нападенію и всѣ случайности войны примѣнены къ нимъ: убійства, пожары, разрушеніе, разграбленіе города. Жены, дѣти отведены въ рабство, имущества отняты и—что имъ чувствительнѣе всего—храмы по всему городу лишены украшеній: изображенія боговъ, даже ихъ самихъ, исторгнувъ изъ постоянныхъ мѣстъ, похитили. Остались одни голыя стѣны и пустыя ниши, которымъ кланяться, которыхъ обожать и возсылать мольбы остается Амбракійцамъ. Когда они на это жаловались, то консулъ нарочно задавалъ имъ вопросы къ обвиненію М. Фульвія и заставлялъ ихъ высказать многое, какъ бы противъ своего желанія. Все это произвело впечатлѣніе на сенаторовъ, но другой консулъ К. Фламиній принялъ въ этомъ дѣлѣ сторону М. Фульвія. Онъ сказалъ: «взялись Амбракійцы за образъ дѣйствія старый и оставленный. Точно также были обвинены М. Марцеллъ жителями Сиракузъ, К. Фульвій — Кампаніи. Почему же точно такъ не допустить Филиппа царя обвинить Т. Квинкція, Антіоха — М. Ацилія и Л. Сципіона, Галловъ—Манлія, и самого М. Фульвія не отдать на жертву Етоламъ и жителямъ Кефалоніи? Амбракія подверглась нападенію и взята; статуи и украшенія вывезены оттуда и случилось все то, что обыкновенно бываетъ съ городами, взятыми силою — думаете ли вы, почтенные сенаторы, что я откажусь отъ всего этого за М. Фульвія, или что самъ М. Фульвій станетъ это опровергать?—Напротивъ, за эти самыя дѣйствія онъ будетъ отъ васъ требовать почестей тріумфа. Изображеніе взятой имъ Амбракіи и статуи, тѣ самыя, унесеніе которыхъ ставится ему

въ вину и прочее достояніе, отнятое у этого города, у него передъ колесницею будутъ несть, и всѣмъ этимъ украситъ онъ свой домъ. Нѣтъ основанія отдѣлять Этоловъ отъ Амбракійцевъ; дѣло и ихъ и Этоловъ одно и тоже. А потому пусть товарищъ мой, или въ другомъ дѣлѣ ищетъ пищи своему нерасположенію или, если ему угодно ужъ непремѣнно въ этомъ, то пусть удержитъ своихъ Амбракійцевъ до прибытія М. Фульвія; а я не допущу, чтобы, въ отсутствіи М. Фульвія, составлялось какое либо опредѣленіе какъ относительно Амбракійцевъ, такъ и Этоловъ.

44. Емилій указывалъ на лукавство своего противника, какъ будто всѣмъ извѣстное, и говорилъ, что онъ нарочно протянетъ время, изъ нежеланія прибыть въ Римъ, пока тамъ будетъ находиться враждебный ему консулъ; два дня прошло въ спорахъ между консулами. И въ присутствіи Фламинія казалось повидимому невозможнымъ, чтобы состоялось какое либо опредѣленіе. Воспользовались случаемъ, когда Фламиній случайно заболѣлъ и былъ въ отсутствіи. По докладу Емилія состоялось сенатское опредѣленіе: «Амбракійцамъ возвратить все, что имъ принадлежало; пользоваться свободою и собственными законами; пошлины, какія хотятъ, пусть собираютъ на сухомъ пути и на морѣ, лишь бы отъ нихъ свободны были Римляне и союзники Латинскаго племени. Относительно жалобы на похищеніе изъ святыхъ храмовъ статуй и другихъ украшеній, положено: по возвращеніи М. Фульвія въ Римъ — доложить коллегію первосвященниковъ и поступить такъ, какъ имъ заблагоразсудится». Консулъ и этимъ все еще не удовлетворился, но впослѣдствіи пользуясь малочисленностью бывшихъ на лицо сенаторовъ, провелъ декретъ: «не считать Амбракію городомъ взятымъ силою». Затѣмъ, по декрету десяти сановниковъ, было молебствіе о народномъ здравіи въ продолженіи трехъ дней, такъ какъ сильное моровое повѣтріе свирѣпствовало въ городѣ и въ поляхъ. Потомъ имѣли мѣсто Латинскія игры. Освободясь отъ религіозныхъ опасеній, консулы привели къ концу наборъ (и тотъ, и другой заблагоразсудили лучше упо-

требить въ дѣло новыхъ воиновъ) отправились въ провинцію, а прежнихъ всѣхъ распустили. По отъѣздѣ консуловъ прибылъ въ Римъ проконсулъ Кн. Манлій. Когда для него преторомъ Сер. Сульпиціемъ созванъ былъ сенатъ въ храмѣ Беллоны, и консулъ, припомнивъ совершенныя имъ дѣянія, требовалъ—оказать за это почести богамъ безсмертнымъ и дозволить ему имѣть торжественный въѣздъ въ городъ; то ему воспротивились большая часть десяти уполномоченныхъ, находившихся съ нимъ вмѣстѣ, и особенно Л. Фурій Пурпурео и Л. Емилій Павллъ.

45. Приданы они Кн. Манлію уполномоченными для заключенія мира съ Антіохомъ, для окончательнаго утвержденія союзнаго договора и условій, которымъ положилъ начало Л. Сципіонъ. Кн. Манлій употреблялъ всѣ усилія — недопустить до мирнаго соглашенія, и Антіоха, если только онъ представилъ бы къ тому случай, взялъ бы хитростью; но онъ, узнавъ о коварствѣ консула, такъ какъ тотъ нерѣдко подъѣзжалъ къ нему съ просьбою личныхъ свиданій, избѣгалъ не только сойдтись съ нимъ, но и видѣть его. Манлій рѣшился перейдти черезъ Тавръ и едва едва былъ удержанъ просьбами всѣхъ уполномоченныхъ—не напрашиваться на пораженіе, предсказанное пророчествами Сивиллы въ случаѣ перехода черезъ рубежи, судьбою назначенные: впрочемъ пододвинулъ войско и лагерь поставилъ почти на самой вершинѣ хребта у раздѣла водъ. Не находя себѣ въ томъ краю никакого повода къ войнѣ, такъ какъ подданные царя оставались въ покоѣ, онъ повернулъ войско къ Галлогрекамъ: этому народу нанесена война безъ разрѣшенія сената, безъ народнаго повелѣнія. Кто когда либо дерзалъ такъ поступать самовольно? Еще свѣжи въ памяти войны съ Антіохомъ, Филиппомъ, Аннибаломъ и Карѳагенянами: обо всѣхъ ихъ внесено на усмотрѣніе сената, и послѣдовало утвержденіе народа. Неразъ ранѣе посылались уполномоченные съ требованіемъ удовлетворенія, а потомъ уже посылаемы были и тѣ, которые объявляли войну. Но что же изъ этого исполнено тобою, Кн. Манлій, для того, чтобы считать эту

войну общею всему народу Римскому, а не твоимъ личнымъ разбоемъ? Но ты и этимъ самимъ былъ не доволенъ и прямымъ путемъ повелъ войско къ тѣмъ, которыхъ ты самъ счелъ за непріятелей. Не скитался ли ты по всѣмъ извилинамъ дорогъ и не останавливался ли ты на перекресткахъ, и куда ни поворачивалъ свое войско Атталъ, братъ Евменовъ, туда и ты, консулъ—наемникъ, не слѣдовалъ ли съ войскомъ Римскимъ? Ты обошелъ всѣ отдаленныя мѣста и закоулки Писидіи, Ликаоніи, Фригіи, собирая деньги отъ державцевъ и начальниковъ уединенныхъ замковъ? Что тебѣ за дѣло было до Ороандовъ и другихъ народовъ, которые тебя, также какъ и первые, ничѣмъ не обидѣли? Но самую войну, во имя которой просишь ты тріумфъ, какъ ты ее велъ? При выгодныхъ условіяхъ мѣстности, въ благопріятное для тебя время, ты сражался. Правильно ты требуешь воздать честь богамъ безсмертнымъ: во первыхъ за то, что они не хотѣли, чтобы невинное войско поплатилось за дерзновеніе главнаго вождя, начавшаго войну съ нарушеніемъ всякаго народнаго права: потомъ за то, что намъ пришлось имѣть дѣло не съ воинами, намъ враждебными, а съ звѣрьми дикими.

46. Не думайте, что только самое названіе Галло-Грековъ составное: ихъ силы—и тѣла, и духа—также состоятъ изъ разныхъ частей и притомъ заражены многими недостатками. Будь они тѣ Галлы, съ которыми столько разъ приходилось намъ бороться въ Италіи съ неодинаковымъ успѣхомъ, то сколько зависѣло бы отъ нашего военачальника, врядъ ли вернулся къ намъ оттуда хоть кто нибудь съ вѣстью пораженія! Два раза происходило съ ними сраженіе, два раза нашъ полководецъ подходилъ къ нимъ въ мѣстности самой неблагопріятной, и въ углубленіи горной долины подвелъ было войско почти къ ногамъ непріятельскимъ: непріятель могъ насъ задавить не только оружіемъ, бросая его сверху, но и просто напоромъ однихъ своихъ обнаженныхъ тѣлъ. Чтоже не допустило этого? Великое счастіе народа Римскаго, страхъ и уваженіе къ его имени! Недавними пораженіями Аннибала, Филиппа, Антіоха—

они были почти оглушены. Такія громадныя тѣла обращены въ бѣгство одними пращами и стрѣлами: въ эту войну съ Галлами мечи нашихъ воиновъ не обагрились кровью; какъ стая птицъ они улетѣли при первомъ звукѣ оружія. Но, по истинѣ, мы тѣ же самые (и этимъ урокомъ намъ судьба хотѣла показать, что случилось бы, имѣй мы дѣло съ настоящимъ непріятелемъ) на обратномъ пути наткнулись на разбойниковъ Өракійскихъ, были разбиты, обращены въ бѣгство, лишены тяжестей войсковыхъ. Палъ К. Минуцій Термъ, въ которомъ мы понесли гораздо болѣе ощутительную потерю, чѣмъ еслибы погибъ Кн, Манлій, по неосторожности котораго претерпѣли мы это пораженіе, и съ многими храбрыми товарищами. Войско, несшее съ собою награбленное достояніе царя Антіоха, разорванное на три части: тамъ первое, тамъ послѣднее отдѣленіе, обозы особо—провело ночь по кустамъ, скрываясь подобно дикимъ звѣрямъ. Не за такіе ли подвиги просятъ тріумфа? Не будь въ Өракіи понесено безславное пораженіе, надъ какими непріятелями просилъ бы ты тріумфа? Не надъ тѣми ли, какъ я полагаю, какихъ тебѣ указалъ сенатъ и народъ Римскій? Такъ Л. Сципіону, М. Анцилію надъ царемъ Антіохомъ, а немного ранѣе Т. Квинкцію надъ царемъ Филиппомъ, П. Африкану надъ Аннибаломъ, Карөагенянами и Сифаксомъ данъ тріумфъ. И—это ужъ менѣе важно—когда сенатъ и опредѣляетъ войну, то предлагается вопросъ: кому она должна быть объявлена: самимъ ли во всякомъ случаѣ войскамъ, или досточно повѣстить передовымъ постамъ? А теперь не хотите ли вы, чтобы все это было нарушено и пришло въ замѣшательство? Права фиціаловъ отмѣняются? Не нужно ихъ со всѣмъ? Послѣдуетъ—да простятъ мнѣ боги такое выраженіе—ущербъ религіи: забвеніе боговъ овладѣетъ душами вашими. Да и нужно ли еще спрашивать совѣта сената относительно войны? Къ чему докладывать народному собранію—заблагоразсудитъ ли оно, повелитъ ли вести войну съ Галлами? Вотъ недавно консулы требовали Грецію и Азію: но, по настоянію вашему опредѣлить имъ провинцію Лигурію — они должны были покориться вамъ. Справедливо имъ будетъ, по благополучномъ окончаніи войны, просить почестей тріумфа отъ васъ, по усмотрѣнію которыхъ война была ведена.

47: Такъ говорили Фурій и Емилій; отвѣтъ Манлія, какъ говорятъ, заключался болѣе въ слѣдующемъ: «Почтенные сенаторы, трибуны народные имѣли прежде обычай противудѣйствовать лицамъ, требовавшимъ тріумфа. Я ихъ благодарю за то: или для меня, или по значительности совершенныхъ мною дѣяній— поступили они такъ, что не только молчаніемъ высказали свое согласіе на мою почесть, но и по видимому готовы, если будетъ предстоять въ томъ надобность, перенести это дѣло въ народное собраніе. Изъ десяти уполномоченныхъ—совѣтъ этотъ придавали полководцамъ предки наши какъ украшеніе и довершеніе побѣды, имѣю я противниковъ. Л. Фурій и Л. Эмилій недопускаютъ меня сѣсть въ торжественную колесницу, блестящій вѣнокъ тащутъ у меня съ головы; а ихъ то именно — не допускай меня до торжества трибуны народные — призвалъ бы я въ свидѣтели дѣяній, мною совершенныхъ. Ни чьей почести не завидую я, почтенные сенаторы. Еще недавно вы удержали вашимъ вліяніемъ трибуновъ народныхъ, людей твердыхъ и энергичныхъ, когда они вздумали препятствовать тріумфу К. Фабія Лабеона. Имѣлъ торжественный въѣздъ тотъ, о которомъ говорили его недоброжелатели, будто бы онъ не только велъ войну несправедливую, но и врага въ глаза не видалъ. Между тѣмъ я, вступавъ столько разъ въ сраженіе, въ рукопашный бой съ сотнею тысячь отчаянныхъ непріятелей, болѣе сорока тысячь ихъ частью умертвивъ, частью захвативъ въ плѣнъ, взявъ приступомъ два ихъ лагеря, оставивъ по сю сторону хребта Таврскаго все въ болѣе покойномъ состояніи, чѣмъ въ какомъ находится Италія, не только долженъ отстаивать свое право на тріумфъ, но и, почтенные сенаторы, оправдываться передъ вами въ обвиненіяхъ, взведенныхъ вашими же уполномоченными. Обвиненіе ихъ, почтенные сенаторы, какъ вы можете замѣтить, распадается на двѣ части: мнѣ и войны не слѣдовало вовсе вести съ Галлами, а если я ее и

велъ, то безъ соблюденія мѣръ осторожности и благоразумія: Галлы не были нашими врагами, а ты — говорятъ мнѣ — употребилъ силу противъ людей, изъявившихъ готовность исполнить всѣ твои требованія. Не стану требовать отъ васъ, почтенные сенаторы, чтобы вы ваши понятія о дикости народа Галльскаго, о неумолимой его ненависти къ самому имени народа Римскаго, примѣнили и къ тѣмъ Галламъ, что живутъ въ Азіи. Судите о нихъ по ихъ самихъ, независимо отъ дурнаго мнѣнія о цѣломъ народѣ и нерасположеніи къ нему. О еслибы присутствовали тутъ Евменъ и всѣ города Азіи, и пусть бы вы выслушали лучше ихъ жалобы, чѣмъ мои обвиненія! Пошлите пожалуйста по всѣмъ городамъ Азіи, изслѣдуйте—отъ какого рабства, болѣе тяжелаго, освобождены они—тогда ли когда Антіохъ отброшенъ по ту сторону Тавра, или когда Галлы покорены? Пусть они сами вамъ скажутъ—сколько разъ ихъ поля были опустошены, сколько добычи захвачено, когда они едва имѣли возможность выкупать плѣнныхъ, а доходили до нихъ слухи о принесеніи человѣческихъ жертвъ и закланіи ихъ дѣтей. Знайте, что ваши союзники платили дань Галламъ и теперь, и освободясь отъ власти царя, они продолжали бы платить, не положи я этому конца.

48. Чѣмъ далѣе отброшенъ былъ бы Антіохъ, тѣмъ менѣе препятствій встрѣчало бы въ Азіи господство Галловъ: и вы всѣми землями, сколько ихъ ни есть по сю сторону Тавра, увеличили бы владѣнія Галловъ, а не ваши. А между тѣмъ это совершенно вѣрно: даже нѣкогда Галлы ограбили Дельфы, общее всего рода человѣческаго прорицалище, средоточіе (пупокъ) земнаго шара: и за то народъ Римскій не объявлялъ имъ войны, и не начиналъ ее. Но я полагаю, что должна быть какая нибудь разница между тѣмъ временемъ, когда еще Греція и Азія не были вамъ подвластны и когда вамъ мало было дѣла обращать вниманіе на то, что дѣлалось въ тѣхъ земляхъ, и между тѣмъ временемъ, когда вы поставили гору Тавръ предѣломъ владѣній Римскихъ, когда вы дали городамъ свободу и независимость, когда вы предѣлы однихъ расширяете, другихъ

наказываете отнятіемъ части ихъ владѣній, на нѣкоторыя налагаете дань: царства вы распространяете, сокращаете, даете, отнимаете: вы считаете вашею обязанностью доставить имъ пользованіе миромъ, и на морѣ и на сушѣ. Если бы Антіохъ не вывелъ гарнизоновъ, оставшихся покойными въ своихъ укрѣпленіяхъ, вы несочли бы Азію освобожденною? Если бы войска Галловъ бродили по разнымъ мѣстамъ, то къ чему послужили бы ваши пожалованія Евмену, дѣйствительноли воспользовались бы вольностью города? Но къ чему я такъ обо всемъ этомъ распространяюсь, какъ будто бы я условилъ враждебность Галловъ, а не принялъ ее готовою? Ссылаюсь на тебя, Л. Сципіонъ; сдѣлавшись преемникомъ твоей власти, не вотще молилъ я боговъ безсмертныхъ наслѣдовать нѣкоторую долю твоей доблести и счастія. Ссылаюсь, П. Сципіонъ, и на тебя; ты права легата, а значеніе сотоварища имѣлъ и у брата консула и у войска. Развѣ вамъ неизвѣстно, что въ войскѣ Антіоха находились полки Галловъ? Не видали вы, что въ его боевой линіи они (въ нихъ то полагалась вся сила) были помѣщены на томъ и другомъ флангѣ? Не сражались ли вы съ ними, какъ съ открытыми непріятелями? Не убивали ли вы ихъ? Не принесли ли вы отъ нихъ добычу? Но съ Антіохомъ, а не съ Галлами, опредѣлилъ войну сенатъ, а народъ повелѣлъ. Я полагаю, что война опредѣлена и повелѣна —со всѣми, находившимися на его сторонѣ: изъ нихъ, кромѣ Антіоха, съ которымъ Сципіонъ заключилъ миръ и вы поручили именно съ нимъ утвердить союзный договоръ, должны были считаться непріятелями всѣ тѣ, которые подняли оружіе противъ насъ за Антіоха. А въ этомъ случаѣ Галлы были впередъ всѣхъ, и изъ нихъ нѣкоторые царьки и самовластцы. Впрочемъ и я съ нѣкоторыми, изъ уваженія къ власти вашей долженствовавшими поплатиться за свои прегрѣшенія, заключилъ миръ; да и сдѣлалъ попытку на умы Галловъ—могутъ ли они сдѣлаться мягче и оставить часть свойственной имъ отъ природы суровости. Видя ихъ неукротимыми и неумолимыми, только тогда счелъ я за необходимое— усмирить ихъ оружіемъ и силою. Теперь достаточно оправдав-

шись въ начатіи войны, долженъ я отдать отчетъ въ томъ, какъ я ее велъ. И тутъ не потерялъ бы я довѣрія къ моему дѣлу, хотя бы пришлось защищать его не передъ Римскимъ, а передъ Кареагенскимъ сенатомъ, гдѣ, какъ говорятъ, распинаютъ на крестъ полководцевъ, если они дѣйствовали по дурному плану, хотя и увѣнчанному успѣхомъ. Но я нахожусь въ такомъ государствѣ, которое призываетъ боговъ на помощь при началѣ и совершеніи всякаго дѣйствія и не подвергаетъ никакому обвиненію того, что уже заслужило одобреніе боговъ безсмертныхъ; обычнымъ выраженіемъ при опредѣленіи молебствія или тріумфа имѣетъ оно: за то что съ успѣхомъ и счастливо велъ общественныя дѣла. Положимъ, что я бы не хотѣлъ, что я считалъ бы высокомѣріемъ и гордостью хвалиться моими доблестями, то по поводу счастія моего и войска, мнѣ ввѣреннаго,— такъ какъ я столь сильный народъ побѣдилъ безъ всякой потери воиновъ, требовалъ бы воздать надлежащую честь богамъ безсмертнымъ и допустить меня съ почестями тріумфа взоидти на Капитолій, откуда я отправлялся въ походъ, совершивъ обѣты по обычаю. Откажете вы мнѣ и богамъ безсмертнымъ?

49. Я давалъ сраженія при неблагопріятныхъ условіяхъ мѣстности; но укажите мнѣ, гдѣ бы я могъ дать сраженіе при болѣе благопріятныхъ условіяхъ? Непріятель занялъ гору, держался въ укрѣпленномъ мѣстѣ—не слѣдовало ли во всякомъ случаѣ идти къ непріятелю, чтобы получить побѣду? А какъ же было бы поступить—будь у непріятеля въ этомъ мѣстѣ городъ и скрывайся онъ за его стѣнами? Не слѣдовало ли приступить къ нимъ? Чего же еще? У Ѳермопилъ развѣ при благопріятныхъ условіяхъ мѣстности М. Ацилій сразился съ царемъ Антіохомъ? Далѣе: не также ли точно Филиппа, занявшаго высоты надъ рѣкою Аоемъ, сбросилъ съ нихъ Т. Квинкцій? По крайней мѣрѣ, я до сихъ поръ не могу понять, какъ они воображаютъ себѣ непріятеля, или какимъ хотятъ чтобъ онъ вамъ показался! Если онъ переродился и изнѣжился наслажденіями Азіи, то какая же была опасность подходить къ нему и при неблагопріятныхъ условіяхъ мѣстности? Если же страшны и суровый духъ, и сила тѣлесная непріятеля, то зачѣмъ же вы отказываете въ тріумфѣ побѣдѣ, полученной даже при такихъ условіяхъ?—Зависть слѣпа, почтенные сенаторы, и ея дѣло только—унижать доблести, подгадить честнымъ дѣйствіямъ и наградамъ за нихъ; а васъ, почтенные сенаторы, прошу простить мнѣ, если я многословенъ въ рѣчи моей не отъ желанія похвалить себя, но отъ необходимости отвѣчать на всѣ пункты обвиненія. Да и во Ѳракіи, въ моей ли власти было расширить ущелья весьма тѣсныя, мѣста крутыя сдѣлать равными и лѣсомъ покрытыя обратить въ пашни? Какъ я могъ предупредить, чтобы Ѳракійцы не засѣли, въ имъ только однимъ извѣстныхъ дебряхъ, чтобъ не расхитили части обоза, не утащили хоть одного вьючнаго животнаго изъ огромнаго стада ихъ, не нанесли бы кому нибудь ранъ и чтобы не умеръ К. Минуцій, человѣкъ храбрый и добрый; на это событіе упираютъ, что мы потеряли такого согражданина, сдѣлавшагося жертвою несчастнаго случая. А то, что въ ущельи, для насъ неблагопріятномъ, въ мѣстности незнакомой, при нападеніи на насъ непріятеля, вмѣстѣ оба отдѣленія войска, и шедшее впереди и замыкавшее тылъ, окружили войско варваровъ, занявшихся нашими обозами, что нѣсколько тысячь ихъ въ этотъ самый день, а много болѣе черезъ нѣсколько дней спустя пало и взято въ плѣнъ? Неужели не знаютъ, что если объ этомъ и умолчать, то все таки вы узнаете, когда свидѣтелемъ рѣчи моей будетъ цѣлое войско? Не извлекай я меча въ Азіи, не встрѣчайся я вовсе съ непріятелемъ, и тутъ я проконсуломъ заслужилъ бы тріумфъ во Ѳракіи въ двухъ сраженіяхъ; но довольно уже сказано. А за то, что я утомилъ можетъ быть васъ рѣчью болѣе многословною, чѣмъ я хотѣлъ, прошу у васъ, почтенные сенаторы, извиненія, и надѣюсь получить его отъ васъ.»

50. Въ этотъ день сильнѣе подѣйствовало бы обвиненіе, чѣмъ оправданіе, но пренія протянули допоздна. Расходится сенатъ съ тѣмъ мнѣніемъ, что повидимому въ почестяхъ тріумфа будетъ отказано. На другой день родственники и друзья Кн. Манлія хлопотали изо всѣхъ силъ, и вліяніе престарѣлыхъ се-

наторовъ подѣйствовало, а они отрицали, чтобы когда-либо могли припомнить примѣръ, чтобы полководецъ послѣ удачныхъ сраженій, окончательнаго умиренія провинціи, благополучнаго возвращенія войска, вошелъ въ городъ безъ колесницы и лавроваго вѣнка, частнымъ человѣкомъ безо всякой почести. Это соображеніе восторжествовало надъ завистью и огромнымъ большинствомъ назначенъ тріумфъ. Толки и память этого спорнаго дѣла были совершенно забыты, вслѣдствіе начавшейся борьбы съ человѣкомъ болѣе извѣстнымъ и славнымъ. П. Сципіона Африкана—такъ пишетъ Валерій Антіатъ—потребовали на судъ два К. Петиллія. Объ этомъ толковали каждый по своему; другіе винили не трибуновъ народныхъ, но цѣлое государство за то, что оно могло это допустить. «Два величайшіе города на земномъ шарѣ оказали себя неблагодарными къ своимъ полководцамъ почти въ одно время, но Римъ въ неблагодарности стоитъ выше: Карѳагенъ, хоть побѣжденный побѣжденнаго Аннибала отправилъ въ ссылку, а Римъ побѣдитель побѣдоноснаго Африкана хочетъ изгнать. Другіе на это выражали: «что ни одинъ отдѣльный гражданинъ не долженъ стоять такъ высоко, чтобы не былъ отвѣтственъ передъ законами. Ничто такъ не содѣйствуетъ торжеству свободы, какъ то, если каждый, какъ бы ни былъ могуществененъ, можетъ быть призванъ на судъ. А можетъ ли быть кто-нибудь въ безопасности, не говоря уже объ общественныхъ дѣлахъ, если онъ не будетъ отдавать отчета въ своихъ дѣйствіяхъ? Для кого недостаточно равнаго со всѣми права, противъ того справедливо употребить и силу». Таковы были толки въ народѣ, а между тѣмъ подошелъ день, назначенный для суда: никто никогда прежде, ни даже тотъ же Сципіонъ, когда былъ консуломъ и цензоромъ, не имѣлъ большей вокругъ себя толпы провожатыхъ, какъ въ тотъ день, когда онъ явился подсудимымъ; въ сопровожденіи ихъ отведенъ онъ на форумъ. Получивъ приказаніе оправдываться, онъ, не упоминая нисколько о взведенныхъ обвиненіяхъ, началъ о совершенныхъ имъ подвигахъ рѣчь до того великолѣпную, что достаточно обнаружилось, что

никто никогда не хвалился лучше и чистосердечнѣе. Разсказъ внушенъ былъ тѣмъ же умомъ и способностями, которыя совершили дѣянія; а слушателямъ надоѣсть онъ не могъ, такъ какъ говорилъ не для хвастовства, а въ свое оправданіе.

51. Трибуны народные ссылались на старые примѣры, сладострастно проведенной въ Сиракузахъ зимовки и на смуты Племиніанскіе въ Локрахъ, чтобы сдѣлать вѣроятнѣе свои обвиненія; болѣе подозрѣніями, чѣмъ доказательствами, обвиняли они подсудимаго въ захватѣ денегъ: «сынъ его, взятый въ плѣнъ, возвращенъ безъ выкупа и во всѣхъ другихъ случаяхъ Сципіону оказывалось отъ Антіоха такое вниманіе, какъ будто бы въ его однихъ рукахъ находятся и миръ и война съ Римлянами. Диктаторомъ онъ консула, а не помощникомъ—былъ въ провинціи и если отправился туда, то не за чѣмъ другимъ, какъ за тѣмъ, чтобы убѣжденіе, уже давно господствующее въ Испаніи, Галліи, Сициліи и Африкѣ, внушить Греціи, Азіи и всѣмъ царямъ и народамъ, живущимъ на Востокѣ: что одинъ онъ глава и опора Римскаго владычества, что подъ сѣнью Сципіона почіетъ городъ, властитель земнаго шара; мановеніе его замѣняетъ декреты сената, повелѣнія народа». Завистью старались повредить человѣку, недоступному для безславія. Рѣчи продлились до ночи, и день суда отложенъ. Когда онъ насталъ, трибуны, чуть сдѣлалось свѣтло, усѣлись на Рострахъ. Вызванный подсудимый, окруженный большою толпою друзей и кліентовъ по серединѣ собранія, подошелъ къ Рострамъ. Когда водворилось молчаніе: «вы всѣ, Римскіе граждане, и трибуны народные!—сказалъ онъ—въ этотъ день я счастливо и благополучно сразился въ открытомъ бою въ Африкѣ съ Аннибаломъ и Карѳагенянами. А потому справедливо было бы на нынѣшній день отложить наши споры и обвиненія: я отсюда сейчасъ же иду въ Капитолій — привѣтствовать Юпитера Могущественнаго и Всеблагаго, Юнону, Минерву и прочихъ боговъ, покровительствующихъ Капитолію и крѣпости, и поблагодарю ихъ за то, что они мнѣ и въ этотъ день, и многократно въ другихъ случаяхъ, внушили мысль и способности послужить отлично обще-

му нашему отечеству. Да и изъ васъ, граждане Римскіе, пусть пойдетъ тотъ, кому это удобно, со мною и помолите боговъ, чтобы они послали вамъ поболѣе полководцевъ, которые бы на меня походили. Такимъ образомъ, если вы меня, съ семнадцатилѣтняго возраста и до старости, постоянно осыпали почестями вашими болѣе, чѣмъ кого либо другаго, я совершенными мною дѣяніями опередилъ ваши почести». Съ Рострь отправился онъ въ Капитолій; вслѣдъ за Сципіономъ народное собраніе въ полномъ составѣ повернуло и пошло за нимъ, такъ что наконецъ и писаря, и разсыльные, оставили трибуновъ и съ ними не осталось никого, кромѣ ихъ свиты изъ рабовъ, и кромѣ Герольда, который съ вершины Ростръ вызывалъ подсудимаго. Сципіонъ не только въ Капитоліѣ, но по всему городу всѣ храмы обошелъ въ сопровожденіи народа Римскаго. Этотъ день, по расположенію къ нему гражданъ и оцѣнкѣ истиннаго величія, превзошелъ почти тотъ, въ который онъ имѣлъ торжественное шествіе послѣ побѣды надъ царемъ Сифаксомъ и Карѳагенянами.

52. Красный этотъ день послѣднимъ мелькнулъ для Сципіона. Предвидя борьбу съ трибунами и силу зависти, онъ, когда день суда былъ значительно отсроченъ, удалился въ Литернинскую область съ яснымъ намѣреніемъ—не являться для оправданія. Онъ былъ слишкомъ гордъ и отъ природы и по сознанію своего достоинства, притомъ постоянно пользуясь благоволеніемъ счастія—не хотѣлъ онъ помириться съ положеніемъ подсудимаго и не имѣлъ достаточно смиренія, чтобы покориться приговору изрекающихъ судъ. Когда наступилъ день суда и начали вызывать отсутствующаго, Л. Сципіонъ извинялъ его болѣзнью, которая не допустила его явиться. Извиненія этого трибуны, вызвавшие на судъ, не допускали и обвиняли Сципіона, что онъ не является на судъ отъ той же гордости, съ какою оставилъ судъ, трибуновъ народныхъ и народное собраніе, и онъ въ сопровожденіи тѣхъ, у кого отнялъ вольность и право изречь надъ собою судъ, влача ихъ за собою, какъ будто взятыхъ въ плѣнъ, совершилъ тріумфъ надъ самимъ наро-

домъ Римскимъ, и въ этотъ день увелъ народное собраніе отъ трибуновъ народныхъ въ Капитолій: «и вотъ вамъ (такъ продолжали трибуны) оцѣнка наглости этого человѣка! По его указанію, и подъ его предводительствомъ, оставили вы насъ, а теперь онъ же васъ покинулъ: и до того съ каждымъ днемъ слабѣемъ мы духомъ, что за тѣмъ же человѣкомъ, за которымъ семнадцать лѣтъ тому назадъ, когда онъ имѣлъ въ своей власти флотъ и войско, осмѣлились мы послать въ Сицилію трибуновъ народныхъ и эдиля—схватить его и привесть, за тѣмъ же человѣкомъ, теперь уже сошедшимъ въ ряды частныхъ людей, не дерзнемъ послать — чтобы вытащить его изъ его загороднаго дома и привлечь на судъ». Трибуны народные, къ которымъ аппеллировалъ Л. Сципіонъ, опредѣлили такъ: «буде подсудимый извиняется болѣзнью, то заблагоразсудили они принять это оправданіе и просить товарищей назначить другой срокъ, болѣе отдаленный». Въ это время трибуномъ народнымъ былъ Ти. Семпроній Гракхъ, у котораго были личныя неудовольствія съ П. Сципіономъ. Онъ-то не позволялъ свое имя присоединить къ декрету сотоварищей, и—такъ и всѣ ожидали болѣе печальнаго рѣшенія — составилъ такое опредѣленіе: «Такъ какъ Л. Сципіонъ извиняетъ болѣзнью отсутствіе брата, то считать это объясненіе удовлетворительнымъ. Онъ не допуститъ обвинять П. Сципіона, пока онъ не возвратится въ Римъ; да и тутъ, если онъ къ нему аппеллируетъ, онъ ему окажетъ свое содѣйствіе къ тому, чтобы онъ не оправдывался. Своими дѣяніями, почестями народа Римскаго, Сципіонъ, по единодушному согласію боговъ и людей, достигъ такого величія, что ему стоять подъ Рострами подсудимымъ и выслушивать ругательныя слова молодыхъ людей — безчестно болѣе для народа Римскаго, чѣмъ для него, Сципіона».

53. Къ этому декрету присоединилъ онъ, внушающія негодованіе, размышленія: «неужели, трибуны, у ногъ вашихъ будетъ стоять побѣдитель Африки — Сципіонъ? Не для того ли онъ четырехъ знаменитѣйшихъ вождей Карѳагенскихъ въ Испаніи и четыре ихъ войска разбилъ и обратилъ въ бѣгство? Не

затѣмъ ли онъ взялъ въ плѣнъ Сифакса, уничтожилъ Аннибала, Карѳагенъ сдѣлалъ нашимъ данникомъ, Антіоха (и этой славы товарищемъ принимаетъ брата Л. Сципіонъ) отбросилъ за вершины Тавра — чтобы пасть передъ двумя Петилліями? Не домогаетесь ли вы вѣнка побѣднаго надъ П. Африканомъ? Неужели никакія заслуги, никакія почести не даютъ права знаменитымъ людямъ достигнуть убѣжища покойнаго и какъ бы священнаго, гдѣ бы они могли провесть—если не при всеобщемъ уваженіи, то по крайней мѣрѣ безопасно отъ всякаго насилія—свою старость?» Подѣйствовали и декретъ, и присоединенная къ нему рѣчь не только на прочихъ, но и на самихъ обвинителей; они сказали, что подумаютъ какъ поступить согласно съ ихъ правами и обязанностями. Потомъ, когда народное собраніе было распущено, открылось засѣданіе сената. Тутъ Ти. Гракхъ осыпанъ былъ живѣйшими изъявленіями благодарности отъ всего сословія, а въ особенности отъ бывшихъ прежде консуловъ и вообще людей престарѣлыхъ, за то, что онъ дѣло общее поставилъ выше своихъ частныхъ неудовольствій. Петилліи были осыпаны упреками за то, что хотѣли пріобрѣсть извѣстность, черня другихъ и какъ бы поживиться насчетъ Африкана. Тутъ все замолкло объ Африканѣ; жилъ онъ въ Литернѣ, не скучая по городѣ. Умирая въ деревнѣ, онъ велѣлъ себя и похоронить тутъ и воздвигнуть памятникъ, не желая, чтобы неблагодарное отечество оказало ему почести погребенія. Человѣкъ, достойный памяти: первая часть его жизни знаменита болѣе военными, чѣмъ мирными, подвигами, такъ какъ молодость его была посвящена вся военной службѣ: съ наступленіемъ же старости отцвѣли его дѣла и не было достаточной пищи для способностей. Что прибавило къ первому консульству второе, даже включая цензуру? Что было толку и въ Азіатской поѣздкѣ, безполезной вслѣдствіе собственной болѣзни и вредной по приключенію съ сыномъ, поставившему его въ необходимость или подчиниться суду, или покинуть отечество? Приведенія же къ концу войны съ Карѳагенянами,—значительнѣе и опаснѣе для Римлянъ не было ни

одной — слава принадлежитъ преимущественно одному Сципіону.

54. Съ смертью Африкана сдѣлались смѣлѣе его недоброжелатели: первое мѣсто занималъ тутъ М. Порцій Катонъ; онъ и при жизни Сципіона неразъ побрехивалъ на его величіе. Думаютъ, что по его наущенію, Петилліи при жизни Африкана взялись за дѣло, а, по его смерти, внесли народу предложеніе; оно заключалось въ слѣдующемъ: «признаете ли вы, граждане, за благо и повелители ли вы произвесть изслѣдованіе — какія именно деньги были взяты, унесены, выжаты у царя Антіоха и у тѣхъ, которые подъ его властью; сколько ихъ не внесено въ общественную казну, пусть объ этомъ доложитъ сенату городской преторъ Серв. Сульпицій? Кому изъ нынѣ находящихся на лицо преторовъ изслѣдованіе объ этомъ поручитъ сенатъ»? Это предложеніе встрѣтило было сначала противудѣйствіе со стороны К. и Л. Муммія: они полагали справедливымъ—поручить, какъ прежде обыкновенно дѣлалось, самому сенату изслѣдованіе о суммахъ, въ казнохранилище невнесенныхъ. Петилліи винили аристократію и господство Сципіоновъ въ сенатѣ. Бывшій прежде консуломъ, Л. Фурій Пурпурео, въ числѣ десяти уполномоченныхъ находившійся въ Азіи, полагалъ расширить еще предложеніе—произвесть изслѣдованіе не только о деньгахъ, взятыхъ недавно у Антіоха, но и у другихъ царей и народовъ, имѣя въ виду сдѣлать непріятность своему недругу—Кн. Манлію. Л. Сципіонъ—относительно котораго ясно было, что ему приходится говорить не столько противъ закона, сколько въ свою собственную защиту, выступилъ противникомъ. Онъ жаловался на то, что обвиненіе возникло послѣ смерти брата его П. Африкана, человѣка, столь достопамятнаго и знаменитаго: «недостаточно было того, что П. Африкану послѣ его смерти не было похвальнаго слова съ Ростръ, а теперь уже и обвиненіе на него взводятъ. Карѳагеняне удовольствовались ссылкою Аннибала: народъ же Римскій не можетъ насытиться и самою смертью Сципіона, а домогается растерзать славу и похороненнаго; кромѣ того необходимо зависти, какъ дополненіе — принесеніе въ жертву брата». М. Катонъ го-

ворилъ въ защиту предложенія (существуетъ рѣчь его о деньгахъ царя Антіоха) и на Мумміевъ трибуновъ употребилъ онъ свое вліяніе—чтобы они не противились предложенію, и когда они оставили свое противудѣйствіе, то всѣ трибы приняли предложеніе.

55. За тѣмъ, по докладу Сер. Сульпиція—кому поручатъ изслѣдованіе по Петиллиеву предложенію, сенаторы назначили К. Теренція Куллеона. У этого то претора, по однимъ извѣстіямъ до того привязаннаго къ семейству Корнеліевъ, что онъ когда въ Римѣ умеръ Сципіонъ—есть вѣдь и такого рода преданіе — и его выносили, въ той же шапкѣ, въ какой шелъ за тріумфомъ, сопровождалъ и погребальное шествіе, идя впереди катафалка; у Капенскихъ воротъ угощалъ онъ медомъ всѣхъ, участвовавшихъ въ печальной процессіи за то, что онъ въ числѣ другихъ плѣнныхъ освобожденъ въ Африкѣ Сципіономъ; по другимъ извѣстіямъ до того враждебнаго, что за свое извѣстное недоброжелательство тою партіею, которая была непріязненна Сципіонамъ, потому самому и избранъ для производства изслѣдованія—во всякомъ случаѣ какъ бы то ни было, но у этого претора, или черезъ чуръ справедливаго или вовсе несправедливаго—немедленно сдѣлался подсудимымъ Л. Сципіонъ. Вмѣстѣ съ нимъ подверглись доносу и записаны поименно его уполномоченные—А. и Л. Гостиліи, Катоны и квесторъ К. Фурій Акулеонъ и чтобы показать, что всѣ остались нечужды общенія во взяткахъ—даже два писца и одинъ приставъ. Л. Гостиліи, писцы и приставъ, прежде чѣмъ произведено сужденіе надъ Сципіономъ оправданы: Сципіонъ, легатъ А. Гостилій и К. Фурій подверглись осужденію: «за то, чтобы снисходительнѣе дать миръ Антіоху Сципіонъ шесть тысячь фунтовъ золота, четыреста восемьдесять серебра получилъ болѣе, чѣмъ сколько внесъ въ казнохранилище; А. Гостилій—восемьдесятъ фунтовъ золота, четыреста три серебра; Фурій квесторъ золота сто тридцать фунтовъ, серебра двѣсти.» Эти суммы золота и серебра нашелъ я упомянутыми у Антіата. Относительно Л. Сципіона предпочелъ бы я видѣть ошибку писца скорѣе, чѣмъ ложное показа-

ніе историка, въ количествѣ золота и серебра. Гораздо правдоподобнѣе предположеніе, что серебра вѣсомъ было болѣе чѣмъ золота, и ближе къ истинѣ цѣнность иска опредѣлить въ четыре милліона, чѣмъ въ двадцать четыре: тѣмъ болѣе, что, по преданію, сенатъ требовалъ отчета отъ П. Сципіона именно въ первой суммѣ: отчетную книгу подсудимый приказалъ принести брату Луцію, и въ глазахъ сенаторовъ самъ собственными руками изорвалъ, въ негодованіи за то, что отъ него, внесшаго въ казначейство двѣсти милліоновъ, требуютъ отчета въ четырехъ. Съ тою же самоувѣренностью—когда квесторы не смѣли вопреки закона вынуть деньги изъ казнохранилища—онъ потребовалъ ключи и говорилъ, что откроетъ казнохранилище, такъ какъ онъ же самъ виновникъ, что оно заперто.

56. Много другихъ, весьма разнообразныхъ, преданій сохранилось преимущественно о послѣднихъ дняхъ его жизни, о судѣ надъ нимъ, о смерти, погребеніи и надгробномъ памятникѣ, такъ что я остаюсь въ нерѣшимости, какому слуху и какимъ сочиненіямъ вѣрить. Относительно обвинителя также мало согласія: одни пишутъ, что позвалъ Сципіона на судъ М. Невій, а другіе—Петилліи. Такое же разногласіе и относительно дня назначенія суда, а также и относительно года, въ которомъ онъ померъ, относительно мѣста гдѣ умеръ и погребенъ. Одни говорятъ, что онъ въ Римѣ, а другіе въ Литернѣ и умеръ и положенъ: и тамъ, и тутъ показываютъ и памятники и статуи. Въ Литернѣ существуетъ памятникъ и на немъ была поставлена статуя; ее сброшенную бурею, недавно мы сами видѣли. И въ Римѣ, внѣ Капенскихъ воротъ, на памятникѣ Сципіоновъ, находятся три статуи: изъ нихъ какъ говорятъ двѣ П. и Л. Сципіона, а третья поэта К. Эннія. И не между одними историками существуетъ разногласіе, но самыя рѣчи, если только имъ принадлежатъ тѣ, которыя выдаютъ за такія—П. Сципіона и Ти. Гракха, между собою много разнятся. Въ заголовкѣ рѣчи П. Сципіона приводится имя М. Невія, трибуна народнаго: въ самой же рѣчи онъ не упоминаетъ вовсе имени обвинителя

а называетъ его то негодяемъ, то выдумщикомъ. Да и въ рѣчи Гракха вовсе не упоминается о Петилліяхъ, обвинителяхъ Африкана или о днѣ суда, назначенномъ Африкану. Совершенно другой разсказъ надобно составить, чтобы согласить его съ рѣчью Гракха, и необходимо слѣдовать тѣмъ авторамъ, которые говорятъ, что въ то время, когда Л. Сципіонъ былъ обвиненъ и осужденъ въ томъ, что, онъ взялъ деньги отъ царя, Африканъ былъ легатомъ въ Этруріи: когда достигъ туда слухъ о случаѣ постигшемъ брата, то онъ, бросивъ все порученіе, поскакалъ въ Римъ. Прямо съ дороги бросился онъ на форумъ—говорили, что брата его ведутъ въ темницу и онъ оттолкнулъ уже захватившаго его сторожа и когда трибуны его удерживали, то онъ и противъ нихъ употребилъ силу, слѣдуя скорѣе внушенію любви братской, чѣмъ вѣжливости. Вслѣдствіе того-то Гракхъ жалуется, что частный человѣкъ посягнулъ на власть трибуновъ и наконецъ, обѣщая свою защиту Л. Сципіону, онъ прибавилъ—пусть же лучше трибунъ народный, чѣмъ частный человѣкъ восторжествуетъ и надъ трибунскою властью и надъ общественнымъ дѣломъ. Но до того зависть старалась преувеличить эту его незначительную обиду, что ставя ему въ вину то, что онъ до такой степени измѣнилъ самъ себѣ, примѣры прежнихъ похвальныхъ дѣйствій умѣренности и скромности воздаетъ ему въ замѣнъ теперешняго осужденія. Такъ упоминаютъ, что онъ нѣкогда пенялъ народъ за то, что тотъ хотѣлъ было сдѣлать его безсмѣннымъ консуломъ и диктаторомъ: воспрепятствовалъ поставить себѣ статуи на мѣстѣ народныхъ собраній, на Ростpахъ, въ зданіи сената, въ Капитоліѣ, въ келіи Юпитера; не допустилъ составить опредѣленіе, чтобы его изображеніе вынести въ торжественномъ облаченіи изъ храма Юпитера Всеблагаго и Великаго.

57. Все это, будь сказано и въ похвальномъ словѣ, обнаружило бы гражданское величіе духа въ ограниченіи собственныхъ почестей обязанностями гражданина; а тутъ высказываваетъ ихъ недругъ въ обвиненіи. Что этому Гракху отдана была въ замужство младшая изъ двухъ дочерей (о старшей

нѣтъ сомнѣнія, что она отдана отцемъ за мужъ за П. Корнелія Назику), въ томъ показанія довольно согласны. Одно только несовсѣмъ хорошо извѣстно; послѣ смерти ли отца она и просватана, и вышла за мужъ, или справедливы тѣ разсказы, что Гракхъ, когда Л. Сципіона вели въ темницу, и никто изъ трибуновъ не хотѣлъ за него заступиться, далъ клятву: «его недружба съ Сципіонами какъ была, такъ и останется; и вовсе дѣлаетъ онъ это не для снисканія ихъ благодарности; но недопуститъ, чтобы въ ту темницу, въ которую видѣлъ онъ какъ П. Африканъ водилъ царей и вождей непріятельскихъ, отвели его брата!»—Случилось, что сенаторы въ этотъ день обѣдали въ Капитоліѣ; они всѣ встали и просили, чтобы тутъ же, во время пиршества, Африканъ просваталъ дочь свою Гракху. Послѣ того какъ здѣсь публично совершенъ по обычаю торжественный сговоръ, Сципіонъ, прійдя домой, сказалъ своей супругѣ Емиліѣ, что просваталъ свою младшую дочь. Она вдругъ, какъ свойственно женщинѣ, вспыхнула негодованіемъ за то, что о дочери, имъ обще принадлежащей, совѣта спрошено не было, и сказала, что хотя бы онъ ее Ти. Гракху отдавалъ, и то неслѣдовало бы скрывать отъ матери это намѣреніе. Обрадовался Сципіонъ, столь согласному съ нимъ, мнѣнію и отвѣчалъ, ему то самому и просваталъ. Вотъ что необходимо было изложить о столь знаменитомъ человѣкѣ, хотя тутъ и предположенія и литературные памятники выражаются весьма разнообразно.

58. По приведеніи къ концу судебнаго изслѣдованія преторомъ К. Теренціемъ, Гостилій и Фурій осуждены, и въ тотъ же день представили городскимъ квесторамъ поруки. Сципіонъ утверждалъ, что всѣ деньги, какія получилъ, внесъ въ казнохранилище, и что у него ничего не осталось принадлежащаго государству; его приступили было весть въ темницу. П. Сципіонъ Назика аппеллировалъ къ трибунамъ и сказалъ рѣчь, приносящую много справедливой чести не только вообще роду Корнеліевъ, но въ особенности его семейству: «родоначальниками его, П. Африкана и Л. Сципіона, того, котораго хотятъ весть въ тюрьму, были Кн. и П. Сципіонъ, знаменитѣй-

шіе мужи. Они, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ въ Испаніи противу многихъ вождей и воиновъ Карфагенскихъ и Испанскихъ, возвеличили славу имени Римскаго, не только на войнѣ, но и представили народамъ того края образчики умѣренности и вѣрности Римлянъ, и наконецъ оба за отечество умерли насильственною смертью. Достаточно казалось бы для потомковъ только поддерживать ихъ славу, но П. Африканъ на столько славою превзошелъ своихъ предковъ, что вселилъ убѣжденіе, яко бы онъ божественнаго происхожденія, а не отъ крови и плоти человѣческой. Что же касается до Л. Сципіона, о которомъ идетъ дѣло, то, опустивъ даже все, совершенное имъ въ Испаніи и Африкѣ въ качествѣ помощника его брата, не счелъ ли сенатъ его консуломъ достойнымъ того, чтобы ему внѣ очереди представлена была въ декретѣ провинціею — Азія и веденіе войны съ Антіохомъ, и самый братъ, послѣ двухъ консульствъ, цензуры и тріумфа отправился въ Азію въ качествѣ его легата. Тамъ, дабы величіе и блескъ легата не затмѣвали чести консульской, случилось такъ, что въ тотъ день, когда у Магнезіи Л. Сципіонъ побѣдилъ Антіоха въ открытомъ бою, П. Сципіонъ находился больной въ Елеѣ, на разстояніи нѣсколькихъ дней пути. И войско Антіохово было не меньше Ганнибалова, съ которымъ приходилось сражаться въ Африкѣ. Тотъ же самый Аннибалъ, который былъ главнымъ полководцемъ въ войнѣ съ Карѳагенянами, находился тутъ же въ числѣ многихъ царскихъ вождей. И война притомъ такъ ведена, что на судьбу поклепать никто не можетъ: въ мирное время домогаются обвинять: говорятъ, что онъ продалъ заключеніе мира; но тутъ вмѣстѣ взводится обвиненіе и на десять уполномоченныхъ, съ общаго совѣта съ коими миръ заключенъ. Развѣ не явилось изъ числа десяти легатовъ обвинителя для Кн. Манлія? Впрочемъ это обвиненіе не только не было достаточно сильно, чтобы дать вѣру преступленію, но оно даже не могло замедлить тріумфа.

59. Впрочемъ, по истинѣ, относительно Сципіона подозрительны самыя условія мира, какъ слишкомъ выгодныя для Антіоха.

Царство его оставлено въ полномъ составѣ: и послѣ пораженія владѣетъ онъ тѣмъ же, чѣмъ до войны. Изъ огромнаго количества золота и серебра, которымъ онъ владѣлъ, можетъ быть ничего не внесено въ общественную сокровищницу и все сдѣлалось частнымъ достояніемъ? Да развѣ не всѣ мы были свидѣтелями, что, во время тріумфа Л. Сципіона, внесено столько золота и серебра, сколько не было и въ десяти другихъ тріумфахъ, сложивъ все вмѣстѣ? А что же мнѣ сказать о предѣлахъ царства? Всю Азію и ближайшія мѣста Европы удержалъ Антіохъ? Какова та страна свѣта, которая, отъ Таврскаго горнаго хребта выдается въ Егейское море, сколько заключаетъ она въ себѣ не городовъ только, но и народовъ — всѣмъ извѣстно. Эта страна въ длину болѣе чѣмъ на тридцать дней пути, въ ширину между двухъ морей на десять дней пути, до самыхъ вершинъ Тавра отнята у Антіоха и онъ прогнанъ въ отдаленный уголъ населенной земли. Еслибы миръ и дѣйствительно ничего не стоилъ, то можно ли было бы отнять больше? Побѣжденному Филиппу оставлена Македонія, а Набису Лакедемонъ, да и Квинкцію не ставили этого въ вину; у него не было братомъ Африкана. Между тѣмъ какъ слава его должна была бы принесть пользу Л. Сципіону, зависть повредила. Предполагаютъ, что столько внесено золота и серебра въ домъ Л. Сципіона, сколько, если продать все его имущество, собрать невозможно будетъ. Итакъ гдѣ же это царское золото? Гдѣ столько полученныхъ наслѣдствъ? Въ домѣ, не истощенномъ издержками, слѣдовало бы накопиться значительному состоянію. Впрочемъ, чего съ имущества нельзя будетъ взыскать, то недоброжелатели Сципіона постараются вымѣстить на самомъ Сципіонѣ притѣсненіями и ругательствами. Пусть человѣка столь знаменитаго запрутъ въ одну тюрьму съ ночными ворами и разбойниками, пусть онъ испуститъ дыханье въ дубовой мрачной кельѣ: потомъ пусть онъ будетъ обнаженный выброшенъ передъ тюрьмою. Не пришлось бы за все это краснѣть скорѣе городу Риму, чѣмъ роду Корнеліевъ»!

60. Противъ этого преторъ Теренцій прочелъ Петилліево-

предложеніе, сенатское опредѣленіе и приговоръ, произнесенный надъ Л. Сципіономъ: а про себя сказалъ, что ему, если не будетъ государству представлена та денежная сумма, какая означена въ приговорѣ, больше ничего не остается какъ отдать приказаніе схватить осужденнаго и отвесть въ тюрьму. Трибуны отошли на совѣщаніе; не много спустя К. Фанній объявилъ мнѣніе свое и всѣхъ товарищей, кромѣ Гракха: «претору не препятствуютъ трибуны — употребить въ дѣло принадлежащую ему власть». Ти. Гракхъ высказалъ такое опредѣленіе; «не препятствуетъ онъ претору присужденную сумму денегъ взыскивать съ имѣнія Л. Сципіона. Но самого Л. Сципіона того, который побѣдилъ государя самого богатаго на всемъ земномъ шарѣ, власть народа Римскаго распространилъ на самыя отдаленныя края земли,—царя Евмена, Родосцевъ и столько другихъ государствъ Азіи связалъ благодѣяніями народа Римскаго, многихъ вождей непріятельскихъ велъ за собою въ торжественномъ поѣздѣ и заключилъ въ тюрьму, не допустить заключить и посадить въ тюрьму и въ оковы вмѣстѣ съ врагами народа Римскаго, и отдаетъ приказаніе его выпустить». Съ такимъ одобреніемъ выслушанъ этотъ декретъ и дотого съ радостію граждане видѣли Сципіона отпущеннымъ, что едва вѣрилось, чтобы въ томъ же самомъ городѣ произнесено было надъ нимъ сужденіе. Потомъ для отобранія на государство имущества Сципіонова преторъ послалъ квесторовъ, и въ немъ не только не оказалось ни малѣйшаго слѣда денегъ, будто бы отъ царя полученныхъ, но далеко не собрано той суммы, какая съ него приговорена. Деньги внесены родственниками, друзьями и кліентами Л. Сципіона и если бы онъ ихъ принялъ, то былъ бы даже богаче, чѣмъ до постигшаго его несчастья; но онъ ничего не взялъ, а только предметы, необходимые для жизни, выкуплены ближайшими его родственниками. Непріязненное чувство, которое питали къ Сципіонамъ, обратилось на претора, совѣтъ его и обвинителей.

Перевелъ *А. Клевановъ.*

1865 года.
Января 20-го.
С.-Петербургъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

СОДЕРЖАНІЕ.

при помощи Этолійцевъ и Атамановъ.—Л. Квинкцій Фламининъ, братъ консула, вслѣдствіе морской битвы, въ которой ему помогаютъ царь Атталъ и Родосцы, переходитъ на островъ Евбею, беретъ тутъ Ертрію и покоряетъ все прибрежье. — Ахейцы приняты въ число союзниковъ народа Римскаго. — Заговоръ рабовъ съ цѣлью освободить Карѳагенскихъ заложниковъ, открытъ и наказанъ.—Число преторовъ увеличено до десяти. — Консулъ Корнелій Цетегъ наноситъ Галламъ Инсубрамъ страшное пораженіе.—Союзъ съ тираномъ Набисомъ и Лакедемонцами, взятіе многихъ мѣстъ въ Македоніи, стр. 177.

Книги тридцать третьей. — Битва въ Ѳессаліи при Кинокефалахъ; проконсулъ Титъ Квинкцій Фламининъ выигрываетъ ее у Филиппа, и этою побѣдою полагаетъ конецъ войнѣ Македонской.— Л. Квинкцій Фламининъ, братъ проконсула, беретъ силою Левкаду, столицу Акарнаніи, и взятіе этого города влечетъ за собою покорность всей страны. — Преторъ К. Семпроній Тудитанъ погибаетъ со всею арміею въ сраженіи противъ Цельтиберовъ. — Атталъ заболѣваетъ въ Ѳивахъ и умираетъ въ Пергамѣ, куда онъ приказываетъ себя перенесть. — Римъ даетъ миръ Филиппу съ возвращеніемъ Греціи свободы. — Консулы Л. Фурій Пурпуреонъ и М. Клавдій Марцеллъ покоряютъ Боіевъ и Галловъ Инсубрскихъ. — Тріумфъ Марцелла, тщетныя усилія Аннибала возжечь войну въ Африкѣ, начальники противной партіи пишутъ въ Римъ доносъ, отправляется по этому случаю посольство въ Карѳагенъ. — Въ опасеніи быть выданнымъ Римлянамъ, Аннибалъ спасается бѣгствомъ ко двору царя Сиріи Антіоха, собиравшагося начать войну съ Римлянами, стр. 105.

Книги тридцать четвертой. — Послѣ продолжительныхъ преній отмѣненъ законъ Оппіевъ, изданный трибуномъ народнымъ К. Оппіемъ въ предупрежденіе роскоши женской, не смотря на усилія М. Порція Катона отстоять этотъ законъ. — Консулъ отправляется въ Испанію и начинаетъ въ Емпоріяхъ войну, которая кончается покореніемъ всей ближней Испаніи.—Т. Квинкцій Фламининъ не менѣе счастливъ въ походѣ противъ Лакедемонянъ и ихъ царя Набиса — результатомъ миръ, котораго условія предписываетъ побѣдитель и освобожденіе Аргоса, стенавшаго подъ игомъ тиранна. — Сенатъ занимаетъ въ первый разъ во время празднованія игоръ мѣсто, отдѣльное отъ простаго народа; такое отличіе доставлено ему попеченіемъ цензоровъ Секс. Элія Пета и К. Корнелія Цетега къ великому неудовольствію народа. — Основаніе многихъ колоній. — М. Порцій Катонъ получаетъ почести тріумфа з а Испанію.—Происшествія въ Испаніи и побѣды надъ Инсубрами и Боями.—Тріумфъ Т. Квинкція, побѣдителя Филиппа и Набиса, тирана Лакедемонскаго и освободителя всей Греціи— торжественное шествіе продолжается три дня, соотвѣтственно числу и важности его подвиговъ.— Карѳагенскіе посланники приносятъ въ Римъ извѣстіе о военныхъ приготовленіяхъ, дѣлаемыхъ Антіохомъ при содѣйствіи Аннибала и о попыткѣ послѣдняго вооружить противъ Римлянъ и Карѳагенянъ посредствомъ Тирскаго шпіона, именемъ Аристона, присланнаго безъ всякихъ вѣрющихъ документовъ, стр. 158.

Книги тридцать пятой. — Сципіона Африканскаго отправляютъ посломъ къ Антіоху, его свиданіе въ Ефесѣ съ Аннибаломъ, поступившимъ на службу къ этому государю, тщетно старается Аннибалъ преодолѣть опасеніе, внушаемое ему ненавистью Римлянъ; между прочими вопросами, Сципіонъ спрашивалъ его: кто по его мнѣнію величайшій полководецъ и получилъ въ отвѣтъ: Александръ, такъ какъ онъ съ горстью воиновъ побѣдилъ громадныя полчища и проникъ въ страны, дотолѣ недоступныя честолюбію смертныхъ.—Пирръ заслуживаетъ, по его мнѣнію, второе мѣсто, такъ какъ онъ придумывалъ устроивать лагери и хорошо изучилъ науку положеній и тактику военную; наконецъ третье мѣсто Аннибалъ безъ запинки назначилъ себѣ— а что же бы ты сказалъ, замѣтилъ на это Сципіонъ, еслибы ты побѣдилъ меня? — Тогда бы я — отвѣтилъ Аннибалъ, поставилъ себя выше и Александра, и Пирра, и всѣхъ полководцевъ. — Въ числѣ многихъ чудесныхъ явленій, о которыхъ получено извѣстіе, объявлено, что быкъ, принадлежащій консулу Кн. Домицію, произнесъ явственно слова: «Римъ, берегись».—Приготовленія къ войнѣ противъ Антіоха—Набисъ, тиранъ Лакедемонскій, по убѣжденію Этолійцевъ, возбуждавшихъ Антіоха и Филиппа взяться за оружіе, оставилъ сторону Римлянъ и въ войнѣ противъ Филопемена, претора Ахейскаго союза, убитъ Алексаменомъ, начальникомъ Этолійцевъ. Тѣ отказываются также отъ службы народа Римскаго. — Антіохъ, царь Сиріи, сдѣлался ихъ союзникомъ, обратилъ оружіе въ Грецію и овладѣлъ многими городами, между прочимъ Халкидою и всею Евбеею. — Походы въ Лигурію, приготовленія къ войнѣ съ Антіохомъ, стр. 226.

Книги тридцать шестой.—Консулъ Манлій Ацилій Глабріонъ, при помощи Филиппа, поражаетъ Антіоха у Ѳермопилъ, выгоняетъ его изъ Греціи и покоряетъ Этолійцевъ. — Консулъ П. Сципіонъ Назика освящаетъ храмъ матери боговъ, которую онъ самъ перенесъ на Палатин-

скую гору, будучи признанъ сенатомъ самымъ добродѣтельнымъ гражданиномъ изъ всего государства.—Онъ побѣждаетъ боговъ въ правильной битвѣ, принимаетъ ихъ покорность и торжествуетъ надъ ними.— Разные успѣхи морскихъ силъ Римскихъ надъ полководцами Антіоха, стр. 282.

Книги тридцать седьмой. — Консулы Л. Корнелій Сципіонъ и К. Лелій спорятъ другъ съ другомъ о провинціяхъ Греціи и Азіи. — Вліяніе Лелія въ сенатѣ давало было ему перевѣсъ, но противникъ его восторжествовалъ, благодаря брату Сципіону Африканскому, предложившему быть у него легатомъ, если ему будетъ ввѣрено веденіе войны противъ Антіоха; такимъ образомъ Л. Корнелій Сципіонъ, первый изъ вождей Римскихъ, перешелъ въ Азію. — Эмиллій Региллъ, при содѣйствіи Родосцевъ, побѣждаетъ Антіоховъ флотъ у Міоннеза. — Антіохъ беретъ въ плѣнъ сына Сципіона Африканскаго и отсылаетъ его къ отцу. — Манлій Ацилій Глабріонъ получаетъ почесть тріумфа надъ Этолійцами и Антіохомъ, котораго онъ успѣлъ выгнать изъ Греціи. — Антіохъ побѣжденъ Л. Сципіономъ при содѣйствіи царя Евмена, сына Аттала Пергамскаго; онъ получаетъ миръ на условіи очистить всѣ провинціи по сю сторону Тавра. — Владѣнія Евмена увеличены за его содѣйствіе въ этой войнѣ.—Родосцы получаютъ также нѣсколько городовъ въ благодарность за помощь, оказанную ими въ эту войну. — Отведена колонія въ Болонію. Емилій Региллъ получилъ почесть морскаго тріумфа за морскую побѣду надъ полководцами Антіоха.- Л. Корнелій Сципіонъ, окончивъ войну противъ Антіоха, получилъ прозваніе Азіатскаго, точно также какъ побѣда надъ Аннибаломъ доставила брату его П. Сципіону наименованіе *Африканскаго*, стр. 331.

Книги тридцать восьмой. — Консулъ М. Фульвій осаждаетъ Амбракію въ Епирѣ и беретъ ее на условіи, онъ покоряетъ островъ Кефалонію, Етолію и даруетъ миръ Етолійцамъ. Кн. Манлій, его товарищъ, поражаетъ Галло-Грековъ, Толистобоіевъ, Токтасаговъ и Тронкміеновъ, перешихъ въ Азію подъ предводительствомъ Бренна, они одни изъ всѣхъ народовъ по сю сторону Тавра не признавали еще надъ собою власти Римлянъ. — Происхожденіе ихъ и водвореніе въ Азіи. — Мужество и цѣломудріе Галльской женщины, супруги Ортіагона, царя Галло-Грековъ: взятая въ плѣнъ Римлянами, она убила караулившаго ее сотника, посягнувшаго на ея честь. — Цензоры окончили перепись, сочли граждан двѣсти пятьдесятъ восемь тысячъ триста двадцать восемь. — Союзный договоръ съ Аріаратомъ, царемъ Каппадокіи. — Кн.

Манлій защищаетъ свое дѣло передъ сенатомъ и получаетъ почести тріумфа, не смотря на противудѣйствіе десяти уполномоченныхъ, съ согласія которыхъ онъ заключилъ миръ съ Антіохомъ. — Сципіонъ Африканскій обвиненъ трибуномъ К. Петиліемъ, а, по другому источнику, трибуномъ К. Невіемъ въ томъ, что онъ скрылъ часть добычи, взятой у Антіоха. — Въ день суда, взойдя на трибуну, онъ вскричалъ: Римляне, сегодня я побѣдилъ Карѳагенъ и сойдя съ трибуны, отправился въ Капитолій, куда за нимъ послѣдовалъ и весь народъ. — Затѣмъ, уклоняясь отъ преслѣдованія трибуновъ, онъ удалился въ Литернъ, гдѣ и провелъ остатокъ дней своихъ въ добровольной ссылкѣ. — Неизвѣстно впрочемъ, не умеръ ли онъ въ Римѣ, такъ какъ его могилу показываютъ въ двухъ мѣстахъ. — Сципіонъ Азіатическій обвиненъ, какъ и братъ, въ похищеніи общественныхъ денегъ, осужденъ и его вели въ тюрьму; но трибунъ Тиберій Гракхъ, дотолѣ врагъ Сципіона, вырвалъ его у ликторовъ и за эту услугу получилъ руку дочери Сципіона Африканскаго. — Квесторы, которымъ поручено было конфисковать имущество Сципіона, не только не нашли никакихъ сокровищъ царскихъ, но отъ продажи всего имущества не могли даже выручить штрафа, который съ него присужденъ. — Родные и друзья сложились для того и принесли ему значительную сумму денегъ, но онъ взялъ только то, что рѣшительно необходимо для жизни, стр. 402.